

О

НАРОДНОМЪ

ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВѢ.

Б. ЧИЧЕРИНА.

МОСКВА.
Типографія Грачева и Комп. у Пречистенскихъ воротъ д. Миликовой
1866.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Вопросъ о представительномъ устройствѣ, объ его условіяхъ и послѣдствіяхъ, составляетъ одинъ изъ самыхъ живыхъ интересовъ современной жизни. Съ конца прошедшаго столѣтія, съ тѣхъ поръ, какъ Французская революція дала новый толчекъ либеральнымъ идеямъ, народы западной Европы неудержимо стремятся къ представительнымъ учрежденіямъ. Борьба между требованіями свободы и правительствами, которыя стараются ихъ воздерживать, наполняетъ всю первую половину XIX-го вѣка и продолжается доселѣ. Вѣсы склоняются то на ту, то на другую сторону: то свобода бурнымъ потокомъ пробиваетъ себѣ путь сквозь всѣ преграды, то опять торжествуетъ реакція, и народы, далѣе всѣхъ ушедшіе въ своихъ требованіяхъ, ревностно возстановляютъ упавшее начало власти. Если въ настоящее время, вся западная Европа усвоила себѣ начала конституціонной монархіи, то за исключеніемъ Англіи, нѣтъ почти страны, въ которой бы представительный порядокъ успѣлъ утвердиться на прочныхъ основахъ.

Такая же шаткость господствуетъ и въ теоріи. Существенныя черты представительнаго устройства болѣе или менѣе признаются всѣми; изъ опыта и науки успѣла выработаться опредѣленная система. Но въ подробностяхъ, и весьма важныхъ, далеко не установилось единомысліе. Самые живые вопросы, вопросы о преобладаніи того или другаго элемента, остаются нерѣшенными. Одни требуютъ парламентскаго правленія, другіе стоятъ за независимую силу монархической власти Затихшая послѣ французской революціи борьба между монархическимъ нача

ломъ и республиканскимъ, возгорѣлась снова. Вѣчный споръ между аристократіею и демократіею продолжается и теперь. Но въ особенности, не выяснены условія представительнаго порядка. Въ этомъ отношеніи, конституціонная теорія представляетъ самый существенный пробѣлъ.

Что требуется для водворенія и поддержанія представительныхъ учрежденій? гдѣ и когда они приложимы? на чемъ основана ихъ сила? Вотъ вопросы, которые въ настоящее время сдѣлались менѣе ясны, нежели когда либо. Была пора, когда думали, что сила разума сама собою способна установить въ обществѣ свободу, что народамъ стоитъ пожелать, чтобы стяжать всѣ благодѣянія представительнаго порядка. Суровые уроки исторіи разрушили эти мечты. Неоднократный опытъ, еще недавно повторенный, показалъ, какъ недолговѣчны идеальныя построенія. Теперь, политическіе мыслители отъ теоріи обратились къ жизни; они стараются изслѣдовать общественныя силы и въ нихъ найти основы для политическаго зданія. Но разработка этихъ вопросовъ едва начинается; положительныхъ результатовъ пока еще нѣтъ. Одни видятъ краеугольный камень политической свободы въ личныхъ правахъ, другіе въ мѣстномъ самоуправленіи, тѣ и другіе одинаково неосновательно. Изъ современныхъ публицистовъ, которые занимались этимъ вопросомъ, выше всѣхъ безспорно стоитъ Гнейстъ. Онъ хотѣлъ сдѣлать для конституціонной монархіи то, что Токвиль сдѣлалъ для демократіи. Тотъ отправился изучать демократическія учрежденія въ типической для нихъ странѣ, въ Сѣверной Америкѣ, и представилъ полную и вѣрную картину внутренняго быта Соединенныхъ Штатовъ. Гнейстъ взялъ классическую страну конституціонной монархіи, Англію, и въ мельчайшихъ подробностяхъ изобразилъ ея управленіе. Но къ сожалѣнію, онъ смотрѣлъ на свой предметъ далеко не безпристрастно. Онъ хотѣлъ изъ англійской жизни извлечь уроки для своихъ соотечественниковъ, а постороннія цѣли обыкновенно мѣшаютъ правильному взгляду на вещи. Въ самой Англіи, онъ устремилъ все свое вниманіе на одну только сторону, упущенную прежними изслѣдователями, на мѣстное самоуправленіе; онъ выдвинулъ его на первый планъ и поставилъ его въ основаніе всей

англійской конституціи, что въ сущности не болѣе, какъ произвольное предположеніе. Изучая предметъ, Гнейстъ ненамѣренно преувеличивалъ себѣ его значеніе и вносилъ въ него свои собственные взгляды. Даже мѣстное самоуправленіе онъ изслѣдовалъ съ одностороннею мыслью, которая не оправдывается имъ самимъ выставленными фактами. Онъ явился рѣшительнымъ приверженцемъ одной только формы англійскаго областнаго устройства, той, которая вытекла изъ господства аристократіи, и которая въ новѣйшее время, съ усиленіемъ среднихъ классовъ, уступаетъ мѣсто инымъ началамъ. Въ водвореніи выборнаго права въ областяхъ Гнейстъ видитъ упадокъ англійской конституціи. Съ этими выводами согласиться невозможно. Сочиненіе, замѣчательное по своей учености, остается безплоднымъ по своимъ результатамъ. Во всякомъ случаѣ, изслѣдованіе учрежденій и быта одного государства недостаточно для всесторонняго пониманія предмета. Только сравнительное изученіе исторіи представительнаго порядка у различныхъ народовъ можетъ привести къ точнымъ заключеніямъ. А къ этому доселѣ никто не приступалъ. Такимъ образомъ, вопросъ объ условіяхъ представительнаго порядка едва затронутъ. Для изслѣдованія открывается здѣсь самое обширное поле.

Русскій писатель, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, находится въ счастливомъ положеніи касательно всѣхъ этихъ вопросовъ. У насъ, они до сихъ поръ не имѣли практическаго значенія, а потому мы можемъ относиться къ нимъ вполнѣ безпристрастно. У насъ нѣтъ и тѣхъ одностороннихъ взглядовъ, которые вырабатываются историческою жизнью народа. Наконецъ, мы не причастны тѣмъ глубокимъ предубѣжденіямъ, которыя раздѣляютъ Нѣмцевъ, Французовъ и Англичанъ. Въ качествѣ посторонниxъ зрителей, мы можемъ спокойно сравнивать исторію всѣхъ представительныхъ государствъ и дѣлать изъ нея выводы, не искаженные народнымъ самолюбіемъ или односторонними практическими цѣлями. Къ этимъ даннымъ мы можемъ присоединить и собственный свой историческій опытъ, который даетъ намъ по крайней мѣрѣ отрицательные результаты. Русскому человѣку невозможно становиться на

точку зрѣнія западныхъ либераловъ, которые даютъ свободѣ абсолютное значеніе и выставляютъ ее непремѣннымъ условіемъ всякаго гражданскаго развитія. Признать это, значило бы отречься отъ всего своего прошедшаго, отвергнуть очевидный и всеобъемлющій фактъ нашей исторіи, которая доказываетъ яснѣе дня, что самодержавіе можетъ вести народъ громадными шагами на пути гражданственности и просвѣщенія. Мы болѣе, нежели кто нибудь, должны быть убѣждены, что образъ правленія, установленный въ государствѣ, зависитъ отъ свойствъ и требованій народной жизни, и что безусловнаго правила здѣсь быть не можетъ. Но самая эта точка зрѣнія должна привести насъ къ болѣе точному и многостороннему изслѣдованію условій различныхъ образовъ правленія. Въ этомъ отношеніи, наше прошлое не должно съуживать наши взгляды. Русская исторія не мѣшаетъ намъ любить свободу, къ которой, какъ къ высшему идеалу, стремится всякая благородная душа. Особенно въ настоящее время, это начало намъ менѣе чуждо, нежели когда либо. Во имя свободы разрѣшаются вѣковыя связи; великія преобразованія вносятъ ее въ нашъ гражданскій бытъ, въ суды, въ мѣстное управленіе, наконецъ, въ самую печать. Какъ нѣкогда, державною рукою Петра, насаждалось у насъ европейское просвѣщеніе, такъ нынѣ, либеральныя идеи, выработанныя европейскою жизнью, водворяются въ нашемъ отечествѣ. Мы усвоиваемъ ихъ себѣ, приноравливая ихъ къ собственнымъ нашимъ потребностямъ, въ тѣхъ размѣрахъ, какіе допускаются нашею исторіею и жизнью Добытое трудомъ и борьбою достается намъ безъ потрясеній и переворотовъ.

При этомъ новомъ сближеніи съ Европою, вопросъ о развитіи либеральныхъ учрежденій получаетъ для насъ большій интересъ, нежели прежде. Мы сравниваемъ свой собственный бытъ съ чужимъ, чтобъ уяснить себѣ особенности того и другаго. Когда свобода становится основнымъ элементомъ гражданскаго порядка, вниманіе общества естественно устремляется на изученіе тѣхъ формъ, которыя можетъ принимать это начало, и тѣхъ послѣдствій, которыя изъ него вытекаютъ. Что такое свобода? гдѣ ея границы? чѣмъ опредѣляется большее или меньшее ея

развитіе? Таковы вопросы, которые сами собою рождаются въ умахъ. Почннъ преобразованій принадлежитъ верховной власти, но народу принадлежитъ самосознаніе. Оно составляетъ первое условіе всякаго разумнаго развитія; безъ него остаются безплодными самыя полезныя нововведенія. Къ нему стремится и Россія, послѣ того великаго и благотворнаго переворота, которому она подверглась. Вездѣ, и на верху и внизу, и въ столицахъ и въ отдаленныхъ углахъ государства, раздаются политическіе толки, болѣе оживленные, нежели прежде; общественныя дѣла занимаютъ всѣхъ; газеты получаютъ громадное значеніе; вырабатываются направленія, и крайнія, и умѣренныя и реакціонныя; сословія начинаютъ заявлять о своихъ желаніяхъ и стремленіяхъ. Въ этомъ дѣтскомъ лепетѣ свободы слышится незрѣлость нашего общества; но это первый шагъ къ самосознанію. Внезапно водворившаяся свобода мысли и слова, при полномъ измѣненіи всего быта, должна породить и шаткость понятій, и неумѣренныя требованія и легкомысленныя увлеченія. Все это переработается естественнымъ ходомъ жизни, которая учитъ безразсудныхъ и смиряетъ нетерпѣливыхъ. Но чтобы выдти изъ умственнаго хаоса, въ который въ настоящее время погружено наше общество, нужно прежде всего выясненіе понятій. Безъ этой теоретической работы, практика остается безплодною, ибо люди въ своей дѣятельности руководятся мыслью, которая одна въ состояніи воздерживать крайности и указывать цѣли и средства. Гдѣ нѣтъ гармоніи въ умахъ, не будетъ ея и въ жизни. Безъ серьознаго умственнаго труда, тщетны и всѣ мѣры, клонящіяся къ утвержденію власти. Общество, почуявшее свободу и начинающее разсуждать, должно быть ведено не только силою, но убѣжденіемъ. Призванное къ самодѣятельности, оно должно въ себѣ самомъ носить разумное сознаніе закона, а для этого необходимо, чтобы оно ясно понимало и требованія и границы предоставленной ему свободы.

Содѣйствовать, по мѣрѣ силъ, этой задачѣ, способствовать выясненію понятій о свободѣ, такова цѣль настоящей книги. Она имѣетъ въ виду изслѣдованіе формъ и условій свободы въ высшемъ ея проявленіи,

въ области политической. Я желалъ сохранить здѣсь, по возможности, полное безпристрастіе, не поддаваясь заманчивымъ увлеченіямъ, не принимая готовыхъ формулъ, а стараясь обсудить вопросъ со всѣхъ сторонъ и подвести къ общему итогу результаты, добытые европейскою наукою и практикою. Не скрою, что я люблю свободныя учрежденія; но я не считаю ихъ приложимыми всегда и вездѣ, и предпочитаю честное самодержавіе несостоятельному представительству. Политическая свобода тогда только благотворна, когда она воздвигается на прочныхъ основахъ, когда народная жизнь выработала всѣ данныя, необходимыя для ея существованія. Иначе, она вноситъ въ общество только разладъ. Этимъ убѣжденіемъ проникнута вся книга. Думаю, что эта точка зрѣнія скорѣе всего можетъ оградить изслѣдователя отъ одностороннихъ взглядовъ и привести его къ возможно полному пониманію предмета. На сколько я успѣлъ достигнуть своей цѣли, пусть судитъ читатель.

Въ заключеніе, не могу не выразить того чувства радости, съ которымъ я издаю эту книгу. Я невольно вспоминаю, что десять лѣтъ тому назадъ, я издавалъ диссертацію объ областныхъ учрежденіяхъ Россіи въ XVII-мъ вѣкѣ, сочиненіе чисто ученаго содержанія, въ которомъ не было ни единаго политическаго намека; а между тѣмъ, въ теченіи двухъ лѣтъ, факультетская цензура затруднялась ее пропускать, таково было тогдашнее настроеніе. Уже въ 56-мъ году, когда русской литературѣ предоставлено было болѣе свободы, я могъ ее напечатать, и то благодаря либеральному цензору, который въ то время былъ прибѣжищемъ злополучныхъ писателей. (*) Теперь же, не болѣе десяти лѣтъ спустя, я безъ цензуры, не опасаясь произвола, издаю въ свѣтъ сочиненіе, гдѣ свободно обсуждаются самые коренные, самые животрепещущіе политическіе вопросы, о которыхъ прежде и заикнуться не было возможности. Этимъ можно измѣрить тотъ громадный шагъ, который сдѣлала Россія въ это короткое время. Только сравненіе съ недавно прошедшимъ даетъ намъ понятіе о томъ, чѣмъ

(*) Н. Ѳ. Фонъ Крузе.

мы пользуемся въ настоящемъ. Теперь только въ Россіи можетъ возникнуть политическая литература, безъ которой общественное развитіе всегда остается ничтожнымъ. Теперь только русская мысль можетъ испробовать свои силы. Но съ радостью о настоящемъ и съ надеждою на будущее невольно соединяется чувство признательности къ Виновнику этихъ перемѣнъ. Пускаясь въ новую дорогу, наша юная мысль не можетъ не обратиться къ Престолу, чтобы принести дань благодарности Государю, оказавшему ей довѣріе, и открывшему ей свободное поприще.

КНИГА I.

СУЩЕСТВО И СВОЙСТВА НАРОДНАГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА.

ГЛАВА I.

ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО И ПОЛНОМОЧІЕ.

Когда древніе народы установляли у себя политическую свободу, они призывали каждаго гражданина къ непосредственному участію въ государственныхъ дѣлахъ. Народъ собирался на площади, происходили пренія въ присутствіи всѣхъ, отбирались голоса, и постановлялось общее рѣшеніе. Новые народы рѣдко прибѣгали къ этому способу совѣщанія. Оно встрѣчается въ первоначальныхъ собраніяхъ германскихъ дружинъ, въ средневѣковыхъ городахъ, а въ позднѣйшее время, въ тѣхъ небольшихъ государствахъ, которыя сохранили прежній, болѣе или менѣе патріархальный характеръ, напримѣръ нѣкоторые швейцарскіе кантоны. Мірская сходка существуетъ и для чисто общиннаго управленія. Но вообще, новые народы отказались отъ рѣшенія государственныхъ дѣлъ совокупнымъ совѣщаніемъ гражданъ. Право голоса въ народномъ собраніи замѣнилось выборнымъ началомъ; вмѣсто вѣча является представительство.

Эта перемѣна обозначаетъ огромный шагъ въ развитіи общественной жизни. Политическая свобода получаетъ здѣсь форму, гораздо болѣе соотвѣтствующую требованіямъ государства. Съ помощью представительнаго начала, она можетъ распространяться на обширныя области, на многочисленные народы, не ограничиваясь тѣснымъ пространствомъ, составляющимъ необходимое условіе вѣчеваго быта. Гражданамъ не нужно быть постоянно въ сборѣ для общихъ совѣщаній, чтò предполагаетъ близкое сосѣдство; съѣзжаются выборные съ далекихъ концовъ земли. Съ другой стороны, политическая свобода

1*

проникаетъ въ глубь народной жизни; представительное начало даетъ возможность распространять политическія права на гораздо большее число людей, которыхъ интересы тѣмъ самымъ получаютъ высшее обезпеченіе. Участіе въ рѣшеніи дѣлъ требуетъ значительной способности и близкаго знакомства съ государственными вопросами; оно отвлекаетъ гражданъ отъ частныхъ занятій, заставляя ихъ посвящать себя общественной дѣятельности. Потому древніе народы ограничивали право гражданства небольшимъ числомъ лицъ, которыя почти всецѣло отдавали себя государству, возлагая промышленный трудъ на рабовъ и иностранцевъ. Руссо, защитникъ непосредственнаго права голоса каждаго гражданина въ общественныхъ дѣлахъ, приходитъ къ заключенію, что такое правленіе не легко установить безъ рабства. Представительное начало устраняетъ эти затрудненія. Огромному большинству гражданъ не нужно отрываться безпрестанно отъ своихъ занятій. Они ограничиваются участіемъ въ выборахъ, возлагая постоянную заботу объ общественныхъ дѣлахъ на тѣ немногія лица, которыя, по своему положенію и состоянію, имѣютъ возможность посвящать себя политической дѣятельности. Этимъ способомъ промышленный трудъ можетъ сочетаться съ политическимъ правомъ. Этимъ возвышается и уровень способности въ членахъ собранія. Выборъ представителей не требуетъ тѣхъ высшихъ взглядовъ, того основательнаго знанія политическихъ вопросовъ, которые необходимы для обсужденія и рѣшенія дѣлъ. Послѣднее предоставляется людямъ, которые успѣли пріобрѣсти довѣріе многихъ, которые своими способностями вышли изъ ряда и стали на виду. Потому Аристотель считалъ выборъ началомъ аристократическимъ. Нѣтъ сомнѣнія, что этимъ способомъ выдвигаются изъ массы, если не всегда лучшія силы земли, то покрайней мѣрѣ люди, стоящіе выше общаго уровня.

Такимъ образомъ, въ новыхъ обществахъ, масса гражданъ, пользующихся политическою свободою, имѣющихъ право голоса, ограничивается выборомъ представителей, которымъ поручается веденіе дѣлъ, охраненіе правъ и интересовъ избирателей. Однако представительство не есть простое порученіе, какъ частная довѣренность или полномочіе; государственное начало придаетъ ему совершенно иной характеръ.

Когда частный человѣкъ поручаетъ свои дѣла другому, онъ имѣетъ въ виду исполненіе своей личной воли, которую онъ для собственной

выгоды или удобства передаетъ повѣренному, заступающему его мѣсто. Послѣдній является здѣсь орудіемъ или средствомъ въ рукахъ другаго. Онъ обязанъ дѣйствовать исключительно въ интересахъ довѣрителя, по его предписаніямъ, въ установленныхъ имъ предѣлахъ. Если онъ уклоняется отъ цѣли, если онъ поступаетъ несогласно съ волею довѣрителя, послѣдній можетъ всегда потребовать отъ него отчета, уничтожить полномочіе и даже притянуть его къ отвѣтственности.

Все это немыслимо въ народномъ представительствѣ. На повѣреннаго возлагается не исполненіе частной воли довѣрителя, а обсужденіе и рѣшеніе общихъ дѣлъ. Онъ имѣетъ въ виду не выгоды избирателей, а пользу государства. Призванный къ участію въ политическихъ дѣлахъ, онъ пріобрѣтаетъ извѣстную долю власти, и тѣмъ самымъ становится выше своихъ избирателей, которые, въ качествѣ подданныхъ, обязаны подчиняться его рѣшеніямъ. Потому представитель дѣйствуетъ совершенно независимо отъ избирателей. Иногда онъ даже обязанъ поступать несогласно съ ихъ волею и съ ихъ интересами, ибо ихъ частныя желанія и выгоды могутъ противорѣчить общему благу. Если представитель бралъ на себя нравственное обязательство дѣйствовать въ извѣстномъ направленіи, то обстоятельства могутъ измѣнить его убѣжденія. При общемъ сужденіи дѣлъ являются новыя точки зрѣнія; почти всегда необходимы взаимныя уступки и сдѣлки; совершающіяся событія измѣняютъ общественныя потребности Какъ бы ни поступалъ при этомъ представитель, какого бы онъ ни держался направленія, онъ не подлежитъ отчетности и отвѣтственности. Въ государствѣ и то и другое можетъ имѣть мѣсто только передъ высшею властью, а представитель самъ является властью относительно избирателей.

Такимъ образомъ, воля гражданъ всецѣло переносится на представителя; за ними не остается ничего, кромѣ голаго права выбора. Мало того: выборный человѣкъ является представителемъ не только своихъ избирателей, но и тѣхъ, которые его не выбирали, массы людей, лишенныхъ выборнаго права, меньшинства, подававшаго противъ него голосъ. Въ законодательныхъ палатахъ, депутаты считаются представителями даже и не округовъ, ихъ избравшихъ, а цѣлой страны, цѣлаго народа. Членъ нижней палаты въ Англіи представляетъ не графство и не городъ, а весь англійскій народъ. Представи-

тельное начало въ своей полнотѣ является какъ бы юридическимъ вымысломъ, но это вымыселъ, вытекающій изъ самаго существа дѣла, изъ государственнаго начала, изъ отношенія власти къ гражданамъ, изъ господства общаго блага надъ частными цѣлями.

Однако этимъ не исчерпывается существо представительства. Если одною стороною, независимостью представителя отъ избирателей, пріобщеніемъ его къ власти, оно совпадаетъ съ выборомъ въ общественныя должности, то оно имѣетъ и другую сторону, которою существенно отличается отъ послѣдняго. Представитель не только лице, служащее государству, но на этой службѣ онъ заступаетъ мѣсто самихъ гражданъ, на сколько они призваны къ участію въ государственныхъ дѣлахъ. Въ немъ выражается ихъ право; черезъ него проводятся ихъ мнѣнія. Считаясь представителемъ всего народа, дѣйствуя во имя общихъ государственныхъ цѣлей, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ является органомъ большинства, его избравшаго. При выборѣ лица, избиратели руководствуются не столько его способностями, сколько соотвѣтствіемъ его образа мыслей и направленія съ ихъ мнѣніями и интересами, и хотя юридически онъ становится независимымъ, общеніе мыслей должно сохраняться постоянно; остается зависимость нравственная. Если же связь изчезла, если представитель или сами избиратели отклонились отъ прежнихъ убѣжденій, новые выборы даютъ гражданамъ возможность возстановить согласіе, замѣнивъ прежняго представителя другимъ. Кратковременные выборы имѣютъ въ виду постоянное возобновленіе этой нравственной связи представителя съ избирателями, тогда какъ цѣль долгихъ сроковъ состоитъ въ бо́льшемъ огражденіи общихъ государственныхъ интересовъ посредствомъ бо́льшей независимости представителей отъ случайныхъ перемѣнъ и колебаній общественнаго мнѣнія.

Эта тѣсная духовная связь представителя съ избирателями необходима для того, чтобы представительное собраніе являлось вѣрнымъ выраженіемъ земли. Различныя направленія общественнаго мнѣнія, разнообразные интересы народа должны проявляться въ немъ приблизительно въ томъ же отношеніи, въ какомъ они существуютъ въ обществѣ. Эта цѣль достигается распредѣленіемъ избирательнаго права по округамъ. Хотя выборный считается представителемъ всей земли, но, будучи посланъ въ собраніе отъ извѣстной мѣстности, онъ выражаетъ собою господствующее въ ней направленіе; совокупность

же всѣхъ направленій образуетъ общественное мнѣніе, котораго высшимъ выраженіемъ и средоточіемъ является представительное собраніе. Главная задача избирательныхъ законовъ состоитъ въ томъ, чтобы это отношеніе было правильное, чтобы въ представительномъ собраніи высказывался настоящій голосъ страны, а не мнѣніе меньшинства, получившее искусственный перевѣсъ. Представительное начало есть господство общественнаго мнѣнія посредствомъ всецѣлаго перенесенія воли гражданъ на выборныя лица.

Однако это отношеніе представительства къ обществу не слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, что мнѣніе каждаго гражданина, пользующагося избирательнымъ правомъ, должно найти своего представителя, какъ требуютъ нѣкоторые радикальные писатели. Джонъ Стюартъ Милль, въ сочиненіи «о Представительномъ правленіи», рекомендуетъ проектъ, замѣняющій избирательные округи совершенно новою системою выборовъ: кандидатъ, получившій извѣстное число голосовъ, хотя бы разсѣянныхъ по всему государству, долженъ считаться выбраннымъ, такъ что не одно только большинство, но всякое сколько нибудь значительное меньшинство получаетъ доступъ въ собраніе, и каждое лице, каждое мнѣніе имѣетъ въ немъ своего представителя. Такого устройства нельзя признать согласнымъ съ истинными началами народнаго представительства. Требованіе, чтобы каждый гражданинъ былъ представленъ въ парламентѣ именно тѣмъ лицемъ, въ пользу котораго онъ подавалъ голосъ, составляетъ преувеличеніе личнаго начала. Это скорѣе ведетъ къ полномочію, нежели къ представительству. Личное право гражданина ограничивается участіемъ въ выборахъ, а не распространяется на успѣхъ. Выборное же лице является представителемъ не только тѣхъ, которые подали голосъ въ его пользу, но всего народа, во имя существенныхъ его интересовъ. Представительное устройство имѣетъ цѣлью возвести общественное мнѣніе на высшую ступень, откинувъ отъ него все личное, случайное, и оставивъ одно существенное. Парламентъ не выражаетъ въ себѣ безчисленныхъ оттѣнковъ политической мысли, разсѣянныхъ въ народѣ; онъ долженъ быть не пестрымъ сборомъ разнорѣчащихъ мнѣній, какимъ является общество, а центромъ, гдѣ сходятся главныя политическія направленія, успѣвшія пріобрѣсти силу въ народѣ, а потому имѣющія значеніе и для государства. Иначе нѣтъ возможности составить прочное большинство и управлять общественными дѣлами.

Частное мнѣніе можетъ быть весьма почтенно и основательно, но прежде нежели оно появится въ парламентѣ, оно должно пріобрѣсти вліяніе въ странѣ. Право меньшинства состоитъ единственно въ свободномъ распространеніи своихъ убѣжденій. Въ представительное собраніе, гдѣ рѣшаются государственныя дѣла, оно вступаетъ только тогда, когда успѣетъ пріобрѣсти большинство хотя въ какомъ-либо избирательномъ округѣ. Этимъ оно доказываетъ свою силу. Если оно не въ состояніи нигдѣ пріобрѣсти мѣстнаго вліянія, то оно остается пока не болѣе, какъ случайностью. Распредѣленіе политическаго права по мѣстнымъ округамъ особенно способствуетъ такой повѣркѣ общественной силы мнѣнія. Мѣстность представляетъ сочетаніе разнородныхъ интересовъ и элементовъ; это государство въ маломъ видѣ. Набрать нѣсколько тысячь единомышленниковъ не трудно; нѣтъ самой нелѣпой секты, которая бы не имѣла многочисленныхъ послѣдователей. Политическая сила мнѣнія доказывается вліяніемъ его на другихъ, стороннихъ людей, на различные классы общества, и пробнымъ камнемъ служитъ здѣсь его мѣстное значеніе. Здравый смыслъ законодателей всегда держался этихъ началъ, которыя и проще и вѣрнѣе, нежели искусственныя изобрѣтенія теоріи.

Такимъ образомъ, въ самомъ существѣ представительства лежитъ двойственный характеръ, который необходимо имѣть въ виду при обсужденіи всѣхъ вопросовъ, до него касающихся. Оно является вмѣстѣ и выраженіемъ свободы и органомъ власти. Свобода возводится здѣсь на степень государственной власти. Поэтому мы должны разсмотрѣть взаимное отношеніе этихъ двухъ существенныхъ элементовъ политической жизни.

ГЛАВА 2.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СВОБОДА И ЕЯ РАЗВИТІЕ.

Двойственность началъ, лежащая въ народномъ представительствѣ, является и въ самомъ его источникѣ — въ политической свободѣ. Послѣдняя призываетъ гражданъ къ участію въ государственныхъ

дѣлахъ. Въ представительномъ устройствѣ это участіе выражается главнымъ образомъ въ выборномъ правѣ. Что же такое выборное право, на которомъ основано представительство? въ чемъ состоитъ его существо? На счетъ этого вопроса, мнѣнія публицистовъ расходятся.

Демократическая школа обыкновенно разсматриваетъ выборное начало, какъ право каждаго свободнаго лица на участіе въ общихъ дѣлахъ. Производя общество изъ личной воли человѣка, она видитъ въ послѣдней основаніе всякой власти, а потому утверждаетъ, что участіе въ выборахъ не можетъ быть отнято у гражданина безъ нарушенія справедливости. Напротивъ, писатели, которые держатся болѣе охранительнаго направленія, видятъ въ выборномъ началѣ не столько право, сколько обязанность, возлагаемую на гражданъ во имя общественной пользы. Права отдѣльнаго лица, говорятъ они, ограничиваются свободою, и не простираются на господство надъ другими. Поэтому всякая общественная власть непремѣнно имѣетъ характеръ должности. Выборное право даетъ человѣку власть надъ другими; слѣдовательно, и здѣсь мы можемъ видѣть только обязанность, исполняемую гражданиномъ для общественной пользы. Этого мнѣнія держатся даже нѣкоторые радикальные писатели, напримѣръ Милль, который впадаетъ однако въ странное противорѣчіе съ собою, утверждая въ другомъ мѣстѣ, что несправедливо отнимать у кого бы то ни было обыкновенное право подавать свой голосъ въ общихъ дѣлахъ, касающихся до него одинаково съ другими. Отъ Милля ускользнуло и необходимое послѣдствіе этого воззрѣнія на выборное право, какъ на должность, именно, что оно можетъ принадлежать только способнымъ лицамъ. Основаніемъ его становится не *свобода*, а *способность*, что имѣетъ существенное вліяніе на самое устройство выборовъ.

Это различіе воззрѣній проистекаетъ изъ того, что выборное право имѣетъ двѣ стороны. Какъ самое представительство, оно является вмѣстѣ и выраженіемъ свободы, и органомъ власти. Но начало свободы здѣсь преобладаетъ; въ этомъ отношеніи демократическая школа вѣрнѣе смотритъ на дѣло. Выборное право прежде всего есть право; оно дается гражданину, не какъ должностному лицу, а какъ члену общества, дабы онъ могъ проводить свои мнѣнія, защищать свои интересы. Но источникъ всякаго права есть свобода. Право есть именно опредѣленная закономъ свобода или возможность дѣйствовать.

Поэтому выборное право однозначительно съ политическою свободою, или съ свободою гражданъ, какъ членовъ государства.

Какимъ же образомъ свобода, начало чисто личное, можетъ дать человѣку господство надъ другими? Какъ можетъ она простираться до участія въ общественной власти?

Это происходитъ оттого, что свободныя лица суть вмѣстѣ члены общаго союза, а потому необходимо имѣютъ вліяніе другъ на друга. Какъ скоро люди вступаютъ въ извѣстныя взаимныя отношенія, такъ свобода однихъ должна воздѣйствовать на свободу другихъ. Отсюда прежде всего необходимость взаимныхъ ограниченій. Каждый членъ общества долженъ знать, что̀ онъ можетъ дѣлать и чего не можетъ. Свобода должна быть опредѣлена и ограждена закономъ, то есть должна сдѣлаться правомъ. Въ дикомъ состояніи, человѣкъ можетъ пользоваться неограниченною вольностью, не нуждаясь въ юридическихъ опредѣленіяхъ; въ образованномъ обществѣ, сохраненіе свободы возможно только при развитіи права. Гдѣ юридическія понятія шатки или скудны, тамъ изчезаетъ и свобода. Но, становясь правомъ, свобода получаетъ уже общій характеръ. Она опредѣляется и охраняется общественною властью, отъ которой исходитъ законъ, и которой отдѣльное лице должно подчиняться, ибо никто не можетъ быть судьею собственнаго права. Съ другой стороны, всякое право должно быть ограждено отъ произвола. Каждый свободный членъ общества долженъ имѣть возможность защищать свои права. При подчиненіи личной свободы общественной власти, это требованіе можетъ быть удовлетворено единственно участіемъ гражданина въ самой власти, опредѣляющей и охраняющей права. Пока власть независима отъ гражданъ, права ихъ не обезпечены отъ ея произвола; въ отношеніи къ ней лице является безправнымъ. Общественный характеръ, пріобрѣтаемый свободою въ человѣческихъ обществахъ, ведетъ слѣдовательно къ тому, что личное право должно искать себѣ гарантіи въ правѣ политическомъ, посредствомъ котораго каждый, участвуя въ общихъ рѣшеніяхъ, пріобрѣтаетъ такое же вліяніе на другихъ, какъ и тѣ на него. При взаимности правъ и обязанностей, политическая свобода является послѣдствіемъ личной, какъ высшее обезпеченіе послѣдней. На этомъ основаніи, гражданамъ предоставляется бо́льшее или ме́ньшее участіе въ судѣ, въ управленіи, наконецъ въ законодательствѣ. Этого мало: политическая свобода вытекаетъ изъ свободы личной, не толь-

ю въ видѣ гарантіи права, но и вслѣдствіе того, что граждане, какъ члены союза, участвуютъ въ общихъ всѣмъ дѣлахъ. Государство есть соединеніе свободныхъ людей, и его интересы суть вмѣстѣ интересы гражданъ, не какъ частныхъ лицъ, а какъ членовъ цѣлаго. Дѣятельность лица вращается здѣсь уже не въ частной, а въ общественной сферѣ; въ его свободѣ и правахъ выражается уже не одно личное начало, а отношеніе къ союзу. Политическая свобода состоитъ въ томъ, что гражданинъ, какъ членъ государства, участвуетъ въ общихъ дѣлахъ, а это даетъ ему участіе и въ управляющей дѣлами власти. Онъ получаетъ вліяніе на другихъ вслѣдствіе того, что онъ участникъ общаго дѣла, которое касается и его самого.

Такимъ образомъ, политическая свобода является высшимъ развитіемъ свободы личной. Свобода есть источникъ политическаго права, какъ и всякаго другаго Однако съ другой стороны, нѣтъ сомнѣнія, что, получая такое развитіе, становясь на эту степень, она пріобрѣтаетъ совершенно иной характеръ, нежели въ частной жизни. Изъ личной она превращается въ общественную, рѣшаетъ судьбу всѣхъ, становится органомъ цѣлаго. Поэтому здѣсь къ началу права присоединяется начало обязанности. Гражданинъ, имѣющій долю власти, долженъ дѣйствовать не для личныхъ выгодъ, а во имя общаго блага; онъ долженъ носить въ себѣ сознаніе не только своихъ частныхъ цѣлей, но и общихъ началъ, господствующихъ въ общественной жизни. А для этого требуется высшая способность. Невозможно дать участіе въ управленіи человѣку, не понимающему государственныхъ интересовъ. Это значило бы принести высшія начала, общее благо въ жертву личной свободѣ, тогда какъ вся общественная жизнь держится подчиненіемъ личнаго начала общественному. Поэтому неспособные должны быть устранены отъ участія въ политическихъ правахъ. Это признается во всѣхъ государствахъ въ мірѣ, даже самыхъ демократическихъ, гдѣ свобода лежитъ въ основаніи всего государственнаго устройства. Вездѣ женщины и дѣти, какъ неспособныя, лишены политическихъ правъ, хотя они, какъ свободныя лица, пользуются правами гражданскими. Если нѣкоторые демократы, даже весьма серьозные, какъ Милль, требуютъ права голоса и для женщинъ, то это странное непониманіе различнаго назначенія половъ остается одинокимъ заблужденіемъ. Здравый смыслъ человѣческаго рода до сихъ поръ не допускалъ приложенія этой идеи къ законодательству. Впрочемъ и

эти писатели требуютъ для женщинъ политическихъ правъ не во имя свободы, а во имя способности, считая женщину столь же способною въ государственной жизни, какъ и мущину.

Итакъ, если свобода служитъ источникомъ политическаго права, то способность составляетъ необходимое его условіе. Начало способности прилагается впрочемъ не къ отдѣльнымъ лицамъ, которыя исчезаютъ въ массѣ и для государственнаго управленія не имѣютъ значенія, а къ тѣмъ общественнымъ классамъ, которые призываются къ участію въ общихъ дѣлахъ. Поэтому обыкновеннымъ признакомъ политической способности является имущество, хотя къ этому могутъ присоединяться и другіе, напримѣръ доказательство извѣстнаго образованія. Въ отношеніи къ отдѣльнымъ лицамъ, имущественное мѣрило можетъ нерѣдко быть ошибочнымъ: бѣдный бываетъ способнѣе богатаго. Но въ приложеніи къ цѣлымъ классамъ, это признакъ весьма существенный.

Въ этомъ легко убѣдиться, взглянувши на тѣ качества, изъ которыхъ слагается политическая способность.

Эти качества — разнообразнаго свойства: умственныя, нравственныя и матеріальныя. Къ первымъ принадлежитъ сознаніе государственныхъ потребностей, для чего необходимы образованіе и знакомство съ общественными дѣлами. Тамъ, гдѣ, вмѣсто сознанія, господствуетъ слѣпое чувство, политическая свобода дѣйствуетъ, какъ неразумная сила, къ явному ущербу государственнымъ интересамъ, которые требуютъ яснаго пониманія цѣлей и средствъ. Управленіе всегда должно находиться въ рукахъ разумной части народа. Но къ сознанію должно присоединяться нравственное свойство: постоянная готовность всѣми силами поддерживать общее дѣло. Политическая свобода требуетъ отъ гражданъ неусыпной дѣятельности, энергіи въ преслѣдованіи общихъ цѣлей; иначе она покоится на шаткомъ основаніи. А это предполагаетъ въ нихъ, какъ живость политическихъ интересовъ, такъ и привязанность къ порядку, то есть къ существеннымъ основамъ государственной жизни, къ потребностямъ власти, къ законности, къ пользамъ отечества, къ семейству, къ собственности, однимъ словомъ, къ тѣмъ началамъ, на которыхъ строится данное общество, и которыхъ нарушеніе ведетъ къ нравственной и физической смутѣ. Наконецъ, въ дополненіе ко всему этому, для политической дѣятельности требуется бóльшая или мéньшая самостоятель-

ность положенія, которая даетъ человѣку возможность не быть орудіемъ въ чужихъ рукахъ, а имѣть собственный голосъ.

Всѣ эти качества, какъ сказано, не должны быть непремѣнною принадлежностью всякаго лица, пользующагося политическимъ правомъ. Доказать ихъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ и невозможно и безполезно. Нужно только, чтобы ими отличались тѣ классы, которымъ вручается доля власти. Но въ массѣ болѣе всего содѣйствуетъ ихъ развитію собственность. Она даетъ человѣку и возможность образованія, и досугъ для занятія политическими вопросами, и высшій интересъ въ общественномъ управленіи, и привязанность къ порядку, и наконецъ самостоятельность положенія. Только отвлеченный радикализмъ можетъ отвергать эту очевидную истину. Само по себѣ, имущество не даетъ политической способности, но оно доставляетъ всѣ условія, необходимыя для ея пріобрѣтенія. Имуществомъ отдѣляются классы, посвящающіе себя умственному труду, отъ тѣхъ, которые преданы физической работѣ, а это различіе занятій очевидно развиваетъ въ тѣхъ и другихъ различную политическую способность. Конечно, можно представить себѣ порядокъ вещей, въ которомъ образованіе равномѣрно распространяется всюду, гдѣ политическіе интересы и привязанность къ порядку проникаютъ въ самые глубокіе слои общества, а легкость полученія работы и высокая ея цѣнность даютъ даже поденщику нѣкоторую независимость положенія. При такихъ условіяхъ, нѣтъ причины отказать рабочимъ классамъ въ политическихъ правахъ. Но и здѣсь, относительно всѣхъ требуемыхъ качествъ, владѣющіе классы имѣютъ несомнѣнное преимущество передъ рабочими. Поэтому собственность, въ общемъ итогѣ, служитъ лучшимъ мѣриломъ политической способности. Въ этомъ отношеніи она стоитъ гораздо выше, нежели доказательство извѣстнаго образованія. Прохожденіе черезъ школу не даетъ ни самостоятельнаго положенія, ни практическаго взгляда на вещи, ни привязанности къ порядку. Напротивъ, образованіе безъ собственности слишкомъ часто дѣлаетъ человѣка зависимымъ отъ тѣхъ, которые способствуютъ его возвышенію, или возбуждаетъ въ немъ недовольство существующимъ общественнымъ устройствомъ, въ которомъ не легко проложить себѣ дорогу. Образованіе возвышаетъ требованія отъ жизни при недостаткѣ средствъ къ ихъ осуществленію; поэтому здѣсь самая благопріятная почва для радикальныхъ идей. Человѣкъ, получившій образованіе,

долженъ прежде всего доказать свою способность устройствомъ собственной своей судьбы, пріобрѣтеніемъ достатка, обезпечивающаго независимое его положеніе въ мірѣ. Таковъ удѣлъ человѣчества вообще, для котораго пріобрѣтеніе матеріяльныхъ благъ служитъ условіемъ для достиженія духовныхъ. Поэтому въ устраненіи бѣдности отъ политическихъ правъ нѣтъ ничего возмутительнаго для нравственнаго чувства. Работа и вниманіе бѣднаго устремлены на физическій міръ; покоряя природу человѣку, онъ получаетъ возможность возвыситься и къ политической дѣятельности, требующей матеріяльнаго обезпеченія, досуга и высшаго умственнаго развитія.

Однако политическая способность однѣхъ общественныхъ вершинъ или одного класса, одного сословія, недостаточна для свободныхъ учрежденій. Послѣднія зиждутся на совокупной дѣятельности разнообразныхъ элементовъ, входящихъ въ составъ государства. Народное представительство должно служить выраженіемъ цѣлаго общества, а не какой-либо части, ибо здѣсь дѣло идетъ объ общей для всѣхъ свободѣ, объ общественной власти, о рѣшеніи судьбы всѣхъ. Если низшіе классы, по недостатку способности и развитія, исключаются изъ политическихъ правъ, то высшіе должны представлять собою все разнообразіе существенныхъ интересовъ и элементовъ народной жизни. Поэтому, для водворенія политической свободы необходимо, чтобы способность къ ней глубоко проникала въ общество, чтобы она была распространена въ различныхъ общественныхъ слояхъ, призываемыхъ къ совокупному участію въ общемъ дѣлѣ. Въ нихъ должна быть развита не только политическая мысль, но и привычка къ согласной дѣятельности, ибо иначе не установится единство направленія, невозможно правильное рѣшеніе общихъ вопросовъ. Тамъ, гдѣ различные классы имѣютъ противоположные интересы, возбуждающіе въ нихъ взаимную вражду, свобода становится знаменемъ раздора. Можно сказать, что политическая способность гражданъ состоитъ главнымъ образомъ въ умѣніи соглашать разнообразныя стремленія свободы съ высшими требованіями государства. Но для этого необходимо, чтобы она сдѣлалась достояніемъ цѣлыхъ классовъ, связывая различные элементы народа сознаніемъ общихъ государственныхъ нуждъ.

При такихъ требованіяхъ, политическая свобода можетъ очевидно имѣть большее или меньшее развитіе. Для разныхъ отраслей государственной дѣятельности нужна не одинакая способность и въ граж-

данахъ, призываемыхъ къ участію въ дѣлахъ. Степень способности, достаточная для низшихъ сферъ, можетъ быть совершенно недостаточна для высшихъ; ибо легче понимать ближайшіе интересы, нежели болѣе общіе и отдаленные, легче дѣйствовать въ окружающей средѣ, нежели на болѣе широкомъ поприщѣ. Вслѣдствіе этого, политическое право гражданъ можетъ ограничиваться участіемъ въ судѣ, въ мѣстномъ управленіи, или же простираться до участія въ верховной государственной власти. Точно также и представительное начало, вытекающее изъ политическаго права, можетъ существовать въ центрѣ и въ областяхъ, для общихъ государственныхъ дѣлъ и для интересовъ мѣстныхъ и сословыхъ, однимъ словомъ вездѣ, гдѣ личный голосъ гражданина всецѣло замѣняется голосомъ выборнаго человѣка. Вездѣ оно служитъ выраженіемъ права гражданъ участвовать въ рѣшеніи общихъ дѣлъ, а потому вручаетъ имъ долю общественной власти; но въ разныхъ сферахъ это право имѣетъ различное значеніе. Главные виды суть представительство областное и центральное.

Мѣстныя собранія, напримѣръ настоящія наши земскія учрежденія, основаны также на представительномъ началѣ. Законъ призываетъ ихъ къ участію въ управленіи мѣстными дѣлами. Они не только даютъ совѣты, но дѣлаютъ постановленія, обязательныя для гражданъ. Слѣдовательно, они пользуются извѣстною долею власти, ограничивая права областныхъ начальниковъ, назначаемыхъ правительствомъ. Послѣдніе, дѣйствуя во имя общихъ интересовъ, связываютъ областное управленіе съ государственнымъ, въ которое области входятъ, какъ части. Мѣстныя же собранія являются представителями мѣстныхъ нуждъ. Власть раздѣляется и распредѣляется между тѣми и другими, такъ что они вмѣстѣ образуютъ общую систему областнаго управленія.

Все это относится однако къ сферѣ чисто административной; политическаго въ тѣсномъ смыслѣ слова, то есть касающагося до интересовъ государства, какъ единаго цѣлаго, здѣсь ничего нѣтъ. Собранія призываются къ обсужденію мѣстныхъ интересовъ, а не общихъ государственныхъ. Надъ областнымъ управленіемъ возвышается верховная власть, которая контролируетъ его дѣйствія, является надъ нимъ высшимъ судьею, даетъ и отнимаетъ права. Иногда, въ видѣ исключенія, и мѣстныя собранія получаютъ отчасти политическій характеръ. Не говоря объ учрежденіяхъ, сохраняющихся въ нѣкоторыхъ стра-

нахъ, какъ остатокъ средневѣковаго порядка и прежняго государственнаго раздробленія, подобные примѣры встрѣчаются и въ новѣйшихъ государствахъ. Такъ, напримѣръ, въ Пруссіи въ 1823 году установлены были провинціальныя собранія съ правомъ обсужденія законовъ, касающихся области. Но подобное расширеніе вѣдомства областныхъ собраній вовсе не соотвѣтствуетъ ихъ существу. Въ Пруссіи оно проистекло изъ желанія избѣгнуть обѣщаннаго общаго представительства, замѣнивъ его дарованіемъ несравненно меньшихъ правъ. Вообще же, обсужденіе политическихъ, а въ томъ числѣ и законодательныхъ вопросовъ принадлежитъ центральнымъ учрежденіямъ, каково бы ни было ихъ устройство. Мѣстное представительство, по своему характеру, должно ограничиваться чисто мѣстными интересами, относительно которыхъ ему предоставляется доля власти. Если подъ именемъ политическаго права, въ противоположность личной свободѣ, разумѣть вообще всякое участіе гражданъ въ общественной власти, то и мѣстное представительство будетъ выраженіемъ политическаго права; но право это вращается въ чисто административной области.

Гораздо высшее значеніе имѣютъ общія представительныя собранія. Они призываются къ обсужденію и рѣшенію государственныхъ дѣлъ. Въ нихъ выражается политическое право въ тѣсномъ смыслѣ, то есть участіе гражданъ въ общей или верховной власти государства. И здѣсь впрочемъ политическое право можетъ имѣть бо́льшій или мéньшій объемъ. Могутъ существовать собранія выборныхъ съ чисто совѣщательнымъ характеромъ. Они обсуждаютъ дѣла, предлагаемыя имъ правительствомъ, но рѣшеніе зависитъ не отъ нихъ. Они подаютъ только мнѣнія, которыя могутъ быть приняты или отвергнуты верховною властью. Голосъ меньшинства имѣетъ здѣсь одинакую силу съ голосомъ большинства. Оба служатъ только способомъ освѣтить вопросъ со всѣхъ сторонъ и указать на воззрѣніе, наиболѣе распространенное въ обществѣ. Это одинъ изъ многихъ элементовъ, которыми верховная власть руководствуется въ своемъ сужденіи. Рѣшеніе же предоставляется ей исключительно, всецѣло; собраніе можетъ выразить извѣстную мысль, но не имѣетъ ни воли, ни права.

Мы возвратимся въ послѣдствіи къ совѣщательнымъ собраніямъ и разберемъ подробнѣе ихъ возможныя выгоды и невыгоды. Здѣсь мы ограничимся немногими указаніями. Прежде всего надобно замѣтить, что исторія не представляетъ примѣровъ подобныхъ собраній, какъ

постоянныхъ учрежденій. Встрѣчаются только совѣщательныя собранія, созываемыя изрѣдка, въ случаѣ надобности, по волѣ верховной власти. Такъ какъ они не составляютъ постояннаго, необходимаго органа въ системѣ государственныхъ учрежденій, то имъ не предоставляется никакихъ правъ; они только отвѣчаютъ на вопросы, предлагаемые правительствомъ. Въ такомъ видѣ, совѣщательныя собранія вовсе даже не имѣютъ представительнаго характера. На выборныхъ не переносится никакое право; они не представляютъ воли гражданъ. Это не болѣе, какъ эксперты, знающіе люди, которые выбираются для цѣлей правительства, и точно также, съ одинакою пользою, могутъ быть назначаемы послѣднимъ. Выборное начало здѣсь въ сущности лишнее. Но какъ скоро собраніе выборныхъ становится постояннымъ государственнымъ учрежденіемъ, непремѣннымъ органомъ при обсужденіи и рѣшеніи дѣлъ, такъ подобное безправіе немыслимо. Здѣсь необходимо опредѣлить закономъ вѣдомство собранія, очертить кругъ его дѣйствія, обозначить его права. Оно становится на вершинѣ государства, и притомъ не какъ орудіе правительства, а какъ выраженіе воли народной, которой оно является представителемъ. Выборное собраніе, по самому своему характеру, должно быть независимо отъ правительства, и если ему предоставляются извѣстныя права, то оно тѣмъ самымъ является причастникомъ верховной власти. Дѣла, входящія въ его вѣдомство, не могутъ быть рѣшены безъ его согласія, слѣдовательно воля его является уже не подчиненною, а верховною.

Отсюда ясно, какое огромное разстояніе лежитъ между мѣстнымъ представительствомъ и народнымъ. Повидимому, они находятся другъ съ другомъ въ тѣсной связи. Общее собраніе является какъ бы вѣнцомъ мѣстнаго представительства, средоточіемъ, куда стекаются разсѣянныя по разнымъ центрамъ мысли и желанія народа. Даже устройство, составъ и вѣдомство собраній въ обоихъ случаяхъ могутъ быть одинаковы или весьма сходны. Мѣстное представительство занимаетъ въ кругу областнаго управленія то самое положеніе, которое центральное имѣетъ въ высшей сферѣ. Поэтому общее собраніе представляется естественнымъ завершеніемъ зданія, основаннаго на мѣстномъ представительствѣ. Между тѣмъ, за этимъ сходствомъ скрывается глубокое различіе: оно состоитъ не въ одномъ размѣрѣ интересовъ, а въ самомъ качествѣ представительства, которое, расширяясь и возвышаясь, пріобрѣтаетъ совершенно иной характеръ и значеніе. Одно вра-

щается въ сферѣ административной, другое въ области политической; одно даетъ гражданамъ подчиненное право участія въ управленіи низшими интересами общества, другое дѣлаетъ ихъ причастниками верховной воли государства; одно оставляетъ неприкосновенными единство и независимость верховной власти, другое раздѣляетъ ее между различными органами, если не вручаетъ ее всецѣло представительному собранію. Введеніе мѣстнаго представительства, при всемъ его значеніи, совершается безъ перемѣны существенныхъ основъ государства; учрежденіе общаго представительнаго собранія измѣняетъ самый корень, самое основаніе политической жизни народа — верховную власть. Подобная перемѣна составляетъ, можно сказать, самый важный, самый знаменательный шагъ въ исторіи государства. Образъ правленія вытекаетъ изъ всего развитія народной жизни; онъ опредѣляется характеромъ народа, его составомъ, положеніемъ, степенью образованія. Верховная власть является руководителемъ народа, высшимъ судьею его требованій и его интересовъ, органомъ всемірнаго его призванія. Поэтому измѣнить образъ правленія совсѣмъ не то, что дать мѣстнымъ жителямъ право провести дорогу или построить богоугодное заведеніе. Первое не есть довершеніе втораго; оно вытекаетъ изъ гораздо высшихъ требованій и соображеній. Здѣсь нужны иныя условія, иная способность.

ГЛАВА 3.

УЧЕНІЕ О ПОЛНОВЛАСТІИ НАРОДА.

Въ предъидущей главѣ мы старались доказать, что народное представительство составляетъ высшее развитіе свободы, и что непремѣнное его условіе есть способность. Но нерѣдко участіе народа въ верховной власти выставляется безусловнымъ требованіемъ права, и это мнѣніе поддерживается доводами, которые съ перваго взгляда могутъ показаться весьма убѣдительными. Государственныя дѣла касаются всѣхъ; это совокупныя дѣла всѣхъ гражданъ, какъ членовъ государства. «Общій интересъ Англіи есть частный интересъ каждаго Англи-

чанина», говоритъ англійское изреченіе. Ничто, повидимому, не можетъ быть справедливѣе, какъ участіе въ управленіи общими дѣлами тѣхъ лицъ, до кого они касаются. Самоуправленіе народа представляется требованіемъ естественнаго закона, а такъ какъ для завѣдыванія государственными дѣлами установляется верховная власть, то послѣдняя очевидно должна принадлежать народу. Самоуправленіе тождественно съ полновластіемъ народа. Принявши это начало, мы немедленно приходимъ къ заключенію, что граждане всегда могутъ требовать народнаго представительства, какъ прирожденнаго, неотъемлемаго своего права. Это прямое послѣдствіе посылки.

Ученіе о полновластіи народа весьма распространено. Оно не только признается многими писателями, но составляетъ сущность всякаго образа правленія, основаннаго на волѣ народной. Это начало принимается впрочемъ въ двоякомъ значеніи. Одни разумѣютъ подъ нимъ право народа располагать своею судьбою, установлять у себя тотъ образъ правленія, который ему приходится. Другіе же понимаютъ подъ этимъ словомъ демократическое правленіе, въ которомъ верховная власть постоянно принадлежитъ народу, имѣющему неотъемлемое право управлять государственными дѣлами или непосредственно или черезъ уполномоченныхъ. Эти два различныя понятія обозначаются даже разными именами. Первое называютъ иногда національнымъ полновластіемъ (souveraineté nationale), второе собственно полновластіемъ народа (souveraineté du peuple).

Прежде, нежели мы приступимъ къ обсужденію этого вопроса, необходимо замѣтить, что слово: *народъ* или *нація* принимается въ двухъ различныхъ значеніяхъ, которыхъ смѣшеніе подаетъ поводъ къ весьма существеннымъ недоразумѣніямъ. Подъ именемъ народа разумѣется иногда совокупность гражданъ, образующихъ единое тѣло, устроенныхъ въ государство, слѣдовательно со включеніемъ правительства, которое составляетъ непремѣнную часть государственнаго устройства; иногда же народомъ называется совокупность гражданъ въ противоположность правительству. Въ первомъ случаѣ, полновластіе народа однозначительно съ полновластіемъ государства, ибо народъ, организованный, какъ единое тѣло, съ правительствомъ во главѣ, есть именно государство. Для управленія этимъ союзомъ существуетъ въ немъ верховная власть, которая принадлежитъ извѣстному, закономъ опредѣленному органу: народному собранію, аристокра-

тической коллегіи, монарху, или нѣсколькимъ органамъ въ совокупности. Все это образы правленія, которые встрѣчаются въ исторіи и въ жизни; каждый изъ нихъ имѣетъ свою законную силу и признается народомъ. Но въ этомъ смыслѣ нельзя говорить о самоуправленіи народа, ибо оно будетъ означать управленіе государственными дѣлами посредствомъ закономъ установленныхъ органовъ верховной власти.

Въ иномъ смыслѣ принимаетъ слово: народъ ученіе о народномъ или національномъ полновластіи. Здѣсь подъ этимъ именемъ разумѣется совокупность гражданъ въ противоположность правительству. Послѣднее ставится въ зависимость отъ первыхъ, которымъ приписывается верховная власть въ государствѣ. Все различіе между обоими видами ученія заключается въ томъ, что одно считаетъ постоянною принадлежностью народа только власть учредительную или право установлять въ государствѣ извѣстный образъ правленія: другое же всю полноту верховной власти, во всѣхъ ея отрасляхъ: законодательной, правительственной и судебной.

Въ политической наукѣ давно высказывалась мысль, что при первоначальномъ соединеніи людей въ государство, народъ имѣетъ право установлять тотъ или другой образъ правленія, перенося естественно принадлежащую ему верховную власть на избранныя имъ лица. Эта теорія изчезла вмѣстѣ съ понятіями о состояніи природы и о первоначальномъ договорѣ людей. Но въ настоящее время утверждаютъ, что всякій народъ имѣетъ постоянное право установлять у себя тотъ образъ правленія, который соотвѣтствуетъ его потребностямъ. Въ этомъ воззрѣніи выражается стараніе согласить демократическія начала съ возможностью и правомѣрностью различныхъ образовъ правленія, которые иначе, съ демократической точки зрѣнія, лишаются всякаго юридическаго основанія. Эта теорія перешла даже въ нѣкоторыя законодательства. Такъ современная французская конституція, основанная на волѣ народной, узаконяетъ и отвѣтственность императора передъ народомъ. Это совершенно послѣдовательно, ибо кто располагаетъ образомъ правленія, тотъ имѣетъ и право подвергать правителей отвѣтственности, смѣнять ихъ и замѣнять другими. Но спрашивается: какимъ способомъ можетъ французскій народъ выразить свою верховную волю? гдѣ органъ учредительной его власти? На это конституція не даетъ отвѣта. Власть эта не лежитъ въ законодательномъ сословіи, которое имѣетъ свое опредѣленное вѣдомство: обсуж-

деніе законовъ, предлагаемыхъ ему правительствомъ. Объ отвѣтственности передъ нимъ императора не можетъ быть рѣчи. Оно не имѣетъ даже и права обвиненія. Такимъ образомъ, еслибы народъ захотѣлъ на дѣлѣ воспользоваться приписанною ему властью, онъ могъ бы сдѣлать это единственно посредствомъ революціи. Но революція не есть право, а нарушеніе права. Она можетъ иногда быть оправдана обстоятельствами, притѣсненіями, но никогда не можетъ быть выраженіемъ правомѣрнаго образа дѣйствія. Въ правильномъ государственномъ порядкѣ она немыслима. Право на возстаніе, провозглашенное конституціею 1793-го года, есть узаконеніе анархіи. Очевидно слѣдовательно, что современная французская конституція содержитъ въ себѣ несообразность. Она даетъ народу право и лишаетъ его возможности осуществить это право; она установляетъ власть и не учреждаетъ для нея органа. Но власть, не имѣющая органа, чистый вымыселъ. Безъ юридической организаціи невозможно никакое обязательное постановленіе, невозможно и единство воли, необходимое для существованія власти. Послѣдняя можетъ принадлежать народу, какъ совокупности лицъ, какъ устроенному тѣлу, а не разсѣяннымъ единицамъ, которыя, не имѣя законнаго органа, не могутъ имѣть и власти.

Эта несообразность не есть однако простой недосмотръ или уловка законодателя. Противорѣчіе лежитъ глубже; оно заключается въ несовмѣстности наслѣдственной монархіи съ правомъ народа располагать верховною властью. Монархъ не президентъ республики; онъ по существу своему независимъ отъ народа. Первоначально верховная власть можетъ быть вручена ему послѣднимъ, но за тѣмъ она пріобрѣтается по наслѣдству, по законному праву, а не по волѣ гражданъ. Тоже самое относится ко всякому образу правленія, въ которомъ существуютъ независимые отъ народа органы. Только тамъ, гдѣ вся полнота власти сосредоточивается въ народѣ, ему принадлежитъ и право установлять тотъ или другой образъ правленія; ибо учредительная власть составляетъ самую существенную часть верховной власти. Въ этомъ случаѣ, народъ можетъ ввести у себя и наслѣдственную монархію. Но какъ скоро этотъ актъ совершился, какъ скоро верховная власть перенесена на другое лице, какъ скоро установленъ для нея новый, самостоятельный органъ, такъ учредительная власть народа прекращается. Воля его перестаетъ быть верховною. Онъ лишается права измѣнять по желанію образъ правленія, точно также какъ не-

ограниченный монархъ, давши конституцію, лишается права измѣнять и отмѣнять ее произвольно.

Такимъ образомъ, ученіе о національномъ полновластіи приводитъ къ несообразностямъ, неизбѣжно вытекающимъ изъ желанія примирить два несовмѣстныя начала: неотъемлемыя верховныя права народа и узаконяемое исторіею и жизнью существованіе образовъ правленія, въ которыхъ эти права не признаются. Желая избѣгнутъ крайностей и противорѣчій, вытекающихъ, какъ увидимъ далѣе, изъ другой, болѣе послѣдовательной теоріи, это ученіе останавливается на полудорогѣ и само запутывается въ противорѣчіяхъ. Оно признаетъ постоянною принадлежностью народа одну только власть учредительную, между тѣмъ какъ другія отрасли верховной власти находятся въ прямой зависимости отъ послѣдней. Оно не установляетъ даже органа этой власти, предоставляя народу одно только голое право, возводя революцію на степень государственнаго учрежденія. Иначе и быть не можетъ при этомъ воззрѣніи, ибо какъ скоро учредительная власть народа пріобрѣтаетъ постоянный, законный органъ, имѣющій право смѣнять и измѣнять всѣ власти, такъ послѣднія становятся отъ него зависимыми. Онѣ перестаютъ быть верховными; все государственное полновластіе сосредоточивается въ народѣ. Это и бываетъ въ демократическихъ республикахъ, гдѣ нерѣдко установляются особые органы и способы дѣйствія для учредительной власти, какъ то: особыя собранія или утвержденіе всякой перемѣны конституціи всеобщею подачею голосовъ. Здѣсь вся полнота верховной власти принадлежитъ народу, который съ одной стороны установляетъ основный законъ государства, съ другой стороны управляетъ дѣлами посредствомъ своихъ представителей. Въ смѣшанныхъ образахъ правленія, народу принадлежитъ часть учредительной власти; но исторія не представляетъ примѣровъ такой государственной формы, гдѣ бы верховная власть принадлежала извѣстному лицу или лицамъ, а народъ сохранялъ бы за собою право смѣнять правителей и установлять иной образъ правленія. Вездѣ право измѣнять устройство верховной власти принадлежитъ тому, кому принадлежитъ самая власть, каковъ бы ни былъ ея составъ, будь она монархическая, аристократическая, демократическая или смѣшанная. Это правило нарушается только революціями; но революція, какъ сказано, не есть право, а фактъ, ниспровергающій право.

Гораздо послѣдовательнѣе писатели, которые признаютъ за народомъ не одно только мнимое право установлять у себя тотъ или другой образъ правленія, а всю полноту верховной власти, считая самоуправленіе народа естественною, неотъемлемою его принадлежностью. Это ученіе имѣетъ богатую литературу, оно основывается на весьма сильныхъ доказательствахъ, на немъ зиждутся дѣйствительныя государства.

Въ чемъ же состоятъ его основанія?

Краеугольный камень всей системы лежитъ въ понятіи о прирожденной свободѣ человѣка. По природѣ своей, человѣкъ—существо свободное, и въ этомъ качествѣ онъ равенъ другимъ, ибо человѣческая свобода у всѣхъ одинакова. Единственная справедливая граница личной свободы заключается въ свободѣ другихъ. Въ этомъ взаимномъ ограниченіи свободы состоитъ весь юридическій законъ. Таково начало, провозглашенное въ знаменитомъ Объявленіи о правахъ человѣка и гражданина, которое было выработано французскимъ учредительнымъ собраніемъ 1789 года; таково же начало, выставленное Кантомъ въ его ученіи о естественномъ правѣ. Но такъ какъ исполненіе юридическаго закона немыслимо безъ принудительной власти, то люди, соединяясь въ общества, установляютъ у себя властъ, съ цѣлью оградить свободу каждаго отъ нарушеній со стороны другихъ. Свободныя лица вступаютъ въ общество по своей волѣ, по общему согласію, на основаніи договора о взаимномъ охраненіи правъ. Они установляютъ общественную власть для обезпеченія свободы, а не для ея нарушенія. Потому человѣкъ остается свободнымъ и въ обществѣ; подчиняясь общимъ постановленіямъ, онъ повинуется только собственной своей волѣ, имѣя въ виду свои личныя выгоды Власть, исполняющая законъ, является органомъ и выраженіемъ общей воли гражданъ, и потому должна находиться въ постоянной зависимости отъ послѣднихъ. Если она преступаетъ свои предѣлы, если она нарушаетъ свободу и права гражданъ, народъ можетъ смѣнить ее и замѣнить другою. Послѣдовательное развитіе ученія, основаннаго на свободѣ, ведетъ къ установленію республиканскаго образа правленія, какъ единственнаго правомѣрнаго.

Впрочемъ, защитники этого ученія расходятся между собою на счетъ той доли свободы, которая должна быть предоставлена гражданамъ въ обществѣ или государствѣ. На этой точкѣ начинаются разнорѣчія и

противорѣчія, обличающія несостоятельность всей системы. Очевидно, что человѣкъ не можетъ сохранить въ обществѣ ту полноту свободы, которою онъ могъ бы пользоваться въ одинокомъ состояніи, въ пустынѣ, гдѣ онъ не окруженъ другими людьми, гдѣ воля его не сталкивается съ чужою. Въ общественной жизни ограниченія необходимы, столкновенія неизбѣжны. Но гдѣ граница права? и кто надъ нею судья? Естественный законъ, вытекающій изъ разума, здѣсь недостаточенъ; нужны положительныя постановленія. Человѣкъ, въ силу присущаго ему права, налагаетъ руку на внѣшній, вещественный міръ, подчиняетъ его своимъ нуждамъ и цѣлямъ, дѣлаетъ его своею собственностью. Но естественный законъ, положивши природу къ ногамъ человѣка, не опредѣляетъ, что̀ должно принадлежать одному и что̀ другому. На счетъ собственности, ея границъ, ея пріобрѣтенія и перехода изъ рукъ въ руки, должны существовать положительныя опредѣленія закона, обязательныя для всѣхъ. Даже и при господствѣ законныхъ правилъ, неизбѣжны безпрерывныя и разнообразныя столкновенія между людьми, ибо права и интересы лицъ переплетаются на каждомъ шагу. Кто же будетъ здѣсь законодателемъ и судьею?

Если при опредѣленіи правъ и при разбирательствѣ споровъ, верховное рѣшеніе предоставляется общественной власти, то свобода лица ничѣмъ не обезпечена. Въ обществѣ могутъ быть установлены несправедливые законы, судъ можетъ произнести неправедный приговоръ, власть можетъ быть обращена въ пользу однихъ лицъ и въ ущербъ другимъ. Исторія и жизнь представляютъ всему этому безчисленные примѣры. Даже тамъ, гдѣ общественная власть принадлежитъ самимъ гражданамъ, большинство послѣднихъ можетъ дѣйствовать несправедливо, притѣснять меньшинство. Если, напримѣръ, перевѣсъ на сторонѣ собственниковъ, то ничто не мѣшаетъ имъ издавать законы и постановлять рѣшенія, стѣснительныя для неимущихъ, затруднять послѣднимъ пріобрѣтеніе собственности, ставить ихъ въ зависимое отъ себя положеніе. Наоборотъ, большинство неимущихъ будетъ стараться обобрать собственниковъ, обратить ихъ достояніе въ свою пользу, посредствомъ налоговъ, повинностей, экспропріаціи. Вслѣдствіе этого, человѣкъ, вступившій въ общество для своихъ выгодъ, для огражденія своей свободы, вмѣсто обезпеченія правъ, находитъ въ немъ притѣсненіе. Никакое устройство власти не въ состояніи этого предупредить. Между тѣмъ ничто, кромѣ собственной его воли,

не обязываетъ его повиноваться власти. Самое подчиненіе меньшинства большинству не составляетъ требованія естественнаго закона, какъ скоро мы личную свободу признаемъ за основаніе всего общественнаго быта. Если человѣкъ, вступая въ общество, обязался подчиняться общему рѣшенію, то на то была его добрая воля; онъ ограничилъ прирожденную свою свободу для собственныхъ выгодъ. Если же эти выгоды оказываются мнимыми, если цѣли, для которыхъ онъ вступилъ въ общество, не достигаются, если его свобода и его права подвергаются нарушенію, что мѣшаетъ ему взять свое согласіе назадъ, отказать власти въ повиновеніи? Это тѣмъ легче, что по началамъ означенной теоріи, за общественною властью вовсе не признается неограниченное право надъ лицами. Власть, говоритъ Локкъ, имѣетъ только тѣ права, которыя переносятся на нее волею свободныхъ людей. Но никто не можетъ перенесть на другаго такихъ правъ, которыхъ самъ не имѣетъ. По естественному закону, никто не имѣетъ права произвольно распоряжаться чужимъ лицомъ и имуществомъ; слѣдовательно, права власти простираются только на охраненіе естественныхъ правъ человѣка. Еще далѣе идетъ Пенъ, который утверждаетъ, что отдѣльныя лица вручаютъ власти только тѣ права, которыхъ сами охранять не могутъ. На тѣхъ же началахъ основано все ученіе о прирожденныхъ правахъ человѣка, которыя и въ государствѣ остаются неотчуждаемыми и неприкосновенными. Но если каждый членъ общества сохраняетъ за собою прирожденныя свои права, не подлежащія дѣйствію власти, то кто будетъ судьею въ случаѣ нарушенія ихъ со стороны послѣдней? Очевидно самое лице, которое считаетъ свои права нарушенными, и на этомъ основаніи всегда можетъ не повиноваться предписанію. Это послѣдствіе признавалось публицистами XVIII-го вѣка, которые, логически проводя свой принципъ до конца, утверждали, что человѣкъ въ каждое мгновеніе имѣетъ право взвѣшивать выгоды и невыгоды общежитія, и если послѣднія перевѣшиваютъ первыя, отказать власти въ повиновеніи и выступить изъ общественнаго союза.

Очевидно однако, что подобное общественное состояніе немыслимо. Если человѣкъ, въ силу прирожденной ему свободы, остается судьею рѣшеній общественной власти и можетъ не повиноваться имъ, какъ скоро находитъ ихъ несправедливыми или невыгодными для себя, то общественный порядокъ становится невозможнымъ. Вмѣсто единой

воли, владычествующей въ обществѣ, водворяется господство частнаго произвола; столкновенія рождаютъ анархію. Правильное общежитіе возможно только тамъ, гдѣ лице отказывается отъ естественной свободы, гдѣ оно перестаетъ быть судьею своихъ правъ и своихъ интересовъ и повинуется рѣшеніямъ общественной власти, хотя бы оно считало ихъ для себя невыгодными или несправедливыми. Это понялъ Руссо, который замѣнилъ ученіе о прирожденныхъ правахъ человѣка теоріею народовластія.

Руссо — высшій представитель демократической школы; сочиненіе его «Объ общественномъ договорѣ»—вѣнецъ теоріи народнаго полновластія. Оно не только сдѣлалось основною книгою демократической партіи во Франціи, но имѣло огромное вліяніе и на первостепенныхъ нѣмецкихъ мыслителей конца XVIII го вѣка, на Канта, на Фихте, которые изъ него почерпнули значительную часть своихъ политическихъ ученій. И точно, никто, ни прежде ни послѣ, не высказывалъ съ такою силою и съ такимъ краснорѣчіемъ началъ человѣческой свободы и народнаго самоуправленія, никто съ такою неотразимою логикой не выводилъ послѣдствій изъ этихъ началъ. Но самая послѣдовательность выводовъ обличаетъ недостаточность исходной точки.

«Человѣкъ рожденъ свободнымъ, а между тѣмъ онъ въ цѣпяхъ»: такъ начинаетъ Руссо свое изложеніе. Гдѣ тому причина? Добровольно отчуждать свою свободу человѣкъ не можетъ; онъ не въ правѣ этого сдѣлать, ибо не можетъ отказаться отъ собственной природы. Всякій актъ, основанный на подобномъ отчужденіи, безъ всякаго обязательства съ другой стороны, самъ по себѣ ничтоженъ. Слѣдовательно, и власть подчиняющая себѣ свободу, не имѣетъ въ себѣ ничего правомѣрнаго. Потому всѣ правительства настоящія, прошедшія и будущія, которыя не вытекаютъ изъ свободной воли гражданъ, лишены законнаго основанія. Это плодъ насилія, противъ котораго народъ всегда имѣетъ право возстать.

Но какимъ образомъ можетъ человѣкъ сохранить въ государствѣ прирожденную ему свободу? Передать общественной власти часть своихъ правъ, удержавъ за собою другую, невозможно, ибо въ этомъ случаѣ каждый остается судьею своего права, слѣдовательно, водворяется не порядокъ, а анархія. Полное отчужденіе естественной свободы въ пользу государства неизбѣжно; но человѣкъ долженъ получить

ее обратно въ другомъ видѣ. Вознагражденіе состоитъ въ томъ, что онъ самъ становится членомъ полновластнаго тѣла, частью верховной власти въ государствѣ. Онъ отказался отъ своей свободы въ пользу всѣхъ, но зато пріобрѣлъ долю власти надъ всѣми. Онъ естественную свободу промѣнялъ на свободу политическую. Онъ подчинилъ первую рѣшеніямъ общей воли, но участвуя самъ въ этихъ рѣшеніяхъ, онъ покоряется только собственной волѣ. Въ этомъ состоитъ сущность первоначальнаго общественнаго договора, который составляетъ, по мнѣнію Руссо, единственное правомѣрное основаніе государственнаго устройства. Только тотъ образъ правленія имѣетъ законную силу, который зиждется на неотъемлемомъ и неотчуждаемомъ полновластіи народа, на непосредственномъ участіи каждаго гражданина въ постановленіяхъ верховной власти. Потому Руссо послѣдовательно отвергаетъ представительное начало, ибо здѣсь гражданинъ всецѣло переноситъ свою волю на другое лице. Въ представительномъ правленіи, говоритъ Руссо, гражданинъ свободенъ только въ ту минуту, когда онъ подаетъ голосъ на выборахъ; за тѣмъ онъ лишается державнаго своего права, онъ перестаетъ быть гражданиномъ. онъ обращается въ ничто.

Логическая послѣдовательность должна была привести Руссо къ признанію политическихъ правъ за женщинами и за дѣтьми. Женщина точно такое же свободное существо, какъ и мущина; на какомъ же основаніи можно исключить ее изъ участія въ политическихъ правахъ, какъ скоро единственнымъ источникомъ права признается свобода, а начало способности не принимается въ расчетъ? Точно также, если человѣкъ рождается свободнымъ, то свобода принадлежитъ ему съ дѣтства; никто не имѣетъ права подчинить ребенка общественной власти, если онъ самъ не изъявилъ на то согласія и самъ не участвовалъ въ общемъ рѣшеніи. Однако Руссо не касается даже этихъ вопросовъ; это единственная непослѣдовательность, въ которой можно его упрекнуть. Зато къ остальнымъ затрудненіямъ, вытекающимъ изъ придуманнаго имъ общественнаго устройства, онъ приступаетъ прямо и устраняетъ ихъ смѣло, не смотря ни на какія несообразности. А затрудненія многочисленны.

Легко сказать, что участвуя въ общемъ, обязательномъ для всѣхъ постановленіи, я подчиняюсь только собственной своей волѣ и такимъ образомъ сохраняю свою свободу. На дѣлѣ выходитъ иное. Въ собраніи возникаютъ различныя мнѣнія, образуются большинство и мень-

шинство. Если я остаюсь въ меньшинствѣ, то постановленіе составляется противъ моей воли; я по необходимости долженъ подчиняться чужой, и свобода моя исчезаетъ.

Руссо видѣлъ это возраженіе; какъ же онъ его устраняетъ? Онъ утверждаетъ, что подавая голосъ въ собраніи, никто не желаетъ побѣды собственнаго мнѣнія, а хочетъ, чтобы восторжествовало общее, то есть мнѣніе большинства. Какъ скоро перевѣсъ оказывается на другой сторонѣ, то каждый видитъ, что онъ ошибался, считая свое мнѣніе общимъ, а потому немедленно измѣняетъ свою волю и переходитъ на другую сторону.

Этому очевидному софизму противорѣчитъ существованіе партій во всѣхъ свободныхъ государствахъ. Партіи, какъ въ обществѣ, такъ и въ законодательныхъ собраніяхъ, находятся въ постоянной борьбѣ и вовсе не желаютъ торжества противной стороны. Если состоится рѣшеніе несогласное съ мнѣніемъ той или другой, то побѣжденная не только не отказывается отъ своихъ мыслей и желаній, а напротивъ, старается дѣйствовать съ новою силою, чтобы привлечь большинство на свою сторону и восторжествовать надъ противниками. Такимъ образомъ, вмѣсто общей воли, которая должна выражаться въ законѣ, господствуетъ частная воля той или другой партіи. Руссо понималъ и это, но старался устранить зло совершеннымъ запрещеніемъ партій въ своемъ государствѣ. Каждый долженъ подавать голосъ за себя, на основаніи мнѣнія, выработаннаго имъ самимъ. Всякія предварительныя сходки, совѣщанія, всякія дѣйствія заодно, строго преслѣдуются законами. Вмѣсто свободы установляется деспотизмъ.

Однако и уничтоженіе партій не устраняетъ возможности рѣшеній несправедливыхъ или невыгодныхъ для меньшинства. Это опять не ускользнуло отъ Руссо, который и противъ этого зла придумалъ средство, столь же неприложимое, какъ и первое. Оно состоитъ въ томъ, что всякое постановленіе верховной власти должно одинаковымъ образомъ касаться всѣхъ, такъ что каждый, подавая голосъ, знаетъ что рѣшеніе падетъ на него самаго. Но вслѣдствіе этого правила становятся невозможными всякіе частные законы, опредѣляющіе права или выгоды извѣстнаго разряда лицъ въ государствѣ, напримѣръ законы земледѣльческіе, торговые. Подобное законодательство можетъ существовать единственно при томъ условіи, чтобы всѣ имѣли одинакія занятія, одинакую собственность, даже одинакій полъ. Иначе закону

нѣтъ возможности установлять для всѣхъ одни права и приносить всѣмъ равную пользу. Другое послѣдствіе этого правила состоитъ въ томъ, что народное собраніе лишается всякой исполнительной и судебной власти, ибо та и другая всегда касаются извѣстныхъ лицъ. Самое производство выборовъ не можетъ быть предоставлено народу, какъ верховной власти, ибо выборы касаются не всѣхъ, а нѣкоторыхъ. Руссо прямо отрицаетъ у народа это право, въ силу того же положенія. А между тѣмъ, такъ какъ правительство должно исходить изъ народа, быть подчиненнымъ, исполнительнымъ органомъ верховной воли, то здѣсь опять возникаетъ затрудненіе. Руссо устраняетъ его тѣмъ, что народное собраніе, установивши, въ качествѣ верховной власти, извѣстный образъ правленія, затѣмъ внезапно превращается въ демократическое правительство, которое можетъ уже дѣлать выборы и совершать другіе правительственные акты. На совершенное ребячество подобной выдумки нечего указывать.

Такимъ образомъ, верховная власть ограничивается тѣснымъ кругомъ законодательства, касающагося одинаково всѣхъ граждан. Этимъ повидимому обезпечивается правильное рѣшеніе, ибо никто самъ себѣ зла не желаетъ, а потому общее постановленіе будетъ всегда наиболѣе выгодное для всѣхъ. Однако Руссо понималъ, что народъ не всегда видитъ настоящую свою пользу. Законодательство, говоритъ онъ, дѣло самое трудное. Полезныя послѣдствія закона или учрежденія рѣдко могутъ быть поняты людьми, не испытавшими ихъ на дѣлѣ. Хорошее законодательство предполагаетъ въ народѣ такое рѣдкое соединеніе условій и качествъ, какое почти никогда не встрѣчается въ мірѣ. Надобно, чтобы общество было воспитано хорошимъ законодательствомъ; тогда только оно въ состояніи понять его выгоды. Но изъ этого слѣдуетъ, что народъ неспособенъ самъ себѣ давать законы. И здѣсь полновластіе народа оказывается несостоятельнымъ; необходимъ законодатель.

Съ другой стороны, законодатель не можетъ дѣйствовать вопреки волѣ народной; это будетъ нарушеніе основнаго общественнаго договора. Онъ имѣетъ право только предлагать свои законы на одобреніе гражданъ. Между тѣмъ народъ, не воспитанный еще законодательствомъ, не въ состояніи понять ихъ пользы. Какъ же выдти изъ этого круга? Для этого, говоритъ Руссо, существуетъ одно только средство: религіозный обманъ. Законодатель долженъ выдать себя за провоз-

вѣстника воли божества и тѣмъ заставить народъ добровольно принять предлагаемые ему законы.

Религіозный обманъ! Таковъ результатъ, къ которому приходитъ Руссо въ послѣдовательномъ развитіи своего ученія, точно также, какъ съ другой стороны онъ приходитъ къ необходимости рабства, котораго незаконность самъ признаетъ. Это кажется почти невѣроятнымъ. Всѣ эти ни съ чѣмъ несообразныя условія, эти поразительные выводы обыкновенно ускользаютъ отъ людей, которые, принимая на вѣру начало прирожденной свободы человѣка и народнаго полновластія, не вглядываются ни въ основанія, ни въ послѣдствія своего воззрѣнія. Между тѣмъ Руссо грѣшилъ только силою логики. Признавши прирожденную свободу за единственное начало, на которомъ можно построить общество, онъ хотѣлъ сохранить ее въ государствѣ: и здѣсь каждый долженъ повиноваться только собственной своей волѣ. Но такъ какъ это невозможно, такъ какъ необходимое условіе государственной жизни состоитъ въ подчиненіи личной воли другимъ высшимъ началамъ, то противорѣчія неизбѣжны, и выпутаться изъ нихъ можно только посредствомъ новыхъ несообразностей и противорѣчій.

Не трудно опровергнуть это ученіе простымъ сопоставленіемъ его съ дѣйствительностью. На дѣлѣ, человѣкъ никогда не рождается свободнымъ, а напротивъ всегда зависимымъ. Онъ съ колыбели является членомъ извѣстнаго семейства, общества, государства; онъ подчиненъ семейной и общественной власти; онъ связанъ условіями и постановленіями той среды, въ которой находится. Однимъ словомъ, онъ рождается не отвлеченнымъ существомъ, пользующимся неограниченною свободою и не знающимъ никакихъ обязанностей, а членомъ извѣстнаго общественнаго организма, связывающаго въ одно цѣлое не только настоящія поколѣнія, но и прошедшія и будущія. Первоначальное состояніе природы, о которомъ мечтали писатели XVII-го и XVIII-го столѣтій, не болѣе, какъ вымыселъ. Оно никогда не существовало и не могло существовать; оно противорѣчитъ природѣ человѣка. Такимъ же вымысломъ представляется и общественный договоръ, въ силу котораго отдѣльныя лица образуютъ изъ себя государство. Исторія не знаетъ такихъ договоровъ. Дѣйствительныя государства основывались иначе, большею частью на правѣ силы, на завоеваніи, на добровольномъ или принудительномъ подчиненіи отдѣльныхъ, разбросанныхъ обществъ единой, существующей уже вла-

сти; иногда, хотя рѣже всего, на волѣ народной, но на волѣ, воспитанной уже государственнымъ бытомъ, признающей за основное начало не прирожденную свободу лица, а подчиненіе личной воли общественной и частныхъ выгодъ общему благу. На этихъ началахъ основаны и дѣйствительно существующія демократическія государства, въ которыхъ полновластіе народа означаетъ не право каждаго повиноваться только собственной своей волѣ, а напротивъ, обязанность подчинять свою волю чужой, то есть рѣшенію большинства или его представителей. На этой коренной общественной обязанности человѣка, на обязанности подчиняться установленной въ обществѣ власти, зиждутся и другіе образы правленія — монархическій, аристократическій, смѣшанный. Исторія и жизнь признаютъ правомѣрность каждаго изъ нихъ; каждый соотвѣтствуетъ извѣстнымъ государственнымъ цѣлямъ, извѣстнымъ потребностямъ человѣческой жизни и развитія, а потому имѣетъ одинакое съ другими право на существованіе.

Коренная ошибка ученія о полновластіи народа заключается въ томъ, что оно личную свободу, личную волю человѣка полагаетъ въ основаніе всего общественнаго зданія. Оно грѣшитъ односторонностью. Свобода — одинъ изъ элементовъ общественной жизни, и элементъ существенный, но не единственный и даже не верховный. Человѣкъ, по природѣ своей, существо свободное, а потому имѣетъ права. Эти права должны быть признаны въ государствѣ, которое состоитъ изъ свободныхъ лицъ, а не изъ рабовъ. Рабство есть униженіе человѣческаго достоинства, низведеніе человѣка на степень орудія или животнаго. Но человѣкъ не только существо свободное; онъ вмѣстѣ съ тѣмъ существо разумно-нравственное. Онъ не только живетъ и дѣйствуетъ для собственныхъ цѣлей, для личныхъ выгодъ и удовольствія, но онъ носитъ въ себѣ сознаніе высшихъ, господствующихъ надъ нимъ началъ и законовъ; онъ имѣетъ въ виду общіе интересы, связывающіе людей и создающіе духовный міръ, въ которомъ вращается человѣческая жизнь. Эта духовная связь существуетъ не только между людьми, живущими въ данное время, но и между различными, слѣдующими другъ за другомъ поколѣніями. Каждое получаетъ отъ своихъ предшественниковъ умственное и нравственное наслѣдіе, которое оно перерабатываетъ и умножаетъ собственною дѣятельностью, передавая его затѣмъ своимъ преемникамъ. Въ этомъ состоитъ органическое развитіе народовъ и человѣчества. Отдѣльное лице является членомъ орга-

ническаго цѣлаго, которое вводитъ его въ общій духовный міръ. Высшее его назначеніе, какъ разумно-нравственнаго существа, состоитъ не въ удовлетвореніи личныхъ потребностей, а въ дѣятельности на общую пользу, въ служеніи господствующимъ въ мірѣ идеямъ и интересамъ. Эта высшая духовная жизнь и дѣлаетъ человѣка субъектомъ правъ. Права человѣка должны быть уважаемы именно потому, что онъ существо нравственно разумное, которое носитъ въ себѣ сознаніе общихъ началъ и служитъ высшимъ цѣлямъ человѣчества. Иначе онъ нисходитъ на степень животнаго, которое не имѣетъ правъ, потому что не живетъ разумною жизнью, а ищетъ только удовлетворенія собственныхъ потребностей. Свобода человѣческая есть свобода разумно-нравственнаго существа. Человѣкъ имѣетъ права, потому что имѣетъ обязанности. Наоборотъ, онъ имѣетъ обязанности, потому что имѣетъ права: если бы онъ не признавался существомъ свободнымъ, имѣющимъ права, то съ него нельзя было бы требовать исполненія обязанностей. Оба начала обусловливаютъ другъ друга.

Принадлежность лица къ обществу есть, слѣдовательно, не только право, но и обязанность. Человѣкъ вступаетъ въ общество не только для удовлетворенія своихъ потребностей, но и по нравственно-разумной необходимости. Онъ является на свѣтъ не только существомъ свободнымъ, но и съ прирожденными обязанностями, которыя онъ получаетъ вмѣстѣ съ духовнымъ наслѣдіемъ предковъ, и которыя однѣ даютъ ему возможность пользоваться свободою и быть лицемъ полноправнымъ. Изъ человѣческихъ союзовъ, въ которыхъ признаются и осуществляются эти права и обязанности, высшій есть государство. Въ немъ народная жизнь получаетъ общую организацію, которою связываются и разсѣянныя лица и смѣняющіяся поколѣнія. Оно установляетъ въ обществѣ высшій порядокъ, оно водворяетъ правосудіе, управляетъ общими интересами, исполняетъ въ исторіи всемірное назначеніе народа. Рождаясь въ извѣстной землѣ, составляющей для него отечество, человѣкъ является на свѣтъ членомъ государства со всѣми обязанностями гражданина. Онъ подчиняется закону, установляющему порядокъ, онъ повинуется верховной власти, издающей и прилагающей законъ; онъ обязанъ служить государственной цѣли,—общему благу. Въ этомъ служеніи человѣкъ находитъ удовлетвореніе не только своей разумно-нравственной природы, но и личныхъ стремленій и выгодъ, ибо въ общей пользѣ

заключается и частная, общее благо имѣетъ въ виду благосостояніе всѣхъ. Здѣсь онъ находитъ и осуществленіе своей свободы, ибо свобода есть одно изъ важнѣйшихъ благъ человѣка, одинъ изъ коренныхъ элементовъ общества; безъ нея невозможна разумная жизнь. Развитіе свободы, какъ требованіе общаго блага, составляетъ, слѣдовательно, одну изъ цѣлей государства. Но эта цѣль не единственная; входя въ составъ политическаго организма, свобода подчиняется высшимъ, господствующимъ въ немъ началамъ. А потому большее или меньшее ея развитіе зависитъ отъ другихъ элементовъ государственной жизни: отъ потребностей власти, порядка, закона, отъ разнообразныхъ интересовъ, которыми управляетъ государство, и отъ тѣхъ условій, среди которыхъ оно живетъ.

Идеальная цѣль государства, высшее требованіе общаго блага, состоитъ, конечно, въ полномъ и гармоническомъ развитіи всѣхъ общественныхъ элементовъ; но къ этому идеалу народы приближаются различными путями и постепенно. Каждый народъ имѣетъ свои особенности; у одного преобладаетъ одинъ элементъ, у другаго иной, у одного начало права, у другаго начало обязанности; одинъ установляетъ у себя демократію, основанную на личномъ участіи каждаго гражданина въ государственномъ управленіи; другой подчиняется господствующей надъ нимъ власти, освященной вѣрою, закономъ, исторіею; третій, наконецъ, старается сочетать оба противоположныя начала въ общихъ учрежденіяхъ. Даже у одного и того же народа, въ различныя времена, преобладаетъ то одна цѣль, то другая, то одинъ элементъ, то другой, смотря по насущнымъ его потребностямъ. Умственное и нравственное состояніе общества, взаимныя отношенія разнообразныхъ его элементовъ — сословій, партій, областей, наконецъ внѣшнее положеніе государства и обстоятельства, въ которыхъ оно находится, все это рождаетъ различныя нужды и имѣетъ различное вліяніе на государственное устройство.

Изъ этого слѣдуетъ, что степень развитія свободы, мѣсто, которое она занимаетъ въ общественномъ организмѣ, верховное или подчиненное ея значеніе опредѣляются не абсолютными требованіями разума, а относительными требованіями жизни. Политическая свобода не составляетъ неотъемлемаго права народа; въ ней нельзя видѣть непремѣннаго условія всякаго государственнаго порядка. Народное представительство установляется тамъ, гдѣ оно требуется общимъ бла-

гомъ, гдѣ оно отвѣчаетъ настоящимъ нуждамъ государства, гдѣ оно способно дѣйствовать въ согласіи съ другими элементами, гдѣ оно содѣйствуетъ достиженію извѣстныхъ цѣлей. Поэтому основный вопросъ состоитъ здѣсь въ пользѣ, которую оно приноситъ, и въ условіяхъ, которыя для него требуются.

ГЛАВА 4.

СВОЙСТВА НАРОДНАГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА.

Если представительство не составляетъ вѣчнаго, неотъемлемаго права каждаго народа, если оно установляется и падаетъ во имя общественнаго блага, то спрашивается: въ чемъ состоитъ приносимая имъ польза? какимъ государственнымъ цѣлямъ можетъ оно содѣйствовать или мѣшать? каковы его выгоды и недостатки? однимъ словомъ, каковы его свойства?

Выгоды политической свободы и представительныхъ учрежденій до такой степени очевидны, основанныя на нихъ либеральныя идеи до такой степени распространены въ литературѣ и въ обществѣ, что почти странно на нихъ останавливаться. Говорить объ этомъ нѣтъ возможности, не впадая въ общія мѣста, давно всѣмъ извѣстныя. Гораздо чаще отъ вниманія не только публики, но и передовыхъ мыслителей, ускользаетъ оборотная сторона дѣла, безъ которой однако остается непонятнымъ множество явленій въ исторіи и въ жизни. Нѣтъ ничего легче и пошлѣе, какъ объяснять отсутствіе политической свободы невѣжествомъ народовъ и въ особенности насиліемъ правительствъ. Подобныя воззрѣнія столь же мало раскрываютъ смыслъ исторіи, какъ давно похороненныя объясненія миѳологіи обманами жрецовъ. Общество, которое руководствуется такими понятіями, которое въ политической свободѣ видитъ абсолютное требованіе, а въ ея отрицаніи одно только насиліе, никогда не придетъ ни къ ясному сознанію своего положенія, ни къ правильному развитію своего государственнаго устройства. Въ дѣйствительности, политическая свобода и основанныя на ней представительныя учрежденія не всегда

соотвѣтствуютъ общественной пользѣ, точно такъ же, какъ они не составляютъ непремѣннаго требованія права. Они упрочиваются, когда приносимыя ими выгоды перевѣшиваютъ ихъ недостатки, но часто они падаютъ вслѣдствіе внутренней своей несостоятельности, вслѣдствіе того, что при данныхъ условіяхъ, они являются скорѣе помѣхою, нежели двигателемъ общественнаго развитія. Для яснаго уразумѣнія дѣла необходимо слѣдовательно обратить вниманіе на обѣ стороны.

Въ наше время едва ли кто станетъ отрицать огромныя и благодѣтельныя послѣдствія, истекающія изъ представительныхъ учрежденій для народовъ къ нимъ приготовленныхъ, въ странахъ, гдѣ установилось вожделѣнное согласіе политической свободы съ властью, порядкомъ и общею пользою. Прежде всего, права и интересы гражданъ находятъ здѣсь высшее обезпеченіе. Классы, облеченные политическимъ правомъ, имѣютъ возможность стоять за себя, защищать и свои и общія выгоды. Участвуя въ верховной власти, представитель является въ ней законнымъ заступникомъ не только своихъ избирателей, но и всѣхъ гражданъ въ совокупности. Законъ, утвержденный на общемъ согласіи, ограждаетъ права всѣхъ и не подвергается произвольнымъ перемѣнамъ и нарушеніямъ. Власти, другъ друга сдерживающія, устраняютъ произволъ, пресѣкаютъ злоупотребленія, содѣйствуютъ прочности законнаго порядка. Нѣтъ сомнѣнія, что представительное устройство не составляетъ единственной гарантіи права и свободы. Напротивъ, оно имѣетъ значеніе только при существованіи другихъ, ближайшихъ къ народу учрежденій, непосредственно касающихся жизни. Независимый, безкорыстный, хорошо устроенный судъ, надлежащая доля мѣстнаго самоуправленія гораздо лучше охраняютъ личность, собственность и интересы гражданъ, нежели участіе ихъ въ верховной власти. Послѣднее составляетъ вѣнецъ зданія, а не краеугольный его камень. Но безъ политической свободы, всѣ низшія гарантіи сами не ограждены отъ нарушенія. Власть, ничѣмъ не сдержанная, легко склоняется къ произволу. Низшіе органы правительства, тѣ, которые приходятъ въ ближайшее соприкосновеніе съ гражданами, получаютъ свое бытіе, свою силу и направленіе отъ власти верховной, а потому высшею гарантіею правъ и интересовъ народа можетъ быть только народное представительство, участвующее въ дѣйствіяхъ и постановленіяхъ самой верховной власти. Вся конституціонная система Англіи, говоритъ Боркъ, существуетъ для того, чтобы

посадить 12 безпристрастныхъ людей на скамью присяжныхъ. Безусловнаго обезпеченія и здѣсь нельзя найти, ибо оно вообще немыслимо въ человѣческихъ обществахъ, но это высшее, какое возможно.

Такая крѣпость права, такое огражденіе свободы отъ произвола имѣютъ огромное вліяніе на возбужденіе народныхъ силъ, на развитіе общаго благоденствія. Человѣческая дѣятельность требуетъ простора и безопасности. Увѣренность въ будущемъ, въ прочности порядка, въ невозможности произвола составляетъ первое условіе всякаго предпріятія. Только при свободѣ, энергія лица можетъ проявиться во всей своей полнотѣ; въ свободѣ лежитъ главная пружина человѣческаго совершенствованія. Куда бы мы ни обратились, вездѣ существуетъ этотъ законъ. Промышленность достигаетъ высокой степени развитія только въ странахъ, гдѣ упрочена свобода и ограждены права. Еще болѣе требуетъ свободы духовная дѣятельность человѣка, которая вся истекаетъ изъ свободной мысли; для нея свобода также необходима, какъ воздухъ для физическаго организма. Поэтому свободные народы самые богатые и самые просвѣщенные. Древнія республики, средневѣковыя вольныя общины, новыя представительныя государства служатъ тому разительными доказательствами.

Однако не слѣдуетъ и преувеличивать значенія свободныхъ учрежденій. Съ одной стороны, какъ мы замѣтили, низшія, ближайшія гарантіи могутъ существовать и безъ высшихъ. При нѣкоторой степени общественнаго развитія, при благоразуміи правительства, онѣ могутъ вполнѣ удовлетворить народнымъ нуждамъ. Произволъ сдерживается нравственною силою общества, опасеніемъ неудовольствій, желаніемъ блага въ правителяхъ, которые обыкновенно готовы дать подданнымъ всевозможныя учрежденія, охраняющія личность и собственность, если только не затрогиваются права верховной власти. Съ другой стороны, бури, вызываемыя политическою свободою, могутъ подвергать жизнь и имущество гражданъ гораздо большей опасности, вносить въ общественныя отношенія несравненно большую шаткость, нежели самый сильный деспотизмъ. Поэтому частные интересы обыкновенно ищутъ успокоенія отъ революціонныхъ смутъ подъ сѣнью самодержавной власти, которая доставляетъ каждому возможность мирно заниматься своими дѣлами и безопасно достигать своихъ выгодъ. Просвѣщенный абсолютизмъ, дающій гражданамъ всѣ нужныя гарантіи въ частной жизни, содѣйствуетъ развитію народнаго

благосостоянія гораздо болѣе, нежели республики, раздираемыя партіями. Стбитъ сравнить, напримѣръ, революціонную Францію съ Пруссіею послѣ 1815-го года. Поэтому, если злоупотребленія неограниченной власти ведутъ иногда къ общему застою, къ истощенію народныхъ силъ, то съ другой стороны мы видимъ, что народы крѣпнутъ и растутъ подъ самодержавнымъ правленіемъ. Въ доказательство достаточно сослаться на Россію. Положеніе либеральныхъ писателей, что абсолютизмъ непремѣнно ведетъ къ паденію обществъ, далеко не всегда оправдывается исторіею. Если намъ могутъ указать на примѣры народовъ, склоняющихся къ упадку подъ неограниченною властью монарховъ, то надобно спросить, гдѣ тому причина: въ образѣ ли правленія или въ разложеніи самой жизни, при которомъ деспотизмъ остается единственною возможною формою общественнаго устройства? Послѣднее очевидно имѣло мѣсто въ римской имперіи, на которую нерѣдко ссылаются въ доказательство пагубнаго дѣйствія самодержавія. Древнія республики начали разлагаться и падать при господствѣ въ нихъ свободныхъ учрежденій. Въ этомъ случаѣ, абсолютизмъ не ускоряетъ, а скорѣе задерживаетъ неизбѣжное паденіе. Общества дряхлѣющія, какъ и новыя, нуждаются въ единой, сильной власти, которая одна въ состояніи охранять у нихъ миръ и безопасность. Политическая свобода полезна для народовъ только въ ихъ зрѣломъ возрастѣ, въ полномъ цвѣтѣ жизни. Поэтому и означенное выше положеніе, что представительное устройство, охраняя свободу и права гражданъ, наиболѣе содѣйствуетъ развитію общественныхъ силъ, не слѣдуетъ принимать за безусловное правило, приложимое ко всякому времени и ко всякому мѣсту. Оно имѣетъ значеніе только при извѣстныхъ данныхъ.

Но охраненіе свободы, обезпеченіе права и проистекающее отсюда возбужденіе народныхъ силъ не составляютъ единственной, ни даже верховной цѣли государства. Личная свобода и частныя выгоды подчиняются въ немъ высшимъ началамъ; на первомъ мѣстѣ стоитъ благо цѣлаго союза. Поэтому, обсуждая пользу представительныхъ учрежденій, необходимо разсмотрѣть какое значеніе они имѣютъ для общихъ государственныхъ интересовъ, оказываютъ ли они имъ содѣйствіе или помѣху?

И здѣсь во многихъ отношеніяхъ благодѣтельныя ихъ послѣдствія неопровержимы. Все что можетъ сдѣлать общественная мысль въ при-

ложенія въ государственной жизни, дается политическою свободою. Народное представительство служитъ постояннымъ органомъ общественнаго мнѣнія. Правда, это не единственное его выраженіе; существуютъ и другіе пути: областныя и сословныя собранія, печать. Но въ народномъ представительствѣ разсѣянныя, частныя сужденія пріобрѣтаютъ общее средоточіе, общественное мнѣніе получаетъ правильную организацію. Пока мысль высказывается отдѣльными лицами или корпораціями, трудно судить, до какой степени она распространена; когда же она проявляется въ представительствѣ, составляющемъ вѣрное выраженіе общества, можно полагать, что это мнѣніе дѣйствительно общее или по крайней мѣрѣ весьма распространенное. Сосредоточиваясь въ верховномъ собраніи, оно получаетъ и особенный вѣсъ, какого не имѣютъ разсѣянныя, одиночныя сужденія; оно становится силою въ глазахъ правительства и народа.

Никто не станетъ утверждать, что общественное мнѣніе всегда вѣрно видитъ вещи и судитъ о нихъ безупречно. Въ теоретическихъ вопросахъ сужденіе массы не имѣетъ никакого вѣса; часто одинъ человѣкъ ближе къ истинѣ, нежели цѣлый народъ. И въ практической жизни нерѣдко приходится прибѣгать къ теоріи. Эта потребность ощущается особенно при законодательствѣ новомъ, не испытанномъ на опытѣ; но и въ обыкновенныхъ дѣлахъ теорія часто бываетъ необходима. Такъ напримѣръ, финансовые вопросы, хотя чисто практическіе, требуютъ основательнаго изученія экономической науки, а потому, разумѣется, могутъ быть здраво обсуждаемы только весьма незначительнымъ количествомъ лицъ. И въ другихъ практическихъ вопросахъ, общественное мнѣніе нерѣдко ошибается, еще чаще увлекается временнымъ чувствомъ или господствующимъ одностороннимъ направленіемъ. Оно ощущаетъ зло и не знаетъ способовъ врачеванія, или кидается на средства, причиняющія еще бóльшій вредъ. Оно рѣдко видитъ отдаленныя цѣли и препятствія, а потому не всегда обнимаетъ вопросъ во всей его полнотѣ. Правительство, стоящее выше частныхъ интересовъ и увлеченій, обычное въ дѣлахъ, имѣющее средства знать каждый вопросъ во всемъ его объемѣ и собрать вокругъ себя наиболѣе свѣдущихъ людей, нерѣдко судитъ о государственныхъ потребностяхъ лучше общества.

Но если общественное мнѣніе не можетъ считаться непогрѣшимымъ судьею политическихъ вопросовъ, если не слѣдуетъ подчиняться ему

безусловно, то свободное его выраженіе всегда имѣетъ неоспоримыя выгоды. Оно прежде всего обнаруживаетъ настоящее состояніе общества и управленія. Существующее зло не таится внутри, а выходитъ наружу. Народныя нужды становятся извѣстны всѣмъ, а потому скорѣе и легче могутъ быть изысканы средства исправленія недостатковъ. Въ государствахъ, гдѣ политическая свобода не существуетъ, гдѣ не допускается критика господствующаго порядка, гдѣ выраженіе общественныхъ потребностей считается неуваженіемъ къ власти, правительству и въ особенности монарху не всегда легко узнать настоящее положеніе дѣлъ. Злоупотребленія тщательно скрываются, ибо обнаружить ихъ могутъ только тѣ, которые сами въ нихъ виновны или за нихъ отвѣчаютъ. Правителямъ выгодно представлять въ благопріятномъ свѣтѣ результаты своего управленія и устранять всякое противорѣчіе. Отсутствіе критики даетъ имъ возможность успокоиться на мысли, что все идетъ хорошо, пока неожиданное событіе не пробудитъ ихъ отъ пріятной мечты. Такимъ образомъ, за блестящею обстановкою нерѣдко скрываются бѣдность, безпорядокъ и беззаконіе, власть лишается настоящей опоры и твердой почвы для дѣятельности, зло накопляется въ тайнѣ, неудовольствіе растетъ, матеріяльныя и нравственныя силы народа падаютъ. Плодомъ такого порядка вещей является разслабленіе всего государственнаго организма или общественный переворотъ, который разомъ измѣняетъ весь жизненный строй народа.

Все это устраняется народнымъ представительствомъ, которое постоянно стоитъ на сторожѣ, поднимая голосъ во имя общественныхъ нуждъ и обнаруживая истинное положеніе дѣлъ. Здѣсь скорѣе можно ожидать избытка критики, нежели недостатка въ ней, по крайней мѣрѣ тамъ, гдѣ представители пользуются надлежащею независимостью. Но излишняя критика, при всѣхъ своихъ неудобствахъ, составляетъ гораздо меньшее зло, нежели успокоительныя мечты. Она всегда содержитъ въ себѣ побужденіе къ дѣятельности. Можно изслѣдовать язвы, пока онѣ не наболѣли; исправленія совершаются постепенно, и не нужно разомъ приниматься за всѣ упущенныя мѣры, съ опасностью произвести общее потрясеніе въ государствѣ. Въ представительномъ собраніи общественная критика получаетъ особенный вѣсъ и значеніе. Пока жалобы высказываются частнымъ образомъ, въ прошеніяхъ, въ собраніяхъ, въ печати, трудно знать что̀ въ нихъ истин-

наго и что ложнаго; нерѣдко онѣ преувеличиваются легкомысліемъ или желаніемъ играть общественную роль. Правительство не можетъ все изслѣдовать и на все отвѣчать, и самый отвѣтъ не всегда становится всѣмъ извѣстнымъ. Въ представительномъ собраніи высказывается только то, что дѣйствительно имѣетъ нѣкоторую важность, за критикою немедленно слѣдуетъ отвѣтъ, всѣ элементы сужденія здѣсь на лицѣ, а потому легче обнаружиться истинѣ.

Этого мало. Народное представительство не только служитъ органомъ общественныхъ потребностей, но оказываетъ правительству значительное пособіе и при обсужденіи средствъ къ устраненію зла. Если оно не всегда судитъ правильно, то во всякомъ случаѣ оно вноситъ въ сужденіе новые элементы, новыя точки зрѣнія, особенно касательно приложенія законовъ къ практикѣ. Власть, стоящая на вершинѣ, часто не знаетъ того, что совершается внизу. Законы, составляемые въ канцеляріяхъ, обсуждаемые собраніями сановниковъ, нерѣдко отзываются бюрократическимъ формализмомъ и совершенною непрактичностью. Подвергнуть ихъ сужденію общества всегда полезно, и лучшимъ для этого средствомъ служитъ представительное собраніе, въ которомъ сосредоточивается цвѣтъ общественной мысли. Даже невѣрное сужденіе имѣетъ свои выгоды Приложимость закона, польза, которую можетъ принести извѣстная мѣра, зависятъ не только отъ внутренней ихъ доброты, но и отъ состоянія общества, въ которомъ они должны дѣйствовать, отъ того мнѣнія, которое имѣетъ объ нихъ народъ. Законъ, вошедшій въ общее убѣжденіе посредствомъ всестороннихъ и гласныхъ преній, пріобрѣтаетъ несравненно бо́льшую силу и пользуется бо́льшимъ довѣріемъ, нежели законъ, обсужденный тайно и проникающій въ общество, къ нему неприготовленное.

Такимъ образомъ, пріобщая къ себѣ народное представительство, власть пріобрѣтаетъ новыя силы и новыя опоры. Она яснѣе видитъ состояніе общества, глубже вникаетъ въ его потребности, получаетъ новые элементы сужденія и можетъ дѣйствовать рѣшительнѣе, опираясь на довѣріе народа и на общую готовность поддерживать мѣры, одобренныя выборными людьми.

Но польза, приносимая государству народнымъ представительствомъ, не ограничивается свободнымъ проявленіемъ общественной мысли. Для этого были бы достаточны и другіе пути. Гораздо важнѣе то, что мысль здѣсь прямо переходитъ въ дѣло, что общественное мнѣ-

ніе становится выраженіемъ воли народной, участія гражданъ въ общихъ дѣлахъ государства. Правительство не только выслушиваетъ мнѣніе, когда ему угодно, но и должно съ нимъ сообразоваться. Этимъ только способомъ установляется дѣйствительный контроль общества надъ государственнымъ управленіемъ, а такой контроль бываетъ весьма полезенъ. Съ человѣческою природою неразрывно соединены личные взгляды, стремленія и страсти, которые тѣмъ легче проявляются въ управленіи общественными дѣлами, чѣмъ менѣе власть встрѣчаетъ задержекъ. Лучшимъ противодѣйствіемъ этому неизбѣжному злу служатъ права собранія, контролирующаго правителей и представляющаго интересы всѣхъ, собранія, въ которомъ частные виды принуждены скрываться за общею пользою, и каждый членъ находится подъ надзоромъ общества. Взаимный контроль воздерживающихъ другъ друга властей составляетъ самое надежное обезпеченіе хорошаго управленія. Лица, которымъ ввѣряется власть, подлежатъ здѣсь отвѣтственности не передъ однимъ монархомъ, на котораго личныя вліянія всегда могутъ быть сильны, какъ доказываютъ безчисленные примѣры, а передъ независимымъ собраніемъ, представляющимъ самый народъ, который ощущаетъ на себѣ выгоды или невыгоды управленія.

Контролемъ представительнаго собранія устраняются и тѣ произвольныя и необдуманныя рѣшенія, которыя нерѣдко навлекаютъ бѣдствія на страну. Правительство, облеченное неограниченною властью, легко вовлекается въ войны, истощающія казну и не находящія ни малѣйшаго сочувствія въ народѣ. Это бываетъ даже при народномъ представительствѣ, котораго права недостаточно широки; стоитъ вспомнить о мексиканской экспедиціи, предпринятой нынѣшнимъ французскимъ императоромъ. Тѣмъ болѣе это возможно при отсутствіи всякаго общественнаго контроля, тамъ гдѣ нѣтъ представительнаго собранія, располагающаго деньгами и людьми. Завоевательныя войны Лудовика XIV-го и Наполеона показываютъ, къ чему можетъ привести власть, не сдержанная правами народа. Тоже самое относится и къ внутреннимъ вопросамъ. Исторія государствъ, гдѣ народныя права недостаточно обезпечены, представляетъ тому многочисленные примѣры. Въ безправномъ состояніи общества, при совершенномъ отсутствіи задержекъ, энергическая система, поставляющая себѣ задачею подавленіе всякой общественной свободы, не встрѣтитъ никакаго противодѣйствія. Среди всеобщаго безмолвія, она можетъ безпрепятственно

идти къ своей цѣли. Какъ бы на это ни жаловались въ тайнѣ, средствъ противъ зла не существуетъ никакихъ, и многіе годы могутъ пройти съ величайшимъ ущербомъ и для частной жизни и для общихъ интересовъ страны. Если же наконецъ злоупотребленія становятся невыносимыми, и общее неудовольствіе находитъ себѣ исходъ въ удачной революціи, то и отъ этого не всегда становится легче, ибо революція сама по себѣ есть зло и всегда влечетъ за собою значительныя бѣдствія.

Общественный контроль въ особенности полезенъ для финансовъ. Было бы несправедливо утверждать, что въ представительныхъ государствахъ финансы всегда въ лучшемъ порядкѣ, нежели въ самодержавныхъ; можно привести не одинъ примѣръ неограниченнаго правительства, умѣющаго вести свои дѣла, и представительныхъ собраній, которыя ихъ разстроиваютъ. Французская республика пришла къ банкротству, несмотря на продажу церковныхъ имуществъ, и только Наполеонъ возстановилъ упавшіе финансы. Современная Италія принуждена прибѣгать къ постояннымъ займамъ для покрытія дефицитовъ. Тоже дѣлаетъ и Австрія. Представительныя собранія имѣютъ даже нѣкоторыя невыгоды передъ самодержавными правительствами; они легче рѣшаются на возвышеніе податей и на заключеніе займовъ, ибо менѣе опасаются народнаго неудовольствія. Однако, съ другой стороны, общественный контроль несомнѣнно содѣйствуетъ правильности государственнаго хозяйства. Охраняя народный кошель, представители воздерживаютъ по возможности произвольные расходы и устраняютъ легкомысленную расточительность, которая такъ часто разстроиваетъ финансы въ самодержавныхъ государствахъ. А какъ скоро есть гарантія правильнаго хозяйства, такъ естественно возрастаетъ довѣріе къ государственнымъ средствамъ. Вообще говоря, конституціонныя государства пользуются бо̀льшимъ кредитомъ, нежели самодержавныя, хотя это далеко не общее правило. Кредитъ пріобрѣтается довѣріемъ къ прочности существующаго порядка и къ умѣнію правительства вести свои дѣла. Поэтому и народное представительство тогда только можетъ имѣть благопріятное вліяніе на финансы, когда оно успѣетъ упрочиться и доказать свою способность, а это дѣло времени. Считать же представительныя учрежденія непремѣннымъ лѣкарствомъ противъ финансоваго разстройства невозможно ни на основаніи теоріи, ни въ виду фактовъ.

Представительныя собранія дѣйствуютъ на правительство, не только какъ задержка, но и какъ побужденіе къ дѣятельности. Въ этомъ также состоитъ одна изъ существенныхъ выгодъ политической свободы. Трудно пребывать въ покойной рутинѣ, когда рядомъ стоитъ власть, постоянно слѣдящая за правителями и напоминающая имъ о потребностяхъ общества. Въ каждомъ сколько-нибудь независимомъ собраніи существуетъ болѣе или менѣе сильная оппозиція, которая своею смѣлою критикою, своими неумолкающими нападками, возбужденіемъ новыхъ вопросовъ, заявленіемъ объ общественныхъ нуждахъ, безпрерывно толкаетъ правительство впередъ, заставляетъ его обращать вниманіе на всѣ упущенія и принимать мѣры къ ихъ исправленію. Правительство принуждено дѣйствовать неусыпно, чтобы не доставить слишкомъ легкой побѣды противникамъ, и такъ какъ здѣсь постоянно происходитъ борьба, требующая значительнаго напряженія силъ, то оно по неволѣ должно составляться изъ способныхъ людей. Въ представительномъ правленіи, отъ государственнаго человѣка требуется гораздо болѣе, нежели въ самодержавномъ. Въ послѣднемъ, онъ можетъ держаться рутиною, умѣніемъ ладить, личною угодливостью, иногда совершенно посторонними вліяніями; въ первомъ, несостоятельность его обличается тотчасъ, ибо онъ долженъ отстаивать свои дѣйствія противъ недремлющихъ враговъ, употребляющихъ всѣ усилія для его низложенія. Министръ, который своею неспособностью подрываетъ правительство, не можетъ держаться передъ палатами. Чтобы сохранить свое положеніе, власть должна обладать не только физическими средствами, но и огромнымъ нравственнымъ вліяніемъ на общество. Стоя лицемъ къ лицу передъ всею силою организованнаго мнѣнія, она принуждена сама быть дѣйствительною силою и для этого призвать къ себѣ на помощь способнѣйшихъ людей страны.

Представительныя учрежденія сами въ значительной степени доставляютъ элементы для хорошаго правительства. Это опять одна изъ важныхъ услугъ, которыя они оказываютъ государству. Здѣсь выдѣлываются люди, развиваются и выказываются способности. Одна изъ существенныхъ невыгодъ неограниченнаго правленія состоитъ въ томъ, что высшія государственныя должности достигаются въ немъ единственно бюрократическимъ путемъ. Но бюрократія — далеко не лучшая среда для развитія политическихъ способностей. Въ ней

пріобрѣтаются чиновничья опытность, знаніе бумажнаго дѣла, но вовсе не высшіе государственные взгляды. Напротивъ, имѣя дѣло не столько съ живыми силами, сколько съ мертвыми формами, вращаясь постоянно въ узкой канцелярской сферѣ, бюрократія естественно впадаетъ въ рутину и формализмъ. Только необыкновенно даровитые люди въ состояніи выбиться изъ этой колеи, выдти на болѣе широкую дорогу; посредственныя способности не только не развиваются, а съуживаются и слабѣютъ, чѣмъ долѣе онѣ вращаются въ этой сферѣ, чѣмъ выше поднимается лице по чиновничьей лѣстницѣ. Нужно въ монархѣ геніяльное умѣніе распознавать людей, притягивать ихъ къ себѣ, возвышать ихъ, пока они не утратили своей свѣжести и не закоснѣли въ формализмѣ, чтобы восполнить этотъ недостатокъ. Иначе послѣдствіемъ такого порядка вещей бываетъ совершенное оскудѣніе политической мысли и государственныхъ способностей, и когда наконецъ правительство, побуждаемое обстоятельствами, ищетъ даровитыхъ людей для поправленія дѣлъ, оно повсюду встрѣчаетъ приводящую въ отчаяніе бѣдность. Чиновниковъ оказывается несмѣтное множество, но государственныхъ людей вовсе нѣтъ.

Представительныя учрежденія устраняютъ это зло. Чтобы дѣйствовать на этомъ поприщѣ, нужно выдти изъ бюрократической колеи. Здѣсь надобно имѣть дѣло съ живыми общественными силами, обхватывать вопросы съ разныхъ точекъ зрѣнія, напрягать всѣ свои способности въ постоянной борьбѣ. Здѣсь общество и правительство соединяются въ общей дѣятельности, а потому нѣтъ лучшей среды для близкаго и всесторонняго знакомства съ государственными вопросами. Пріобрѣтаемыя здѣсь опытность и знаніе дѣла, ширина взглядовъ, умѣніе ладить съ людьми составляютъ лучшія свойства государственнаго человѣка. Парламентъ даетъ государству способнѣйшихъ дѣятелей. Въ этомъ отношеніи можно сослаться на примѣръ Англіи, гдѣ государственные люди отличаются необыкновеннымъ практическимъ смысломъ, а между тѣмъ выходятъ не изъ министерскихъ департаментовъ, а изъ представительныхъ собраній. Парламентское поприще замѣняетъ даже спеціяльное знакомство съ предметомъ. Нерѣдко дѣятель, испытанный въ политической борьбѣ, становится военнымъ министромъ, никогда не служивши въ войскѣ, или морскимъ, никогда не бывши на морѣ, и на дѣлѣ оказывается способнѣе спеціалистовъ. Конечно, это не можетъ быть возведено въ общее пра-

вило; подобныя явленія возможны только въ обществѣ, которое вѣковою практикою пріобрѣло опытность въ государственныхъ дѣлахъ. Но нѣтъ сомнѣнія, что парламентское поприще пополняетъ недостатки бюрократическаго и въ значительной степени содѣйствуетъ возвышенію способностей государственныхъ людей.

Представительныя учрежденія служатъ лучшею политическою школою и для народа. Пріобрѣтая долю вліянія на государственныя дѣла, избиратели естественно принимаютъ въ нихъ живое участіе. Гласное обсужденіе вопросовъ развиваетъ въ народѣ политическую мысль, необходимость совокупной дѣятельности изощряетъ практическія способности гражданъ. Можно сказать, что только съ помощью представительныхъ учрежденій общественное мнѣніе можетъ достигнуть надлежащей зрѣлости. Даже при полной свободѣ печати, обсужденіе политическихъ вопросовъ въ журналахъ всегда представляетъ весьма значительныя невыгоды и пробѣлы. Рѣдкій читатель даетъ себѣ трудъ перечитывать журналы различныхъ направленій: огромное большинство держится одного органа, а потому не имѣетъ возможности взглянуть на вопросы съ разныхъ сторонъ, отличить правду отъ лжи. Въ силу привычки и ежедневнаго повторенія, читатель какъ бы механически болѣе и болѣе утверждается въ извѣстномъ направленіи. Съ другой стороны, писатель не имѣетъ тѣхъ сдержекъ, которыя вырабатываются въ представительномъ собраніи. Для него не существуетъ необходимости сдѣлокъ и уступокъ во имя совокупной дѣятельности; онъ выражаетъ только личное свое мнѣніе. На немъ не лежитъ никакой отвѣтственности, ибо онъ не призванъ къ рѣшенію дѣлъ. Лишенная приложенія, мысль его по необходимости принимаетъ направленіе теоретическое; журналистъ обсуждаетъ вопросы, придумываетъ рѣшенія, направляетъ судьбы міра въ своемъ кабинетѣ. И это не является въ немъ, какъ плодъ зрѣлаго и долговременнаго размышленія; это ежедневная потребность, возникающая изъ необходимости всякій день сказать что нибудь, наполнить столбцы газеты, возбудить вниманіе читателей. Журнализмъ выгодное ремесло, которое можетъ обратиться въ такую же рутину, какъ и канцелярская дѣятельность, съ тѣмъ различіемъ что послѣдняя имѣетъ болѣе соприкосновенія съ практикою. Общественное мнѣніе, вскормленное журнализмомъ, естественно отражаетъ на себѣ его недостатки: оно является поверхностнымъ, одностороннимъ, непрактическимъ. Этому

злу можетъ противодѣйствовать одно только представительное собраніе. Здѣсь политическіе вопросы обсуждаются со всѣхъ сторонъ, людьми, облеченными общимъ довѣріемъ, призванными къ практическому дѣлу, несущими на себѣ отвѣтственность. На нихъ сосредоточивается главное вниманіе народа, они становятся его руководителями; журнализмъ отходитъ на второй планъ. Самая свобода печати безъ представительнаго собранія лишена гарантій и настоящей почвы; она производитъ постоянное возбужденіе мысли, игру случайныхъ, поверхностныхъ, разнорѣчащихъ мнѣній, безъ всякой возможности исхода, поправки и руководства. Только въ представительномъ порядкѣ народъ пріобрѣтаетъ опытность, которою это броженіе сдерживается въ должныхъ границахъ. Мысль, не переходящая въ дѣло, всегда остается отвлеченною и непрактическою; дѣятельность служитъ ей мѣриломъ и руководствомъ. Общество можетъ испробовать свои политическія сужденія, только будучи само призвано къ участію въ государственныхъ дѣлахъ, и если общественное мнѣніе оказывается ошибочнымъ, то оно само несетъ отвѣтственность за свои дѣйствія; изъ своихъ ошибокъ оно черпаетъ уроки для будущаго. Безъ собственнаго опыта, ни отдѣльный человѣкъ, ни народъ не въ состояніи пріобрѣсти высшихъ качествъ, необходимыхъ для разумной дѣятельности: самообладанія, твердости, яснаго и спокойнаго взгляда на вещи. Эта возможность практическаго исхода тѣмъ болѣе необходима, что политическая мысль рѣдко остается безстрастною; борьба политическихъ партій переходитъ въ ожесточеніе. Поэтому, прежде нежели она достигла крайнихъ предѣловъ, слѣдуетъ ввести ее въ законный путь, дать ей правильное движеніе, которое бы дѣлало ее менѣе опасною для государства. Народъ, которому свободныя учрежденія не открываютъ возможности осуществлять свои желанія, нерѣдко прибѣгаетъ къ революціямъ. И здѣсь опытъ даетъ ему суровые уроки; но эта опытность гораздо менѣе плодотворна, нежели та, которая пріобрѣтается законною дѣятельностью въ правильно устроенномъ порядкѣ. Представительное правленіе не всегда предупреждаетъ революціи, но оно дѣлаетъ ихъ менѣе вѣроятными, ибо есть возможность достигнуть цѣли иначе, мирнымъ путемъ, борьбою мысли и слова.

Наконецъ, представительныя учрежденія внушаютъ народу и бòльшую привязанность къ существующему порядку. Здѣсь удовлетворяется прирожденное человѣку чувство свободы. Если всякій совершен-

нолѣтній хочетъ самъ управлять своими дѣйствіями, то и народъ, достигшій политической зрѣлости, естественно стремится къ самоуправленію. Участвуя въ верховной власти, гражданинъ чувствуетъ себя не подвластнымъ, а свободнымъ лицемъ; онъ исполняется сознаніемъ своего достоинства, своего права и своей силы, сознаніемъ, дающимъ высшую цѣну и красоту самой жизни. Какъ отдѣльное лице, онъ подчиняется высшему порядку, но вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ разумное существо, онъ самъноситъ въ себѣ этотъ порядокъ, самъ участвуетъ въ его поддержаніи, сознаетъ его какъ собственную свою сущность, а не какъ ярмо, наложенное извнѣ. Поэтому въ немъ сильнѣе развивается любовь къ тѣмъ учрежденіямъ, которыя доставляютъ ему защиту и даютъ ему высшее значеніе. Чувствуя себя живымъ членомъ государственнаго организма, онъ всѣми силами заботится о его сохраненіи. Государство пріобрѣтаетъ новыя опоры въ мысляхъ и сердцахъ своихъ гражданъ.

Таковы весьма значительныя выгоды, которыя можетъ принести государству народное представительство. Твердыя гарантіи, возбужденіе общественной самодѣятельности, новыя мысли, новыя силы, все это можетъ дать свобода, входящая въ государственную жизнь, какъ одинъ изъ существенныхъ ея элементовъ. На помощь правительству приходитъ здѣсь цѣлое общество, а это должно возводить государство на высшую степень развитія. Еслибы этими выгодами исчерпывалась вся сущность дѣла, еслибы свобода всегда приносила подобные плоды, едвали на свѣтѣ существовали бы иныя государства, кромѣ представительныхъ. Подавленіе свободы было бы дѣломъ не внутренней необходимости, а внѣшняго насилія, которое временно можетъ взять перевѣсъ, но на которомъ долго не держится ни одно государство. Исторія не представляла бы намъ картины жаркой борьбы за свободу, медленнаго ея развитія, насильственнаго водворенія, горькихъ разочарованій и частыхъ паденій. Все обходилось бы мирно и дружелюбно. Но, какъ всякое человѣческое установленіе, политическая свобода, кромѣ выгодныхъ сторонъ, имѣетъ и другія, которыя иногда уравновѣшиваютъ, а иногда перевѣшиваютъ первыя. Слишкомъ часто она оказывается неспособною водворить прочное устройство и служить государственнымъ цѣлямъ; нерѣдко она приходитъ въ столкновеніе съ другими, самыми коренными элементами государства, безъ которыхъ ни одно общество не можетъ обойтись, съ властью и

порядкомъ, а въ такихъ случаяхъ народъ естественно держится высшихъ началъ, ухватывается за основы общества, жертвуя другими, меньшими выгодами. Свобода въ государствѣ должна подчиняться общему строю и благу цѣлаго; она можетъ достигать полнаго развитія только тамъ, гдѣ она способна дѣйствовать въ согласіи съ другими элементами. Но это соглашеніе составляетъ одну изъ самыхъ трудныхъ задачъ политической жизни, идеалъ, котораго достиженіе часто оказывается невозможнымъ.

Государственное управленіе требуетъ отъ правительства двухъ существенныхъ качествъ: высшаго сознанія и единства воли. И то и другое далеко не всегда обезпечивается политическою свободою.

Либеральные писатели нерѣдко утверждаютъ, что свои дѣла каждому ближе всего, а потому несравненно успѣшнѣе ведутся самимъ лицемъ, котораго они касаются, нежели другимъ. Изъ этого выводятъ, что и народъ долженъ самъ завѣдывать своими дѣлами, а не возлагать ихъ на правителей. Въ этомъ доводѣ страннымъ образомъ смѣшиваются свойства частныхъ дѣлъ и общественныхъ. Несомнѣнно, что каждый человѣкъ лучшій хозяинъ своихъ частныхъ дѣлъ, ибо здѣсь главная движущая пружина — личный интересъ. Обыкновенно всякій знаетъ свои дѣла лучше, нежели другой, и болѣе о нихъ заботится. Если даже, что случается нерѣдко, частный человѣкъ оказывается неспособнымъ ихъ вести, если онъ ими пренебрегаетъ или запутываетъ ихъ, то отвѣтственность лежитъ на немъ одномъ; другихъ это не касается. Совсѣмъ не то происходитъ въ дѣлахъ общественныхъ. Хотя и здѣсь замѣшанъ личный интересъ каждаго, однако далеко не въ такой степени, какъ въ частныхъ предпріятіяхъ. Здѣсь онъ не составляетъ главной пружины дѣятельности; напротивъ, участіе въ общественныхъ дѣлахъ нерѣдко требуетъ отъ человѣка самоотверженія. Здѣсь является исполненіе высшей обязанности, трудъ на общую пользу. Человѣкъ долженъ отрываться отъ своихъ частныхъ дѣлъ, отъ непосредственныхъ своихъ выгодъ. А на это не всегда можно расчитывать. Личный интересъ можно предполагать въ каждомъ; но безкорыстная дѣятельность на общую пользу составляетъ рѣдкую принадлежность человѣка. Конечно, когда дѣло идетъ о спасеніи общества, каждый живѣе чувствуетъ свою связь съ цѣлымъ и забываетъ о себѣ. Въ минуты опасности, народъ, въ которомъ не изсякла любовь къ отечеству, готовъ всѣмъ для него пожертвовать. Но въ мирное вре-

ия огромное большинство гражданъ прежде всего заботится о своихъ частныхъ дѣлахъ; общественныя представляютъ для него интересъ второстепенный. Ему кажется гораздо болѣе удобнымъ предоставить ихъ правителямъ, не утруждая себя излишними тревогами. Такимъ образомъ личный интересъ, который въ частной дѣятельности составляетъ главную движущую силу, является напротивъ помѣхою для политической свободы, требующей отъ гражданина непрерывнаго вниманія къ общественнымъ дѣламъ, готовности жертвовать своими частными выгодами и удобствами общей пользѣ. Свободныя учрежденія, которыя не находятъ постоянной поддержки въ народѣ, всегда непрочны. Но такое зоркое вниманіе къ общему дѣлу предполагаетъ либо слабое развитіе частной жизни, какъ въ древнихъ государствахъ, либо весьма высокое политическое развитіе гражданъ, которое встрѣчается не вездѣ.

Недостатокъ самодѣятельности на общую пользу тѣмъ въ большей степени проявляется въ людяхъ, чѣмъ менѣе они знакомы съ общественными дѣлами. Всякій хорошо знаетъ свои частные интересы, потому что постоянно ими занимается. Они составляютъ ближайшую сферу, въ которой человѣкъ вращается ежедневно. Но общественныя дѣла далеко не такъ извѣстны каждому. Занятіе ими требуетъ и высшихъ способностей: здѣсь нужны общіе взгляды, вниманіе не только къ своимъ, но и къ чужимъ выгодамъ; нужны обширныя соображенія, совершенно выходящія изъ круга ежедневной дѣятельности лица. И чѣмъ выше союзъ, къ которому принадлежитъ человѣкъ, тѣмъ сложнѣе и обширнѣе становятся вопросы, тѣмъ они дальше отъ обыкновеннаго пониманія людей. Государственные вопросы заключаютъ въ себѣ высшія задачи, какія могутъ представляться человѣческому уму; поэтому они требуютъ для своего разрѣшенія самаго высокаго умственнаго развитія. Государство—учрежденіе существующее тысячелѣтія, союзъ, обнимающій безчисленныя поколѣнія. Ему на землѣ принадлежитъ верховная власть; всѣ человѣческіе интересы находятся отъ него въ зависимости. Для правильнаго сужденія здѣсь недостаточно практическое знакомство съ дѣлами. Необходимо принимать въ расчетъ историческія данныя, общіе законы человѣческихъ обществъ, опытъ другихъ государствъ, международныя отношенія, всемірное призваніе народа на землѣ; надобно возвыситься къ пониманію высшихъ нравственныхъ и философскихъ началъ—существа и

значенія свободы, происхожденія власти, отношенія религіи къ государству, правды къ политикѣ. Это совсѣмъ не то, что расчитать выгоды извѣстнаго производства или заключить торговую сдѣлку. Безумно утверждать, что всѣ эти вопросы должны быть доступны всѣмъ, потому что касаются всѣхъ. Всѣ ими управляются, но понимаютъ ихъ весьма немногіе, тѣ, которые имѣютъ и способность и возможность ихъ изучить. Огромная масса людей точно такъ же не въ состояніи судить о государственномъ устройствѣ и управленіи, какъ не можетъ разсуждать о законахъ физики или химіи, хотя и подлежитъ ихъ дѣйствію.

Между тѣмъ, политическая свобода предполагаетъ это знаніе общедоступнымъ или, по крайней мѣрѣ, весьма распространеннымъ въ народѣ. Оно требуется не только отъ членовъ палатъ, но и отъ самихъ избирателей, которые должны судить о мысляхъ и направленіи представителей. Если выборному праву слѣдуетъ дать широкія основы, дабы всѣ существенные интересы и элементы общества были представлены въ собраніи, то рѣшеніе государственныхъ вопросовъ непремѣнно должно зависѣть отъ массы людей несвѣдущихъ, и чѣмъ глубже представительное начало проникаетъ въ народъ, тѣмъ ощутительнѣе становится этотъ недостатокъ. Вредъ, проистекающій отсюда для государства, никакъ не можетъ быть уподобленъ убыткамъ, которые несетъ частный человѣкъ отъ неумѣнія управиться съ своими дѣлами. Неспособность гражданина касается не его одного, а имѣетъ вліяніе на всѣхъ; преждевременное врученіе политическаго права одному поколѣнію опредѣляетъ судьбу послѣдующихъ и можетъ навлечь на нихъ несчетныя бѣдствія.

Къ невыгодамъ, проистекающимъ отъ низкаго уровня политическаго знанія, присоединяется трудность соединить въ одно многія, разрозненныя воли. Это опять коренной, неизбѣжный недостатокъ политической свободы. Управленіе государствомъ требуетъ единой воли и единой власти; между тѣмъ, въ народномъ представительствѣ сбираются разнорѣчащія и часто противоположныя мнѣнія, направленія, интересы, и всѣ они должны быть приведены къ одному знаменателю, всѣ должны соединиться въ одно верховное рѣшеніе. Эта цѣль достигается тѣмъ, что дается перевѣсъ большинству, котораго воля считается волею всѣхъ. Но самое образованіе большинства представляетъ значительныя трудности. Оно также составляется изъ безчисленныхъ от-

тѣнковъ мысли, соединяемыхъ или взаимными уступками, или общею страстью, или наконецъ случайнымъ совпаденіемъ интересовъ. И когда наконецъ совершится этотъ трудный процессъ, результатъ далеко не всегда соотвѣтствуетъ истинной пользѣ государства. Большинство вовсе не означаетъ господства лучшаго мнѣнія; увлеченіе играетъ въ немъ слишкомъ значительную роль; на самое постоянство соединенія рѣдко можно расчитывать. Поэтому даже хорошо составленное представительство всегда страдаетъ неизбѣжными, присущими ему недостатками.

Всякій, кто обращалъ вниманіе на дѣятельность законодательныхъ палатъ, знаетъ, съ какою медленностью, а иногда наоборотъ, съ какою излишнею поспѣшностью производятся въ нихъ дѣла. Предварительныя совѣщанія, работы коммиссій, приготовляющихъ доклады, неоднократныя пренія въ палатѣ влекутъ за собою значительную трату времени. Каждый членъ хочетъ принять участіе въ сужденіяхъ, выставить себя на видъ, показать свою дѣятельность избирателямъ. Отсюда безконечныя и безполезныя рѣчи, составляющія язву собраній. Еще хуже многочисленныя поправки, которыя вносятся палатами въ представляемые имъ проекты. Обыкновенно эти перемѣны производятся людьми мало знакомыми съ техническими пріемами и даже съ законодательнымъ слогомъ, нерѣдко на скорую руку, а потому неясно и неудовлетворительно. Иногда послѣ долгихъ преній, въ которыхъ высказываются самыя разнорѣчащія мысли, собраніе принимаетъ случайную редакцію, чтобы чѣмъ-нибудь покончить. Исторія англійскаго парламента представляетъ не одинъ примѣръ тщательно выработаннаго проекта, совершенно искаженнаго многочисленными и случайными поправками, которыя заставляли министровъ брать свои предложенія назадъ. Къ этому присоединяются столкновенія партій, обыкновенно поглощающія вниманіе палатъ гораздо болѣе, нежели самое дѣло. Сколько времени убивается на безпрерывные запросы, на систематическую критику, на безплодные отвѣты! Какъ скоро вопросъ касается отношенія партій, онъ возбуждаетъ всеобщій и горячій интересъ, ораторъ за ораторомъ требуютъ очереди, и рѣчамъ нѣтъ конца. Когда же представляется на обсужденіе вопросъ чисто практическій, имѣющій существенную важность, но не представляющій пищи для борьбы партій и для краснорѣчія, онъ проходитъ незамѣтно, среди всеобщаго невниманія, и рѣшается наскоро и случайно. Въ

англійскомъ парламентѣ, къ концу засѣданій накопляется обыкновенно множество весьма серьозныхъ дѣлъ, которыя кое-какъ сбываются съ рукъ.

Можно сказать, что представительное собраніе менѣе всего способно къ обдуманному, зрѣлому, стройному законодательсгву. Огромное большинство представителей состоитъ изъ людей, которые знакомы съ практикою, но не изучали теоріи законовъ и не вращались въ государственныхъ дѣлахъ. Сельскіе хозяева, купцы, фабриканты, имѣющіе вѣсъ въ своемъ околодкѣ, призываются къ рѣшенію вопросовъ гражданскаго или уголовнаго права, судопроизводства, государственнаго устройства. Очевидно, что во многихъ случаяхъ они должны подавать голосъ слѣпо, довѣряя предводителямъ партій или увлекаясь блистательнымъ талантомъ адвоката, умѣющаго защищать всякаго рода дѣла и затрогивать слабыя стороны слушателей. Составленное изъ такихъ разнородныхъ, не посвященныхъ въ дѣло элементовъ, большинство нерѣдко будетъ совершенно случайное. Отъ него трудно ожидать зрѣло обдуманнаго рѣшенія, послѣдовательнаго развитія началъ, тщательнаго соображенія частностей, наконецъ хорошей редакціи. Обширное и сложное законодательство лучше всего ввѣряется собранію государственныхъ людей и спеціалистовъ, знакомыхъ съ дѣломъ, стоящихъ вдали отъ партій и волненій, не искушаемыхъ страстью къ краснорѣчію, не имѣющихъ въ виду выставить себя на показъ или пріобрѣсти популярность. Таковъ былъ государственный совѣтъ Наполеона I, которому Франція одолжена законодательствомъ образцовымъ относительно простоты, ясности, стройности и приложимости. Напротивъ, законы Англіи, развивавшіеся подъ вліяніемъ парламента, представляютъ хаотическую груду самыхъ разнородныхъ постановленій, въ которыя трудно внести свѣтъ и порядокъ. Это признается самыми жаркими приверженцами представительныхъ началъ. «Безобразіе такого способа законодательства, говоритъ Милль, было бы очевидно для всѣхъ, еслибы наши законы не были бы уже, по своей формѣ и по составу, такимъ хаосомъ, что темнота и противорѣчія повидимому не могутъ уже увеличиться отъ новыхъ прибавленій къ общей массѣ. Однако и теперь совершенная неспособность нашего законодательнаго устройства къ достиженію цѣли съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе чувствуется на практикѣ». Поэтому Милль совѣтуетъ дать палатѣ только право цѣ-

ликомъ принимать или отвергать законы, какъ это дѣлается нынѣ во Франціи.

Менѣе всего представительное собраніе способно къ установленію совершенно новаго законодательства. Зная приложеніе законовъ къ жизни, представители могутъ указать на невыгоды ихъ въ томъ или другомъ отношеніи и на средства исправленія, къ которымъ привела практика. Поэтому для частныхъ улучшеній, совѣтъ ихъ можетъ быть полезенъ. Но тамъ, гдѣ нужно коренное преобразованіе, практика перестаетъ быть надежнымъ руководителемъ; она обнаруживаетъ зло, но не указываетъ на средства его исправить. Здѣсь нужно возвыситься къ болѣе обширнымъ соображеніямъ; законодательство по необходимости принимаетъ направленіе теоретическое; оно требуетъ глубокаго и тщательнаго изученія, какъ общихъ началъ, такъ и учрежденій и практики другихъ народовъ. Большинство представительнаго собранія, отъ котораго зависитъ рѣшеніе, не обладаетъ достаточными свѣдѣніями для такой работы, ибо состоитъ изъ людей преимущественно практическихъ.

Къ этому присоединяется и другое обстоятельство: всякое коренное преобразованіе неизбѣжно затрогиваетъ весьма значительные интересы, а потому находитъ въ нихъ сильное противодѣйствіе. А такъ какъ эти интересы имѣютъ своихъ представителей въ собраніи, то съ ними надобно считаться. Партія, составляющая большинство, не согласится нарушить выгоды той или другой части своихъ членовъ, ибо можетъ лишиться ихъ поддержки. Она осторожно касается даже интересовъ меньшинства, изъ опасенія усилить оппозицію и произвести сильнѣйшее броженіе. Или же, если послѣдняя задержка не существуетъ, если въ собраніи господствуютъ революціонныя страсти, готовыя на всякія мѣры для низложенія противниковъ, то преобразованіе совершается въ одностороннемъ направленіи, съ явнымъ пренебреженіемъ справедливыхъ требованій меньшинства. Это, въ свою очередь, нерѣдко ведетъ къ смутамъ и къ паденію народнаго представительства. Затрогивая существенные интересы извѣстнаго класса, часто весьма могущественнаго, собраніе обращаетъ ихъ противъ себя и тѣмъ подкапываетъ собственныя свои основы, ибо сила его зависитъ отъ единодушнаго стремленія народа поддержать его мѣры и значеніе. Поучительные примѣры представляютъ въ этомъ отношеніи собранія французской революціи и представительныя па-

латы на пиренейскомъ полуостровѣ въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія. Тамъ, гдѣ различные слои народонаселенія расходятся въ своихъ цѣляхъ, гдѣ въ особенности необходимо нарушить выгоды высшихъ классовъ, преобразованіе можетъ быть успѣшно совершено только властью, независимою отъ народа, способною безпристрастно взвѣсить требованія обѣихъ сторонъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ имѣющею право и силу провести свои начинанія помимо воли и несмотря на оппозицію заинтересованныхъ лицъ. Такая мѣра, какъ напримѣръ, освобожденіе крестьянъ, скорѣе всего можетъ быть предпринята неограниченнымъ монархомъ; иначе она почти неизбѣжно должна привести къ смутамъ и междоусобіямъ. Въ доказательство можно сослаться на современный ходъ этого дѣла въ Россіи и въ сѣверной Америкѣ. Въ первой оно совершилось мирнымъ и законнымъ путемъ, по волѣ самодержавной власти; въ послѣдней, при господствѣ политической свободы, отмѣна невольничества стоила потоковъ крови.

Вслѣдствіе этихъ причинъ, всякое преобразованіе въ представительномъ порядкѣ становится весьма затруднительнымъ. Мысль должна долго созрѣвать въ общественномъ мнѣніи, постепенно преодолѣвать сильныя преграды, медленно подвигаться впередъ, полумѣрами и частными уступками. Обыкновенно перемѣна совершается только въ послѣдней крайности, при вопіющемъ положеніи дѣлъ, въ виду возможнаго потрясенія, когда могущественные интересы принуждены наконецъ уступить позицію, которую они не въ силахъ долѣе удержать. Примѣромъ можетъ служить исторія Англіи. Здѣсь можно видѣть, съ какимъ трудомъ въ представительныхъ государствахъ производятся самыя полезныя преобразованія. Законодательство движется медленнымъ путемъ, частными улучшеніями, долго сохраняя безчисленныя злоупотребленія, связанныя съ интересами господствующихъ классовъ. Эта постепенность хода имѣетъ свои, весьма значительныя выгоды: интересы и привычки не нарушаются разомъ и могутъ легче приспособиться къ новому порядку; общественныя отношенія сохраняютъ болѣе прочности, законодательство идетъ рука объ руку съ жизнью, не увлекаясь теоріями, часто неприложимыми на дѣлѣ. Но все это возможно только тамъ, гдѣ твердый порядокъ упрочился временемъ и вошелъ въ нравы. Во всякомъ случаѣ, полезныя реформы этимъ замедляются и затрудняются. Народъ, для котораго быстрое движеніе впередъ составляетъ существенную потребность, которому

необходимо подняться на одинъ уровень съ другими, чтобы сохранить свое политическое положеніе, не можетъ довольствоваться такимъ ходомъ. Нерѣдко и самыя историческія обстоятельства, долговременный застой или плохое управленіе приводятъ къ необходимости радикальныхъ перемѣнъ. Въ примѣръ можно привести положеніе Франціи передъ революціею, Пруссію послѣ іенской битвы, наконецъ въ настоящее время Россію. Въ первой законодательная власть была ввѣрена представительному собранію; послѣдствіемъ было всеобщее разрушеніе. Въ послѣднихъ преобразованія совершились или совершаются безъ потрясеній, волею неограниченныхъ монарховъ.

Относительно законодательства можно вообще сказать, что при удовлетворительномъ составѣ, представительное собраніе равно удаляется отъ крайностей. Оно мѣшаетъ положительно дурному законодательству, но не содѣйствуетъ и хорошему, а скорѣе всего ведетъ къ посредственному. Оно не допускаетъ совершеннаго застоя, но препятствуетъ и преобразованіямъ, и довольствуется медленными и постепенными улучшеніями, къ которымъ болѣе всего приходятся его свойства.

Гораздо менѣе, нежели къ законодательству, выборныя собранія способны къ управленію, которое по преимуществу требуетъ единства воли. Здѣсь опять можно сослаться на свидѣтельство Милля, котораго безпристрастіе въ этомъ случаѣ не можетъ быть заподозрѣно. «При самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, говоритъ онъ, это неопытность, засѣдающая въ судѣ надъ опытомъ, невѣжество надъ знаніемъ, невѣжество, которое, не подозрѣвая даже существованія того, о чемъ не имѣетъ понятія, является вмѣстѣ и нерадивымъ и самоувѣреннымъ, относясь съ пренебреженіемъ или даже съ негодованіемъ ко всякимъ притязаніямъ на болѣе здравое сужденіе, нежели его собственное. Такъ бываетъ, когда сюда не примѣшиваются корыстные виды; въ противномъ случаѣ, являются продѣлки болѣе безстыдныя и дерзкія, нежели худшее лихоимство, какое можетъ происходить въ присутственномъ мѣстѣ при гласности управленія». Въ этомъ изображеніи имѣется въ виду англійскій парламентъ.

Вмѣсто участія въ управленіи, къ чему, по справедливому мнѣнію Милля, представительное собраніе радикально неспособно, онъ предлагаетъ возложить на него верховный контроль надъ правительствомъ, единственное дѣло, которое, по существу своему, должно принадлежать выборнымъ палатамъ. Нѣтъ сомнѣнія, что эта задача болѣе свой-

ственна народному представительству; однако и она далеко не всегда исполняется имъ удовлетворительно. Спрашивается: гдѣ обезпеченіе государственныхъ интересовъ, если невѣжество должно контролировать знаніе? Контроль предполагаетъ и полное знакомство съ дѣломъ и высшую способность. Если то и другое отрицается у собранія, невозможно возлагать на него такую задачу. Милль приводитъ въ примѣръ военачальника, который не могъ бы управлять движеніями арміи, если бы самъ сражался въ рядахъ или велъ войско на приступъ. Но никто не отрицаетъ у военачальника способности дѣлать то и другое; онъ не могъ бы командовать арміею, если бы не умѣлъ ни сражаться, ни вести войска. Онъ является распорядителемъ, именно потому что обладаетъ высшими дарованіями. Собраніе же, которое не въ состояніи управлять, едва ли можетъ успѣшно контролировать дѣйствія властей. Въ этомъ отношеніи самое лучшее представительство всегда будетъ имѣть весьма существенные недостатки, тѣмъ болѣе, что право контроля неизбѣжно влечетъ за собою и направленіе дѣлъ, слѣдовательно настоящее ихъ рѣшеніе. Возьмемъ, напримѣръ, внѣшнюю политику. Вопросы о войнѣ и мирѣ почти всегда предоставляются правительственной власти, но такъ какъ распоряженіе деньгами и людьми принадлежитъ палатамъ, которыя притомъ нерѣдко имѣютъ вліяніе и на самый составъ министерства, то рѣшеніе этихъ вопросовъ обыкновенно зависитъ отъ нихъ. Между тѣмъ, никакъ нельзя сказать, что онѣ въ этомъ дѣлѣ лучшіе судьи. Если самодержавные монархи увлекаются иногда завоевательными наклонностями, пускаются въ необдуманныя предпріятія, то это обыкновенно бываетъ послѣдствіемъ избытка силъ. Представительныя же собранія часто дѣйствуютъ подъ вліяніемъ увлеченія или страсти, не соображая ни своихъ средствъ, ни своего внѣшняго положенія. Разительный примѣръ представляетъ въ наше время Данія, гдѣ партія, господствовавшая въ палатахъ, своею безразсудною политикою потеряла половину государства. Можно навѣрное сказать, что самодержавный монархъ не увлекся бы до такой степени національнымъ чувствомъ, что онъ былъ бы осторожнѣе въ своихъ дѣйствіяхъ и умѣлъ бы лучше взвѣсить цѣли и средства. Относительно контроля, съ которымъ необходимо соединяется и вліяніе на управленіе, можно сказать тоже, что касательно законодательства: представительство безспорно устраняетъ злоупотребленія, препятствуетъ произволу, но далеко не всегда содѣйствуетъ наилучше-

му рѣшенію. И здѣсь установляется нѣчто среднее, соотвѣтствующее настоящему состоянію общества.

Это предполагаетъ однако хорошій составъ представительства. Совсѣмъ другое имѣетъ мѣсто, когда собраніе выходитъ изъ общества, неприготовленнаго къ политической дѣятельности, обладающаго незначительнымъ количествомъ образованныхъ силъ, или раздираемаго партіями. Въ такомъ случаѣ, ничтожество палаты представляетъ еще самый лучшій исходъ; хотя оно роняетъ значеніе свободныхъ учрежденій, но по крайней мѣрѣ высшимъ государственнымъ интересамъ не наносится существеннаго вреда. Гораздо хуже собраніе, имѣющее значительныя притязанія и неспособное приняться за дѣло, собраніе, которое считаетъ себя представителемъ народа, а потому хватается за все, которое употребляетъ всѣ усилія, чтобы подорвать довѣріе къ правительству, а между тѣмъ само не въ состояніи произвести что нибудь прочное и положительное. Плодомъ его дѣятельности можетъ быть только разслабленіе государства или глубокое общественное потрясеніе.

Каковъ бы ни былъ впрочемъ составъ представительства, при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, оно движется и дѣйствуетъ не иначе, какъ борьбою партій. Здѣсь опять открывается одинъ изъ коренныхъ недостатковъ представительнаго устройства. Въ борьбѣ и господствѣ партій, которое имѣетъ впрочемъ и свои выгоды, лежитъ величайшая опасность политической свободы. Партіи составляютъ естественную, непремѣнную ея принадлежность. Можно мечтать объ идеальномъ порядкѣ, въ которомъ всѣ дружно работаютъ для общей пользы, въ которомъ общественные интересы не раздѣляютъ народа на части, не представляютъ поприща для борьбы, происковъ и страстей; въ дѣйствительности, все это неизбѣжно вездѣ, гдѣ существуетъ свобода мнѣній и дѣйствій. Противоположность интересовъ, различіе воззрѣній на общее дѣло производятъ различіе политическихъ направленій; люди съ одинакими убѣжденіями и интересами естественно соединяются для достиженія общей цѣли совокупными силами, и когда при этомъ они принуждены опровергать мнѣнія противоположныя, бороться съ противниками, то по свойству человѣческой природы, здѣсь разгораются страсти, нерѣдко изчезаетъ справедливость и употребляются средства, которыя не могутъ быть оправданы нравственностью.

Источникъ политическихъ партій лежитъ, какъ въ самомъ существѣ государственнаго организма, такъ и въ составѣ общества, и наконецъ въ свойствахъ человѣческаго развитія. Государство есть сложное тѣло: въ немъ сочетаются не только различные, но и противоположные элементы, которые могутъ совмѣщаться только при взаимномъ ограниченіи. Свобода должна подчиняться власти, закону, порядку; наоборотъ, власть должна стѣснять себя въ пользу свободы, предоставляя послѣдней надлежащій просторъ и даже вліяніе на общія дѣла. Естественно, что каждый элементъ находитъ своихъ защитниковъ; люди склоняются на ту или другую сторону, смотря по свойствамъ, положенію, интересамъ и даже по возрасту каждаго, ибо молодость, одаренная избыткомъ силъ, вѣрующая въ себя, не успѣвшая познать на опытѣ потребностей власти и порядка, скорѣе склоняется къ свободѣ тогда какъ старость и опытность приводятъ людей къ уваженію высшихъ началъ общественной жизни. При подвижности границъ, которыя опредѣляются мѣстомъ, временемъ, обстоятельствами, неизбѣжна противоположность мнѣній, а потому и борьба. Она прекращается только тамъ, гдѣ исчезаетъ самая свобода. Съ другой стороны, общество раздѣляется на классы, различные по богатству, положенію, занятіямъ и интересамъ. При общемъ участіи въ государственномъ управленіи, каждый изъ нихъ старается склонить вѣсы на свою сторону, пріобрѣсти преобладающее вліяніе на власть. Отсюда стремленія аристократическія, демократическія, среднія, которыя, сталкиваясь другъ съ другомъ, вступаютъ въ борьбу. Наконецъ, къ этимъ причинамъ присоединяются условія человѣческаго развитія, которое происходитъ путемъ борьбы стараго съ новымъ. Всякій существующій порядокъ имѣетъ корень въ народной жизни и связывается со множествомъ интересовъ, которые изъ него возникли, на немъ выросли и имъ держатся. Требованіе перемѣны естественно возбуждаетъ въ нихъ противодѣйствіе; отсюда новыя партіи, новая борьба.

Пока это присущее всякому государству разнообразіе стремленій не призывается къ политической дѣятельности, партіи могутъ существовать, но не имѣютъ организаціи; это скорѣе различныя направленія общества, съ безчисленными оттѣнками, нежели настоящія партіи. Но какъ скоро поприщемъ ихъ становится представительное собраніе, въ которомъ противоположные интересы призываются къ об-

щему рѣшенію дѣлъ, такъ является потребность болѣе тѣснаго соединенія одномыслящихъ людей. Здѣсь неизбѣжно возгорается борьба мнѣній; каждое старается пріобрѣсти перевѣсъ, удержать за собою большинство и притомъ не по одному только вопросу, а постоянно. Но образованіе прочнаго большинства невозможно безъ дисциплинированныхъ партій. Иначе разнообразіе мнѣній приводитъ лишь къ случайнымъ сочетаніямъ, а потому случайнымъ рѣшеніямъ. Тамъ, гдѣ каждый слѣдуетъ только собственному мнѣнію, образъ дѣйствія собранія не можетъ имѣть ни постоянства, ни послѣдовательности, а эти качества необходимы не только въ интересахъ партій, но и для пользы самаго государства, которое требуетъ постоянства направленія и воли. Когда правительство созываетъ палаты, оно ищетъ въ нихъ содѣйствія и опоры; слѣдовательно, оно должно расчитывать на извѣстное большинство, готовое его поддерживать. Большинство, которое образуется случайно по каждому вопросу, не можетъ удовлетворить этому требованію. Здѣсь нужно именно то, что составляетъ характеръ партіи: постоянное, дружное дѣйствіе при взаимныхъ уступкахъ. Такимъ образомъ, партіи составляютъ необходимое условіе всякаго правленія, которое допускаетъ въ себѣ начало политической свободы и требуетъ содѣйствія народнаго представительства. Общая цѣль не только не достигается устраненіемъ всякаго предварительнаго соглашенія, какъ требовалъ Руссо, а напротивъ предается на жертву случаю. Политическая свобода можетъ дѣйствовать только посредствомъ одностороннято направленія, ибо она вся основана на господствѣ большинства надъ меньшинствомъ

Тѣмъ не менѣе изъ этого вытекаютъ многія весьма невыгодныя послѣдствія. Человѣкъ, принадлежащій къ извѣстной партіи, систематически становится на одностороннюю точку зрѣнія. Онъ отказывается отъ безпристрастнаго обсужденія общественныхъ вопросовъ, упускаетъ изъ вида общую цѣль и устремляетъ свое вниманіе главнымъ образомъ на то, чтó можетъ доставить торжество его партіи. Поэтому живѣйшее участіе возбуждаютъ именно вопросы, которые служатъ яблокомъ раздора; борьба, которая въ сущности составляетъ только неизбѣжное зло, становится цѣлью, наслажденіемъ, увлекающимъ людей и поглащающимъ лучшія ихъ силы. Въ такомъ напряженномъ состояніи, естественно разъигрываются страсти. Взаимное раздраженіе заглушаетъ голосъ правды и совѣсти. Каждая сторона

старается представить противниковъ въ черномъ видѣ, и во что бы ни стало оправдывать дѣйствія своихъ. Отсюда страшное развитіе лжи, которая проникаетъ въ самыя нѣдра общества и становится неизбѣжнымъ, неисцѣлимымъ общественнымъ недугомъ. Нерѣдко утверждаютъ, что гласное обсужденіе вопросовъ непремѣнно приводитъ къ торжеству истины, что правда обнаруживается при столкновеніи мнѣній. Исторія борьбы партій въ свободныхъ государствахъ часто доказываетъ противное. Нѣтъ возможности убѣдить людей, которые систематически не хотятъ знать истины, а имѣютъ въ виду непремѣнно поставить на своемъ. Нѣтъ неправаго дѣла, которое бы не могло быть поддержано блистательными софизмами; нѣтъ факта, который бы не могъ быть подвергнутъ намѣренному искаженію. Масса публики обыкновенно не даетъ себѣ труда изслѣдовать существо дѣла, вникнуть въ глубину вопроса; она довольствуется тѣмъ, что твердятъ ей предводители партій и особенно журналисты. Отсюда возможность такого явленія, какъ, напримѣръ, систематическое распространеніе самыхъ нелѣпыхъ мнѣній и самой безсовѣстной клеветы въ польскомъ вопросѣ. И это не случайное, а постоянное зло. «Любопытно видѣть, сказалъ однажды лордъ Мельборнъ при общемъ одобреніи Палаты лордовъ, долго ли англійскій народъ будетъ терпѣть печать, которая взяла себѣ за правило никогда не говорить истины и цѣликомъ расточать ложь». Въ демократическихъ странахъ, въ Америкѣ, въ Швейцаріи, безсовѣстность достигаетъ еще значительнѣйшихъ размѣровъ. Извѣстны горькія жалобы Вашингтона на грязные нападки, которымъ онъ подвергся къ концу своего поприща. При этомъ партіи, разумѣется, не пренебрегаютъ и всякими другими средствами, чтобы увеличить свои силы и побороть противниковъ. Происки, крамолы, нерѣдко даже подкупъ составляютъ явленіе обыкновенное въ представительныхъ государствахъ. Правительство, которому необходимо имѣть большинство въ палатахъ, едва ли въ этомъ успѣетъ, если будетъ употреблять только чистыя средства. Чтобы пріобрѣсти прочную поддержку, оно принуждено не только дѣйствовать на выборы всѣми находящимися въ его рукахъ способами, но и въ самой палатѣ привлекать къ себѣ членовъ, въ особенности же болѣе или менѣе вліятельныхъ людей, всякаго рода частными сдѣлками и приманками. Иначе всѣ недовольные, всѣ, которыхъ просьбы не уважены, которыхъ честолюбіе не удовлетворено, переходятъ на сторону оппозиціи и ста-

раются поколебать положеніе власти. Въ Англіи на этомъ основана огромная система протекціи при раздачѣ государственныхъ должностей. Съ своей стороны, оппозиція прибѣгаетъ къ неменѣе предосудительнымъ средствамъ: къ обработкѣ выборовъ, которая въ Англіи возведена въ общую систему, иногда къ возбужденію самыхъ низкихъ страстей; чтобы поколебать довѣріе къ власти, она пускаетъ въ ходъ систематическую клевету и старается закидать грязью всякое правительственное лице, какъ бы оно ни было достойно уваженія. Нерѣдко она соединяется съ крайними противниками, чтобы нанести пораженіе правительству, стоящему посрединѣ, котораго положеніе поэтому вдвойнѣ затруднительно. При большемъ или меньшемъ равновѣсіи голосовъ въ представительномъ собраніи, незначительная третья партія, подкрѣпляя попеременно то ту, то другую сторону, можетъ давать направленіе дѣламъ и вымогать себѣ значительныя уступки въ замѣнъ оказанной поддержки. Какое же довѣріе можно имѣть къ постановленіямъ большинства, составляющагося такимъ образомъ, вслѣдствіе коалицій, интригъ, частныхъ сдѣлокъ и уступокъ, не всегда согласныхъ съ общественною пользою?

Разгаръ страстей, сопровождающій борьбу партій, не ограничивается общественными вершинами, тѣми немногими дѣятелями, которые ведутъ между собою борьбу въ представительныхъ палатахъ, на выборахъ и въ печати. Раздвоеніе, непріязнь, взаимная ненависть сторонъ проникаютъ въ глубину общества, которое, устремивъ взоры на своихъ представителей, получаетъ отъ нихъ направленіе, раздѣляетъ ихъ надежды и негодованіе, старается поддержать ихъ всѣми средствами. Народъ распадается на враждебные лагери, между тѣмъ какъ единство народной жизни и крѣпость государственнаго организма основаны на общихъ чувствахъ, интересахъ и цѣляхъ, связывающихъ гражданъ. Когда эта внутренняя вражда ограничивается мирною борьбою мысли и слова, когда она держится въ законныхъ предѣлахъ, соединяется съ уваженіемъ къ противникамъ, когда, наконецъ, она касается вопросовъ второстепенныхъ, а не самыхъ основъ государства или общества, тогда эти споры, эти столкновенія, не разрывая общественнаго единства, составляютъ только естественное, хотя и сопряженное съ неизбѣжнымъ зломъ, проявленіе внутренняго разнообразія жизни. Но когда самыя основы общественнаго порядка и государственнаго устройства становятся предметомъ борьбы,

когда значительность вопросовъ и сопряженныхъ съ ними интересовъ возбуждаетъ сильнѣйшія страсти, особенно въ эпохи броженія, при партіяхъ, непривыкшихъ къ самообладанію и къ правильной дѣятельности, при слабомъ правительствѣ, вражда можетъ принять размѣры, несовмѣстные съ порядкомъ, спокойствіемъ и безопасностью государства. Она приводитъ къ междоусобіямъ или влечетъ за собою разстройство всего общественнаго организма. Весьма обыкновеннымъ послѣдствіемъ такой борьбы бываетъ паденіе самой политической свободы. При умѣренномъ волненіи, представительныя учрежденія уменьшаютъ зло, давая броженію правильный исходъ; лучше сосредоточить борьбу въ центрѣ, нежели позволить ей распространиться по всѣмъ концамъ земли, по волѣ случая. Но когда разгаръ страстей достигаетъ слишкомъ значительныхъ размѣровъ, представительство становится совершенно недостаточнымъ для устраненія зла. Напротивъ, оно его усиливаетъ. Съ одной стороны, права собранія и противодѣйствіе партій не дозволяютъ правительству подавить волненіе и водворить порядокъ; съ другой стороны, недовольные дѣйствуютъ съ большею энергіею, съ большею надеждою на успѣхъ, когда имѣютъ въ виду получить перевѣсъ въ представительствѣ, раздѣляющемъ права верховной власти. Чѣмъ сильнѣе мѣры, принимаемыя противъ анархическаго броженія, тѣмъ болѣе разжигается ненависть и тѣмъ скорѣе возникаютъ поводы къ междоусобію. При такомъ возбужденіи страстей, единственный исходъ состоитъ въ водвореніи власти, подавляющей партіи. Отсюда перевороты, которые или доставляютъ безусловное владычество одной изъ сторонъ, или установляютъ власть, господствующую надъ обѣими. Казнь жирондистовъ, терроръ 93-го года, перевороты 18-го Брюмера и 2-го Декабря представляютъ недавніе примѣры того и другаго.

Но самая мирная и законная борьба имѣетъ свои темныя стороны. Правительство поставлено здѣсь лицемъ къ лицу съ систематическою оппозиціею, что̀ совершенно неизбѣжно какъ скоро въ государствѣ образуются партіи. Надежда на общее содѣйствіе не болѣе какъ мечта. Если правительство держится извѣстнаго направленія, если оно послѣдовательно въ своихъ дѣйствіяхъ, оно непремѣнно встрѣтитъ другую, противоположную систему, которая, болѣе и болѣе вырабатываясь въ преніяхъ, наконецъ сомкнется въ оппозицію. Если же оно старается угодить всѣмъ, дѣлая уступки на обѣ стороны, оно

рискуетъ лишиться опоры обѣихъ и сдѣлаться предметомъ общей вражды. Выше партій можетъ стоять только самодержавная власть, ибо тамъ, гдѣ нѣтъ политической свободы, не существуютъ и организованныя партіи. Не имѣя дѣла съ представительнымъ собраніемъ, правительство не принуждено искать опоры въ извѣстномъ большинствѣ. Но какъ скоро въ государственный организмъ вводится представительное начало, такъ необходимымъ орудіемъ дѣятельности становятся партіи. Правительство образуется изъ людей извѣстнаго направленія, а потому само становится главою партіи, которая должна бороться съ оппозиціею.

Невозможно отрицать тѣхъ выгодныхъ послѣдствій, которыя истекаютъ изъ такого порядка вещей. Подвергаясь постоянной критикѣ, правительство всегда стоитъ на сторожѣ и старается устранить всякіе поводы къ справедливымъ нареканіямъ. Оно можетъ успѣшно вести борьбу, только призывая въ среду свою самыхъ даровитыхъ людей. Злоупотребленія уменьшаются, господство рутины, неспособности, посредственности становится менѣе вѣроятнымъ. Но съ другой стороны, правители принуждены истощать значительную часть своихъ силъ и своей энергіи на борьбу съ противниками. Они обращаютъ свою дѣятельность на односторонпія цѣли, на поддержаніе своей партіи, на сохраненіе власти. Спокойное занятіе дѣломъ, единственно въ виду общаго блага, безпристрастное рѣшеніе государственныхъ вопросовъ становятся невозможными. Общіе интересы, въ особенности выгоды меньшинства, страдаютъ отъ систематически односторонняго направленія. Наконецъ, нѣтъ сомнѣнія, что постоянные нападки и въ собраніяхъ, и въ печати, обыкновенно съ значительною примѣсью несправедливости и лжи, ослабляютъ власть и могутъ даже вести къ ея незаслуженному паденію. Критика, направленная противъ правительства, всегда находитъ значительный отголосокъ въ обществѣ; небольшое зло чувствуется сильнѣе, нежели выгоды порядка, обратившагося въ привычку; скандалъ доставляетъ пищу празднымъ умамъ, которые громче всѣхъ поднимаютъ крикъ; осужденіе власти служитъ признакомъ независимости; оппозиція облекается въ заманчивый покровъ свободы, тогда какъ поддержаніе власти, напротивъ того, легко смѣшивается съ отсталостью мысли, съ низкопоклонствомъ, съ преслѣдованіемъ личныхъ цѣлей. Потому образованіе умѣренной правительственной партіи всегда труднѣе, нежели соединеніе всякаго рода

неудовольствій въ оппозицію. Но какъ скоро правительство, обуреваемое нападками, имѣя дѣло съ энергическими противниками, не находитъ достаточно сильной поддержки въ собственныхъ приверженцахъ, оно непремѣнно колеблется и теряетъ значительную часть довѣрія и уваженія гражданъ. Нерѣдко, чтобы спасти себя, оно принуждено искать опоры въ противоположной крайности, дѣлать уступки несовмѣстныя съ общею пользою. Государственные интересы неизбѣжно страдаютъ отъ такого порядка вещей.

Съ другой стороны, оппозиція обращаетъ всѣ свои силы на постоянную критику. Способные люди, стоящіе въ ея главѣ, употребляютъ значительную часть своей жизни на безплодную дѣятельность, вмѣсто того, чтобы посвятить ее общей пользѣ, управленію государственными дѣлами. Долгое пребываніе въ оппозиціи дѣйствуетъ вредно на самыя дарованія и на характеръ государственныхъ людей. Систематическая критика придаетъ уму отрицательное и мелочное направленіе. Оппозиція, въ своей односторонности, нерѣдко выставляетъ начала несовмѣстныя съ требованіями власти, и отъ которыхъ она сама отказывается, какъ скоро получаетъ правленіе въ свои руки. Желая задобрить народъ, привлечь его на свою сторону, она обѣщаетъ ему невозможныя блага. Для достиженія своихъ цѣлей она возбуждаетъ внѣшнее броженіе, стараясь произвести напоръ общественнаго мнѣнія на правительство, а это ведетъ къ предпочтенію анархическихъ силъ организованнымъ элементамъ общества. Вообще, долговременная оппозиція—самая вредная школа для государственныхъ людей и для партій. Единственнымъ противодѣйствіемъ этому злу служитъ парламентское правленіе, въ которомъ партіи смѣняютъ другъ друга, смотря по тому, которая успѣетъ пріобрѣсти большинство въ собраніи. Наученная опытомъ, каждая сознаетъ условія власти и порядка. Но не всегда оппозиція содержитъ въ себѣ достаточные элементы для образованія правительства, и самая смѣна партій имѣетъ весьма существенныя невыгоды. Послѣдовательность правительственныхъ дѣйствій исчезаетъ, извѣстное направленіе внезапно смѣняется совершенно противоположнымъ; значительное количество способныхъ лицъ выбываетъ изъ управленія и замѣняется другими, часто вовсе къ тому неприготовленными; подчиненные же, которые остаются на мѣстахъ, становятся въ самое затруднительное и ложное положеніе; наконецъ, состязаніе партій превращается въ борьбу за мѣста. Мы еще

возвратимся къ этому въ послѣдствіи, когда будетъ рѣчь объ устройствѣ конституціонной монархіи.

Всѣ исчисленныя невыгоды составляютъ естественное послѣдствіе политической свободы и представительнаго порядка. Всякое человѣческое установленіе имѣетъ свои темныя стороны; зло всегда и вездѣ перемѣшивается съ добромъ. Въ данныхъ обстоятельствахъ, при извѣстномъ состояніи народа, надобно взвѣсить, что̀ преобладаетъ: выгоды или недостатки? Заключеніе не всегда будетъ одинаково, а потому и представительное устройство не всегда окажется умѣстнымъ. Слѣдовательно, задача сводится къ тѣмъ условіямъ, которыя необходимы для того, чтобы народное представительство могло держаться и дѣйствовать съ пользою для народа и государства.

Но сравненіе этихъ различныхъ сторонъ представительнаго порядка, не исчерпываетъ еще вопроса. Для полноты сужденія надобно возвыситься къ соображеніямъ, истекающимъ изъ самаго состава верховной власти. Народное представительство является или господствующимъ, какъ въ республикахъ, или раздѣляющимъ власть, какъ въ представительныхъ монархіяхъ. И та и другая форма имѣютъ различныя свойства и послѣдствія. Этотъ вопросъ приводитъ насъ къ разсмотрѣнію видовъ народнаго представительства, при чемъ обозначится характеръ каждаго.

———

КНИГА II.

ВИДЫ НАРОДНАГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА.

ГЛАВА 1.

НАРОДНОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО ВЪ РЕСПУБЛИКАХЪ.

Республики бываютъ аристократическія, демократическія и смѣшанныя. Въ первыхъ владычествуетъ высшее сословіе, которое принимаетъ непосредственное участіе въ управленіи; поэтому здѣсь нѣтъ представительнаго устройства Вторыя раздѣляются на непосредственныя демократіи, примѣръ которыхъ мы видимъ въ древнихъ республикахъ, гдѣ народъ, собираясь на площади, самъ рѣшалъ дѣла, и на представительныя, принадлежащія новому времени. Къ послѣднимъ относятся Соединенные Штаты, Швейцарія и южно-американскія республики; о нихъ-то преимущественно и будетъ рѣчь. Однако, говоря въ особенности о смѣшанныхъ формахъ, мы должны будемъ коснуться и древнихъ государствъ, ибо въ новое время подобное устройство составляетъ весьма рѣдкое явленіе.

Греческія республики показали, какой высокой степени развитія можетъ достигнуть демократія, но вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ быстро она склоняется къ упадку. То были блестящія, но мимолетныя явленія въ исторіи человѣчества. Онѣ произвели чудеса, но не могли долго держаться. Великіе мыслители Греціи, жившіе въ этой средѣ, относились враждебно къ политической формѣ, въ которой они видѣли необузданное своеволіе и разгаръ ничѣмъ не сдержанныхъ страстей. Разложеніе нравовъ и патріотическаго духа, которыми держались античныя государства, явилось неизбѣжнымъ послѣдствіемъ порядка вещей, въ которомъ личная воля была положена въ основаніе общественнаго зданія. Съ расширеніемъ свободы, частные интересы, преж-

де подавленные, выступили впередъ; исключенные изъ политической жизни элементы получили право гражданства. Все это разстроило ту художественную полноту міросозерцанія, которая связывала и скрѣпляла союзъ. Древнія республики пали отъ развитія демократіи.

Однако господство разрушительныхъ началъ не составляетъ непремѣнной принадлежности демократическаго правленія. Новые народы, усвоившіе себѣ эту политическую форму, не опасаются ни упадка нравовъ, ни вторженія чуждыхъ элементовъ, ни излишняго развитія личныхъ интересовъ. Они носятъ въ себѣ бóльшее количество внутреннихъ силъ; они стоятъ на высшей точкѣ, побѣдивши разлагающія начала, которыя привели къ паденію древній міръ. Въ новыхъ государствахъ демократія глубже проникаетъ въ общество, обхватывая всѣ его слои и пріобщая ихъ къ совокупной жизни. Здѣсь нѣтъ уже огромной массы рабовъ, избавляющей гражданъ отъ частныхъ занятій и доставляющей имъ досугъ для государственныхъ дѣлъ. Свобода соединяется съ развитіемъ частной жизни, обнимаетъ всѣ интересы, а потому крѣпче и плодотворнѣе. Съ другой стороны, представительное начало, восполняя недостатки непосредственной демократіи, даетъ общественнымъ стихіямъ болѣе широкое поприще, вручаетъ власть избраннымъ людямъ, и тѣмъ самымъ избавляетъ государство отъ тѣхъ смутъ и волненій, которыя вносятся въ него господствомъ народной толпы.

При этихъ условіяхъ, новыя демократіи представляютъ менѣе гармоническое, менѣе возвышенное, но болѣе широкое и прочное развитіе народной жизни. Древнія республики всегда носили на себѣ нѣсколько аристократическій характеръ, ибо политическія права сосредоточивались въ гражданахъ, тогда какъ внизу трудилась огромная, безправная масса. Только въ новыхъ государствахъ демократія развилась во всей своей полнотѣ; только здѣсь она могла принести всѣ свои плоды. Примѣръ Соединенныхъ Штатовъ показываетъ, что результаты могутъ быть громадны, и даетъ этой формѣ почетное мѣсто въ исторіи человѣческихъ учрежденій. Все, чтò въ состояніи произвести свобода, сознающая потребности государства и умѣющая установить прочный порядокъ, находится здѣсь въ полномъ развитіи. Изумительная энергія и дѣятельность народа, умѣніе практически приняться за всякое дѣло, горячая привязанность гражданъ къ своимъ учрежденіямъ, благосостояніе и образованность, разлитыя въ мас-

сахъ, громадныя силы, которыя дѣлаютъ Соединенные Штаты однимъ изъ могущественнѣйшихъ государствъ въ мірѣ—вотъ и причины и послѣдствія развивающейся на широкомъ просторѣ демократіи. Глядя на этотъ юный народъ, полный свѣжести и силы, на все, что онъ сдѣлалъ доселѣ, и на великое будущее, которое открывается передъ нимъ, невольно приходишь къ мысли, что демократическая республика составляетъ ту идеальную общественную форму, къ которой стремится человѣчество, и которая едва ли доступна дряхлѣющимъ народамъ стараго міра.

Однако эта блестящая картина имѣетъ свою оборотную сторону. Безусловное уваженіе къ демократіи значительно понизится, какъ скоро мы отъ сѣверо-американскаго полушарія обратимся къ южному. И здѣсь мы видимъ тѣже демократическія формы, тоже полное владычество свободы, но вмѣсто благосостоянія и силы, мы встрѣчаемъ бѣдность и анархію. Вглядываясь ближе во внутреннюю жизнь самыхъ Сѣверо-американскихъ Штатовъ, мы и здѣсь придемъ къ убѣжденію, что демократическія начала приносятъ не одни только здоровые плоды. То страшное междоусобіе, которое раздирало союзъ въ теченіи послѣднихъ лѣтъ, служитъ лучшимъ тому свидѣтельствомъ. Причины этихъ явленій должно искать въ самомъ свойствѣ тѣхъ учрежденій, которыя, при благопріятныхъ условіяхъ, даютъ такіе изумительные результаты.

Демократія въ основаніе всей государственной жизни полагаетъ свободу, изъ которой истекаетъ и равенство; этому началу дается первое мѣсто въ ряду общественныхъ элементовъ. Но свобода благотворна только для тѣхъ, кто умѣетъ ею пользоваться. Это мечъ обоюдоострый, который можетъ быть пагубенъ для неспособнаго владѣть имъ. Свобода, не знающая себѣ предѣловъ, во всякомъ случаѣ представляетъ значительныя опасности. И отдѣльный человѣкъ, предоставленный себѣ, не всегда достигаетъ должнаго равновѣсія своихъ стремленій. Нерѣдко, увлекаемый страстями, непослушный голосу разума и нравственнаго чувства, онъ падаетъ и погибаетъ въ безплодной или преступной жизни. Между тѣмъ, лице находитъ и подкрѣпленіе и задержку въ окружающемъ его обществѣ, въ карающей власти. Народъ, при республиканскомъ правленіи, вполнѣ предоставленъ собственнымъ силамъ, а эти силы по самому свойству человѣческой природы, влекутся въ разныя стороны. Какъ въ отдѣльномъ человѣкѣ борются разно-

образныя стремленія, разумъ и страсти, такъ въ народѣ борются между собою лица и направленія. Каждый преслѣдуетъ свои цѣли, свои выгоды, часто противоположныя чужимъ; образуются партіи, и дѣло рѣшается побѣдою большинства. Самоуправленіе народа есть владычество большинства надъ меньшинствомъ. Свобода лица состоитъ въ независимости его воли отъ чужой; свобода народа — въ подчиненіи воли однихъ волѣ другихъ.

Безпрепятственное господство большинства, не знающаго ни задержки, ни контроля, ни отвѣтственности, составляетъ сущность демократической республики. Изъ кого же состоитъ это большинство? Способно ли оно заправлять дѣлами, господствовать надъ согражданами, удовлетворять высшимъ требованіямъ государства?

Всегда и вездѣ масса народа состоитъ изъ низшихъ классовъ, преданныхъ физическому труду, а потому не имѣющихъ ни досуга, ни средствъ для пріобрѣтенія сколько-нибудь значительнаго образованія. Народныя массы имѣютъ свои привязаности, свои инстинкты, часто весьма вѣрные; онѣ всегда готовы поддерживать національную власть, жертвовать всѣмъ на пользу отечества. Но для государственнаго управленія недостаточно однихъ инстинктовъ; здѣсь нужно ясное пониманіе вопросовъ, обсужденіе средствъ, выборъ между различными путями. Для этого необходимо разумное сознаніе, а оно составляетъ принадлежность высшихъ, образованныхъ класовъ, которыхъ назначеніе состоитъ не въ физическомъ, а въ умственномъ трудѣ. Вручая власть огромному большинству рабочихъ класовъ, демократическая республика тѣмъ самымъ установляетъ владычество наименѣе способной части народа. По самому свойству учрежденій, разумъ и воля здѣсь распадаются: рѣшаютъ не тѣ, которые думаютъ; разумъ является не владычествующимъ, а подчиненнымъ. И это явленіе не преходящее, а постоянное. Какого бы совершенства ни достигъ человѣческій родъ, покореніе природы и удовлетвореніе матеріяльнымъ нуждамъ человѣка всегда потребуютъ громадной суммы физическаго труда, и всегда этотъ трудъ будетъ составлять жизненное назначеніе огромнаго большинства людей. Мы не можемъ представить себѣ такого состоянія человѣческихъ обществъ, гдѣ бы призваніе къ умственный работѣ не было достояніемъ меньшинства. Это было бы возможно единственно, если бы человѣкъ пересталъ быть физическимъ существомъ, или еслибы его потребности могли удовлетворяться безъ всякаго труда. Между тѣмъ,

способности развиваются именно трудомъ; человѣкъ способенъ преимущественно къ тому, надъ чѣмъ онъ работаетъ, что составляетъ его жизненное назначеніе. А такъ какъ политика принадлежитъ къ области умственной дѣятельности, то высшая къ ней способность всегда будетъ составлять достояніе меньшинства. Поэтому, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, демократія не можетъ быть идеаломъ человѣчества. По идеѣ, въ государствѣ должна владычествовать разумная его часть, а не наоборотъ. Если греческія республики представляютъ самое, можетъ быть, блистательное явленіе всемірной исторіи, то причина заключается именно въ томъ, что въ нихъ граждане не были заняты физическою работою. Она была возложена на рабовъ; занятіе ремеслами считалось недостойнымъ гражданина, который долженъ былъ всецѣло посвящать себя государству. Этотъ аристократическій характеръ древнихъ республикъ далъ имъ возможность достигнуть той высокой степени развитія, которая доселѣ насъ изумляетъ.

Въ республикахъ новаго времени этому злу отчасти противодѣйствуетъ представительное начало, которое ввѣряетъ управленіе дѣлами людямъ, стоящимъ болѣе или менѣе на виду, по способностямъ, заслугамъ и по довѣрію, которымъ они облечены. Но выборъ этихъ людей предоставляется массѣ, а она не всегда предпочитаетъ способнѣйшихъ; напротивъ, чаще всего она выбираетъ тѣхъ, которые умѣютъ льстить ея наклонностямъ и страстямъ, говорить ея языкомъ, низводить государственные вопросы на степень доступную пониманію каждаго. Образованные классы на выборахъ остаются въ меньшинствѣ, а потому нерѣдко, сознавая свое безсиліе, совершенно устраняются отъ дѣлъ. Это мы видимъ въ Соединенныхъ Штатахъ и въ Швейцаріи.

Естественнымъ послѣдствіемъ такого порядка вещей является пониженіе общаго уровня образованія и способностей. Здѣсь исчезаютъ высокія требованія и побужденія, которыя поднимаютъ умственныя и нравственныя силы народа. Человѣку, желающему играть политическую роль, нужно не возвыситься духомъ, а напротивъ, понизиться; онъ стремится не къ пониманію высшихъ общественныхъ интересовъ, а къ искусству говорить толпѣ; отъ него требуется не самостоятельность взглядовъ и сужденій, а своего рода угодливость, гораздо болѣе низкая и тлетворная, нежели та, которая проявляется въ неограниченныхъ монархіяхъ. «Демократическія республики, говоритъ Токвиль, дѣлаютъ придворный духъ доступнымъ большинству; онъ

проникаетъ здѣсь разомъ во всѣ классы. Это одинъ ихъ главныхъ упрековъ, которые можно имъ сдѣлать». Все это ведетъ къ оскудѣнію политическихъ дарованій, которое идетъ рядомъ съ развитіемъ демократическихъ началъ. Это явленіе, замѣчаемое въ Соединенныхъ Штатахъ всѣми безпристрастными наблюдателями, едва ли можетъ быть подвержено сомнѣнію. Съ другой стороны однако, общій уровень поднимается участіемъ каждаго въ общихъ дѣлахъ; политическая жизнь, разлитая повсюду, призываетъ къ умственной дѣятельности самые глубокіе слои общества. Это двоякое, противоположное движеніе образуетъ средній уровень, который ложится на всю народную жизнь. Токвиль, тонко и вѣрно наблюдавшій состояніе общества въ Соединенныхъ Штатахъ, утверждаетъ, что господство посредственности составляетъ характеристическую черту всякой демократіи. Можно не согласиться съ такимъ безусловнымъ приговоромъ; въ демократіи могутъ быть элементы, противоборствующіе этому стремленію, но несомнѣнно, что эта наклонность въ ней существуетъ и развивается тѣмъ съ большею силою, что большинство, будучи всемогущимъ, налагаетъ свою печать на всю общественную жизнь.

Это опять одно изъ величайшихъ золъ демократической республики: здѣсь воля большинства не находитъ себѣ преграды. Даже въ самодержавномъ правленіи, лице, облеченное верховною властью, встрѣчаетъ задержки въ нравственномъ состояніи народа, въ общественномъ мнѣніи, въ ненадежности орудій, наконецъ въ опасеніи переворотовъ. Большинство не знаетъ подобныхъ препятствій; оно ни возлѣ себя, ни надъ собою не видитъ силы, себѣ равной. Ему нечего бояться, ибо оно можетъ подавить всякое противодѣйствіе. Чѣмъ сильнѣе отпоръ со стороны меньшинства, тѣмъ съ большею страстью господствующая партія стремится утвердить свое владычество, устранивъ противорѣчіе. Поэтому деспотизмъ большинства самый ужасный изъ всѣхъ. Люди, опирающіеся на массу, говорящіе отъ ея имени, готовы на все, чтобы раздавить противниковъ. Самое страшное явленіе новѣйшаго времени, терроръ 93-го года, былъ произведеніемъ демократическаго деспотизма. Но и въ болѣе мирное время, при спокойныхъ обстоятельствахъ, деспотизмъ большинства тѣмъ невыносимѣе, что отъ него нѣтъ спасенія: онъ проникаетъ всюду, во всѣ углы общества, въ частную жизнь. Властитель не живетъ въ отдаленной столицѣ, на недоступной высотѣ; онъ самъ вездѣ на лице, у него милліоны

глазъ, зорко слѣдящихъ за каждымъ, у него тысячи мелкихъ интересовъ, которые, подъ покровомъ общаго дѣла, стремятся къ собственному удовлетворенію. Меньшинство нигдѣ не находитъ защиты, ни въ судахъ, увлекаемыхъ общимъ теченіемъ, ни въ управленіи, наполненномъ врагами, ни въ обществѣ, состоящемъ изъ противниковъ. Никто не смѣетъ возвысить голосъ въ противность общественному мнѣнію, которое является тираномъ мысли и совѣсти, въ гораздо большей степени, нежели какой бы то ни было самодержецъ. «Я не знаю страны, говоритъ Токвиль, гдѣ бы вообще существовало менѣе умственной независимости и настоящей свободы сужденій, нежели въ Америкѣ». Владычество большинства основано на свободѣ; но не зная задержекъ, оно слишкомъ легко склоняется къ подавленію свободы противниковъ.

Это ничѣмъ не сдержанное владычество массы отражается невыгодно на всѣхъ отрасляхъ государственной дѣятельности — на законодательствѣ, на администраціи, на судѣ. Нѣтъ законовъ стѣснительнѣе тѣхъ, которые издаются демократическими собраніями. Едва ли, напримѣръ, какой нибудь законодатель рѣшился бы издать законъ, подобный запрещенію продажи крѣпкихъ напитковъ въ нѣкоторыхъ штатахъ Сѣверной Америки. Наоборотъ, въ штатахъ, гдѣ большинство не принадлежитъ къ обществамъ трезвости, невозможно ввести даже самаго умѣреннаго акциза съ цѣлью уменьшить пьянство. Никакое уваженіе къ праву, никакія требованія справедливости не имѣютъ силы тамъ, гдѣ интересъ большинства клонится въ извѣстную сторону, и такъ какъ при этомъ воля массъ не руководствуется постоянными соображеніями, а повинуется увлеченіямъ минуты, то измѣнчивость законодательства составляетъ отличительный признакъ демократическихъ учрежденій. Въ этомъ отношеніи можно привести слова одного изъ первыхъ юристовъ Сѣверной Америки, Кента. «Измѣнчивое законодательство, говоритъ онъ, сопровождается страшнымъ количествомъ вредныхъ послѣдствій для общества Оно ослабляетъ правительство, увеличиваетъ запутанность законовъ, мѣшаетъ кредиту, уменьшаетъ цѣну собственности; это — недугъ, присущій республиканскимъ учрежденіямъ, который постоянно былъ источникомъ опасеній и заботъ для величайшихъ ихъ поклонниковъ. Стремленіе умножать и измѣнять законы по малѣйшему поводу, дѣлать съ кодексомъ постоянные, неугомонные опыты, кажется естественною болѣзнью демократическихъ

собраній». Нерѣдко это стремленіе къ перемѣнамъ касается самыхъ основныхъ законовъ государства. Во многихъ кантонахъ Швейцаріи конституція подвергается періодическому пересмотру, который вызываетъ ожесточенную борьбу партій, поддерживаетъ постоянное волненіе и не даетъ усѣсться прочному порядку.

Тѣже недостатки отражаются и на правительственной власти, которая является съ одной стороны слишкомъ сильною, съ другой слишкомъ слабою. Токвиль замѣчаетъ, что въ Америкѣ правительственныя лица наименѣе стѣсняются постановленными закономъ предѣлами власти. Будучи представителями большинства, имѣя толпу за собою, они могутъ дѣйствовать произвольно, не опасаясь нареканій. Въ демократіи, гдѣ владычествуетъ одинъ элементъ, строгое опредѣленіе вѣдомства и правъ каждаго должностнаго лица не составляетъ политической необходимости, какъ въ правленіи, гдѣ различныя власти сдерживаютъ и уравновѣшиваютъ другъ друга. Но весь этотъ произволъ обращается единственно противъ меньшинства Какъ скоро нужно имѣть дѣло съ господствующею партіею, такъ являются поблажки и безсиліе, которыя превосходятъ всякое вѣроятіе. Буйство народной толпы часто не встрѣчаетъ ни малѣйшаго сопротивленія со стороны властей. Поэтому законы и мѣры, которые одинаково распространяются на всѣхъ, всегда оказываются недѣйствительными. Нѣтъ, напримѣръ, полиціи хуже демократической. Каждый долженъ вѣчно стоять на сторожѣ, заботиться о самомъ себѣ; общественная власть не окажетъ ему никакого содѣйствія.

Но худшая, можетъ быть, сторона демократическаго правленія состоитъ въ искаженіи суда. Независимый судъ составляетъ здѣсь единственную возможную гарантію меньшинства. Но по этому самому, большинство не хочетъ признавать этого высшаго требованія правды. Въ независимомъ судѣ оно видитъ аристократическое учрежденіе, корпорацію, изъятую изъ всемогущей воли народа. Обыкновенно въ демократіяхъ судьи дѣлаются выборными, нерѣдко на весьма короткіе сроки. Самое жалованье ихъ опредѣляется ежегодными постановленіями палатъ. Вслѣдствіе этого, судебная власть становится въ совершенную зависимость отъ господствующаго большинства и отражаетъ на себѣ всѣ его стремленія. О правосудіи, о безпристрастіи менѣе всего можетъ быть рѣчи. Притянувши все къ себѣ, подчинивши все своей волѣ, большинство господствуетъ неограниченно.

Однако, съ своей стороны, меньшинство не всегда подчиняется безропотно. Когда теченіе неудержимо, никто не смѣетъ возвысить голосъ противъ общественнаго мнѣнія. Но если меньшинство чувствуетъ себя довольно сильнымъ, чтобы выдержать борьбу, оно естественно употребляетъ всѣ средства, чтобы склонить вѣсы на свою сторону и, въ свою очередь, стать большинствомъ. И такъ какъ обѣ стороны предоставлены здѣсь самимъ себѣ, такъ какъ надъ ними нѣтъ высшей, сдерживающей власти, и не существуетъ ни малѣйшей гарантіи ни для тѣхъ, ни для другихъ, то борьба достигаетъ величайшаго ожесточенія. Если большинство оказывается несправедливымъ и притѣснительнымъ, то меньшинство, съ своей стороны, чтобы отстоять свои интересы, готово прибѣгнуть къ незаконнымъ средствамъ, къ возбужденію смутъ, даже къ внѣшней помощи. Во имя свободы, оно составляетъ особые союзы въ противорѣчіе закону; таковъ былъ, напримѣръ, швейцарскій Зондербундъ. Во имя свободы и защиты своихъ интересовъ, оно отказываетъ въ повиновеніи противникамъ, разрываетъ невыгодную для себя связь. Примѣры представляютъ въ новѣйшее время и Швейцарія и Сѣверная Америка. Въ первой, съ 1830-го до 1848 года, происходили постоянныя смуты и междоусобія; части кантоновъ, то удачно, какъ въ Базелѣ, то неудачно, какъ въ Швицѣ и Валлисѣ, старались образовать отдѣльныя государства. Въ Соединенныхъ Штатахъ отложеніе юга у всѣхъ на глазахъ; нечего говорить о тѣхъ потокахъ крови, которыхъ стоила эта борьба. Республики же южной Америки, стоящія на низшей степени развитія и образованія, представляютъ картину постояннаго анархическаго броженія. Отложившись отъ Испаніи, разорвавши связь съ Европою, онѣ лишились монархическаго начала, имѣвшаго корень въ исторіи и преданіяхъ народа. Честолюбіе счастливыхъ военачальниковъ не могло замѣнить вѣковой привязанности къ законной власти. Республиканская форма вытекла здѣсь изъ жизненной необходимости, ибо не было элементовъ для инаго порядка; но съ тѣмъ вмѣстѣ эти страны сдѣлались поприщемъ постоянной, обыкновенно насильственной борьбы между централизаціею и федерализмомъ, между клерикальными стремленіями и либеральными началами, между военною силою и гражданскимъ порядкомъ.

Ожесточеніе борьбы въ республиканскихъ государствахъ бываетъ въ особенности сильно, когда въ ней выступаютъ противоположные

интересы и взаимная ненависть различныхъ общественныхъ классовъ. Если въ аристократіяхъ высшее сословіе нерѣдко старается обратить государственное управленіе въ свою пользу, обдѣляя или угнетая низшихъ, то подобныхъ же своекорыстныхъ стремленій можно ожидать и отъ массы, которая притомъ менѣе образованна, менѣе знакома съ требованіями государственнаго порядка, болѣе увлекается страстями, которая чувствуетъ себя сильнѣе противниковъ и не воздерживается опасеніемъ возстанія, которой наконецъ нечего терять, между тѣмъ какъ въ виду представляются и власть и богатство. Въ основаніи всякой демократіи лежитъ владычество бѣдныхъ надъ богатыми; при возбужденіи страстей, оно можетъ повести къ самому страшному деспотизму, къ грабительству, къ междоусобіямъ, къ полному общественному разстройству. Въ этомъ отношеніи Сѣверо-американскіе Штаты находятся въ счастливомъ положеніи, благопріятномъ для сохраненія республиканскихъ учрежденій. Обширныя пространства, плодородная почва, обиліе капиталовъ, трудолюбіе народонаселенія способствуютъ въ нихъ разлитію благосостоянія по всѣмъ слоямъ общества. Здѣсь нѣтъ богатыхъ и бѣдныхъ, образованныхъ и полудикихъ, нѣтъ пролетаріата, составляющаго язву европейскихъ государствъ, нѣтъ смѣшанныхъ племенъ, въ родѣ южно-американскихъ Лланеросъ и Гаучосъ, которые не разъ доставляли опору военной силѣ противъ образованныхъ классовъ. Едва развивавшаяся гражданственность Буэносъ-Айреса погибла подъ дикимъ владычествомъ Розаса, предводителя степныхъ наѣздниковъ. Когда же притязанія бѣдныхъ находятъ себѣ опору въ мечтательныхъ теоріяхъ соціализма, то опасность возрастаетъ. Послѣдняя французская республика пала вслѣдствіе страха, возбужденнаго соціальнымъ движеніемъ. Владѣющіе классы ужаснулись порядка вещей, въ которомъ всѣ основы общества, собственность, семейство, личный трудъ, подвергались ожесточеннымъ нападкамъ, а рѣшеніе предоставлялось неимущей и необразованной массѣ, разжигаемой страстями и ослѣпляемой призраками мнимо-научныхъ доводовъ и системъ. Боязнь, можетъ быть, была преувеличена, но несомнѣнно, что существовала опасность, проистекавшая изъ самаго положенія дѣлъ, изъ характера учрежденій. Соціализмъ погубилъ республику.

Такой же разгаръ страстей нерѣдко возбуждается и религіозною борьбою. Низшіе классы болѣе другихъ доступны фанатизму; они во

всѣ времена доставляли ему самую сильную поддержку. Поэтому отъ демократіи менѣе всего можно ожидать терпимости, необходимой во всякомъ образованномъ обществѣ и особенно въ свободномъ государствѣ. Религіозная исключительность можетъ проявиться здѣсь на обѣ стороны: и въ смыслѣ іерархическомъ, и въ направленіи враждебномъ установленнымъ церквамъ. Пользуясь своимъ вліяніемъ на массы, ловкое духовенство легко можетъ утвердить свое владычество въ демократической странѣ и установить порядокъ совершенно реакціонный. Такъ было не въ одномъ швейцарскомъ кантонѣ; напримѣръ въ Люцернѣ, гдѣ въ 1841-мъ году, вслѣдствіе происковъ духовенства, водворилась ультракатолическая реакція, которая призвала іезуитовъ, подала поводъ къ послѣдовавшимъ за тѣмъ смутамъ и привела наконецъ къ междоусобной войнѣ. Но въ этомъ случаѣ еще въ большей степени проявилась религіозная нетерпимость на противоположной сторонѣ. Люцернское правительство имѣло полное право призывать іезуитовъ; тѣмъ не менѣе въ сосѣднихъ кантонахъ открыто организовались свободныя шайки, которыя вторгались въ Люцернъ, съ цѣлью произвести возмущеніе. Въ Ааргау, гдѣ перевѣсъ пріобрѣла радикальная партія, нетерпимость выразилась въ уничтоженіи монастырей, которыхъ существованіе было гарантировано союзною конституціею. Подобное явленіе было и въ Соединенныхъ Штатахъ: народная толпа безнаказанно разорила основанный католиками монастырь. Впрочемъ, и въ этомъ отношеніи Соединенные Штаты находятся въ условіяхъ благопріятныхъ для республиканскаго устройства: вслѣдствіе господства протестантскихъ началъ и безчисленной дробности сектъ, въ народѣ нѣтъ общаго фанатическаго настроенія. Разрушеніе монастыря составляетъ явленіе одинокое. За то, при отсутствіи всякой установленной церкви, здѣсь открывается широкое поле для самыхъ нелѣпыхъ и безобразныхъ вѣрованій, для мормоновъ, духовидцевъ и т. п.

Всѣ эти недостатки чистой демократіи, недостатки, естественно проистекающіе изъ неограниченнаго владычества большинства рабочихъ классовъ, вполнѣ сознаются всѣми безпристрастными публицистами. Поэтому въ настоящее время самые приверженцы демократіи приходятъ къ необходимости удѣлить мѣсто и другимъ общественнымъ элементамъ, дать имъ надлежащій вѣсъ и значеніе въ общемъ устройствѣ. Вмѣсто чисто демократической формы, предлагаютъ уста-

новить смѣшанную изъ аристократическихъ и демократическихъ началъ, принимая въ расчетъ и свободу и высшую способность. «Не только не полезно, но вредно, говоритъ замѣчательнѣйшій демократическій писатель настоящаго времени, Милль, когда конституція страны объявляетъ невѣжество призваннымъ къ одинакому съ знаніемъ участію въ политической власти». Такому приговору нельзя не сочувствовать.

Но какимъ образомъ установить должное равновѣсіе между обоими элементами? Съ этою цѣлью Милль предлагаетъ дать образованнымъ людямъ умноженное право голоса на выборахъ и вмѣстѣ съ тѣмъ установить такую избирательную систему, которая бы давала меньшинству возможность имѣть соразмѣрное съ своимъ числомъ количество представителей въ собраніи. Этимъ способомъ образованные классы, не перевѣшивая большинства рабочихъ, окажутъ ему однако значительную задержку. Они не будутъ устраняться при выборахъ; голосъ ихъ получитъ вѣсъ и значеніе въ народномъ представительствѣ.

Мы уже говорили о несостоятельности избирательной системы, предложенной Миллемъ. Она основана на томъ невѣрномъ предположеніи, что каждое меньшинство должно быть представлено въ общемъ собраніи, тогда какъ цѣль избирательныхъ законовъ—извлечь изъ народа большинство, способное управлять государствомъ. Но независимо отъ этого, умноженное право голоса образованныхъ классовъ представляетъ и произвольную и недостаточную гарантію. Въ этой системѣ нужно не только считать, но и взвѣшивать голоса; надобно количество уравновѣсить качествомъ. Но гдѣ же мѣрило для этихъ двухъ, совершенно разнородныхъ величинъ? Въ какой мѣрѣ и въ какомъ количествѣ должно быть предоставлено высшимъ классамъ умноженное право голоса? И кто будетъ здѣсь судьею? Окончательно вопросъ сводится къ тому: который изъ двухъ элементовъ получитъ перевѣсъ въ собраніи? Если большинство будетъ принадлежать низшимъ классамъ, а высшіе явятся только въ видѣ задержки, то рѣшеніе будетъ зависѣть отъ первыхъ. Въ такомъ случаѣ, эта система можетъ держаться единственно благоразуміемъ и самообладаніемъ массы, которая должна добровольно уменьшать свою силу и установлять привилегіи для другихъ. Но очевидно, что на это полагаться нѣтъ возможности. «Если, говоритъ Милль, достаточны подобнаго рода задержки, состоящія въ

благоразумія, умѣренности и терпимости извѣстнаго класса, то вся философія конституціоннаго правленія ничто иное, какъ торжественные пустяки. Все довѣріе къ конституціямъ основано на внушаемой ими увѣренности, что обладатели власти не могутъ, а не только не захотятъ употребить ее во зло». Опытъ подтверждаетъ эти сомнѣнія. Исторія и древняя и новая показываетъ, что демократія, какъ скоро получаетъ перевѣсъ, неудержимо стремится къ уничтоженію всякихъ преимуществъ, изъ нея не исходящихъ, къ устраненію всякихъ гарантій противъ власти большинства. И въ штатахъ Сѣверной Америки и въ Швейцарскихъ кантонахъ конституціи не вдругъ пришли къ установленію чистой демократіи; но всѣ ограниченія демократическихъ началъ пали одно за другимъ, и большинство мало по малу стянуло всѣ власти въ свои руки, являясь одно неограниченнымъ владыкою.

Всякія гарантіи для меньшинства, при сліяніи его съ большинствомъ, должны оказаться тщетными. Если въ устройствѣ республики надобно принять въ расчетъ не только количество, но и качество, то послѣднему необходимо дать отдѣльное представительство; иначе оно исчезнетъ въ количествѣ. Аристократическіе элементы общества, въ смыслѣ высшихъ качествъ, дающихъ превосходство надъ толпою, тогда только могутъ получить надлежащее значеніе въ государствѣ, когда они организованы въ отдѣльное собраніе, котораго содѣйствіе считается необходимымъ для управленія. Здѣсь является гарантія дѣйствительная, а не мнимая, если только подобная аристократія довольно сильна, чтобы выдержать борьбу и противостоять насильственнымъ переворотамъ.

Однако подобное устройство далеко не обезпечиваетъ правильнаго хода государственныхъ дѣлъ. Отдѣльныя собранія, представляющія противоположные элементы общества, порождаютъ затрудненія своего рода, и затрудненія громадныя. Если меньшинство исчезаетъ при сліяніи съ большинствомъ, то обособляясь, оно становится въ противоположность послѣднему. Но двѣ противоположныя силы, которыхъ интересы безпрерывно сталкиваются и которыя между тѣмъ поставлены другъ противъ друга съ требованіемъ совокупной дѣятельности по общимъ вопросамъ, должны неизбѣжно вступить между собою въ борьбу. Эта борьба тѣмъ опаснѣе, что она не ограничивается однѣми вершинами общества; это не споръ двухъ властей, а бореніе двухъ

народныхъ стихій, которыя соприкасаются на каждой точкѣ общественнаго организма. Противоположность идетъ здѣсь сверху до низу, проникаетъ не только государственную, но и частную жизнь. А между тѣмъ враждующія стороны не имѣютъ ни посредника, ни высшей власти, ихъ сдерживающей. Онѣ предоставлены самимъ себѣ, а потому борьба должна достигать крайнихъ предѣловъ. Подобное устройство ничто иное, какъ узаконенное раздвоеніе общества. Государственное единство не имѣетъ здѣсь представителя.

Исторія подтверждаетъ эти выводы. Смѣшанныя республики существовали во всѣ времена, но всегда представляли картину внутреннихъ раздоровъ и рѣдко достигали нѣкоторой прочности. Въ новое время подобное устройство существовало въ Швейцарскихъ кантонахъ со времени Наполеона до 30-хъ годовъ. Къ старымъ аристократическимъ элементамъ, въ большемъ или меньшемъ размѣрѣ, пріобщены были новые, демократическіе. Но такъ какъ, особенно съ 15-го года, первые имѣли рѣшительное преобладаніе, то борьба приняла характеръ не конституціоннаго спора, а насильственнаго возстанія низшихъ классовъ противъ высшихъ. Перевороты 30-хъ годовъ превратили всѣ эти конституціи въ чисто демократическія. Совершенно иной исходъ имѣли смѣшанныя учрежденія многихъ средневѣковыхъ вольныхъ городовъ: постоянныя внутреннія распри привели здѣсь или къ установленію чистой аристократіи, или къ водворенію тираніи. Но самые замѣчательные примѣры смѣшанныхъ республикъ представляютъ древнія классическія государства, которыхъ вся исторія вращается около борьбы аристократіи съ демократіею. Въ Греціи, чтобы совмѣстить въ государствѣ оба элемента, нужно было прибѣгать къ установленію надъ ними единой власти въ лицѣ всемогущаго законодателя или тирана. Но тиранія, уравнивая всѣхъ подъ общимъ гнетомъ, привела къ господству демократіи. Въ Римѣ, гдѣ преобладали аристократическія начала, борьба имѣла болѣе мирный и правильный ходъ. Римская исторія представляетъ самый замѣчательный, можетъ быть, примѣръ политической мудрости, какой встрѣчается въ исторіи. Здѣсь разгаръ внутренней борьбы сдерживался и политическою доблестью античнаго народа, который весь жилъ для отечества, и необыкновенною способностью правящей аристократіи, и наконецъ внѣшними обстоятельствами, которыя заставляли обѣ стороны соединяться противъ общихъ враговъ. Между тѣмъ и въ

Римѣ, даже въ лучшее время, нерѣдко являлась потребность вручить неограниченную власть одному лицу. Диктатура сдерживала борьбу партій и охраняла государственное единство. Когда же древнія доблести исчезли, когда интересы расширились, и подавлены были внѣшніе враги, тогда борьба противоположныхъ элементовъ приняла характеръ постоянныхъ, кровопролитныхъ междоусобій, которыя кончились установленіемъ имперіи.

Во всѣхъ этихъ явленіяхъ выражается одна существенная потребность: необходимость высшей власти, сдерживающей стремящіяся врозь стихіи. Въ государственномъ порядкѣ, раздвоеніе должно быть сведено къ единству. Если всякое человѣческое общество, по самой своей природѣ, раздѣляется на противоположные элементы—аристократическій и демократическій, то призвать ихъ къ общему управленію государственными дѣлами и сохранить между ними должное равновѣсіе нѣтъ возможности иначе, какъ установивъ надъ ними третью, независимую отъ нихъ власть, которая могла бы служить между ними посредникомъ, умѣрять ихъ борьбу и держать между ними вѣсы. Никакой законъ не въ состояніи произвести такое равновѣсіе, ибо законъ зависитъ отъ тѣхъ, кто его установляетъ и исполняетъ. На это нужна живая сила; только власть можетъ сдерживать власть. Однимъ словомъ, чтобы сочетать въ государствѣ аристократію съ демократіею, необходима монархія.

ГЛАВА 2.

НАРОДНОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО ВЪ МОНАРХІЯХЪ.

Въ республикахъ верховная власть признается исходящею изъ народа; въ монархіяхъ установляется власть независимая отъ народной воли. Въ первыхъ основное начало свобода, въ послѣднихъ — подчиненіе высшему порядку, господствующему надъ людьми. И свобода и порядокъ, въ которомъ живутъ люди, вытекаютъ изъ существа человѣка. Но свобода коренится въ личности, въ отдѣльной волѣ каждаго, въ разнообразныхъ, измѣняющихся стремленіяхъ, опредѣляю-

щихъ характеръ и дѣятельность лица; въ высшемъ же порядкѣ воплощаются вѣчные элементы человѣческой природы, постоянные интересы обществъ, неизмѣнные законы жизни, однимъ словомъ, все что связываетъ и лица и поколѣнія въ одно духовное цѣлое. Государство, какъ союзъ поколѣній, образующихъ единую духовную личность, является видимымъ, внѣшнимъ выраженіемъ этого высшаго порядка, который долженъ господствовать въ мірѣ, и которому по этому принадлежитъ верховная власть. Человѣкъ, съ одной стороны, самъ носитъ въ себѣ сознаніе высшихъ началъ; отсюда возможность устройства, основаннаго на свободѣ. Но съ другой стороны, порядокъ, основанный на вѣчныхъ идеяхъ, созданъ не имъ. Онъ не въ силахъ измѣнить нравственные законы; онъ можетъ отклониться отъ необходимыхъ требованій общественной жизни не иначе, какъ посягнувши на собственное свое духовное естество; онъ повинуется власти не потому только, что хочетъ, а потому что долженъ повиноваться, какъ нравственное существо и какъ членъ общаго тѣла. Эта вѣчная сущность государственнаго организма, эта независимость высшаго порядка отъ случайной воли человѣка выражаются въ монархическомъ началѣ. Здѣсь власть идетъ сверху, а не снизу. Здѣсь господствуетъ постоянный законъ, въ силу котораго власть передается отъ поколѣнія поколѣнію, помимо воли отдѣльныхъ лицъ. Здѣсь, наконецъ, является видимое воплощеніе государственнаго единства, не только въ данную минуту, но и во всѣ времена. Таковы, покрайней мѣрѣ, свойства наслѣдственной монархіи, которая одна соотвѣтствуетъ существу монархическаго начала, ибо она одна ставитъ власть выше всѣхъ случайностей.

Какъ воплощеніе государственнаго единства, какъ связь поколѣній, монархія является представительницею историческаго элемента въ государствѣ. Прочная монархія не создается въ данную минуту, по желанію народа; она вытекаетъ изъ всей его исторіи. Народъ любитъ въ ней свое прошедшее и свое будущее; онъ уважаетъ въ ней порядокъ, созданный не случайной волею настоящаго поколѣнія и не измѣняющійся по обстоятельствамъ, но представляющій непоколебимый центръ, около котораго вращается вся народная жизнь. Какъ скоро народъ разорвалъ связь съ прошедшимъ, какъ скоро въ немъ исчезла любовь и уваженіе къ законной монархіи, такъ начинаетъ колебаться въ немъ самое монархическое начало. Новая монархія нико-

гда не можетъ замѣнить старую. Этимъ объясняется та шаткость власти, которую мы видимъ въ современной Франціи. Въ первую революцію разомъ погибли всѣ учрежденія прошедшихъ вѣковъ. Любовь къ старой монархіи была вырвана съ самымъ корнемъ. Но вслѣдствіе этого исчезла и возможность основать прочный монархическій порядокъ. Попытки возстановить старое и создать новое оказываются одинаково неуспѣшными. При такомъ состояніи общества, при отсутствіи всякихъ историческихъ элементовъ, единственнымъ исходомъ представляется республика. Но республиканская форма имѣетъ свои невыгоды и свои препятствія, съ которыми иногда трудно бороться.

Польза учрежденія, охраняющаго историческій порядокъ въ государствѣ, не можетъ быть подвержена сомнѣнію. Иногда на историческія начала смотрятъ, какъ на лишній балластъ, который нужно скорѣе кинуть черезъ бортъ, чтобъ на легкѣ пуститься въ дальнѣйшій путь, по волѣ вѣтра и волнъ. Думаютъ, что народъ тѣмъ быстрѣе можетъ достигнуть высшаго развитія, чѣмъ менѣе въ немъ историческихъ преданій, налагающихъ цѣпи на его разумъ и дѣятельность. Такое воззрѣніе можетъ быть плодомъ только весьма поверхностнаго взгляда на вещи. Нѣтъ сомнѣнія, что историческія начала, укоренившіяся въ сознаніи народа, служатъ иногда препятствіемъ движенію. Человѣку бываетъ нужно оторваться отъ нихъ, чтобы прочнѣе утвердить свою свободу, ибо все человѣческое развитіе слагается изъ этихъ двухъ элементовъ: изъ преданій и свободы. Но вслѣдствіе этой двойственности началъ, немыслимо полное отрѣшеніе отъ первыхъ. Свобода, отрицающая прошедшее, тѣмъ самымъ лишаетъ себя плодотворной силы для будущаго, ибо все свое содержаніе она черпаетъ изъ работы предшествующихъ поколѣній, изъ того, что въ нихъ жило, зрѣло и крѣпло. Человѣкъ не можетъ начинать развитія изъ самого себя, изъ собственнаго разума и воли. Оторванный отъ общей связи поколѣній, онъ является одинокимъ и безсильнымъ. Возможность совершенствованія лежитъ именно въ той безконечной преемственности, которая создаетъ единый духовный міръ изъ лицъ разсѣянныхъ въ пространствѣ и времени. Историческіе элементы даютъ развитію прочную основу и постоянную связь, и если эта нить прерывается неожиданно, въ обществѣ рождается незаглушимая потребность возстановить ее снова, найти себѣ опору въ упроченныхъ временемъ учрежденіяхъ. Отсюда реставраціи, которыя слѣдуютъ за

переворотами. Преданія даютъ народу и тѣ практическія, руководящія начала, безъ которыхъ человѣческій разумъ теряется среди множества разнородныхъ рѣшеній. Идя шагъ за шагомъ, опираясь на прошедшее, народъ сохраняетъ направленіе, свойственное его характеру, быту, времени, обстоятельствамъ. Въ историческихъ началахъ высказываются особенности народа, выражается единство его личности. Какъ отдѣльный человѣкъ не въ состояніи отрѣшиться отъ себя и свободно начать новую жизнь, такъ и народъ, при всѣхъ совершающихся въ немъ перемѣнахъ, не можетъ разомъ порѣшить съ старымъ и создать себѣ новыя жизненныя начала. Онъ пересталъ бы быть историческимъ лицемъ; жизнь его разбилась бы на отдѣльныя, не связанныя между собою мгновенія.

Но господство историческихъ началъ въ монархіи не препятствуетъ перемѣнамъ и улучшеніямъ. Монархическая власть не связывается непосредственно съ тѣми безчисленными частными интересами, которые, истекая изъ извѣстнаго порядка вещей, обыкновенно служатъ самою сильною преградою преобразованіямъ. Монархъ поставленъ выше частныхъ интересовъ; выгоды его сливаются съ пользою государства. Умноженіе государственныхъ силъ, внѣшнее значеніе народа, внутреннее благоустройство, развитіе общаго благосостоянія, все это въ нормальномъ положеніи дѣлъ, при правильномъ взглядѣ на вещи, составляетъ прямой интересъ монарха; на это естественно направлена вся его дѣятельность. Власть его не основывается на сословныхъ привилегіяхъ, какъ въ аристократіи; она не держится извѣстнымъ устройствомъ общественнаго быта, порядкомъ собственности, законами о наслѣдствѣ, и тому подобными учрежденіями, которыхъ въ аристократіи нельзя коснуться, не подрывая самаго ея корня. Монархъ можетъ измѣнять учрежденія, не боясь подкопать основанія своей силы Наконецъ, личная воля всегда является самымъ могучимъ орудіемъ движенія; если иногда она задерживаетъ ходъ, то ей же принадлежитъ и энергическая инициатива. Мы видѣли, что народное представительство идетъ медленно впередъ, или разрушаетъ, не созидая. Аристократическая корпорація еще болѣе держится преданій, отстаиваетъ старину, противится всякой перемѣнѣ, пока можно ея избѣжать. Монархи, напротивъ, какъ доказываетъ исторія, являются самыми смѣлыми преобразователями. Сосредоточивая власть въ своихъ рукахъ, не боясь препятствій, устраняя всякое противодѣй-

ствіе, самодержавный государь можетъ произвести перемѣны, немыслимыя при другомъ образѣ правленія. Когда есть твердая точка опоры на верху, перевороты внизу могутъ совершаться безъ потрясенія всего организма; объ этомъ свидѣтельствуетъ русская исторія послѣднихъ полутораста лѣтъ. Только личная воля человѣка въ состояніи такъ быстро двигать народъ на пути развитія, и притомъ безъ насильственныхъ переворотовъ, безъ междоусобій, безъ разрушенія всего существующаго, не разрывая связи съ прошедшимъ. Быстрота движенія имѣетъ свои невыгоды: преждевременное или слишкомъ крутое преобразованіе можетъ коснуться народа, къ нему неприготовленнаго; направленіе сверху недостаточно безъ живаго содѣйствія со стороны общества. Но когда жизнь подготовила элементы новаго быта, когда ихъ нужно организовать, оживить общимъ духомъ, повести на бой съ отживающимъ порядкомъ, наконецъ дать имъ окончательное торжество, тогда сосредоточеніе всѣхъ силъ въ рукахъ преобразователя представляетъ такой же залогъ успѣха, какъ въ военное время соединеніе власти въ рукахъ военачальника.

Возвышаясь такимъ образомъ надъ народомъ, по самому своему положенію имѣя въ виду общее благо, а не пользу одного сословія или класса, монархъ является независимымъ отъ партій. Одно только монархическое правительство въ состояніи отрѣшиться отъ одностороннихъ цѣлей и собирать вокругъ себя способныхъ людей различныхъ направленій, соединяя ихъ въ дружной дѣятельности для общаго блага. Въ самодержавіи партіи не обозначаются такъ рѣзко, не организуются для достиженія власти, не вступаютъ въ управленіе съ систематическою, но одностороннею программою. Огромное большинство гражданъ состоитъ изъ людей среднихъ мнѣній, всегда готовыхъ примкнуть къ правительству, которое искренно хочетъ народнаго блага. Монархическая власть одна въ состояніи спокойно и безпристрастно обсуждать государственные вопросы. Она не принуждена жертвовать большинству интересами меньшинства. Стоя надъ ними, какъ высшій судья, непричастный спору, она имѣетъ въ виду справедливое соглашеніе выгодъ обѣихъ сторонъ. Меньшинство находитъ здѣсь гарантіи, какихъ не могутъ дать ему учрежденія, предающія его на жертву противникамъ. Поэтому, даже при народномъ представительствѣ, въ парламентскомъ правленіи, гдѣ партіи смѣняютъ другъ друга въ обладаніи властью, необходимо монархическое начало, умѣряющее ихъ

борьбу, сдерживающее увлеченія, охраняющее интересы меньшинства. Чѣмъ сильнѣе раздраженіе партій, чѣмъ далѣе онѣ расходятся по своимъ убѣжденіямъ, чѣмъ существеннѣе вопросы, ихъ раздѣляющіе, тѣмъ крѣпче должна быть эта высшая, сдерживающая и соединяющая власть. Въ особенности тамъ, гдѣ существуетъ вражда сословій или классовъ, гдѣ борются противоположные интересы различныхъ слоевъ общества, одна монархія въ состояніи держать вѣсы между ними, давая разнообразнымъ интересамъ то мѣсто и значеніе въ цѣломъ, которое требуется общественнымъ благомъ. И эта задача не преходящая, не случайная. Различіе общественныхъ слоевъ принадлежитъ не однимъ только раннимъ эпохамъ исторической жизни народовъ. Мы уже говорили, что всегда и вездѣ существуютъ богатые и бѣдные, люди преданные физическому и умственному труду. Всякое общество содержитъ въ себѣ оба элемента—аристократическій и демократическій, съ направленіемъ и интересами во многомъ противоположными. Первому принадлежитъ умственное превосходство, второму физическій перевѣсъ; первый требуетъ преимуществъ во имя высшей способности, второй стремится къ равенству правъ во имя свободы и огражденія своихъ интересовъ. Благопріятныя условія и высокое общественное развитіе могутъ смягчить, но не уничтожить эту противоположность. А потому мы опять приходимъ къ заключенію, что если въ обществѣ, по самому его составу, должны вѣчно существовать элементы аристократическій и демократическій, то надъ обоими должно возвышаться начало монархическое, связывающее ихъ въ общій союзъ и составляющее ключъ всего государственнаго зданія.

Это постоянное, вѣчное значеніе монархіи, какъ представительницы государственнаго единства, высшаго порядка, общаго блага, преемственности политической жизни народа, какъ верховнаго судьи противоположныхъ стремленій и интересовъ, раздѣляющихъ общество, дѣлаетъ ее образомъ правленія наиболѣе распространеннымъ. Востокъ не знаетъ инаго государственнаго устройства; классическіе народы ею начали и кончили свое поприще, хотя самая блистательная и цвѣтущая пора ихъ жизни принадлежитъ республикѣ. Въ новыхъ государствахъ монархія имѣетъ еще бо́льшее значеніе, нежели въ древности. Они возникли не изъ цѣльной народности, искони связанной племеннымъ устройствомъ, а изъ соединенія мелкихъ, дробныхъ союзовъ, изъ разрозненныхъ, борющихся элементовъ, которые мало по малу

сложились въ общее тѣло. Это соединеніе было дѣломъ монархической власти, которая сдѣлалась центромъ всего государственнаго развитія. Отсюда у всѣхъ европейскихъ народовъ болѣе или менѣе продолжительный періодъ абсолютизма. Но первоначальное разнообразіе стихій сохранилось и въ новѣйшемъ государственномъ бытѣ; историческія начала не исчезли даже тамъ, гдѣ они подверглись наиболѣе безпощадной ломкѣ. Новая жизнь вообще гораздо богаче содержаніемъ, нежели древняя, элементы ея несравненно разнообразнѣе, интересы шире и многостороннѣе; она разыгрывается на бóльшихъ пространствахъ и глубже проникаетъ въ общество, призывая къ политической дѣятельности тѣ слои, которые въ древности исключались изъ участія въ общихъ благахъ. Но чѣмъ разнообразнѣе, многостороннѣе и разрозненнѣе общественные элементы, тѣмъ сильнѣе должна быть власть ихъ соединяющая, тѣмъ болѣе потребности въ видимомъ центрѣ, около котораго группируются отдѣльные пласты и организаціи. Республиканская форма принялась только въ Америкѣ, гдѣ порвалась историческая нить, гдѣ, вслѣдствіе физическихъ и нравственныхъ причинъ, жизнь представляетъ менѣе разнообразія и не столь рѣзкія противоположности. Но и тамъ паденіе монархическаго начала далеко не вездѣ служитъ признакомъ высшаго развитія, о чемъ и свидѣтельствуютъ южно-американскія республики. Въ Европѣ монархическое начало до сихъ поръ сохраняетъ свою силу и побѣдоносно выходило изъ всѣхъ потрясеній.

Однако въ западной Европѣ исключительное господство монархическаго начала уступило мѣсто другой формѣ, въ которой монархическая власть ограничивается народнымъ представительствомъ, и такимъ образомъ соединяется съ свободою. Самодержавная монархія превратилась въ представительную. Ранѣе всего эта перемѣна совершилась въ Англіи, гдѣ въ сущности монархическая власть никогда не была вполнѣ неограниченною. На материкѣ, толчекъ новому движенію дала французская революція. Отправляясь отъ требованій свободы, она быстро пришла къ уничтоженію самой монархіи. Но послѣ страшныхъ потрясеній, монархическое начало было возстановлено. Либеральное движеніе, которымъ характеризуется XIX-й вѣкъ, водворило въ западно-европейскихъ государствахъ не республиканскую форму, а ограниченную монархію.

Цѣль представительной монархіи состоитъ въ сочетаніи порядка и

свободы. Монархическое начало, какъ мы видѣли, представляетъ идею высшаго порядка. Но въ чистой своей формѣ, оно, если не исключаетъ свободы, то не даетъ ей полнаго развитія и лишаетъ ее всякихъ гарантій. Въ этомъ состоитъ слабая сторона абсолютизма. Совершеннаго образа правленія нѣтъ и быть не можетъ; каждый имѣетъ свои выгоды и свои недостатки, присущіе самой его формѣ. Народамъ предоставляется только выборъ между относительными преимуществами. Самодержавіе можетъ дать все что зависитъ отъ монархическаго начала, но оно не въ состояніи даровать народу тѣ блага, которыя проистекаютъ изъ свободы. Оно имѣетъ и свои темныя стороны, неразлучныя съ самымъ существомъ этого образа правленія. Власть сосредоточивается здѣсь въ одномъ лицѣ, а потому подвержена случайностямъ личной воли; передаваясь по наслѣдству, она можетъ пасть въ руки неспособнаго или недостойнаго лица; наконецъ, воля, не знающая преградъ, легко переступаетъ границы и обращается въ произволъ. На все это исторія представляетъ многочисленные примѣры. Достаточно припомнить Лудовика XV-го.

Представительная монархія имѣетъ въ виду устраненіе этихъ недостатковъ. Здѣсь воля монарха сдерживается правами народнаго представительства; взаимныя отношенія властей опредѣляются закономъ. Произволъ устраняется, свобода получаетъ надлежащее обезпеченіе, способнѣйшіе люди выдвигаются впередъ и пріобрѣтаютъ преобладающее вліяніе на дѣла. Можно сказать, что представительная монархія, по своей идеѣ, наиболѣе приближается къ совершенному образу правленія. Если идеалъ государственнаго устройства состоитъ въ полномъ и гармоническомъ развитіи тѣхъ разнообразныхъ силъ и стремленій, изъ которыхъ слагается общество, то здѣсь именно представляется такое сочетаніе, при которомъ каждый членъ получаетъ должное мѣсто въ общемъ организмѣ. Всѣ существенные элементы государства: монархическій, аристократическій и демократическій, соединяются въ общемъ устройствѣ, для совокупной дѣятельности, во имя общей цѣли. Каждый приноситъ свою долю силъ и охраняетъ тѣ начала, которыя въ немъ преимущественно выражаются. Государственная власть, единая и верховная, воплощается въ монархѣ, стоящемъ на вершинѣ зданія; свобода находитъ себѣ органъ и гарантію въ народномъ представительствѣ; высшая политическая способность получаетъ самостоятельный вѣсъ въ отдѣльномъ аристократи-

ческомъ собраніи, и надъ всѣмъ царствуетъ законъ, опредѣляя взаимныя отношенія властей, которыя могутъ побуждать другъ друга къ дѣятельности и воздерживаться взаимно при одностороннемъ направленіи. Здѣсь есть просторъ для всѣхъ силъ народной жизни, а между тѣмъ ни одна изъ нихъ не можетъ пріобрѣсти исключительнаго господства надъ остальными.

Такова идея представительной монархіи: гармонія всей государственной жизни народа. Но эта гармонія можетъ осуществиться только при дружной дѣятельности всѣхъ независимыхъ другъ отъ друга элементовъ, а на дѣлѣ это не всегда бываетъ. Вмѣсто согласія, водворяется раздоръ, который порождается и поддерживается самымъ свойствомъ учрежденій. Представительная монархія, какъ и всѣ другіе образы правленія, страдаетъ присущимъ ея формѣ недостаткомъ: раздѣленіемъ власти. Сосредоточенная власть рождаетъ произволъ, раздѣленная власть ведетъ къ борьбѣ. Между этими двумя источниками зла вращается всякое государственное устройство; выдти изъ этой дилеммы нѣтъ возможности. Демократія и чистая аристократія, такъ же какъ неограниченная монархія, соединяя всю верховную власть въ рукахъ одного лица, сословія или большинства народа, тѣмъ самымъ уничтожаютъ всякія преграды, задержки и гарантіи. Монархъ, сословіе или народъ могутъ злоупотреблять своею властью безъ всякаго стѣсненія и отвѣтственности. Раздѣленіе власти устраняетъ это зло, но вмѣсто него является другое, которое можетъ быть еще гибельнѣе для государства. Верховная власть по существу своему едина. Образуя единое тѣло, государство управляется единою волею, имѣетъ одну общую цѣль. Единство и сила власти составляютъ первую потребность политической жизни. Безъ нихъ невозможны ни внѣшнее могущество государства, ни внутреннее его благоустройство. Законъ остается неисполненнымъ, слабый не находитъ защиты отъ притѣсненія. Весь государственный порядокъ колеблется, когда нѣтъ твердаго направленія на верху. Какъ въ отдѣльномъ человѣкѣ отсутствіе воли и борьба противоположныхъ влеченій производятъ внутренній разладъ, такъ и въ государствѣ борьба властей ведетъ къ разслабленію всего организма; она порождаетъ шаткость быта, невѣрность будущаго, наконецъ смуты, потрясенія, междоусобія. Въ представительной монархіи верховная власть остается единою по идеѣ; она принадлежитъ совокупности всѣхъ составляющихъ ее элементовъ,

которыхъ общее рѣшеніе является выраженіемъ верховной воли. Но въ различныхъ своихъ отправленіяхъ, верховная власть распредѣляется между разными органами, другъ отъ друга независимыми, и такъ какъ каждый имѣетъ свой характеръ, свое направленіе, а для общаго дѣла требуется содѣйствіе всѣхъ, то столкновенія неизбѣжны.

Прежде всего трудно установить границы правъ отдѣльныхъ властей. Нѣтъ и не можетъ быть закона, который бы несомнѣннымъ образомъ опредѣлялъ чьи бы то ни было права и обязанности, предупреждая всѣ возможные случаи столкновеній. Всякій законъ подлежитъ различному толкованію; разнообразіе жизни не подчиняется точнымъ, неизмѣннымъ правиламъ. Поэтому столкновенія правъ всегда были, есть и будутъ, какъ въ частной, такъ и въ государственной жизни. Но въ области частнаго права, для разрѣшенія споровъ существуетъ судъ, который толкуетъ законъ, прилагаетъ его ко всѣмъ возможнымъ случаямъ и опредѣляетъ права, обязательно для обѣихъ сторонъ. Въ представительной монархіи такого суда нѣтъ и быть не можетъ, ибо всякій судъ дѣйствуетъ отъ имени верховной власти, а здѣсь верховная власть раздѣлена. Монархъ и народное представительство не могутъ подчиняться верховнымъ рѣшеніямъ суда иначе, какъ теряя свою независимость. Поэтому, здѣсь всякій споръ о правахъ долженъ разрѣшаться самими спорящими сторонами, слѣдовательно, онъ можетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока одна изъ нихъ не будетъ принуждена другою къ уступкѣ. Понятно, какое гибельное вліяніе на государственныя дѣла должно имѣть такое враждебное настроеніе высшихъ властей. Каждая старается поставить другой всевозможныя преграды, ибо это единственное средство вынудить уступку. Отсюда остановка дѣлъ, задержка самыхъ полезныхъ предпріятій и преобразованій; отсюда взаимное раздраженіе, которое, проникая всюду и не находя исхода, достигаетъ крайнихъ предѣловъ. Такое неестественное, напряженное состояніе можетъ длиться многіе годы. Примѣръ у насъ на глазахъ въ конституціонномъ спорѣ Пруссіи. Развязкою можетъ быть или утомленіе сторонъ, или переворотъ, насильственно разрѣшающій столкновеніе, или наконецъ, какое-либо чрезвычайное внѣшнее событіе. Во Франціи, въ 1830-мъ году, подобный споръ привелъ къ революціи; въ другихъ случаяхъ онъ кончался переворотомъ сверху. Такъ было въ новѣйшее время не въ одномъ германскомъ государствѣ. Въ Пруссіи въ 1848-мъ и 49-мъ годахъ

правительство самовластно издало конституцію и два избирательныхъ закона, и хотя первая была принята палатами, однако и она не устранила столкновеній; напротивъ, споръ о правахъ возгорѣлся сильнѣе прежняго.

Къ такимъ же враждебнымъ отношеніямъ можетъ повести и несогласіе на счетъ принимаемыхъ мѣръ. То, что одна власть считаетъ необходимымъ, встрѣчаетъ противодѣйствіе со стороны другой. Это тѣмъ естественнѣе, что каждая имѣетъ свои начала, свое направленіе, которыя не всегда легко согласить съ другими. И здѣсь опять ни одна сторона не отстаетъ отъ своихъ требованій, но старается принудить другую къ уступкѣ. И здѣсь споръ можетъ длиться много лѣтъ или кончиться переворотомъ. Послѣдняя конституціонная борьба въ Пруссіи вращалась около вопроса о военномъ преобразованіи, въ которомъ расходились правительство и выборная палата. Споръ доселѣ остался нерѣшеннымъ.

Если, при такихъ условіяхъ, конституціонныя государства не представляютъ постоянной картины внутреннихъ раздоровъ, то причина обыкновенно заключается въ томъ, что одна власть пріобрѣтаетъ рѣшительный перевѣсъ надъ другими. Послѣднія являются только задержками; инціатива, направленіе дѣлъ исходятъ изъ одного центра, вслѣдствіе чего государственная жизнь получаетъ надлежащее единство. Многіе публицисты утверждаютъ даже, что раздѣленіе властей не болѣе, какъ мечта; въ дѣйствительности, говорятъ они, всегда установляется преобладаніе той или другой. Однако это мнѣніе справедливо только отчасти. Преобладаніе не означаетъ полновластія. Самый перевѣсъ одного элемента надъ другими не можетъ установиться вдругъ. Онъ является результатомъ долговременнаго развитія; на это требуются многіе годы постоянныхъ усилій, попытокъ, споровъ и борьбы. Вопросъ о преобладаніи рѣшается не закономъ, а фактическою силою сторонъ. Превосходство должно быть доказано на дѣлѣ; жизнь обнаруживаетъ, которая изъ властей могущественнѣе и способнѣе стоять во главѣ государства. Пока это преобладаніе не упрочилось и не признано другими, какъ несомнѣнный фактъ, каждая власть старается склонить вѣсы на свою сторону, принудить другія къ уступкамъ, и борьба неизбѣжна. Такимъ образомъ въ Англіи, перевѣсъ Нижней палаты явился плодомъ многовѣковой борьбы и неоднократныхъ революцій. Тоже самое мы

видимъ и въ другихъ конституціонныхъ государствахъ. Если согласная дѣятельность властей составляетъ высшую цѣль представительной монархіи, то этотъ идеалъ достигается труднымъ путемъ взаимныхъ препирательствъ и раздоровъ, которые производятъ глубокія потрясенія въ обществѣ и нерѣдко кончаются кровавыми переворотами. Конституціонная исторія европейскихъ народовъ показываетъ, какимъ движеніямъ взадъ и впередъ подвергается государственная жизнь прежде, нежели различные элементы власти успѣютъ сладиться другъ съ другомъ, узнать свою относительную силу, придти ко взаимнымъ уступкамъ и приспособиться къ дружной дѣятельности на общую пользу.

Въ новое время подобные раздоры особенно тяжело отзываются на общественной жизни. Въ древности и въ средніе вѣка мы видимъ народы, которые крѣпли, мужали и развивались при внутреннихъ распряхъ. Вся исторія Рима ничто иное, какъ нескончаемая борьба патриціевъ и плебеевъ, раздѣлявшихъ верховною власть. Это не помѣшало Римлянамъ покорить весь извѣстный тогда міръ. Но на это нужны были особенныя условія: простота жизни, бѣдность интересовъ, возможность скораго соглашенія на небольшомъ поприщѣ, наконецъ необыкновенное благоразуміе гражданъ, юридическій ихъ смыслъ и безпримѣрная любовь къ отечеству, которому гражданинъ всегда готовъ былъ жертвовать всѣмъ. Въ позднѣйшую эпоху римской исторіи, съ расширеніемъ владѣній, при большей сложности отношеній, при водвореніи новыхъ элементовъ, мирная борьба превратилась въ кровавыя междоусобія, и раздѣленная власть уступила мѣсто императорскому деспотизму. Въ средніе вѣка внутреннія распри также мало смущали общество. Въ то время междоусобія были, можно сказать, явленіемъ ежедневнымъ. При всякомъ спорѣ, человѣкъ хватался за оружіе и старался силою возстановить нарушенное право. Борьба королей съ вассалами наполняетъ всѣ страницы средневѣковой исторіи. Однако и здѣсь дальнѣйшее развитіе народовъ и необходимость порядка при высшихъ требованіяхъ жизни повели къ сосредоточенію власти въ рукахъ монарховъ. На развалинахъ средневѣковаго зданія водворилось самодержавіе. Новѣйшая исторія опять привела западно-европейскіе народы къ власти раздѣленной; но въ настоящее время, при сложности жизненныхъ отношеній, при громадномъ развитіи частныхъ интересовъ, для подобнаго устройства нужны гораз-

до высшія условія, нежели прежде. Не только революціи, междоусобія, войны, но и всякое колебаніе или шаткость власти слишкомъ сильно отзываются на промышленности, на торговлѣ, которыя составляютъ основу благосостоянія новыхъ народовъ. Промышленная дѣятельность прежде всего требуетъ мира и порядка, а безъ значительнаго развитія матеріяльныхъ силъ ни одинъ народъ въ наше время не можетъ удержать своего мѣста на ряду съ другими. На деньгахъ основано не только внутреннее благосостояніе, но и внѣшнее могущество государствъ; онѣ во многомъ замѣнили и личное мужество и готовность къ самопожертвованію. Каковы бы ни были темныя стороны того матеріяльнаго направленія, которымъ характеризуется нашъ вѣкъ, несомнѣнно то, что оно доставляетъ средства для гораздо болѣе всесторонняго и богатаго развитія, нежели въ какое бы то ни было прежнее время. Жизнь разрослась во всѣ стороны; общественное устройство сдѣлалось сложною системою, управленіе которой требуетъ значительнаго искусства. Всякая задержка, всякое колебаніе отзываются повсюду и нарушаютъ громадные интересы.

Поэтому въ настоящее время болѣе, нежели когда либо нужна величайшая осторожность при установленіи образа правленія, который можетъ произвести внутренній разладъ. Представительная монархія, будучи произведеніемъ новаго быта народовъ, отражаетъ на себѣ господствующую въ немъ сложность составныхъ частей и отношеній. Это самый искусственный изъ образовъ правленія, требующій особеннаго умѣнія, тонкости и благоразумія со стороны всѣхъ его участниковъ. Она возможна только при весьма высокомъ развитіи народа. Если входящіе въ составъ ея элементы не имѣютъ въ себѣ достаточной способности для такого дѣла, если они не приведены къ надлежащему соглашенію, то вмѣсто пользы, она принесетъ только вредъ, уничтоживъ единство власти и внося повсюду раздоръ. Представительная монархія требуетъ, слѣдовательно, весьма значительныхъ условій для правильнаго своего хода, и хорошее ея устройство дѣло весьма нелегкое.

Первый вопросъ состоитъ въ томъ: каковъ долженъ быть составъ различныхъ властей, и какими правами онѣ должны быть облечены? Здѣсь возможны различныя сочетанія и отношенія, которыхъ разборъ поведетъ насъ къ дальнѣйшему изложенію видовъ народнаго представительства.

ГЛАВА 3.

СОВѢЩАТЕЛЬНЫЯ СОБРАНІЯ

Низшую форму народнаго представительства составляютъ совѣщательныя собранія. Они подаютъ правительству совѣты, когда оно ихъ спрашиваетъ, но постановленія ихъ не имѣютъ обязательной силы. Правительство можетъ рѣшить дѣло, какъ ему заблагоразсудится; мнѣніе собранія служитъ только матеріаломъ для рѣшенія, наравнѣ съ другими способами изученія вопросовъ. Подобныя собранія встрѣчаются въ исторіи, но не въ видѣ постоянныхъ учрежденій, а какъ временныя пособія правительству, особенно въ трудныхъ обстоятельствахъ. Они принадлежатъ къ младенческимъ эпохамъ государственной жизни, когда власть имѣетъ мало средствъ, а голосъ народа лишенъ возможности проявиться другимъ путемъ. Въ то время, когда не было ни печати, ни удобныхъ путей сообщенія, ни сколько-нибудь установившагося общественнаго мнѣнія, ни даже мѣстныхъ собраній, могущихъ служить органами народныхъ нуждъ, правительство прибѣгало иногда къ созванію чиновъ для рѣшенія важныхъ и затруднительныхъ вопросовъ. Обладая скудными средствами, плохо зная силы страны, оно искало въ нихъ свѣта и опоры. Такъ, въ случаѣ войны, когда дворянство поставляло людей, а города давали деньги, нужно было призывать тѣхъ и другихъ къ совѣщанію, чтобы знать, на что можно расчитывать.

Эти временныя потребности исчезли при высшемъ развитіи политической жизни. Правительства снабжены всѣми средствами, какія можетъ дать государство; они могутъ полагаться на свои орудія, дѣйствовать па общество всѣми путями. Имъ всегда болѣе или менѣе извѣстны силы страны; они знаютъ, въ какой мѣрѣ возможно напрягать ихъ. Наконецъ, общественный голосъ всегда можетъ подняться въ критическія минуты. Поэтому, въ трудныхъ обстоятельствахъ не нужно прибѣгать къ чрезвычайнымъ собраніямъ. Прежніе генераль-

ные штаты и земскіе соборы исчезли вмѣстѣ съ прежнимъ бытомъ. Въ настоящее время можетъ быть рѣчь не о собраніяхъ, созываемыхъ въ случаѣ нужды, а о представительствѣ, какъ о постоянномъ государственномъ учрежденіи. Новый политическій бытъ, основанный на твердомъ порядкѣ, на прочныхъ уставахъ; требуетъ постоянныхъ органовъ. Можетъ ли совѣщательное собраніе быть такимъ органомъ? можетъ ли оно отвѣчать постояннымъ потребностямъ народной жизни и съ пользою занять мѣсто въ государственномъ устройствѣ?

Съ перваго взгляда, выгоды совѣщательнаго собранія кажутся несомнѣнными. Мы видѣли, что присущій представительной монархіи недостатокъ состоитъ въ раздѣленіи власти и въ проистекающей отсюда борьбѣ. Совѣщательныя собранія устраняютъ эту невыгоду. Вся полнота верховной власти лежитъ въ рукахъ монарха. Отъ него одного исходитъ рѣшеніе, онъ не стѣсняется ничѣмъ; слѣдовательно, столкновенія здѣсь невозможны. Если монархъ уступаетъ мнѣнію общества, то это зависитъ единственно отъ его совѣсти. Отношенія здѣсь нравственныя, а не юридическія. Здѣсь нѣтъ спора о правахъ, нѣтъ требованій, притязаній; все основано на взаимномъ довѣріи. Монархъ, не страшась общественной мысли, окружаетъ себя представителями народа, которые, какъ независимые люди, высказываютъ ему правду, знакомятъ его съ настоящими нуждами общества, не требуя отъ него ничего, во всемъ полагаясь на его верховную волю. Этимъ устраняются корыстные посредники, чиновники или придворные, заслоняющіе особу государя, не допускающіе къ нему народнаго голоса. Взаимная любовь, исполняющая сердца монарха и подданныхъ, проявляется въ тѣснѣйшемъ ихъ сближеніи во имя общаго блага.

Такова идеальная картина, которую рисуютъ защитники совѣщательныхъ собраній. Еслибы дѣло шло только о взаимномъ изъясненіи въ любви, то цѣль могла бы достигаться вполнѣ; но для этого не нужно представительства. Задача послѣдняго состоитъ въ рѣшеніи практическихъ вопросовъ, а въ этомъ, какъ извѣстно, рѣже всего господствуютъ идеальныя отношенія, и чаще всего разыгрываются всякаго рода страсти. Ихъ непремѣнно слѣдуетъ брать въ расчетъ при всѣхъ человѣческихъ учрежденіяхъ, особенно такихъ, которыя, по самому своему свойству, доставляютъ имъ богатую пищу. А это именно должно дѣлать совѣщательное собраніе, ибо оно становится въ ложное положеніе, имѣя передъ собою громадную задачу и не имѣя правъ.

Прежде всего, совѣщательное собраніе далеко не удовлетворяетъ цѣли народнаго представительства. Первоначальное значеніе послѣдняго состоитъ, какъ мы видѣли, въ обезпеченіи правъ и свободы гражданъ. Но въ совѣщательномъ голосѣ выборныхъ людей выражается не свобода, а подчиненіе; гарантіи онъ не представляетъ, ибо не ограничиваетъ владычествующей воли. Нѣтъ сомнѣнія, что этимъ установляется нравственная задержка: если, вообще, опасеніе общественнаго мнѣнія останавливаетъ произвольныя дѣйствія правителей, то нравственная преграда значительно возрастаетъ, когда это мнѣніе является не разсѣяннымъ, а потому слабымъ или даже безгласнымъ, а собраннымъ во едино, съ независимымъ голосомъ, раздающимся по всей странѣ, подлѣ самаго престола. Но тамъ, гдѣ отсутствуетъ право, непріятный голосъ легко устраняется. Правительство терпитъ собраніе до тѣхъ поръ, пока оно не слишкомъ ему прекословитъ. Отъ человѣческой природы нельзя требовать, чтобы она умѣла себя воздерживать при самыхъ сильныхъ искушеніяхъ, а здѣсь искушеніе огромное, ибо есть и право и сила, обыкновенно и сознаніе правоты. Всякому правительству легко убѣдить себя, что оно дѣйствуетъ для блага народнаго и встрѣчаетъ препятствіе въ неумѣренномъ или несвѣдущемъ собраніи. Если свободѣ нужна гарантія, то ея слѣдуетъ искать не въ нравственныхъ задержкахъ, которыя слишкомъ легко поддаются произволу. Право ограждается только правомъ. Еслибы государство было чисто нравственнымъ союзомъ, еслибы оно не имѣло внѣшней принудительной силы, оно могло бы довольствоваться нравственными отношеніями. Но юридическое начало лежитъ въ самомъ его существѣ; граждане имѣютъ юридическія права и обязанности; власть вооружена правомъ повелѣвать и принуждать къ повиновенію. Слѣдовательно, отношенія здѣсь существенно юридическія, а потому и гарантія можетъ быть только юридическая. Этой потребности, тамъ гдѣ она есть, совѣщательное собраніе отвѣчать не можетъ.

Еще менѣе оно въ состояніи исполнить другую существенную задачу представительныхъ собраній: держать контроль надъ управленіемъ. Контролировать дѣйствія власти можетъ только тотъ, кто самъ имѣетъ власть, а совѣщательное собраніе ея лишено. Оно не въ правѣ ни потребовать отчета, ни изслѣдовать злоупотребленія, ни устранить произвольныя мѣры и расходы. Менѣе всего можетъ оно подвергнуть правителей какой бы то ни было отвѣтственности. Поэтому оно

не можетъ считаться самостоятельнымъ участникомъ государственнаго управленія. Воли и правъ народа оно не представляетъ.

Единственное значеніе, которое за нимъ остается, состоитъ въ выраженіи общественной мысли, въ заявленіи о народныхъ нуждахъ. Въ состояніи ли оно исполнить, по крайней мѣрѣ, эту задачу съ пользою для государства?

Еслибы политическая мысль оставалась чистою теоріею, то участіе въ государственныхъ дѣлахъ могло бы ограничиться простымъ выраженіемъ мнѣній. Но для этого не нужно представительнаго собранія. Большинство и меньшинство не имѣютъ значенія для истины. Чтобы люди могли высказывать свои думы и желанія, нѣтъ никакой необходимости собирать ихъ въ одно мѣсто и дѣлать изъ нихъ постоянное учрежденіе. Установить въ государствѣ особенный органъ правды, котораго обязанность состояла бы единственно въ вознесеніи истины къ престолу — мысль совершенно не политическая. Еслибы могло существовать собраніе, устами котораго говорила сама правда, то ему слѣдовало бы предоставить и рѣшеніе дѣлъ. Государство имѣетъ цѣль не теоретическую, а практическую; политическая мысль непремѣнно стремится перейти въ дѣло. Поэтому отъ представительнаго собранія нельзя требовать, чтобы оно ограничивалось одною мыслью, не имѣя воли. Если правительство считаетъ нужнымъ собрать около себя народное представительство, то послѣднему надобно предоставить вліяніе и на рѣшеніе дѣлъ.

Это тѣмъ болѣе необходимо, что, народное представительство непремѣнно сознаетъ себя независимою силою. Въ государствѣ могутъ существовать и всегда существуютъ совѣщательныя учрежденія, составленныя изъ сановниковъ. Верховная власть управляетъ посредствомъ извѣстныхъ органовъ, и когда монарху приходится рѣшать общій вопросъ, онъ естественно обставляетъ себя мнѣніями ближайшихъ своихъ помощниковъ. Здѣсь лица, подающія голосъ, не болѣе какъ подчиненные дѣятели, орудія верховной власти; они могутъ только давать ей совѣты, ибо собственныхъ правъ не имѣютъ. Напротивъ, народное представительство состоитъ изъ людей независимыхъ; они въ государственныхъ дѣлахъ не участвуютъ своимъ лицемъ, а являются прямымъ выраженіемъ народныхъ нуждъ. Это—общественная сила, которая получаетъ средоточіе, организуется, слѣдовательно направляется къ дѣятельности. Поэтому невозможно оставить ее безъ положитель-

наго вліянія на рѣшеніе дѣлъ. Организовать разсѣянную силу, удесятерить ее такимъ образомъ, поставить передъ нею самую заманчивую задачу, а между тѣмъ лишить ее всякихъ правъ, оставить ее въ совершенно неопредѣленномъ положеніи, значитъ поступать наперекоръ здравому политическому смыслу. Правительство, дѣйствующее такимъ образомъ, впало бы въ противорѣчіе съ собою. Оно устроило бы громадную машину съ тѣмъ, чтобы произвести самое слабое дѣйствіе, сгущало бы паръ, не давая ему надлежащаго исхода. Оно все дѣлало бы для достиженія результата, котораго бы вовсе не желало и не предвидѣло. Лучше вовсе не созывать представительства, нежели, собравши его, устранять неизбѣжныя его послѣдствія. Безправная сила — несообразность въ государствѣ. Всякая политическая сила непремѣнно стремится къ дѣйствію; дѣятельность же опредѣляется объемомъ правъ.

При такомъ неестественномъ положеніи, должны обнаружиться въ усиленной степени всѣ недостатки представительныхъ учрежденій. Безправное собраніе, являясь только нравственною силою, будетъ стараться проводить свои мнѣнія путемъ нравственнаго давленія на правительство. Другихъ средствъ у него нѣтъ въ рукахъ. Поэтому, при всякомъ разногласіи, оно будетъ производить сильнѣйшую агитацію, чтобы вынудить уступку. Запальчивыя рѣчи, преувеличенное изображеніе бѣдственнаго состоянія страны, возбужденіе неудовольствія повсюду, раздражительныя выходки въ печати, которая по своему характеру, скорѣе держитъ сторону общества, нежели правительства, прошенія, адресы, все будетъ приведено въ дѣйствіе, чтобы доставить побѣду господствующему въ собраніи мнѣнію. Эти явленія, неизбѣжныя при возбужденіи страстей, повторяются при каждомъ столкновеніи выборныхъ собраній съ правительствомъ; но здѣсь агитація должна быть сильнѣе, потому что собраніе не имѣетъ средствъ дѣйствовать иначе. Оно можетъ поставить на своемъ, только стараясь внушить власти преувеличенное понятіе о своей нравственной силѣ. Представительство, облеченное правами, можетъ склонить правительство къ благоразумной уступкѣ, задерживая его законнымъ путемъ; безправное собраніе можетъ только запугать его.

Главнымъ предметомъ нападеній будутъ, разумѣется, министры. Монархъ стоитъ слишкомъ высоко, нравственное значеніе его въ народѣ слишкомъ велико; поэтому даже въ конституціонныхъ государ-

ствахъ его особа и дѣйствія не подлежатъ критикѣ, тѣмъ болѣе въ самодержавіи, гдѣ все отъ него зависитъ. Но есть средство согласить внѣшнее уваженіе къ монархической власти съ самыми жестокими нападками на ея дѣйствія. Удары обращаются на подчиненныхъ органовъ, на лукавыхъ совѣтниковъ, которые вводятъ въ заблужденіе благую волю государя и заграждаютъ отъ него истину. Конституціонное устройство, по самому закону, возлагаетъ на министровъ отвѣтственность за управленіе; въ самодержавіи они фактически становятся цѣлью для всѣхъ недовольныхъ. Кому не знакомы мрачныя изображенія бюрократіи, заслоняющей царя отъ народа? Совѣщательныя собранія выставляются иногда лѣкарствомъ отъ этого зла; но они могутъ только усилить болѣзнь. Возможность столкновеній умножается, когда враждебныя стороны становятся лицемъ къ лицу. Министры все-таки будутъ, потому что безъ нихъ нельзя обойтись. Объясненія и переговоры должны происходить съ ними, а не прямо съ монархомъ, который не можетъ вмѣшивать свою особу въ часто щекотливыя препирательства. На министровъ должны быть возложены всѣ сношенія съ собраніемъ, передъ которымъ они явятся, какъ довѣренныя лица государя. Можно ли ожидать тутъ соглашенія? Въ конституціонномъ порядкѣ, при парламентскомъ правленіи, гдѣ министрами становятся вожди господствующей партіи, они могутъ расчитывать на поддержку большинства. При совѣщательномъ собраніи, такія отношенія немыслимы. Если правительство согласится управлять сообразно съ требованіями представительства и мѣнять, ему въ угоду, своихъ довѣренныхъ людей, оно, пожалуй, найдетъ въ немъ опору. Но тогда лучше прямо ввести парламентское правленіе. Если же правительство хочетъ сохранить свою независимость, пререканія неизбѣжны, по самому положенію сторонъ. Министры управляютъ, а собраніе критикуетъ, — задачи противоположныя, а послѣдняя притомъ весьма легкая и пріятная. Поводовъ къ жалобамъ всегда множество. Безукоризненное управленіе не существуетъ на землѣ; вездѣ есть многочисленные недостатки и злоупотребленія. Недовольныхъ же всегда болѣе, нежели слѣдуетъ, ибо благодѣянія извѣстнаго порядка, обращаясь въ привычку, чувствуются не такъ сильно, какъ невыгодныя его стороны. Притомъ, къ справедливымъ причинамъ неудовольствія присоединяются мнимыя, истекающія изъ свойствъ человѣческой природы, изъ страсти къ критикѣ, изъ желанія пріоб-

рѣсти вѣсъ и выказать свое значеніе, изъ личныхъ интересовъ, изъ привычки взваливать на правительство вину всѣхъ общественныхъ золъ. Вся эта масса неудовольствія должна обрушиться на министровъ, которые остаются всегда чуждыми собранію, въ которыхъ оно видитъ не земскихъ людей, а чиновниковъ. При всякомъ разногласіи или столкновеніи, неуступчивость правительства припишется закулиснымъ интригамъ недостойныхъ совѣтниковъ, и такъ какъ собраніе не имѣетъ на нихъ вліянія, а между тѣмъ нравственныя средства его велики, то вся его дѣятельность будетъ направлена къ ихъ удаленію. Слѣдовательно, вмѣсто устраненія бюрократіи, вмѣсто сближенія монарха съ народомъ водворится болѣе упорная борьба около самаго престола, борьба, которая не можетъ не коснуться и особы монарха. Если до созванія выборныхъ, недостатки управленія могли объясняться незнаніемъ истины, то теперь сохраненіе ихъ можетъ быть приписано только упорству. Здѣсь обмана быть не можетъ, и если монархъ держитъ министровъ, несмотря на голосъ выборныхъ людей, то вина очевидно лежитъ на немъ. Такое положеніе болѣе подрываетъ монархическую власть, нежели всякое другое, ибо совѣщательное собраніе возможно только при взаимномъ довѣріи; какъ скоро его нѣтъ, необходимо разграниченіе правъ.

Подобнымъ пререканіямъ болѣе всего содѣйствуетъ неопредѣленность положенія совѣщательнаго собранія и проистекающее отсюда отрицательное отношеніе къ правительству. Оппозиція составляетъ необходимую принадлежность всякаго сколько-нибудь самостоятельнаго представительства; но она должна разыграться съ особенною силою въ собраніи, которое не имѣетъ ни воли, ни власти, и котораго главная задача состоитъ въ безграничной критикѣ. Палата, облеченная правами, можетъ держаться въ томъ кругѣ дѣйствія, который указанъ ей закономъ; совѣщательное собраніе имѣетъ значеніе болѣе нравственное, нежели юридическое, а потому гораздо болѣе неопредѣленное. Не участвуя въ рѣшеніи, оно даетъ совѣты по всевозможнымъ дѣламъ; оно призвано къ тому, чтобы раскрывать настоящее положеніе вещей, высказывать правду, обличать злоупотребленія. Самое созваніе выборныхъ на помощь правительству указываетъ имъ эту цѣль: если самодержавная власть считаетъ нужнымъ совѣщаться съ ними, то очевидно, что она сама считаетъ существующій порядокъ неудовлетворительнымъ и обыкновенныхъ своихъ совѣтниковъ недостаточными; значитъ, отъ

общества ожидается врачеванiе недуговъ бюрократическаго управленiя. Совѣщательное собранiе непремѣнно такъ пойметъ свою задачу, даже еслибы правительство захотѣло ограничить его дѣятельность обсужденiемъ предлагаемыхъ мѣръ, и чѣмъ неопредѣленнѣе, чѣмъ менѣе прочно юридическое его положенiе, тѣмъ болѣе оно будетъ стараться возвысить свое значенiе усиленною критикою существующаго порядка. Подъ предлогомъ высказыванiя правды, обличенiя злоупотребленiй, собранiе будетъ вмѣшиваться во всевозможныя дѣла; это будетъ центръ и опора всѣхъ недовольныхъ. Такой образъ дѣйствiя долженъ въ высшей степени затруднять управленiе, ибо, если удовлетворенiе общественныхъ нуждъ, исправленiе недостатковъ, искорененiе злоупотребленiй составляютъ существенную задачу правительства, то для достиженiя этой цѣли менѣе всего можно допустить сосредоточенiе всевозможныхъ жалобъ въ высшемъ собранiи обличителей, имѣющихъ въ виду одну отрицательную сторону управленiя и нисколько не участвующихъ въ положительной. Это значитъ организовать неудовольствiе, усилить его искусственнымъ образомъ. Правительство, которое рѣшилось бы подвергнуться такой сосредоточенной критикѣ, не раздѣляя власти, непремѣнно должно лишиться всякаго нравственнаго влiянiя на общество.

Къ этому надобно присоединить наконецъ полнѣйшую безответственность собранiя, ибо отвѣтственность можетъ быть только тамъ, гдѣ есть права. Всякое представительство болѣе или менѣе страдаетъ этимъ недостаткомъ, ибо отвѣтственность раздѣляется въ немъ на слишкомъ большое количество лицъ. Но тамъ, гдѣ подача голоса является не только выраженiемъ мысли, но дѣйствiемъ, которое можетъ имѣть важныя послѣдствiя для государства, все же существуетъ нѣкоторая нравственная задержка. Въ совѣщательномъ собранiи ея нѣтъ. Тѣ, которые задумались бы передъ рѣшенiемъ, могущимъ остановить ходъ дѣлъ или вовлечь отечество въ трудное предпрiятiе, не чувствуютъ себя стѣсненными, когда отъ нихъ требуется только мнѣнiе, а рѣшенiе предоставляется другимъ. Здѣсь слово играетъ главную роль; оно заслоняетъ собою дѣло. Ораторъ, занятый своимъ краснорѣчiемъ, не даетъ себѣ отчета въ его послѣдствiяхъ. Чисто совѣщательныя пренiя, притомъ съ публичностью, ничто иное, какъ побужденiе къ легкомысленному ораторству. Серьозный взглядъ на свою задачу можетъ выработаться только въ собранiи, которое занято не

одними словами, а дѣломъ, котораго рѣшенія имѣютъ силу, то есть, которое имѣетъ права. Мы можемъ сослаться здѣсь на одного изъ великихъ государственныхъ людей Пруссіи. «Совѣщательное собраніе, говорилъ Штейнъ, представляетъ или апатическую массу или буйную толпу, болтающую по пустякамъ, безъ достоинства, безъ уваженія».

Требованіе права рано или поздно неизбѣжно выскажется въ собраніи, чувствующемъ свою силу. Полагая существенное свое значеніе въ защитѣ народныхъ интересовъ противъ владычества бюрократіи, видя за собою поддержку цѣлаго общества, оно непремѣнно станетъ просить правъ для исполненія своей задачи. Всякая власть, по самой своей природѣ, стремится увеличить свое значеніе, расширить свои права. Выборное собраніе, облеченное довѣріемъ избирателей, будетъ видѣть въ себѣ настоящаго представителя народа. Чѣмъ меньше его права, тѣмъ больше будутъ его притязанія. Они найдутъ себѣ опору въ теоріяхъ народнаго полновластія, которыя, при всей своей односторонности, всегда имѣли многочисленныхъ послѣдователей во всякомъ обществѣ, живущемъ политическою жизнью. Онѣ представляютъ собою заманчивое начало свободы и легче всего могутъ получить ходъ въ выборномъ собраніи, котораго значеніе возвышается ими. При либеральномъ настроеніи общества, эти стремленія могутъ пріобрѣсти неудержимую силу. Объ этомъ свидѣтельствуютъ и французское учредительное собраніе 1789-го года и многія другія. Въ минуты общественнаго увлеченія, при разгарѣ страстей, громкое заявленіе о верховныхъ правахъ народа возможно вездѣ, гдѣ есть политическая жизнь; ибо свобода составляетъ существенный ея элементъ, и люди всегда стараются опереться на воззрѣнія, которыми поддерживаются ихъ выгоды и притязанія.

Но и въ спокойное время, при обыкновенномъ ходѣ вещей, требованіе права должно естественнымъ образомъ возникнуть въ собраніи, представляющемъ народные интересы. Всякому придетъ на мысль, что не стòитъ производить громадные выборы, съѣзжаться въ столицу, проводить мѣсяцы въ преніяхъ и работѣ, если правительство можетъ рѣшать дѣла, какъ ему заблагоразсудится. Представители непремѣнно захотятъ какой-нибудь гарантіи и воспользуются случаемъ, чтобы ея потребовать. Самымъ удобнымъ къ тому поводомъ могутъ служить финансы. Здѣсь дѣло касается народнаго кармана. Хорошее состояніе финансовъ и кредита, умѣренность податей и правильное

ихъ употребленіе составляютъ интересъ всѣхъ и каждаго. Народное представительство естественно потребуетъ, чтобы ему предоставлены были утвержденіе и контроль государственнаго бюджета. Это первый вопросъ, который слѣдуетъ имѣть въ виду, когда созывается совѣщательное собраніе. Особенно при разстройствѣ финансовъ, онъ возникнетъ непремѣнно, и требованіе будетъ поддерживаться съ величайшею настойчивостью. Само правительство, поставленное въ затрудненіе, не прочь будетъ снять съ себя отвѣтственность, возложивъ ее на народное представительство. Но, поставляя себя въ зависимое положеніе, оно тѣмъ самымъ даетъ большую силу всѣмъ притязаніямъ. Разстройство финансовъ послужило ближайшимъ поводомъ къ первой англійской и первой французской революціямъ.

На все это могутъ возразить, что подобныя требованія предъявляются только высшими классами. Низшіе большею частью довольствуются хорошимъ управленіемъ, не имѣя притязанія на власть или на права. Поэтому правительство, опирающееся на массу народа, всегда будетъ въ состояніи противостоять напору части или даже большинства представительнаго собранія.

Подобное положеніе дѣлъ, безъ сомнѣнія, можетъ встрѣтиться, хотя на это нельзя расчитывать, въ виду многочисленныхъ историческихъ фактовъ. Но изъ такого общественнаго настроенія нельзя вывести довода въ пользу совѣщательнаго представительства. Сила собранія всегда заключается въ той его части, которая носитъ въ себѣ болѣе или менѣе зрѣлую политическую мысль· оно управляется людьми, которые въ состояніи думать и говорить Этому не причастна народная масса. У нея есть безсознательные политическіе инстинкты, любовь къ отечеству, привязанность къ порядку, подчиненіе власти; но эти качества менѣе всего дѣлаютъ ее способною къ самостоятельной дѣятельности въ государствѣ. Она можетъ быть политическимъ орудіемъ, а не сознательною силою. У нея нечего искать совѣта, а потому правительство, опирающееся на низшіе классы, менѣе всего имѣетъ нужду сзывать какое бы то ни было представительство. Совѣщательное собраніе имѣетъ смыслъ единственно, какъ органъ общественнаго мнѣнія, то есть части общества читающей, думающей и занимающейся политическими вопросами. Если правительство въ ней ищетъ опоры, то оно можетъ призвать ее къ совѣту; если же оно прибѣгаетъ къ поддержкѣ массъ противъ стремленій образованныхъ клас-

совъ, то конечно, представительное собраніе можетъ быть безсильно, но оно вмѣстѣ съ тѣмъ и совершенно безполезно.

Столь же несостоятельна и надежда на благоразуміе представительства. Могутъ сказать, что возраженія противъ совѣщательнаго собранія предполагаютъ непремѣнно общество притязательное и безпокойное; въ благоразумномъ обществѣ подобныя опасенія неумѣстны. Но во первыхъ, при всякомъ учрежденіи слѣдуетъ имѣть въ виду не однѣ только добродѣтели общества, а вмѣстѣ и пороки, особенно когда самое учрежденіе способствуетъ развитію послѣднихъ. Во вторыхъ, требованіе правъ далеко не всегда бываетъ признакомъ неблагоразумія; напротивъ, оно совершенно умѣстно тамъ, гдѣ само правительство признаетъ себя несостоятельнымъ и призываетъ выборныхъ къ совѣту. Наконецъ, если общество благоразумно и обладаетъ политическою способностью, то нѣтъ опасности и въ дарованіи ему правъ; если же оно не отличается умѣренностью, самообладаніемъ, умѣніемъ дѣйствовать на государственномъ поприщѣ, то и совѣщательное собраніе представляетъ слишкомъ много неудобствъ. Неспособное и неумѣренное представительство можетъ только уронить и себя, и свободу и государство; способное же должно быть облечено правами.

Вообще, совѣщательное собраніе есть полумѣра, не отвѣчающая никакой существенной потребности народа. Оно даетъ или слишкомъ много или слишкомъ мало; слишкомъ много тамъ, гдѣ общество не содержитъ въ себѣ элементовъ настоящаго представительства; слишкомъ мало тамъ, гдѣ эти элементы существуютъ. Тѣ цѣли, которымъ оно можетъ служить, лучше достигаются иными путями. Единственное значеніе совѣщательнаго собранія состоитъ въ томъ, что правительство узнаетъ черезъ него настоящія нужды общества. Но онѣ легко открываются вездѣ, гдѣ обществу не зажимается насильственно ротъ. На это существуютъ самыя простыя средства: прежде всего право прошенія, затѣмъ печать, мѣстныя представительныя собранія, наконецъ созваніе экспертовъ по отдѣльнымъ вопросамъ. Правительство, которое искренно желаетъ, чтобы до него доходила правда, которое хочетъ управлять согласно съ истинною пользою народа, дозволитъ и гласное обсужденіе дѣлъ и подачу прошеній объ общественныхъ нуждахъ. Нѣтъ никакой необходимости установлять для этого особенный органъ, сосредоточивать всевозможныя дѣла въ одномъ

собранія и обсуждать ихъ большинствомъ голосовъ. Это даже наименѣе удобный способъ достиженія этой цѣли; ибо, если съ одной стороны, народныя нужды обнаруживаются яснѣе въ общемъ собраніи представителей, и заявленіе о нихъ получаетъ особенный вѣсъ, то съ другой стороны, здѣсь рождаются иныя цѣли, иные интересы, которые отвлекаютъ вниманіе отъ практическихъ потребностей. Центральное представительство всегда менѣе интересуется дѣйствительными нуждами того или другаго края, нежели общими политическими вопросами и борьбою съ правительственными лицами. Если правительству нуженъ совѣтъ по части законодательства, то гораздо лучше пользоваться свѣдѣніями и опытомъ частныхъ людей, собирая экспертовъ по отдѣльнымъ вопросамъ, нежели предлагать законы на обсужденіе выборнаго собранія. Примѣромъ могутъ служить финансовыя дѣла. Очевидно, что огромное большинство выборнаго собранія будетъ имѣть весьма недостаточныя свѣдѣнія объ устройствѣ кредита, а потому его совѣты по этой части лишены будутъ всякаго вѣса. Между тѣмъ мнѣнія дѣльныхъ купцовъ, банкировъ и другихъ экспертовъ, могутъ принести правительству существенную пользу. Тоже можно сказать и о другихъ законодательныхъ мѣрахъ; мы видѣли, что вообще представительное собраніе мало способно къ хорошему законодательству. Слѣдовательно при искреннемъ желаніи правительства знать народныя нужды и пользоваться общественнымъ опытомъ, пути всегда открыты. Если же этого желанія нѣтъ, если правительство не хочетъ допустить выраженія общественнаго мнѣнія, то совѣщательное собраніе и невозможно и недостаточно. Противъ этого зла существуетъ только одно лѣкарство: пріобрѣтеніе народнымъ представительствомъ настоящихъ правъ.

Неестественное положеніе, въ которомъ находится совѣщательное собраніе, несоразмѣрность между его значеніемъ и правами должны повести къ одному изъ двухъ результатовъ: или оно вовсе исчезнетъ, или сдѣлается точкою отправленія для дальнѣйшаго развитія представительныхъ началъ. Здѣсь возникаетъ вопросъ: не можетъ ли оно быть полезно именно, какъ переходная форма, чтобы воспитать народъ къ высшему развитію представительнаго порядка? Тамъ, гдѣ политическая жизнь еще въ младенчествѣ, гдѣ общественное мнѣніе шатко и слабо, гдѣ не сложились элементы настоящаго представительства, можетъ быть полезно созваніе совѣщательнаго собранія,

которое, не раздѣляя власти, не поставляя правительству преградъ, открываетъ однакоже поприще для общественныхъ силъ и гласнымъ обсужденіемъ вопросовъ воспитываетъ въ народѣ политическую мысль. Эти соображенія имѣютъ нѣкоторый вѣсъ; однако и здѣсь представляются самыя сильныя возраженія. Если совѣщательное собраніе, по самому своему характеру, не въ состояніи исполнить надлежащимъ образомъ ни одной изъ задачъ народнаго представительства, то какъ можетъ оно служить воспитательнымъ средствомъ для общества? Политическое воспитаніе людей совершается несравненно лучше возложеніемъ на нихъ работы и отвѣтственности, нежели безполезными словопреніями. Послѣднее можетъ скорѣе развратить общество, отвлекая его вниманіе отъ настоящаго дѣла, и пріучая его считать пустое краснорѣчіе главнымъ политическимъ качествомъ человѣка. Неприготовленное собраніе, будучи поставлено въ ложное положеніе, съ неопредѣленными правами и обязанностями, собьется съ толку. Свобода, вводимая въ видѣ опыта, съ висящимъ надъ нею произволомъ, не принесетъ своихъ плодовъ, и народъ скоро отшатнется отъ учрежденій, въ которыхъ не видитъ пользы. Съ другой стороны, при незрѣлости элементовъ, собраніе окажетъ правительству не помощь, а помѣху. Если правительство сзываетъ выборныхъ для совѣщанія, то оно ищетъ въ нихъ поддержки и совѣта. Но найдетъ ли оно ихъ въ собраніи, выходящемъ изъ младенческаго общества и неспособномъ къ политической дѣятельности? Оно само должно сдѣлаться здѣсь наставникомъ и руководителемъ. Вмѣсто облегченія тяжести, оно наложитъ на себя новую обузу: оно должно управлять собраніемъ, воспитывать народъ, бороться съ оппозиціею. Только весьма сильное и способное правительство въ состояніи исполнить эту задачу; но таковое не нуждается въ совѣщательномъ собраніи. Когда же власть чувствуетъ себя несостоятельною и принуждена обратиться къ обществу за помощью, единственный для нея выходъ состоитъ въ дарованіи правъ. Иначе она встрѣтитъ притязанія, которымъ, при своей слабости, не въ силахъ будетъ противостоять. Правительство, которое не умѣетъ справиться съ дѣломъ, должно отказаться отъ полновластія.

ГЛАВА 4.

СОСЛОВНЫЯ СОБРАНІЯ.

Сословныя собранія въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ существовали въ большей части европейскихъ государствъ. Они были произведеніемъ средневѣковаго быта, въ которомъ разнообразныя общественныя силы, не подчиняясь высшему единству, существовали рядомъ, боролись другъ съ другомъ, вступали въ соглашенія, и мечемъ отстаивали свои права и притязанія. Потребность совокупной дѣятельности вызвала сословный парламентъ: королямъ нужны были деньги для веденія войнъ; являлись общіе интересы, которые требовали содѣйствія подданныхъ. Но эти собранія носили на себѣ печать породившей ихъ жизни. Они были основаны не на представительномъ началѣ, а на полномочіи; они были выраженіемъ не народныхъ, а сословныхъ правъ и привилегій.

Все устройство сословныхъ собраній отражало на себѣ эту коренную черту. Они не были постояннымъ учрежденіемъ, а созывались королемъ по мѣрѣ нужды, когда предстояло дѣло, которое касалось сословныхъ правъ. Выборные или начальники корпорацій, посылаемые въ собраніе, обыкновенно снабжались инструкціями и отвѣчали за свои дѣйствія передъ избирателями. Въ случаѣ неудовольствія, они могли даже быть отзываемы. Существенное ихъ дѣло состояло въ защитѣ вольностей и въ ходатайствѣ о нуждахъ сословія. Общая цѣль имѣлась въ виду, на сколько она касалась частныхъ правъ и интересовъ. Каждое сословіе собиралось отдѣльно, подавало голосъ за себя, вступало въ частные переговоры и соглашенія съ королемъ. Нерѣдко согласіе на денежное пособіе сопровождалось условіями: въ замѣнъ подмоги отъ короля требовались льготы, утвержденіе правъ, исправленіе злоупотребленій. Иногда сословія предъявляли притязаніе и на контроль расходуемыхъ суммъ. Они имѣли даже своихъ сборщиковъ податей; изъ сословной подмоги составлялись особыя кассы, от-

дѣльныя отъ казны королевской, которыя управлялись выборными людьми, подъ надзоромъ собранія, такъ что государственные финансы распадались на двѣ не связанныя между собою отрасли. Если сословіе считало права свои нарушенными, оно могло отказать королю въ повиновеніи, взяться за оружіе для своей защиты и принимать принудительныя мѣры. Это право самозащищенія нерѣдко вносилось, какъ условіе, въ договоры, заключаемые съ королями. Иногда, для большаго обезпеченія, установлялись особые комитеты, облеченные правомъ взывать къ оружію въ случаѣ нарушенія вольностей. Когда въ борьбѣ съ королями, сословія получали перевѣсъ, эти комитеты не только сосредоточивали въ своихъ рукахъ надзоръ за управленіемъ, но и сами становились верховнымъ правительствомъ. Однимъ словомъ, все это устройство основывалось на договорныхъ отношеніяхъ между независимыми другъ отъ друга силами и властями.

Очевидно, что такой порядокъ вещей не могъ отвѣчать потребностямъ государственной жизни. Онъ былъ умѣстенъ въ то время, когда каждый защищалъ свои права съ оружіемъ въ рукахъ, когда общество распадалось на враждующіе другъ съ другомъ элементы; но государственный порядокъ требуетъ мира, согласнаго устройства и дружнаго дѣйствія властей и учрежденій. Верховная власть едина, и когда она распредѣляется между различными органами, это совершается не совокупленіемъ разнородныхъ привилегій, не призваніемъ къ общей дѣятельности враждебныхъ и недовѣряющихъ другъ другу силъ, а устройствомъ, истекающимъ изъ единой идеи и возможно точнымъ опредѣленіемъ мѣста и значенія каждой власти въ общемъ организмѣ. Тогда только разнородные органы могутъ составить единое цѣлое, дѣйствующее по одному направленію, въ виду общей цѣли. Въ такомъ порядкѣ немыслимы ни договоры, ни условія, ни взаимныя гарантіи. Государственныя дѣла должны идти безостановочно; общественныя потребности должны быть непремѣнно удовлетворены. Народное представительство имѣетъ въ виду общіе интересы, а не частные, оно выражаетъ собою права цѣлаго, а не частей. Поэтому, при развитіи государственныхъ началъ, сословныя собранія въ большей части европейскихъ государствъ исчезли и замѣнились народнымъ представительствомъ. Однако до сихъ поръ еще кой гдѣ сохраняются ихъ остатки въ большемъ или меньшемъ примѣненіи къ требованіямъ государственной жизни. Рѣзкія черты средневѣ-

коваго быта смягчились, но сословное начало осталось. Въ Германіи существуетъ даже теорія, которая считаетъ сословное представительство выраженіемъ правильнаго взгляда на государственное устройство и на политическую свободу, а народное представительство отклоненіемъ отъ истинныхъ началъ.

Эта теорія господствовала въ Германіи въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія. Она не только поддерживалась даровитыми публицистами, служившими абсолютизму, каковы были Генцъ, Ярке и другіе, но нашла выраженіе и въ законодательствѣ Германскаго Союза. Вѣнскимъ Заключительнымъ Актомъ 1820-го года, сословное или земское устройство (Landständische Verfassung) было отличено отъ представительнаго (Representative Verfassung), которое выдавалось за порожденіе революціонныхъ идей. Первое одно допускалось въ Германіи; существенными его признаками считались сохраненіе монархическаго начала и отрицаніе народной власти. Въ силу этого воззрѣнія, вся полнота верховной власти должна сосредоточиваться въ монархѣ; сословія же могутъ быть призваны къ участію въ государственныхъ дѣлахъ только по отдѣльнымъ вопросамъ, касающимся правъ и привилегій каждаго.

Это ученіе, которое въ сущности имѣло цѣлью установить замаскированный абсолютизмъ, очевидно противорѣчитъ началамъ представительной монархіи. Невозможно утверждать, что вся полнота верховной власти сосредоточивается въ государѣ, если онъ по тѣмъ или другимъ вопросамъ ограничивается правами сословій. Тѣ, которые призываются къ участію въ рѣшеніи, раздѣляютъ верховную власть, ибо рѣшеніе не можетъ состояться безъ ихъ воли. Но, по самой природѣ государства, участниками верховной власти могутъ быть только органы цѣлаго, а отнюдь не представители частныхъ интересовъ. Частныя права не могутъ ограничивать общей власти, а должны ей подчиняться, такъ же какъ частныя цѣли подчиняются общей. Слѣдовательно, призваніе сословій къ рѣшенію единственно тѣхъ дѣлъ, которыя касаются ихъ правъ, немыслимо въ государственномъ порядкѣ. Выборные люди должны быть представителями цѣлаго, а не частей, то есть народа, а не сословій. Участіе ихъ въ верховной власти должно опредѣляться требованіями общаго порядка, а не частными правами и привилегіями.

Въ настоящее время, это воззрѣніе на сословное представительство,

заимствованное изъ средневѣковаго быта, оставлено почти всѣми. Оно имѣетъ только историческое значеніе. Но и теперь еще въ Германіи раздаются гососа въ пользу сословнаго устройства представительныхъ собраній, хотя въ иномъ видѣ, и на другихъ основаніяхъ, нежели прежде. Допуская представительство народа, какъ единаго цѣлаго, защитники сословныхъ началъ отрицаютъ то понятіе о народѣ, которое легло въ основаніе конституціонныхъ учрежденій новаго времени. Народъ, по ихъ мнѣнію, является здѣсь въ видѣ разсѣянныхъ, ничѣмъ не связанныхъ единицъ, подобно песку. Поэтому, при распредѣленіи выборнаго права принимаются въ расчетъ единственно числовыя отношенія народонаселенія, а вовсе не качество и свойства людей. Напротивъ, истинное представительство должно быть выраженіемъ народа, не какъ дробной массы, а какъ органическаго цѣлаго, раздѣляющагося на естественные члены, изъ которыхъ каждый имѣетъ свое мѣсто и свое призваніе въ общемъ тѣлѣ. Эти члены и суть сословія. При такомъ представительствѣ, вмѣсто неустроенной массы, способной произвести только революціонное броженіе, владычествуетъ твердый порядокъ, основанный на естественномъ расчлененіи общества. Здѣсь сохраняются преданія; здѣсь живетъ крѣпкій духъ, который находитъ поддержку въ корпоративной связи, соединяющей лица въ частные союзы; здѣсь представительство является выраженіемъ не личной воли каждаго, а существенныхъ интересовъ общества, къ которымъ примыкаютъ отдѣльныя лица. Каждый интересъ находитъ себѣ защиту, безмѣрныя притязанія устраняются, наконецъ перевѣсъ дается не количеству, а качеству, сообразно съ которымъ распредѣляются права.

Весь этотъ взлядъ на сословное представительство сводится къ одному коренному вопросу: точно ли сословія составляютъ органическое раздѣленіе народа, какъ политическаго тѣла? Для разрѣшенія этого вопроса необходимо разсмотрѣть, на чемъ основано это раздѣленіе.

Корень его лежитъ въ различіи занятій, которыя, получая болѣе или менѣе потомственный характеръ, образуютъ отдѣльные разряды людей, съ особенными гражданскими и политическими правами. Таковъ, по крайней мѣрѣ, характеръ, сословій у новыхъ европейскихъ народовъ, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь. Служители церкви, не въ качествѣ должностныхъ лицъ, а какъ члены корпораціи, землевла-

дѣльцы, соединяющіе съ поземельною собственностью высшія политическія права, торговые и промышленные люди, наконецъ земледѣльцы—таковы сословія новаго времени. Но раздѣленіе по занятіямъ есть раздѣленіе гражданское, а не политическое. Занятіе-дѣло частное, а не государственное; выбирая себѣ родъ жизни, гражданинъ поступаетъ, какъ частное лице, а не какъ политическій дѣятель. Эти двѣ области должны быть раздѣлены. Изъ той или другой частной дѣятельности не вытекаетъ особенное политическое призваніе. Собственно политическое занятіе одно — государственная служба; но и здѣсь служащіе должны пользоваться высшими правами, какъ должностныя лица, а не какъ частные люди. Поэтому сословія не могутъ быть признаны политическимъ раздѣленіемъ народа и не должны служить основаніемъ политическаго представительства. Сословныя собранія были произведеніемъ средневѣковаго порядка, въ которомъ государственныя начала замѣнялись частными правами, и въ политической области господствовали гражданскія отношенія. Съ развитіемъ государства они должны были пасть.

Можно возразить, что при всемъ различіи политической области и гражданской, между ними существуетъ тѣсная связь. Политическое право, распредѣляясь въ народѣ, должно принять въ соображеніе составъ и устройство гражданскаго общества. Извѣстное занятіе, тотъ или другой видъ собственности развиваютъ въ самыхъ людяхъ извѣстный духъ, извѣстный характеръ, а вслѣдствіе того опредѣляютъ политическую способность лицъ. Составляясь изъ этихъ различныхъ элементовъ, политическое представительство должно, слѣдовательно, принять сословный характеръ.

Это возраженіе имѣло бы основаніе, еслибы въ гражданской области различіе занятій непремѣнно влекло за собою сословное устройство; но это далеко не всегда бываетъ. Сословія образуются, только когда занятіе перестаетъ быть дѣломъ свободнаго выбора и становится принадлежностью извѣстнаго разряда лицъ, пользующихся въ этомъ отношеніи особыми привилегіями. Такъ и было въ средніе вѣка. Сословія возникли здѣсь сами собою, изъ господства дробныхъ силъ и частнаго права. Люди, имѣвшіе одно занятіе, соединялись во имя общаго интереса и силою добывали себѣ мѣсто и права въ общественномъ организмѣ. Такимъ образомъ, церковь, съ помощью громаднаго своего нравственнаго вліянія, составила отдѣльную корпорацію

съ самыми обширными правами, какъ гражданскими, такъ и политическими. Изъ военныхъ людей, членовъ дружины, образовалось дворянство. Въ то время военное дѣло было не государственною службою, а ремесломъ извѣстнаго разряда людей, преимущественно поземельныхъ собственниковъ, которые, владѣя оружіемъ, составляя главную силу въ обществѣ, пріобрѣли въ немъ высшую честь и значеніе. Развитіе городовой жизни повело къ образованію торговаго сословія: въ городахъ сосредоточивалась промышленность; оружіемъ и деньгами они добывали себѣ права, завоевывали себѣ мѣсто среди другихъ. Наконецъ, четвертое сословіе, земледѣльческое, какъ слабѣйшее, имѣло и наименѣе правъ; большею частью оно было крѣпостное или пользовалось ничтожными льготами. Въ нѣкоторыхъ странахъ, оно вовсе не отличалось отъ третьяго; такъ во Франціи, оба соединялись въ одно, подъ именемъ tiers état. Въ другихъ государствахъ, и оно имѣло свои права и свое представительство. Послѣднія три сословія получили характеръ наслѣдственный; занятіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и положеніе, честь и права передавались отъ отца сыну, и члены низшихъ сословій не легко принимались въ ряды высшихъ.

Такое раздѣленіе общества было естественнымъ послѣдствіемъ порядка вещей, въ которомъ отсутствовала государственная власть, и общественныя стихіи, предоставленныя самимъ себѣ, группировались и занимали мѣсто по природному своему значенію, соразмѣрно съ своею силою. Но съ развитіемъ государственной жизни должны были водвориться иныя начала общественнаго устройства. Вмѣсто частныхъ, сословныхъ корпорацій, возникъ союзъ, общій для всѣхъ, который, по самому своему существу, стремился замѣнить частныя права и обязанности общими, распространяющимися на всѣхъ гражданъ. Прежде всего, дворянство перестало быть военнымъ сословіемъ. Мѣсто его заступило постоянное войско, не имѣющее независимаго, общественнаго характера, а состоящее въ полномъ распоряженіи правительства. Изъ общественной силы оно превратилось въ политическое орудіе. То же самое совершилось и въ гражданскомъ управленіи: здѣсь возникло другое войско — бюрократія, составленная изъ способныхъ людей всѣхъ сословій. Государству нужны были служители, и оно открыло ряды управленія для всѣхъ, соображаясь съ одною способностью. Эти двѣ силы, постоянное войско и чиновничество, почти вездѣ заняли первое мѣсто въ государствѣ, оттѣсняя дворянство на вто-

рой планъ. Послѣднее обратилось въ сословіе независимыхъ землевладѣльцевъ, занятыхъ большею частью службою, военною или гражданскою, но по доброй волѣ, а не по ремеслу, и не обязательно; оно перестало быть главною политическою силою въ народѣ. Но какъ скоро во главѣ государственнаго управленія стало сословіе смѣшанное, такъ сословное различіе должно было болѣе или менѣе сгладиться. Значеніе дворянства болѣе всего удержалось тамъ, гдѣ высшіе слои чиновничества вошли въ его составъ, но зато самое дворянство получило здѣсь смѣшанный характеръ. Съ другой стороны, и въ гражданской области, привилегированныя занятія замѣнились свободнымъ трудомъ. Отмѣна крѣпостнаго состоянія сблизила земледѣльческое сословіе съ другими.. Крестьянинъ свободно сталъ переходить въ города; онъ получилъ возможность купить землю и сдѣлаться самостоятельнымъ землевладѣльцемъ. Свобода труда, на которой зиждется весь экономическій бытъ новаго времени, уничтожаетъ наслѣдственность занятій, а вмѣстѣ съ тѣмъ сословныя разграниченія и корпоративныя связи. Къ участію въ промышленныхъ предпріятіяхъ призывается всякій, кто бы онъ ни былъ; но это остается частнымъ дѣломъ и не сообщаетъ лицу никакихъ льготъ. Покупатель акціи не пріобрѣтаетъ черезъ это ни правъ, ни общественнаго положенія, какъ цеховой мастеръ. Самая промышленность измѣнила свой характеръ; фабрики перенеслись и въ села, а съ другой стороны города сдѣлались средоточіемъ жизни всякаго рода, вслѣдствіе чего городовое управленіе стало общимъ интересомъ всѣхъ, а не одного только торговаго сословія. Наконецъ, общее образованіе, разливая во всѣхъ причастныхъ ему классахъ одинакія понятія и привычки, болѣе всего содѣйствуетъ сближенію сословій. Послѣднія перестаютъ различаться наружностью, воззрѣніями, бытомъ; создается общій типъ, подводящій всѣхъ подъ одинъ уровень.

Такимъ образомъ, все движеніе жизни въ новое время ведетъ къ уничтоженію сословныхъ различій. Раздѣленіе народонаселенія по занятіямъ существуетъ, но при свободѣ труда, занятіе остается частнымъ дѣломъ, которое не даетъ людямъ ни корпоративной связи, ни политическихъ правъ. Государственная же служба, переставши быть принадлежностью одного сословія, сдѣлалась, съ одной стороны, общею обязанностью, тамъ, гдѣ этого требуетъ защита отечества, съ другой стороны—общимъ призваніемъ всѣхъ способныхъ людей. Такъ сла-

гается быть новаго времени, подъ вліяніемъ государственныхъ началъ, экономическаго развитія и общаго образованія. Онъ ведетъ къ ослабленію, если не къ уничтоженію корпоративнаго устройства общественной жизни и къ замѣнѣ его съ одной стороны свободою лица, съ другой развитіемъ государственнаго порядка. То, что называютъ атомистическимъ раздробленіемъ общества подъ гнетомъ бюрократическаго деспотизма ничто иное, какъ естественное произведеніе этого быта. Съ одной стороны личность, съ другой бюрократія и постоянное войско суть силы новаго времени, порожденныя историческимъ ходомъ жизни. Онѣ имѣютъ свои дурныя стороны, которымъ надобно противодѣйствовать; среди нихъ могутъ существовать и болѣе или менѣе независимыя тѣла; но на этихъ элементахъ зиждется главнымъ образомъ современный порядокъ вещей.

Всѣ эти причины, ведущія къ уничтоженію сословнаго устройства, дѣйствуютъ однако не вдругъ и не вездѣ одинаково. Историческія формы, которыя служатъ основаніемъ и связью извѣстнаго общественнаго быта, долго сохраняются въ народѣ, уступая медленно вліянію новыхъ началъ и потребностей. Сословное раздѣленіе, вытекшее изъ средневѣковой жизни, сдѣлалось принадлежностью и новаго государственнаго порядка, до тѣхъ поръ, пока начала свободы не достигли полнаго развитія. Различное историческое назначеніе сословій развило въ нихъ различную политическую способность, съ которою надобно было сообразоваться. Нашедши передъ собою общество, сложившееся такимъ образомъ, государство присвоило себѣ это устройство, ввело его въ свой составъ, приноровило къ своимъ цѣлямъ, видоизмѣняя его только мало по малу, по мѣрѣ практическихъ потребностей. Оно находило въ немъ и готовую форму для общественнаго порядка и готовое орудіе для своей дѣятельности, орудіе необходимое, пока собственныя средства, постоянное войско и администрація, были мало развиты. Поэтому мы видимъ, что возникающее государство иногда усиливаетъ даже сословное раздѣленіе. Такъ было въ Россіи, гдѣ до образованія Московскаго государства, сословное различіе, лежавшее въ правахъ, не обозначалось рѣзкими юридическими границами. Раздѣляющія черты выступили ярче съ тѣхъ поръ, какъ московскіе цари на каждое сословіе наложили особыя обязанности къ государству, когда дворяне прикрѣплены были къ службѣ, торговые люди къ городамъ, крестьяне къ землѣ. Каждый долженъ былъ на своемъ мѣстѣ слу-

жить общей цѣли. Формы и орудія дѣятельности давались самою жизнью, и государство ими воспользовалось. Это было необходимо, пока политическій порядокъ, не успѣвши развить собственныхъ силъ, держался на принудительныхъ обязанностяхъ гражданъ. Напротивъ, съ водвореніемъ началъ свободы, съ умноженіемъ государственныхъ средствъ, все это устройство должно было постепенно измѣняться и слабѣть.

Тотъ же процессъ произошелъ и въ общественномъ бытѣ. Пока общее образованіе скудно и держится въ высшихъ слояхъ, пока новое промышленное движеніе не разбило средневѣковыхъ формъ и не передвинуло всѣхъ общественныхъ элементовъ, пока въ нравахъ и понятіяхъ сохраняется глубокое различіе между сословіями, народъ естественно группируется по разрядамъ, въ которые онъ вжился, которые хранятъ въ немъ и преданія, и общественныя связи и обычный жизненный строй. Только развитіе образованія и личнаго труда могутъ постепенно измѣнить этотъ сложившійся вѣками порядокъ.

Раздѣленіе народа на сословія имѣетъ значеніе особенно при самодержавномъ правленіи. Повсемѣстное водвореніе неограниченной монархіи въ Европѣ было вызвано главнымъ образомъ раздробленнымъ состояніемъ общества, въ которомъ различныя, ничѣмъ не сдержанныя силы, приходя въ столкновеніе другъ съ другомъ, производили постоянную анархію. Для установленія порядка нужна была единая власть, господствующая надъ всѣми. Она одна могла оградить слабыхъ отъ притѣсненія, подчинить сильныхъ общему закону, уничтожить несовмѣстныя съ государственными интересами права и привилегіи, дать каждому надлежащее мѣсто въ общемъ организмѣ. Чѣмъ глубже было сословное раздѣленіе, тѣмъ сильнѣе была потребность въ подобной власти для установленія государственнаго единства. Поэтому, тамъ гдѣ сословія раздѣлялись менѣе рѣзкими чертами, гдѣ различные слои народонаселенія сливались и дѣйствовали собща, тамъ мы видимъ меньшее развитіе самодержавной власти. Такъ было въ Англіи; отсюда различіе англійской исторіи отъ хода политической жизни на европейскомъ материкѣ.

Но если, съ одной стороны, сословное раздѣленіе вызываетъ установленіе самодержавной власти, то, съ своей стороны, послѣдняя требуетъ сословнаго устройства. Въ основаніи неограниченной монархіи лежитъ начало обязанности, въ противоположность началу права, на которомъ зиждется народное правленіе. Самодержавіе не исключаетъ

элемента права; но оно допускаетъ его только въ подчиненныхъ сферахъ. По глубокому замѣчанію Монтескье, монархія отличается отъ деспотизма именно присутствіемъ задерживающихъ элементовъ. Въ деспотизмѣ господствуетъ личная воля надъ массою болѣе или менѣе безправныхъ лицъ; это демократія подъ владычествомъ самодержавія. Въ умѣренной монархіи, напротивъ, существуютъ посредствующія тѣла, черезъ которыя законнымъ путемъ идетъ воля монарха. Кромѣ высшихъ государственныхъ учрежденій, къ такимъ тѣламъ принадлежатъ сословія, особенно дворянство, которое пользуется наибольшими правами въ самодержавномъ государствѣ. Въ сословіи тѣснымъ образомъ соединяются оба начала: право и обязанность. Каждый его членъ, по своему положенію, призванъ къ исполненію извѣстныхъ обязанностей и пользуется опредѣленными правами. Нравственное начало сословнаго устройства есть вѣрность въ исполненіи долга и стойкость за свои права. Въ этомъ состоитъ честь, которую Монтескье считаетъ принципомъ или движущею силою монархіи. Мы не можемъ не сослаться здѣсь на этого мыслителя, который часто глубже и вѣрнѣе понималъ вещи, нежели многіе новѣйшіе публицисты. Начало чести воплощается преимущественно въ дворянствѣ, которое, стоя во главѣ другихъ сословій, является высшимъ представителемъ сословныхъ началъ. Оно отчасти служитъ посредствующимъ звеномъ между верховною властью и народомъ; оно своимъ вѣсомъ и значеніемъ сдерживаетъ въ нѣкоторой степени правительственную волю. Только узкій деспотизмъ можетъ смущаться свободными заявленіями дворянства, пока оно держится въ предѣлахъ своего права и не требуетъ участія въ верховной власти. Въ самодержавіи, начало, представляемое дворянствомъ, одно въ состояніи смягчить бюрократическій произволъ, въ который такъ легко впадаетъ неограниченное правительство. Оно составляетъ необходимый элементъ всякаго общественнаго устройства, гдѣ народъ не участвуетъ въ правленіи. Права дворянства вращаются однако въ подчиненной области; это права сословія, а не аристократіи въ тѣсномъ смыслѣ, то есть политическаго тѣла, носящаго въ себѣ часть верховной власти.

Такимъ образомъ, самодержавіе, по своему существу, опирается на сословное устройство, которое замѣняетъ общія политическія права гражданъ частными правами и обязанностями отдѣльныхъ частей на-

рода. Совершенно иныя условія представительной монархіи. Здѣсь народъ призывается къ участію въ верховной власти, а такъ какъ послѣдняя, по идеѣ своей, едина, и правленіе требуетъ единства дѣйствія, то въ основаніе политической свободы полагаются не права отдѣльныхъ классовъ, а общія права всѣхъ гражданъ. Изъ частныхъ, сословныхъ привилегій не можетъ составиться общей власти; такое раздробленіе противорѣчитъ ея существу. Въ ея направленіи и дѣятельности непремѣнно обнаружится коренное разъединеніе, несовмѣстное съ государственною цѣлью. Въ конституціонной монархіи можетъ существовать аристократія, но съ чисто политическимъ, а не сословнымъ значеніемъ. Она должна представлять собою интересы всѣхъ, а не одного класса, и чѣмъ болѣе она принимаетъ характеръ сословія, тѣмъ менѣе она способна стоять во главѣ представительства и исполнять свое призваніе въ государствѣ. Политическая аристократія, при извѣстныхъ историческихъ условіяхъ, о которыхъ будетъ рѣчь ниже, можетъ образоваться изъ высшаго дворянства; но для этого дворянство должно перестать существовать, какъ сословіе. Введеніе конституціоннаго правленія возможно только при уничтоженіи сословнаго устройства и замѣнѣ его народнымъ представительствомъ. Необходимыя въ самодержавіи, сословія становятся неумѣстными въ конституціонномъ порядкѣ, и наоборотъ, какъ скоро уничтожаются сословія, является потребность замѣнить частныя права общимъ представительствомъ. Поэтому, когда дворянство требуетъ участія въ верховной власти, оно хочетъ собственнаго уничтоженія. Благоразумное правительство никогда не согласится увѣковѣчить сословныя привилегіи, сдѣлавши ихъ составною частью самой верховной власти.

Такимъ образомъ, сословныя собранія не могутъ быть оправданы теоретически. Стараніе воскресить ихъ, тамъ, гдѣ они пришли въ упадокъ, оживить ихъ новымъ духомъ, возвести ихъ въ систему, замѣнить ими народное представительство, есть не болѣе какъ искусственное возвращеніе къ старинѣ, археологическое мечтаніе, которое должно исчезнуть при первомъ серьозномъ движеніи народной жизни. Сословныя собранія, въ странахъ, гдѣ они существуютъ изстари, имѣютъ смыслъ единственно, какъ историческія формы, которыя сохраняютъ въ народѣ непрерывность сознанія права и служатъ переходомъ къ высшему, представительному порядку. Тамъ, гдѣ весь общественный бытъ проникнутъ сословными началами, иное устройство представительства не-

возможно, ибо политическія учрежденія должны сообразоватся съ состояніемъ общества, изъ котораго они вытекаютъ. Если, при этомъ, сословныя собранія выработались историческимъ путемъ, укоренились въ народномъ сознаніи, вошли въ правильную колею, то политическая свобода можетъ найти здѣсь гарантіи, которыя она тщетно стала бы искать въ иныхъ учрежденіяхъ. Однако и въ этомъ случаѣ, сословныя собранія нерѣдко приносятъ болѣе вреда, нежели пользы, о чемъ свидѣтельствуетъ исторія, которая почти повсемѣстно привела къ ихъ паденію. Противорѣча истиннымъ государственнымъ началамъ, они страдаютъ недостатками, лежащими въ самомъ ихъ существѣ.

Коренное зло всякаго сословнаго представительства заключается въ раздѣльности интересовъ составныхъ его частей. Сословное начало ведетъ именно къ тому, что каждый общественный интересъ группируется и замыкается въ отдѣльное цѣлое. Вслѣдствіе этого, каждое сословіе имѣетъ свои взгляды и свое направленіе. Пока въ народѣ жива сословная связь, выборы очевидно должны совершаться подъ вліяніемъ этого духа; когда же она слабѣетъ, то весьма часто сословное начало принимаетъ видъ реакціи противъ новаго порядка вещей, и тѣмъ съ большею силою проявляется въ привилегированныхъ классахъ, желающихъ удержать свое положеніе. Понятно, какія послѣдствія это должно имѣть для государственныхъ дѣлъ, которыя сословія призваны рѣшать сообща. Когда отдѣльныя части представительства имѣютъ въ виду не столько общую пользу, сколько свои исключительныя выгоды, мудрено установить необходимое въ государствѣ единство направленія. Даже при общемъ желаніи содѣйствовать благу отечества, не легко согласить противоположные взгляды, ибо каждый стоитъ на своей особенной почвѣ и смотритъ на общія цѣли съ своей исключительной точки зрѣнія. Политическая жизнь каждаго представительнаго собранія основывается на взаимныхъ сдѣлкахъ и уступкахъ; но для этого нужна общая почва, нужно согласіе въ основныхъ взглядахъ. Гдѣ самыя точки отправленія различны, взаимныя сдѣлки могутъ дать только самый скудный и безцвѣтный плодъ. Большинство, на которое могло бы опираться правительство, въ сословномъ собраніи никогда не составится. Согласіе разнородныхъ частей можетъ проявляться только въ совокупной отрицательной дѣятельности, а не въ положительныхъ результатахъ. Общая оппозиція вызоветъ дружныя заявленія и энергическіе протесты въ собраніи; но предста-

вительство, которое этимъ ограничивается, служитъ преградою, а не опорою власти. Хотя при ложномъ направленіи правительства бываетъ полезна и преграда, однако, въ общемъ итогѣ, для блага государства отнюдь не желательно учрежденіе, у котораго сила въ отрицаніи и безсиліе въ построеніи. Чѣмъ обширнѣе государство, чѣмъ выше его интересы, тѣмъ болѣе они должны страдать отъ подобнаго порядка вещей.

Затруднительность хорошаго законодательства здѣсь очевидна. Законъ, не касающійся сословныхъ правъ и интересовъ, имѣющій въ виду только частныя улучшенія, безъ сомнѣнія, не встрѣтитъ сильной оппозиціи; но сословное устройство такъ глубоко переплетается со всѣмъ общественнымъ бытомъ, что почти всякая значительная мѣра затрогиваетъ сословные интересы, а потому встрѣчаетъ часто неодолимыя препятствія. Мы знаемъ, что въ Англіи, гдѣ сгладились сословныя различія, невозможно устроить правильную записку поземельной собственности, потому что затруднительность ея перехода изъ рукъ въ руки лежитъ въ выгодахъ аристократіи. Тѣмъ болѣе подобныя препятствія должны возникать тамъ, гдѣ сословные интересы выступаютъ сильнѣе и расходятся глубже. Всякое значительное нововведеніе становится почти невозможнымъ, и законодательство обращается въ груду обветшалыхъ постановленій. Труднѣе всего отмѣнить вредныя для общества привилегіи. Онѣ становятся частью самаго основнаго закона; обладающее ими сословіе входитъ въ составъ верховной власти, а потому измѣнить его политическое положеніе можно только съ его согласія. Но очевидно, что привилегированное сословіе только въ самыхъ крайнихъ обстоятельствахъ согласится на потерю своихъ преимуществъ. Нужны общественныя бѣдствія или сильное народное волненіе, чтобы заставить его сдѣлать подобную уступку. Оно всегда найдетъ многочисленные доводы въ свою пользу; ибо всякое право можно защищать съ точки зрѣнія не только частныхъ выгодъ, но и общественнаго блага. Ораторское искусство обладаетъ оружіемъ всякаго рода, а личный интересъ умѣетъ имъ пользоваться.

Еще хуже, когда привилегированное сословіе имѣетъ въ собраніи неоспоримый перевѣсъ. Тогда законодательство можетъ получить исключительно сословный характеръ. Выгоды большинства народа приносятся въ жертву владычествующему меньшинству. Одно мо-

нархическое правительство въ состоянiи противодѣйствовать этому злу, если оно умѣетъ освободиться отъ влiянiя высшаго класса. Но тогда цѣль его состоитъ въ уничтоженiи подобнаго представительства или въ призванiи, хотя бы и беззаконнымъ путемъ, такихъ элементовъ, на которые оно можетъ опираться въ своей борьбѣ съ привилегированнымъ сословiемъ. Тогда представительное устройство становится поприщемъ раздоровъ, смутъ и даже междоусобiй. Поучительные примѣры представляетъ въ этомъ отношенiи исторiя Швецiи. Самая блистательная ея эпоха, XVII-й вѣкъ, принадлежитъ къ временамъ тѣснаго союза между сильною монархiею и высшею аристократiю. Но послѣдняя болѣе и болѣе забирала правленiе въ свои руки. Тогда королевская власть обратилась къ низшимъ сословiямъ, въ которыхъ нашла надежныхъ союзниковъ. Въ особенности низшее дворянство негодовало на преобладанiе аристократiи, которая завладѣла громаднымъ количествомъ поземельной собственности, главнаго источника дохода страны. Результатомъ было отнятiе земель у вельможъ и паденiе аристократiи. Монархическая власть одна вышла побѣдительницею изъ этой борьбы. Когда же, послѣ смерти Карла XII-го, снова водворилась политическая свобода, при неограниченномъ почти господствѣ дворянскаго сословiя, то государственные интересы были вполнѣ отданы на жертву личнымъ выгодамъ и проискамъ. Тогда началась система подкуповъ со стороны иностранныхъ державъ, которыя попеременно прiобрѣтали влiянiе въ представительствѣ. Это было самое унизительное время Шведской исторiи; оно кончилось новымъ союзомъ королевской власти съ низшими сословiями и новыми переворотами въ пользу монархiи.

Подобные раздоры тѣмъ естественнѣе, чѣмъ сильнѣе столкновенiя интересовъ и направленiй въ сословныхъ собранiяхъ. Соединенiе сословiй для общей дѣятельности далеко не всегда служитъ способомъ ихъ сближенiя. Въ низшихъ, мѣстныхъ собранiяхъ легче произойти соглашенiю, ибо надъ ними есть высшая власть, которая сдерживаетъ крайности и не допускаетъ нарушенiя правды. Кромѣ того, здѣсь не идетъ споръ о правахъ, о политическомъ положенiи сословiй; эти вопросы разрѣшаются высшимъ законодательствомъ. Предметъ обсужденiя составляютъ только общiя всѣмъ дѣла и интересы. Напротивъ, въ политическомъ представительствѣ обсуждаются самые коренные государственные вопросы, которые прямо касаются сословныхъ правъ,

и такъ какъ спорящимъ сторонамъ дается власть въ руки, то борьба легко можетъ достигнуть крайней степени раздраженія. Между сословіями возбуждается взаимная вражда, вредная для государства и гибельная для общаго дѣла. Политическое представительство производитъ здѣсь именно противоположное тому, что̀ требуется здравою политикою: неизбѣжныя при разнородныхъ интересахъ и взглядахъ столкновенія не смягчаются, а становятся чувствительнѣе. Партіи склоняются къ уступкамъ только изъ опасенія возстанія, или когда сословное начало совершенно уже отжило свой вѣкъ. Тогда сословное представительство естественно переходитъ въ народное.

Всѣ эти недостатки сословныхъ собраній проявляются въ большей или меньшей степени, смотря по ихъ устройству. Оно можетъ быть различно. Сословное начало выступаетъ во всей своей рѣзкости, когда представители каждаго разряда образуютъ отдѣльную палату съ особымъ голосомъ. По средневѣковому праву, каждое сословіе дѣйствовало и рѣшало за себя; для общихъ дѣлъ нужно было единогласіе. Государственныя требованія привели къ рѣшенію большинствомъ сословныхъ голосовъ. Такъ въ Швеціи, до послѣдняго времени, существовали четыре палаты, составленныя изъ представителей духовенства, дворянства, городовъ и крестьянъ. Для рѣшенія обыкновенныхъ дѣлъ требовалось большинство трехъ палатъ; измѣненія же основныхъ законовъ не могли совершаться иначе, какъ единогласно.

Недостатки подобнаго устройства слишкомъ ощутительны. Большинство представителей двухъ сословій можетъ остановить всякую мѣру. Улучшеніе почти невозможно, когда оно касается привилегій высшихъ сословій; оно невозможно и когда дѣло идетъ о религіозной терпимости или о другихъ вопросахъ, въ которыхъ духовенство дѣйствуетъ заодно съ крестьянами. Вообще, при такой дробности направленій, интересовъ и голосовъ, не трудно противопоставить неодолимую преграду самымъ полезнымъ преобразованіямъ; для этого достаточно сопротивленія нѣсколько болѣе четверти, а по конституціоннымъ вопросамъ, даже осьмой части всего представительства. Поэтому въ Швеціи, всеобщее убѣжденіе заставило замѣнить эти обветшалыя учрежденія представительствомъ, основаннымъ на новыхъ началахъ.

Повидимому, болѣе приближается къ конституціоннымъ формамъ такое устройство сословнаго представительства, въ которомъ низшія

сословія соединяются въ одну палату, а дворянство образуетъ другую. Германскія конституціи представляютъ тому примѣры. Парламентъ, состоящій изъ двухъ палатъ, нижней и верхней, притомъ съ болѣе или менѣе аристократическимъ характеромъ послѣдней, таково именно устройство конституціонной монархіи. Однако, между тѣмъ и другимъ есть существенное отличіе. Выше мы указывали на то, что дворянство не составляетъ аристократіи въ тѣсномъ смыслѣ слова или политической аристократіи: первое есть сословіе, то есть извѣстное раздѣленіе общества, отличающееся отъ другихъ и гражданскими, и корпоративными и политическими правами; вторая прежде всего политическое тѣло, участвующее въ верховной власти. Аристократія остается въ нѣкоторомъ смыслѣ сословіемъ, но оно принимаетъ чисто государственный характеръ. У дворянства общіе интересы нерѣдко заслоняются частными, сословными; аристократія, по своему положенію, имѣетъ въ виду главнымъ образомъ общественную пользу, хотя къ этому могутъ примѣшиваться и частныя выгоды. Составить изъ дворянства верхнюю палату значитъ придать сословному духу особенную силу, укоренить противоположность воззрѣній, остановить законодательство, увѣковѣчить сословныя привилегіи, напримѣръ изъятія отъ податей и повинностей, поземельныя преимущества, сословный судъ и администрацію. Въ предъидущемъ устройствѣ нужно было по крайней мѣрѣ большинство голосовъ въ двухъ палатахъ для того, чтобы полезный законъ былъ отвергнутъ; здѣсь достаточно большинства одной. Дворянству вручается безусловное право запрета на всѣ государственныя мѣры. При сословномъ его характерѣ, этого нельзя допустить, ибо сословная точка зрѣнія всегда частная; отдѣльному интересу невозможно предоставить верховнаго права. Привилегированное положеніе заставитъ дворянство еще упорнѣе стоять за свои преимущества, еще тѣснѣе замкнуться въ своей исключительности; ибо сословныя права даютъ здѣсь участіе въ самой верховной власти. Это неизбѣжно должно возбудить вражду другихъ, ибо чѣмъ болѣе исключительности, чѣмъ болѣе власти и поводовъ къ злоупотребленію ею, тѣмъ сильнѣе возбуждаются нареканія.

Форма сословныхъ собраній, наиболѣе благопріятствующая рѣшенію общихъ дѣлъ, а потому наиболѣе отвѣчающая государственнымъ потребностямъ, есть совокупое совѣщаніе всѣхъ сословій. Но здѣсь являются неудобства своего рода. Отношеніе составныхъ частей собранія

можетъ быть двоякое : большинство принадлежитъ или высшему сословію, или низшимъ; или послѣднія парализуются перевѣсомъ перваго, или первое поглощается послѣдними. Въ одномъ случаѣ можетъ установиться законодательство исключительно въ пользу привилегированнаго сословія; это худшая изъ всѣхъ возможныхъ системъ. Въ другомъ случаѣ, сословное собраніе будетъ только переходною формою, шагомъ къ уничтоженію сословнаго устройства. Тамъ, гдѣ привилегированное сословіе составляетъ меньшинство, не имѣющее особаго голоса, но сливающееся въ массѣ, оно теряетъ свое политическое значеніе. Извѣстно, что этотъ вопросъ возникъ при созваніи учредительнаго собранія во Франціи въ 1789-мъ году. Представители третьяго сословія требовали соединенія въ одной палатѣ съ обоими высшими, и когда накбнецъ, послѣ долгихъ споровъ, это требованіе было исполнено, большинство демократическихъ элементовъ получило рѣшительный перевѣсъ, и всѣ права высшихъ сословій скоро были уничтожены. Если въ ограниченной монархіи аристократическіе элементы общества должны получить особую организацію, то подобное устройство представительства менѣе всего можетъ быть допущено. Примѣръ того же учредительнаго собранія указываетъ на другое зло, проистекающее изъ такого безразличнаго соединенія всѣхъ элементовъ. Собраніе, составленное изъ выборныхъ отъ всѣхъ сословій, не имѣющее противовѣсія въ верхней палатѣ, легко можетъ видѣть въ себѣ единственнаго и исключительнаго представителя народа. Правительство имѣетъ передъ собою одно собраніе, а не два, взаимно воздерживающія другъ друга. Между нимъ и выборными людьми нѣтъ умѣряющаго элемента, а потому легко можетъ вспыхнуть борьба. Революціонныя движенія встрѣчаютъ здѣсь самую удобную почву. Разумѣется, можетъ случиться иное, если большинство, вслѣдствіе настроенія низшихъ классовъ, состоитъ изъ людей преданныхъ правительству. Но въ такомъ случаѣ самое представительство становится лишнимъ; оно теряетъ свое значеніе, какъ скоро перестаетъ быть самостоятельною общественною силою.

Таковы сущность и свойства сословнаго представительства. Мы старались доказать, что сословія имѣютъ значеніе историческое, которое слабѣетъ съ развитіемъ жизни новаго времени; что въ самодержавіи они необходимы, но неумѣстны въ конституціонномъ порядкѣ, который требуетъ, чтобы общество приняло уже новыя формы жизни; на-

конецъ, если выработанныя исторіею сословныя собранія могутъ сохранять въ народѣ непрерывность права и служить переходомъ отъ одной жизненной формы къ другой, то введеніе ихъ вновь въ настоящее время можетъ имѣть только вредныя послѣдствія.

ГЛАВА 5.

КОНСТИТУЦІОННАЯ МОНАРХІЯ.

Конституціонная монархія является плодомъ развитія представительныхъ началъ въ новое время. Въ иныхъ государствахъ она выработалась исторически, постепеннымъ приспособленіемъ средневѣковыхъ учрежденій къ новой государственной жизни; въ другихъ она водворилась разомъ, какъ полная, обдуманная система гарантій, ограничивающихъ монархическую власть. Но, не смотря на различіе происхожденія и элементовъ, не смотря на частныя отклоненія отъ принятыхъ началъ, у западно-европейскихъ народовъ установилась общая конституціонная теорія, которая болѣе или менѣе прилагается во всѣхъ свободныхъ государствахъ и получаетъ все большее распространеніе. Въ частностяхъ писатели и законодательства расходятся: одни даютъ перевѣсъ одному элементу, другіе другому; но существенныя черты учрежденій остаются тѣже.

Идею конституціонной монархіи, какъ высшей формы представительнаго устройства, мы обозначили въ одной изъ предъидущихъ главъ. Она состоитъ въ гармоническомъ сочетаніи разнообразныхъ элементовъ государства: монархическаго, аристократическаго и демократическаго. Основный законъ даетъ каждому изъ нихъ извѣстныя права, извѣстное участіе въ верховной власти, и всѣ должны дѣйствовать согласно для достиженія общей цѣли. Демократическое начало, народная свобода, воплощается въ выборномъ собраніи; но оно не одно противопоставляется монарху, какъ представителю высшей власти и постоянныхъ интересовъ государства. Во всякомъ обществѣ существуютъ въ большей или меньшей степени аристократическіе элементы, которые должны служить посредствующимъ звеномъ между двумя про-

тивоположными началами: между властью, основанною на подчиненіи, и властью, истекающею изъ свободы, точно такъ же, какъ, съ своей стороны, монархъ является посредникомъ между двумя общественными силами, между аристократіею и демократіею. Поэтому конституціонное правленіе всегда слагается изъ трехъ властей, изъ короля и двухъ палатъ, верхней и нижней.

Потребность верхней палаты, ощутительная и въ республикахъ, становится непремѣннымъ условіемъ конституціонной монархіи. Въ республикѣ верхняя палата служитъ средствомъ контроля надъ увлеченіями и произволомъ демократическаго собранія; это задерживающій, умѣряющій органъ. Рѣшеніе бываетъ обдуманнѣе и зрѣлѣе, когда оно проходитъ черезъ два, независимыя другъ отъ друга тѣла; злоупотребленія власти, имѣющей одинъ источникъ, менѣе опасны, когда она не вся соединяется въ однѣхъ рукахъ. Въ конституціонной монархіи задержки вдвойнѣ необходимы, ибо верховная власть не сосредоточивается вся въ народѣ, какъ въ республикахъ, а раздѣляется между различными лицами и тѣлами. Здѣсь требуется такая система взаимныхъ гарантій, которая, установляя контроль властей другъ надъ другомъ, содѣйствовала бы однако мирному разрѣшенію столкновеній и вела бы къ соглашенію, а не къ раздорамъ. Эта цѣль не достигается, если одному монарху предоставляется право воздерживать дѣйствія народнаго представительства. Когда двѣ власти, противоположнаго происхожденія, ставятся другъ противъ друга, безъ всякаго посредника, между ними легко можетъ возгорѣться борьба. Каждая естественно старается перетянуть силу на свою сторону, получить перевѣсъ надъ другою. Противникъ видитъ въ этомъ нарушеніе своихъ правъ, неумѣренныя притязанія. Отказъ короля исполнить желаніе или требованіе представительства легко можетъ быть истолкованъ, какъ личное мнѣніе, какъ произволъ и упорное противодѣйствіе истиннымъ нуждамъ народа. Поэтому весьма полезно установленіе посредника между двумя властями, тѣла, независимаго отъ обоихъ, но имѣющаго вѣсъ и значеніе въ обществѣ. Верхняя палата своимъ приговоромъ можетъ воздержать противоположныя стремленія сторонъ и побудить ихъ къ уступкамъ. Когда мѣра, одобренная нижнею палатою отвергается верхнею, то этото нельзя приписать личному произволу. Неудовольствіе падаетъ на цѣлое собраніе, а не на одно лицо. Королевская власть остается въ сторонѣ; она не подвергается

нападкамъ, а потому сохраняется должное къ ней уваженіе. Съ другой стороны, при согласіи обѣихъ палатъ, король долженъ видѣть въ предлагаемой мѣрѣ не простое демократическое увлеченіе, а выраженіе истинныхъ потребностей народа, одинаково сознаваемыхъ и верхними и нижними его слоями. Легче уступить общему желанію двухъ собраній, нежели требованіямъ одного. Конечно, при взаимномъ раздраженіи сторонъ, примиреніе не всегда удается; нѣтъ человѣческихъ учрежденій, которыя бы безусловно обезпечивали достиженіе цѣли. Но можно и должно стремиться къ возможному смягченію столкновеній, къ установленію такой системы гарантій, которая бы, если не всегда, то въ большинствѣ случаевъ, могла предотвращать грозящую бѣду.

Эта посредствующая роль принадлежитъ верхней палатѣ именно потому, что въ ней воплощаются аристократическіе элементы общества, которые соединяютъ въ себѣ высшую политическую способность съ независимостью положенія, которые въ состояніи понимать и требованія свободы и цѣли государства, вѣчные его законы, необходимыя условія власти и порядка. Однако не всякое собраніе способно занять такое положеніе. Для этого необходимо, чтобы оно имѣло вѣсъ и пользовалось уваженіемъ въ народѣ. Его рѣшенія должны имѣть не только юридическую, но и нравственную силу. Палата не связанная съ народомъ, не имѣющая независимаго духа, но всегда покорная власти, можетъ навлечь на себя только ненависть или пренебреженіе. Поддерживая правительство въ неумѣренныхъ притязаніяхъ или въ неблагоразумномъ сопротивленіи, она можетъ привести его къ погибели. Съ другой стороны, она должна быть дѣйствительно элементомъ умѣряющимъ, а не потворствовать всѣмъ увлеченіямъ толпы, особенно въ тѣ минуты, когда ея помощь всего нужнѣе. Наконецъ, менѣе всего должны въ ней проявляться сословныя стремленія, эгоистическіе расчеты. Она должна постоянно имѣть въ виду не себя, а общую пользу, и состоять въ союзѣ со всѣми другими элементами власти. Тогда только она можетъ ожидать къ себѣ довѣрія.

Подобныя качества очевидно встрѣчаются не часто, а потому удовлетворительное устройство верхней палаты, составляющее одно изъ существенныхъ условій конституціонной монархіи, дѣло весьма не легкое. Для этого недостаточно создать искусственное тѣло и облечь его правами. Подобныя учрежденія, не имѣющія подъ собою почвы,

лишенныя нравственнаго вліянія на общество, уносятся первымъ дуновеніемъ вѣтра. При устройствѣ верхней палаты, надобно прежде всего обратить вниманіе на составъ общества, на тѣ силы, которыя оно въ себѣ заключаетъ. Въ каждомъ существуютъ аристократическіе элементы своего рода, которыми надобно пользоваться, не гоняясь за теоретическими соображеніями. Для устройства верхней палаты нѣтъ общаго рецепта; оно можетъ быть различно, смотря по общественному быту, изъ котораго истекаетъ.

Наиболѣе независимое положеніе занимаетъ наслѣдственная аристократія. Это аристократія въ тѣсномъ смыслѣ. Она обязана своимъ возвышеніемъ не правительству и не народу. Она держится собственною силою, а потому скорѣе всего можетъ стать посредникомъ между монархомъ и демократіею. Обращенная вся на государственную дѣятельность, она хранитъ въ себѣ крѣпкій политическій духъ, сознаніе постоянныхъ интересовъ государства, передавая это достояніе отъ поколѣнія поколѣнію. Между тѣмъ какъ выборное собраніе, обновляясь безпрерывно и отражая на себѣ всѣ движенія общества, перемѣнчиво и способно къ увлеченіямъ, между тѣмъ какъ личная воля монарха, по самому свойству человѣческой природы, подвержена случайностямъ, колебаніямъ и даже крутымъ поворотамъ при переходѣ власти отъ одного лица на другое, аристократическое собраніе изъято отъ этихъ золъ. Корпоративный духъ сдерживаетъ частныя стремленія членовъ и восполняетъ личные ихъ недостатки; обновленіе происходитъ постепенно; сила преданія и опытъ не даютъ мѣста увлеченіямъ. Аристократическое собраніе представляетъ какъ бы единое лице, но свободное отъ случайностей смерти. Поэтому аристократическое правленіе отличается наибольшею энергіею, постоянствомъ, зрѣлостью политической мысли. Аристократія является и самымъ твердымъ стражемъ общественнаго порядка и законности. Въ ней преобладаетъ охранительный духъ, ибо она носитъ въ себѣ опытъ вѣковъ и держится силою преданія и привязанностью къ существующимъ учрежденіямъ. Она допускаетъ перемѣны только постепенныя, совершаемыя законнымъ путемъ; всякое нарушеніе закона есть посягательство на собственное ея существованіе. Въ конституціонной монархіи аристократія не можетъ впасть и въ тѣ ошибки, которымъ подвержено чисто аристократическое правленіе. Она не можетъ имѣть поползновенія употреблять власть свою во зло и сама дѣйствовать произ-

вольно, ибо сдерживается съ одной стороны монархомъ, съ другой народнымъ собраніемъ; значеніе ея болѣе умѣряющее, нежели владычествующее. Она не можетъ и замыкаться въ себѣ, ибо обновляется безпрерывно введеніемъ въ нее новыхъ членовъ по волѣ монарха, которому всегда предоставляется это право. Но такъ какъ это совершается постепенно, и новыя лица сами пользуются высокимъ положеніемъ въ обществѣ, то аристократическій духъ собранія черезъ это существенно не измѣняется, а между тѣмъ устраняется сословная исключительность, и значеніе палаты поддерживается пріобщеніемъ къ ней лучшихъ силъ народа.

Рядомъ съ этими великими достоинствами, наслѣдственная аристократія имѣетъ и несомнѣнныя невыгоды, даже при окружающихъ ее со всѣхъ сторонъ задержкахъ. Хотя въ конституціонномъ порядкѣ она отрѣшается отъ сословнаго характера, чтобы сохранить чисто политическое значеніе, хотя она нижними своими вѣтвями смѣшивается съ народомъ, и постоянно получаетъ изъ него приливъ новыхъ соковъ, однако, не смотря на то, она не можетъ вполнѣ перестать быть сословіемъ. Наслѣдственность положенія дѣлаетъ изъ нея отдѣльный разрядъ людей съ особыми правами и преимуществами. Нерѣдко утверждаютъ, что въ Англіи нѣтъ сословій; однако всѣ англійскіе юристы раздѣляютъ гражданъ на два разряда: на *благородныхъ* и *простолюдиновъ* (noblemen и commoners). Къ первымъ относятся лорды, ко вторымъ остальные. Благородство происхожденія даетъ старшимъ сыновьямъ перовъ право засѣдать въ верхней палатѣ. Оно сообщается и женамъ; оно даетъ не только политическія, но и нѣкоторыя гражданскія преимущества. Слѣдовательно, сословное раздѣленіе существуетъ, хотя въ уменьшенной степени. Оно не такъ замѣтно въ области гражданской, зато имѣетъ большее политическое значеніе. И эти высшія права, это участіе въ верховной власти пріобрѣтаются не личными дарованіями, не заслугами, а единственно рожденіемъ. Аристократія непремѣнно должна обладать высшею политическою способностью; это одно даетъ ей право и возможность сохранять свое первенствующее мѣсто въ государствѣ. Но наслѣдственность положенія далеко не всегда обезпечиваетъ способность. Въ аристократической корпораціи обыкновенно есть нѣсколько выдающихся лицъ, которыя стоятъ во главѣ остальныхъ; большинство же рѣдко отличается даровитостью. Причины понятны. Пре-

жде всего, кругъ, изъ котораго выходятъ люди, слишкомъ тѣсенъ. Политическая аристократія никогда не бываетъ и не должна быть многочисленна. Но трудно предположить, что большинство старшихъ сыновей нѣсколькихъ сотъ человѣкъ состоитъ непремѣнно изъ способныхъ людей; это было бы чистою случайностью. Высшія дарованія-рѣдкій даръ природы, который надобно извлекать изъ цѣлаго народа. Притомъ, если аристократическое положеніе съ одной стороны содѣйствуетъ развитію природныхъ способностей, доставляя человѣку и средства, и готовое поприще, и высокое призваніе, то съ другой стороны, только избранныя натуры въ состояніи воспользоваться этими преимуществами. Для посредственныхъ людей они служатъ скорѣе орудіемъ соблазна. Значительное богатство и высокое общественное значеніе, достающіяся даромъ и не налагающія тяжелыхъ обязанностей, побуждаютъ болѣе къ наслажденію удобствами жизни, нежели къ упорному труду, необходимому для людей, которые возвышаются собственною дѣятельностью. Поэтому аристократическія права слишкомъ часто бываютъ привилегіею бездарности, а это должно возбуждать въ остальномъ обществѣ непріязненныя чувства. Ихъ нельзя приписать одной зависти, которую пошлые аристократы такъ часто кидаютъ, въ видѣ упрека, въ лице своимъ противникамъ, прикрывая тѣмъ только собственное ничтожество. Зависть, какъ и другія человѣческія чувства, примѣшивается ко всякой борьбѣ. Но въ непріязни къ незаслуженнымъ правамъ есть болѣе глубокія основанія: этимъ оскорбляются присущія человѣку понятія справедливости, которыя требуютъ, чтобы высшія честь и права были достояніемъ высшей способности, заслугъ, а не случайности рожденія.

Могутъ возразить, что тѣже самые доводы легко обратить противъ монархіи, и тогда мы придемъ къ чистой демократіи. Нѣтъ сомнѣнія, что возможность неспособнаго правителя составляетъ одинъ изъ существенныхъ недостатковъ наслѣдственной монархіи; но здѣсь начало наслѣдственности имѣетъ иное значеніе, нежели въ аристократіи. Монархъ является представителемъ высшей идеи; наслѣдственное его право не личное его достояніе, а выраженіе извѣстнаго порядка. Оно означаетъ преемственность власти, а не способности. Это власть, стоящая на верху, независимая отъ воли народной. Монархъ не принадлежитъ къ числу гражданъ и не можетъ быть съ ними уравненъ. Какъ носитель власти, онъ совершенно изъемлется изъ общей граж-

данской жизни. Значеніе же аристократіи состоитъ единственно въ высшей способности. Вельможи такіе же граждане и подданные, какъ другіе, но получаютъ высшія права, потому что способнѣе другихъ сохранять равновѣсіе государственныхъ силъ. Общее гражданское начало есть равенство, ибо всѣ граждане одинаково свободны, несутъ одинакія обязанности, имѣютъ одинакое право на покровительство законовъ и на участіе въ общихъ благахъ. Если изъ этого начала дѣлается изъятіе, если между гражданами установляется различіе, то причина должна заключаться единственно въ высшемъ достоинствѣ однихъ передъ другими. Когда же этого высшаго достоинства нѣтъ, очевидно, что общественное преимущество становится несправедливостью Поэтому, если съ одной стороны аристократія можетъ пасть отъ бездарности своихъ членовъ, то съ другой стороны сила ея слабѣетъ вслѣдствіе всѣхъ тѣхъ причинъ, которыя содѣйствуютъ развитію политической способности въ другихъ классахъ народа. Чѣмъ образованнѣе народъ, тѣмъ болѣе аристократическое начало теряетъ въ немъ свое значеніе.

Невыгоды наслѣдственной аристократіи не ограничиваются нарушеніемъ отвлеченнаго начала справедливости; установляемое ею неравенство правъ и положеній отзывается на всемъ гражданскомъ бытѣ. Аристократія держится только привилегіями. Хотя сословныя ея преимущества исчезаютъ, однако необходимы законы и обычаи, сохраняющіе въ ея рукахъ и значительное богатство и главное участіе въ управленіи. Иначе аристократія лишается фактическаго своего вѣса и падаетъ. Поэтому установляются маіораты, которые сосредоточиваютъ богатство въ рукахъ старшихъ сыновей, обдѣляя младшихъ; свободное передвиженіе собственности затрудняется, чтобы помѣшать переходу ея въ другія руки. Такъ какъ дѣтямъ, лишеннымъ наслѣдства, нужны средства къ жизни и способы поддержать свое достоинство, то съ этою цѣлью вводится обширная система протекціи. Въ Англіи мѣста въ войскѣ продаются, въ церкви господствуетъ патронатство, гражданская служба до послѣднихъ временъ вся была основана на связяхъ и покровительствѣ. Аристократическія начала проникаютъ всю жизнь, и всякій успѣхъ гражданственности является посягательствомъ на положеніе владычествующаго сословія.

Понятно, какое противодѣйствіе встрѣчаютъ самыя полезныя преобразованія въ корпораціи, которая держится сохраненіемъ существу-

ющаго порядка со всѣми его злоупотребленіями. Нуженъ сильнѣйшій напоръ извнѣ, чтобы вырвать у нея согласіе на мѣры, затрогивающія ея преимущества. Поэтому реформы совершаются съ величайшимъ трудомъ, а несообразности и злоупотребленія гнѣздятся и растутъ въ теченіи вѣковъ. Умѣряющій органъ въ законодательствѣ полезенъ для предохраненія государства отъ скороспѣлыхъ и необдуманныхъ перемѣнъ; но систематическое противодѣйствіе всякимъ нововведеніямъ со стороны одного изъ участниковъ верховной власти не можетъ не повредить успѣхамъ гражданственности. Счастливо еще государство, гдѣ аристократія такъ благоразумна, что всегда дѣлаетъ своевременныя уступки! но обыкновенно уступки бываютъ признакомъ ослабленія аристократіи и означаютъ путь постепеннаго ея паденія.

Таковы достоинства и недостатки наслѣдственной аристократіи. Которые изъ нихъ перевѣшиваютъ? Этотъ вопросъ рѣшается самою жизнью, то есть исторіею каждаго народа. Наслѣдственная аристократія должна доказать на дѣлѣ, что она заслуживаетъ свое положеніе и дѣйствительно обладаетъ высшею государственною способностью. Признакомъ можетъ служить та роль, которую она играетъ въ народной исторіи. Аристократія не создается искусственнымъ путемъ, не облекается правами во имя теоретическихъ цѣлей; это самостоятельная сила, которая сама занимаетъ свое мѣсто въ государствѣ, которая участвуетъ въ верховной власти, потому что составляетъ одинъ изъ существенныхъ элементовъ народной жизни. Тамъ, гдѣ аристократія искони стояла во главѣ общества, направляя движеніе и слѣдуя за новыми потребностями, тамъ ее невозможно устранить и безъ нея нельзя обойтись. Аристократія по преимуществу историческое учрежденіе; она держится преданіемъ, вѣковымъ опытомъ, тѣмъ политическимъ духомъ, который непрерывно въ ней сохраняется и передается отъ одного поколѣнія другому. Безъ этого она теряетъ смыслъ и значеніе. Всѣ искусственныя аристократіи лишены внутренней силы; онѣ являются плодомъ теоріи, а не созданіемъ жизни, а потому не въ состояніи ни исполнить своей задачи, ни противостоять малѣйшему народному движенію. При введеніи конституціоннаго порядка, представляется конечно возможность набрать нѣсколько лицъ, облечь ихъ наслѣдственными правами и составить изъ нихъ верхнюю палату; но если эти лица сами по себѣ не имѣютъ вѣса и

значенія въ обществѣ, если они не представляютъ собою аристократическаго элемента, игравшаго роль въ исторіи, то это будетъ пустое и праздное учрежденіе. Здравая политика запрещаетъ вводить въ верховную власть элементъ, не имѣющій внутренней силы. Еще хуже, если эти люди воплощаютъ въ себѣ отжившій порядокъ и утраченныя права; въ такомъ случаѣ, ихъ рѣшенія не только не будутъ имѣть вѣса, а напротивъ, могутъ возбуждать одну непріязнь. Вообще, можно сказать, что тамъ, гдѣ аристократія пала отъ безсилія или отъ злоупотребленій, она не можетъ быть возстановлена; ибо корень ея изсякъ, развиваемая вѣками способность исчезла. Изъ этого можно вывести далѣе, что наслѣдственная аристократія неумѣстна вездѣ, гдѣ народъ прошелъ черезъ продолжительный періодъ абсолютизма. Политическая аристократія имѣетъ значеніе именно, какъ участница верховной власти; въ этомъ состоитъ ея историческая роль. Какъ скоро она потеряла это значеніе и снизошла на служебную степень, она тѣмъ самымъ лишилась и внутренней силы, и политическаго духа и вліянія на народъ. Низшіе классы перестаютъ видѣть въ ней своего вожатая и защитника, носителя общихъ государственныхъ интересовъ. Все сосредоточивается на одномъ лицѣ монарха; вельможи болѣе или менѣе уравниваются съ другими гражданами. Низойдя съ своей высоты, аристократія тѣмъ самымъ доказала свою несостоятельность, а потому лишилась всякаго права на привилегированное положеніе въ конституціонномъ государствѣ.

Изъ всего этого слѣдуетъ, что если наслѣдственная аристократія бываетъ полезна тамъ, гдѣ она вытекла изъ исторической жизни народа и собственнымъ вѣсомъ и достоинствомъ заняла свое мѣсто въ государственномъ устройствѣ, она, напротивъ, немыслима, какъ искусственное созданіе теоретическихъ соображеній. Наслѣдственность не создается, а пріобрѣтается Это доказывается и англійскою исторіею, гдѣ наслѣдственностъ палаты лордовъ окончательно установилась не ранѣе XVI-го вѣка. Когда общественное положеніе вельможъ переходитъ на дѣтей, такъ что послѣднихъ нельзя обойти при назначеніи новыхъ членовъ верхней палаты, тогда наслѣдственность, установившись на дѣлѣ, переходитъ и въ законъ. Но безразсудно вводить ее съ перваго раза, когда не извѣстны ни духъ палаты, ни ея значеніе въ народѣ, когда не успѣли въ ней выработаться преданія, когда наконецъ наслѣдственныя права не оправдываются оказанными заслугами.

Въ сущности, конституціонная теорія вовсе не требуетъ верхней палаты, составленной изъ наслѣдственныхъ членовъ. Тѣ доводы, которые могутъ быть приведены въ пользу этого учрежденія, далеко не имѣютъ безусловнаго значенія. Первый состоитъ въ томъ, что наслѣдственная аристократія необходима, какъ поддержка монархіи; иначе наслѣдственное начало, ограничиваясь особою государя, не проникая въ общество, остается одинокимъ, а потому монархическая власть, лишенная опоры и связи съ народною жизнью, слишкомъ подвержена колебаніямъ. Второе доказательство то, что наслѣдственность положенія доставляетъ самой верхней палатѣ гораздо болѣе силы и независимости.

Что касается до перваго, то мы видѣли уже, что наслѣдственное начало имѣетъ иное значеніе въ монархіи, нежели въ аристократіи, а потому между ними нѣтъ необходимой связи. Правда, что существованіе аристократіи въ государствѣ препятствуетъ развитію чисто демократическихъ идей; но подобное вліяніе можетъ имѣть только аристократія, дѣйствительно пользующаяся общимъ уваженіемъ. Въ противномъ случаѣ, нерасположеніе къ началу наслѣдственности можетъ обратиться и противъ монархіи. Съ другой стороны, если наслѣдственная аристократія обладаетъ настоящею силою и пользуется значительнымъ вліяніемъ на народъ, то она можетъ обратить монархическую власть почти въ ничто. При народномъ представительствѣ, во главѣ котораго стоитъ сильное вельможество, монарху остается слишкомъ мало мѣста; роль, которую онъ можетъ играть, исполняется другими. Фактически, ни въ одномъ конституціонномъ государствѣ монархическая власть такъ не стѣснена, какъ въ Англіи. Еще разительнѣе примѣры другихъ аристократическихъ земель, Швеціи, Польши, гдѣ сила средняго сословія не въ состояніи была уравновѣсить значеніе высшаго. Здѣсь короли дѣлались игрушками въ рукахъ вельможъ. Поэтому наслѣдственную аристократію нельзя считать необходимою поддержкою монархической власти. Относительно же соображеній втораго рода, опять слѣдуетъ сказать, что наслѣдственность правъ тогда только придаетъ силу и независимость аристократическому собранію, когда есть въ немъ пріобрѣтенная вѣками увѣренность въ прочности положенія. Искусственныя привилегіи, напротивъ, заставляютъ его дѣлать постоянныя уступки той власти, отъ которой оно ожидаетъ поддержки или опасается нападенія. Такое

колебаніе между расчетомъ и страхомъ не можетъ содѣйствовать силѣ учрежденія, а напротивъ увеличиваетъ зло, которое аристократическое собраніе призвано устранить. Трудно сказать, что̀ приноситъ болѣе вреда государству, союзъ ли монарха съ привилегированнымъ сословіемъ во имя общихъ выгодъ, или потачка народнымъ страстямъ со стороны аристократической палаты, опасающейся за свои права. Верхняя палата должна быть составлена изъ аристократическихъ элементовъ въ обширномъ смыслѣ слова; но наслѣдственность правъ не составляетъ необходимой ея принадлежности. Наслѣдственная аристократія существуетъ не вездѣ и не можетъ быть искусственно создана, а потому, тамъ, гдѣ ея нѣтъ, она должна быть замѣнена другими элементами, которые имѣютъ дѣйствительную силу и вѣсъ. Какіе же эти элементы?

Повидимому, ближе всего къ наслѣдственной аристократіи подходитъ дворянство, ибо первая образуется изъ послѣдняго, съ отпаденіемъ нижнихъ вѣтвей и съ превращеніемъ сословнаго значенія въ политическое. Тамъ, гдѣ исторія не привела къ образованію могущественной аристократіи, а напротивъ, удержала сословное значеніе дворянства, тамъ, казалось бы, возможно воспользоваться послѣднимъ для образованія верхней палаты. Это дѣйствительно существующій, выработанный исторіею аристократическій элементъ; слѣдовательно, устранить его нельзя. Но, говоря о сословныхъ собраніяхъ, мы имѣли уже случай указать на важные недостатки, сопряженные съ особымъ дворянскимъ представительствомъ; мы видѣли, что сословія, вслѣдствіе раздѣльности интересовъ и направленій, менѣе всего умѣстны въ конституціонномъ устройствѣ, а потому дворянству невозможно предоставить не только исключительнаго, но и преобладающаго вліянія въ верхней палатѣ. Тѣ германскія конституціи, которыя образовали ее преимущественно изъ дворянскихъ элементовъ, скорѣе могутъ служить примѣромъ устройства, котораго слѣдуетъ избѣгать. Верхняя палата, составленная такимъ образомъ, теряетъ настоящее свое значеніе въ конституціонномъ государствѣ: она является не посредникомъ, не миротворцемъ, не органомъ общихъ интересовъ и высшихъ политическихъ способностей, а главнымъ сѣятелемъ раздора, орудіемъ исключительной партіи, врагомъ либеральныхъ стремленій и народнаго представительства, покорнымъ слугою всякой власти, поддерживающей ея притязанія. Это не содѣйст-

віе, а помѣха конституціонной жизни. Столь же вредно и сочетаніе дворянства съ другими элементами въ составѣ верхней палаты. Иногда, въ видѣ задержки и противовѣсія, вводится сюда представительство крупной недворянской собственности, духовныхъ корпорацій, городовъ, университетовъ. Но такой пестрый составъ менѣе всего умѣстенъ въ верхней палатѣ, которая должна представлять собою не собраніе разнородныхъ интересовъ и направленій, а высшій политическій разумъ, устремленный на одну пользу государства. Иначе это будетъ поприще борьбы, а не органъ умиротворенія. Въ собраніи никогда не образуется общій политическій духъ, способный умѣрять противоположныя требованія и стремленія. Разнохарактерность верхней палаты, при однородности представительства въ нижней—совершенное извращеніе идеи конституціонной монархіи, въ которой верхняя палата должна отличаться высшимъ единствомъ. Дворянство, тамъ, гдѣ оно образовалось исторически, безъ сомнѣнія составляетъ одинъ изъ аристократическихъ элементовъ общества; изъ него, между прочимъ, могутъ быть назначаемы лица, засѣдающія въ верхней палатѣ, но оно не можетъ быть допущено въ нее съ сословнымъ своимъ значеніемъ и съ своимъ представительствомъ.

Затѣмъ, во всякомъ государствѣ существуютъ аристократическіе элементы двоякаго рода: высшіе классы общества, обладающіе матеріальными средствами и образованіемъ, и государственные сановники.

Высшіе классы всегда и вездѣ отличаются отъ низшихъ; преданные умственной работѣ, имѣя досугъ и средства для образованія и для занятія общественными дѣлами, они тѣмъ самымъ пріобрѣтаютъ высшую политическую способность. Изъ нихъ люди, обладающіе значительнымъ богатствомъ, особенно переходящимъ изъ рода въ родъ, пользуются и независимымъ положеніемъ и личнымъ вліяніемъ въ окружающей средѣ. Они составляютъ естественную аристократію общества. Однако не всѣ эти довольно разнообразные элементы одинаково способны занять мѣсто въ верхней палатѣ, а только тѣ, которые имѣютъ преимущественно политическій характеръ. Въ зажиточныхъ классахъ всегда есть два направленія: одно обращенное на прибыль, другое на государственную жизнь. Членомъ верхней палаты можетъ быть не всякій богачъ, а единственно тотъ, кто играетъ политическую роль, или по мѣстному своему значенію, или какъ депутатъ въ народномъ представительствѣ. Личный политическій вѣсъ необходимъ для

аристократическаго положенія. Призванная къ охраненію постоянныхъ интересовъ государства, нося въ себѣ высшій политическій духъ, верхняя палата должна состоять изъ государственныхъ людей, а не изъ промышленниковъ. Въ этомъ отношеніи, существеннымъ ея элементомъ являются въ особенности крупные землевладѣльцы. Изъ общественныхъ классовъ, это тотъ, который имѣетъ наиболѣе политическій характеръ. Крупная поземельная собственность не возбуждаетъ въ человѣкѣ духа коммерческой предпріимчивости и частной спекуляціи, какъ движимая, а развиваетъ въ немъ стремленіе пріобрѣсть прочное мѣстное вліяніе, играть значительную политическую роль. Недвижимая собственность имѣетъ гораздо болѣе устойчивости, нежели движимая; она чаще сохраняетъ наслѣдственный характеръ, а потому дѣлаетъ политическое призваніе преемственнымъ въ родѣ. Наконецъ, она даетъ человѣку то независимое положеніе, ту спокойную увѣренность, тотъ охранительный духъ, которые именно требуются отъ членовъ верхней палаты.

Съ другой стороны, сановники составляютъ также естественный аристократическій элементъ въ государствѣ. Занятіе высокихъ должностей всегда и вездѣ даетъ первенствующее положеніе въ обществѣ. Кромѣ того, пріобрѣтенный опытъ, обширное знакомство съ государственными дѣлами, доказанная способность дѣлаютъ ихъ самыми полезными членами верхней палаты. Римскій сенатъ, котораго политическая мудрость можетъ служить образцомъ для всѣхъ народовъ, состоялъ изъ людей, занимавшихъ высшія должности. Однако и здѣсь необходимо сдѣлать ограниченіе: не всякое лице, имѣющее высокій санъ, можетъ войти въ составъ верхней палаты. Обыкновенно служащій находится въ зависимости отъ правительства, а верхняя палата должна состоять изъ людей самостоятельныхъ. Поэтому членами ея могутъ быть только тѣ, которые кончили уже свое государственное поприще или занимаютъ независимыя должности, напримѣръ безсмѣнные судьи. Изъ собственно правительственныхъ лицъ, одни только министры должны быть допущены въ верхнюю палату. Имъ приходится вести пренія отъ имени правительства, а потому присутствіе ихъ въ собраніи необходимо.

Можно возразить, что составляя верхнюю палату изъ людей, кончившихъ свое поприще, отживающихъ свой вѣкъ, легко превратить ее въ убѣжище дряхлости и неспособности. Если притомъ назначеніе

зависить отъ правительства, то гдѣ ручательство, что сюда не будутъ вводиться люди, которыхъ желательно сбыть съ рукъ, которыхъ некуда дѣвать? Нѣтъ сомнѣнія, что подобное злоупотребленіе возможно; но оно противорѣчитъ собственнымъ интересамъ правительства, которое должно искать опоры въ верхней палатѣ, а не ронять ея достоинства назначеніемъ неспособныхъ членовъ. Старость же сама по себѣ не составляетъ препятствія, а напротивъ, скорѣе приходится къ характеру умѣряющаго собранія. Наконецъ, государственные сановники, лишь по окончаніи всякой зависимой службы, могутъ дѣлаться членами верхней палаты; а между тѣмъ они составляютъ необходимый ея элементъ: только сочетаніе высшей политической опытности съ наиболѣе зрѣлыми и устойчивыми силами общества можетъ дать аристократической палатѣ тотъ широкій, но вмѣстѣ спокойный и твердый характеръ, который нуженъ для того, чтобы она могла исполнить свое конституціонное назначеніе.

Нельзя не упомянуть здѣсь и о пользѣ пріобщенія къ верхней палатѣ членовъ высшаго духовенства. Въ Англіи въ ней засѣдаютъ епископы, во Франціи кардиналы. Это полезно, не потому что духовенству дается нѣкоторая возможность играть политическую роль, что̀ скорѣе было бы невыгодою, а для связи свѣтскаго законодательства съ церковнымъ. Какъ бы церковь ни старалась держаться въ своей особенной сферѣ, но все же у нея есть множество точекъ соприкосновенія съ гражданскою областью. Вопросы о вѣротерпимости, о бракахъ, о церковныхъ имуществахъ и т. п. должны рѣшаться свѣтскою властью и проходить черезъ свѣтское законодательное собраніе. Въ этихъ случаяхъ, весьма полезны въ немъ присутствіе и голосъ членовъ духовенства. Мнѣніе отдѣльнаго церковнаго собранія, замкнутаго въ самомъ себѣ, далеко не можетъ имѣть того значенія, какъ совокупныя пренія, въ которыхъ выясняются различные взгляды, и гдѣ обѣ стороны, знакомясь другъ съ другомъ, учась другъ друга понимать, легче приходятъ къ взаимнымъ уступкамъ. Такое общеніе можетъ имѣть лишь благотворныя послѣдствія, тѣмъ болѣе, что духовные сановники, по малочисленности, не могутъ пріобрѣсть одностороння го вліянія на свѣтское законодательство.

Таковы элементы, изъ которыхъ можетъ быть составлена верхняя палата въ странѣ, не имѣющей наслѣдственной аристократіи. Самый способъ назначенія можетъ быть двоякій: посредствомъ народнаго

выбора или королевскою властью. Послѣднее должно быть пожизненное, а не временное; иначе члены лишаются своей независимости. Въ видѣ исключенія, нѣкоторымъ сановникамъ дается иногда право засѣдать въ палатѣ въ силу своего сана, напримѣръ во французскомъ сенатѣ маршаламъ, адмираламъ, кардиналамъ. Совершенно оригинальное устройство имѣетъ верхняя палата въ Норвегіи. Она образуется посредствомъ выбора представительнымъ собраніемъ одной четверти членовъ изъ среды себя, такъ что остальныя три четверти составляютъ нижнюю. Но право самой верхней палаты восполнять себя посредствомъ выбора новыхъ членовъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть допущено, ибо черезъ это она превратилась бы въ замкнутую корпорацію.

Изъ двухъ главныхъ способовъ назначенія, выборъ означаетъ преобладаніе демократіи. Отъ избираемыхъ требуется обыкновенно довольно высокій цензъ, напримѣръ, въ Бельгіи 1000 флориновъ прямыхъ податей. Но самое право избранія не дается высшему классу, ибо черезъ это онъ получилъ бы сословное значеніе и имѣлъ бы возможность проводить свои исключительные интересы. Законы благодѣтельные для низшихъ классовъ могли бы встрѣтить здѣсь неодолимую преграду. Этого нельзя опасаться при расширенномъ правѣ выбора, когда одни и тѣ же лица выбираютъ представителей и въ верхнюю и въ нижнюю палату. Но въ послѣднемъ случаѣ будетъ мало различія въ характерѣ обоихъ собраній: господствующая въ народѣ партія выберетъ своихъ кандидатовъ и въ то и въ другое. При такомъ устройствѣ, верхняя палата теряетъ свое независимое положеніе, свой аристократическій характеръ, свой особенный духъ; она перестаетъ быть посредникомъ между королемъ и народнымъ представительствомъ, ибо сама принадлежитъ къ послѣднему, истекая изъ одного источника. Выборнымъ собраніямъ противополагается здѣсь одна королевская власть, безсильная противъ двухъ палатъ, не имѣющая возможности одна воздерживать временныя народныя увлеченія. Подобное устройство скорѣе прилично республикѣ, гдѣ имѣется въ виду лишь устраненіе невыгодъ единаго собранія, нежели конституціонной монархіи, представляющей сочетаніе разнообразныхъ государственныхъ элементовъ.

Поэтому, тамъ, гдѣ монархическая власть сохранила свою историческую силу, предпочтительно назначеніе членовъ верхней палаты

королемъ. Оно необходимо и при наслѣдственной аристократіи, ибо это одно даетъ послѣдней возможность обновляться свѣжими силами; этимъ способомъ устраняется всякая корпоративная замкнутость; наконецъ, только назначеніе новыхъ членовъ можетъ иногда сломить упорное сопротивленіе аристократическаго сословія либеральнымъ мѣрамъ. Въ государствахъ же, которыя не имѣютъ наслѣдственной аристократіи, пожизненное назначеніе членовъ верхней палаты королемъ наиболѣе обезпечиваетъ и самостоятельность собранія, и непрерывность живущаго въ немъ политическаго духа, и зрѣлость сужденій, и наконецъ, возможность для него быть примирителемъ между монархомъ и представительствомъ. Конечно, подобное право усиливаетъ значеніе монархическаго начала и можетъ быть употреблено во зло. Особенно при первоначальномъ образованіи верхней палаты легко составить ее изъ такихъ лицъ, которыя будутъ покорными орудіями власти, а не самостоятельною силою. Примѣръ созданнаго Наполеономъ сената слишкомъ извѣстенъ. Но именно этотъ историческій опытъ показываетъ, какъ мало правительство можетъ надѣяться на подобное собраніе, подобострастное, когда власть сильна, и обращающееся противъ властелина, какъ скоро положеніе его становится шаткимъ. Все здѣсь зависитъ отъ хорошаго выбора, который одинъ можетъ дать собранію надлежащее значеніе. Сильная власть, какую имѣлъ Наполеонъ, никогда не откажется отъ права назначать членовъ, хотя и можетъ имъ злоупотреблять, точно такъ же, какъ съ другой стороны, революціонное собраніе, стремящееся къ возможно большему ограниченію монархическаго начала, едва ли уступитъ королю такое орудіе. Но въ правильной конституціонной жизни, когда обѣ стороны искренно стараются содѣйствовать прочности и успѣху учрежденій, такое устройство представляется наиболѣе желаннымъ.

Переходимъ къ палатѣ представителей; посмотримъ, какъ она составляется.

Нижняя палата представляетъ собою демократическій элементъ въ государствѣ. Изъ этого, казалось бы, можно вывести заключеніе, что она должна имѣть чисто демократическій характеръ и основываться на всеобщемъ правѣ голоса. Такое устройство несомнѣнно имѣетъ свои выгодныя стороны. Каждый гражданинъ, каждый классъ народа, участвуя въ выборѣ представителей, тѣмъ самымъ получаетъ нѣкоторую гарантію своихъ правъ и интересовъ. Политическая жизнь,

проникая во всѣ слои общества, способствуетъ распространенію образованія и вызываетъ развитіе народныхъ силъ. Самый духъ представительнаго собранія можетъ отъ этого выиграть: низшіе классы, особенно земледѣльческіе, нерѣдко обнаруживаютъ болѣе охранительный характеръ, бо́льшую привязанность къ власти и къ существеннымъ интересамъ государства, нежели средніе, которые подъ часъ увлекаются одностороннимъ либерализмомъ. Наконецъ, въ конституціонной монархіи нельзя опасаться преобладанія физическаго большинства, какъ въ демократической республикѣ; ибо народное представительство сдерживается въ должныхъ предѣлахъ и аристократическимъ собраніемъ и королевскою властью.

Однако всѣ эти доводы не имѣютъ достаточной силы. Всеобщее право голоса умѣстно въ республикѣ; оно составляетъ здѣсь необходимое основаніе власти, ибо послѣдняя принадлежитъ совокупности гражданъ, какъ свободныхъ лицъ. Всеобщее право голоса имѣетъ здѣсь свои выгоды и свои недостатки; но во всякомъ случаѣ оно является естественнымъ и послѣдовательнымъ развитіемъ основнаго начала, на которомъ строится государство. Совершенно иное значеніе его въ конституціонной монархіи Задача состоитъ здѣсь не въ проведеніи односторонняго начала до конца, не въ томъ, чтобы представить извѣстный элементъ во всей его чистотѣ, а въ сочетаніи различныхъ элементовъ государства, такъ, чтобы они могли дѣйствовать дружно для достиженія общей цѣли. Чисто демократическое представительство менѣе способно къ исполненію этой задачи, къ гармоническому сочетанію съ другими элементами, нежели собраніе, имѣющее не столь широкое основаніе. Первое исходитъ изъ выбора массы, обладающей меньшимъ образованіемъ и меньшею политическою способностью, нежели зажиточные классы. Хотя расширеніе права содѣйствуетъ политическому развитію народа, однако уровень всегда остается ниже, и самая государственная жизнь отъ этого грубѣетъ. Говоря о свойствахъ демократіи, мы имѣли уже случай сказать, что народной массѣ въ здоровомъ организмѣ нельзя отказать въ чутьѣ великихъ народныхъ интересовъ, въ привязанности къ высшимъ началамъ жизни; но отъ инстинкта до разумнаго сознанія разстояніе большое. Инстинктъ ведетъ къ подчиненію; одно разумное сознаніе можетъ служить пружиною самостоятельной дѣятельности. Притомъ, народные инстинкты пробуждаются изрѣдка, въ трудныя времена, въ

торжественныя минуты; конституціонный же порядокъ, сложный и искусственный, требуетъ постояннаго употребленія самыхъ утонченныхъ политическихъ способностей, благоразумной уступчивости, тонкаго пониманія существующихъ отношеній, стойкости въ защитѣ ограниченныхъ правъ. Все это качества, которыя не составляютъ отличительнаго признака демократіи. Монархическое правительство можетъ иногда найти въ низшихъ слояхъ народа опору, въ которой отказываетъ ему болѣе образованное меньшинство; но это расположеніе массы покоряться единой волѣ скорѣе приходится самодержавію или демократической диктатурѣ, нежели конституціонному правленію. При маломъ развитіи народа, оно можетъ привести къ угнетенію образованія невѣжествомъ и грубою силою. Напротивъ, когда въ низшихъ слояхъ общества пробуждается политическая жизнь, когда въ массѣ повѣетъ демократическимъ духомъ, чисто демократическое представительство легко можетъ изъ орудія превратиться въ властителя. Организованная демократія составляетъ силу, которой трудно противостоять, ибо она представляетъ собою всѣхъ или, по крайней мѣрѣ, огромное большинство народа. Это сознаніе своего могущества дѣлаетъ ее мало способною умѣрять себя, держаться въ извѣстныхъ предѣлахъ, тѣмъ болѣе, что пониманію толпы болѣе доступны яркія черты односторонняго ученія, нежели утонченности сложной организаціи. Исторія не представляетъ примѣровъ чистой демократіи, которая бы умѣла себя обуздывать, удѣляя должное мѣсто другимъ общественнымъ элементамъ. Демократія имѣетъ наклонность къ подчиненію или къ преобладанію, а не къ самостоятельной дѣятельности въ опредѣленной сферѣ. Поэтому, въ чистой своей формѣ, она мало способна къ конституціонной жизни. Конечно, устраненіе низшихъ классовъ отъ политическихъ выборовъ можетъ нанести ущербъ ихъ интересамъ; оно ведетъ иногда къ законодательству, обращенному въ пользу однихъ богатыхъ. Это самый существенный недостатокъ ограниченнаго представительства, особенно если кругъ избирательнаго права слишкомъ тѣсенъ. Въ конституціонномъ правленіи этому злу можетъ противодѣйствовать, съ одной стороны значительное расширеніе выборнаго права, съ другой благоразуміе высшихъ классовъ, наконецъ монархъ, который, стоя на вершинѣ зданія, представляетъ собою интересы всего народа, а не одной какой-либо части. Но если королевская власть, забывая свое всенародное значеніе, вступаетъ въ союзъ

съ высшими классами противъ низшихъ, то конституціонный порядокъ подвергается опасности. Это было главною причиною паденія его во Франціи и водворенія чисто демократическаго представительства.

Съ устраненіемъ всеобщаго права голоса, остается устроить представительство или на основаніи избирательнаго ценза, или на сочетаніи разнообразныхъ общественныхъ интересовъ. Многіе публицисты, въ особенности нѣмецкіе, стоятъ за представительство интересовъ. Отвергая сословное начало, какъ несовременное, выражающее отжившій порядокъ, они не признаютъ однако и новаго представительства по количеству народонаселенія; ибо здѣсь, по ихъ мнѣнію, народъ является атомистически раздробленною массою, а не органическимъ тѣломъ. Они, также какъ защитники сословныхъ собраній, полагаютъ, что представительство должно выражать собою не отвлеченное число, а общество, какъ оно есть, съ его существенными раздѣленіями, въ которыхъ лица группируются около отдѣльныхъ интересовъ. Атомистическій характеръ нынѣшняго представительства, говорятъ они, ведетъ къ тому, что одни общіе политическіе вопросы возбуждаютъ вниманіе палатъ, существенныя же нужды народа, не имѣя голоса, остаются безъ защиты и въ пренебреженіи. Иногда въ собраніи нѣтъ даже человѣка, который бы по извѣстной отрасли законодательства знакомъ былъ съ настоящимъ дѣломъ.

На это можно отвѣчать, во первыхъ, что самый характеръ современной промышленности ведетъ, какъ мы видѣли выше, къ уничтоженію корпоративныхъ союзовъ и къ атомистическому раздробленію промышленнаго міра, гдѣ основнымъ началомъ является личный интересъ. Во вторыхъ, представительное собраніе, какъ политическое тѣло, какъ участникъ верховной власти, должно выражать собою интересы не гражданскіе, а политическіе, что̀ и достигается современнымъ представительствомъ, въ которомъ происходитъ борьба различныхъ политическихъ направленій, раздѣляющихъ общество. Законодательство, конечно, имѣетъ дѣло и съ гражданскою областью, но едва ли найдется существенный интересъ, который бы не имѣлъ преобладающаго вліянія въ томъ или другомъ мѣстѣ, а потому не получилъ бы голоса въ парламентѣ. Земледѣліе, промышленность, торговля обыкновенно не остаются безъ защиты въ представительныхъ собраніяхъ. Самое раздѣленіе избирательныхъ округовъ на городскіе и сельскіе даетъ уже возможность проявиться различнымъ, господ-

ствующимъ въ нихъ интересамъ. Если же и случается вопросъ, по которому нѣтъ въ собраніи спеціалиста, если есть интересъ, который не имѣетъ представителя въ палатѣ, то это можетъ быть только такой, который, по своей дробности или ничтожному политическому вліянію, не можетъ имѣть претензіи на отдѣльное представительство. Этому неудобству можно помочь основательнымъ изученіемъ вопросовъ парламентскими коммиссіями, призывающими къ себѣ экспертовъ, а не уничтоженіемъ политическаго характера собранія, и не превращеніемъ его въ пеструю смѣсь разнородныхъ и разнорѣчащихъ интересовъ, изъ которыхъ слишкомъ трудно составить политическое большинство. Представительство интересовъ можетъ быть приложимо къ мѣстнымъ собраніямъ, имѣющимъ болѣе административный, нежели политическій характеръ, а не къ составу верховной власти. Гражданскій интересъ тогда только имѣетъ право на политическое представительство, когда онъ самъ по себѣ имѣетъ политическое значеніе; но искусственно придавать ему такое значеніе, вводить его въ непринадлежащую ему область, можетъ повести только къ собственному его ущербу. Вмѣсто пріобрѣтенія высшей гарантіи, гражданскіе интересы и на собственномъ своемъ поприщѣ будутъ заслоняться политикою. Мѣстные выборы будутъ происходить въ виду торжества той или другой партіи; управленіе корпоративными дѣлами сдѣлается орудіемъ политическихъ цѣлей, а это, безъ сомнѣнія, должно невыгодно отразиться на тѣхъ интересахъ, которые въ мѣстной администраціи должны занимать первенствующее мѣсто.

Тѣ же возраженія приложимы отчасти и къ представительству собственности, понятіе, которое нерѣдко встрѣчается въ конституціонномъ правѣ, хотя съ весьма неточнымъ значеніемъ. Прежде всего, представительство относится къ людямъ, а не къ вещамъ. На представителя переносятся права избирающихъ лицъ, а собственность правъ не имѣетъ и не можетъ ихъ передать. Какъ существенный интересъ владѣльцевъ, требующій защиты и покровительства, собственность имѣетъ характеръ гражданскій. Политическое представительство можетъ служить ей гарантіею; но это относится ко всѣмъ вообще гражданскимъ правамъ. Личная свобода и личный трудъ точно также требуютъ огражденія. Еслибы собственность была источникомъ политическихъ правъ, то слѣдовало бы дать голосъ женщинамъ и дѣтямъ, которыя такіе же собственники, какъ и взрослые мущи-

ны, и которыхъ интересы равно требуютъ защиты. Это начало принимается иногда въ сословномъ или мѣстномъ представительствѣ, но никогда въ политическомъ.

Ближе къ государственнымъ началамъ подходитъ тотъ доводъ, что собственники платятъ подати, а потому имѣютъ право изъявлять на нихъ согласіе посредствомъ своихъ представителей. Въ Англіи это начало признавалось издавна; на него опирались Сѣверо-Американцы и ихъ защитники, когда они объявляли незаконнымъ обложеніе колоній податьми безъ ихъ собственнаго согласія. «Нѣтъ былинки, растущей въ самомъ темномъ углу королевства, говорилъ между прочимъ знаменитый юристъ, лордъ Камденъ, которая бы искони не имѣла представителя, съ тѣхъ поръ какъ существуетъ конституція; нѣтъ былинки, которая бы когда-либо была обложена податьми безъ согласія владѣльца». Отсюда выводили то правило, что представительство должно совпадать съ налогами. Однако это начало, истекавшее изъ средневѣковаго порядка, въ которомъ уплата податей считалась дѣломъ добровольнаго согласія, а не обязанностью гражданъ, никогда не прилагалось вполнѣ на практикѣ. Въ дѣйствительности, такого совпаденія никогда не было. Принявши это правило, слѣдовало бы придти прямо къ всеобщей подачѣ голосовъ, ибо косвенныя подати уплачиваются всѣми, а нѣтъ причины принимать за основаніе одни прямые налоги. Слѣдовало бы распространить избирательное право даже на женщинъ и дѣтей, которыя платятъ подати такъ же, какъ другіе. Вообще, на этомъ основаніи, исправленіе всякой государственной повинности, напримѣръ рекрутства, должно бы сообщать политическія права тому, кто ее несетъ. Но такое соотвѣтствіе политическихъ правъ и обязанностей не можетъ быть принято за общее правило; ибо способность исполнять извѣстную обязанность далеко не совпадаетъ съ способностью распоряжаться исполненіемъ. Не всякій солдатъ можетъ быть генераломъ. Платить подати на государственныя потребности обязанъ каждый гражданинъ, но не всякій способенъ распоряжаться ихъ расходомъ, ибо на это требуются высшіе взгляды и соображенія. Налоги падаютъ на собственность, которую могутъ имѣть женщины, дѣти, идіоты, всегда исключаемые изъ политическаго представительства. Свободныя учрежденія даютъ народу право контролировать государственные расходы, но это право вручается не всѣмъ платящимъ, а только способнымъ.

Съ этой точки зрѣнія, собственность получаетъ политическое значеніе; она, какъ мы видѣли, служитъ однимъ изъ существенныхъ признаковъ политической способности. Это прилагается особенно къ конституціонной монархіи, которая имѣетъ въ этомъ отношеніи значительное преимущество передъ республикою. Въ послѣдней свобода составляетъ главный элементъ государства, а потому верховная власть находится въ рукахъ самой многочисленной, но наименѣе способной части народа. Конституціонная монархія, напротивъ, имѣя въ виду гармоническое сочетаніе различныхъ началъ во имя высшихъ цѣлей, призываетъ къ участію въ управленіи только тѣ классы, которые въ состояніи понимать государственныя потребности и дѣйствовать въ согласіи съ другими элементами общества. Таковы преимущественно болѣе или менѣе зажиточные классы, которыхъ интересы, по крайней мѣрѣ въ нормальномъ положеніи дѣлъ, не становятся въ разрѣзъ съ законными требованіями монархіи и аристократіи. Поэтому здѣсь имущественное мѣрило наиболѣе умѣстно.

Если собственность въ конституціонной монархіи служитъ обыкновеннымъ признакомъ политической способности, то нѣтъ основанія дѣлать различіе между собственностью движимою и недвижимою. Послѣдняя, по своей устойчивости, имѣетъ болѣе охранительный характеръ, тогда какъ первая скорѣе возбуждаетъ духъ предпріимчивости и наклонность къ перемѣнамъ. Но оба эти элемента въ государствѣ необходимы, и чѣмъ большее значеніе имѣетъ движимая собственность, тѣмъ менѣе можно исключать ее изъ политическаго представительства, которое должно выражать собою общество, какъ оно есть, со всѣмъ разнообразіемъ существенныхъ его элементовъ. Въ выборномъ собраніи можно даже скорѣе желать преобладанія движимой собственности, ибо недвижимая, съ аристократическимъ своимъ характеромъ, находитъ себѣ главное мѣсто въ верхней палатѣ. Впрочемъ, это зависитъ отъ большаго или меньшаго развитія той или другой въ данномъ государствѣ. Поземельная собственность естественно преобладаетъ въ селахъ, движимая въ городахъ; поэтому сельскіе избирательные округи даютъ перевѣсъ первой, городскіе послѣдней. Распредѣленіе же представительства между тѣми и другими, по строго юридическому началу, должно сообразоваться съ количествомъ народонаселенія. Это слѣдуетъ изъ того, что представляются люди, а не вещи, и что собственность служитъ только признакомъ политической

способности. Въ расчетъ должно приниматься все народонаселеніе, а не только имѣющіе право голоса; ибо выборный представляетъ всѣхъ, а не однихъ избирателей. Впрочемъ, къ чисто теоретическому началу могутъ примѣшиваться и практическія соображенія, истекающія изъ историческаго развитія представительства въ извѣстномъ государствѣ, изъ значенія въ немъ того или другаго элемента, изъ потребности уравновѣсить вліяніе верхней палаты и т. п.

Извѣстная мѣра собственности, какъ условіе политической правоспособности, есть избирательный цензъ. Онъ опредѣляется количествомъ платимыхъ податей, или количествомъ имущества и доходовъ, иногда и другими признаками. Онъ можетъ быть одинъ для всѣхъ, или разный для отдѣльныхъ разрядовъ избирателей. Первый способъ господствуетъ на европейскомъ материкѣ, второй имѣетъ мѣсто въ Англіи, гдѣ положенъ различный цензъ для городскихъ избирателей и для сельскихъ, а между послѣдними различный для полныхъ собственниковъ, для неполныхъ и для фермеровъ. Первая система истекаетъ изъ общихъ требованій политической справедливости: условія способности должны быть одинаковы для всѣхъ. Въ обществѣ, гдѣ установилось гражданское равенство, это устройство болѣе всего умѣстно. Вторая система имѣетъ историческое основаніе. Разнообразіе ценза въ Англіи произошло отъ постепеннаго пріобщенія различныхъ классовъ къ политическимъ правамъ, при чемъ имѣлось въ виду сохранить въ графствахъ преобладаніе крупной поземельной собственности. Отсюда весьма пестрое и во многихъ отношеніяхъ совершенно нераціональное распредѣленіе политическихъ правъ, неприложимое къ другимъ государствамъ. Но этотъ чисто практическій ходъ имѣетъ свои, весьма значительныя выгоды. При составленіи избирательныхъ законовъ невозможно руководствоваться одними теоретическими соображеніями; необходимо знать, каково именно количество и качество новыхъ избирателей, на которыхъ распространяются политическія права. Это требуетъ точнаго расчета и положительныхъ свѣдѣній. Опасно дѣлать это на обумъ, вызывая къ политической дѣятельности классы, которыхъ духъ и направленіе неизвѣстны. Легкомысленно составленный избирательный законъ можетъ произвести политическій хаосъ. Поэтому постепенное расширеніе правъ, по мѣрѣ развитія политической жизни и образованія, представляется всегда желаннымъ.

Въ этомъ отношеніи важно опредѣленіе высоты избирательнаго цен-

за, отъ которой зависитъ болѣе или менѣе демократическій характеръ представительства. Извѣстно, какую роль игралъ этотъ вопросъ въ конституціонной исторіи Англіи и Франціи. Требованіе парламентской реформы привело къ паденію Людовика Филиппа. Въ настоящее время, борьба за пониженіе ценза съ новою силою поднимается въ Англіи. Если вопросъ рѣшается способностью классовъ, которые ищутъ политическаго права, то понятно, что здѣсь могутъ происходить самые ожесточенные споры. Какъ доказать политическую способность извѣстнаго разряда людей? Она опредѣляется часто неуловимыми данными, различными не только въ каждомъ обществѣ, но и въ каждую пору. Однако, не смотря на эти затрудненія, есть, кажется, возможность постановить общее правило, вытекающее, какъ изъ требованій здравой политики, такъ и изъ самаго значенія народнаго представительства. Въ послѣднемъ должна выражаться политическая жизнь общества, какъ оно есть. Поэтому не слѣдуетъ исключать изъ него тѣ классы, которые принимаютъ дѣятельное участіе въ политической жизни. Съ одной стороны, живость интереса служитъ уже нѣкоторымъ признакомъ политической способности; съ другой стороны, опасно давать развиваться политической дѣятельности, которая не находитъ себѣ поприща и средоточія въ представительномъ собраніи. Исключенные изъ представительства обращаются противъ него. Въ государствѣ является новый элементъ, враждебный существующему порядку, элементъ, котораго сила неизвѣстна, и который живетъ особнякомъ, не сливаясь съ другими, не входя въ составъ общаго организма. Одно только участіе въ представительствѣ можетъ дать правильный ходъ политическимъ стремленіямъ этихъ классовъ, и сдѣлать ихъ безопасными для государства, посредствомъ общенія съ другими. Можно возразить, что если пробуждается политическая жизнь въ рабочемъ населеніи, то остается прибѣгнуть къ всеобщему праву голоса. Но руководителями рабочихъ классовъ обыкновенно являются люди нѣсколько высшихъ слоевъ; пріобщеніе ихъ къ политической жизни, пониженіемъ ценза, удовлетворяя разумнымъ требованіямъ демократіи, и дѣлая политическое право болѣе доступнымъ для массы, можетъ служить противодѣйствіемъ опасному волненію. Если же въ рабочемъ народонаселеніи является неодолимое стремленіе къ политической дѣятельности, то подобное состояніе общества едва ли совмѣстно съ конституціонною монархіею; оно скорѣе ведетъ къ республикѣ.

Есть однако средство пріобщить низшіе классы къ политической жизни, не давая имъ преобладанія въ народномъ представительствѣ, и не вводя всеобщаго, безразличнаго права голоса. Это установленіе различныхъ степеней выборнаго права. Мы уже говорили о подобномъ устройствѣ въ республикахъ. Въ конституціонной монархіи сочетаніе всеобщей подачи голосовъ съ преимуществами высшихъ качествъ никогда не было испробовано на дѣлѣ и едва ли окажется полезнымъ. Собраніе, составленное такимъ образомъ, будетъ основано на двухъ, совершенно противоположныхъ началахъ: на чисто демократическомъ правѣ, которое ведетъ къ полновластію народа, и на началѣ способности, которое верховную власть изъемлетъ изъ массы. Но послѣднее, въ конституціонной монархіи, должно составлять непремѣнное условіе выборнаго права; оно одно даетъ возможность согласить разнообразныя стихіи въ общемъ устройствѣ. Установленіе всеобщаго права голоса, хотя и смягченнаго другими элементами, вводитъ республиканскій принципъ въ конституціонную монархію. Такое полное развитіе демократическихъ началъ едва ли совмѣстно съ ея существомъ, хотя, разумѣется, абсолютно этого сказать нельзя. При благопріятныхъ условіяхъ, особенно тамъ, гдѣ существуетъ противовѣсіе въ сильной аристократіи, всеобщее право голоса, въ смягченномъ видѣ, можетъ, пожалуй, сочетаться съ началами представительной монархіи. Но это всегда опасный опытъ.

Скорѣе приложимо здѣсь установленіе ценза по степенямъ. Оно не представляетъ уже соединенія всеобщаго права голоса съ другими началами. Вездѣ за основаніе принимается собственность, какъ признакъ политической способности; но въ послѣдней предполагаются степени, соотвѣтствующія количеству имущества, а потому высшей способности предоставляется болѣе правъ. Такимъ образомъ, въ Пруссіи избиратели раздѣляются на три части, по количеству платимыхъ ими податей. Первую треть составляютъ высшіе плательщики, уплачивающіе треть всѣхъ прямыхъ налоговъ, сбираемыхъ съ округа; вторую треть составляютъ средніе, уплачивающіе другую треть податной суммы; наконецъ, послѣдній разрядъ образуютъ низшіе плательщики, съ которыхъ взимается остальная треть. Очевидно, что послѣдніе числительностью значительно превосходятъ остальныхъ; а между тѣмъ всѣ три разряда выбираютъ одинакое количество выборщиковъ, которые, въ свою очередь, всѣ вмѣстѣ выбираютъ представи-

телей. Этимъ сочетаніемъ устраняется преобладаніе низшаго и самаго многочисленнаго класса плательщиковъ; высшіе слои общества пріобрѣтаютъ наиболѣе вліянія на выборы.

Въ Пруссіи результатъ не оправдалъ надеждъ, возложенныхъ правительствомъ на эту комбинацію. Полагали, что перевѣсъ зажиточныхъ классовъ устранитъ преобладающій въ представительствѣ духъ оппозиціи; на дѣлѣ вышло иначе. Зажиточные классы вообще также стойки въ преслѣдованіи своихъ правъ, какъ и менѣе имущіе. Отъ нихъ можно ожидать даже бо́льшихъ притязаній, ибо, по самому своему положенію, они естественно стремятся къ пріобрѣтенію политическаго вліянія. Сословія богатыя и привилегированныя могутъ оказать поддержку правительству, охраняющему ихъ преимущества; ибо здѣсь установляется связь интересовъ. Но само по себѣ, значительное богатство возбуждаетъ только желаніе играть видную роль. Оно даетъ и независимое, болѣе или менѣе аристократическое положеніе, вслѣдствіе чего высшіе классы доставляютъ элементы для верхней палаты. Но вообще нельзя сказать, что политическая способность увеличивается соразмѣрно съ состояніемъ. Для пріобрѣтенія требуемыхъ качествъ нужно нѣкоторое матеріяльное обезпеченіе; но значительное богатство не только не составляетъ необходимаго ихъ условія, а напротивъ, слишкомъ часто понижаетъ ихъ уровень, уменьшая побужденіе къ личному труду. Поэтому лѣствица, установляемая цензомъ по степенямъ, совершенно произвольна. Она можетъ имѣть значеніе въ мѣстныхъ выборахъ, гдѣ въ основаніе полагается не политическая способность, а представительство интересовъ: чѣмъ больше интереса въ общихъ расходахъ, тѣмъ болѣе участія въ представительствѣ. Поэтому, въ нѣкоторыхъ мѣстныхъ выборахъ Англіи, избиратели получаютъ отъ одного голоса до шести, по размѣру платимыхъ податей. Въ древнихъ республикахъ, цензъ по степенямъ имѣлъ и политическое значеніе: онъ служилъ переходомъ отъ аристократіи къ демократіи, средствомъ соединенія преобладающаго, зажиточнаго сословія съ болѣе бѣдною массою народа. Но въ новыхъ конституціонныхъ государствахъ, гдѣ общественный бытъ основывается болѣе или менѣе на началѣ гражданскаго равенства, гдѣ политическія права сообщаются всѣмъ способнымъ, избирательная лѣствица должна быть отнесена къ разряду неудачныхъ мѣръ. Она не соотвѣтствуетъ и свойству нижней палаты, въ которой, при всѣхъ ограниче-

ніяхъ права, преобладаетъ демократическій характеръ, слѣдовательно начало равенства, тогда какъ аристократическіе элементы, представляющіе высшую способность, сосредоточиваются въ верхней.

Въ прусскомъ избирательномъ устройствѣ, лѣстница ценза соединяется съ выборомъ въ двухъ степеняхъ: первоначальные избиратели избираютъ выборщиковъ, которые, въ свою очередь, избираютъ представителей. Выборъ въ двухъ степеняхъ можетъ существовать и независимо отъ различія ценза. Онъ имѣетъ также въ виду ослабленіе демократическаго начала и увеличеніе условій способности. Предполагается, что масса избирателей не въ состояніи судить о политическихъ вопросахъ, но можетъ успѣшно выбирать лица, пользующіяся общимъ довѣріемъ, которымъ уже предоставляется обсужденіе качествъ и мнѣній представителей, такъ что выборъ послѣднихъ сосредоточивается въ болѣе высокомъ разрядѣ людей. Однако эту систему нельзя признать полезною. Если масса избирателей политически неспособна, то ей не слѣдуетъ предоставлять политическихъ правъ. Если же способность за нею признается, то выборъ въ двухъ степеняхъ становится лишнею операціею, которая только затрудняетъ дѣло При борьбѣ партій, каждая заранѣе выставляетъ своихъ кандидатовъ на представительство, и первоначальные избиратели подаютъ голоса уже въ виду этихъ лицъ, въ пользу выборщиковъ, которые поддерживаютъ тѣхъ или другихъ. Дѣятельность партій начинается на первой степени выборовъ, а вторая является безполезною инстанціею. Духъ партій черезъ это не уменьшается, да и не зачѣмъ его уменьшать, ибо на немъ основанъ весь механизмъ представительныхъ учрежденій. Необходимо, напротивъ, чтобы партіи могли дѣйствовать свободно, и чтобы онѣ выражались въ представительствѣ именно такъ, какъ онѣ существуютъ въ народѣ. Выборъ въ двухъ степеняхъ можетъ имѣть смыслъ, когда дѣло идетъ о назначеніи способныхъ людей; но когда задача состоитъ не столько въ выборѣ людей, сколько въ выборѣ мнѣній, когда избраніе имѣетъ характеръ не личный, а политическій, тогда подобное устройство теряетъ всякое значеніе. Оно можетъ даже исказить самое представительство, созданіемъ искусственнаго большинства. При раздѣленіи избирательнаго округа на части для избранія выборщиковъ, можетъ случиться, что меньшинство цѣлаго округа будетъ составлять большинство въ большей части подраздѣленій; напримѣръ, изъ 10000 первоначальныхъ избирателей, 4000, принадле-

жащіе къ одной партіи, будутъ имѣть незначительное большинство въ трехъ подраздѣленіяхъ, а остальные 6000, принадлежащіе къ другой, огромное большинство въ двухъ, при равномъ количествѣ выборщиковъ, избираемыхъ каждымъ участкомъ. Въ такомъ случаѣ, на окончательныхъ выборахъ, меньшинство получитъ перевѣсъ, большинство же останется вовсе безъ представителей.

Доселѣ мы разсматривали цензъ, какъ условіе выборнаго права; но онъ можетъ быть установленъ и для избираемыхъ. Вообще, отъ представителей требуются высшія способности и бóльшая независимость положенія, нежели отъ избирателей; поэтому установленіе для нихъ ценза кажется еще необходимѣе. Однако онъ не имѣетъ здѣсь того значенія, какъ въ выборномъ правѣ. Довѣріе избирателей служитъ уже ручательствомъ способности выборнаго лица; избранъ можетъ быть только человѣкъ, имѣющій вѣсъ и вліяніе въ обществѣ. Кромѣ того, цензъ избираемости совершенно лишній тамъ, гдѣ представители не получаютъ содержанія. Сопряженныя съ этимъ довольно значительныя издержки дѣлаютъ представительство доступнымъ только людямъ, имѣющимъ достаточное состояніе. Черезъ это представительство получаетъ болѣе или менѣе аристократическій характеръ. Однако этого нельзя считать несомнѣннымъ достоинствомъ. Отъ представителей болѣе, нежели отъ массы избирателей, требуются личныя качества, которыя далеко не всегда опредѣляются состояніемъ, а напротивъ, болѣе всего пріобрѣтаются трудомъ. При безвозмездномъ отправленіи должности, многіе, самые полезные люди не въ состояніи оторваться отъ своихъ частныхъ дѣлъ, чтобы посвятить себя общественнымъ, или же они должны прибѣгать къ другимъ, не всегда благовиднымъ способамъ поддержать себя на политическомъ поприщѣ. Это ставитъ ихъ въ болѣе зависимое положеніе, нежели постоянное жалованье. Извѣстны долги, въ которые впадали нѣкоторые изъ самыхъ блистательныхъ парламентскихъ дѣятелей, не имѣвшихъ ни возможности, ни досуга заняться своими дѣлами. Достаточно указать на Мирабо и на Питта. Чѣмъ беднѣе страна и деньгами и людьми, тѣмъ менѣе умѣстно въ ней безвозмездное представительство, ибо здѣсь необходимо вытягивать способныхъ людей изъ всѣхъ состояній.

Это послѣднее обстоятельство нельзя не принять въ соображеніе и при разрѣшеніи другаго вопроса касательно избираемыхъ лицъ, именно, допущенія въ палату чиновниковъ, получающихъ жалованье

отъ правительства. Если члены палаты должны находиться въ совершенно независимомъ положенiи, то чиновниковъ слѣдуетъ изъ нея исключить. Это не встрѣчаетъ затрудненiя въ странѣ, какъ Англiя, гдѣ обыкновенная государственная служба не привлекаетъ къ себѣ значительныхъ способностей, а мѣстныя должности большею частью исправляются безвозмездно. Но тамъ, гдѣ правительственная служба является приманкою для многочисленнаго класса работающихъ и дѣльныхъ людей, исключенiе чиновниковъ изъ палаты можетъ значительно понизить въ ней уровень способностей и опыта. Въ представительномъ собранiи часто не окажется ни одного спецiалиста по разнымъ отраслямъ законодательства и управленiя. Допущенiе чиновниковъ можетъ быть оправдано здѣсь самымъ довѣрiемъ избирателей, которое служитъ ручательствомъ за ихъ мнѣнiя. Еще болѣе оно умѣстно тамъ, гдѣ чиновничество пользуется значительною независимостью положенiя, какъ въ Германiи. Но вопросъ всегда останется затруднительнымъ въ странѣ, гдѣ образованныхъ силъ мало, гдѣ онѣ влекутся къ государственной службѣ, а между тѣмъ чиновничество вполнѣ зависитъ отъ правительства.

Таковъ составъ обѣихъ палатъ въ конституцiонномъ государствѣ; теперь взглянемъ на ихъ права.

Со временъ Локка и Монтескьё установилось мнѣнiе, что конституцiонное устройство представляетъ раздѣленiе верховной власти на законодательную, исполнительную и судебную. Первая предоставляется палатамъ, вторая королю, третья независимымъ судьямъ. Въ новое время пришли къ убѣжденiю, что такого точнаго разграниченiя нѣтъ и быть не можетъ. Единство управленiя требуетъ, чтобы каждый органъ верховной власти имѣлъ влiянiе и на дѣйствiя другаго. Одинъ изъ нихъ непремѣнно получаетъ преобладанiе и становится движущею пружиною управленiя, сдерживаясь только другими. Поэтому многiе публицисты совершенно отвергаютъ раздѣленiе властей, другiе же надъ отдѣльными отраслями воздвигаютъ монархическую власть, какъ личный центръ, соединяющiй въ себѣ разрозненныя вѣтви.

Нѣтъ сомнѣнiя, что полнаго раздѣленiя властей провести невозможно. Судъ, по своему существу, какъ безпристрастный рѣшитель споровъ, а отчасти и по своему подчиненному значенiю въ государствѣ, можетъ и долженъ получить независимое устройство, хотя и здѣсь назначенiе судей обыкновенно предоставляется королевской

власти. Но законодательство и управленіе не могутъ быть совершенно независимы одно отъ другаго, ибо они должны дѣйствовать и двигаться согласно. Если установленіе законовъ и ихъ исполненіе будутъ предоставлены двумъ органамъ, не имѣющимъ никакого вліянія другъ на друга, то управленіе не пойдетъ. Несомнѣнно также, что въ конституціонной монархіи король служитъ общимъ средоточіемъ верховной власти, участвуя во всѣхъ ея отрасляхъ. Тѣмъ не менѣе начало раздѣленія властей имѣетъ основаніе. Народному представительству никогда не предоставляется непосредственное участіе въ судѣ и управленіи, между тѣмъ какъ законодательство составляетъ прямое его дѣло. Король же всегда является главою правительства: онъ назначаетъ министровъ; ему же принадлежитъ и верховное рѣшеніе правительственныхъ вопросовъ. Причина такого раздѣленія лежитъ въ самомъ свойствѣ различныхъ отраслей власти: законодательство требуетъ тщательнаго и зрѣлаго сужденія, управленіе — единства дѣйствія. Поэтому первое возлагается на собраніе, второе сосредоточивается въ одномъ лицѣ. Кромѣ того, закономъ опредѣляются права гражданъ; слѣдовательно, здѣсь прежде всего требуется участіе народнаго представительства, призваннаго къ защитѣ этихъ правъ. Коммиссія, составленная изъ спеціалистовъ, можетъ выработать лучшій проектъ, нежели представительное собраніе, но она не имѣетъ голоса относительно правъ и обязанностей гражданъ. Какъ скоро начало свободы вводится въ государственное устройство, какъ скоро оно дѣлается элементомъ верховной власти, такъ согласіе самихъ гражданъ становится необходимымъ для опредѣленія ихъ правъ и обязанностей.

Однако и правительственная власть не можетъ быть исключена изъ участія въ законодательствѣ. Потребность новаго закона скорѣе всего чувствуется при управленіи дѣлами; правительство имѣетъ средства собрать данныя, которыя служатъ основаніемъ закона; наконецъ, оно лучше можетъ приготовить дѣльный проектъ, вручивъ составленіе его спеціальнымъ учрежденіямъ. Поэтому ему принадлежитъ законодательная иниціатива, то есть право представлять законы на обсужденіе палатъ. Королю принадлежитъ и утвержденіе всякаго закона. Какъ носитель верховной власти, какъ глава государства и блюститель постоянныхъ интересовъ народа, онъ не можетъ быть принужденъ къ исполненію закона, на который онъ не согласенъ.

Это поставило бы его въ подчиненное положеніе, несовмѣстное съ его достоинствомъ и съ его значеніемъ въ государствѣ. Поэтому ему должно принадлежать право безусловнаго отказа въ законодательныхъ вопросахъ. Нѣкоторыя конституціи, напримѣръ французская 1791 года, и настоящая норвежская, допускаютъ лишь такъ называемое отлагательное вето, то есть право короля отказывать въ утвержденіи закона только на первый или также на второй разъ; если же палаты настаиваютъ на своемъ рѣшеніи, то законъ получаетъ силу, не смотря на несогласіе короля. Но такое установленіе болѣе свойственно республикѣ, нежели монархіи.

Въ Англіи, правительственная власть лишена и законодательной иниціативы, за исключеніемъ финансовыхъ мѣръ. Но здѣсь также цѣль достигается инымъ путемъ: министры представляютъ проекты законовъ или сами, въ качествѣ членовъ палатъ, или черезъ своихъ приверженцевъ. Наоборотъ, нѣкоторыя конституціи, напримѣръ французская 1815-го года, а также и настоящая, не допускаютъ законодательной иниціативы палатъ, предоставляя ее одному правительству. Это стѣсненіе противорѣчитъ конституціоннымъ началамъ, лишая палаты права, естественно принадлежащаго законодательной власти. Однако и оно менѣе существенно, нежели кажется съ перваго взгляда. Отдѣльный членъ рѣдко въ состояніи составить хорошій проектъ. Еще менѣе можетъ онъ провести законъ безъ согласія правительства, которое даже въ случаѣ одобренія проекта палатами, всегда можетъ отказать ему въ санкціи. Желанія же представительства могутъ быть выражены другими путями, при обсужденіи законовъ, посредствомъ адресовъ и прошеній. Слѣдовательно, во всякомъ случаѣ, удобнѣе дѣйствовать черезъ правительство. Поэтому, даже тамъ, гдѣ членамъ палатъ предоставляется законодательная иниціатива, они пользуются ею довольно рѣдко, хотя есть примѣры дѣльныхъ законовъ, исшедшихъ изъ этого источника.

Гораздо важнѣе право палатъ дѣлать измѣненія въ предлагаемыхъ имъ проектахъ. Французская хартія 1814-го года постановляла, что измѣненіе въ законѣ можетъ быть сдѣлано только съ согласія короля. Въ настоящее время, мѣсто короля заступаетъ государственный совѣтъ, которому принадлежатъ составленіе законовъ и защита ихъ передъ народными представителями. Измѣненія допускаются, но только по соглашенію коммиссій законодательнаго сословія съ государ-

ственнымъ совѣтомъ. Если послѣдній не одобряетъ предлагаемаго исправленія, то собранію остается принять или отвергнуть проектъ цѣликомъ. Въ пользу этого ограниченія можно выставить весьма существенные доводы. Какъ мы имѣли уже случай сказать, право измѣнять проекты законовъ нерѣдко ведетъ къ ихъ искаженію. Общій складъ закона и соотвѣтствіе частей гораздо вѣрнѣе соображаются государственнымъ совѣтомъ, составленнымъ изъ спеціалистовъ, нежели выборнымъ собраніемъ. Поэтому, даже такой либеральный писатель, какъ Милль, стоитъ за ограниченіе правъ представительства изъявленіемъ согласія или несогласія. Можно полагать однако, что онъ увлекся здѣсь примѣромъ дѣйствительно безобразнаго способа составленія англійскихъ законовъ. Такое стѣсненіе даетъ представительному собранію совершенно второстепенную роль въ законодательствѣ и нерѣдко ставитъ его въ самое затруднительное положеніе: оно должно или отвергнуть полезный законъ, или согласиться на условія, которыхъ вовсе не желаетъ. Если народное представительство является однимъ изъ органовъ верховной законодательной власти, если ему главнымъ образомъ присвоивается обсужденіе законовъ, то право исправленія проектовъ не можетъ быть у него отнято; оно лежитъ въ существѣ законодательной власти. Правительство черезъ это не обязывается принимать искаженные проекты, ибо оно всегда можетъ взять свое предложеніе назадъ; но оно скорѣе склоняется къ уступкамъ. Это право палатъ можетъ имѣть свои невыгоды, но съ ними надобно помириться. Начало свободы и вытекающія изъ него учрежденія имѣютъ свои хорошія и дурныя стороны, но ихъ надобно брать цѣликомъ; иначе исчезаютъ сила и значеніе учрежденій.

Законодательная власть палатъ можетъ распространяться на постановленія всякаго рода или ограничиваться предѣлами законовъ въ тѣсномъ смыслѣ. Въ Англіи, черезъ парламентъ идутъ даже такъ называемые частные билли (private bills), то есть рѣшенія, касающіяся частныхъ или корпоративныхъ интересовъ, напримѣръ проведеніе и устройство желѣзныхъ дорогъ, различнаго рода постройки, учрежденіе и перенесеніе кладбищъ и т. п. Это правительственныя дѣйствія, отчасти съ судебнымъ характеромъ, которыхъ предоставленіе законодательному собранію объясняется только исторически установившимся могуществомъ парламента и чрезмѣрнымъ стѣсненіемъ правительственной власти въ Англіи. Оно ведетъ къ обремененію

парламента огромнымъ количествомъ дѣлъ, къ которымъ онъ совершенно неспособенъ. Поэтому, въ новѣйшее время, многія изъ нихъ возлагаются на особо учреждаемыя правительственныя коммиссіи, которыя дѣйствуютъ на основаніи общихъ парламентскихъ постановленій. Но и въ предѣлахъ общаго законодательства, вѣдомство парламента должно ограничиваться собственно такъ называемыми законами. Въ большей части конституціонныхъ государствъ принято весьма полезное на практикѣ раздѣленіе законодательства на законы въ собственномъ смыслѣ и на постановленія и указы (règlements, décrets, Verordnungen). Одни исходятъ отъ законодательной власти, другіе отъ правительственной, призванной прикладывать къ дѣлу установленныя первою нормы. Законъ излагаетъ только общія правила и существенныя черты учрежденій; развитіе же подробностей въ административномъ порядкѣ предоставляется правительственной власти. Послѣдняя черезъ это получаетъ болѣе простора въ собственно ей принадлежащей области. Вмѣстѣ съ тѣмъ, здѣсь открывается возможность спеціальнаго законодательства по отдѣльнымъ частямъ, которое гораздо полезнѣе возложить на административное собраніе, каково, напримѣръ, во Франціи государственный совѣтъ, нежели на представительство, составленное большею частью изъ людей безъ спеціальнаго приготовленія, и обыкновенно обращающее мало вниманія на частные и мелочные вопросы. Нельзя признать умѣстнымъ предоставленіе парламенту, напримѣръ, установленія таксъ на извощиковъ, какъ это дѣлается въ Англіи. Однако это раздѣленіе законодательства не должно доходить до полнаго его раздвоенія. Здѣсь всегда должно соблюдаться правило, что законъ выше всякихъ правительственныхъ указовъ и постановленій. Послѣднія подчиняются первому; они составляютъ только дополненіе и развитіе закона, а не самостоятельную область, какъ это признается въ Германіи. Отрицать у палатъ право издавать законы по той или другой части управленія, значитъ разсѣкать самое законодательство на двѣ половины. Законодательная власть, по существу своему, едина; въ конституціонной монархіи она принадлежитъ королю и двумъ палатамъ. Только развитіе подробностей, по опредѣленію самаго закона и въ предѣлахъ, имъ указанныхъ, можетъ быть предоставлено правительственной власти.

Изъ этого слѣдуетъ, что постановленія не должны противорѣчить законамъ. Это — неоспоримое правило, которое однако на дѣлѣ но-

даетъ поводъ къ затрудненіямъ. Можетъ возникнуть сомнѣніе на счетъ сообразности указа съ закономъ; кто въ этомъ случаѣ рѣшитъ споръ, и какъ остановить исполненіе? Обсужденіе этого вопроса прежде всего принадлежитъ, безъ сомнѣнія, палатамъ; однако онѣ сами не могутъ его рѣшить, ибо ихъ постановленія не имѣютъ законной силы безъ согласія короля. Законодательное толкованіе принадлежитъ совокупности всѣхъ властей, какъ и самое изданіе законовъ. Слѣдовательно, палатамъ остается приносить жалобу, а въ случаѣ отказа, подвергнуть виновныхъ обвиненію и суду. Здѣсь вопросъ сводится къ отвѣтственности министровъ. Затѣмъ, задержкою служитъ судебная власть, которая не должна прилагать беззаконныхъ постановленій. Это начало признается во всѣхъ государствахъ, гдѣ утвердился истинно конституціонный порядокъ. Въ Бельгіи оно введено, какъ правило, въ самую конституцію. Вопросъ здѣсь не политическій, а юридическій, а потому онъ подлежитъ разсмотрѣнію судьи, который долженъ быть стражемъ закона, но не обязанъ повиноваться правительственной власти. Поэтому, въ конституціонномъ порядкѣ, весьма важно устройство независимаго суда, внушающаго къ себѣ довѣріе и уваженіе. Не смотря на свою второстепенную роль, онъ часто служитъ самою сильною преградою произволу. Тамъ, гдѣ не существуетъ суда, на который граждане могутъ положиться, конституціонная свобода всегда остается шаткою.

Во Франціи, въ настоящее время, существуетъ особеннаго рода установленіе противъ беззаконныхъ актовъ правительственной власти. Сенату предоставлено право уничтожать всякія дѣйствія, противныя конституціи. Это объясняется тѣмъ, что сенатъ не играетъ здѣсь роли верхней палаты: онъ не участвуетъ въ законодательствѣ, наравнѣ съ представительнымъ собраніемъ, а имѣетъ только право отвергать законы, которые противорѣчатъ конституціи, религіи, нравственности, семейнымъ началамъ, праву собственности и т. п. Онъ же верховный толкователь и хранитель конституціи. Это положеніе дано ему, съ одной стороны, вслѣдствіе того, что стѣсненныя права законодательнаго сословія и участіе государственнаго совѣта въ составленіи и обсужденіи законовъ дѣлаютъ излишнею новую инстанцію; съ другой стороны, вслѣдствіе того, что во Франціи не существуетъ отвѣтственности министровъ передъ палатами, а потому необходимо было предоставить кому-нибудь право уничтожать противозаконныя поста-

новленія. При независимомъ составѣ сената, подобное право могло бы служить важною гарантіею для гражданъ. Но французскій сенатъ, ни при Наполеонѣ I, когда онъ былъ облеченъ тѣми же правами, ни въ настоящее время, не показалъ самостоятельнаго духа, а потому предоставленная ему власть является болѣе призракомъ, нежели дѣйствительною силою.

Кромѣ раздѣленія законодательства на собственно законы и постановленія, существуетъ еще различіе между основными законами и обыкновенными. Оно имѣетъ вліяніе и на права законодательныхъ палатъ. Такъ напримѣръ въ Бельгіи, для измѣненія конституціи, требуются особыя собранія, которыя рѣшаютъ вопросъ двумя третями голосовъ. Здѣсь считаютъ нужнымъ затруднить слишкомъ поспѣшныя перемѣны и допросить на этотъ счетъ мнѣніе народа. Тамъ, гдѣ конституція вышла изъ переходнаго состоянія и пришла къ опредѣленной системѣ, нельзя не считать подобнаго постановленія полезнымъ. Однако оно признается не вездѣ. Въ Англіи вовсе не существуетъ даже различія между основными законами и обыкновенными; ибо здѣсь конституція, возникшая историческимъ путемъ, не сведена въ цѣльное уложеніе, а состоитъ изъ отдѣльныхъ законовъ, большею частью даже изъ неписанныхъ обычаевъ. Но и въ Пруссіи, гдѣ существуетъ полная писанная конституція, измѣненіе ея можетъ совершаться обыкновеннымъ законодательнымъ порядкомъ.

Къ законодательнымъ правамъ палатъ принадлежитъ установленіе ежегодной государственной росписи доходовъ и расходовъ. Бюджетъ есть настоящій законъ, ибо имъ опредѣляются, съ одной стороны, податныя обязанности гражданъ, съ другой стороны, право правительственной власти расходовать государственныя средства на предметы управленія. Но это законъ измѣняющійся, сообразно съ нуждами государства; поэтому онъ издается ежегодно. Тоже самое относится и къ набору войска. И здѣсь на гражданъ налагаются весьма тяжелыя обязанности, а потому необходимо законодательное постановленіе. Но такъ какъ въ этомъ случаѣ требованія менѣе измѣнчивы, то законъ можетъ имѣть болѣе постоянства.

Согласіе на уплату податей составляетъ самое существенное, самое коренное конституціонное право гражданъ. Гдѣ оно не признается, тамъ конституціонный порядокъ ничто иное, какъ призракъ. Правительство, не связанное въ своихъ расходахъ, можетъ себѣ все позво

лить. Съ другой стороны, понятно, какую огромную силу пріобрѣтаютъ палаты, вооруженныя этимъ правомъ. Правительство, лишенное средствъ, не въ состояніи двигаться; отказъ въ податяхъ можетъ остановить управленіе. Это орудіе, которымъ легко злоупотреблять; оно можетъ служить средствомъ принудить противника къ уступкамъ и такимъ образомъ забрать всю власть въ свои руки. Между тѣмъ остановки податей нельзя допустить, ибо государственное управленіе, отъ котораго зависитъ благосостояніе всего народа, должно идти, не смотря на борьбу партій и на возбужденіе страстей. Удовлетвореніе государственныхъ нуждъ не должно становиться орудіемъ распрей. Какъ же согласить столь противоположныя требованія?

Иногда, съ цѣлью предупредить злоупотребленія и дать болѣе независимости правительственной власти, финансовыя права палатъ подвергаются ограниченіямъ. Такъ, въ прусской конституціи постановлено, что существующія подати продолжаютъ взиматься въ прежнемъ размѣрѣ, пока не будутъ отмѣнены новымъ закономъ. Или, что въ сущности тоже, палатамъ предоставляется право согласія только на новые налоги, старые же сбираются на основаніи постояннаго закона. Но эти ограниченія, устраняя злоупотребленія, уничтожаютъ и самую сущность права. Отказъ въ податяхъ есть революціонная мѣра, которая можетъ быть принята собраніемъ въ смутное время, въ разгарѣ борьбы. При такихъ обстоятельствахъ, остается только употребленіе чрезвычайныхъ средствъ. Но въ виду такого рѣдкаго и исключительнаго случая, невозможно установлять порядокъ, который дѣлаетъ самое представительство лишнимъ. Власть, имѣющая право взимать подати безъ согласія парламента, можетъ безъ него обойтись. Она можетъ или вовсе не собирать палатъ, если законъ ее къ тому не обязываетъ, какъ дѣлалъ Карлъ I-й англійскій съ 1629-го года до 1640-го, или же для вида созывать ихъ ежегодно, посвящать нѣсколько мѣсяцевъ взаимной ссорѣ и затѣмъ опять распускать ихъ, какъ долго дѣлало настоящее прусское правительство. Первый способъ дѣйствія гораздо откровеннѣе, а потому лучше, нежели конституціонная комедія втораго рода Только чрезвычайныя обстоятельства и значительныя затрудненія, требующія новыхъ налоговъ или займовъ, могутъ, при такомъ порядкѣ вещей, заставить правительство серьозно смотрѣть на представительныя учрежденія. Но трудныя обстоятельства требуютъ дружнаго дѣйствія всѣхъ органовъ власти, а

здѣсь именно до нихъ отлагается рѣшеніе внутреннихъ распрей. Парламентъ поставленъ въ такое положеніе, что вмѣсто усерднаго содѣйствія пользамъ отечества, онъ долженъ въ общественномъ бѣдствіи искать повода къ упроченію своихъ конституціонныхъ правъ. Въ обыкновенное же время, самое полезное возвышеніе податей почти немыслимо, ибо это новое орудіе въ рукахъ правительства и новое уменьшеніе правъ народа. Недовѣріе къ представительству и отрицаніе самыхъ существенныхъ его правъ естественно вызываютъ въ немъ недовѣріе къ правительственной власти. Обѣ стороны становятся врагами, вмѣсто того, чтобы дружно дѣйствовать для общей цѣли.

Правильное конституціонное устройство непремѣнно влечетъ за собою право согласія на ежегодно взимаемыя подати. При этомъ только условіи, представительныя учрежденія перестаютъ быть случайнымъ явленіемъ, а становятся необходимымъ органомъ верховной власти, постояннымъ участникомъ государственной жизни. Съ этимъ правомъ сопряжено и опредѣленіе ежегодныхъ расходовъ. Подати сбираются на извѣстныя нужды государства; слѣдовательно, народные представители должны знать, на какіе именно предметы онѣ употребляются. На этомъ основаніи установляется ежегодная смѣта, отъ которой правительство не имѣетъ права отклониться. Изъятія допускаются только въ подробностяхъ. Невозможно заранѣе опредѣлить въ точности всѣ статьи расхода; въ видахъ общей пользы и экономіи, правительству долженъ быть предоставленъ нѣкоторый просторъ въ переводѣ суммъ изъ одной статьи въ другую. Поэтому бюджетъ установляется палатами не по статьямъ, а по параграфамъ или по отдѣламъ. Въ этихъ границахъ, правительству дается право переводить суммы изъ одного разряда въ другой. Чѣмъ шире это право, тѣмъ, разумѣется, легче употреблять подати на иныя цѣли, нежели тѣ, которыя имѣлись въ виду народнымъ представительствомъ. Благоразумная середина легко можетъ сочетать дѣйствительность финансоваго контроля палатъ съ потребностями управленія.

Кромѣ того, нерѣдко встрѣчаются поводы къ непредвидѣннымъ или чрезвычайнымъ расходамъ. Народное представительство не всегда въ сборѣ, а государственныя нужды не терпятъ отлагательства. Поэтому правительству обыкновенно предоставляется, подъ собственною отвѣтственностью, дѣлать чрезвычайныя издержки, которыя въ послѣдствіи должны быть представлены на одобреніе палатъ. Однако

настоящее французское правительство отказалось отъ этого права, вслѣдствіе жалобъ, возбужденныхъ злоупотребленіями, къ которымъ подавала поводъ эта льгота. Непредвидѣнные расходы оно покрываетъ временно переводами суммъ; новые же кредиты открываются не иначе, какъ съ согласія законодательнаго сословія.

Съ утвержденіемъ ежегодной смѣты связано и разсмотрѣніе ежегодныхъ отчетовъ. Представители должны убѣдиться, что расходы дѣйствительно были произведены сообразно съ смѣтою. Въ этихъ дѣйствіяхъ заключается контроль народнаго представительства надъ государственными финансами, контроль, составляющій самую существенную часть конституціонныхъ правъ народа. Главное мѣсто принадлежитъ здѣсь нижней палатѣ, которая непосредственно представляетъ плательщиковъ и защищаетъ ихъ права. Верхней палатѣ, по самому ея значенію, принадлежитъ только верховный надзоръ за правильностью финансовой системы, а потому ей обыкновенно предоставляется только общее утвержденіе смѣты, а не разборъ ея по статьямъ.

Финансовыя права народнаго представительства естественно даютъ ему весьма значительное вліяніе на управленіе. Король сосредоточиваетъ въ себѣ всю полноту правительственной власти: онъ имѣетъ право войны и мира, заключаетъ договоры, распоряжается войскомъ и флотомъ, назначаетъ министровъ, издаетъ указы по администраціи; но для всякаго дѣла требуются деньги, для войска необходимы и люди, а деньгами и людьми располагаетъ народное представительство. Поэтому оно каждый разъ призывается къ разсмотрѣнію дѣйствительности нуждъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и къ обсужденію дѣйствій правительства. Король можетъ объявить войну безъ согласія палатъ, но немедленно надобно испрашивать у нихъ разрѣшенія на заемъ и наборъ, и тогда онѣ судятъ, съ достаточнымъ ли основаніемъ предпринята война. Конечно, это сужденіе можетъ придти слишкомъ поздно: какъ скоро война объявлена, народная честь не допускаетъ безславнаго ея окончанія, а потому представительство, одушевленное любовью къ отечеству, никогда не откажетъ въ нужныхъ для этого средствахъ. Однако его мнѣніе можетъ безспорно имѣть вліяніе на ходъ дѣла. Относительно же мирныхъ договоровъ, нѣкоторыя конституціи весьма основательно требуютъ согласія народнаго представительства всякій разъ, какъ отчуждается часть территоріи, или на государство падаетъ

финансовая тяжесть. Здѣсь дѣло идетъ о коренныхъ правахъ гражданъ, которыхъ правительство не можетъ коснуться безъ согласія представительства. Но и въ обыкновенное время, при разсмотрѣніи бюджета, естественно возникаетъ вопросъ: нужно ли содержать данное количество войска или нѣтъ? а это приводитъ къ обсужденію всей внѣшней политики государства. Еще чаще затрогиваются внутренніе вопросы, какъ при обсужденіи новыхъ законовъ, такъ и при установленіи финансовыхъ смѣтъ. Слѣдовательно, всѣ дѣйствія и мѣры правительства подвергаются критикѣ представительнаго собранія, которое, располагая средствами, пріобрѣтаетъ черезъ это вліяніе и на дѣла.

Это косвенное участіе народнаго представительства въ государственномъ управленіи естественно вытекаетъ изъ самаго единства государственной жизни, изъ тѣсной связи, существующей между отдѣльными отраслями верховной власти. Тамъ, гдѣ различные органы призываются къ общей дѣятельности, необходимо, чтобъ они двигались согласно, въ одномъ направленіи; иначе будетъ разладъ по всѣмъ частямъ. Невозможно строго держаться въ предѣлахъ, очерченныхъ закономъ, не вѣдая того, что̀ происходитъ внѣ этого круга, ибо одно имѣетъ вліяніе на другое. Невозможно обсуждать законы и распоряжаться податьми, не зная какъ исполняются первые и какъ расходуются послѣднія. Поэтому всякое конституціонное устройство, которое не остается призракомъ, непремѣнно даетъ палатамъ нѣкотораго рода контроль надъ управленіемъ.

Прежде всего, онѣ получаютъ право освѣдомляться о ходѣ и положеніи дѣлъ. Это совершается посредствомъ запросовъ министерству; иногда требуются и документы. Правительство не обязано непремѣнно отвѣчать и представлять всякаго рода свѣдѣнія; текущія дѣла, особенно иностранныя, часто нуждаются въ тайнѣ. Но, какъ общее правило, палата должна знать все, что̀ происходитъ въ странѣ. Если настоящая французская конституція исключаетъ министровъ изъ законодательнаго сословія и устраняетъ право запроса, то это объясняется лишь тѣми значительными стѣсненіями, которыми обставлено народное представительство во Франціи; они свидѣтельствуютъ о томъ ненормальномъ порядкѣ вещей, изъ котораго вытекло современное устройство имперіи. Право запроса имѣетъ свои невыгоды: нерѣдко теряется драгоцѣнное время по пустякамъ, и вмѣсто серьознаго об-

сужденія дѣлъ, возбуждается только безплодная борьба партій. Но это недостатки, присущіе представительному порядку; ихъ нельзя устранить, не подрывая самаго начала, изъ котораго они вытекаютъ.

Затѣмъ представительное собраніе имѣетъ право выражать свое мнѣніе о ходѣ дѣлъ и о нуждахъ страны. Оно представляетъ королю адресы или прошенія, а иногда просто постановляетъ резолюціи. Въ этомъ состоитъ одна изъ существенныхъ цѣлей народнаго представительства: оно призвано раскрывать общественныя потребности, выражать мысли и желанія народа. Однако французская конституція 1852-го года отняла у него и это право. Первоначально, мнѣнія депутатовъ могли высказываться только по поводу обсуждаемыхъ законовъ или бюджета. Декретомъ 24-го ноября 1860-го года права палаты были нѣсколько расширены: въ началѣ засѣданій, въ отвѣтъ на тронную рѣчь, представляется императору общій адресъ, въ которомъ собраніе можетъ высказаться по всѣмъ вопросамъ. Адресъ служитъ правительству мѣриломъ общественнаго мнѣнія. Но если мысли и желанія народнаго представительства принимаются въ соображеніе, то нѣтъ причины отказывать имъ въ возможности выражаться постоянно, по поводу текущихъ дѣлъ, а не только однажды въ году, при общемъ обзорѣ политики. Если представительное собраніе служитъ постояннымъ органомъ власти, то и законная его дѣятельность должна проявляться всякій разъ, какъ того потребуютъ обстоятельства.

Народное представительство имѣетъ и другое призваніе—защиту народныхъ правъ. Участвуя въ законодательной власти, оно должно наблюдать за тѣмъ, чтобы законы не были нарушаемы. Поэтому ему принадлежитъ право жалобы на злоупотребленія администраціи, что̀ также даетъ ему контроль надъ управленіемъ. Палаты обыкновенно разсматриваютъ и прошенія частныхъ лицъ, которыя обращаются къ нимъ, когда не находятъ удовлетворенія у обыкновенныхъ властей. Если собраніе считаетъ эти просьбы заслуживающими вниманія, оно съ собственнымъ мнѣніемъ передаетъ ихъ министрамъ. Во Франціи, это право предоставлено исключительно сенату, куда поступаютъ всѣ частныя просьбы. Но это опять ограниченіе представительныхъ началъ, которое, устраняя злоупотребленія, подрываетъ самую ихъ сущность. Право принимать частныя жалобы, и вслѣдствіе того критиковать всѣ дѣйствія управленія, несомнѣнно можетъ подавать поводъ къ значительнымъ злоупотребленіямъ. Здѣсь открывается широкое

поприще для оппозиціи. Палата, не имѣющая достаточно умѣренности, не обладающая политическимъ тактомъ, можетъ устремить на это главное свое вниманіе, разразиться безконечною критикою, вмѣшиваясь во всѣ дѣла, поставляя правительству самыя мелочныя затрудненія. Но опять, все это недостатки, присущіе представительному устройству; ихъ нельзя устранить, не уничтоживъ самаго права, составляющаго необходимую принадлежность всякаго представительства, которое не имѣетъ чисто совѣщательнаго характера, а является дѣйствительнымъ заступникомъ правъ и интересовъ народа.

Нѣкоторыя конституціи, напримѣръ англійская, бельгійская, даже прусская, даютъ представительству право не только приносить жалобы королю, но и дѣлать слѣдствія по всякаго рода вопросамъ. Этимъ еще болѣе возвышается значеніе палатъ. Однако оно не составляетъ необходимой принадлежности конституціонныхъ учрежденій. Слѣдствія по законодательнымъ вопросамъ приносятъ несомнѣнную пользу, ибо собраніе, призванное къ обсужденію законовъ, должно выяснить себѣ настоящее положеніе дѣлъ. Но слѣдствія о злоупотребленіяхъ, или вообще по предметамъ управленія, принадлежатъ собственно правительственной власти, или судебной, когда дѣло доходитъ до послѣдней. Здѣсь косвенное вліяніе палатъ на управленіе переходитъ въ прямое вмѣшательство, а это едва ли совмѣстно съ правильнымъ раздѣленіемъ властей.

Однако право жалобы палатъ недостаточно для пресѣченія беззаконій, ибо здѣсь дѣло окончательно предоставляется усмотрѣнію правительства. Для охраненія правъ, которыхъ защита составляетъ самую существенную задачу представительныхъ собраній, необходимо болѣе дѣйствительное средство: виновные должны быть подвергаемы суду. Это ведетъ къ началу отвѣтственности министровъ передъ палатами. Король въ конституціонной монархіи не подлежитъ отвѣтственности за свои дѣйствія. Онъ носитель верховной власти, а потому не имѣетъ надъ собою высшаго суда и никому не обязанъ отчетомъ. Но такъ какъ отвѣтственныя лица необходимы, то установляется правило, что всякое предписаніе короля должно быть скрѣплено министромъ, который черезъ это принимаетъ дѣйствіе на себя и можетъ за него подлежать отвѣтственности. Вездѣ, гдѣ утвердился истинно конституціонный порядокъ, это начало признается непремѣннымъ его условіемъ. Даже въ прусской конституціи постановлено, что министры под-

вергаются отвѣтственности за нарушеніе законовъ, за подкупъ и измѣну; но такъ какъ конституція обѣщаетъ изданіе закона, опредѣляющаго способъ и порядокъ отвѣтственности, а законъ этотъ доселѣ не изданъ, то и это начало, какъ многія другія, остается пока мертвою буквою. Въ австрійской конституціи оно вовсе не признается, такъ же какъ и въ современной французской, въ которой именно сказано, что министры отвѣтствуютъ только передъ императоромъ, но за то императоръ, наперекоръ всѣмъ другимъ конституціямъ, признается отвѣтственнымъ передъ народомъ. Однако народному представительству не дается право обвиненія; потому и здѣсь это начало остается призракомъ. Мы уже видѣли, что оно несовмѣстно съ существомъ монархіи, даже ограниченной, ибо монархъ не имѣетъ надъ собою высшаго судьи. Но какъ скоро король не подвергается отвѣтственности за свои дѣйствія, то министры непремѣнно должны ей подлежать. Иначе нѣтъ никакой гарантіи, что законы не будутъ постоянно нарушаться. Можно дать народному представительству самыя обширныя законодательныя права; но если исполнители законовъ могутъ нарушать ихъ безнаказанно, то всѣ политическія права обращаются въ пустой звукъ. Поэтому истинно конституціонное устройство должно признать начало отвѣтственности министровъ. Обвиненіе естественно принадлежитъ народному представительству, которое, какъ главный блюститель народныхъ правъ, должно ограждать ихъ отъ нарушенія. Но самый судъ не можетъ ему принадлежать, ибо оно сдѣлалось бы судьею въ собственномъ дѣлѣ и сосредоточило бы всю власть въ своихъ рукахъ. Поэтому судъ предоставляется или высшему судилищу, или верхней палатѣ, смотря по тому имѣетъ ли отвѣтственность министровъ характеръ чисто юридическій, или также политическій.

Министры могутъ подвергаться отвѣтственности либо только за нарушеніе законовъ и вообще за политическія преступленія, либо также за противное государственнымъ интересамъ управленіе дѣлами. Послѣднее очевидно выходитъ изъ предѣловъ чисто законодательнаго вѣдомства; это вмѣшательство въ правительственную власть. Представительное собраніе, имѣющее право подвергать министровъ суду за политическое направленіе, за неумѣстные совѣты королю, само становится верховнымъ правителемъ, въ ущербъ королевской власти. Таковы права англійскаго парламента: здѣсь не только нижняя палата можетъ предать министра суду по всякому поводу, но парламентъ

можетъ и безъ суда, простымъ постановленіемъ (bill of attainder), объявить министра виновнымъ и подвергнуть его наказанію, не иначе однако какъ съ утвержденія короля. Но такое право политическаго обвиненія ничто иное, какъ орудіе борьбы, которое въ лицѣ совѣтниковъ посягаетъ на самого монарха. Англійскій парламентъ прибѣгалъ къ этому средству противъ Карла I-го. Въ новое время, при установленіи правильнаго конституціоннаго порядка, оно покоится въ числѣ обветшалыхъ преимуществъ. Въ сущности, отвѣтственность министровъ за нарушеніе законовъ вполнѣ ограждаетъ права народнаго представительства, разумѣется, если это начало не остается мертвою буквою, и судилище, призванное къ рѣшенію дѣла, обладаетъ достаточною самостоятельностью. При хорошемъ составѣ верхней палаты, когда въ ней господствуетъ независимый духъ, когда она пользуется общимъ довѣріемъ, лучше всего предоставить ей судъ надъ министрами. Политическія преступленія, особенно совершаемыя лицами, облеченными властью, не могутъ обсуждаться съ чисто юридической точки зрѣнія, а потому политическое собраніе, умѣренное и независимое, наиболѣе отвѣчаетъ требованіямъ и правды и государства. Это предупреждаетъ и вмѣшательство судебной власти въ политическія дѣла. На послѣднюю не возлагается непринадлежащая ей роль верховнаго блюстителя основныхъ законовъ и рѣшителя конституціонныхъ споровъ. Впрочемъ, въ новое время и эта юридическая отвѣтственность министровъ передъ палатами составляетъ весьма рѣдкое явленіе. Вліяніе народнаго представительства на управленіе достигается инымъ путемъ. Кромѣ юридической отвѣтственности существуетъ еще отвѣтственность нравственная, которая не пишется въ законахъ, но установляется на дѣлѣ вездѣ, гдѣ конституціонный порядокъ успѣлъ пріобрѣсти нѣкоторую прочность и силу.

Мы видѣли, что тѣсная связь законодательства съ управленіемъ имѣетъ послѣдствіемъ вліяніе одного на другое. Различные органы верховной власти должны дѣйствовать согласно; иначе на вершинѣ общественнаго зданія водворяется пагубный для государства раздоръ. Согласіе это установляется, когда правительство находитъ постоянную поддержку въ большинствѣ представительной палаты. Въ этомъ заключается вся сущность конституціоннаго порядка: раздѣленіе властей, составляющее главный и неизбѣжный его недостатокъ, становится безвреднымъ, когда есть возможность образовать постоянное

правительственное большинство. Разумѣется, это не должно совершаться въ ущербъ независимости народнаго представительства, превращеніемъ его въ покорное орудіе власти; ибо въ такомъ случаѣ самое представительство становится лишнимъ. Это не значитъ также, что правительство и палаты должны постоянно соглашаться по всѣмъ вопросамъ; самостоятельность мнѣній этого не допускаетъ. Но правительство должно пользоваться довѣріемъ палатъ; оно должно идти съ ними по одному направленію, имѣть въ виду однѣ цѣли, и какъ скоро эта связь рушилась, ее непремѣнно слѣдуетъ возстановить, тѣмъ или другимъ путемъ.

Главный вопросъ заключается здѣсь въ духѣ и направленіи нижней палаты; верхняя, по своему высокому и нейтральному положенію, имѣетъ значеніе болѣе умѣряющее, нежели дѣятельное. Политическое ея разногласіе съ правительствомъ безвредно, пока послѣднее опирается на общественное мнѣніе страны, выражающееся въ представительномъ собраніи. Конечно, и верхняя палата, особенно при господствѣ сословнаго духа, или когда дѣло касается ея привилегій, можетъ иногда останавливать самыя полезныя преобразованія, противиться, какъ желаніямъ народа, такъ и видамъ монарха. Но противъ неизцѣлимаго ея упорства существуетъ крайнее средство; законъ даетъ королю оружіе, которымъ онъ можемъ воспользоваться въ случаѣ нужды: именно, назначеніе такого количества новыхъ членовъ, которое измѣнитъ господствующее большинство. Поэтому право назначенія должно быть всегда неограниченное. Это единственное лѣкарство противъ исключительнаго духа аристократическаго собранія.

Но что̀ дѣлать, когда большинство нижней палаты относится враждебно къ правительственной власти? Король и здѣсь имѣетъ въ рукахъ орудіе, которое часто оказываетъ нужную помощь: онъ можетъ распустить палату и посредствомъ новыхъ выборовъ допросить мнѣніе страны Правительство, въ этомъ случаѣ, имѣетъ право дѣйствовать на выборы всѣмъ своимъ вліяніемъ; пріобрѣтеніе большинства для него жизненный вопросъ, и оно не можетъ относиться къ нему нейтрально. Безъ сомнѣнія, оно не имѣетъ права употреблять средства беззаконныя или стѣснять свободу противниковъ. Выборы должны быть вполнѣ свободны; иначе представительное начало превращается въ недостойную комедію. Но нельзя воспретить правительству, наравнѣ съ противниками, употреблять всѣ усилія, положить на вѣсы все

принадлежащее ему вліяніе, чтобы получить перевѣсъ. Скажутъ, что шансы здѣсь неравны, что правительство располагаетъ бо́льшими средствами, нежели оппозиція; утверждаютъ иногда, что вліяніе на выборы должно быть частное, а потому дѣятельная роль принадлежитъ правительственной партіи, а не самой общественной власти, которая не должна становиться орудіемъ борьбы. Но борьба идетъ именно за направленіе власти; какимъ же образомъ господствующее направленіе можетъ оставаться здѣсь равнодушнымъ зрителемъ? Правительство несомнѣнно располагаетъ бо́льшими средствами, нежели оппозиція; это преимущество на его сторонѣ, но преимущество полезное, ибо оно даетъ болѣе прочности власти и порядку. Какъ представительница государства, власть должна имѣть преимущество. Это не уничтожаетъ возможности побѣды противниковъ. Опытъ показываетъ, какъ часто выборы ускользаютъ изъ рукъ правительства; не смотря на всѣ его старанія, постоянно возвращается враждебное ему большинство. Когда общественная мысль возбуждена и непремѣнно требуетъ перемѣны политики, никакія усилія правительства не въ состояніи измѣнить результата выборовъ. И въ этомъ случаѣ, торжество оппозиціи имѣетъ гораздо болѣе значенія, нежели еслибы правительство оставалось безучастнымъ. Оно служитъ признакомъ гораздо большей силы общественнаго мнѣнія.

Что̀ же остается дѣлать правительству, которое, не смотря на всѣ принимаемыя мѣры, постоянно имѣетъ противъ себя большинство представительнаго собранія? Очевидно, оно должно уступить. Этого требуютъ и благоразуміе и правильное пониманіе конституціонныхъ началъ. Власть, ограниченная народнымъ представительствомъ, не можетъ имѣть притязанія управлять государствомъ по своей волѣ. Призывая общество къ участію въ дѣлахъ, она тѣмъ самымъ отказывается отъ права вести ихъ единственно по собственнымъ соображеніямъ. Политическіе виды правительства могутъ быть и лучше и полезнѣе для государства, нежели мнѣніе собранія, но оно не имѣетъ права проводить ихъ одностороннимъ образомъ; оно должно сообразоваться съ желаніемъ земли, и если, не смотря на всѣ усилія, страна упорно отказывается поддерживать извѣстную политику, то направленіе должно быть измѣнено. Иначе власть, которая стоитъ во главѣ всѣхъ, которая преимущественно должна заботиться о гармоническомъ дѣйствіи всѣхъ частей государства, сама становится

виновницею разлада. Конечно, здѣсь предполагается, что большинство собранія дѣйствительно выражаетъ мнѣніе общества; если же это большинство искусственное, то остается измѣнить избирательное устройство. Даже самовольная перемѣна, нарушеніе законнаго порядка выгоднѣе, нежели постоянный раздоръ въ средѣ самой верховной власти. Но если правительство не рѣшается на такую крайнюю мѣру и не надѣется пріобрѣсти большинство новымъ воззваніемъ къ народу на измѣненныхъ основаніяхъ, то оно тѣмъ самымъ признаетъ существующее большинство законнымъ представителемъ земли, и тогда уступка необходима.

Предметомъ спора можетъ быть отдѣльная мѣра, но обыкновенно съ этимъ связывается цѣлое политическое направленіе, ибо государственные вопросы близко соприкасаются другъ съ другомъ, и по всѣмъ проходитъ то или другое воззрѣніе. Вездѣ, гдѣ политическая жизнь пріобрѣла нѣкоторое развитіе, слагаются партіи, съ систематическими убѣжденіями. Каждое министерство выставляетъ свою программу, и если оно по существенному вопросу имѣетъ противъ себя большинство, то оно не можетъ расчитывать на поддержку его и въ другихъ. Тогда ему остается или измѣнить свою систему и дѣйствовать въ противорѣчіи съ своими убѣжденіями, или выдти въ отставку и уступить мѣсто противникамъ. Послѣднее одно отвѣчаетъ требованіямъ и нравственности и политики. Если правительство рѣшилось измѣнить свое направленіе, сообразно съ желаніями господствующаго въ палатѣ большинства, то простой здравый смыслъ предписываетъ взять для этого способнѣйшихъ людей изъ самаго этого большинства, то есть обыкновенно его предводителей. Могутъ встрѣтиться весьма высокія политическія способности внѣ парламента, и нѣтъ причины не пріобщить ихъ къ министерству, но большею частью палаты сосредоточиваютъ въ себѣ лучшія политическія силы страны, и изъ нихъ способнѣйшіе становятся вождями партій. Еслибы правительство захотѣло, уступая большинству собранія, не подчиняться ему однако вполнѣ, и съ этою цѣлью образовать министерство изъ людей, къ нему не принадлежащихъ, оно по необходимости должно было бы прибѣгнуть къ посредственнымъ личностямъ, которыя не въ состояніи поддержать силу и значеніе власти. Къ этому присоединяются и другія соображенія: предводители большинства пользуются довѣріемъ собранія; посторонніе люди не могутъ на это расчитывать, слѣдовательно, согласіе

непрочно. Самое устраненіе значительнѣйшихъ представителей господствующей партіи ведетъ къ раздорамъ. Человѣкъ, одаренный государственными способностями, имѣетъ законное честолюбіе; онъ хочетъ провести свои убѣжденія, а потому стремится къ власти. Онъ не можетъ быть доволенъ тѣмъ, что мѣсто, на которое назначаетъ его общій голосъ, занято другимъ; онъ будетъ стараться при каждомъ случаѣ доказать несостоятельность соперника. Это порождаетъ оппозицію, основанную уже не на противоположности политическихъ началъ, а на личныхъ отношеніяхъ, оппозицію самую вредную для государства. Можно ее осуждать, но не слѣдуетъ ставить людей въ положеніе, которое естественно ее вызываетъ, уничтожая вмѣстѣ съ тѣмъ благія послѣдствія сдѣланной уступки. Наконецъ, передача власти вождямъ оппозиціоннаго большинства имѣетъ еще одну весьма важную политическую выгоду: она знакомитъ оппозицію съ потребностями правительства и дѣлаетъ ее защитницею власти. Люди, постоянно стоящіе въ оппозиціи, занятые единственно критикою, видятъ власть преимущественно съ отрицательной стороны, и сами пріучаются поддерживать чисто отрицательныя начала. Они могутъ поколебать правительство, но не въ состояніи ни дать ему опору, ни упрочить его силу. Политическій духъ можетъ развиться въ нихъ единственно тогда, когда они сами становятся носителями власти и видятъ на дѣлѣ, что съ одною критикою, съ однимъ отрицаніемъ править невозможно.

Таковы весьма существенныя выгоды такъ называемаго парламентскаго правленія, въ которомъ министерская власть, по назначенію короля, постоянно передается въ руки людей, располагающихъ большинствомъ въ представительныхъ палатахъ. Противъ этого возражаютъ, что при такой системѣ, правленіе превращается въ безплодную борьбу партій за власть; каждый хочетъ только вытолкнуть другаго, а объ истинныхъ интересахъ народа никто не заботится. Но политическая борьба составляетъ самую сущность политической свободы. Во всякомъ конституціонномъ государствѣ возникаютъ различныя направленія; изъ нихъ образуются партіи, и каждая старается доставить торжество своимъ убѣжденіямъ. Борьба за власть не существуетъ только тамъ, гдѣ нѣтъ политической жизни, или гдѣ правительство имѣетъ на своей сторонѣ такое значительное большинство въ палатахъ, что оппозиція не имѣетъ никакихъ шансовъ на успѣхъ. Таково, напримѣръ, настоящее положеніе дѣлъ во Франціи. Но въ по-

слѣднемъ случаѣ исполнено главное условіе конституціоннаго порядка — согласіе правительства съ большинствомъ. Затрудненіе возникаетъ только тамъ, гдѣ согласія нѣтъ, и если оно не можетъ установиться взаимными уступками, то единственнымъ исходомъ представляется парламентское правленіе.

Утверждаютъ также, что передача власти въ руки большинства несовмѣстна съ монархическимъ началомъ, которое чрезъ это лишается самостоятельнаго значенія. Главное средоточіе государственной жизни переносится въ представительную палату. Она даетъ направленіе дѣламъ; монархъ же остается бездѣятельнымъ носителемъ власти, во имя котораго все происходитъ, который все утверждаетъ, но въ сущности ни во что не вмѣшивается. Министры могутъ слѣдовать политикѣ совершенно несогласной съ его убѣжденіями; но онъ обязанъ держать ихъ, пока они располагаютъ большинствомъ; собственнаго же мнѣнія онъ не можетъ провести. Однимъ словомъ, монархическая власть остается формою, лишенною содержанія. Это и выражается извѣстнымъ изреченіемъ: король царствуетъ, но не управляетъ (le roi règne et ne gouverne pas).

Такое, нерѣдко встрѣчаемое, изображеніе конституціоннаго монарха въ сильной степени преувеличено. Нѣтъ сомнѣнія, что права и дѣятельность короля значительно ограничиваются парламентскимъ правленіемъ. Но къ этому ведетъ самое существованіе представительныхъ учрежденій, которыя требуютъ содѣйствія различныхъ, независимыхъ другъ отъ друга органовъ. Ничто не препятствуетъ конституціонному монарху проводить въ управленіи свои взгляды и убѣжденія, пока онъ находитъ поддержку въ странѣ. Но политика, встрѣчающая постоянный отпоръ въ представительствѣ, приноситъ вредъ государству, тѣмъ, что производитъ разладъ. Потребность дружной дѣятельности различныхъ органовъ верховной власти побуждаетъ монарха вручить управленіе тѣмъ лицамъ, которыя въ состояніи установить это согласіе. Юридически онъ къ этому не обязанъ; никакая конституція не содержитъ въ себѣ такого постановленія, ибо юридическая зависимость королевской власти отъ воли большинства противорѣчитъ началамъ конституціонной монархіи. Но во имя общественной пользы, для правильнаго дѣйствія конституціонныхъ учрежденій, которыхъ онъ высшій хранитель, монархъ назначаетъ людей, хотя лично съ нимъ несогласныхъ, но имѣющихъ поддержку въ странѣ и идущихъ рука

объ руку съ палатами. Поступая такимъ образомъ, онъ является гораздо высшимъ и полнѣйшимъ представителемъ общихъ интересовъ государства, нежели дѣйствуя по личнымъ взглядамъ или внушеніямъ какой либо партіи. Этимъ онъ оказываетъ уваженіе къ своему народу и къ тому законному порядку, во главѣ котораго стоитъ. Отказываясь отъ односторонняго проведенія своихъ видовъ, пока они не имѣютъ за себя общественнаго мнѣнія, онъ не отрекается однакоже отъ участія въ государственныхъ дѣлахъ; но онъ восходитъ въ высшую область, проявляя свою волю не въ подробностяхъ ежедневнаго управленія, не въ борьбѣ партій, которая подвергаетъ его особу и дѣйствія несовмѣстной съ его достоинствомъ критикѣ, а въ существенныхъ вопросахъ государственной жизни. Онъ можетъ отказать въ утвержденіи закона, внушеннаго духомъ партіи и противнаго истиннымъ интересамъ народа; онъ можетъ не согласиться на объявленіе войны или на заключеніе мира, и никакая власть не въ силахъ его къ этому принудить. Онъ является и верховнымъ судьею споровъ между министерствомъ и палатами. Пока они дѣйствуютъ дружно, вмѣшательство королевской власти обыкновенно излишне; но какъ скоро побѣжденное министерство совѣтуетъ монарху распустить палату, послѣдній можетъ или изъявить свое согласіе, или заставить министровъ подать въ отставку. Даже министерство, опирающееся на парламентъ, можетъ быть отставлено королемъ, если большинство образовалось въ силу случайной коалиціи, или если палата перестала представлять настоящее мнѣніе страны. Здѣсь дѣйствіе королевской власти препятствуетъ упроченію искусственнаго большинства. Король одинъ можетъ сломить и противодѣйствіе верхней палаты, измѣнивъ ея составъ назначеніемъ новыхъ членовъ. Наконецъ, и въ обыкновенномъ теченіи дѣлъ, онъ можетъ имѣть огромное вліяніе на управленіе своими совѣтами и личнымъ своимъ вѣсомъ, который тѣмъ значительнѣе, чѣмъ болѣе монархъ возвышается надъ партіями, являясь представителемъ интересовъ всего государства и всѣхъ классовъ народа.

Подобная дѣятельность, ограниченная высшею областью государственныхъ интересовъ, далеко не представляется ни безцвѣтною, ни безплодною. Объемъ ея опредѣляется не столько закономъ, который не установляетъ способа соглашенія властей, сколько потребностями конституціонной жизни. Тамъ, гдѣ не существуетъ крѣпкихъ и организованныхъ партій, могущихъ стать во главѣ управленія, коро-

левская власть по необходимости должна править по собственной инициативѣ. Къ тому же приводитъ и дробленіе партій, когда не можетъ составиться прочное большинство. Напротивъ, чѣмъ болѣе представительство способно само управлять дѣлами, тѣмъ менѣе королевская власть имѣетъ нужды вмѣшиваться въ обыкновенное ихъ теченіе.

Парламентское правленіе служитъ признакомъ политической зрѣлости народа. Это высшій цвѣтъ конституціонной монархіи; Это самоуправленіе народа со всѣми задержками и гарантіями, которыя требуются цѣлями государства. Скорѣе всего оно можетъ установиться тамъ, гдѣ во главѣ общества стоитъ могущественная аристократія. Обладая высшимъ политическимъ смысломъ, нося въ себѣ единство корпоративнаго духа, она во многихъ отношеніяхъ замѣняетъ королевскую власть и заслоняетъ ее собою; поэтому здѣсь значеніе послѣдней наиболѣе стѣсняется. Но рано или поздно, всякое представительное устройство къ этому приходитъ, ибо это единственный способъ соглашенія политической свбооды съ монархическимъ началомъ и съ требованіями государственной жизни.

Можно сказать болѣе: всякое представительство, имѣющее нѣкоторую силу и независимось, непремѣнно стремится къ парламентскому правленію. Оно естественно хочетъ, чтобы государственныя дѣла шли сообразно съ его видами. Съ парламентомъ можно править, только пользуясь полнымъ его довѣріемъ, находя въ немъ постоянную поддержку, а не стѣсняя его всѣми средствами. Конституціи, умаляющія права палатъ, ведутъ только къ безконечнымъ ссорамъ. При первомъ столкновеніи съ правительствомъ, собраніе, силою вещей, старается выдти изъ очерченнаго для него круга. Устройство конституціонной монархіи представляетъ цѣльный организмъ, въ которомъ всѣ части такъ тѣсно связаны другъ съ другомъ, что одно право неизбѣжно влечетъ за собой и другое. Собраніе, облеченное законодательною властью, хочетъ знать, какъ законы исполняются; давая деньги, оно требуетъ контроля надъ ихъ расходомъ. Призванное къ защитѣ народныхъ правъ и интересовъ, оно указываетъ на общественныя язвы, на злоупотребленія, и подвергаетъ критикѣ всѣ дѣйствія правительства. Но критикуя, оно желаетъ исправленія; отрицательное право контроля влечетъ за собою положительное вліяніе на дѣла. Поэтому отъ всякаго собранія, не вполнѣ покорнаго власти,

можно ожидать, что оно захочетъ воспользоваться всѣми правами конституціоннаго представительства. Ограниченія правъ, отрицаніе требованій будутъ ощущаться, какъ несправедливость, недовѣріе, притѣсненіе, возбуждая еще большее раздраженіе противъ правительства. Постепенность въ дарованіи правъ, столь желанная въ теоріи, рѣдко оказывается приложимою на практикѣ. Полумѣры и здѣсь, какъ во многихъ другихъ случаяхъ, нерѣдко приносятъ болѣе вреда, нежели пользы. Правительство, которое даруетъ права нехотя, съ недовѣріемъ, ставитъ себя въ ложное положеніе относительно народа. Для государственныхъ интересовъ нѣтъ ничего безплоднѣе, какъ двѣ власти, которыя съ опасеніемъ смотрятъ другъ на друга, стараясь не сдѣлать сопернику слишкомъ значительныхъ уступокъ. Поэтому, какъ скоро въ государствѣ вводится представительное устройство, единственная здравая политика состоитъ въ искреннемъ признаніи конституціонныхъ началъ.

Но, съ другой стороны, нѣтъ сомнѣнія, что не всякое представительное собраніе способно къ парламентскому правленію. На это нужны весьма высокія условія и значительная политическая зрѣлость народа; необходимы организованныя партіи, умѣющія вести дѣла въ виду общихъ интересовъ. Все это дается не вдругъ, а потому конституціонная жизнь каждаго сколько-нибудь значительнаго народа представляетъ эпоху внутренняго разлада, борьбы, колебаній, прежде нежели успѣетъ установиться настоящій порядокъ. Битвы и перевороты, вызванные политическою свободою, наполняютъ страницы исторіи. Мы увидимъ это въ слѣдующей книгѣ. Нерѣдко вина лежитъ на правительствахъ, упорно сопротивляющихся справедливымъ желаніямъ земли; иногда на собраніяхъ, неумѣренныхъ и неспособныхъ; но главная причина заключается въ самомъ существѣ дѣла, въ трудности согласить независимыя силы, примирить противоположные элементы, установить единство въ разнообразіи. Народъ, вступающій на конституціонный путь, долженъ закалить себя на внутреннія бури, а не услаждаться мечтами о мирномъ развитіи свободы. Но по этому самому, введеніе конституціоннаго порядка далеко не всегда представляется желаннымъ. Политическая свобода не вездѣ приноситъ одинакіе плоды. Нужно знать, существуютъ ли въ обществѣ необходимыя для нея условія. Чѣмъ значительнѣе государство, чѣмъ шире и многосложнѣе его интересы, тѣмъ слѣдуетъ быть осторожнѣе при водво-

ренія новаго порядка вещей. Единство власти, особенно упроченной историческими основами, всегда полезнѣе управленія, раздираемаго партіями и представляющаго безплодную борьбу разнохарактерныхъ стремленій, одностороннихъ или недодуманныхъ мыслей, неумѣренныхъ притязаній и личныхъ интересовъ. Конституціонная монархія, въ которой выражается идея гармоническаго сочетанія всѣхъ элементовъ государственной жизни, требуетъ гармоніи въ самомъ обществѣ, изъ котораго она истекаетъ. При разъединеніи общественныхъ силъ, сопоставленіе различныхъ властей можетъ внести въ государство только новыя причины смутъ и разлада.

ГЛАВА 6.

ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО ВЪ СЛОЖНЫХЪ ГОСУДАРСТВАХЪ.

Отдѣльныя государства могутъ соединяться въ болѣе обширные союзы, сохраняя въ большей или меньшей степени свою самостоятельность. Отсюда возникаютъ сложныя тѣла, въ которыхъ дѣятельность свободныхъ учрежденій представляетъ особенныя задачи и затрудненія. Устройство этихъ союзовъ можетъ быть разнообразно. Главныхъ формъ двѣ: республиканская и монархическая. Каждая изъ нихъ имѣетъ свой характеръ и свои послѣдствія.

Союзное устройство особенно прилично республикамъ. Большое, единичное государство представляетъ слишкомъ много опасностей для республиканскихъ учрежденій. Оно требуетъ сильнаго правительства, многочисленнаго войска, обширной администраціи. Все это ослабляетъ начало свободы и возвышаетъ значеніе власти. Въ рукахъ правителя сосредоточиваются громадныя средства, которыя даютъ ему возможность располагать судьбою страны. При такихъ условіяхъ, возникновеніе диктатуры тѣмъ естественнѣе, что искушенія здѣсь сильнѣе, нежели въ маломъ государствѣ; положеніе правителя выше, роль болѣе видная, болѣе причинъ, призывающихъ его къ энергической дѣятельности. Сознавая эту опасность, республики обыкновенно стремятся къ ослабленію правительственной власти, раздѣляя ее и под-

чиняя народному представительству. Но это не соотвѣтствуетъ требованіямъ большаго государства, которое должно исполнить свое историческое назначеніе. На этомъ противорѣчіи пала французская республика 1848-го года. Къ этому присоединяются и другія затрудненія. Внутреннее согласіе въ народномъ представительствѣ возможно только при единствѣ общественныхъ интересовъ; между тѣмъ, въ большомъ государствѣ, вслѣдствіе обширности пространства и разнообразія условій и элементовъ, интересы разрозненнѣе, нежели въ маломъ. Соглашеніе ихъ гораздо труднѣе, поводы къ борьбѣ многочисленнѣе. Здѣсь нерѣдко нужна сильная, независимая власть, чтобы связать всѣ стихіи въ одно цѣлое. Но это опять противорѣчитъ существу республики, гдѣ свобода составляетъ основу всего политическаго зданія. При разрозненности цѣлей, свобода ведетъ къ раздѣльности устройства и управленія; каждая область, имѣющая свои частные интересы, хочетъ управлять ими самостоятельно, а потому стремится къ обособленію. Свойства политической свободы дѣйствуютъ здѣсь заодно съ естественными наклонностями человѣка. Большинство людей принимаетъ живое участіе только въ тѣхъ вопросахъ, которые непосредственно ихъ касаются, которые находятся у нихъ на глазахъ. Каждый полагаетъ свою свободу въ управленіи тѣми дѣлами, которыя онъ считаетъ своими, а не въ подчиненіи отдаленному представительству, гдѣ доля его участія гораздо менѣе, и къ которому интересъ слабѣе. Только сильное возбужденіе политическихъ страстей въ состояніи противодѣйствовать этому направленію умовъ. Вообще же, республики имѣютъ естественное стремленіе къ распаденію. Мы видимъ это явленіе не только въ сѣверной и южной Америкѣ, но и въ небольшихъ Швейцарскихъ кантонахъ, которые дѣлились на части, вслѣдствіе разности интересовъ. При взаимныхъ столкновеніяхъ, каждый хочетъ остаться хозяиномъ у себя.

По всѣмъ этимъ причинамъ, республиканское правленіе свойственнѣе малымъ государствамъ, нежели большимъ, хотя нельзя утверждать безусловно, что оно въ послѣднихъ невозможно. Неудачныя попытки указываютъ только на трудность задачи. При благопріятныхъ обстоятельствахъ, при высокомъ образованіи народа, при однородности интересовъ, при соглашеніи партій на счетъ существенныхъ вопросовъ, нѣтъ причины, почему бы республика не могла утвердиться и въ обширной землѣ, съ единичнымъ устройствомъ. Но до сихъ поръ,

исторія не представляетъ этому примѣровъ. Обыкновенно республиканская форма упрочивается въ небольшихъ государствахъ; послѣднія же, для внѣшней защиты и для управленія общими дѣлами, образуютъ болѣе или менѣе крѣпкіе союзы. Федеративное устройство соединяетъ въ себѣ выгоды большихъ и малыхъ государствъ: легкость самоуправленія съ обширностью интересовъ и внѣшнимъ могуществомъ. Поэтому оно представляется иногда идеаломъ человѣческаго общежитія. Руссо, а за нимъ и другіе, видѣли высшій образецъ государственнаго устройства въ союзѣ мелкихъ республикъ. Однако и малая величина государствъ и федеративная форма имѣютъ свои, весьма значительныя невыгоды, которыя не позволяютъ смотрѣть на это сочетаніе, какъ на идеалъ, къ которому стремится человѣчество.

Въ тѣсныхъ предѣлахъ области, деспотизмъ большинства гораздо чувствительнѣе и жестче, нежели въ обширномъ государствѣ. Интересы здѣсь мельче, отношенія и столкновенія имѣютъ болѣе личный характеръ. Въ отдаленномъ и возвышенномъ центрѣ, куда со всѣхъ сторонъ стекаются разнообразныя мнѣнія и требованія, интересы обобщаются и принимаютъ болѣе широкіе размѣры; здѣсь общее начало получаетъ перевѣсъ надъ частнымъ. Напротивъ, чѣмъ ближе участіе каждаго въ общемъ дѣлѣ, тѣмъ скорѣе частный интересъ становится господствующимъ; чѣмъ тѣснѣе кругъ дѣйствія, тѣмъ уже взгляды; чѣмъ меньше размѣръ и значеніе дѣлъ, тѣмъ обширнѣе поприще для мелочнаго честолюбія, для зависти, для посредственности, не терпящей подлѣ себя высшихъ способностей; наконецъ, чѣмъ мельче и чаще столкновенія, тѣмъ бо́льшую роль играютъ личныя отношенія. Въ небольшомъ государствѣ, власть легко можетъ попасть въ руки кружка, пользующагося своимъ положеніемъ для притѣсненія враговъ. Личныя ссоры ничтожныхъ людей отзываются даже на отношенія партій въ палатахъ. Характеръ узкой среды отпечатывается на большинствѣ, которое является мелочнымъ, придирчивымъ, притѣснительнымъ, невыносимымъ для противниковъ. Если демократія вообще ведетъ къ господству посредственности, то это особенно справедливо въ небольшихъ государствахъ. Только возвышенность цѣлей и ширина интересовъ, которыя требуютъ отъ людей болѣе просвѣщенныхъ взглядовъ и высшихъ способностей, въ состояніи противодѣйствовать этому злу и облагородить такой порядокъ вещей. Но это возможно единственно въ большомъ государствѣ, или въ совершенно

исключительныхъ обстоятельствахъ, когда незначительная страна призывается къ всемірно-исторической роли.

Съ другой стороны, федеративное устройство заключаетъ въ себѣ самые существенные недостатки. Единство государственнаго организма требуетъ единства управляющей воли. Всякое раздѣленіе власти само по себѣ есть зло. Въ союзномъ же государствѣ, верховная власть не только раздѣляется на отдѣльныя отрасли съ особыми органами, но и распредѣляется по различнымъ центрамъ, изъ которыхъ каждый пріобрѣтаетъ извѣстную долю власти, независимо отъ другихъ. Верховная воля не вытекаетъ здѣсь изъ совокупнаго рѣшенія властей, какъ въ конституціонной монархіи; но каждая часть дѣйствуетъ сама по себѣ. Отсюда неизбѣжныя столкновенія въ средѣ самой верховной власти. Какъ бы тщательно ни были опредѣлены права отдѣльныхъ штатовъ и общаго союза, несомнѣнной, ясной для всѣхъ границы провести невозможно, ибо нѣтъ юридическаго отношенія, которое было бы такъ твердо и непреложно, что имъ устранялись бы всякіе поводы къ спорамъ и тяжбамъ. Столкновенія вытекаютъ изъ самаго свойства вещей, изъ разнообразія жизненныхъ обстоятельствъ, изъ взаимнаго отношенія различныхъ интересовъ и незамѣтнаго перехода отъ одного къ другому. Въ федеративномъ государствѣ, вѣдѣнію союза подлежатъ общія дѣла, тогда какъ мѣстныя остаются принадлежностью штатовъ. Но мѣстные и общіе интересы такъ тѣсно связаны другъ съ другомъ, что нѣтъ возможности образовать изъ нихъ двѣ совершенно отдѣльныя сферы. Безпрерывно должны происходить захваты, то въ ту, то въ другую сторону. Мѣстные вопросы сами собою разростаются въ общіе. Такъ, напримѣръ, невольничество въ Сѣверной Америкѣ считалось вопросомъ мѣстнымъ; отдѣльные штаты имѣли право рѣшать его по собственному усмотрѣнію. Но сохранить невольничество невозможно, если рабъ становится свободнымъ, какъ скоро переходитъ сосѣднюю границу. Поэтому свободные штаты должны были соглашаться на поимку и выдачу невольниковъ, а вслѣдствіе этого, мѣстное постановленіе становилось общимъ. Такого рода столкновенія неизбѣжны вездѣ, гдѣ существуютъ центральное и мѣстное управленіе. Въ цѣльныхъ государствахъ, они разрѣшаются подчиненіемъ мѣстныхъ интересовъ общему; областныя власти обязаны повиноваться верховной. Въ союзномъ же государствѣ, мѣстная власть сама есть верховная по всѣмъ дѣламъ, ей пре-

доставленнымъ; центральное правительство не сосредоточиваетъ въ себѣ всей полноты права, а потому не можетъ требовать безусловнаго повиновенія. Поэтому, при спорахъ и столкновеніяхъ, дѣло можетъ быть рѣшено только судебнымъ порядкомъ. Кромѣ центральной и мѣстной власти, необходимъ еще независимый отъ обѣихъ судъ. Но судъ, съ одной стороны, лишенъ средствъ приводить свои рѣшенія въ исполненіе; съ другой стороны, онъ самъ находится по серединѣ между двумя противоположными теоріями и стремленіями, не имѣя возможности рѣшить вопросъ на основаніи какого бы то ни было общаго начала. Эта невозможность вытекаетъ изъ самаго свойства верховной власти, которая едина по своей природѣ, ибо превышаетъ всѣ другія. Распредѣленіе ея между центральными органами и мѣстными противорѣчитъ ея существу. Поэтому, какъ въ теоріи, такъ и на практикѣ, непремѣнно дается перевѣсъ тому или другому началу: общему или мѣстному. Или верховная власть первоначально приписывается штатамъ, такъ что самое существованіе союза становится въ зависимость отъ ихъ согласія, или же она переносится въ центръ, такъ что права частей подчиняются союзной власти.

Эти два противоположныя воззрѣнія, естественно вытекающія изъ федеративнаго устройства, постоянно, рядомъ другъ съ другомъ, существовали въ Соединенныхъ Штатахъ. Оба нашли себѣ выраженіе въ самой конституціи: съ одной стороны въ ней сказано, что она установляется волею народа Соединенныхъ Штатовъ, т. е. совокупности всѣхъ гражданъ, а не договоромъ отдѣльныхъ частей; съ другой стороны, каждый штатъ въ отдѣльности изъявлялъ свое согласіе на ея принятіе и вступалъ въ союзъ не иначе, какъ по собственной волѣ. Въ послѣднее время, эта противоположность взглядовъ разъигралась междоусобною войною: южные штаты отдѣлились, утверждая свое право выдти изъ союза по своему усмотрѣнію, въ качествѣ независимыхъ государствъ; сѣверные же сочли ихъ мятежниками, основываясь на верховномъ правѣ союза.

Такимъ образомъ, союзное устройство ведетъ къ столкновеніямъ, спорамъ, къ неизвѣстности на счетъ настоящаго мѣста верховной власти, а вслѣдствіе того къ постояннымъ затрудненіямъ при разрѣшеніи общихъ вопросовъ. Взаимныя распри разгараются въ междоусобія, которыя тѣмъ губительнѣе и упорнѣе, что каждая сторона, составляя самостоятельное государство, имѣетъ готовыя, организованныя силы,

и борется, какъ равный съ равнымъ. Въ союзномъ государствѣ, какъ въ сложномъ тѣлѣ, искусственно установляются противоборствующія стремленія, а потому дружная дѣятельность частей становится весьма затруднительною. Недостатки такой организаціи отражаются особенно на иностранной политикѣ. Здѣсь требуются единство воли, сила власти, быстрота дѣйствій, а всего этого въ союзномъ государствѣ нѣтъ. Внѣшнія войны для него тѣмъ опаснѣе, что нужно содержать постоянное войско, необходимо сосредоточеніе власти въ рукахъ военачальника, а все это грозитъ паденіемъ республиканскому устройству. Въ этомъ отношеніи, оба существующія нынѣ союзныя государства, Соединенные Штаты и Швейцарія, находятся въ чрезвычайно выгодномъ, но совершенно исключительномъ положеніи. Послѣдняя составляетъ нейтральную территорію, отъ которой устранена опасность войны; Соединенные же Штаты отдѣлены пространствомъ океана отъ всѣхъ значительныхъ державъ, а потому не имѣютъ нужды въ постоянномъ войскѣ.

Таковы невыгоды федерацій. Это не мѣшаетъ имъ, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, при значительныхъ способностяхъ и образованіи народа, достигать высокой степени благосостоянія и могущества. Выгоды свободы могутъ перевѣшивать всѣ другіе недостатки. Соединенные Штаты представляютъ тому живой примѣръ. Но существеннымъ условіемъ такого развитія служатъ республиканскія учрежденія. Монархическія государства гораздо менѣе способны соединяться въ крѣпкіе союзы. При монархическомъ устройствѣ, федеративная связь неизбѣжно слабѣетъ, и всѣ невыгоды союза выступаютъ въ несравненно большей степени. Причина понятна: въ республикахъ, народъ, соединяясь въ общій союзъ, сохраняетъ въ своихъ рукахъ верховную власть; тѣже граждане участвуютъ въ управленіи, какъ въ центрѣ, такъ и на мѣстахъ. Но монархъ долженъ подчиняться иной власти, что̀ противорѣчитъ державному его праву, его независимости, и рѣдко можетъ быть согласно съ его волею. Монархическое правительство имѣетъ притомъ болѣе силъ и средствъ, нежели республиканское, а потому скорѣе можетъ отстоять свою самостоятельность. Особенно при неравенствѣ силъ, при различномъ объемѣ территорій, соединеніе монархическихъ государствъ въ общій союзъ становится вдвойнѣ затруднительнымъ. Для прочности союза, требуется бо̀льшая или меньшая однородность частей, при неспособности ихъ къ отдѣльному су-

шествованію. Но крупная монархическая держава, которая играетъ самостоятельную, а можетъ быть, и первостепенную роль въ политическомъ мірѣ, съ трудомъ согласится войти въ составъ бóльшаго тѣла, подчинить свою волю чужой. Еслибы она и была къ тому принуждена, то обширность и самостоятельность ея интересовъ, имѣющихъ организованное средоточіе и представителя въ лицѣ державнаго монарха, должны постоянно увлекать ее въ другую сторону.

Этими причинами объясняется распаденіе Германской Имперіи. Она представляла федерацію монархій и городовъ, подъ верховною властью императора, ограниченнаго имперскими чинами. Это неуклюжее тѣло образовалось въ средніе вѣка, когда отдѣльные князья имѣли болѣе характеръ вассаловъ, нежели государей. Но чѣмъ болѣе развивалось государственное ихъ значеніе, чѣмъ болѣе они превращались въ настоящихъ монарховъ, тѣмъ болѣе они пріобрѣтали самостоятельности, пока наконецъ не рушилась обезсиленная имперія. Въ новѣйшее время, національное чувство Нѣмцевъ снова требуетъ установленія союзнаго государства съ общимъ народнымъ представительствомъ. Неоднократно дѣлались попытки подобнаго устройства; но всѣ онѣ разбивались о препятствія, едва преодолимыя. Нуженъ неоспоримый перевѣсъ одной державы или значительное ослабленіе монархическаго начала, вслѣдствіе революціонныхъ движеній, чтобы произвести подобный переворотъ. Въ настоящее время, внезапное усиленіе Пруссіи и устраненіе Австріи изъ союза подаютъ надежду на осуществленіе этой цѣли. Но дѣло далеко не сдѣлано. Для объединенія Германіи нужно полное распаденіе Австріи и уничтоженіе южныхъ государствъ. Самый сѣверный союзъ носитъ въ себѣ мало залоговъ прочности. Пруссія, которая въ немъ предводительствуетъ, начала съ поглощенія нѣсколькихъ земель, пока не успѣетъ поглотить остальныхъ. Въ этомъ выражается сознаніе недостатковъ всякой федераціи съ монархическимъ устройствомъ. Распавшійся Германскій Союзъ носилъ въ себѣ единственную форму, свойственную монархіи: завѣдываніе общими дѣлами черезъ уполномоченныхъ отъ отдѣльныхъ правительствъ. Такое устройство даетъ менѣе силы цѣлому, но не уничтожаетъ самостоятельности частей.

Есть другой видъ сложнаго государства, который возможенъ единственно при монархическомъ правленіи. Это—соединеніе отдѣльныхъ государствъ подъ скиптромъ одного монарха. Оно можетъ быть двоя-

каго рода: личное и реальное. Первое имѣетъ мѣсто, когда лице, царствующее въ одной странѣ, наслѣдуетъ престолъ другой. Таково было соединеніе Англіи съ Ганноверомъ, вслѣдствіе вступленія ганноверской династіи на англійскій престолъ. Но такъ какъ законы о престолонаслѣдіи въ обоихъ государствахъ могутъ быть различны, то за случайнымъ соединеніемъ можетъ послѣдовать столь же случайное распаденіе. Такъ и было въ приведенномъ примѣрѣ: на англійскій престолъ вступила королева Викторія, въ Ганноверѣ наслѣдовалъ ея дядя. Распаденіе можетъ произойти и при общемъ законѣ о престолонаслѣдіи, если по прекращеніи царствующей династіи, каждая страна получаетъ право выбирать своего монарха. Таково соединеніе Австріи съ Венгріею. Подобная связь, имѣющая характеръ случайности, не отвѣчаетъ истинному существу государства, въ основаніи котораго лежатъ постоянныя, вѣчныя цѣли. Она можетъ вовлечь страну въ защиту интересовъ, совершенно ей чуждыхъ. Если же общія выгоды требуютъ постояннаго союза, то гораздо лучше установить соединеніе неразрывное, то есть реальное. Въ Австрійской Имперіи это было совершено только отчасти прагматическою санкціею Карла VI-го, которая ввела одинакій порядокъ престолонаслѣдія во всѣ земли, подчиненныя австрійской коронѣ.

Реальное соединеніе состоитъ въ томъ, что престолы обоихъ государствъ объявляются неразрывно связанными другъ съ другомъ, при чемъ каждое сохраняетъ свою политическую самобытность, свое управленіе или свою конституцію. На этомъ основаніи, Норвегія была присоединена къ Швеціи въ 1814-мъ году. Первая осталась самостоятельнымъ государствомъ, съ особою конституціею; только общая королевская власть соединяетъ ее съ Швеціею. На случай же пресѣченія династіи, установленъ выборъ совокупными чинами обоихъ королевствъ. На томъ же основаніи въ 1809 мъ году присоединилась къ Россіи Финляндія, а въ 1815-мъ году Царство Польское. Первая доселѣ имѣетъ свою конституцію, второе же, вслѣдствіе возстанія 1831 го года, лишилось представительныхъ учрежденій, дарованныхъ ему Александромъ I-мъ, но остается отдѣльнымъ государствомъ въ реальномъ соединеніи съ Россіею. Статья 4-я нашихъ Основныхъ Законовъ прямо говоритъ: «съ Императорскимъ Всероссійскимъ престоломъ нераздѣльны суть престолы Царства Польскаго и Великаго Княжества Финляндскаго». Слѣдовательно, самый законъ признаетъ ихъ отдѣльными го-

сударствами, неразрывно связанными съ Россіею, но не входящими въ ея составъ. Они, какъ говорится, не инкорпорированы въ Россію, а только соединены съ нею подъ однимъ скиптромъ.

Формы подобнаго сочетанія бываютъ разнообразны. Государства могутъ соединяться, какъ равныя съ равными, или же одни могутъ состоять въ большемъ или меньшемъ подчиненіи другимъ, сохраняя неполную самостоятельность. Къ послѣднему разряду относятся и колоніи, получающія особыя конституціи. Такова большая часть англійскихъ колоній. У нихъ есть свои палаты, облеченныя законодательною властью; у нѣкоторыхъ есть даже свои отвѣтственныя министерства. Англійскій парламентъ, сохраняя право издавать обязательные для нихъ законы, не можетъ однако налагать на нихъ подати, и онѣ, съ своей стороны, не участвуютъ въ народномъ представительствѣ Великобританіи. Правительственная же власть находится въ рукахъ лица, назначаемаго королевою, и управляющаго отъ ея имени. Колоніи, разумѣется, не имѣютъ права войны, мира и внѣшнихъ сношеній. Все это принадлежитъ правительству метрополіи; колоніальныя же власти ограничиваются завѣдываніемъ мѣстныхъ дѣлъ.

Соединеніе подъ однимъ скиптромъ отдѣльныхъ государствъ, съ сохраненіемъ политической ихъ самостоятельности, проистекаетъ либо изъ различной ихъ исторической судьбы, либо изъ различія интересовъ. Колоніямъ даются особыя конституціи, вслѣдствіе того, что при отдѣльности ихъ положенія и при самобытности мѣстной жизни, участіе ихъ въ общемъ представительствѣ и неудобно и вредно. Между тѣмъ, въ государствахъ, гдѣ господствуетъ политическая свобода, имъ нельзя отказать въ собственномъ парламентѣ, какъ скоро онѣ пріобрѣли достаточное развитіе. Англичанинъ, переселяясь въ колоніи, не лишается права согласія на подати, которыя съ него взимаются. Но эти мѣстные парламенты, по своему второстепенному значенію и подчиненному отношенію къ метрополіи, не могутъ имѣть вліянія на общую политику. Они ограничиваются мѣстными дѣлами. Такимъ образомъ, колоніи остаются полусамостоятельными принадлежностями. Въ другихъ случаяхъ, реальное соединеніе установляется на томъ основаніи, что присоединяемая страна имѣетъ свою народность, свою исторію, свои вѣками сложившіяся учрежденія, наконецъ, свои исторически выработанныя конституціонныя права, которыя она желаетъ сохранить неприкосновенными. Все это подвергается опасности при

сліянія съ другимъ государствомъ. Голосъ земли теряетъ свое значеніе или передъ неограниченною властью монарха, или передъ большинствомъ иноземнаго представительства. Чуждыя учрежденія могутъ быть навязаны силою; особенность исторической жизни, составляющая лучшее достояніе народа, можетъ исчезнуть. Съ своей стороны, владычествующее правительство не имѣетъ причины посягать на историческія учрежденія и на самобытность присоединяемой стороны, пока все это совмѣщается съ общими интересами. Спокойствіе и довольство всѣхъ подданныхъ составляютъ высшую цѣль правительства, руководимаго идеями правды и добра. Наконецъ, насильственное сліяніе государствъ не всегда можетъ совершаться безопасно. Народъ крѣпко стоитъ за свои вѣковыя права, за свою національную самостоятельность. Сохраненіе ихъ служитъ залогомъ его вѣрности, между тѣмъ какъ ихъ уничтоженіе можетъ возбудить справедливое неудовольствіе или даже возстаніе. Отношенія Австріи къ Венгріи служатъ тому живымъ примѣромъ. Извѣстно, какой отпоръ встрѣчали посягательства австрійскаго правительства на венгерскую конституцію. Австрія въ этихъ случаяхъ всегда уступала, и этимъ она обязана долговременною покорностью Венгріи.

Однако подобное сочетаніе легко подаетъ поводы къ столкновеніямъ. Полная раздѣльность политическихъ интересовъ соединяемыхъ земель немыслима. Неразрывное соединеніе непремѣнно влечетъ за собою нѣкоторыя общія дѣла. По внутреннимъ вопросамъ еще возможно сохраненіе самостоятельности обоихъ государствъ. Каждая страна можетъ имѣть свои учрежденія и рѣшать свои внутреннія дѣла безъ ущерба другой. Если разъединеніе препятствуетъ иногда той взаимности, которая служитъ къ обоюдной выгодѣ, то бѣда не велика. Предубѣжденія побѣждаются мало по малу, путемъ мирныхъ преній, очевидностью интересовъ и образованіемъ. Гораздо лучше предоставить дѣло времени и естественному ходу жизни, нежели дѣйствовать насиліемъ. Но для внѣшнихъ сношеній необходимо общее направленіе. Нельзя допустить, чтобы каждое государство имѣло своихъ посланниковъ, свое войско, свой флотъ, чтобы одна страна оставалась въ мирѣ, пока другая находится въ войнѣ. Неразрывное соединеніе престоловъ означаетъ единство въ отношеніяхъ ко всѣмъ другимъ государствамъ, а потому всѣ условія этого единства должны быть соблюдены.

Когда соединенныя государства находятся подъ властью самодер-

жавнаго монарха, затрудненія быть не можетъ. Верховная власть здѣсь одна; у нея одна воля, которая не встрѣчаетъ преградъ. Единственное, чего можно опасаться, это — вооруженнаго возстанія въ присоединенномъ государствѣ, съ цѣлью отторженія. Но опасность лежитъ здѣсь не въ отдѣльности политическаго устройства, а въ стремленіи народа къ независимости. Возстаніе, какъ показываетъ опытъ, можетъ точно также вспыхнуть и въ областяхъ, включенныхъ въ составъ государства. Насильственное сліяніе можетъ даже ускорить и усилить взрывъ; ибо оно подаетъ поводъ къ справедливому неудовольствію и возбуждаетъ къ защитѣ національности даже мирную часть населенія, которая могла бы удовлетвориться самостоятельнымъ управленіемъ и сохраненіемъ историческихъ правъ народа. Бельгія отложилась отъ Голландіи, потому что была слита съ послѣднею въ одно государство. Норвегія весьма вѣроятно отложилась бы отъ Швеціи, еслибы не была ограждена ея самостоятельность. Вообще, инкорпорація можетъ быть полезна, только если есть надежда на сліяніе народностей и нѣтъ историческихъ правъ, которыя нужно щадить. Небольшая область, никогда не составлявшая независимой державы и покоренная большимъ государствомъ, можетъ быть безопасно включена въ его составъ. Но инкорпорація страны, имѣвшей свою историческую жизнь, всегда сопряжена съ большими затрудненіями и часто можетъ принести гораздо болѣе вреда, нежели пользы. Историческую народность невозможно уничтожить; даже послѣ величайшихъ бѣдствій и униженія, она поднимается съ новою силою, сохраняя непримиримую ненависть къ своимъ покорителямъ. Достаточно припомнить отношеніе Чеховъ къ Нѣмцамъ послѣ того, какъ тридцатилѣтняя война почти совершенно истребила чешскую народность. Въ настоящее время, при всеобщемъ пробужденіи національнаго чувства, при неотразимыхъ требованіяхъ свободы, задача становится еще затруднительнѣе. Уничтожить самостоятельность извѣстной народности, включить ее въ составъ другой, значитъ заставить ее отказаться отъ самой себя, забыть свою прежнюю жизнь, свои воспоминанія, свое павшее величіе, свои интересы, свои нравы, свой языкъ, и все это въ пользу перваго врага. Это — дѣло, превышающее человѣческія силы. Но если невозможно сліяніе народностей, то сліяніе государствъ не имѣетъ смысла. Оно не уничтожитъ стремленія къ независимости, но, поддерживая неудовольствіе, дастъ ему болѣе обильную пищу и юриди-

ческую почву. Внѣшнихъ враговъ это превращаетъ въ враговъ внутреннихъ, болѣе опасныхъ, ибо они незамѣтно проникаютъ всюду, распространяя тайно свою тлетворную дѣятельность. Вогнать внутрь наружную болѣзнь всегда самое плохое лѣкарство. При такомъ положеніи дѣлъ, остается или умиротворить покоренный народъ справедливымъ попеченіемъ объ его интересахъ, или, если этого невозможно достигнуть, держать его силою. Въ послѣднемъ случаѣ, сохраненіе политической его самостоятельности опять выгоднѣе полной инкорпораціи. Лучше держать на военномъ положеніи страну, внѣшнимъ образомъ примыкающую къ государству, нежели одну изъ собственныхъ областей: въ первомъ случаѣ, неизбѣжный здѣсь произволъ остается проявленіемъ внѣшней силы, во второмъ, онъ водворяется внутри самой земли, въ области, уравненной съ другими. Это зло не искупается ничѣмъ, ибо государство ничего не выигрываетъ отъ подобнаго уравненія. Отъ этого не уменьшаются ни издержки, ни условія, необходимыя для содержанія области въ повиновеніи. Самая власть остается таже, ибо самодержавіе и здѣсь и тамъ управляетъ неограниченно. Перемѣна состоитъ лишь въ безплодномъ, если не вредномъ, переименованіи государства въ область.

Всѣ эти соображенія примѣнимы къ настоящимъ отношеніямъ Россіи къ Польшѣ. Включеніе Царства Польскаго въ составъ Россійской Имперіи, съ чисто государственной точки зрѣнія, можетъ принести только вредъ, ибо обрусѣніе Польши и сліяніе ея съ Россіею, не на бумагѣ, а на дѣлѣ, не болѣе, какъ мечта. Единственная возможная задача состоитъ въ полномъ обрусѣніи западныхъ губерній, гдѣ огромное большинство народонаселенія чисто русское. И это — задача громадная, ибо дѣло идетъ о вытѣсненіи или умиротвореніи высшихъ классовъ, обладающихъ и богатствомъ и образованіемъ. На это нужны долговременная работа и содѣйствіе лучшихъ силъ Россіи. Но если къ западнымъ губерніямъ присоединить все Царство Польское, то задача становится неисполнимою. Она облегчается раздѣленіемъ, тѣмъ болѣе, что въ обоихъ случаяхъ и цѣли и средства различны: въ одномъ достижимо полное сліяніе, въ другомъ можно требовать только покорности.

Такимъ образомъ, при самодержавіи, управленіе различными государствами представляетъ не болѣе затрудненій, какъ и управленіе областями. Совсѣмъ другое происходитъ при конституціонномъ по-

рядкѣ, гдѣ власть по необходимости раздѣлена. Наименьшую трудность представляетъ еще соединеніе въ однѣхъ рукахъ конституціоннаго правленія съ самодержавнымъ, хотя многіе считаютъ это невозможнымъ. Правда, привычки, пріобрѣтаемыя въ одномъ порядкѣ, слишкомъ легко переносятся на другой. Монархъ, который у себя дома не встрѣчаетъ преграды своей волѣ, съ нетерпѣніемъ выноситъ чужое противорѣчіе и не всегда готовъ щадить конституціонныя права. Съ другой стороны, мѣстное представительство можетъ оказать противодѣйствіе общимъ требованіямъ политики, напримѣръ, отказавши въ пособіяхъ для веденія войны. Конституція становится иногда орудіемъ враждебныхъ замысловъ, какъ, напримѣръ, въ Польшѣ послѣ 1815-го года. При всемъ томъ, если обѣ стороны желаютъ жить въ мирѣ, то съ благоразуміемъ и осторожностью, затрудненія почти всегда могутъ быть устранены. Располагая неограниченно силами главнаго государства, и обладая правительственною властью въ другомъ, монархъ можетъ согласовать различныя требованія, примѣняясь къ обстоятельствамъ, и стремясь къ той или другой цѣли, сообразно съ данными средствами. Особенно если народъ, имѣющій свои историческія учрежденія, воодушевленъ любовью къ законному монарху, охраняющему его права, соглашеніе значительно облегчается. Австрійское владычество въ Венгріи, до событій 1848-го года, показываетъ и выгоды и недостатки подобнаго порядка вещей. Нѣтъ сомнѣнія, что здѣсь нерѣдко происходили ожесточенные споры, что со стороны австрійскаго правительства были неоднократные захваты и нарушенія конституціи, а со стороны Венгріи неумѣренныя требованія и отказъ содѣйствовать общимъ государственнымъ нуждамъ; но, не смотря на то, соединеніе послужило къ пользѣ обоихъ государствъ. Венгрія сохранила свои историческія учрежденія, подъ сѣнью независимой власти, которая избавила ее отъ участи Польши; Австрія, вслѣдствіе значительнаго приращенія силъ, стала первостепенною европейскою державою. При Маріи Терезіи, она Венгріи была обязана спасеніемъ.

Гораздо значительнѣе затрудненія, когда оба государства имѣютъ конституціонное устройство. Въ каждомъ изъ нихъ, народное представительство естественно хочетъ имѣть вліяніе на политику своей страны, а такъ какъ есть дѣла общія обоимъ, то столкновенія неизбѣжны. Они тѣмъ опаснѣе, что каждое собраніе видитъ передъ собою уже не одного монарха, который связываетъ оба народа, а чужое, равно-

правное представительство. Монархъ является носителемъ высшей власти; онъ глава обоихъ государствъ, а потому слово его имѣетъ силу и вѣсъ. Но представительное собраніе, выражая мнѣніе преобладающее въ одной странѣ, не можетъ расчитывать на такое же уваженіе въ другой, гдѣ часто господствуетъ иное направленіе. Отсюда возможность противорѣчащихъ рѣшеній, напримѣръ, при обсужденіи средствъ для общей защиты, для содержанія войска, для веденія войны. Чѣмъ болѣе государство отдалено отъ политическаго поприща, чѣмъ менѣе оно нуждается въ военной силѣ, тѣмъ, разумѣется, рѣже поводы къ столкновеніямъ, тѣмъ легче могутъ быть сохраняемы раздѣльныя конституціи. Таково положеніе Швеціи и Норвегіи, хотя и здѣсь чувствуются недостатки такого сложнаго порядка. Во всякомъ случаѣ, при такихъ отношеніяхъ, необходима значительная доля умѣренности и взаимнаго уваженія обѣихъ сторонъ. Если же преобладающая народность стремится къ поглощенію другихъ, если въ ней проявляется нетерпимость, то столкновенія усиливаются, и затрудненія увеличиваются. Представительныя собранія болѣе всего способны къ возбужденію такихъ непріязненныхъ чувствъ. Монархъ, сидящій на престолѣ обоихъ государствъ, всегда имѣетъ болѣе склонности къ справедливому удовлетворенію обоюдныхъ требованій и менѣе интереса въ поглощенія одного народа другимъ. Въ представительномъ же собраніи не только выражается исключительность односторонняго патріотизма, но и разыгрываются всѣ страсти, разлитыя въ массѣ. Оно не умѣетъ ни воздерживаться отъ неумѣренныхъ притязаній, ни соблюдать надлежащій тактъ, избѣгая раздражающихъ выходокъ. Поэтому, при введеніи конституціоннаго порядка въ соединенныхъ государствахъ, весьма легко возбужденіе такого взаимнаго раздраженія, которое сдѣлаетъ мирную ихъ связь невозможною.

Для предупрежденія этихъ опасностей, самымъ естественнымъ средствомъ представляется сліяніе обоихъ собраній, или всецѣло, или для однихъ общихъ дѣлъ, съ сохраненіемъ ихъ раздѣльности для мѣстнаго законодательства.

Полное сліяніе соединенныхъ государствъ составляетъ самый лучшій исходъ, когда въ обоихъ господствуетъ одна народность, когда у нихъ одинъ языкъ, общіе нравы, учрежденія, интересы. Таково было соединеніе Англіи съ Шотландіею въ 1707-мъ году и съ Ирландіею

въ 1800-мъ. Въ составъ англійскаго парламента вошло представительство обѣихъ странъ, которыя сохранили однако свои мѣстныя учрежденія, при переходѣ законодательной власти въ руки общаго собранія. Въ томъ и другомъ случаѣ, сліяніе совершилось съ обоюднаго согласія, по рѣшенію парламентовъ; здѣсь не было ни нарушенія права, ни насильственнаго подавленія мѣстной самостоятельности. При такихъ условіяхъ, единство учрежденій умножаетъ силу государства, тогда какъ ихъ раздѣльность порождаетъ слабость и затрудненія. Соединенное представительство служитъ даже сильнѣйшимъ орудіемъ сліянія народностей, лучшимъ средствомъ уничтожить стремленія къ сепаратизму. Ближайшее знакомство другъ съ другомъ, общія пренія, единство интересовъ, привязанность къ общимъ учрежденіямъ, установляютъ неразрывную связь между разрозненными частями государства. Но для этого необходимо, чтобы въ самомъ народѣ стремленіе къ сліянію преобладало надъ мѣстными интересами; тогда только политическая свобода скрѣпляетъ союзъ. Таково въ настоящее время положеніе дѣлъ въ Италіи. Пробудившееся народное чувство, потребность политической самостоятельности, опасность отъ внѣшнихъ враговъ, побуждаютъ разрозненныя прежде области сомкнуться въ единое государство. Здѣсь лучшимъ средствомъ для побѣды надъ мѣстнымъ духомъ служитъ общій парламентъ, передъ голосомъ котораго умолкаютъ затаенныя стремленія и исчезаетъ скрытное неудовольствіе, гораздо болѣе опасное, нежели явное.

Совсѣмъ иное дѣло, когда это общее національное стремленіе не существуетъ, когда присоединенное государство имѣетъ свою народность, свой языкъ, свою историческую самостоятельность, свои вѣковыя права и учрежденія, которыми оно дорожитъ. Въ этомъ случаѣ, полное сліяніе съ другимъ для него однозначительно съ уничтоженіемъ всѣхъ его особенностей. Участіе въ общемъ представительствѣ нисколько не ограждаетъ его отъ поглощенія преобладающею народностью. Повидимому, ему дается свобода, но въ сущности подъ этимъ скрывается деспотизмъ иноземнаго большинства, незнакомаго съ мѣстными особенностями и равнодушнаго къ несвойственнымъ ему историческимъ формамъ и привязанностямъ. Сліяніе государствъ съ общимъ представительствомъ будетъ здѣсь насильственною мѣрою, которая возбудитъ общее и справедливое раздраженіе въ подчиненной странѣ. Оно не принесетъ пользы и преобладающей народности, ибо

это ничто иное, какъ включеніе въ представительное собраніе враждебнаго государству элемента. Хотя бы онъ оставался въ значительномъ меньшинствѣ, тѣмъ не менѣе онъ непремѣнно явится здѣсь разлагающимъ началомъ, всегда примыкая къ сторонѣ, отъ которой надѣется получить болѣе льготъ. При раздѣленіи партій, сплошное, единодушное меньшинство можетъ сдѣлаться рѣшителемъ судебъ народа, ибо отъ него зависитъ дать перевѣсъ той или другой сторонѣ. Оно не только можетъ остановить самыя полезныя законодательныя мѣры, но часто будетъ въ состояніи помѣшать осуществленію главной задачи конституціоннаго порядка, образованію прочнаго большинства. Если оно не имѣетъ надежды на проведеніе собственныхъ видовъ, то оно будетъ вносить въ собраніе смуту и раздоръ. Чѣмъ значительнѣе подобное меньшинство, тѣмъ, разумѣется, хуже для собранія, а съ другой стороны, чѣмъ представительство разрозненнѣе, чѣмъ менѣе выработался въ немъ политическій смыслъ, чѣмъ менѣе опредѣлились различныя направленія и установились въ немъ твердыя партіи, тѣмъ болѣе опасности отъ такого сплошнаго и враждебнаго элемента. Присутствіе его въ государствѣ является самою сильною преградою введенію конституціоннаго порядка. Государственное единство, при благопріятныхъ условіяхъ, составляетъ требованіе здравой политики; но искусственное и насильственное объединеніе можетъ быть хуже раздѣльности.

Тѣже возраженія можно сдѣлать и противъ другаго способа разрѣшенія задачи, имѣющаго въ виду примиреніе обоюдныхъ требованій. Съ этою цѣлью прибѣгаютъ иногда къ установленію двоякаго представительства, отдѣльнаго для мѣстнаго законодательства и совокупнаго для общихъ дѣлъ. Примѣры такихъ двойственныхъ учрежденій представляютъ въ новѣйшее время Данія и Австрія.

Однако обѣ попытки оказались неудачными. Общая конституція Даніи, нарушивъ права Шлезвигъ-Гольштейна, встрѣтила упорное сопротивленіе въ нѣмецкомъ населеніи послѣдняго, которое не соглашалось подчиниться датской народности. Это и вызвало послѣднюю войну. Властолюбивыя стремленія національной датской партіи, которая не хотѣла признавать чужаго права, дали юридическую почву притязаніямъ германскихъ державъ и повели къ распаденію датской монархіи. Этого бы не случилось при благоразумномъ уваженіи къ правамъ подчиненныхъ народностей. Австрія, съ своей стороны, встрѣ-

тила столь же непреклонное упорство въ Венгріи, которая дорожитъ своею историческою конституціею и не желаетъ лишиться политической самобытности. Венгрія не послала депутатовъ въ общій сеймъ, и послѣ тщетныхъ усилій одолѣть сопротивленіе, австрійское правительство принуждено было уступить.

Если въ присоединенной народности нельзя побѣдить стремленія къ обособленію, то гораздо лучше исключить ее изъ общаго представительства, предоставивъ ей распоряженіе мѣстными дѣлами. Этого требуютъ и справедливость и политика. Такое сочетаніе двухъ конституціонныхъ правленій можетъ быть безопасно для цѣлаго, если подчиненное государство такъ слабо, что не можетъ имѣть вліянія на общій ходъ дѣлъ. Отношенія должны быть подобныя тѣмъ, какія существуютъ между англійскими колоніями и метрополіею. Конечно, и при такой системѣ, не всегда устраняются затрудненія. Можетъ случиться, что мѣстное представительство откажетъ въ пособіяхъ для веденія войны или для защиты государства. Здѣсь можно положиться только на добровольное его согласіе; при конституціонномъ порядкѣ, принужденіе немыслимо. Но главное государство должно нести невыгоды своего преобладающаго положенія: направляя политику, оно должно на свой счетъ вести войну и содержать войско. Если же оно не въ состояніи обойтись безъ помощи другихъ, то оно не можетъ имѣть притязанія на господство. Въ такомъ случаѣ, оно должно соображаться съ чужими желаніями и дѣйствовать съ общаго согласія. Затрудненія здѣсь многочисленны и неизбѣжны, но инаго исхода нѣтъ, ибо, при равной силѣ государствъ, ни одно не согласится подчинить своихъ требованій другому. Насильственныя же мѣры могутъ вызвать возстаніе, котораго исходъ всегда неизвѣстенъ. Таково настоящее положеніе Австріи относительно Венгріи.

Однако и ограниченныя конституціонныя права могутъ быть предоставлены только народу, который въ состояніи ими удовлетворить, ся и не обратитъ ихъ въ оружіе противъ общаго правительства. Если же стремленіе къ независимости такъ сильно въ странѣ, что всякая мѣра, принимаемая властью, встрѣчаетъ въ ней упорное противодѣйствіе, и соглашеніе невозможно, то остается одно изъ двухъ: или совершенно отдѣлить подчиненное государство, предоставивъ его самому себѣ, какъ сдѣлала Англія съ Іоническими островами; или же, если этого не допускаютъ существенные интересы владычествующаго народа

уничтожить конституціонныя права и держать покоренную страну въ повиновеніи силою, пока въ ней не водворится болѣе благоразумное настроеніе. Такой порядокъ вещей, безъ сомнѣнія, не представляется окончательнымъ разрѣшеніемъ задачи, но политика имѣетъ дѣло съ возможнымъ. Если, вмѣсто желаннаго исхода, остается только выборъ изъ нѣсколькихъ золъ, надобно избирать наименьшее, предоставляя времени развязку узла.

КНИГА III.

ИСТОРИЧЕСКОЕ

РАЗВИТІЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬНЫХЪ

УЧРЕЖДЕНІЙ ВЪ ЕВРОПѢ.

ГЛАВА I.

ОБЩІЙ ОБЗОРЪ ПРОИСХОЖДЕНІЯ И РАЗВИТІЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА У НОВЫХЪ НАРОДОВЪ.

Истекая изъ условій, создаваемыхъ жизнью, представительное устройство опредѣляется особенностями каждаго народа, свойствомъ составныхъ его элементовъ, задачами, предстоящими ему въ извѣстную пору. Но независимо отъ этихъ мѣстныхъ данныхъ, развитіе политической свободы находится подъ вліяніемъ общихъ условій, лежащихъ въ историческомъ движеніи всего человѣчества. Самый бѣглый взглядъ на исторію показываетъ, что есть эпохи, въ которыхъ преимущественно выступаютъ начала свободы, другія, которыя характеризуются расширеніемъ единовластія. Эти явленія не случайны. Они состоятъ въ зависимости отъ общихъ законовъ человѣческаго развитія, отъ той внутренней необходимости, которая даетъ преобладаніе то одному, то другому жизненному элементу, смотря по тому, какую цѣль преслѣдуетъ современное человѣчество. Исторія не есть созданіе произвола. Важнѣйшія событія, громадные перевороты приготовляются медленнымъ процессомъ жизни; корни ихъ лежатъ глубоко въ исторической почвѣ и таятся во временахъ отдаленныхъ отъ той поры, въ которую они происходятъ. Великіе люди, которые даютъ народамъ новое направленіе, сами являются сынами своего вѣка. Они совершаютъ дѣло, для котораго готовы ужё всѣ нужные матеріялы. Какъ люди, одаренные свободною волею, они могутъ поступать и произвольно, наперекоръ духу времени; но подобная дѣятельность остается безплодною, какъ сѣмя, павшее на неудобную почву. Въ общемъ движеніи исторіи, ча-

стная воля человѣка подчиняется общимъ причинамъ, законамъ отъ нея независимымъ и ее направляющимъ.

Эти законы лежатъ въ самой природѣ человѣка и общества. Они состоятъ въ постепенномъ развитіи тѣхъ элементовъ, изъ которыхъ первоначально слагается общежитіе. Элементы эти разнообразны и могутъ различнымъ образомъ сочетаться между собою. Человѣкъ старается согласить ихъ, произвести полную гармонію жизни. Но внутреннее согласіе всѣхъ элементовъ, отвѣчающее всѣмъ человѣческимъ потребностямъ, есть не болѣе какъ идеалъ, къ которому стремится исторія. Въ дѣйствительности, никакой общественный порядокъ не удовлетворяетъ человѣка вполнѣ. Какъ скоро извѣстная цѣль достигнута, рождаются новыя нужды, которыя побуждаютъ общество къ новому движенію, къ перемѣнѣ установленнаго быта. Не находя себѣ мѣста въ существующемъ устройствѣ общежитія, эти возникающія потребности взываютъ къ началу свободы; возгарается борьба между старымъ и новымъ, между свободою и порядкомъ, до тѣхъ поръ, пока движеніе жизни не приведетъ къ новому сочетанію, способному согласить измѣнившіеся элементы.

Этотъ постоянный процессъ созиданія и разложенія сопровождаетъ всю исторію человѣчества, которое ищетъ вмѣстѣ и полноты и гармоніи жизни, отчего и происходятъ противоположныя стремленія. Свобода играетъ здѣсь первостепенную роль, и какъ движущее начало, и какъ одинъ изъ существенныхъ элементовъ общества. Во всякую эпоху являются либеральныя теоріи и учрежденія, то съ преобладающимъ значеніемъ, то занимающія подчиненное мѣсто въ общемъ порядкѣ. Нерѣдко свобода принимаетъ односторонній характеръ; она выступаетъ, какъ исключительное начало, требующее безусловнаго господства надъ другими. Но и здѣсь, ее нельзя разсматривать, какъ простое проявленіе человѣческаго своеволія, какъ зло, которое слѣдуетъ искоренять. Всякій жизненный элементъ способенъ принимать одностороннее направленіе, власть точно также, какъ свобода. Это—неизбѣжное послѣдствіе самаго свойства человѣческаго развитія, которое идетъ путемъ борьбы, нерѣдко переходя отъ одной крайности въ другую, пока не достигнетъ высшаго примиренія. Одностороннее направленіе исчерпываетъ все содержаніе извѣстнаго начала, даетъ развитію бо́льшую полноту и собственными недостатками содѣйствуетъ установленію высшаго единства, которое составляетъ цѣль движенія.

Такимъ образомъ, въ силу внутренняго закона, исторія представляетъ попеременно эпохи либеральныя и періоды единовластія. Это и есть духъ времени, съ которымъ политика должна соображаться, и противъ котораго она безсильна. Онъ обхватываетъ более или менее, хотя не въ одинакой степени, все народы, живущіе общею историческою жизнью. Это относится преимущественно къ новымъ европейскимъ племенамъ. Древніе народы жили более особнякомъ, мало сообщаясь другъ съ другомъ, исполняя каждый свое назначеніе. Общечеловеческое начало, приготовленное развитіемъ древняго міра и вполне проявившееся въ Христіанстве, не существовало еще въ сознаніи людей. Восточные народы до сихъ поръ находятся въ такомъ состояніи: жизнь одного имеетъ мало вліянія на другихъ. Совсемъ иное мы видимъ въ новой Европе. Христіанскіе народы живутъ общею жизнью, действуя другъ на друга, и совокупными усиліями подвигая дело человечества. Каждый изъ нихъ на столько имеетъ значенія въ исторіи, на сколько участвуетъ въ этомъ общеніи. Онъ не вырабатываетъ своихъ, собственно ему принадлежащихъ началъ, но своеобразно развиваетъ начала общія всемъ. Онъ у себя даетъ преобладаніе тому или другому элементу, сообразно съ своимъ характеромъ, съ своимъ бытомъ, и этими особенностями приноситъ свою долю въ общее дело. Но непременное для этого условіе — участіе въ совокупномъ развитіи. Обособленіе есть упадокъ; оно обрекаетъ народъ на безплодіе. И чемъ далее развивается человечество, темъ менее замкнутость становится возможною. Это очевидно особенно въ наше время, при громадномъ усовершенствованіи матеріяльныхъ средствъ, которымъ отличается XIX-й векъ. Новые пути сообщенія, железныя дороги и телеграфы, установляютъ между европейскими народами такой обменъ мыслей и интересовъ, что никакое племя не можетъ уединиться, оставаясь непричастнымъ общему движенію. Волею или неволею, оно втягивается въ круговоротъ. Этимъ оно не отрекается отъ себя, а напротивъ, исполняетъ настоящее свое историческое назначеніе — быть членомъ общей человеческой семьи.

Это общеніе жизни у новыхъ европейскихъ народовъ вполне проявляется въ исторіи представительныхъ учрежденій, которая ничто иное, какъ исторія самаго начала свободы. Не смотря на то, что различные народы, повидимому, идутъ совершенно противоположными путями, между ними открывается глубокая внутренняя связь, какъ

скоро мы отъ частныхъ явленій возвысимся къ общему ходу исторіи. Представительныя учрежденія у всѣхъ европейскихъ народовъ имѣютъ одинакія историческія основы; вездѣ они одинаково подвергались болѣе или менѣе продолжительному затмѣнію; потомъ они возникаютъ снова, въ измѣненной формѣ, у иныхъ ранѣе, у другихъ позднѣе, но такъ что либеральное движеніе сообщается отъ одного другому, пока оно не охватило всѣхъ.

Корни новаго представительнаго порядка лежатъ въ средневѣковой жизни. «Эта прекрасная система была изобрѣтена въ германскихъ лѣсахъ», сказалъ Монтескьё; изреченіе несправедливое, если приложить его къ полному развитію представительнаго устройства, но вѣрное въ томъ смыслѣ, что начала свободы и права, изъ которыхъ вытекло позднѣйшее представительство, были вынесены Германцами изъ своихъ лѣсовъ. Варвары явились на историческое поприще съ такими понятіями о личной свободѣ, какихъ не зналъ древній міръ. Классическія республики, въ самой демократической своей формѣ, вели къ поглощенію человѣка государствомъ; участіе въ общественной власти составляло существо античной свободы. Германецъ, напротивъ, не зналъ надъ собою иной власти, кромѣ добровольно признанной имъ самимъ. Онъ считалъ себя *вольнымъ человѣкомъ*, никому не подчиненнымъ, зависящимъ отъ себя одного, понятіе, которое лежитъ въ основаніи всего средневѣковаго быта и составляетъ характеристическій его признакъ. Свобода выступила здѣсь во всей своей противогосударственной крайности, вслѣдствіе чего самое государство не могло существовать. Общественный бытъ среднихъ вѣковъ слагался изъ частныхъ сдѣлокъ и отношеній; въ немъ господствовали начала частнаго права, собственность, договоръ, а болѣе всего насиліе, ибо свобода, не сдержанная властью, ведетъ къ угнетенію слабыхъ.

Первая форма, въ которой выразились эти новыя общественныя начала, была дружина — союзъ свободныхъ людей, добровольно соединявшихся около вождя, съ цѣлью завоеванія. Дружины, съ болѣе или менѣе племеннымъ характеромъ, покорили одряхлѣвшій римскій міръ и усѣлись на его развалинахъ. Побѣдители раздѣлили между собою земли. Каждый получилъ извѣстный участокъ, какъ полную, свободную собственность, пріобрѣтенную мечемъ и независимую отъ кого бы то ни было — алодъ. Но они сохранили свою военную связь и свои отношенія къ вождю, ибо только держась другъ за друга, они

могли властвовать въ покоренной землѣ. Во главѣ дружины стоялъ князь. Какъ представитель военной силы, онъ старался упрочить свое могущество и увеличить его новыми завоеваніями. Вмѣстѣ съ тѣмъ, вслѣдствіе вліянія римскаго элемента и церкви, на него перенесены были римскія понятія о монархической власти. Начальникъ дружины становится королемъ, а въ послѣдствіи императоромъ. Это не совершилось безъ борьбы, ибо дружинники не легко допускали расширеніе правъ, истекавшее изъ чуждыхъ имъ государственныхъ понятій. Но самые предводители дружинной аристократіи, палатные меры во Франціи, наиболѣе содѣйствовали усиленію королевской власти. При Каролингахъ, съ новымъ титуломъ, она получаетъ блескъ и значеніе, напоминающее римскихъ императоровъ, которыхъ наслѣдіе какъ бы перешло на новыхъ вождей. Однако между тѣми и другими было глубокое различіе. Германская Имперія не была государствомъ въ настоящемъ смыслѣ слова. Дружинники оставались вольными людьми; это было не политическое подданство, а частное, договорное подчиненіе. Поэтому императорская власть, такъ же какъ и королевская, была весьма ограничена. Для всѣхъ предпріятій и постановленій нужно было согласіе дружинниковъ, которые постоянно сбирались на общія совѣщанія. Во Франкской монархіи, эти собранія носили названіе мартовскихъ, а потомъ майскихъ полей. Въ нихъ не было ничего юридическаго, опредѣленнаго: они вытекали изъ фактическихъ отношеній. Совѣщанія съ дружиною были исконнымъ обычаемъ германскихъ вождей; военная жизнь варварскихъ племенъ естественно вела къ этой формѣ, которая сохранилась и при переходѣ дружины на новую почву, ибо король постоянно нуждался въ содѣйствіи мужей. Представительнаго начала здѣсь не было; каждый вольный человѣкъ лично участвовалъ въ совѣщаніяхъ. Первоначально, всѣ дружинники имѣли въ нихъ голосъ; въ послѣдствіи, когда они разсѣялись, усѣлись по мѣстамъ, и общее собраніе сдѣлалось затруднительнымъ, когда, сверхъ того, между ними установилось неравенство, и нѣкоторые значительно выдались изъ числа другихъ, эти совѣщанія болѣе и болѣе съуживаются. Въ нихъ принимаютъ участіе только знатнѣйшіе и могущественнѣйшіе мужи, которыхъ содѣйствіе всего нужнѣе королю, и которыхъ вліяніе служитъ ручательствомъ за общее согласіе. Сверхъ того, въ этихъ собраніяхъ участвуетъ и церковь, которая заняла высокое мѣсто въ гражданскомъ обществѣ.

Но этотъ порядокъ, основанный на совокупной силѣ дружины, собирающейся около вождя, оказался несостоятельнымъ, когда княжеская власть стала простираться на обширныя земли, и разсѣянные дружинники, усѣвшись на мѣстахъ, пріобрѣли крѣпкіе жизненные центры. Все стараніе ихъ обратилось къ упроченію мѣстнаго своего владычества на счетъ королей. Отсюда неудержимое стремленіе общества къ распаденію. Повсюду образовались отдѣльныя группы, мало связанныя между собою. Это совершилось главнымъ образомъ подъ вліяніемъ поземельной собственности; вотчинное начало получило преобладающее значеніе въ эту вторую эпоху средневѣковой исторіи.

Короли издавна раздавали свои земли слугамъ или вассаламъ во временное, большею частью пожизненное владѣніе, подъ условіемъ военной службы. Таково было происхожденіе леновъ или бенефицій. Но дружинники старались обратить это владѣніе въ наслѣдственное и тѣмъ упрочить свое мѣстное могущество. Они успѣли въ этомъ при ближайшихъ преемникахъ Карла Великаго. Тогоже домогались и правители областей, которые сдѣлались наслѣдственными владѣльцами, что̀ очевидно вело къ разложенію общества. Съ другой стороны, прежняя свободная собственность превратилась въ ленную, ибо мелкіе владѣльцы, безсильные противъ сосѣдей, отдавали себя и свои земли подъ покровительство могучихъ вельможъ, сохраняя наслѣдственное пользованіе, и обязываясь службою. Поземельное владѣніе сдѣлалось такимъ образомъ общею связью всего военнаго сословія, которое образовало іерархію, идущую отъ низшихъ ступеней до вершины, на которой стоялъ король или императоръ. Вся земля считалась собственностью верховнаго владѣльца; онъ раздавалъ ее своимъ вассаламъ, подъ условіемъ опредѣленной службы и вѣрности; тѣ, въ свою очередь, на тѣхъ же условіяхъ, передавали ее другимъ. Такъ установилась цѣлая сѣть частныхъ отношеній между господами и вассалами. Отсюда выработалось и общее феодальное право, которое строго опредѣляло права и обязанности тѣхъ и другихъ. Вассалъ долженъ былъ нести извѣстныя повинности; онъ служилъ господину судомъ и совѣтомъ, обязывался сохранять вѣрность, но за тѣмъ оставался вольнымъ человѣкомъ. Господинъ не могъ ни требовать съ него службы, сверхъ положенной, ни облагать его податьми по произволу. Вассалъ судился судомъ равныхъ, и въ случаѣ отказа въ судѣ

или несправедливаго рѣшенія, имѣлъ право отказать господину въ повиновеніи. Личное начало развилось во всей своей рѣзкости. Крайнимъ его выраженіемъ было право частныхъ войнъ, то есть полное самоуправство. Но личное право облекалось здѣсь въ общую, законную форму, которая установляла опредѣленныя взаимныя отношенія и общую іерархическую связь между всѣми владѣльцами.

Таковъ былъ феодальный міръ. Онъ носилъ преимущественно аристократическій характеръ, ибо здѣсь преобладали могучіе вассалы, соперники королей. Въ немъ заняла мѣсто и церковь, которая, какъ вотчинница, подлежала всѣмъ условіямъ феодальнаго владѣнія. Понятно, что при такой раздробленности быта, общіе интересы, соединявшіе короля съ дружинниками, значительно ослабѣли. Поэтому и прежнія собранія почти исчезаютъ. Правда, каждый вассалъ обязанъ помогать господину судомъ и совѣтомъ; но собрать разсѣянныхъ владѣльцевъ, особенно могучихъ и отдаленныхъ, становится весьма затруднительнымъ. Поэтому совѣщанія, необходимыя при всякомъ предпріятіи, получаютъ гораздо болѣе тѣсный характеръ. Они теряютъ свое всенародное значеніе и становятся частнымъ дѣломъ короля и его ближайшихъ слугъ.

Однако феодализмъ не исчерпывалъ всѣхъ элементовъ средневѣковой жизни. Рядомъ съ вотчинно-аристократическими началами, развивались и демократическія. Они нашли себѣ убѣжище въ городахъ. Здѣсь жили торговые и промышленные люди, которымъ нужно было оградить себя отъ военнаго насилія. Городскія стѣны представляли для этого самое удобное средство. Жители городовъ стали заключать между собою союзы для взаимной защиты; образовались городскія товарищества, которыя, съ оружіемъ въ рукахъ, отстаивали свою свободу противъ ленныхъ владѣльцевъ, вымогали себѣ права и привилегіи и наконецъ, достигли полнаго самоуправленія. Особенно въ XII-мъ вѣкѣ, городовое движеніе распространилось по всей Европѣ. Города заняли почетное мѣсто въ общественномъ устройствѣ; многіе изъ нихъ пріобрѣли державныя права, сдѣлались вольными общинами, признавая надъ собою самую слабую степень зависимости отъ короля или императора. Это было естественнымъ послѣдствіемъ порядка вещей, въ которомъ каждый мелкій союзъ стремился къ самостоятельности, а степень свободы и правъ опредѣлялась силою.

Но такой общественный бытъ долженъ былъ представлять картину

полной анархіи. Частныя силы, ничѣмъ не сдержанныя, приходили въ безпрерывныя столкновенія между собою. Средневѣковая исторія наполнена борьбою королей съ феодальными владѣльцами, а послѣднихъ съ городами. Къ этому присоединялась борьба свѣтской власти съ церковною, которая объявляла притязаніе на верховное владычество въ гражданской области. Каждая сторона искала себѣ союзниковъ, а это еще болѣе побуждало королей къ раздачѣ привилегій и способствовало независимости отдѣльныхъ частей. Но такое анархическое броженіе не могло продолжаться. Всякое общество стремится къ водворенію мира, къ утвержденію прочнаго порядка, который одинъ удовлетворяетъ потребностямъ человѣка. Это стремленіе высказывается прежде всего у слабѣйшихъ, ибо они болѣе всѣхъ страдаютъ отъ анархіи. Они ищутъ опоры и защиты въ высшей власти, которая одна въ состояніи оградить ихъ отъ своеволія сильныхъ. Послѣдняя, съ своей стороны, преслѣдуетъ туже цѣль; короли стараются расширить свои права на счетъ вассаловъ и водворить нѣкоторое единство въ распавшемся обществѣ. Монархъ становится средоточіемъ, около котораго, волею или неволею, сбираются разрозненныя стихіи. Это не есть еще верховная власть, владычествующая надъ всѣми; король является не представителемъ цѣлаго, а отдѣльнымъ лицемъ, имѣющимъ свои права, свою прерогативу, которая ограничивается правами феодальныхъ владѣльцевъ, городовъ и церкви. И теперь еще, для всякаго общаго дѣла нужно добровольное содѣйствіе всѣхъ; оно становится еще необходимѣе при развивающихся общественныхъ потребностяхъ. Поэтому короли снова собираютъ разрозненныя группы на общія совѣщанія. Такъ образуется сословное представительство, которое характеризуетъ послѣднюю эпоху средневѣковой исторіи и приготовляетъ новый государственный порядокъ.

Средневѣковое представительство заключало въ себѣ всѣ зачатки новаго конституціоннаго устройства; однако оно существенно отличалось отъ послѣдняго. Мы обозначили это различіе въ предъидущей книгѣ. Здѣсь не было еще верховной государственной власти, распредѣленной между различными органами; сословныя собранія представляли сближеніе разнородныхъ элементовъ, имѣвшихъ каждый свои права и свои интересы. Духовенство, дворянство, города и королевская власть могли соединяться для общаго рѣшенія; но это было временное, случайное согласіе, за которымъ слѣдовали раздоры и пререка-

нія. Борьба съ окружности была перенесена въ центръ. Безпрерывно происходили захваты то съ одной стороны, то съ другой; перевѣсъ бралъ тотъ, кто оказывался сильнѣе. Тамъ, гдѣ королевская власть сдѣлалась преобладающею, она старалась освободиться отъ стѣснительнаго контроля чиновъ. Напротивъ, тамъ, гдѣ сословія пріобрѣли перевѣсъ, результатомъ были внутреннія распри, ибо разнородные элементы, не успѣвшіе придти къ соглашенію, не въ состояніи были управлять государствомъ. Въ обоихъ случаяхъ, историческое развитіе сословныхъ собраній привело къ ихъ паденію. Средніе вѣка завершаются водвореніемъ самодержавія, которое одно было способно создать новое государство, съ прочнымъ общественнымъ бытомъ, съ единою верховною властью, господствующею надъ разрозненными силами.

Однако, съ усиленіемъ монархическаго начала, сословныя собранія исчезаютъ не вдругъ и не вполнѣ. Короли продолжаютъ сзывать ихъ по временамъ, особенно въ трудныхъ обстоятельствахъ. Періодъ сословнаго представительства тянется еще въ новое время, пока возрастающая власть не въ состояніи еще пробавляться собственными средствами, а нуждается въ помощи сословій. Въ нѣкоторыхъ государствахъ, средневѣковыя учрежденія сохранились даже непрерывно, хотя и съ подчиненнымъ значеніемъ; они служили здѣсь переходомъ къ конституціонному устройству, звеномъ, соединявшимъ старый порядокъ съ новымъ. Но преобладающій фактъ въ началѣ новой исторіи есть развитіе монархической власти, строительницы государства. Въ XVII-мъ вѣкѣ, на европейскомъ материкѣ, она достигаетъ высшей степени могущества и величія.

Рядомъ съ этимъ начинается однако и либеральное движеніе, возникающее изъ понятій и потребностей новаго времени. Исходною точкою служатъ здѣсь уже не права вольнаго человѣка, какъ въ средніе вѣка, а требованія свободы гражданской и политической, какъ одного изъ основныхъ элементовъ государственной жизни. Если первая потребность государства состоитъ въ водвореніи единства, въ установленіи верховной власти, въ умноженіи силъ, то за этимъ слѣдуютъ другія, столь же существенныя задачи: утвержденіе законнаго порядка и развитіе свободы. Стремленіе народовъ къ тѣмъ и другимъ цѣлямъ составляетъ содержаніе исторіи, которая идетъ къ полному развитію и гармоническому сочетанію всѣхъ элементовъ общества. Но

не всѣ народы одинакимъ путемъ приближаются къ общему идеалу. Каждый развиваетъ преимущественно ту сторону жизни, которая наиболѣе отвѣчаетъ его свойствамъ, и только при дальнѣйшимъ ходѣ исторіи, вслѣдствіе взаимнодѣйствія народовъ, эти различные элементы проникаютъ другъ друга, и установляются болѣе или менѣе общія всѣмъ начала. Такимъ образомъ, либеральное движеніе въ новой Европѣ, начиная съ XVI-го вѣка до самаго XIX-го, ограничивается нѣкоторыми государствами, гдѣ условія были особенно благопріятны развитію свободы. По той же причинѣ, либерализмъ нерѣдко принимаетъ односторонній характеръ: свобода провозглашаетъ себя основаніемъ общества, кореннымъ элементомъ государства, которому всѣ другіе должны подчиняться. Теоріи народовластія выставляются во всей своей рѣзкости. Но самыя эти крайности обличаютъ несостоятельность одностороннихъ началъ. Свобода не въ силахъ найти общее приложеніе, пока она является исключительною и нетерпимою. Только умѣряя себя, согласуясь съ другими элементами жизни, она способна пріобрѣсти общее значеніе и водвориться повсюду. Этотъ послѣдній поворотъ составляетъ характерическую черту новѣйшаго времени. На нашихъ глазахъ происходитъ распространеніе либеральныхъ учрежденій по всей западной Европѣ, движеніе, которое впрочемъ далеко еще не достигло прочныхъ результатовъ.

Обозначимъ существенныя черты этого историческаго хода, предоставляя слѣдующимъ главамъ болѣе подробное изложеніе тѣхъ мѣстныхъ и временныхъ причинъ, которыя въ различныхъ странахъ имѣли вліяніе на развитіе или упадокъ представительныхъ учрежденій.

Первый толчекъ либеральнымъ идеямъ въ новое время дала реформація. Это было отрѣшеніе человѣческой мысли отъ установленнаго вѣками порядка. Силою свободнаго сужденія, человѣкъ испытывалъ устройство и догматы церкви и находилъ ихъ несообразными съ истиннымъ ученіемъ Христа. Хотя первые реформаторы явились столь же нетерпимыми, какъ и католики, однако они не могли отказаться отъ основнаго начала своей собственной дѣятельности; проповѣдуя возвращеніе къ Евангелію, они не опирались на преданія и авторитетъ, а обращались къ внутреннему убѣжденію, къ разуму и совѣсти. Уже самый фактъ разъединенія церквей вызывалъ требованіе свободы, на которую всегда ссылаются отщепенцы. Скоро изъ области вѣры и мысли оно было перенесено на политику. Вспыхнула

религіозная борьба, въ теченіи которой протестанты стали развивать начала народной власти, какъ орудіе противъ правительствъ, ихъ угнетавшихъ. Эти ученія возникли особенно между кальвинистами, которые, доводя до крайности личное начало, отрицая всякую іерархію и всякое вмѣшательство свѣтской власти въ церковное управленіе, старались устроить церковь въ видѣ независимой общины, тогда какъ лютеране, напротивъ, подчиняли ее князьямъ. Центромъ этого религіозно-политическаго движенія была Франція, гдѣ вся вторая половина XVI-го столѣтія наполнена религіозными войнами. Здѣсь появились сочиненія Готмана, Гюберъ Лангè, Ла Боэси, которые, въ противоположность монархическому началу, выставляли права свободы, и въ силу естественнаго закона, приписывали народу верховную власть. Тѣже явленія мы видимъ и въ другихъ кальвиническихъ земляхъ. Въ Шотландіи, Букананъ въ сочиненіи «О царскомъ правѣ у Шотландцевъ», развивалъ подобныя же ученія. Съ своей стороны, католическіе писатели прибѣгали также къ демократическимъ теоріямъ, чтобы принудить королей къ преслѣдованію протестантовъ. Въ первыхъ рядахъ стояли іезуиты, которые не только проповѣдывали возстаніе противъ князей, отклоняющихся отъ своихъ обязанностей, но доходили даже до ученія о цареубійствѣ. Два французскіе короля пали жертвою этой доктрины, которая изъ книгъ переходила въ практику. Въ разгарѣ борьбы, теоріи служили опорою и оправданіемъ того, что совершалось на дѣлѣ. XVI-й вѣкъ представляетъ и первую революцію, имѣвшую европейское значеніе — отторженіе Нидерландовъ отъ Испаніи, во имя свободы совѣсти. Всѣ значительныя европейскія государства приняли участіе въ этой долголѣтней и кровавой борьбѣ, гдѣ ничтожная республика отстаивала себя противъ могущественнѣйшей въ мірѣ державы и окончательно осталась побѣдительницею. Это было первое торжество свободы и представительныхъ началъ. Они водворились въ Нидерландахъ, хотя съ преобладаніемъ средневѣковыхъ формъ и федеративнаго устройства.

Вообще однако, результатъ религіозныхъ войнъ былъ болѣе благопріятенъ монархіи. Общества, усталыя отъ внутреннихъ раздоровъ, искали успокоенія подъ сѣнью державной власти, которая, возвышаясь надъ партіями, могла доставлять гражданамъ миръ и защиту. Монархія поднялась съ новымъ блескомъ послѣ пройденныхъ ею испытаній. Но сѣмена, брошенныя реформаціею, не пропали. Начала сво-

боды, заглохшія на материкѣ, съ большею силою водворились въ Англіи, гдѣ королевская власть, которая хотѣла идти наперекоръ протестантскому духу народа, была сокрушена пуританами.

Обѣ англійскія революціи, 1640-го и 1688-го годовъ, служатъ настоящею исходною точкою европейскаго либерализма. Прежнія движенія или остались безуспѣшными, или ограничивались слишкомъ тѣснымъ объемомъ и носили характеръ болѣе религіозный, нежели политическій. Въ Англіи впервые народная власть выступила на сцену, какъ политическая сила. Вся Европа ужаснулась, когда послѣ ожесточенной борьбы, король сложилъ голову на плаху. Это первое появленіе политической свободы, ознаменованное кровавою драмою, кончилось однако возстановленіемъ королевской власти. Свобода пала, вслѣдствіе собственныхъ крайностей и неспособности установить прочный порядокъ. На развалинахъ ея водворился военный деспотизмъ, и возвращеніе короля было встрѣчено, какъ единственный возможный выходъ изъ нестерпимаго состоянія. Но вторая англійская революція, болѣе умѣренная, опиравшаяся на историческія начала, успѣла упрочить владычество парламента. Англія сложилась въ настоящую конституціонную монархію въ новомъ ея значеніи. Она послужила образцомъ и для другихъ; отсюда конституціонныя идеи распространились по Европѣ.

Но развитіе свободы не остановилось на представительной монархіи. Англосаксонское племя первое представило образецъ и чисто демократическихъ учрежденій. Американская революція была вторымъ значительнымъ шагомъ новаго либерализма. Въ Англіи, представительное устройство выросло на исторической почвѣ, подъ вліяніемъ могущественной аристократіи; въ Америкѣ, свобода могла развиваться безпрепятственно и безгранично. Соединенные Штаты не имѣли прошедшаго и носили въ себѣ слишкомъ мало историческихъ элементовъ. Стоя на дѣвственной почвѣ, колонисты могли осуществить начала свободы и равенства во всей ихъ чистотѣ. Здѣсь установилась демократическая республика въ такихъ размѣрахъ, какихъ свѣтъ еще не видалъ.

Американская революція имѣла огромное вліяніе и на Европу, гдѣ мысль была уже приготовлена къ демократическимъ идеямъ. Французская литература XVIII-го вѣка, всемогущая владычица умовъ, вся дышала этимъ духомъ. Первоначально образцомъ служила ей Англія.

Монтескьё выставилъ англійскую конституцію идеаломъ политической свободы, и ссылаясь на нее, развилъ систему равновѣсія властей. Англія дала первоначальный фактъ, Франція построила на немъ теорію конституціонной монархіи, которая черезъ это получила общечеловѣческое значеніе. Самые англійскіе писатели стали черпать воззрѣнія на свою конституцію изъ французскихъ источниковъ. Но, развивая принципъ свободы, французская мысль не могла остановиться на полудорогѣ. Отъ гарантій, доставляемыхъ учрежденіями, она послѣдовательно возвысилась къ самому корню свободы, къ правамъ человѣческой личности, которая была поставлена ею въ основаніе всего общественнаго зданія. Человѣкъ, по природѣ своей, свободенъ и такимъ остается въ обществѣ; послѣднее составляется для пользы отдѣльныхъ лицъ, по собственной ихъ волѣ, на основаніи договора: таковы начала, которыя проповѣдывались энциклопедистами и полнаго выраженія достигли въ Руссо. Свобода и равенство сдѣлались лозунгомъ XVIII-го вѣка; самая американская революція отсюда черпала свои идеи. Все готовилось къ осуществленію ихъ на европейскомъ материкѣ. Нуженъ былъ только поводъ, чтобы мысли, кипѣвшія въ обществѣ, проложили себѣ дорогу и въ жизнь. Знакъ былъ поданъ созваніемъ генеральныхъ чиновъ во Франціи. Первымъ ихъ дѣломъ было провозгласить себя національнымъ собраніемъ, представителемъ воли народной.

Но во Франціи демократическая свобода не нашла предъ собою чистаго поля, какъ въ Америкѣ. Она встрѣтилась съ громадными затрудненіями; ей пришлось вступить въ борьбу со всѣми другими общественными элементами, съ силами, окрѣпшими въ теченіи вѣковъ, съ началами, на которыхъ доселѣ держалось все общественное зданіе. Передъ нею были монархія, создавшая и устроившая государство, аристократія, покрытая славными преданіями, церковь, одно изъ величайшихъ учрежденій, когда либо возникавшихъ въ мірѣ. Свободѣ приходилось водворяться не въ союзѣ мелкихъ республикъ, безъ войска и почти безъ управленія, а въ большомъ, крѣпкомъ и единомъ государствѣ, съ постоянной арміею и съ огромною бюрократіею. Къ этимъ внутреннимъ затрудненіямъ присоединялись внѣшнія: нужно было бороться съ могучими сосѣдями, съ старыми европейскими монархіями, основанными на другихъ началахъ и не хотѣвшими допускать въ Европѣ развитія революціи. Однимъ словомъ, юной свободѣ

предстояла борьба на жизнь и на смерть со всѣми историческими элементами, ополчившимися противъ нея. Она стояла передъ ними во всей своей исключительности, безъ преданій, безъ организаціи, опираясь единственно на то, что̀ считалось требованіемъ разума, и объявляя притязаніе на всемірное владычество. Въ сознаніи своей силы, она всѣхъ враговъ вызвала на бой, объявила войну всѣмъ монархамъ и протянула руку народамъ. Въ первыя минуты, казалось, успѣхъ оправдывалъ эту непомѣрную отвагу. Не смотря на страшныя внутреннія потрясенія, революція, въ порывѣ энтузіазма, не только одолѣла внутреннихъ и откинула внѣшнихъ враговъ, но какъ всеобъемлющее пламя, разлилась по всѣмъ сосѣднимъ странамъ. Бельгія, Голландія, Швейцарія, Италія покрылись родственными республиками. Старыя монархіи померкли передъ восходящимъ солнцемъ.

Однако торжество было непродолжительно. Эти первые успѣхи революціи показали всю силу начала свободы, его всемірно-историческое значеніе; они вывели его изъ уединеннаго владычества въ странахъ, отдаленныхъ отъ общаго центра, и сдѣлали его однимъ изъ существенныхъ элементовъ общеевропейской жизни. Но господство свободы во всей ея исключительности, съ ея революціоннымъ характеромъ, было дѣломъ немыслимымъ. Это было бы уничтоженіе всей исторіи во имя одного, вновь водворившагося начала. Свобода не въ состояніи было справиться съ такою задачею. Несостоятельность ея оказалась и въ томъ кровавомъ деспотизмѣ, къ которому она должна была прибѣгнуть для своей защиты, и въ томъ быстромъ паденіи, которое послѣдовало за ея торжествомъ. На развалинахъ ея водворилась военная власть, которая поставила себѣ задачею примиреніе стараго съ новымъ, проведеніе началъ революціи рядомъ съ возстановленіемъ разрушеннаго порядка. Наполеонъ возвратилъ церкви, хранительницѣ вѣры и нравственнаго закона, ея старинныя права и учрежденія; онъ возстановилъ монархическое начало, представляющее власть преемственную, независимую отъ народа; замиряя партіи, раздиравшія Францію, онъ притянулъ къ себѣ часть древней аристократіи, смѣшавъ ее съ новыми людьми; наконецъ, онъ вступилъ въ союзъ съ старыми европейскими монархіями. Но рядомъ съ этимъ, онъ былъ и сыномъ революціи: начала свободы и равенства онъ проводилъ въ гражданской области во всей ихъ чистотѣ и послѣдовательности; онъ создалъ администрацію, которая одна въ состояніи

была связывать новое общество послѣ паденія средневѣковыхъ сословій и корпорацій. Въ политической области, онъ признавалъ по крайней мѣрѣ формы народнаго представительства, хотя недавнія крайности свободы естественно вели къ излишнему ея стѣсненію. Возстановитель началъ власти и порядка, одинъ изъ первыхъ правительственныхъ геніевъ въ мірѣ, конечно, не допускалъ ограниченія своей воли и требовалъ полной покорности. Однако подъ конецъ жизни, наученный бѣдствіями, онъ и здѣсь уступилъ либеральнымъ требованіямъ вѣка. Дополнительнымъ актомъ 1815-го года установлялись во Франціи конституціонныя учрежденія во всей ихъ полнотѣ.

Но внутреннимъ устройствомъ Франціи не ограничивалась задача Имперіи. Начала, вызванныя революціею, разносились по всей Европѣ, вмѣстѣ съ побѣдами французскихъ войскъ. Вездѣ, въ покоренныхъ или подвластныхъ странахъ исчезали средневѣковыя формы, и создавался новый общественный бытъ, болѣе способный къ воспринятію свободныхъ учрежденій. Сословныя грани падали, водворялись начала гражданской свободы, равенства и единства, которыя приготовляли почву для конституціоннаго порядка. Послѣ паденія Наполеона, представительныя учрежденія скорѣе всего возникли въ тѣхъ странахъ, на которыхъ онъ оставилъ свои слѣды. Какъ ни тяжело было его иго для Германіи, но послѣ 1815-го года, убѣжищемъ либерализма сдѣлались именно государства, входившія въ составъ Рейнскаго Союза. Наполеону Италія обязана первыми зачатками своего возрожденія, а Испанія зарею свободы. Даже враждебныя ему государства принуждены были допустить въ себѣ вѣяніе новаго духа, преобразоваться на новыхъ началахъ; ибо иначе не было возможности противостоять могучему генію, вооруженному всѣми силами, вызванными къ жизни революціею. Пруссія, побѣжденная и униженная, обновилась вся; Австрія, только съ помощью либеральнаго правленія графа Стадіона, въ состояніи была выдержать войну 1809-го года; Испанскіе кортесы, отстаивая независимость своего отечества противъ французскаго владычества, начертали демократическую конституцію, которая въ послѣдствіи послужила знаменемъ южно-европейскаго либерализма. И когда наконецъ вся Европа ополчилась противъ завоевателя, хотѣвшаго наложить свое ярмо на всѣ государства, то старыя правительства, вступившія между собою въ союзъ, подняли знамя во

имя освобожденія народовъ. Въ этой великой войнѣ, законная власть и свобода соединились для низложенія военнаго деспотизма.

Этотъ союзъ былъ непроченъ; какъ скоро палъ общій врагъ, началась снова борьба между двумя началами, которыя раздѣляли міръ. Но она носитъ на себѣ уже иной характеръ, нежели прежде. Съ одной стороны, вопросъ о либерализмѣ сдѣлался общеевропейскимъ. Французская революція вывела начало свободы изъ тѣсныхъ предѣловъ мѣстнаго интереса и дала ему всеобщее значеніе. Либеральныя движенія въ одномъ государствѣ непосредственно отзывались и въ другихъ, ибо всѣ либеральные элементы въ Европѣ чувствовали себя солидарными. Точно также и защитники законной власти вступили въ общій союзъ для искорененія революціонныхъ началъ. Революціи не предоставляются уже собственному ходу, а подавляются чужестраннымъ оружіемъ. Внутренній вопросъ превращается въ вопросъ международный. Съ другой стороны, свобода и законная власть, либерализмъ и легитимизмъ, не являются уже въ такой исключительной формѣ, въ такой рѣзкой противоположности, какъ прежде. Они дѣлаютъ другъ другу уступки и стремятся къ соглашенію. Несостоятельность революціонной пропаганды и владычество Наполеона разсѣяли тѣ идеалы демократической республики, тѣ ученія о правахъ человѣка, которыми полны были послѣдователи Руссо и вообще люди XVIII-го вѣка. Лозунгомъ либерализма сдѣлалась отнынѣ конституціонная монархія, въ которой свобода является уже не исключительнымъ началомъ, требующимъ признанія безусловныхъ правъ личности и народной власти, а въ сочетаніи съ другими элементами общественной жизни. Съ своей стороны, представители законной монархіи допускали и начала свободы. Глава Священнаго Союза, императоръ Александръ, былъ сторонникомъ конституціонныхъ идей; онъ наиболѣе содѣйствовалъ введенію представительной монархіи во Франціи и самъ установилъ ее въ Польшѣ. Нѣмецкіе государи включили въ самый Союзный Актъ статью, которою обязывались ввести у себя представительство отъ земли. Прусскій король торжественно обѣщалъ своему народу представительныя учрежденія, хотя это обѣщеніе и не было исполнено. Но, сходясь на общей почвѣ, оба начала сохраняли свою противоположность. Изъ двухъ главныхъ элементовъ конституціонной монархіи, одно давало перевѣсъ одному, другое другому. Легитимизмъ допускалъ свободныя учрежденія единственно, какъ добровольный даръ за-

конннаго монарха; всякое революціонное движеніе считалось нарушеніемъ порядка, которое грозило опасностью всѣмъ. Либерализмъ, напротивъ, смотрѣлъ на политическую свободу, какъ на законное требованіе всякаго общества, и утверждалъ, что каждый народъ имѣетъ право установлять у себя образъ правленія, какой желаетъ, безъ всякаго вмѣшательства со стороны другихъ. Одни думали, что свобода имѣетъ значеніе единственно потому, что признается монархомъ; другіе, что монархъ, имѣетъ значеніе единственно потому, что признается народомъ.

Не смотря на общее и отчасти заслуженное нерасположеніе, которое возбудила противъ себя дѣятельность Священнаго Союза въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, нельзя не сказать, что ученіе легитимизма въ основаніи своемъ было вѣрно. Законная преемственность власти должна быть нормальнымъ началомъ всякаго государственнаго порядка. Революція есть насильственное низверженіе закона, и если она иногда находитъ себѣ оправданіе въ обстоятельствахъ, то никакъ не можетъ быть возведена въ общее правило. Только одностороннее начало свободы, отрицающее все, кромѣ народной воли, можетъ утверждать законность революцій. Правильный взглядъ на государственныя отношенія долженъ признать господство закона однимъ изъ существенныхъ требованій общежитія, а потому законное развитіе учрежденій должно считаться нормою политической жизни. На основаніи этого начала, право вводить новый порядокъ вещей принадлежитъ единственно законной власти. Нѣтъ и не можетъ быть государственнаго устройства, которое бы этого не признавало. Учредительная власть всегда составляетъ принадлежность установленной верховной власти, а никакъ не народнаго возмущенія. Слѣдовательно, тамъ, гдѣ народное представительство не существуетъ, гдѣ вся верховная власть сосредоточивается въ лицѣ монарха, тамъ введеніе конституціонныхъ учрежденій можетъ правильнымъ образомъ проистекать только изъ свободной воли послѣдняго.

Однако, съ другой стороны, законъ не составляетъ единственнаго начала общежитія; рядомъ съ нимъ существуютъ и свобода и общая польза. Для того, чтобы законная власть сохраняла уваженіе народа, необходимо, чтобы она управляла сообразно съ истинными интересами государства, имѣя въ виду общее благо. Исторія доказываетъ, что это не всегда бываетъ; законная власть становится иногда источникомъ

самаго гнетущаго деспотизма. Это естественно вызываетъ революціи, которыя, если не могутъ быть оправданы юридически, то нравственно находятъ извиненіе въ злоупотребленіяхъ власти. Революція опирается на начало свободы, которое, не находя законнаго исхода, пробиваетъ себѣ путь возмущеніемъ. Кто здѣсь правъ и кто виноватъ, власть ли, которая отказываетъ народу въ исполненіи справедливыхъ его желаній, или народъ, который силою домогается, можетъ быть, неразумныхъ требованій, это можетъ рѣшить только исторія, единственный верховный судья между правительствами и подданными. Чужестранное вмѣшательство во внутреннія дѣла независимаго государства лишено всякаго законнаго основанія. Верховная власть должна держаться собственными средствами; то или другое ея устройство составляетъ вопросъ внутренняго государственнаго права. Вопросъ этотъ рѣшается различно, смотря по мѣстнымъ условіямъ и особенностямъ даннаго общества: у одного народа получаютъ преобладаніе начала власти и закона, у другаго свобода. Поэтому подавленіе революцій чужестраннымъ оружіемъ можетъ считаться не иначе, какъ насиліемъ.

Въ этомъ отношеніи, дѣятельность Священнаго Союза не можетъ быть оправдана. Онъ игралъ роль сторожа европейскаго порядка и посылалъ свои войска во всѣ слабыя государства, въ которыхъ происходили возмущенія. Такъ были подавлены революціи въ Неаполѣ, въ Піемонтѣ, въ Испаніи, въ Папской области. Австрія постоянно держалась этой системы въ Италіи и сдѣлалась такимъ образомъ господствующею державою на полуостровѣ. Въ извиненіе подобнаго вмѣшательства можно сказать, что революціонная пропаганда сдѣлала свободу общеевропейскимъ дѣломъ, а потому и противодѣйствовать революціи можно было только общими силами, подавляя ее вездѣ, гдѣ она проявлялась. Но это можетъ объяснить принятую систему, а никакъ не оправдать ее ни юридически, ни нравственно. Одностороннее подавленіе свободы точно такъ же не можетъ быть признано нормальнымъ фактомъ, какъ и одностороннее ея распространеніе, тѣмъ болѣе что силы Священнаго Союза употреблялись не для примирительной дѣятельности, а обыкновенно для возстановленія самаго бездушнаго деспотизма. Иностранныя войска могли сокрушать народныя движенія, но не имѣли вліянія на волю независимыхъ монарховъ, которые пользовались чужою силою для возстановленія своей власти,

но вовсе не расположены были удовлетворять желаніямъ подданныхъ. Между самыми союзниками въ этомъ отношеніи господствовало разногласіе. Если императоръ Александръ былъ другомъ либеральныхъ учрежденій, то австрійскій дворъ, болѣе послѣдовательный въ своей системѣ, держался самыхъ строгихъ началъ абсолютизма, и онъ почти всегда имѣлъ перевѣсъ.

Первый поводъ къ вмѣшательству подали революціонныя движенія въ южной Европѣ. Въ 1820-мъ году вспыхнула революція въ Испаніи, гдѣ провозглашена была демократическая конституція 1812-го года. Въ слѣдующемъ году, столь же успѣшно было возстаніе въ Неаполѣ, гдѣ таже испанская конституція сдѣлалась лозунгомъ либеральной партіи. Вскорѣ движеніе распространилось и на Піемонтъ. Законныя правительства смутились, въ особенности Австрія, которой эти перевороты грозили близкою опасностью. Собрались конгрессы государей, въ Троппау, въ Лайбахѣ, въ Веронѣ. Рѣшено было искоренить силою возставшее сѣмя революціи. Въ Италіи, экзекуція была поручена Австріи, въ Испаніи — Франціи. И то и другое совершилось безъ труда. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ Германіи были приняты сильныя мѣры противъ революціонныхъ движеній: свобода печати была стѣснена, университеты поставлены подъ строгій надзоръ правительствъ. Порядокъ былъ возстановленъ.

Но этимъ ограничились успѣхи союзниковъ. Рука европейскихъ монарховъ не могла простираться всюду. Въ то время, какъ въ Европѣ водворилось снова спокойствіе, южно-американскія колоніи отторгались отъ Испаніи и провозглашали себя республиками. Это движеніе, возникшее впервые при завоеваніи Испаніи Наполеономъ, отразилось и на Европѣ. Южно-европейскія революціи вспыхнули подъ вѣяніемъ идей, приносимыхъ изъ Америки, и въ свою очередь помогли утвержденію американскихъ республикъ. Священный Союзъ съ опасеніемъ смотрѣлъ на этотъ новый материкъ, который покрывался демократическими государствами. Защитники законной монархіи охотно оказали бы помощь Испаніи для возстановленія ея владычества въ колоніяхъ. Но здѣсь они встрѣтили противодѣйствіе со стороны одной изъ великихъ европейскихъ державъ, хранительницы конституціонныхъ началъ. До сихъ поръ, консервативное министерство въ Англіи, особенно подъ вліяніемъ Кастльри, шло рука объ руку съ континентальными правительствами. Но Англіи не могло быть пріятно господ-

ство Священнаго Союза, устранявшее ее отъ вліянія на европейскія дѣла. Еще менѣе дружелюбно смотрѣла она на французскій походъ въ Испанію, который слишкомъ возвышалъ значеніе старой соперницы. Для возстановленія равновѣсія, она рѣшилась подать руку испанскимъ колоніямъ и такимъ образомъ утвердить свое вліяніе въ новомъ мірѣ. Англійскіе государственные люди пришли къ убѣжденію, что въ противоположность направленію Священнаго Союза, сила и значеніе Англіи могутъ заключаться единственно въ поддержкѣ либеральныхъ учрежденій. Этотъ поворотъ англійской политики, который вывелъ либерализмъ изъ круга революціонныхъ движеній и далъ ему правительственную опору, былъ дѣломъ Каннинга. Признаніе американскихъ колоній независимыми государствами было сильнѣйшимъ ударомъ политикѣ Священнаго Союза, а потому произвело въ Европѣ потрясающее впечатлѣніе.

Скоро произошло другое событіе, которое внёсло раздоръ въ самыя нѣдра Священнаго Союза и заставило его отказаться отъ собственныхъ началъ. Это было возстаніе Греціи. Стремленіе православнаго народа свергнуть съ себя безобразное турецкое иго не могло не возбудить сильнаго сочувствія въ Россіи, которая издавна поставила себѣ задачею освобожденіе христіанъ отъ невѣрныхъ и самой Греціи неоднократно оказывала помощь. Императоръ Александръ, во имя гуманныхъ идей и русскихъ интересовъ, хотѣлъ вступиться за Грецію, принудивъ Порту къ значительнымъ уступкамъ. Но эти планы встрѣтили сильнѣйшее противодѣйствіе со стороны Австріи, которая послѣдовательно видѣла въ нихъ потачку революціи, боялась расширенія русскаго вліянія на Востокѣ и вовсе не желала видѣть въ своемъ сосѣдствѣ возстаніе, могущее служить примѣромъ собственнымъ ея подданнымъ. Всевозможныя убѣжденія и козни были употреблены въ дѣло, чтобы отклонить русское правительство отъ его намѣреній. Императоръ не разъ уступалъ, но снова возвращался къ своимъ цѣлямъ. Эта дипломатическая борьба наполняетъ послѣдніе годы его царствованія. При его преемникѣ, дѣло приняло болѣе рѣшительный оборотъ. Русское правительство, доселѣ стоявшее во главѣ Священнаго Союза, подало руку Каннингу. Съ Англіею заключенъ былъ трактатъ, къ которому присоединилась и Франція. Съ помощью трехъ державъ, Греція освободилась отъ турецкаго владычества. Въ первый разъ, революція была принята подъ покровительство законныхъ монархій.

Это событіе, въ которомъ религіозныя начала и политическіе интересы заставили представителей легитимизма отклониться отъ принятой системы, не могло однако поколебать владычества Священнаго Союза. Но вскорѣ послѣдовало другое, которое возвело либерализмъ на степень европейской силы и положило предѣлъ реакціонной дѣятельности союзныхъ державъ. То была французская революція 1830-го года. Франція, во времена реставраціи, была средоточіемъ борьбы легитимизма съ либерализмомъ. На Востокѣ, первый владычествовалъ безпрепятственно. Англія держала себя въ сторонѣ и преслѣдовала болѣе свои частные интересы; въ ней господствовало консервативное министерство, и внутренняя борьба ея не находила отголоска въ Европѣ. Революціонныя движенія въ мелкихъ или второстепенныхъ государствахъ имѣли слишкомъ мало вліянія на общій ходъ событій. Во Франціи, напротивъ, борьба направленій получила всеобщее значеніе: здѣсь силы обѣихъ сторонъ стояли другъ противъ друга, въ полномъ вооруженіи; здѣсь долженъ былъ рѣшиться вопросъ, кто останется побѣдителемъ. Онъ рѣшился въ пользу либерализма; законная монархія оказалась несостоятельною. Опираясь на отживающія силы, выставляя неумѣстныя притязанія, она не въ состояніи была утвердиться въ новомъ порядкѣ вещей, и когда, наконецъ, она захотѣла насильно возстановить власть, терявшую опору, она пала при первомъ ударѣ.

Либерализмъ торжествовалъ. Но эта новая революція имѣла совершенно иной характеръ, нежели первая. Свобода являлась здѣсь уже не въ исключительной своей формѣ; она не требовала всеобщаго установленія демократіи. Единственная цѣль либеральной партіи состояла въ прочномъ утвержденіи конституціонной монархіи, которой грозила опасность, какъ отъ королевской власти, такъ и со стороны революціи. Притязанія первой были сломлены іюльскими днями; отпоръ революціи былъ дѣломъ послѣдующихъ годовъ. Задачею конституціоннаго правительства сдѣлалось соглашеніе свободы и власти. Цѣль эта, по крайней мѣрѣ временно, была достигнута іюльскою монархіею.

Изъ Франціи, конституціонное движеніе распространилось и на окрестныя земли. Въ Германіи произошло всеобщее броженіе умовъ, которое въ нѣкоторыхъ государствахъ повело къ переворотамъ въ духѣ свободы. Въ Швейцаріи, аристократическія учрежденія замѣнились демократическими. Бельгія отложилась отъ Голландіи и установ-

вила у себя образецъ либеральной конституціи. Въ Испаніи, послѣ смерти Фердинанда VII-го, регентство надъ малолѣтнею его дочерью противопоставило конституціонныя учрежденія притязаніямъ Донъ-Карлоса и окончательно одолѣло въ борьбѣ. Въ Португаліи, конституціонное правительство точно также побѣдило абсолютизмъ въ лицѣ Донъ-Мигуеля. Но великія германскія державы, а также и итальянскія правительства, состоявшія подъ вліяніемъ Австріи, оставались вѣрны началамъ неограниченной монархіи. Они уступили только движенію 1848-го года. Этотъ новый толчекъ окончательно распространилъ представительныя учрежденія по всей западной Европѣ. Изъ германскихъ державъ, въ Пруссіи они сохранились непрерывно доселѣ, не смотря на всѣ колебанія, которымъ они подвергались. Въ Австріи, конституціонный порядокъ, возникшій въ 1848 году, уступилъ послѣдовавшей затѣмъ реакціи; но послѣ итальянской войны и потери Ломбардіи, свободныя учрежденія явились снова, какъ неотразимое требованіе общества. Что касается до Италіи, то здѣсь представительное устройство, водворившееся повсюду въ 1848-мъ году, сохранилось въ Піемонтѣ, не смотря на реакцію и на иностранное оружіе, которымъ она поддерживалась. Свобода нашла убѣжище въ уголкѣ Италіи, гдѣ великій государственный человѣкъ задумалъ сдѣлать ее исходною точкою и центромъ итальянскаго единства. Этотъ планъ увѣнчался полнымъ успѣхомъ. Могущественная соперница, Австрія, была побѣждена съ помощью Франціи, и тогда Піемонтъ могъ присоединить къ себѣ одно за другимъ всѣ итальянскія государства. Теперь въ составъ Италіи вошла и Венеція. Только Римъ остался еще нетронутымъ. Политическая свобода послужила здѣсь самымъ могучимъ объединяющимъ средствомъ.

Такимъ образомъ, въ настоящее время, вся западная Европа покрылась представительными учрежденіями. Но, распространяясь, они не пріобрѣли ни бóльшей прочности, ни бóльшей силы. Политическая свобода вездѣ признается существеннымъ элементомъ государственной жизни, но конституціонный порядокъ, выработанный европейскою исторіею, не только не оказывается одинаково приложимымъ всюду, но даже въ тѣхъ странахъ, гдѣ онъ, повидимому, пустилъ глубокіе корни, онъ снова подвергся самымъ сильнымъ колебаніямъ. Во Франціи, гдѣ, казалось, конституціонная монархія достигла высшей степени совершенства, она пала внезапно, безъ борьбы, почти безъ со-

противленія. Свобода снова облеклась въ республиканскія формы, и то не надолго. На развалинахъ республики воздвиглась императорская диктатура, которая, сохраняя представительныя учрежденія, даетъ значительный перевѣсъ началу власти. Въ новой исторіи не было событія, которое бы въ большей степени подорвало вѣру въ политическую свободу. Между тѣмъ, явленія, происходящія въ другихъ странахъ не въ состояніи разсѣять сомнѣній. За исключеніемъ Англіи, гдѣ конституціонное устройство имѣетъ вѣковые корни, нѣтъ ни одного сколько нибудь значительнаго европейскаго государства, гдѣ свободныя учрежденія успѣли бы водворить прочный порядокъ вещей. Вездѣ колебанія, раздоры, неувѣренность въ настоящемъ, неизвѣстность будущаго. Германія стремится къ единству, котораго не можетъ достигнуть; Пруссія, до послѣднихъ событій, представляла картину ожесточенной борьбы правительства съ выборною палатою, и вышла изъ этого не путемъ свободы, а побѣдами самовластія; австрійская конституція, едва возникши, не успѣвши даже войти въ настоящую силу, снова отмѣняется, пока не будетъ придумано средство согласить единство государства съ разнообразіемъ народностей, входящихъ въ его составъ. Италія доселѣ находится въ шаткомъ состояніи, съ чужою помощью приближаясь къ желанному единству, напрягая всѣ силы для цѣли, которой достиженіе не отъ нея зависитъ. До сихъ поръ, внутренніе вопросы умолкали здѣсь передъ внѣшнимъ; столкновенія интересовъ и партій смягчались потребностью держаться другъ за друга передъ грозящею опасностью. Но затрудненія обнаружатся, какъ скоро объединенная Италія будетъ предоставлена самой себѣ. Тогда только можно будетъ видѣть, до какой степени разнородные элементы, входящіе въ ея составъ, и направленія, на которыя разбивается общество, могутъ примириться въ конституціонномъ порядкѣ. Во всякомъ случаѣ, находясь въ такомъ переходномъ положеніи, Италія не можетъ служить примѣромъ прочнаго водворенія политической свободы. Тоже должно сказать и объ Испаніи, гдѣ конституціонная жизнь до сихъ поръ ничто иное, какъ безпрерывный рядъ переворотовъ, то военныхъ, то дворцовыхъ. Наконецъ, нельзя не указать на Данію, гдѣ владычество парламентскаго большинства привело къ потерѣ половины государства.

Это смутное состояніе Европы, эта шаткость, эти колебанія свободы показываютъ, что введеніе представительнаго устройства не обез-

печиваетъ еще водворенія лучшаго порядка и правильнаго развитія государственной жизни. Задача исторіи не исчерпана тѣмъ, что представительныя начала пріобрѣли всеобщее признаніе у образованныхъ народовъ. Свободныя учрежденія должны быть утверждены на прочныхъ основахъ; въ этомъ состоитъ главный вопросъ настоящаго времени. А это зависитъ отъ внутреннихъ условій народной жизни, отъ тѣхъ элементовъ, изъ которыхъ слагается данное общество. Самыя совершенныя конституціи остаются мертвою буквою или служатъ источникомъ смутъ и раздоровъ, если онѣ не находятъ въ народѣ надлежащей опоры. Поклонники представительныхъ учрежденій не должны приходить въ отчаяніе отъ современнаго порядка вещей; прочное водвореніе свободы всегда требуетъ времени; гармонія жизни достигается путемъ борьбы. Но горькіе уроки опыта должны воздержать ихъ отъ безусловнаго приложенія своихъ началъ. Недостаточно вопіять противъ деспотизма и произвола; надобно понять, откуда они проистекаютъ. Когда они становятся историческими явленіями, фактами народной жизни, они перестаютъ быть дѣломъ случайной человѣческой воли. Личный произволъ не можетъ имѣть успѣха, если онъ не находитъ опоры и отголоска въ нѣдрахъ самаго общества. Поэтому вопросъ о представительствѣ не рѣшается изслѣдованіемъ тѣхъ началъ, на которыхъ оно зиждется. Нужно знать, до какой степени эти начала приложимы въ той или другой странѣ. Историческіе законы, точно такъ же, какъ умозрѣніе, убѣждаютъ насъ, что свобода составляетъ одну изъ существенныхъ сторонъ государственной жизни, одно изъ высшихъ требованій просвѣщеннаго порядка; цѣль исторіи состоитъ въ полномъ развитіи и гармоническомъ сочетаніи всѣхъ общественныхъ элементовъ. Но возможность такого сочетанія, водвореніе и упроченіе свободы въ данномъ обществѣ, зависятъ отъ мѣстныхъ и временныхъ условій, которыхъ изученіе составляетъ главную задачу, какъ теоріи, такъ и практики конституціонной жизни.

Взглядъ на развитіе представительныхъ учрежденій въ главныхъ европейскихъ государствахъ покажетъ намъ, почему политическая свобода скорѣе утверждалась въ одной странѣ, нежели въ другой, каковы бывали причины ея паденія, и какими средствами она поддерживалась.

ГЛАВА 2.

РАЗВИТІЕ КОНСТИТУЦІОННОЙ МОНАРХІИ ВЪ АНГЛІИ

Англія—классическая земля представительныхъ учрежденій. Здѣсь они ранѣе, нежели въ другихъ странахъ, выработались изъ средневѣковыхъ вольностей и сдѣлались необходимымъ органомъ государственной жизни. Здѣсь они сохранялись даже въ эпоху сильнѣйшаго развитія монархической власти и, не прерываясь, достигли новыхъ временъ, когда свѣжій духъ и новыя потребности, оживляя старинныя формы, образовали изъ нихъ конституціонную монархію въ современномъ значеніи.

Причина этого ранняго и прочнаго развитія политической свободы заключается въ томъ, что общественные элементы, изъ которыхъ составляется народное представительство, легче, нежели гдѣ либо, могли соединиться въ дружной дѣятельности. Здѣсь они совокупными силами дали отпоръ королевской власти и взяли правленіе въ свои руки. Условія такого объединенія лежали въ физическихъ свойствахъ страны и въ составѣ ея народонаселенія.

Англія обнимаетъ гораздо меньшее пространство, нежели другія великія европейскія державы. Ея не раздѣляютъ ни значительныя горныя цѣпи, ни большія рѣки. Одно только княжество Вельское выдѣляется изъ остальной земли; поэтому оно долѣе всего сохранило свою независимость. Вообще же, Англія не представляетъ никакихъ условій для самостоятельной мѣстной жизни. Страна составляетъ одно цѣлое, гдѣ съ раннихъ поръ все содѣйствовало развитію общаго духа и установленію единства въ законахъ и управленіи. На тѣсномъ пространствѣ, при удобствѣ сообщеній, люди могли сближаться, сговариваться, дѣйствовать заодно; у нихъ рождались общія цѣли и совокупные интересы. Съ другой стороны, и правительственная дѣятельность могла свободно распространяться по всей землѣ; государственное единство не встрѣчало здѣсь преградъ и не требовало искус-

ственнаго сосредоточенія власти. Въ то время, какъ европейскія общества дробились на мельчайшіе союзы съ державными правами, въ Англіи исчезаютъ даже мѣстные суды. Съ XII-го вѣка до настоящаго времени, тѣ же самые судьи, которые засѣдаютъ въ столицѣ, четыре раза въ годъ объѣзжаютъ области, воздавая правосудіе всѣмъ. Этотъ разительный фактъ, указывающій на полное отсутствіе мѣстной самостоятельности, объясняетъ многое въ развитіи англійскихъ учрежденій. Здѣсь никогда не могли возникнуть ни областныя права и привилегіи, ни мѣстное представительство. Въ сравненіи съ континентальными державами, Англія является не болѣе, какъ крупною областью. Въ средніе вѣка, она имѣла тоже внутреннее устройство и такую же общую политическую жизнь, какъ Нормандія, Бретань, Лангедокъ. Но понятно, что въ области легче можетъ совершиться объединеніе различныхъ общественныхъ элементовъ, нежели въ сложномъ государствѣ, гдѣ отдѣльныя части медленно и часто насильственно должны быть подчинены господству цѣлаго. Поэтому, тамъ водворяется владычество парламента; здѣсь же установляется монархическая власть, господствующая надъ разрозненными стихіями и приводящая ихъ къ единству. Въ доказательство можно сослаться на Францію, гдѣ генеральные штаты исчезаютъ, тогда какъ провинціальные сохраняются въ нѣкоторыхъ областяхъ до самыхъ временъ революціи.

Къ малому объему присоединяется уединенное положеніе Англіи. Оно предохраняло ее отъ насильственнаго вторженія чуждыхъ элементовъ и отъ необходимости обороны. Послѣдняя всегда вызываетъ потребность сильной власти, передъ которою все должно преклониться во имя спасенія общества. Внѣшнія опасности обыкновенно ведутъ къ деспотизму. Напротивъ, иностранныя войны англійскихъ королей, предпринимаемыя изъ честолюбивыхъ видовъ, ставили ихъ въ зависимость отъ парламента, который одинъ могъ доставлять имъ средства для содержанія войска. Географическое положеніе Англіи, окруженной моремъ, не мѣшало ей однако жить общеевропейскою жизнью. Въ основаніи ея общественнаго быта легли тѣже элементы, которые господствовали на материкѣ. На ней постоянно отражались европейскія событія, особенно реформація, которая дала новое направленіе ея исторіи. Но вслѣдствіе отдаленія ея отъ главнаго поприща борьбы, эти внѣшнія вліянія не нарушали единства внутренняго раз-

витія. При взаимномъ обмѣнѣ духовной жизни, всегда преобладали туземныя начала. Поэтому Англія никогда не могла быть средоточіемъ европейской исторіи. Не тамъ происходили битвы и разрѣшались вопросы, отъ которыхъ зависѣла судьба человѣчества. Споръ императоровъ съ папами, крестовые походы, борьба Франціи съ Испаніею за преобладаніе въ Европѣ, реформація и проистекшія отъ нея религіозныя войны, французская революція, владычество и паденіе Наполеона, борьба легитимизма съ либерализмомъ, всѣ эти важнѣйшія событія европейской исторіи совершались внѣ ея. Она принимала въ нихъ участіе издали, какъ второстепенный дѣятель. Самая реформація, которая ближе всего ея коснулась, получила въ ней узкій, исключительный и совершенно національный характеръ. Но стоя поодаль отъ борьбы, Англія стремилась къ соглашенію внутреннихъ своихъ элементовъ и тѣмъ внесла существенное начало въ общечеловѣческое развитіе. Она первая представила образецъ конституціонной монархіи и сдѣлалась постоянною опорою и убѣжищемъ свободы. Выработанныя ею учрежденія не черезъ нее распространились въ Европѣ, но она послужила типомъ для остальныхъ государствъ.

Раннему утвержденію свободы содѣйствовалъ и составъ народонаселенія Англіи. Во Франціи, въ Испаніи, въ Италіи, германскія дружины насѣли на покоренныя латинскія племена. Между этими двумя элементами не было ничего общаго. Они представляли крайности общественнаго быта: привычку къ полному подчиненію и безграничное господство личнаго права. Даже когда они постепенно слились другъ съ другомъ, эта первоначальная противоположность не исчезла. Вездѣ существовало многочисленное подвластное населеніе, надъ которымъ возвышалось феодальное рыцарство. Въ Германіи, побѣдители и побѣжденные не стояли такъ рѣзко другъ противъ друга; но здѣсь германское племя распадалось на множество отдѣльныхъ отраслей, изъ которыхъ каждая жила своею особою, мѣстною жизнью. Въ Англіи было несравненно болѣе единства. При покореніи Британіи Саксами, туземное населеніе было почти совершенно истреблено. Саксы остались, какъ чистое племя, и когда ихъ въ послѣдствіи покорили Норманны, то этотъ новый элементъ не былъ имъ совершенно чуждъ: у обоихъ были весьма близкіе другъ къ другу нравы, понятія и общественный бытъ. Побѣдители и побѣжденные скоро

могли соединиться и вмѣстѣ дать отпоръ грозившей имъ королевской власти.

Этому союзу обоихъ народовъ во имя общихъ правъ содѣйствовалъ и племенной ихъ характеръ. Оба они были по происхожденію Германцы. Германское племя, главный дѣятель въ исторіи среднихъ вѣковъ, искони носило въ себѣ тѣ противоположные элементы, которые легли въ основаніе средневѣковаго быта, подѣляя между собою раздвоенный міръ — начала отвлеченнаго умозрѣнія и личнаго права. Послѣднее выразилось преимущественно въ феодализмѣ, первое въ императорской власти, имѣвшей характеръ болѣе нравственный, нежели политическій, болѣе всемірный, нежели національный. Въ противоположность Германцамъ, латинскія племена, по самому своему свойству, продолжая преданія классическаго міра, съ одной стороны вводятъ умозрѣніе въ болѣе тѣсныя и опредѣленныя рамки, съ другой, подчиняютъ личность общему началу, стараясь привести къ единству противоположные элементы. У нихъ и свобода принимаетъ характеръ не столько личный, сколько политическій. Поэтому они являются главными представителями государственнаго развитія новаго времени; а такъ какъ исторія воздвигла государственный порядокъ на развалинахъ средневѣковаго быта, то они составляютъ центръ историческаго развитія современнаго человѣчества. Однако и германскіе элементы не потеряли своего значенія. Новое государство, въ отличіе отъ древняго, стремится къ полному развитію всѣхъ человѣческихъ силъ, а потому оба означенныя начала—личное и умозрительное, остаются существенными дѣятелями въ общей исторической жизни народовъ. Изъ нихъ, разработка отвлеченныхъ идей выпала на долю собственно Нѣмцамъ, развитіе же личнаго права сдѣлалось принадлежностью другой отрасли Германцевъ, англо-саксонскаго племени, которое является преимущественнымъ представителемъ свободы. Оно создало и типъ аристократической свободы въ Англіи и чистую демократію въ Соединенныхъ Штатахъ.

Германцы наложили свою печать на весь средневѣковой бытъ. Вездѣ общество слагалось изъ разнообразныхъ силъ, изъ отдѣльныхъ группъ, которыя развивались каждая особо и безпрерывно приходили въ столкновеніе другъ съ другомъ. Но въ Англіи, вслѣдствіе означенныхъ причинъ, эти различные общественные элементы никогда не распадались и не обособлялись до такой степени, какъ на материкѣ. Сословія

не могли получить здѣсь такого рѣзкаго и исключительнаго характера, какой они имѣли въ другихъ земляхъ. Не будучи призываемо къ постоянной войнѣ, лишенное мѣстной власти, имѣя надъ собою единое правительство, охраняющее порядокъ, дворянство рано потеряло свое чисто военное значенiе; а вслѣдствiе этого, не образуя особой касты, оно легче могло сблизиться съ другими сословiями въ общихъ интересахъ. Съ другой стороны, при слабомъ развитiи мѣстной жизни, города никогда не могли достигнуть въ Англiи такого независимаго положенiя, какъ на материкѣ. Городскихъ движенiй мы вовсе не видимъ; англiйское городское сословiе въ среднiе вѣка не играетъ самостоятельной роли, а идетъ вслѣдъ за дворянствомъ. Наконецъ, и церковь, удаленная отъ Рима, имѣла болѣе нацiональный характеръ, нежели въ остальной Европѣ. Она не служила орудiемъ чужестранныхъ притязанiй, а соединялась съ туземцами для достиженiя мѣстныхъ цѣлей. Конечно, честолюбiе Рима порой проявлялось и здѣсь; доказательствомъ служитъ споръ Генриха II-го съ Ѳомой Бекетомъ. Но и въ этой борьбѣ, остальное духовенство было за короля. Въ движенiи же, изъ котораго вышла Великая Хартiя, духовенство, вмѣстѣ съ баронами, отстаивало права народа противъ королевской власти, не смотря на угрозы и повелѣнiя папы.

Такимъ образомъ средневѣковые элементы получили здѣсь меньшее развитiе, нежели въ другихъ странахъ; но это самое содѣйствовало большей ихъ прочности. Между ними не было той внутренней борьбы, которая во многихъ государствахъ повела къ совершенному уничтоженiю сословiй и къ замѣнѣ корпоративныхъ союзовъ общественнымъ бытомъ, основаннымъ на гражданскомъ равенствѣ. Дѣйствуя дружно, различныя общественныя группы дѣлали другъ другу уступки, признавая обоюдныя права. Новое государственное устройство установилось, не разрушенiемъ стараго порядка, а соединенiемъ разнородныхъ частей, связанныхъ общею связью. Англiйскiя учрежденiя до сихъ поръ, во многихъ отношенiяхъ, носятъ на себѣ этотъ характеръ. Средневѣковыя формы и начала проглядываютъ въ нихъ на каждомъ шагу; старинная германская корпоративная жизнь, вездѣ уступающая новому общественному строю, здѣсь имѣетъ еще крѣпкiе корни. Вообще, государственный бытъ новаго времени гораздо менѣе отразился на Англiи, нежели на державахъ европейскаго материка.

На этомъ основано и могущество англiйской аристократiи, которая

въ средніе вѣка была преобладающею силою и сохранила свое значеніе до настоящаго времени. На материкѣ, низшія сословія вступили въ союзъ съ королевскою властью; они служили ей главною опорою въ ея борьбѣ съ вельможами и въ ея стремленіи къ владычеству. Результатомъ этого движенія было установленіе равенства посредствомъ самодержавія. Въ Англіи не было ничего подобнаго. Городское сословіе шло вслѣдъ за аристократіею и охотно уступало ей первое мѣсто, довольствуясь тѣмъ, что его права и его свобода охранялись закономъ, что и оно имѣло долю участія въ управленіи. Аристократія была главною руководительницею народа въ утвержденіи парламентскаго владычества. Она сообщила политическому быту то единство, которое въ другихъ странахъ истекало изъ бюрократіи. Поэтому Англія осталась самою аристократическою страною въ Европѣ. На ней отражаются и всѣ преимущества и всѣ недостатки аристократическаго правленія. Въ этомъ отношеніи, она занимаетъ въ новой исторіи такое же мѣсто, какое въ древней принадлежало Риму. И здѣсь и тамъ, аристократія не была исключительною обладательницею верховной власти, но съ раннихъ поръ допускала рядомъ съ собою и демократическіе элементы, которые, получая большее и большее развитіе, пріобрѣли наконецъ перевѣсъ. Въ Англіи, къ этому присоединилось начало монархическое, что̀ и произвело въ ней то сочетаніе всѣхъ трехъ основныхъ элементовъ государства, другъ друга воздерживающихъ и уравновѣшивающихъ, о которомъ мечтали и древніе мыслители и новые. Но это сочетаніе явилось не плодомъ искусственныхъ соображеній, а результатомъ историческаго развитія. Всѣ эти три силы, естественнымъ путемъ возникшія изъ общественнаго быта среднихъ вѣковъ, выросли рядомъ, каждая на своей почвѣ, и посредствомъ взаимнаго соглашенія соединились въ общемъ устройствѣ.

Англійская конституція носитъ на себѣ поэтому характеръ совершенно историческій, исключающій возможность подражанія. Политическая свобода у другихъ народовъ имѣетъ весьма недавнюю исторію. Средневѣковыя представительныя учрежденія большею частью пали, не оставивъ по себѣ и слѣда; новыя возникли на новой почвѣ. Англійская конституція, напротивъ, имѣетъ корни въ глубокой древности; представительныя учрежденія, не смотря на временное ослабленіе, никогда не исчезали здѣсь совершенно, а тянутся непрерывною нитью отъ начала среднихъ вѣковъ до настоящаго времени. Хотя не-

возможно искать конституціоннаго устройства у Англо-Саксовъ, какъ дѣлали нѣкоторые либеральные изслѣдователи, которые старались подкрѣпить народныя права авторитетомъ древности, однако нѣтъ сомнѣнія, что даже и англо-саксонскія учрежденія вошли, какъ существенный элементъ, въ образованіе представительнаго устройства Англіи.

Историческій ходъ былъ здѣсь тотъ же самый, который мы обозначили выше, говоря о развитіи представительныхъ учрежденій въ Европѣ. Англо-саксонскій періодъ соотвѣтствуетъ первой, дружинной и алодіальной эпохѣ средневѣковой исторіи. Какъ французскіе монархи сбирали дружинниковъ на мартовское или майское поле и совѣщались съ знатнѣйшими изъ нихъ, такъ и англо-саксонскіе короли имѣли свой витенагемотъ — собраніе мудрыхъ, епископовъ, аббатовъ и королевскихъ тановъ, съ совѣта которыхъ они рѣшали общественныя дѣла. Это было не народное представительство, а аристократическое собраніе; но оно заключало въ себѣ зачатки будущаго парламента и служило гарантіею тѣхъ правъ, которыя въ послѣдствіи легли въ основаніе англійской свободы. Изъ этой эпохи идетъ уже мысль, что законъ не можетъ быть измѣненъ одностороннею волею короля. Англо саксонское право осталось неприкосновеннымъ наслѣдіемъ англійскаго народа. Даже послѣ завоеванія, норманскіе короли постоянно повторяютъ обѣщаніе сохранять законы Эдуарда Исповѣдника. Отсюда возникло англійское общее право (common law), которое развивалось юристами и не подлежало не только отмѣнѣ, но даже и временному пріостановленію указами королей. Въ періодъ самаго сильнаго развитія монархической власти, когда статуты, установленные съ согласія парламента, отмѣнялись прокламаціями, дѣйствіе послѣднихъ никогда не простиралось на общее право. Наконецъ, Англо-Саксы положили основаніе устройству графствъ, которыхъ представители сдѣлались въ послѣдствіи однимъ изъ главныхъ составныхъ элементовъ нижней палаты. На собраніе графства (county court), подъ предсѣдательствомъ епископа, альдермана или шерифа, сходились всѣ свободные люди, преимущественно для суда, который производился знатнѣйшими лицами, танами. Въ послѣдствіи, судъ исчезъ, но собранія графства остались и сдѣлались первыми избирательными коллегіями для представительства въ парламентѣ.

Это алодіально-дружинное устройство мало по малу принимаетъ феодальныя формы, необходимыя въ то время для прочности общест-

венной связи. Каждый свободный человѣкъ долженъ избирать себѣ лорда и состоять въ его службѣ. Могущество аристократіи вслѣдствіе этого растетъ; между нею и королями возгарается борьба, которая, къ концу англо-саксонскаго періода, повела къ утвержденію власти вельможъ въ отдѣльныхъ графствахъ. Наконецъ, съ пресѣченіемъ королевской династіи смертью Эдуарда Исповѣдника, аристократія, въ лицѣ Гарольда, вступаетъ на престолъ. Но здѣсь внезапное событіе — завоеваніе Англіи Норманнами, полагаетъ конецъ англо-саксонскому владычеству и становится началомъ инаго порядка вещей.

Въ Нормандіи, феодализмъ достигъ въ это время полнаго развитія. Съ завоеваніемъ, онъ былъ цѣликомъ перенесенъ и въ Англію, которая разомъ превратилась въ феодальную страну. Однако здѣсь были существенныя особенности, которыя опредѣлили характеръ дальнѣйшаго развитія учрежденій и отличіе англійскаго быта отъ господствовавшаго на материкѣ.

Главною характеристическою чертою установленнаго Норманнами порядка было сильное развитіе королевской власти. Вильгельмъ Завоеватель хотѣлъ предупредить усиленіе могучихъ вассаловъ, которые могли стать соперниками короля. Съ этою цѣлью, онъ не только сосредоточилъ въ своихъ рукахъ такія громадныя владѣнія, передъ которыми исчезала сила отдѣльныхъ вельможъ, но раздавая лены, онъ позаботился о томъ, чтобы знатнѣйшіе вассалы получили земли, разсѣянныя въ разныхъ мѣстахъ. Эта дробность имѣній лишала аристократію всякой возможности утвердиться въ областяхъ, пріобрѣсти крѣпкую основу для мѣстнаго могущества. Король не допускалъ и частныхъ войнъ; онъ не дозволялъ даже построенія замковъ, которыми былъ усѣянъ европейскій материкъ. Вся полиція сосредоточивалась въ его рукахъ; онъ же держалъ и судъ, съ правомъ произвольнаго денежнаго наказанія, вслѣдствіе чего вотчинные суды бароновъ никогда не могли получить въ Англіи значительнаго развитія. Наконецъ, Вильгельмъ Завоеватель заставилъ даже низшихъ вассаловъ, которые держали свои земли подъ рукою королевскихъ ленниковъ, принести себѣ присягу, какъ верховному господину, установляя такимъ образомъ непосредственную связь между королемъ и всѣми военными людьми, тогда какъ феодальный порядокъ вообще основывался на іерархическомъ подчиненіи низшихъ высшимъ. Однимъ словомъ, онъ воспользовался всѣми мѣстными условіями, всѣми

выгодами своего положенія, чтобы усилить свою власть и ослабить бароновъ.

Но это могущество короля вызвало соотвѣтствующій отпоръ съ противоположной стороны. Безсильные въ одиночку, бароны соединились для общаго дѣйствія, для поддержанія своихъ правъ. Изъ этого союза образовалась такая плотная аристократія, какой никогда не было на материкѣ. Тамъ короли боролись съ тѣмъ или другимъ могучимъ вассаломъ, но соединеніе всѣхъ, и притомъ постоянное, было дѣломъ неслыханнымъ. Мѣстныя условія Англіи, въ особенности отсутствіе областной жизни, содѣйствовали этой связи. Всѣ попытки бароновъ утвердить свое могущество инымъ путемъ оказывались тщетными. Во времена междоусобной войны между Стефаномъ и Матильдою, вслѣдствіе временнаго ослабленія королевской власти, вся Англія покрылась замками; начались частныя войны. Но съ водвореніемъ порядка при Генрихѣ II-мъ, все это опять прекратилось; замки были срыты, частныя войны сдѣлались невозможными по объявленіи общаго королевскаго мира.

Это соединеніе бароновъ въ отпоръ королямъ произошло не вдругъ. На первыхъ порахъ послѣ завоеванія, феодальные владѣльцы, вмѣстѣ съ королями, стараются подавить возстанія Саксовъ и упрочить свое господство. Короли собираютъ ихъ на празднества, трижды въ году, и здѣсь совѣщаются съ ними объ общихъ дѣлахъ. Въ хартіи Генриха I-го сказано, что онъ даруетъ народу законы Эдуарда Исповѣдника, измѣненные его отцемъ съ согласія бароновъ. Значеніе этихъ совѣщаній усилилось во время спора Генриха II-го съ Ѳомой Бекетомъ. Король искалъ поддержки и въ духовенствѣ и въ свѣтскихъ чинахъ. Отсюда произошли собранія Кларендонское и Норсамптонское, гдѣ постановлены были общія правила объ отношеніи свѣтской власти къ церковной.

Однако подобныя законодательныя собранія были исключеніемъ; они вызывались чрезвычайными обстоятельствами. Вообще же, въ этотъ первоначальный періодъ норманскаго владычества, парламентъ еще не образовался, не сдѣлался необходимымъ органомъ общественныхъ потребностей. Феодализмъ мало способствовалъ развитію общаго законодательства. Онъ держался не общими постановленіями, а твердою системою частныхъ правъ, весьма опредѣленныхъ, не подлежавшихъ измѣненію. Главная задача состояла въ охраненіи этихъ

правъ. Отсюда, при каждомъ новомъ царствованіи, грамоты, подтверждающія права и отмѣняющія злоупотребленія. Если хартія Вильгельма Завоевателя не совсѣмъ достовѣрна, то несомнѣнна подлинность грамотъ Генриха I-го и Генриха II-го. Частое подтвержденіе правъ было тѣмъ необходимѣе, что въ эту эпоху смутъ и насилія, они постоянно нарушались. Имѣя въ рукахъ громадную силу, при отсутствіи всякихъ сдержекъ, короли безпрерывно употребляли власть свою во зло. Пока нужно было держать въ подчиненіи покоренное племя, насиліе устремлялось главнымъ образомъ въ эту сторону. Но когда завоеваніе упрочилось, произволъ обратился и на вассаловъ, къ чему подавали поводъ значительныя феодальныя права англійскихъ королей. Злоупотребленія достигли высшей степени при Іоаннѣ Безземельномъ; но тутъ они нашли себѣ преграду. Бароны имѣли уже случай испытать свою силу; въ отсутствіи Ричарда I-го, предпринявшаго крестовый походъ, они съ помощью того же Іоанна, низложили канцлера, оставленнаго во главѣ управленія. Теперь союзъ ихъ обратился противъ самого короля. Съ ними соединилась и церковь, не смотря на то, что папа стоялъ за Іоанна, который призналъ себя его вассаломъ. Архіепископъ Кентерберійскій, Стефанъ Лангтонъ, былъ главнымъ предводителемъ оппозиціи. Іоаннъ долженъ былъ уступить. Въ 1215-мъ году, на равнинѣ Роннимидъ, онъ подписалъ Великую Хартію, первый памятникъ англійской свободы.

Великая Хартія содержитъ въ себѣ подтвержденіе всѣхъ тѣхъ правъ, которыми пользовались свободные люди того времени, и которыя лежали въ основаніи средневѣковаго порядка. Она простирается на всѣ свободныя сословія, на феодальныхъ владѣльцевъ, высшихъ и низшихъ, на горожанъ и вообще на свободныхъ людей; только духовенство получило отдѣльную грамоту. Главное значеніе Великой Хартіи состоитъ именно въ томъ, что она имѣетъ характеръ не сословный, а общій; она содержитъ въ себѣ постановленія не для однихъ бароновъ, а для всѣхъ, ибо всѣ равно страдали отъ королевскаго произвола и соединились для совокупнаго отпора.

Бароны выговорили себѣ отмѣну всѣхъ злоупотребленій по феодальному праву: грабительства при опекахъ, насильственныхъ замужествъ, незаконныхъ поборовъ, произвольныхъ конфискацій. Король, по ленному обычаю, имѣлъ право взимать подать въ извѣстныхъ случаяхъ: онъ бралъ relevium при перемѣнѣ владѣльца; ему давались

пособія въ случаѣ взятія его въ плѣнъ, замужества старшей дочери и возведенія въ рыцари старшаго сына. Въ замѣнъ личной службы, можно было налагать особую подать, Scutagium, но не иначе, какъ съ согласія владѣльцевъ. Это право согласія, которое сдѣлалось главнымъ орудіемъ англійской свободы, именно подтверждается Великою Хартіею. Никакая подать, сказано въ ней, сверхъ обычныхъ пособій, не можетъ быть взимаема съ вассаловъ безъ согласія общаго совѣта королевства. Для этого король долженъ приглашать поименно архіепископовъ, епископовъ, аббатовъ, графовъ и великихъ бароновъ; остальныхъ же непосредственныхъ вассаловъ созывать общимъ предписаніемъ къ правителямъ графствъ. Это — первые зачатки парламента и первый шагъ къ раздѣленію его на двѣ палаты.

Города, которые въ это время значительно усилились и размножились, также получили подтверженіе своихъ грамотъ и привилегій. Иностраннымъ купцамъ позволено было свободно разъѣзжать и торговать по всему государству. Но важнѣйшія постановленія Великой Хартіи относятся къ личной свободѣ и къ гарантіямъ правильнаго суда. Сюда принадлежитъ прежде всего та знаменитая статья, которою личная свобода каждаго Англичанина ставится подъ защиту закона: «ни одинъ свободный человѣкъ да не будетъ арестованъ, ни заключенъ въ тюрьму, ни лишенъ собственности, ни объявленъ внѣ закона, ни подверженъ изгнанію, и мы на него не пойдемъ и никого на него не пошлемъ, иначе, какъ по суду его равныхъ, или по закону земли». Затѣмъ король обязывается никому не отказывать въ правосудіи и не дѣлать проволочекъ. Устраняются излишніе штрафы, доводившіе людей до разоренія; бароны не иначе могутъ быть оштрафованы, какъ по суду равныхъ и соразмѣрно съ преступленіемъ. Судьи должны ежегодно дѣлать свои объѣзды, и кромѣ того, въ Вестминстерѣ долженъ находиться постоянный судъ, не состоящій при особѣ короля, и не слѣдующій за нимъ въ его путешествіяхъ.

Этими постановленіями опредѣлялись права свободныхъ людей; но противъ безпрерывныхъ насилій нужна была болѣе дѣйствительная гарантія, необходимо было учрежденіе, которое полагало бы преграду нарушеніямъ права. Оно было установлено въ духѣ среднихъ вѣковъ, представлявшихъ борьбу враждебныхъ другъ другу силъ. Двадцать пять бароновъ, въ томъ числѣ меръ города Лондона, объявлены были хранителями Великой Хартіи. Въ случаѣ нарушенія ея королемъ, они

должны требовать возстановленія права отъ самого монарха или отъ судей; если же имъ будетъ отказано въ просьбѣ, они могутъ, вмѣстѣ съ общинами всей земли, которыя обязаны принести имъ присягу въ повиновеніи, употребить противъ короля принудительныя средства, именно: отнять у него зàмки, земли, владѣнія, и прибѣгать ко всякимъ другимъ способамъ принужденія, исключая посягательства на его особу, а также на королеву и ихъ дѣтей; когда же они получатъ удовлетвореніе, они должны повиноваться, какъ прежде.

Эта гарантія очевидно была несостоятельна. Она заходила слишкомъ далеко и водворяла организованную анархію. Король ставился въ полную зависимость отъ бароновъ. Сильная власть, какъ та, которою обладали англійскіе монархи, не могла этому подчиниться. И точно, Іоаннъ, какъ скоро собрался съ силами, отмѣнилъ Великую Хартію, объявилъ войну баронамъ и принудилъ ихъ искать помощи у Франціи. Смерть его положила конецъ борьбѣ. Послѣ него остался малолѣтній сынъ, котораго нечего было опасаться. Правитель государства, герцогъ Пемброкъ, старался возстановить миръ; онъ привлекъ къ себѣ бароновъ, подтвердивъ Великую Хартію. Однако здѣсь были опущены всѣ гарантіи: не только устраненъ былъ совѣтъ двадцати пяти, но и самая статья, которою требовалось созваніе парламента, была исключена, вслѣдствіе возникшихъ затрудненій.

Скоро борьба возобновилась Для огражденія свободы недостаточно было одной Хартіи. Права, не обезпеченныя учрежденіями, слишкомъ легко подвергаются нарушенію, особенно тамъ, гдѣ самый общественный бытъ вызываетъ на произволъ. «Норманское управленіе, говоритъ Галламъ, болѣе походило на битву дикихъ звѣрей, въ которой сильнѣйшій беретъ лучшій кусокъ, нежели на систему, основанную на началахъ общей пользы». Великая Хартія подтверждалась болѣе тридцати разъ и также постоянно нарушалась королями. Эти подтвержденія служили только средствомъ сохранить въ обществѣ сознаніе права, не дать упрочиться незаконнымъ обычаямъ. Настоящее обезпеченіе могъ доставить одинъ парламентъ. Поэтому уже при Генрихѣ III-мъ, бароны снова требуютъ созванія чиновъ. Долголѣтнее царствованіе этого слабаго короля наполнено борьбою съ вассалами. Они не разъ заставляли его изгонять своихъ совѣтниковъ. Въ 1258-мъ году, они вынудили у него согласіе на преобразованіе королевства, и съ этою цѣлью назначили комитетъ реформаторовъ, который забралъ всю

власть въ свои руки. Когда же, наконецъ, король захотѣлъ избавиться отъ этой опеки, вспыхнула междоусобная война, въ которой королевская партія потерпѣла полное пораженіе. Самъ Генрихъ и его сынъ были взяты въ плѣнъ, правленіе перешло въ руки бароновъ, которыми предводительствовалъ Симонъ Монфортскій, графъ Лейстеръ.

Первымъ послѣдствіемъ побѣды вельможъ было созваніе парламента; но уже не съ прежнимъ, чисто феодальнымъ характеромъ, а на болѣе широкихъ основахъ. Парламентъ существовалъ и до того времени; въ важныхъ дѣлахъ, особенно при перемѣнѣ законовъ, король, какъ мы видѣли, совѣщался съ великими баронами, созывая тѣхъ или другихъ, по усмотрѣнію. Для чрезвычайныхъ налоговъ нужно было и болѣе общее совѣщаніе. Но все это ограничивалось феодальными владѣльцами, которые одни не подлежали податямъ безъ своего согласія. Съ городовъ король имѣлъ право взимать налоги по произволу. А такъ какъ города были главнымъ средоточіемъ богатства, то короли часто могли обходиться безъ пособія остальныхъ. При совокупной дѣятельности, при общемъ отпорѣ произволу, нужно было распространить на всѣ сословія право согласія на подати; этимъ только парламентъ могъ получить прочныя основы. Съ этою цѣлью, графъ Лейстеръ въ 1246-мъ году созвалъ на общее совѣщаніе не только представителей рыцарства, но и депутатовъ отъ городовъ. Это было настоящее рожденіе англійскаго парламента. Не задолго передъ тѣмъ, въ 1255-мъ году, въ первый разъ упоминается и призывъ низшаго духовенства къ общему совѣту. Парламентъ былъ въ полномъ составѣ.

На этотъ разъ онъ существовалъ недолго. Торжество бароновъ было непродолжительно. Распри между главными ихъ предводителями, Лейстеромъ и Глостеромъ, дали снова перевѣсъ королевской партіи. Лейстеръ былъ убитъ въ сраженіи; но начатое имъ дѣло не погибло. При Эдуардѣ I-мъ, созваніе городскихъ депутатовъ становится постояннымъ правиломъ. Въ это же время, Подтвержденіемъ Хартій 1297 го года, король окончательно отказался отъ права произвольнаго взиманія податей. Однако и здѣсь было сдѣлано исключеніе, которое отворило двери дальнѣйшимъ злоупотребленіямъ. Въ грамотѣ сказано было: «податей, кромѣ должныхъ и обычныхъ». Но что̀ разумѣть подъ этими словами, оставалось неопредѣленнымъ. Самъ Эдуардъ самовольно наложилъ таможенную пошлину, а его преемники,

отличая внѣшнія подати отъ внутреннихъ, сохраняли за собою право налагать первыя, отказываясь только отъ произвольнаго взиманія послѣднихъ. Эдуардъ III-й выговаривалъ себѣ право налагать подати и въ случаяхъ великой нужды, для защиты государства, право, которое въ послѣдствіи сдѣлалось источникомъ замѣчательныхъ споровъ между королемъ и парламентомъ. Короли скоро изыскали и другіе способы обходить законъ: вмѣсто налоговъ, они вымогали подарки или заключали насильственные займы. Встрѣчаются даже случаи произвольнаго наложенія настоящихъ податей. Все это истекало изъ духа времени, въ которомъ, какъ говоритъ Галламъ, господствовала болѣе сила, нежели законъ.

Однако упорная борьба за свободу принесла свою пользу. Злоупотребленія становятся рѣже. Царствованіе Эдуарда I-го, составляющее эпоху въ исторіи англійскаго законодательства, было вмѣстѣ съ тѣмъ временемъ болѣе прочнаго утвержденія правъ и постояннаго водворенія представительныхъ учрежденій. Это было тѣмъ важнѣе, что Эдуардъ, въ отличіе отъ отца и дѣда, былъ однимъ изъ наиболѣе энергическихъ и даровитыхъ англійскихъ монарховъ. Но союзъ бароновъ былъ сильнѣе самаго прозорливаго, дѣятельнаго и могущественнаго короля. Послѣ долгой борьбы, графы Гирфордъ и Норфолькъ заставили его преклониться передъ закономъ и даровать Подтвержденіе Хартій. Не мудрено, что въ убѣжденіи современниковъ, аристократія стояла наровнѣ съ монархомъ, если не выше его. Юристъ Брактонъ, который жилъ въ концѣ царствованія Генриха III-го, утверждаетъ, что король подчиненъ не только закону, отъ котораго заимствуетъ свою власть, но и собранію бароновъ; ибо, говоритъ онъ, «они называются его товарищами, а кто имѣетъ товарища, имѣетъ и господина, и еслибы король не носилъ на себѣ узды, то есть закона, они должны бы были наложить на него узду». Это была борьба двухъ силъ, стоявшихъ во главѣ средневѣковаго общества, и въ настоящую эпоху перевѣсъ склонялся на сторону бароновъ, которые имѣли за себя могучаго союзника — парламентъ, составленный изъ представителей отъ всѣхъ сословій.

Эти сословія, какъ вездѣ, были духовенство, дворянство и города. Первоначально, каждое изъ нихъ засѣдало особо, и отдѣльно отъ другихъ изъявляло согласіе на пособія. Такъ, въ 1295-мъ году, бароны и рыцари дали королю одиннадцатую часть своихъ доходовъ, духовен-

ство десятую, города седьмую. Но уже въ половинѣ XIV-го вѣка произошла весьма знаменательная перемѣна: рыцарство отдѣлилось отъ высшаго дворянства и присоединилось къ горожанамъ. Причины этого перемѣщенія заключались въ самомъ составѣ и характерѣ сословій въ Англіи. Съ одной стороны, существовала огромная разница въ значеніи великихъ бароновъ и низшихъ рыцарей. Первые были постоянными политическими дѣятелями, непремѣнными совѣтниками короля. Во всѣхъ важныхъ дѣлахъ, они, вмѣстѣ съ знатнымъ духовенствомъ, призывались на совѣщаніе. Поэтому и на общемъ парламентѣ, гдѣ, кромѣ пособій, шла рѣчь обо всѣхъ государственныхъ дѣлахъ, они должны были образовать особую палату. Могущественная аристократія выдѣлилась такимъ образомъ изъ общаго состава дворянства, а это должно было облегчить сліяніе послѣдняго съ низшими классами. Съ другой стороны, рыцарство въ Англіи не отдѣлялось отъ горожанъ такими рѣзкими чертами, какъ въ остальной Европѣ. На материкѣ, дворянство было чисто военнымъ сословіемъ; оно отличалось отъ другихъ и нравами, и понятіями и правами. «Дворянство, говорило французское рыцарство на генеральныхъ штатахъ 1484-го года, привыкло давать не деньги, а удары копьемъ. Каждому свое назначеніе: духовенству молиться, дворянству биться на войнѣ, третьему сословію платить деньги, и все это для общей пользы». Англійское дворянство, напротивъ, не несло военной службы, а платило подати. Причина этого различія лежала въ самомъ географическомъ положеніи Англіи. Войны велись большею частью за моремъ; походы требовали продолжительнаго времени. Для этого совершенно недостаточны были феодальныя ополченія, которыхъ служебныя обязанности ограничивались сорока днями. Потому англійскіе короли рано стали употреблять наемное войско и превращать военныя повинности вассаловъ въ денежныя пособія. У рыцарей и горожанъ установились такимъ образомъ общія податныя обязанности, которыя послужили имъ точкою соединенія. И тѣ и другіе сзывались въ парламентъ для одного дѣла, для согласія на пособія; и тѣ и другіе посылали для этого своихъ представителей, тогда какъ лорды являлись лично и трактовали съ королемъ обо всѣхъ дѣлахъ. Къ этому присоединились и другіе поводы къ сближенію. Не отличаясь отъ другихъ сословій правами и обязанностями, рыцарство не имѣло и особеннаго рода собственности. Крѣпостное право рано исчезло въ Англіи, а земли свободно переходили

изъ рукъ въ руки. Не подлежа личнымъ военнымъ повинностямъ, рыцарскіе лены могли продаваться постороннимъ, и новые владѣльцы, облагаемые податьми, пріобрѣтали черезъ это участіе въ представительствѣ. Поэтому, избирательное право въ графствахъ, которое первоначально принадлежало одному рыцарству, распространилось въ послѣдствіи на всѣхъ свободныхъ собственниковъ (freeholders), то есть на владѣльцевъ рыцарскихъ или свободныхъ земель. При Генрихѣ VI мъ было опредѣлено, что право голоса принадлежитъ всѣмъ фригольдерамъ, имѣющимъ сорокъ шиллинговъ дохода. Отсюда произошло то важное послѣдствіе, что англійское дворянство не могло образовать изъ себя замкнутаго сословія съ опредѣленными правами и привилегіями. Оно слилось съ совокупностью свободныхъ землевладѣльцевъ въ общемъ составѣ графства. Съ другой стороны, и города не выдѣлялись рѣзко изъ графства. Немногіе изъ нихъ образовали совершенно отдѣльные административные округи. Большею частью они, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, подчинялись общему управленію; многіе даже вовсе не имѣли корпоративнаго устройства, а входили въ составъ графства. По всѣмъ этимъ причинамъ, сословное представительство въ Англіи получило совершенно особенный характеръ. Три сословія остались, но уже не духовенство, дворянство и города, а духовенство, лорды и общины. Изъ нихъ, духовенство не составляло въ парламентѣ особой палаты. Высшее, принадлежа къ совѣтникамъ короля, соединилось съ свѣтскими лордами; низшее же совершенно отпало, потому что судилось своими законами и давало свои пособія, отдѣльно отъ другихъ. Духовенство имѣло для этого свое собраніе, такъ называемую конвокацію, которая раздѣлялась на двѣ палаты, обсуждала церковные законы и до половины XVII-го вѣка сама облагала себя податьми. Остальныя сословія образовали парламентъ, который точно также раздѣлился на двѣ палаты, верхнюю и нижнюю, одну съ аристократическимъ, другую съ демократическимъ характеромъ.

Эта перемѣна совершилась сама собою, силою вещей; между тѣмъ, ничто такъ не содѣйствовало упроченію парламентскаго могущества. Вмѣсто разрозненныхъ интересовъ, неизбѣжныхъ при сословномъ представительствѣ, явилась возможность дружной дѣятельности. Аристократія стояла здѣсь на первомъ планѣ, давая политикѣ единство и направленіе. Она находила сильнѣйшую поддержку въ рыцарствѣ, которое связывалось съ нею и нравами, и интересами и родствомъ.

Рыцарство же, въ теченіе всего средневѣковаго періода, было главнымъ дѣятелемъ въ нижней палатѣ; горожане слѣдовали за нимъ, подчиняясь его внушеніямъ. При такой тѣсной связи сословій, великіе бароны могли сдѣлать парламентъ главнымъ орудіемъ своихъ цѣлей. Со времени установленія общаго представительства, сюда переносится настоящее поприще борьбы между королемъ и аристократіею, а вслѣдствіе этого власть парламента ростетъ болѣе и болѣе.

Первоначальное значеніе парламента состояло въ гарантіи правъ, въ согласіи на пособія. Но силою вещей, этотъ тѣсный юридическій характеръ мало по малу расширился до участія во всѣхъ общественныхъ дѣлахъ. Кому принадлежитъ право давать или не давать деньги, тотъ неизбѣжно становится соучастникомъ всего управленія. При развитіи общественныхъ потребностей, при внѣшнихъ войнахъ, которыя велись англійскими королями, послѣдніе должны были безпрерывно прибѣгать къ помощи сословій. Но при всякомъ новомъ требованіи, естественно раждался вопросъ: точно ли прежнія пособія истрачены на общественныя нужды? Финансовый контроль являлся необходимымъ дополненіемъ права облагаться податьми. Отсюда два начала, которыя въ настоящій періодъ не получили еще полнаго развитія, но которыя обозначаютъ постепенное расширеніе правъ народнаго представительства: съ одной стороны, пособія получаютъ опредѣленное назначеніе, съ другой, парламентъ домогается отчета въ издержкахъ, а иногда ставитъ даже своихъ довѣренныхъ людей для израсходованія собранныхъ суммъ. Затѣмъ, такъ какъ деньги требуются большею частью для войны, то съ обсужденіемъ необходимости пособій естественно соединяются пренія о войнѣ и мирѣ. Сами короли нерѣдко представляли эти дѣла на судъ палатъ, желая пріобрѣсти ихъ опору; ибо, разъ давши согласіе на войну, парламентъ тѣмъ самымъ обязывался ее поддерживать, снабжая правительство достаточными средствами. Но именно поэтому, палата общинъ первоначально отказывалась отъ обсужденія этихъ вопросовъ, не желая принять на себя подобное обязательство. Однако естественная связь вещей мало по малу ввела пренія о войнѣ и мирѣ въ составъ парламентскихъ правъ. Трактаты нерѣдко представлялись даже на утвержденіе парламента.

Еще ближе было поползновеніе воспользоваться своими правами для устраненія всякихъ злоупотребленій, безпорядковъ и неудобствъ,

отъ которыхъ страдали граждане. Съ половины XIV-го столѣтія, при открытіи каждаго парламента, общины подаютъ королю прошеніе, съ изложеніемъ своихъ жалобъ и требованій. Удовлетвореніе ихъ нерѣдко ставится условіемъ согласія на пособія. Между королемъ и представительствомъ происходилъ иногда настоящій торгъ. Одна сторона старалась вынудить уступку, другая употребляла всѣ средства, чтобы ея избѣгнуть. Съ этою цѣлью, короли обыкновенно давали отвѣтъ на прошенія только по окончаніи засѣданій, когда денежный вопросъ былъ уже рѣшенъ; парламентъ же, съ своей стороны, настаивалъ на томъ, чтобы отвѣтъ предшествовалъ преніямъ о пособіяхъ. Такія же пререканія происходили и относительно тѣхъ постановленій, которыя издавались по просьбѣ парламента. Обыкновенно они писались судьями и совѣтниками короля и обнародывались отъ его имени, когда палаты были уже распущены. При этомъ нерѣдко оказывалось, что законъ вовсе не соотвѣтствовалъ желаніямъ представителей; первоначальныя ихъ требованія измѣнялись въ правительственной редакціи. Но съ новымъ парламентомъ возникали новыя жалобы, представители настаивали на удовлетвореніи. Для устраненія произвола въ составленіи законовъ, при Генрихѣ VI-мъ установился обычай, вмѣсто прошеній, представлять совершенно готовые уже проекты, которые нуждались только въ утвержденіи короля. Это было начало настоящей законодательной власти, которая однако въ разсматриваемый нами періодъ не получила еще надлежащей опредѣленности. Хотя и существовало правило, что статуты не могутъ быть издаваемы иначе, какъ съ согласія парламента, но король могъ дѣлать законныя постановленія и личными указами; различіе же между статутами и указами не было опредѣлено. Парламентъ пытался иногда ограничить въ этомъ отношеніи королевскую власть. При Ричардѣ II-мъ, общины просили его не издавать указовъ, противныхъ общему праву, статутамъ и обычаямъ; но король отвѣчалъ на это уклончиво. Преемники его постоянно приписывали себѣ право освобождать по усмотрѣнію отъ исполненія статутовъ, а иногда даже отмѣняли ихъ совершенно.

Но парламентъ не ограничивался просьбами объ исправленіи законовъ и объ устраненіи злоупотребленій. Если существовали поводы къ жалобамъ, то были и виновники—лукавые совѣтники, которые злоупотребляли довѣріемъ монарха и притѣсняли подданныхъ. Защи-

щая права народа, парламентъ присвоилъ себѣ право обвиненія и суда надъ государственными сановниками, на которыхъ падала отвѣтственность за дурное управленіе. Это право было добыто тѣмъ же путемъ, какимъ вырваны были у королей хартіи о правахъ, силою оружія. Мы видѣли, что бароны заставили Генриха III-го удалить своихъ совѣтниковъ. Тоже повторилось и при Эдуардѣ II-мъ. Любимецъ его, Гавестонъ, навлекъ на себя общую ненависть. Бароны не разъ требовали его удаленія; король уступалъ необходимости, но опять призывалъ его къ себѣ. Наконецъ, бароны прибѣгли къ оружію, заставили короля бѣжать, и взявши Гавестона въ плѣнъ, казнили его смертью. Точно также изгнаны были и другіе любимцы Эдуарда, Спенсеры. Но когда парламентъ получилъ большую власть и сдѣлался главнымъ поприщемъ борьбы, вооруженное возстаніе замѣнилось парламентскимъ обвиненіемъ. Короли и здѣсь уступали силѣ и тѣмъ освящали обычай. Первый примѣръ такого обвиненія встрѣчается въ концѣ царствованія Эдуарда III-го, когда противъ стараго короля образовалась сильная оппозиція подъ предводительствомъ сына его, знаменитаго Чернаго Принца. Два лорда и четыре купца, которые участвовали въ администраціи, были преданы суду по обвиненію нижней палаты. Впрочемъ, народное представительство служило здѣсь не болѣе, какъ орудіемъ въ чужихъ рукахъ. Это видно изъ того, что немедленнно послѣ смерти Чернаго Принца, дѣло приняло совершенно иной оборотъ: обвиненные были выпущены; ораторъ палаты, напротивъ, подвергся тюремному заключенію, и новый парламентъ отмѣнилъ постановленія прежняго.

Наконецъ, парламентъ принималъ непосредственное участіе и въ тѣхъ неоднократныхъ революціяхъ, къ которымъ приводила борьба королей съ баронами. Въ этомъ отношеніи, замѣчательны царствованія Эдуарда II-го и Ричарда II-го. Мы видѣли казнь Гавестона, изгнаніе Спенсеровъ; но этимъ не ограничились притязанія бароновъ. Въ 1310-мъ году, когда король, вслѣдствіе безразсудной расточительности, долженъ былъ прибѣгнуть къ созванію чиновъ, бароны явились въ собраніе съ оружіемъ и заставили короля передать всю власть комитету лордовъ распорядителей (ordainers), облеченныхъ довѣріемъ парламента. Безъ ихъ согласія, онъ не могъ ни предпринимать войны, ни выѣзжать изъ государства, ни назначать сановниковъ, ни раздавать милостей. Парламентъ долженъ былъ созываться однажды въ годъ и

даже чаще, если нужно. Это учрежденіе, какъ и то, которое было установлено Великою Хартіею, не могло удержаться. Эдуардъ II-й успѣлъ возстановить свою власть; глава бароновъ, графъ Ланкастеръ, былъ казненъ, и новый парламентъ отмѣнялъ всѣ постановленія лордовъ распорядителей. Но и торжество короля было непродолжительно; скоро онъ былъ сверженъ съ престола и погибъ въ темницѣ.

Еще болѣе проявилось участіе парламента въ событіяхъ царствованія Ричарда II-го. Главнымъ дѣятелемъ является здѣсь честолюбивый его дядя, герцогъ Глостеръ, въ союзѣ съ нимъ епископъ Арондель. Цѣль вельможъ состояла въ пріобрѣтеніи власти; орудіемъ служилъ имъ парламентъ. Первымъ ихъ дѣломъ было обвиненіе канцлера, графа Соффолька, который стоялъ во главѣ управленія. Онъ былъ осужденъ парламентомъ и заключенъ въ тюрьму. Затѣмъ парламентъ потребовалъ установленія коммиссіи для преобразованія королевства, и когда король на это не соглашался, ему объявили, что вельможи и народъ имѣютъ право свергнуть его съ престола и выбрать другаго. Ричардъ принужденъ былъ уступить; составлена была коммиссія лордовъ, во главѣ которыхъ стояли Глостеръ и Арондель. Правленіе перешло въ ихъ руки; за королемъ осталось одно только имя. Однако онъ не считалъ себя побѣжденнымъ. Въ тайномъ совѣщаніи, онъ отобралъ мнѣнія судей, которые рѣшили, что дѣйствія лордовъ противны законамъ и правамъ короля. Это рѣшеніе немедленно дошло до свѣдѣнія враждебной партіи, и тогда поднялась буря. Парламентъ объявилъ судей измѣнниками; верховный судья былъ повѣшенъ, другіе изгнаны. Сторонники короля, которые пытались поднять оружіе въ его пользу, были побѣждены; нѣкоторые изъ нихъ также подверглись изгнанію, другіе казнены. Торжество Глостера было полное. Однако не надолго. Неожиданно, вѣроятно вслѣдствіе раздоровъ между вельможами, король снова захватилъ бразды правленія, и новый парламентъ, ему преданный, отмѣнилъ рѣшенія предшествующаго, объявилъ мнѣніе судей законнымъ и обвинилъ въ измѣнѣ Глостера и главныхъ его приверженцевъ. Глостеръ погибъ въ темницѣ; другіе были казнены или изгнаны. Но и этотъ поворотъ былъ непродолжителенъ. Въ этой борьбѣ, безпрестанно торжествуетъ то одна, то другая сторона, и парламентъ является попеременно орудіемъ и опорой обѣихъ. Черезъ два года послѣ этихъ событій, Ричардъ II, оставленный всѣми, былъ низложенъ актомъ парламента, и

Генрихъ Болингброкъ объявленъ королемъ, не смотря на то, что не имѣлъ никакого права на престолъ, ибо существовала другая старшая линія.

На этотъ разъ, торжество аристократіи было прочнѣе. Династія, которая опиралась на собственное, законное право, была низложена; новый король вельможамъ обязанъ былъ своимъ возвышеніемъ. Поэтому, при ланкастерской династіи, борьба между королемъ и парламентомъ прекращается. Власть послѣдняго упрочивается; онъ принимаетъ участіе почти во всѣхъ государственныхъ дѣлахъ. Но средневѣковая аристократія, которая стояла во главѣ народа, не въ состояніи была установить твердый порядокъ, какой требовался развитіемъ общества. Вышедшая изъ быта, въ которомъ господствовала сила, сама всегда готовая прибѣгнуть къ оружію, она была могуча въ борьбѣ съ королями, но не способна къ управленію. Пока представителями ланкастерской династіи были умные и мужественные монархи, какъ Генрихъ IV и Генрихъ V, Англія росла и внѣшнимъ могуществомъ и внутреннею силой; но какъ скоро на престолъ вступилъ слабоумный Генрихъ VI, оказался разладъ, и послѣдовало паденіе аристократіи. Она уничтожила себя собственными руками. Противъ ланкастерской династіи выступила съ своими притязаніями династія іоркская. Вельможи и народъ раздѣлились на двѣ стороны; возгорѣлась война Алой и Бѣлой Розы. Это была борьба не за начала, не за права народа, а за власть; каждая партія старалась истребить другую, чтобы сѣсть на ея мѣсто и присвоить себѣ ея достояніе. Вельможи переходили изъ одного лагеря въ другой, смотря по тому, гдѣ имъ было выгоднѣе. Результатомъ было истребленіе почти всѣхъ знатныхъ домовъ и всеобщее истощеніе страны. Усталое общество, столько вѣковъ боровшееся за свои права, пало къ ногамъ деспотизма, какого Англія еще не видала. Періодъ сословнаго представительства кончился, а вмѣстѣ съ нимъ и средневѣковой порядокъ. Настало новое время, пора государственнаго развитія, которое начинается установленіемъ сильной королевской власти.

Однако въ Англіи, монархія не развилась въ чистую форму самодержавія, какъ въ другихъ великихъ европейскихъ государствахъ. Средневѣковая борьба не пропала даромъ. Она оставила по себѣ прочные слѣды въ представительныхъ учрежденіяхъ, которыя удержались даже при самыхъ деспотическихъ короляхъ и сохранили начала сво-

боды до болѣе благопріятной поры. Но въ настоящую эпоху, съ конца XV-го вѣка, эти учрежденія заслоняются королевскою властью, которая стѣсняетъ ихъ всѣми средствами, расширяя по возможности свои права. При тогдашнемъ состояніи общества, не трудно было это сдѣлать. Средневѣковой порядокъ, основанный на борьбѣ общественныхъ силъ, не могъ выработать опредѣленныхъ отношеній между властями. Ни участіе парламента въ законодательствѣ, ни даже основное право средневѣковыхъ вольныхъ людей, согласіе на подати, не были установлены точнымъ образомъ. Принятыя правила подвергались исключеніямъ и нарушались безпрерывно. Когда король былъ сильнѣе, онъ забиралъ болѣе власти въ свои руки; съ своей стороны, парламентъ, получивъ перевѣсъ, захватывалъ куски королевской прерогативы. Эта неопредѣленность отношеній, завѣщанная средними вѣками, продолжалась и въ новомъ государственномъ порядкѣ до самаго XVIII-го вѣка. Но до половины XVII-го, она разрѣшалась въ пользу королевской власти; затѣмъ, когда свобода пріобрѣла новую силу, произошла окончательная борьба, которая дала перевѣсъ парламенту.

Самое существенное право народнаго представительства состояло въ согласіи на подати. Оно сохранилось и при Тюдорахъ. При Генрихѣ VIII-мъ, Вользей пытался установить налогъ королевскимъ указомъ, но это вызвало такое неудовольствіе и даже сопротивленіе въ народѣ, что правительство отступилось отъ своего намѣренія. Ему удобнѣе было добывать деньги черезъ посредство парламента, въ то время всегда покорнаго, или обходить законъ другими способами, которые, не смотря на свою неправильность, освящались обычаемъ. Сюда принадлежали принудительныя пожертвованія и займы. Взиманіе пожертвованій (benevolences) было запрещено статутомъ Ричарда III-го. Но Ричардъ считался похитителемъ престола; королевскіе юристы отвергали силу изданныхъ имъ законовъ. Поэтому Тюдоры постоянно прибѣгали къ этому средству обогащенія казны, и парламентъ узаконялъ эти дѣйствія предписаніемъ взыскивать недоимки. Такъ же узаконялись и принудительные займы; при Генрихѣ VIII-мъ, парламентъ не разъ даже освобождалъ короля отъ обязанности уплачивать занятыя такимъ образомъ суммы. Тюдоры, въ особенности Генрихъ VII-й, обогащались и развитіемъ обширной системы конфискацій. Нѣкоторыя пошлины (tonnage and poundage) давались имъ пожизненно, чтò избавляло ихъ отъ необходимости прибѣгать постоянно за пособіями

къ парламенту. Наконецъ, и Марія и Елисавета собственною властью налагали таможенныя пошлины, и это не считалось нарушеніемъ права.

За представителями народа осталось и право согласія на новые законы. Но королевскія прокламаціи, которыхъ сила признавалась самимъ парламентомъ, получили необыкновенное развитіе. Хотя указы не могли отмѣнять законовъ и статутовъ, но этимъ путемъ издавались новыя постановленія, на подданныхъ налагались не существовавшія прежде обязанности, установлялись пени и наказанія. Марія измѣнила даже религію безъ согласія парламента, хотя съ послѣдующимъ его утвержденіемъ. Права королей получили особенное развитіе вслѣдствіе новыхъ понятій о королевской власти, которыя возникли при Тюдорахъ и истекали изъ государственныхъ идей новаго времени. По средневѣковымъ началамъ, король имѣлъ свою прерогативу, то есть извѣстную сумму правъ, ограниченныхъ привилегіями сословій. Взаимныя границы тѣхъ и другихъ опредѣлялись закономъ. Но государственный порядокъ требуетъ установленія единой верховной власти, господствующей надъ всѣмъ, и управляющей государствомъ во имя общаго блага. Это новое понятіе, чуждое среднимъ вѣкамъ, первоначально обратилось въ пользу королей. При Тюдорахъ, юристы стали различать двѣ стороны королевской власти: обыкновенную власть, ограниченную закономъ, и кромѣ того, верховную, абсолютную власть, принадлежащую монарху во имя общественной пользы. Съ такими понятіями можно было идти далеко.

Англійскіе короли не имѣли однако достаточной силы, чтобы утвердить свою абсолютную власть на прочныхъ основахъ и сломить всякое противодѣйствіе. У нихъ не было главнаго орудія, посредствомъ котораго европейскіе монархи успѣли упрочить свое могущество, постояннаго войска. Положеніе Англіи ограждало ее отъ внѣшнихъ опасностей; паденіе аристократіи устраняло необходимость внутренней борьбы. Военная сила была не нужна, и Англичане всегда смотрѣли на нее съ крайнимъ недовѣріемъ. Отсутствіе постояннаго войска они всегда считали однимъ изъ главныхъ оплотовъ своей свободы.

За недостаткомъ военной силы, Тюдоры должны были прибѣгнуть къ гражданскимъ средствамъ для утвержденія своей власти, и здѣсь главнымъ орудіемъ служилъ имъ судъ. Еще за долго до нихъ, постепенно установилась юрисдикція Тайнаго Совѣта, гдѣ, въ противность

исконнымъ привилегіямъ Англичанъ, подданные не судились судомъ равныхъ. При Генрихѣ VII-мъ и его преемникахъ, это учрежденіе получило весьма сильное развитіе. Звѣздная Палата, составлявшая судебное отдѣленіе Тайнаго Совѣта, сдѣлалась главнымъ средствомъ укрощенія непокорныхъ. Во многихъ отношеніяхъ, это имѣло благодѣтельныя послѣдствія. При анархическихъ привычкахъ общества, при недостаткѣ военной силы и полиціи, трудно было добиться правосудія противъ могучихъ людей. Въ провинціяхъ, и судьи и въ особенности присяжные подвергались застращенію и насилію; рѣшенія суда нерѣдко встрѣчали прямое сопротивленіе. Звѣздная Палата устраняла всѣ эти беззаконія и водворяла порядокъ въ государствѣ. Потому многіе современники смотрѣли на нее съ большимъ уваженіемъ. Но съ другой стороны, это было самое дѣйствительное средство подавить всякое сопротивленіе королевской власти. Приговоры Звѣздной Палаты были страшнымъ орудіемъ въ рукахъ королей. Не менѣе послушны были обыкновенные суды и даже присяжные. Англійскіе судьи не составляли независимой корпораціи, какъ французскій парламентъ. Они были немногочисленны; они опредѣлялись и смѣнялись королемъ. Потому ихъ рѣшенія о конституціонныхъ вопросахъ почти всегда были въ пользу королевской власти. Присяжные же назначались шерифами, которые, въ свою очередь, опредѣлялись правительствомъ. Если иногда и случалось, что присяжные произносили приговоръ неугодный правительству, то они подвергались за это выговору, штрафу и даже тюремному заключенію.

Не смотря на все это, судебная власть не могла замѣнить военной силы. При всей своей покорности, она оставалась хранительницею закона, и это чувство, которое никогда не замирало въ англійскихъ судахъ, полагало нѣкоторый предѣлъ правительственному произволу и сохраняло въ народѣ уваженіе къ судебной власти. Судьи не разъ отказывались исполнять предписанія о незаконныхъ арестахъ или повелѣнія, нарушавшія частныя права. Въ царствованіе Маріи, они представили мнѣніе, повторенное въ послѣдствіи при Яковѣ I-мъ, что королевскія прокламаціи не могутъ установлять новыхъ преступленій и проступковъ, ибо это составляетъ перемѣну закона, не имѣющую силы безъ согласія парламента. Хотя короли продолжали издавать подобныя прокламаціи, однако мнѣніе судей, которые пользовались большимъ вѣсомъ, служило имъ задержкою, останавливая из-

лишнее развитіе этого рода законодательства. При болѣе обезпеченномъ положеніи, судьи могли сдѣлаться оплотомъ законнаго порядка и свободы.

Въ такихъ же отношеніяхъ стояли короли и къ палатамъ. Сила средневѣковыхъ парламентовъ основывалась на могуществѣ бароновъ. Междоусобныя войны сломили эту силу, и Тюдоры, съ своей стороны, употребляли всѣ средства для униженія и разоренія аристократіи. Верхняя палата, составленная большею частью изъ новыхъ людей, являла примѣръ раболѣпной покорности власти. Между тѣмъ, въ нижней палатѣ не пробуждался еще независимый духъ новаго времени. Предоставленная собственнымъ силамъ, она была несостоятельна противъ королевской власти, передъ которою, по естественному влеченію, склонялось общество, усталое отъ борьбы и анархіи. Правительство имѣло всемогущее вліяніе на выборы и старалось еще болѣе упрочить его раздачею привилегій ничтожнымъ мѣстечкамъ, всегда послушнымъ внушеніямъ сверху. Вслѣдствіе этого, парламентъ при Тюдорахъ покорно подавалъ голосъ въ пользу самыхъ жестокихъ законовъ, самыхъ свирѣпыхъ казней. Для Генриха VIII-го всего удобнѣе было предавать его суду и своихъ женъ, и знатныхъ вельможъ, и знаменитыхъ государственныхъ людей, которые осуждались на смерть подъ самыми ничтожными предлогами. Парламентъ являлся послушнымъ орудіемъ и тѣхъ противоположныхъ религіозныхъ переворотовъ, которые совершались Тюдорами, то въ пользу протестантизма, то въ пользу католическаго исповѣданія. Въ англійской исторіи нѣтъ страницы унизительнѣе той, которая повѣствуетъ объ этихъ быстрыхъ перемѣнахъ вѣры, происходившихъ по волѣ или даже по прихоти монарховъ. О мнѣніи народа никто не спрашивалъ; парламентъ издавалъ законы, какіе отъ него требовались, подвергая казни несогласныхъ съ вѣроисповѣданіемъ, котораго держался король. Когда же представители народа рѣшались имѣть свое мнѣніе, имъ говорили, чтобы они не вмѣшивались не въ свои дѣла. Елисавета, которая была либеральнѣе своихъ предшественниковъ, не разъ запрещала парламенту вступаться въ церковные вопросы, принадлежащіе исключительно ея прерогативѣ. Не разъ она дѣлала выговоры членамъ нижней палаты и за вмѣшательство вообще въ государственныя дѣла, недоступныя ихъ пониманію; она требовала, чтобы палата разсматривала только то, что̀ ей предлагалось. Въ 1593-мъ году, отвѣчая на

обычное прошеніе оратора о свободѣ рѣчи, лордъ канцлеръ сказалъ, что королева на это согласна, однако не съ тѣмъ, чтобы каждый говорилъ то, что̀ ему вздумается и что̀ ему взбредетъ въ мозгъ; ихъ право состоитъ единственно въ томъ, чтобы сказать да или нѣтъ. «Поэтому, г. ораторъ, продолжалъ онъ, если вы увидите пустыя головы, которыя захотятъ, рискуя своимъ имуществомъ, вмѣшиваться въ преобразованіе церкви или государства, и съ этою цѣлью будутъ представлять проекты законовъ, то Ея Величеству угодно, чтобы вы не принимали подобныхъ проектовъ, пока они не будутъ разсмотрѣны тѣми, которымъ принадлежитъ обсужденіе этихъ дѣлъ, и которые лучше могутъ объ нихъ судить». Парламентъ съ покорностью принималъ такіе выговоры и наставленія и даже униженно извинялся въ самовольныхъ дѣйствіяхъ, напримѣръ, въ наложеніи поста, обязательнаго только для собственныхъ его членовъ. Когда же независимые люди возвышали свой голосъ противъ злоупотребленій власти и требовали свободы рѣчи, то правительство просто сажало ихъ въ Башню, безъ всякаго прекословія со стороны парламента.

Однако и здѣсь не всегда можно было расчитывать на полную покорность. Отражая въ себѣ духъ современнаго общества, представительныя учрежденія могли, при иномъ настроеніи, выказать бо̀льшую самостоятельность. Уже Елисавета не разъ встрѣчала въ нижней палатѣ сопротивленіе и требованія, которымъ считала нужнымъ уступать. Въ слѣдующія царствованія, подобныя явленія повторяются съ большею и большею силою. Это пробужденіе независимаго духа было главнымъ образомъ дѣломъ реформаціи.

Преобразованіе церкви совершилось въ Англіи силою королевской власти, которая, опираясь на парламентъ, разорвала связь съ католицизмомъ, уничтожила главенство папы и сама стала на его мѣсто. Церковь сдѣлалась отраслью гражданскаго управленія; король считался верховнымъ правителемъ государства, какъ въ свѣтскомъ, такъ и въ церковномъ отношеніи. Епископы были ему вполнѣ подчинены; Верховная Коммиссія для церковныхъ дѣлъ была такимъ же орудіемъ религіознаго деспотизма, какъ Звѣздная Палата политическаго. Одолженная своимъ бытіемъ королевской власти, находясь въ полной отъ нея зависимости, признавая монарха своимъ главою, англиканская церковь всѣми силами старалась о поддержаніи монархическаго начала. Неизмѣннымъ ея догматомъ было ученіе о божественномъ

происхожденія королевской власти, въ силу наслѣдственнаго патріархальнаго права, идущаго отъ Адама. Поэтому она признавала за подданными обязанность безусловнаго повиновенія. Всякое сопротивленіе власти отвергалось, какъ противное божественному закону.

Но рядомъ съ этою оффиціальною церковью водворились другія ученія. Кальвинизмъ, который въ Шотландіи сдѣлался владычествующимъ, пріобрѣлъ многочисленныхъ приверженцевъ и въ Англіи, особенно въ городахъ, въ среднемъ сословіи. Кальвинисты, получившіе названіе пуританъ, не только отвергали всякое вмѣшательство свѣтской власти въ церковныя дѣла, но признавали даже обязанность правительства исполнять постановленія церковныхъ властей. Самое же устройство церкви основывалось у нихъ на началѣ свободы. Не признавая божественнаго происхожденія и преемственности епископскаго сана, они совершенно отвергали этотъ чинъ и сосредоточивали все церковное управленіе въ рукахъ пресвитеровъ, избираемыхъ общинами. Эти начала не трудно было перенести и на свѣтскую область. Изъ нихъ прямо вытекало признаніе народной власти, въ противоположность божественному праву королей, которое проповѣдывалось англиканскою церковью. И точно, въ борьбѣ съ королями, пуритане скоро дошли до чисто демократическихъ началъ.

Уже при Елисаветѣ, значительная часть нижней палаты состояла изъ диссидентовъ, ибо по англійской избирательной системѣ, которая не принимала въ расчетъ количества населенія, а давала одинакія права большимъ и малымъ корпораціямъ, города всегда имѣли численный перевѣсъ надъ графствами. Однако, при Елисаветѣ, общій протестантскій интересъ, котораго она была главнымъ поборникомъ въ Европѣ, соединялъ пуританъ съ англиканцами въ поддержаніи монархической власти. Но со вступленіемъ на престолъ дома Стюартовъ водворились иныя отношенія. Со времени реформаціи, Стюарты постоянно боролись съ пуританами въ Шотландіи и видѣли въ нихъ главныхъ враговъ монархическаго начала. Они менѣе боялись католицизма, нежели республиканскихъ стремленій кальвинистовъ. Вступивши на англійскій престолъ, они старались поставить свою власть въ положеніе независимое отъ религіозныхъ партій. Во внѣшней политикѣ, вмѣсто прежней упорной борьбы за протестантизмъ, они держали середину между двумя сторонами; внутри государства, они опирались главнымъ образомъ на англиканскую церковь,

выказывая терпимость и къ католикамъ. Англиканская теорія монархической власти совпадала съ ихъ собственною. Яковъ I-й, самъ ученый и писатель, высказывалъ такія высокія понятія о достоинствѣ царей, которыя едва совмѣщались съ началами ограниченной монархіи. Онъ считалъ себя абсолютнымъ королемъ, представителемъ Бога на землѣ, не связаннымъ никакимъ закономъ, имѣющимъ право на безусловное повиновеніе. Права подданныхъ были въ его глазахъ не болѣе, какъ истеченіемъ королевской милости, великодушнымъ даромъ монарха. Эти новыя понятія, которыя уходили далеко за предѣлы, не только старинной прерогативы англійскихъ королей, но и самовластія Тюдоровъ, Яковъ старался выставлять на каждомъ шагу.

Но этой монархической теоріи была противопоставлена другая, истекавшая изъ началъ свободы. Подъ управленіемъ Тюдоровъ, Англія достигла значительной степени богатства; особенно среднее, городовое сословіе находилось въ цвѣтущемъ состояніи. Реформація влила въ него новую жизнь, воспламенила страсти; кальвинизмъ находилъ здѣсь самую воспріимчивую почву. Пока политика правительства шла по направленію этихъ страстей, согласіе не нарушалось. Но какъ скоро король отказался идти этимъ путемъ, пуритане обратились противъ него. Снисхожденіе къ католикамъ было имъ нестерпимо; они требовали строгаго исполненія жестокихъ законовъ, изданныхъ противъ нихъ. Они хотѣли также продолженія протестантской политики Елисаветы. Желаніе поддержать Пфальцграфа въ началѣ тридцатилѣтней войны, доводило нижнюю палату до самыхъ изступленныхъ постановленій. Отсюда безпрерывныя столкновенія между королемъ и парламентомъ. По примѣру Елисаветы, Яковъ объявлялъ представителямъ, чтобы они не вмѣшивались не въ свои дѣла, и не старались проникнуть въ государственныя тайны, въ которыхъ ничего не понимаютъ, въ которыхъ онъ одинъ судья. Онъ твердилъ имъ, что права ихъ дарованы королями и не должны быть употреблены во зло. Непокорнымъ онъ угрожалъ наказаніемъ, а иногда приводилъ свою угрозу въ исполненіе. Но вмѣсто прежней покорности, нижняя палата отвѣчала на эти выходки протестами. Она утверждала, что вольности и привилегіи парламента составляютъ старинное и несомнѣнное, прирожденное и наслѣдственное право подданныхъ Англіи; что всѣ важныя дѣла государства и церкви, измѣненіе законовъ, исправленіе злоупотребленій, принадлежатъ къ законнымъ предметамъ суж-

деній парламента; что палата должна пользоваться при этомъ полною свободою рѣчи, а члены ея не могутъ подвергаться никакому преслѣдованію и аресту за все, чтò они говорятъ или дѣлаютъ въ собраніи. Король опирался на примѣры предшественниковъ и воздвигалъ теорію абсолютной власти; палата, съ своей стороны, искала прецедентовъ въ средневѣковомъ періодѣ и откапывала старинныя привилегіи, чтобы оживить ихъ новымъ духомъ. Юристы, гласныя словеса палаты, по выраженію Бэкона, помогали ей своею ученостью; пуританскія стремленія вдыхали въ нее духъ свободы.

При такихъ противоположныхъ направленіяхъ, естественно возгорѣлся вновь старинный споръ, оставшійся не рѣшеннымъ, о правѣ налагать подати. Судьи представили мнѣніе, что король имѣетъ право установлять таможенныя пошлины въ силу абсолютной власти, подчиняющей ему всѣ внѣшнія сношенія. Палата, напротивъ, объявила всѣ подати, наложенныя безъ согласія парламента, незаконными, и сдѣлала постановленіе объ ихъ отмѣнѣ. Однако этотъ билль не прошелъ черезъ верхнюю палату, которая постоянно держала сторону короля. Въ слѣдующемъ парламентѣ, 1614-го года, палата опять протестовала противъ незаконныхъ налоговъ, а потому немедленно была распущена. На этомъ однако дѣло остановилось; слѣдующіе парламенты не возобновляли спора.

Съ бóльшимъ успѣхомъ было возстановлено право парламента обвинять и судить нарушителей закона и даже совѣтниковъ государя. При Тюдорахъ, лица непріятныя королямъ подвергались наказанію посредствомъ законодательныхъ постановленій парламента, такъ называемыхъ bills of attainder. Теперь было возстановлено вышедшее изъ употребленія право нижней палаты предавать обвиняемыхъ въ государственныхъ преступленіяхъ суду верхней. Само правительство этому содѣйствовало, находя удобнымъ оружіе, которое въ послѣдствіи обратилось противъ него. Жертвою такого обвиненія палъ знаменитый Бэконъ, осужденный за взятки. Но самымъ важнымъ прецедентомъ былъ судъ надъ лордомъ казначеемъ, графомъ Миддльсексомъ, въ 1624 году. Это было сдѣлано по настоянію принца Вельскаго и любимца его Бокингама, который хотѣлъ пріобрѣсти этимъ популярность и избавиться отъ непріятнаго соперника. Яковъ уступилъ, хотя указывалъ на всю опасность такого примѣра. Въ слѣдующее царствованіе, эти затѣи обрушились на голову самихъ зачинщиковъ.

Борьба между королемъ и парламентомъ, начавшаяся при Яковѣ I-мъ, достигла полнаго разгара при его преемникѣ. Карлъ I былъ менѣе податливъ и болѣе неостороженъ, нежели отецъ. Онъ хотѣлъ свою теорію королевской власти провести на дѣлѣ, между тѣмъ какъ парламентъ, съ своей стороны, подкрѣпленный двадцатилѣтнею борьбою, стремился разъ навсегда установить свои права. Король нуждался въ помощи палатъ; онъ желалъ въ европейскихъ дѣлахъ занять тоже положеніе, какое нѣкогда занимала королева Елисавета. Онъ объявилъ войну Испаніи, поддерживалъ гугенотовъ во Франціи. Развитіе морскихъ силъ государства и военныя издержки требовали пособій; но парламентъ расположенъ былъ давать ихъ, только подъ условіемъ окончательнаго утвержденія своихъ правъ. Неопредѣленность королевской прерогативы, наслѣдованная отъ среднихъ вѣковъ, захваты Тюдоровъ, освященные обычаемъ и постановленіями парламента, новыя понятія объ абсолютной власти монарховъ, все это должно было уступить мѣсто яснымъ опредѣленіямъ права. Королевская власть должна была войти въ твердыя, законныя границы, не дозволяя себѣ ни поборовъ безъ согласія парламента, ни произвольныхъ арестовъ. Нижняя палата требовала отчета въ расходахъ, настаивала на преслѣдованіи католиковъ, и такъ какъ правительство, не уступая, продолжало прежнюю систему, то она опрокинулась на королевскаго любимца, Бокингама. Онъ былъ обвиненъ въ государственной измѣнѣ безъ всякихъ опредѣленныхъ доказательствъ, просто на основаніи общей молвы. Карлъ не хотѣлъ пожертвовать любимымъ министромъ и распустилъ парламентъ. Однако уступки были необходимы, если король хотѣлъ продолжать свою внѣшнюю политику. Поэтому онъ въ 1628-мъ году согласился утвердить Прошеніе о Правахъ, которое, послѣ Великой Хартіи, составляетъ вторую основу англійской свободы. Имъ устранялись четыре главные предмета жалобъ того времени: незаконные поборы въ какомъ бы то ни было видѣ, налоговъ, займовъ, подарковъ и т. д., произвольные аресты, принудительный постой солдатъ и военные суды, даже въ рядахъ войска. Послѣдніе два пункта имѣли въ виду предупредить созданіе постоянной арміи, на которую король могъ бы опираться.

Давши свое согласіе на Прошеніе, король не думалъ однако отрекаться отъ своихъ правъ. Прежде, нежели онъ рѣшился утвердить законъ, онъ созвалъ судей на тайное совѣщаніе и спросилъ ихъ: мо-

жетъ ли онъ арестовать подданнаго, не показавши причины? обязаны ли судьи освободить арестованнаго, который будетъ просить о habeas corpus? наконецъ, если онъ утвердитъ Прошеніе о Правахъ, то откажется ли онъ черезъ это отъ своихъ правъ? Судьи отвѣчали, что законъ требуетъ вообще показанія причины ареста, но въ случаяхъ особенной важности, когда нужна тайна, король можетъ обойтись и безъ этого, и тогда судьи въ правѣ отказать арестованному въ просьбѣ объ освобожденіи. Утвержденіе Прошенія о Правахъ, по ихъ мнѣнію, нисколько въ этомъ отношеніи не стѣсняло короля. Тогда Карлъ далъ свое согласіе на законъ, имѣя въ виду не исполнять его. Еще менѣе думалъ онъ отказываться отъ права взимать таможенныя пошлины, не установленныя парламентомъ. При такихъ противоположныхъ воззрѣніяхъ, соглашеніе было невозможно. Столкновеніе возобновилось съ новою силою; палаты были распущены, и король рѣшился править одинъ.

Продолженіе воинственной внѣшней политики, безъ пособій со стороны парламента, было немыслимо. Поэтому съ Франціею и Испаніею былъ заключенъ миръ; король обратилъ все свое вниманіе на утвержденіе своей власти внутри государства. Прежде всего, нужно было найти финансовыя средства, ибо таможенныхъ пошлинъ было недостаточно на издержки. Изъ пыли архивовъ были вытащены всѣ старинныя королевскія права, которыя могли служить способомъ добыванія денегъ. Въ финансовое управленіе была внесена самая строгая бережливость. Наконецъ, когда внѣшнія обстоятельства заставили правительство прибѣгнуть къ морскимъ вооруженіямъ, установленъ былъ новый налогъ — знаменитыя въ англійской исторіи корабельныя деньги (ship-money). Судьи объявили, что въ случаѣ опасности, для защиты государства, король имѣетъ право собственною властью предписать подданнымъ постройку и содержаніе кораблей, и что онъ одинъ судья, какъ опасности, такъ и средствъ къ ея отвращенію. Этотъ приговоръ возбудилъ всеобщій ропотъ; многіе отказались отъ уплаты, между прочимъ знаменитый Гампденъ, который подвергся и тюремному заключенію и долговременному процессу, потому что не хотѣлъ заплатить приходившихся на его долю 20 шиллинговъ. Эта тяжба получила громкую огласку. Защитники Гампдена ссылались на прецеденты и на статуты, которыми отмѣнялись беззаконные поборы, начиная съ Великой Хартіи до Прошенія о Правахъ. Адвокаты короля

опирались на другіе прецеденты стариннаго времени и на новѣйшій примѣръ Елисаветы, которая, при опасности, угрожавшей отъ испанской армады, собственною властью возложила на подданныхъ устройство и содержаніе кораблей. Постановленія же статутовъ устранялись ссылкою на абсолютную власть короля, которая давала ему право принимать всѣ мѣры, какія онъ считалъ нужными для безопасности государства. Власть эта, по мнѣнію защитниковъ этой теоріи, не могла быть ограничена никакимъ актомъ парламента. Судьи, семеро противъ пяти, рѣшили въ пользу короля; непокорные были принуждены къ уплатѣ.

Въ гражданскихъ орудіяхъ у короля не было недостатка. Кромѣ обыкновенныхъ судовъ, въ это время Звѣздная Палата усилила свою дѣятельность. Въ Ирландіи готовилось постоянное войско. Тамъ неограниченно властвовалъ главный совѣтникъ Карла I-го, Томасъ Вентвортъ, графъ Страффордъ; ирландскій парламентъ былъ совершенно ему покоренъ. Наконецъ, Карлъ думалъ употребить всѣ силы англиканской церкви для подавленія пуританъ, отъ которыхъ исходила главная оппозиція. Архіепископъ Кентерберійскій, Лодъ, строго исполнялъ законы противъ диссидентовъ и вводилъ полное однообразіе церковныхъ уставовъ и обрядовъ. Не встрѣчая сопротивленія въ Англіи, король и архіепископъ задумали туже систему перенести и на Шотландію. Но здѣсь они встрѣтили препятствія, о которыхъ сокрушилась самая монархія. Кальвинизмъ въ Шотландіи былъ господствующимъ вѣроисповѣданіемъ; епископы существовали болѣе по имени, нежели на дѣлѣ. Въ недавнихъ религіозныхъ смутахъ, Шотландцы привыкли сопротивляться королямъ и даже низлагать ихъ. Попытка англійскаго правительства вызвала вооруженное возстаніе; Шотландцы заключили между собою договоръ (covenant) для защиты пресвитеріанской церкви, собрали войско и съ оружіемъ въ рукахъ вступили въ англійскіе предѣлы.

Король не имѣлъ средствъ имъ сопротивляться: у него не было ни денегъ, ни арміи. Положеніе было самое критическое. Сдержанное неудовольствіе проявилось всюду; раздались голоса съ требованіемъ парламента. Надобно было уступить. Но парламентъ собрался не съ тѣмъ, чтобы поддержать короля въ борьбѣ съ Шотландцами, въ которыхъ недовольные видѣли союзниковъ и избавителей, а съ тѣмъ, чтобы воспользоваться затруднительными обстоятельствами для упроченія

народныхъ правъ. Въ этомъ отношеніи, въ представителяхъ господствовало полное единодушіе. Аристократія и города, англиканцы и пуритане, всѣ одинаково не хотѣли терпѣть произвольнаго правленія, всѣ желали ввести королевскую власть въ законныя границы. Немедленно были отмѣнены распоряженія короля и приговоры судей, противные требованіямъ парламента. Взиманіе податей и всякихъ другихъ поборовъ безъ согласія представителей окончательно прекратилось. Отмѣнена была и принудительная военная служба. Но парламентъ на этомъ не остановился; онъ хотѣлъ положить предѣлъ произволу, отнявъ у короля главныя орудія власти. Съ этою цѣлью уничтожены были и Звѣздная Палата и Верховная Коммиссія по церковнымъ дѣламъ. Для предупрежденія въ будущемъ возможности обходиться безъ парламента, постановлено было, что палаты должны собираться по крайней мѣрѣ черезъ каждые три года, если же онѣ не будутъ созваны королемъ, то избиратели могутъ сами приступить къ выбору представителей. Это было значительнымъ нарушеніемъ самыхъ коренныхъ правъ короны; однако и это постановленіе было утверждено королемъ. Наконецъ, торжествующій парламентъ рѣшился притянуть къ отвѣтственности главныхъ совѣтниковъ Карла, виновниковъ произвольнаго управленія. Страффордъ былъ казненъ, Лодъ заключенъ въ темницу.

Король соглашался на все, не имѣя средствъ противиться общему теченію. Но парламентъ, помня нарушеніе прежнихъ обѣщаній, не полагался на его уступки, и хотѣлъ поставить его въ совершенную невозможность что либо предпринять противъ свободы. Здѣсь дѣло шло уже не объ опредѣленіи взаимныхъ правъ; это была борьба за власть. При взаимномъ недовѣріи и раздраженіи сторонъ, правильныя отношенія были невозможны; начиналась революція. Парламентъ постановилъ, что онъ не можетъ быть распущенъ безъ своего собственнаго согласія; король и здѣсь уступилъ. Съ помощью напора городской черни, епископы были исключены изъ верхней палаты. Пуритане хотѣли даже совершенно уничтожить епископальное устройство церкви. Затѣмъ, палата потребовала, чтобы король удалилъ всѣхъ неугодныхъ ей совѣтниковъ; наконецъ, она хотѣла взять въ свои руки начальство надъ милиціею и надъ крѣпостями. Король сдѣлалъ еще разъ неудачную и неблагоразумную попытку возстановить свою власть арестомъ пяти главныхъ предводителей оппозиціи. Эта противозаконная

мѣра только усилила раздраженіе; соглашеніе сдѣлалось еще менѣе возможнымъ. Дѣло должно было рѣшиться оружіемъ.

Послѣднія уступки короля значительно усилили его партію. Къ нему примкнули всѣ желавшіе сохраненія прежняго порядка въ законныхъ предѣлахъ. На его сторонѣ была большая часть аристократіи и низшаго дворянства (gentry). Однако нѣкоторые вельможи, и весьма значительные, остались на сторонѣ парламента: Эссексъ, Нортомберландъ, Варвикъ, Сей и другіе, раздѣлявшіе мнѣнія пуританъ. Во главѣ парламентской арміи стояли и нѣкоторые поземельные владѣльцы изъ старыхъ рыцарскихъ фамилій; сюда принадлежали Гампденъ, Ферфаксъ и Кромвель. Но главная сила народной партіи заключалась въ городовомъ ополченіи; особенно Лондонъ помогалъ ей и деньгами и людьми. Армія, которая порѣшила войну, состояла большею частью изъ послѣдователей крайнихъ сектъ, изъ такъ называемыхъ индепендентовъ, исполненныхъ республиканскихъ убѣжденій. Такимъ образомъ, другъ противъ друга стояли, съ одной стороны аристократія въ связи съ королемъ и церковью, съ другой демократія, опиравшаяся на секты. Послѣдняя побѣдила, однако не надолго; окончательное торжество выпало на долю первой.

Средніе классы, которые вели борьбу съ королемъ въ лицѣ Долгаго Парламента и арміи, не съумѣли утвердить прочнаго порядка вещей. Оно и не было возможно, ибо цѣль ихъ состояла въ уничтоженіи всей исторически выработавшейся конституціи Англіи. Пуритане, крѣпкіе своимъ единодушіемъ, энтузіазмомъ и защитою началъ свободы, составляли меньшинство народонаселенія. Республика, провозглашенная послѣ низложенія короля, не имѣла корней въ народѣ. Для утвержденія новаго порядка вещей нужно было прибѣгнуть къ насильственному очищенію самаго парламента, стоявшаго во главѣ движенія. Здѣсь осталось радикальное меньшинство, которое не представляло настоящихъ стремленій общества. Скоро перевѣсъ взяла армія, на сторонѣ которой были и побѣда и сила. Республику замѣнила военная диктатура. Но и послѣдняя могла держаться только геніемъ Кромвеля. Послѣ его смерти, водворилась анархія, послѣдствіемъ которой было возвращеніе короля, при единодушномъ восторгѣ народа.

Революція не осталась однакоже безъ послѣдствій. Средніе классы доказали свое могущество и съ тѣхъ поръ сдѣлались существеннымъ элементомъ англійской конституціи. Сила королевской власти была

сломана; прежняя ея увѣренность въ себѣ исчезла. Карлъ II возвратился по приглашенію парламента, съ тѣмъ, чтобы править на основаніи закона. Самые вѣрные его слуги, какъ Кларендонъ, имѣли въ виду утвердить монархію на двухъ главныхъ столбахъ: на церкви и на парламентѣ. Не смотря на вѣрноподданническій энтузіазмъ, возбужденный реставраціею, никто не хотѣлъ возстановленія произвола. Первый парламентъ, созванный Карломъ II-мъ, одушевленъ былъ самыми монархическими чувствами, однако и онъ не думалъ уступать своихъ правъ. Пособія давались на спеціальные расходы; въ деньгахъ требовался отчетъ; произвольные аресты были навсегда устранены Актомъ о habeas corpus; попытки короля останавливать исполненіе законовъ въ силу разрѣшающей власти (Dispensing power) были встрѣчены протестами; католическія наклонности Карла II-го не только не нашли угодливости, а напротивъ, вызвали строгія мѣры противъ католиковъ; наконецъ, два первыхъ министра, Кларендонъ и Данби, были преданы суду, первый подъ самыми пустыми предлогами, но не безъ тайнаго желанія короля, второй изъ оппозиціи королевской власти.

Таковы были дѣянія парламента, котораго огромное большинство состояло изъ защитниковъ королевской прерогативы. Но рядомъ съ этою придворною партіею образовалась другая, партія народная, которая своимъ знаменемъ выставила свободу. Она была наслѣдницею Долгаго Парламента, но съ болѣе умѣренными требованіями. Опираясь на права народа, она держалась въ предѣлахъ закона и стремилась единственно къ развитію конституціонныхъ началъ, выработанныхъ исторіею. Борьба этихъ двухъ партій, торіевъ и виговъ, наполняетъ всю послѣдующую исторію Англіи. Первая стояла за церковь и короля и проповѣдывала, что сопротивленіе королевской власти во всякомъ случаѣ беззаконно; вторая, напротивъ, утверждала, что народъ имѣетъ право сопротивляться беззаконнымъ дѣйствіямъ правителей. Послѣдняя опиралась преимущественно на диссидентовъ и на города, тогда какъ противники находили главную поддержку въ землевладѣльцахъ. Аристократія раздѣлялась между обоими направленіями, сохраняя между ними должную связь и устраняя всякія крайности. Пополняясь вождями партій, верхняя палата попеременно представляла собою большинство то той, то другой. При Карлѣ II-мъ, въ ней рѣшительно преобладали тори, тогда какъ въ нижней палатѣ, послѣ перваго, монархическаго парламента, большинство перешло на сторо-

ну виговъ. Перевѣсъ послѣднихъ былъ вызванъ опасеніями, внушенными переходомъ наслѣдника престола къ католицизму. Однако попытка народной партіи отрѣшить Якова отъ престола не удалась; крайности виговъ, въ свою очередь, произвели реакцію, которою правительство воспользовалось для утвержденія своей власти. Главнымъ средствомъ для этого служило преобразованіе городскихъ корпорацій, изъ которыхъ большею частью исключены были диссиденты. Городское управленіе досталось въ руки тѣсныхъ олигархій, преданныхъ правительству. Это было сдѣлано для усиленія монархической власти; въ послѣдствіи это послужило къ утвержденію владычества аристократіи.

Союзъ короля съ церковью и аристократіею могъ положить основаніе прочному порядку вещей. Но для этого надобно было подчиниться ихъ вліянію и отказаться отъ самовластія. Яковъ II рѣшился идти имъ на перекоръ и этимъ погубилъ себя. Преданный католицизму, видя въ немъ главную опору монархическаго начала, онъ хотѣлъ въ пользу религіи еще разъ испробовать силу королевской власти. Изъ прежней прерогативы остался одинъ обломокъ произвола, подлежавшій спору, но не отмѣненный формально. То было право разрѣшать отступленія отъ законовъ. Судьи, всегда покорные королю, поддерживали его притязанія. Яковъ прибѣгнулъ къ этому орудію для пріостановленія законовъ противъ католиковъ. Но на этотъ разъ справиться съ королемъ было не трудно. Противъ него соединились и тори и виги, при чемъ первые пожертвовали своими началами для спасенія церкви. Аристократія стала во главѣ революціи. Она призвала Вильгельма Оранскаго, и Яковъ II, покинутый всѣми, былъ низложенъ. Билль о Правахъ, третій памятникъ англійской свободы, навсегда отмѣнилъ разрѣшающую власть.

Революція 1688-го года носила совершенно иной характеръ, нежели первая. Она имѣла въ виду не разрушеніе существующаго государственнаго устройства, не установленіе народной власти, а защиту закона отъ произвола. Она была произведена не средними классами, которые не въ силахъ были создать новый политическій бытъ, а аристократіею, которая, опираясь на историческія права, на существующій составъ парламента, успѣла утвердить прочный порядокъ вещей и явилась въ немъ владычествующею. Изъ двухъ силъ, которыхъ борьба идетъ отъ начала англійской исторіи, аристократія, опи-

равшаяся на парламентъ, окончательно получила перевѣсъ. Королевская власть, вслѣдствіе низложенія законной династіи, лишилась историческаго корня. Она оказалась несостоятельною для правленія, которое естественно перешло въ руки вельможъ. Самые друзья королевской прерогативы потеряли твердую почву; они принуждены были отречься отъ провозглашенныхъ ими началъ безусловнаго повиновенія, хотя и сдѣлали это нехотя. Они съ трудомъ согласились на совершенное устраненіе Якова II-го отъ престола и на избраніе Вильгельма III-го. Явно признавая новое правительство, они оказывали ему постоянное недоброжелательство, продолжая видѣть въ немъ незаконнаго похитителя власти, и обращая взоръ на изгнанную королевскую фамилію. Но эти позднія сожалѣнія не могли привести ни къ чему; поставленная въ ложное положеніе, партія торіевъ падаетъ болѣе и болѣе.

Виги, напротивъ, торжествовали, ибо ихъ начала, силою вещей, получили перевѣсъ. Они сдѣлались друзьями новаго правительства; изъ народной партіи они превратились въ придворную. Прежнія роли перемѣнились. Они же образовали большинство верхней палаты, въ которую вступили ихъ вожди. Партія виговъ получила преимущественно аристократическій характеръ, ибо торжество свободныхъ началъ и парламентскаго владычества было въ сущности побѣдою аристократіи надъ королевскою властью. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, виги пользовались преобладающимъ вліяніемъ и въ народѣ, ибо они всегда были защитниками его правъ. Владычество аристократіи было упрочено именно тѣмъ, что во главѣ государства была поставлена та ея часть, которая ратовала за народъ. Въ этомъ заключается вся сила англійской аристократіи.

Однако перевѣсъ виговъ установился не вдругъ. Царствованія Вильгельма III-го и Анны представляютъ еще борьбу обѣихъ партій, при сильномъ участіи королевской власти. Только со вступленіемъ на престолъ Ганноверской династіи, упрочилось владычество виговъ. Вильгельмъ III-й, призванный обѣими сторонами, хотѣлъ соединить ихъ въ общемъ управленіи. Но при различіи взглядовъ, при взаимномъ ожесточеніи партій, это оказалось невозможнымъ. Вильгельмъ рѣшался составить министерство изъ виговъ. Тогда тори, въ соединеніи со всѣми недовольными, кинулись въ ярую оппозицію, которая наполнила смутами всю вторую половину его царствованія. Нижняя

палата представляла въ то время печальную картину: по отзыву свѣдущихъ людей, объ ней нельзя было сказать сегодня, что̀ она предприметъ завтра; въ ней господствовалъ самый безразсудный духъ партіи, и являлась ненависть ко всякому лицу, занимавшему правительственную должность. Парламентское правленіе, плодъ новѣйшаго развитія конституціонныхъ началъ, въ то время еще не установилось, да едвали оно и было возможно. Вильгельмъ не могъ вручить правленіе врагамъ своей династіи, которые временно получили перевѣсъ въ парламентѣ. Поэтому онъ, не смотря на оппозицію, продолжалъ опираться на виговъ. Той же системы держалась и Анна въ началѣ своего царствованія, пока она находилась подъ вліяніемъ герцога Марльборо и его жены. Популярная война съ Франціею дала вигамъ большинство и въ парламентѣ. Министерство Годольфина было время величайшей славы англійскаго оружія. Но придворная интрига произвела внезапную перемѣну въ положеніи партій. Госпожа Машамъ вытѣснила герцогиню Марльборо изъ милости королевы, а съ этимъ вмѣстѣ положенъ былъ конецъ и французской войнѣ и владычеству виговъ. Тори вступили въ министерство, но воспользовались этимъ для козней въ пользу изгнанной династіи, которую они хотѣли возвратить на престолъ, вмѣсто Ганноверскаго дома, назначеннаго Актомъ о престолонаслѣдіи (Act of settlement). Внезапная смерть Анны не дала созрѣть этимъ планамъ. Ганноверская династія заняла престолъ безъ всякаго прекословія. Съ этимъ вмѣстѣ утвердилось и правленіе виговъ. Тори нѣкоторое время продолжали безполезную оппозицію, затѣмъ они мало по малу сошли съ политическаго поприща, пока новыя обстоятельства не вызвали ихъ снова на сцену, но уже въ измѣненномъ видѣ.

Царствованія первыхъ двухъ монарховъ Ганноверскаго дома было самымъ цвѣтущимъ временемъ владычества англійской аристократіи. Въ короляхъ она не находила противодѣйствія; они явились въ Англіи иностранцами, едва знакомыми съ туземными нравами, не имѣющими корня въ странѣ, а потому охотно предоставляли управленіе партіи, которой поддержка доставила имъ престолъ. Съ другой стороны, нижняя палата находилась подъ самымъ сильнымъ вліяніемъ аристократіи, которая располагала множествомъ мѣстъ и вводила сюда своихъ кліентовъ. Это не могло обойтись безъ существеннаго ущерба представительнымъ началамъ. Въ способахъ пріобрѣтенія вліянія про-

явились всѣ недостатки аристократическаго правленія. Представительная система, искаженная въ пользу правительства при послѣднихъ Стюартахъ, подверглась еще большему искаженію въ настоящую эпоху. Безпрерывно возникавшіе вопросы объ избирательныхъ правахъ рѣшались съ величайшимъ пристрастіемъ въ пользу владычествующей партіи. Городскіе выборы болѣе и болѣе падали въ руки олигархій. Вмѣстѣ съ тѣмъ, правительство щедро прибѣгало и къ другому средству пріобрѣсти большинство, къ подкупу, который развился въ громадныхъ размѣрахъ, какъ въ избирательныхъ округахъ, такъ и въ самомъ представительствѣ. Къ тому же клонилась и обширная система протекціи (patronage). Раздача мѣстъ сдѣлалась одною изъ главныхъ задачъ министерствъ, которыя держались опорою многочисленныхъ кліентовъ. Люди съ вліяніемъ задобрялись богатыми синекурами; ихъ покровительство доставляло ходъ въ администраціи. Все это давало аристократіи безспорное преобладаніе въ странѣ. Если въ парламентѣ была борьба, то она проистекала не изъ столкновеній аристократическихъ началъ съ демократическими, а изъ личныхъ отношеній между знатными особами. Вельможи, исключенные изъ правительства, кидались въ оппозицію. Споры за начала замѣнились личными вопросами, какъ всегда бываетъ, когда въ парламентскомъ правленіи слишкомъ преобладаетъ одинъ элементъ. Министерства были ничто иное, какъ коалиціи знатныхъ домовъ, при чемъ способности далеко не всегда давалось первое мѣсто. Долгое время главную роль игралъ герцогъ Ньюкястль, который и по дарованіямъ и по характеру былъ ниже посредственности, а имѣлъ значеніе единственно по связямъ. Послѣ него, главою виговъ признанъ былъ столь же ничтожный маркизъ Рокингамъ. Самые даровитые люди того времени, какъ старшій Питтъ, получали доступъ въ парламентъ посредствомъ покровительства знатныхъ лицъ и вступали въ министерство только съ помощью аристократическихъ связей. Великій общинникъ, какъ называли Питта, пользовался въ народѣ огромною популярностью, а между тѣмъ не располагалъ большинствомъ въ парламентѣ; партію доставлялъ ему герцогъ Ньюкястль. Наконецъ, аристократія, образовавшая тѣсный кружокъ, пыталась даже замкнуться юридически, ограничивъ число членовъ палаты лордовъ. Повидимому, эта мѣра имѣла либеральный характеръ, ибо у короля отнималась возможность измѣнять по своей волѣ большинство верхней палаты; но въ сущности

она клонилось единственно въ пользу аристократіи, въ которую доступъ значительно затруднялся. Однако представленный въ этомъ духѣ проектъ Стангопа и Сондерланда встрѣтилъ сильнѣйшее противодѣйствіе и былъ отвергнутъ.

Это преобладаніе аристократіи, не всегда законное въ своихъ путяхъ, повело однако къ утвержденію парламентскаго владычества. Въ первый разъ послѣ Тюдоровъ, прекратилась борьба властей; въ первый разъ въ теченіе многовѣковой исторіи, склонявшей вѣсы то въ ту, то въ другую сторону, установилось начало, что правленіе должно быть ввѣряемо вождямъ парламентскаго большинства. Это большинство имѣло мало самостоятельности; оно руководилось вельможами, но безъ него нельзя было управлять государствомъ. Аристократія находила задержку въ выборномъ началѣ; она могла править только посредствомъ парламента. Вслѣдствіе этого, нижняя палата сдѣлалась средоточіемъ государственной жизни. Вальполь, главный создатель новаго порядка вещей, первый понялъ ея значеніе и остался въ ней въ теченіи своего двадцатилѣтняго министерства; званіе пера онъ принялъ только по выходѣ въ отставку. Здѣсь же ратовалъ и Питтъ, котораго вліяніе значительно ослабѣло, какъ скоро онъ перешелъ въ верхнюю палату, подъ именемъ лорда Чатама. Самая зависимость нижней палаты отъ аристократіи содѣйствовала прочности и единству управленія. Изъ нея исключены были всѣ элементы, которые могли произвести смуту и оказать противодѣйствіе существующему порядку; таковы были католики, диссиденты. Правительство всегда находило въ ней поддержку; оппозиція возникала изъ самой аристократіи, а потому держалась въ предѣлахъ умѣренности и закона. Перемѣна правителей не измѣняла существенно цѣлей и направленія политики, не производила переворота въ государственной жизни. Еще важнѣе было то обстоятельство, что исключенные элементы не старались пробить себѣ дорогу внѣшнимъ напоромъ, производя волненіе въ странѣ. Могущество Англіи, развитіе народнаго богатства, торговли, морскихъ силъ, удовлетворяли справедливымъ требованіямъ общества. Средніе классы были довольны существующимъ порядкомъ и тѣмъ охотнѣе подчинялись вліянію аристократіи, что правленіе находилось въ рукахъ партіи, которая постоянно искала въ нихъ опоры. Въ этомъ союзѣ аристократіи съ средними классами заключается вся сила представительнаго устройства Англіи. Но сначала первенствую-

щую роль играла аристократія. Ей принадлежитъ честь установленія прочнаго правительства, опирающагося на парламентъ; она съумѣла стать во главѣ государства, не возбуждая противъ себя ненависти народа, имѣя всегда въ виду общественную цѣль, и постоянно пополняясь талантами, появляющимися на политическомъ поприщѣ.

Тѣмъ не менѣе, замкнутость аристократическаго кружка, который давалъ преобладаніе самымъ незначительнымъ людямъ, не могла не имѣть неблагопріятныхъ послѣдствій для государства. Пробить эту ограду могла только королевская власть, ибо средніе классы сами по себѣ не составляли еще самостоятельной силы. Эту задачу поставилъ себѣ Георгъ III-й. Со вступленіемъ его на престолъ, кончается безусловное владычество виговъ. Около короля образуется новая партія друзей королевской власти. Прежніе тори лишились значенія, потому что стояли за старую династію. Но потомство Якова II-го вымерло; новая династія упрочилась. Георгъ III-й былъ настоящій Англичанинъ, рожденный и воспитанный въ Англіи. Онъ не любилъ виговъ, не хотѣлъ поддаваться владычеству знатнаго кружка и старался вручить правленіе людямъ, ему преданнымъ. Къ нему естественно примкнула вся та часть англійскаго общества, которой лозунгомъ издавна были: церковь и король. Тори возникли изъ ничтожества и пріобрѣли новую силу.

Однако первыя попытки короля образовать свою партію были неудачны. Любимецъ его, лордъ Бьютъ, который былъ поставленъ во главѣ управленія, не въ силахъ былъ справиться съ задачею и долженъ былъ уступить общественному голосу, поднявшемуся противъ него. Болѣе способнымъ оказался лордъ Нортъ, который долго пользовался довѣріемъ короля и парламента. Но и это министерство дорого обошлось Англіи; по его винѣ, она лишилась сѣверо-американскихъ колоній. Неудача войны съ Соединенными Штатами возвратила правленіе вигамъ. Они вступили въ министерство и на этотъ разъ хотѣли упрочить свое владычество, сдѣлавши его независимымъ, не только отъ королевской воли, но и отъ парламентскаго большинства. Такова была цѣль знаменитаго индійскаго билля, который долженъ былъ доставить членамъ настоящаго министерства обширныя средства протекціи, и вслѣдствіе того, постоянное вліяніе на дѣла. Но здѣсь виги нашли въ королѣ неодолимое сопротивленіе. Онъ заставилъ министерство подать въ отставку, не смотря на то, что оно распола-

гало значительнымъ большинствомъ въ нижней палатѣ; правленіе было вручено 24-хъ лѣтнему Питту, второму сыну знаменитаго Чатама. На этотъ разъ, выборъ былъ удаченъ. Не имѣя ни партіи, ни вѣса, пріобрѣтаемаго долголѣтнимъ занятіемъ дѣлами, Питтъ выступилъ одинъ противъ союза первокласныхъ политическихъ талантовъ, за которыми стояло огромное большинство народнаго представительства. Въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, онъ выдерживалъ неравную борьбу, постоянно терпя пораженія въ палатѣ, но болѣе и болѣе склоняя общественное мнѣніе на свою сторону. Наконецъ, палата была распущена, и новые выборы дали ему перевѣсъ.

Семнадцатилѣтнее министерство Питта (1783—1800) было временемъ образованія партіи торіевъ въ настоящемъ ея видѣ, то есть какъ партіи охранительной, защищающей коренныя основы государственнаго устройства Англіи. Въ ея программѣ нѣтъ уже рѣчи ни о безусловномъ повиновеніи власти, ни о преобладаніи короля надъ парламентомъ; все это вопросы, окончательно рѣшенные революціею 1688-го года и правленіемъ виговъ. Новые тори приняли точкою отправленія существующій порядокъ вещей, основанный на господствѣ церкви, монархіи и аристократіи. Но они не допускали владычества аристократическаго начала въ ущербъ монархическому и самую аристократію хотѣли утвердить на болѣе широкихъ основахъ, освободивъ ее отъ замкнутости тѣснаго кружка. Поэтому средніе классы долго доставляли имъ сильную поддержку.

Съ своей стороны, партія виговъ также претерпѣла существенное измѣненіе. Коалиція знатныхъ домовъ была необходима, когда нужно было упрочить правительство, вышедшее изъ революціи, и дать политикѣ надлежащее единство. Но какъ скоро виги стали въ оппозицію, они возвратились къ прежнимъ своимъ либеральнымъ началамъ, къ защитѣ народныхъ правъ. Изъ нихъ образовалась партія прогрессивная, которая, не отступаясь отъ основныхъ началъ англійской конституціи, стремилась къ постепенному ихъ улучшенію, принятіемъ въ нее болѣе демократическихъ элементовъ. Это не мѣшало вигамъ сохранить свой прежній аристократическій характеръ; радикальное направленіе было имъ чуждо. Обѣ партіи, принадлежа къ аристократіи, расходились между собою не въ основныхъ началахъ, а въ второстепенныхъ вопросахъ. Обѣ хотѣли сохраненія существующаго порядка вещей; дѣло шло только о большей или меньшей степени

свободы, о большемъ или меньшемъ вліяніи того или другаго элемента. Здѣсь не было такой противоположности воззрѣній, которая устраняла бы всякое соглашеніе. Обѣ партіи одинаково могли управлять государствомъ; владычество одной не исключало возможности преобладанія другой. Прежнія распри превратились въ правильную дѣятельность свободныхъ учрежденій. Это былъ результатъ всей англійской исторіи; но чтобы достигнуть его, нужна была многовѣковая борьба, которая, послѣ долгихъ колебаній, установила наконецъ то отношеніе общественныхъ стихій, которое соотвѣтствовало духу народа, его потребностямъ и самому свойству и силѣ этихъ элементовъ.

На это измѣненное отношеніе партій имѣла значительное вліяніе французская революція. Она вызвала новыя идеи, которыя, проникши въ Англію, произвели раздѣленіе въ политическомъ мірѣ. Часть виговъ приняла эти новыя начала и стала на сторонѣ французской революціи. Тори, напротивъ, держась охранительныхъ преданій, сдѣлались непримиримыми ея врагами и всѣми силами возбуждали войну противъ Франціи. Послѣднее направленіе гораздо болѣе перваго согласовалось съ историческимъ развитіемъ Англіи, съ ея интересами и съ духомъ народа. Поэтому тори получили перевѣсъ, который они долго сохраняли и послѣ заключенія мира. Они, въ союзѣ съ Европою, низвергли Наполеона и содѣйствовали утвержденію легитимизма. Мы видѣли однако, что собственные интересы Англіи и либеральныя начала, лежащія въ ея конституціи, заставили наконецъ Каннинга отступиться отъ этой политики. Съ этого начинается паденіе торіевъ. Скоро они должны были сдѣлать новыя уступки. Волненія Ирландіи, возбужденныя О'Коннелемъ, повели къ дарованію католикамъ политическихъ правъ. Торійское министерство, которое постоянно этому противилось, принуждено было само предложить эту мѣру для избѣжанія худшихъ послѣдствій. Виги получили черезъ это значительное подкрѣпленіе въ парламентѣ. Но окончательный перевѣсъ они могли пріобрѣсти только при усиленіи либеральныхъ элементовъ въ самомъ представительствѣ Англіи. Поэтому лозунгомъ ихъ сдѣлалась парламентская реформа.

Доселѣ устройство народнаго представительства давало перевѣсъ аристократіи. Но со времени послѣдней революціи, средніе классы значительно возрасли богатствомъ и силою; въ сравненіи съ этимъ новымъ положеніемъ, ихъ доля вліянія на управленіе была слиш-

комъ мала. Они громко стали требовать преобразованія избирательныхъ законовъ, которые вручали выборное право ничтожнымъ корпораціямъ, гдѣ властвовали вельможи, тогда какъ значительнѣйшіе города лишены были представительства. Въ государствѣ произошло волненіе, которое могло повести къ революціи и не разъ доходило до насилія. Между тѣмъ, аристократія не хотѣла уступать, ибо черезъ это она лишалась своего вліянія. Здѣсь опять королевская власть пришла на помощь народу. Министерство Грея, стоявшее за реформу, потерпѣло пораженіе въ нижней палатѣ и еще менѣе могло расчитывать на поддержку верхней. Лорды намѣревались даже просить короля не распускать нижней палаты, какъ совѣтовало министерство. Но Вильгельмъ IV-й предупредилъ эти козни; палата была распущена, и новые выборы дали большинство либеральнымъ министрамъ. Затѣмъ оставалось побѣдить сопротивленіе верхней палаты. Здѣсь король употребилъ личное свое вліяніе, и большинство наконецъ уступило.

Билль о реформѣ 1832-го года завершаетъ исторію англійской конституціи, но не составляетъ въ ней перелома. Онъ не внесъ новыхъ началъ въ государственное устройство, не замѣнилъ прежняго историческаго развитія новыми отвлеченно-либеральными формами. Избирательный законъ былъ составленъ не по теоретическимъ соображеніямъ, а на основаніи практическихъ данныхъ. Поэтому, возникшія исторически несообразности далеко не были устранены; англійское избирательное право носитъ на себѣ такой мѣстный характеръ, представляетъ такое сочетаніе разнородныхъ началъ, что оно совершенно неприложимо къ другимъ государствамъ и непонятно для всякаго, кто хотѣлъ бы судить о немъ, отправляясь отъ чисто разумныхъ требованій. Между тѣмъ, билль о реформѣ произвелъ существенную перемѣну въ составѣ нижней палаты. Онъ отнялъ избирательное право у множества гнилыхъ мѣстечекъ, въ которыхъ владычествовала аристократія, и перенесъ его на города и на классы, прежде исключенные изъ представительства. Аристократія сохранила еще значительную долю вліянія на государственную жизнь, но перевѣсъ принадлежитъ въ настоящее время среднимъ классамъ, изъ которыхъ исходитъ главнымъ образомъ общественное мнѣніе, верховный судья всѣхъ политическихъ вопросовъ. Такимъ образомъ, роли перемѣнились: въ XVIII-мъ вѣкѣ владычествовала аристократія, а средніе

классы служили ей задержкой; теперь иниціатива исходитъ отъ последнихъ, аристократія же является умѣряющимъ элементомъ. Но теперь, какъ и прежде, вся сила конституціи основана на союзѣ обоихъ классовъ, на дружной ихъ дѣятельности, которая является плодомъ многовѣковаго развитія и общей борьбы за либеральныя начала.

Въ послѣднее время, на политическомъ поприщѣ является однако новый элементъ, доселѣ неизвѣстный въ англійской исторіи — рабочіе классы. Они всегда были обдѣленнымъ членомъ общей семьи. Аристократическое государство менѣе всего заботилось объ ихъ благосостояніи. Они мало по малу были вытѣснены изъ поземельнаго владѣнія; фабричное производство породило между ними страшныя бѣдствія и нищету; законы о бѣдныхъ, доставляя имъ скудныя пособія, дѣлали ихъ почти крѣпостными. Однако въ послѣднее тридцатилѣтіе, со времени господства среднихъ классовъ, благодаря либеральнымъ мѣрамъ правительства, благодаря въ особенности общему развитію богатства Англіи, благосостояніе рабочаго населенія значительно поднялось, а съ этимъ вмѣстѣ оно становится политическою силою и требуетъ себѣ правъ. Теперь дѣло идетъ о новой избирательной реформѣ, съ цѣлью дать ему участіе въ представительствѣ. Такая перемѣна въ составѣ парламента, такая перестановка общественныхъ элементовъ, безъ сомнѣнія, не можетъ не отразиться на ходѣ государственной жизни. Какое положеніе примутъ въ палатѣ рабочіе классы, въ какое отношеніе они станутъ къ другимъ, и какія изъ этого могутъ произойдти сочетанія, покажетъ время. До сихъ поръ, конституціонное устройство Англіи держалось отсутствіемъ настоящихъ демократическихъ элементовъ. Народная масса никогда не являлась силою, имѣющею вліяніе на дѣла и притязаніе на политическую роль. Все происходило помимо ея, объ ней никогда не было и рѣчи. Однажды въ англійской исторіи, демократическія начала сдѣлались господствующими; но они исходили изъ городовъ и носили на себѣ печать своего происхожденія. Идея народной власти, которая проявилась въ Долгомъ Парламентѣ, заключала въ себѣ не расширеніе выборнаго права, не пріобщеніе массы къ политической жизни, а единственно замѣну монархіи владычествомъ парламента, воздвигнутаго на самыхъ узкихъ основахъ. Но даже и въ этихъ предѣлахъ, демократическія начала такъ мало совпадали съ духомъ англійскаго народа, что послѣ быстраго ихъ упадка, отъ нихъ не осталась почти и

слѣда. Средніе классы перестали видѣть въ себѣ представителей всего народа, какъ французскій tiers état, а довольствовались болѣе ограниченною ролью состоянія, пользующагося извѣстными правами и уважающаго права другихъ. Отсюда въ англійскомъ обществѣ отсутствіе радикальныхъ стремленій и вражды противъ высшихъ классовъ. Отсюда непритязательность тѣхъ демократическихъ элементовъ, которые вошли въ конституцію, и возможность дружнаго сочетанія ихъ съ аристократическими.

Безсиліемъ демократіи объясняется отчасти и слабость монархической власти въ англійской конституціи. Одна изъ самыхъ существенныхъ задачъ монархіи состоитъ въ покровительствѣ народной массѣ, въ защитѣ обдѣленныхъ классовъ, которые, не принимая непосредственнаго участія въ политической жизни, не могутъ сами отстаивать своихъ интересовъ, но видятъ своего заступника въ главѣ государства, на него обращаютъ свои взоры и всегда готовы поддерживать его всѣми силами. Англійскіе короли, въ борьбѣ съ аристократіею и съ городами, никогда не находили опоры въ массѣ народа, которая не имѣла ни голоса, ни вѣса. Приверженцы монархіи выходили изъ среди тѣхъ же высшихъ классовъ. Поэтому союзъ аристократіи съ горожанами легко втѣснилъ королевскую власть въ самыя узкія границы, оставивъ ее необходимымъ, но весьма мало дѣятельнымъ членомъ общаго организма.

Изъ всего этого ясно, что существенныя основы конституціоннаго быта Англіи выработались изъ исторіи, совершенно своеобразнымъ путемъ. Отсутствіе настоящихъ демократическихъ элементовъ, слабость королевской власти, высокое значеніе аристократіи и союзъ ея съ средними классами, все это—явленія, которыя составляютъ исключительную принадлежность Англіи и не могутъ быть перенесены на другую почву. Поэтому англійская конституція остается неподражаемою. Отъ нея можно заимствовать нѣкоторые уроки конституціонной жизни, ибо здѣсь на опытѣ выработались практическіе пріемы и условія этого порядка, но самыя ея основы, то, что даетъ ей непоколебимую твердость, не можетъ быть произвольно усвоено другими народами. Вся сила представительнаго порядка зиждется на взаимномъ отношеніи различныхъ общественныхъ элементовъ, входящихъ въ его составъ; но именно этому подражать нельзя. Англійскія учрежденія послужили для Европы типомъ конституціоннаго устройства, но

кромѣ формы, они ничего не могли дать; учиться на нихъ способу сохранять политическую свободу совершенно напрасно. Самыя конституціонныя формы, которыя вырабатывались здѣсь практически, изъ данныхъ элементовъ, изъ своеобразныхъ условій, не могли непосредственно получить общеевропейскаго значенія. Для этого имъ нужно было пройти черезъ французскую мысль, которая, очистивъ ихъ отъ мѣстныхъ особенностей, возведя ихъ въ теорію, подвергнувъ ихъ всѣмъ испытаніямъ и превратностямъ исторической судьбы новыхъ народовъ, сдѣлала наконецъ конституціонное ученіе общимъ достояніемъ Европы.

ГЛАВА 3.

РАЗВИТІЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬНЫХЪ УЧРЕЖДЕНІЙ ВО ФРАНЦІИ.

Начало французской исторіи въ главныхъ своихъ чертахъ имѣетъ значительное сходство съ англійскою. Одни и тѣже элементы легли въ основаніе общественнаго быта всѣхъ западно-европейскихъ народовъ. Вездѣ водворилась германская дружина, съ своимъ вождемъ, съ своими общими собраніями; вездѣ велась борьба между аристократіею и королями. Если во Франціи сильнѣе высказывались преданія Рима, особенно въ императорской власти, то временный блескъ монархіи скоро померкъ передъ напоромъ германскихъ началъ. Имперія Карла Великаго пала, уступая мѣсто феодализму и городамъ, которыхъ развитіе, при возрожденіи королевской власти, завершилось сословнымъ представительствомъ, съ тѣми же правами и стремленіями, какъ въ Англіи.

Однако, при тождествѣ основныхъ общественныхъ элементовъ, при одинакомъ ходѣ ихъ развитія, нельзя не замѣтить и глубокаго различія, какъ въ ихъ характерѣ, такъ и въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Французское феодальное устройство далеко не походило на англійское. Въ Англіи, бароны, лишенные мѣстной власти, безсильные въ отдѣльности, образовали плотный союзъ, который противостоялъ всѣмъ

притязаніямъ королей. Во Франціи, напротивъ, вся сила аристократіи заключалась въ мѣстномъ господствѣ. Страна раздробилась на безчисленное множество мелкихъ владѣній, почти не связанныхъ между собою. Каждый баронъ имѣлъ свой замокъ, гдѣ онъ могъ защищаться отъ нападеній; онъ пользовался правомъ частныхъ войнъ, держалъ свой собственный судъ, чеканилъ монету, наконецъ, былъ изъятъ и отъ податей и отъ общаго законодательства. Королевская власть, при водвореніи династіи Капетинговъ, была совершенно ничтожна. Самые дѣятельные государи проводили жизнь въ безпрерывныхъ войнахъ съ ближайшими мелкими вассалами, съ владѣльцами замковъ въ окрестностяхъ Парижа. Только мало по малу, съ постепеннымъ расширеніемъ владѣній, короли успѣли пріобрѣсти перевѣсъ надъ своими ленниками, ограничивая ихъ права, и стягивая къ себѣ общую власть. Но и въ этихъ стремленіяхъ, они никогда не встрѣчали сопротивленія со стороны всѣхъ. Общій союзъ бароновъ, какъ въ Англіи, былъ дѣломъ неизвѣстнымъ. Каждый стоялъ за себя, опираясь на свою дружину, на свое мѣстное могущество. Союзы составлялись случайно; большею частью это были партіи, раздиравшія общество, вносившія въ него безпрерывную смуту. Поэтому у французской аристократіи никогда не могъ образоваться такой политическій духъ, какъ у англійской. Это было сословіе, блиставшее болѣе личными качествами отдѣльныхъ членовъ, нежели общими свойствами корпораціи и значеніемъ своимъ для государства, сословіе болѣе военное, нежели политическое. Борьба королей съ вельможами была состязаніемъ общаго права съ частнымъ, государственныхъ требованій съ привилегіями. Первые должны были остаться побѣдителями.

Съ другой стороны, городовое сословіе было несравненно сильнѣе во Франціи, нежели въ Англіи. Вслѣдствіе развитія мѣстной жизни, города сдѣлались почти такими же независимыми державцами, какъ и феодальные владѣльцы. Средневѣковая исторія Франціи наполнена борьбою городскихъ общинъ съ ленными господами. Города силою оружія добываютъ себѣ права, ростутъ богатствомъ и могуществомъ. Къ нимъ мало по малу примыкаютъ и сельскія общины, увлеченныя общимъ стремленіемъ къ освобожденію и къ пріобрѣтенію правъ. Возникаетъ многочисленное сословіе мелкихъ землевладѣльцевъ, сначала въ весьма подчиненномъ положеніи, обремененныхъ тяжелыми повинностями, но постепенно пріобрѣтающихъ болѣе самостоятельности, и наконецъ,

вступающихъ въ самое представительство. Здѣсь лежитъ начало демократіи. Въ Англіи, этотъ классъ никогда не имѣлъ политическаго значенія. Свободные землевладѣльцы подавали голосъ на съѣздахъ графства, гдѣ они поглощались рыцарствомъ. Во Франціи, напротивъ, села присоединились къ городамъ, вмѣстѣ съ которыми они приняли участіе въ сословныхъ собраніяхъ. Вслѣдствіе этого, городское сословіе получило здѣсь несравненно болѣе широкое значеніе, нежели въ Англіи. Тамъ оно, засѣдая съ рыцарствомъ въ нижней палатѣ, долго находилось подъ вліяніемъ послѣдняго; здѣсь, напротивъ, сливаясь съ сельскимъ народонаселеніемъ, оно явилось представителемъ народной массы, въ противоположность привилегированнымъ состояніямъ. Выборные люди третьяго сословія на генеральныхъ штатахъ постоянно говорятъ отъ имени народа, объ его страданіяхъ и нуждахъ.

Съ внутреннею силою, съ демократическими основами, среднее сословіе соединяло и духъ политической инициативы. Отъ его представителей исходятъ и жалобы, и требованія и проекты преобразованій. Взоръ ихъ смѣло проникаетъ во всѣ области государственной жизни. Изъ средняго сословія возникаютъ юристы, судьи, администраторы, которые служатъ опорою королямъ и управляютъ государственными дѣлами. Однимъ словомъ, это было настоящее политическое сословіе Франціи; поэтому оно окончательно должно было получить перевѣсъ надъ другими.

Въ этомъ различномъ положеніи и значеніи сословій у обоихъ народовъ, раздѣленныхъ британскимъ каналомъ, сказался и племенной характеръ. Аристократіи свойственно охранять права, среднему сословію—стремиться къ общимъ преобразованіямъ. Но послѣднее гораздо болѣе соотвѣтствуетъ духу французскаго народа, нежели первое. Тогда какъ существенное призваніе англо-саксонскаго племени состоитъ въ развитіи личнаго права, у Французовъ, напротивъ, преобладаютъ общія идеи, на первомъ планѣ стоитъ мысль объ общественномъ благѣ, о пользѣ государства. Кельтическая подвижность даетъ жизнь и развитіе преданіямъ Рима; съ стремленіями новыхъ народовъ соединяются государственныя начала, завѣщанныя классическимъ міромъ и основанныя не на практическихъ нуждахъ, не на правахъ, коренящихся въ бытѣ варваровъ, а на требованіяхъ образованнаго общества.

Римскія преданія говорили въ пользу королевской власти, и третье сословіе явилось самымъ сильнымъ ея союзникомъ. Это опять фактъ величайшей важности, котораго было достаточно для уничтоженія всякой возможности прочнаго представительнаго устройства. Вмѣсто соединенія средняго сословія съ аристократіею, которое одно могло дать силу и крѣпость свободнымъ учрежденіямъ, является союзъ средняго сословія съ королемъ противъ аристократіи. Это сочетаніе не было вызвано случайными обстоятельствами: оно образовалось силою вещей; оно лежало въ самомъ свойствѣ общественныхъ элементовъ средневѣковой Франціи. Тогда какъ въ Англіи рука монарха простиралась на все, и правительственный гнетъ равно чувствовался всѣми, во Франціи, напротивъ, низшія сословія непосредственно несли на себѣ иго аристократіи, господствовавшей въ областяхъ; королевская же власть являлась имъ освободительницею. Она подавала имъ руку въ ихъ стремленіи къ пріобрѣтенію правъ. Общины, получавшія хартіи, становились подъ покровительство короля; горожане, даже въ частныхъ владѣніяхъ, стали считаться королевскими подданными. Для низшихъ классовъ, подчиненіе королевской власти сдѣлалось такимъ образомъ путемъ къ выходу изъ частной зависимости. Изъ средняго же сословія короли брали ближайшихъ своихъ совѣтниковъ. Люди низкаго происхожденія, становясь орудіями и помощниками монарховъ, управляли государствомъ, унижая гордыхъ бароновъ. Наконецъ, короли, а не вельможи, какъ въ Англіи, призвали города къ сословному представительству, дали имъ мѣсто въ общей политической жизни земли.

Однако этотъ союзъ подвергался и колебаніямъ. Не всегда горожане являлись покорными слугами монарховъ. Чувствуя свою силу, они не разъ пытались стать на первое мѣсто, управлять государствомъ посредствомъ уполномоченныхъ. Но противъ подобныхъ притязаній, королевская власть находила союзниковъ въ высшихъ сословіяхъ; съ ихъ помощью, она выходила побѣдительницею изъ этой борьбы. Аристократія и демократія во Франціи слишкомъ расходились между собою; у нихъ было мало общаго; онѣ носили въ себѣ различныя идеи, имѣли противоположные интересы, а потому не могли совокупными силами упрочить свободныя учрежденія. Одна королевская власть являлась связующимъ началомъ общественнаго быта. Она скрѣпила государство, уничтожила мѣстныя власти и привилегіи, соеди-

нила сословія; отъ нея исходили всѣ государственныя преобразованія. А потому она естественно должна была получить перевѣсъ надъ остальными элементами. Народъ видѣлъ въ ней представительницу народнаго единства и государственнаго порядка.

Стремясь къ преобладанію, королевская власть не могла однако обойтись безъ содѣйствія сословій въ устроеніи государства. Она исходила изъ феодальнаго быта, а потому со всѣхъ сторонъ была ограничена въ своихъ правахъ. Король не могъ ни налагать произвольно податей, ни самовластно издавать законы. Еще нужнѣе была опора сословій въ нравственныхъ и религіозныхъ вопросахъ, которые имѣли огромное значеніе въ средніе вѣка. Генрихъ II-й англійскій, въ спорѣ съ Ѳомой Бекетомъ, искалъ поддержки въ собраніи бароновъ и духовенства; Филиппъ Красивый, въ борьбѣ съ Бонифаціемъ VIII-мъ, созвалъ первые генеральные чины Франціи, составленные изъ трехъ сословій — духовенства, дворянства и горожанъ. Король требовалъ ихъ совѣта и помощи противъ папскихъ притязаній; опираясь на общественное мнѣніе земли, онъ могъ смѣлѣе отстаивать самостоятельность короны. Съ этихъ поръ, генеральные штаты сзываются постоянно, какъ скоро оказывается въ нихъ нужда. Франція, какъ и другія европейскія страны, прошла черезъ періодъ сословнаго представительства.

Генеральные штаты не были однако единственнымъ собраніемъ чиновъ въ королевствѣ. И прежде и послѣ существовали чины провинціяльные; каждая область имѣла свое собраніе. Это было опять обстоятельство чрезвычайной важности для успѣха свободныхъ учрежденій. Англійскій парламентъ былъ единственнымъ представительнымъ собраніемъ государства, единственною гарантіею правъ; въ немъ сосредоточивалась вся политическая жизнь земли. Во Франціи, напротивъ, представительныя учрежденія, какъ и самая политическая жизнь, дробились по областямъ, а потому генеральные штаты никогда не могли получить такого всеобъемлющаго значенія и такой силы, какъ англійскій парламентъ. Чины южной Франціи даже рѣдко собирались вмѣстѣ съ чинами сѣверной. Точно также и права сословій имѣли характеръ мѣстный, а не общій. Во Франціи, при Филиппѣ Красивомъ и его наслѣдникахъ, произошло такое же движеніе, какъ въ Англіи при Іоаннѣ Беземельномъ. Бароны составляютъ союзы съ городами для противодѣйствія беззаконнымъ податямъ; но это

союзы областные, заключаемые между сосѣдями. Лудовикъ X-й даруетъ не Великую Хартію всѣмъ сословіямъ французскаго народа, а отдѣльныя хартіи Нормандіи, Пикардіи, Шампани.

Эта разрозненность общественныхъ силъ выразилась и въ составѣ сословныхъ собраній. При недостаткѣ плотной аристократіи, во Франціи не могла образоваться и верхняя палата съ аристократическимъ значеніемъ. Англійскіе великіе бароны были непремѣнными совѣтниками короля; безъ нихъ онъ ничего не могъ предпринять. Поэтому они постоянно сбирались для совѣщаній и привыкли смотрѣть на себя, какъ на отдѣльное политическое тѣло. Французскіе великіе вассалы, напротивъ, управляли каждый своею областью, мало заботясь объ общихъ дѣлахъ государства. Верховное управленіе и здѣсь сосредоточивалось въ парламентѣ, составленномъ изъ постоянныхъ королевскихъ совѣтниковъ; но это были не вельможи, а юристы, люди третьяго сословія, преданные королю. Вслѣдствіе этого, аристократія не имѣла повода выдѣлиться изъ остальной массы дворянства и получить чисто политическій характеръ; сословное начало сохранилось во всей своей рѣзкости, ибо оно было единственною связью, которая могла соединять отдѣльныя лица въ политическія тѣла. Отсюда глубокое раздѣленіе между дворянствомъ и третьимъ сословіемъ. Низшее дворянство во Франціи постоянно держало себя вдали отъ горожанъ, съ пренебреженіемъ взирая на послѣднихъ, какъ на низшій разрядъ людей. Между тѣми и другими не было ничего общаго. Они не платили одинакихъ податей; дворянство только въ видѣ исключенія, въ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ, давало королю пособія. Его назначеніемъ была военная служба; подати платили люди неблагороднаго происхожденія. Точно также и духовенство было изъято отъ налоговъ; оно помогало правительству только добровольными дарами (dons gratuits). Оба сословія, духовенство и дворянство, считались такимъ образомъ высшими, привилегированными классами, въ противоположность огромной массѣ народонаселенія, примкнувшаго къ городамъ.

Такая разобщенность сословій, изъ которыхъ каждое имѣло свои понятія, свои цѣли, свои интересы, не могла содѣйствовать прочности свободныхъ учрежденій. Несостоятельность сословныхъ собраній, составленныхъ изъ такихъ элементовъ, оказалась при внѣшней опасности. Войны съ Англіею нанесли смертельный ударъ генеральнымъ штатамъ, только что начинавшимъ организоваться. Онѣ заставили

народъ столпиться около короля и вручить ему власть, которая быстро сдѣлалась неограниченною.

Это совершилось однако не вдругъ. На первыхъ порахъ казалось, напротивъ, что народныя начала получатъ рѣшительный перевѣсъ. Несчастныя битвы при Креси и Пуатье, оставивъ Францію безпомощною, не только заставили правительство прибѣгнуть къ генеральнымъ штатамъ, но позволили послѣднимъ захватить всю власть въ свои руки. На первомъ планѣ явилось здѣсь не дворянство, какъ въ Англіи. На французскомъ рыцарствѣ лежала главная вина несчастной войны; когда оно, побитое и униженное, возвратилось домой, противъ него поднялся вопль по всей землѣ. Народъ обвинялъ его въ неумѣніи защищать государство, считалъ его предателемъ отечества. Съ этихъ поръ, французское дворянство никогда не могло подняться на прежнюю высоту. Главная его сила была на войнѣ, и здѣсь оно явилось несостоятельнымъ. Поэтому, на генеральныхъ штатахъ, выступили впередъ города, и во главѣ ихъ Парижъ съ своимъ мэромъ, Стефаномъ Марселемъ.

Съ 1355-го года до 1359-го, чины королевства собирались ежегодно и даже нѣсколько разъ въ годъ. Правительство искало въ нихъ опоры среди общественныхъ бѣдствій и общаго разстройства государства; но они воспользовались своимъ положеніемъ не для подкрѣпленія ослабѣвшей власти, а для того, чтобы перетянуть къ себѣ правленіе и поставить короля въ полную зависимость отъ себя. Не только сборъ податей и финансовый контроль были имъ переданы, по ихъ желанію, но имъ было уступлено право собираться періодически, по собственной инціативѣ, не будучи созваны королемъ. Генеральные штаты потребовали смѣны всѣхъ королевскихъ совѣтниковъ и замѣны ихъ другими, по назначенію чиновъ. Какъ англійскіе бароны, они составили коммиссію реформаторовъ, которые были настоящими правителями государства. Здѣсь впервые преобразовательныя стремленія третьяго сословія проявились въ широкихъ размѣрахъ. Движеніе приняло характеръ чисто демократическій, который произвелъ всеобщее броженіе въ странѣ. Изъ городовъ оно распространилось и на села, и здѣсь началась рѣзня дворянъ, французская пугачевщина, жакерія. Но скоро наступила реакція. Дворянство, испуганное движеніемъ, покинуло генеральные штаты, отказавши третьему сословію въ содѣйствіи; за нимъ послѣдовало и духовен-

ство. Горожане одни были не въ состоянiи справиться съ дѣломъ. Сборы, которые они взяли въ свои руки, поступали плохо. Скоро народъ, усталый отъ смутъ, снова обратился къ королевской власти; жакерiя была подавлена, Марсель погибъ, и Карлъ V сдѣлался почти неограниченнымъ властителемъ Францiи. Не генеральные штаты, не дворянство и города, а королевская власть освободила землю отъ иноплеменниковъ и возстановила порядокъ въ государствѣ.

Карлъ V не обходился впрочемъ безъ совѣта сословiй; онъ искалъ ихъ поддержки въ тѣхъ трудныхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ находилась тогда Францiя. Но это были частныя собранiя, которыя не имѣли характера генеральныхъ штатовъ. Король не допускалъ ограниченiя своей власти и взималъ подати самовольно, безъ согласiя сословнаго представительства. Народъ выносилъ это терпѣливо, пока царствовалъ мудрый государь; но при малолѣтнемъ и безумномъ его преемникѣ, духъ парижской демократiи воскресъ съ новою силою. Въ самомъ началѣ царствованiя Карла VI-го, произошли возмущенiя, которыя заставили отмѣнить всѣ незаконныя подати. Между тѣмъ, генеральные чины, созванные дядями короля, отказали въ новыхъ пособiяхъ, такъ что управлять было невозможно. Однако и здѣсь скоро наступила реакцiя. Центромъ демократическаго движенiя, которое въ это время распространялось по всѣмъ окрестнымъ странамъ, были фландрскiе города, воевавшiе съ своимъ графомъ. Французскiй король и дворянство стали на сторону послѣдняго и положили конецъ спору побѣдою при Розебекѣ. Съ этимъ вмѣстѣ усмиренъ былъ и Парижъ, который лишился укрѣпленiй, муниципальной свободы и знатнѣйшихъ гражданъ, казненныхъ по повелѣнiю правительства.

Горожане еще разъ проиграли свое дѣло; но раздоры могучихъ вельможъ придали имъ новую силу. При безумномъ монархѣ, между партiями орлеанскою и бургундскою возгорѣлась распря, сопровождаемая убiйствами и междоусобною войною. Герцогъ Бургундскiй искалъ опоры въ парижской черни и въ генеральныхъ штатахъ. Это привело къ собранiю чиновъ 1413-го года, гдѣ во главѣ третьяго сословiя явился парижскiй университетъ. Здѣсь раздались громкiя нареканiя на государственное управленiе, и наряжена была коммиссiя чиновъ, которая составила самый обширный планъ преобразованiй. Все это однако не послужило ни къ чему; послѣдовали новыя смуты, убiйства, сцены, напоминающiя терроръ 93-го года, пока наконецъ

бургундская партія и парижская чернь не заключили союза съ Англичанами и не предали государства иноплеменникамъ. Генрихъ V воцарился во Франціи.

Эти кровавыя распри, соединенныя съ внѣшними войнами, нанесли окончательный ударъ городовой демократіи и сословному представительству. Франція еще разъ была спасена не вельможами и не городами, а національнымъ движеніемъ, средоточіемъ котораго былъ монархъ, а высшимъ представителемъ Орлеанская дѣва. Новый король водворился съ неограниченною властью и старался дать ей прочныя основы. Для возстановленія порядка необходимо было постоянное войско, для содержанія войска постоянныя подати. Генеральные штаты, созванные Карломъ VII-мъ, согласились на все, что отъ нихъ требовалось; вручивши королю и власть и оружіе, они сошли со сцены. Съ этихъ поръ, постоянная роль ихъ прекращается. Они появляются еще изрѣдка, вызываемые затрудненіями правительства или внутренними раздорами, но всякій разъ оказывается ихъ безсиліе. Лудовикъ XI созывалъ ихъ только однажды, съ цѣлью освободиться отъ вынужденнаго вассалами обѣщанія отдать брату Нормандію. Чины объявили, согласно его желанію, что Нормандія не можетъ быть отдѣлена отъ короны, и разошлись, представивъ нѣсколько жалобъ на злоупотребленія, на что король отвѣчалъ обѣщаніемъ исправить. Затѣмъ новое созваніе генеральныхъ штатовъ послѣдовало въ 1484-мъ году, въ малолѣтство Карла VIII-го, вслѣдствіе распрей между правительницею и принцами крови. Оно замѣчательно тѣмъ, что здѣсь въ первый разъ, въ числѣ представителей третьяго сословія, засѣдали выборные отъ сельскихъ общинъ; но не смотря на благопріятныя обстоятельства, которыя прямо давали чинамъ поводъ вмѣшаться въ государственныя дѣла, это собраніе не привело ни къ какому прочному результату. Нѣкоторые члены дворянства совѣтовали депутатамъ взять правленіе въ свои руки, но это предложеніе не нашло отголоска въ большинствѣ. Третье сословіе ограничилось просьбою объ уменьшеніи лежавшихъ на немъ тяжестей. Однако и въ этомъ отношеніи не было принято никакихъ дѣйствительныхъ мѣръ; данныя правительствомъ обѣщанія остались неисполненными, налоги продолжали взиматься самовластно, и около 85 лѣтъ прошло прежде, нежели были созваны генеральные штаты. Лучшіе французскіе короли, какъ Лудовикъ XII, обходились безъ нихъ.

Религіозныя войны снова вызвали ихъ къ дѣятельности. И протестанты и католики требовали ихъ созванія, надѣясь найти въ нихъ опору. Но эпохи религіознаго фанатизма менѣе всего благопріятны развитію свободныхъ учрежденій. Въ представительныхъ собраніяхъ выражаются всѣ народныя страсти; при взаимной нетерпимости, онѣ ведутъ къ междоусобіямъ. Только власть, стоящая выше партій, господствующая надъ ними, въ состояніи сдержать ихъ порывы и умиротворить государство. Это именно оказалось во Франціи въ XVI-мъ вѣкѣ. Пять разъ собирались генеральные штаты съ 1560-го до 1598-го года. Въ нихъ дѣйствовали лучшіе люди того времени; обширные, выработанные ими проекты и представленія послужили основаніемъ замѣчательнымъ памятникамъ законодательства; но въ религіозномъ вопросѣ, они или оказывались безсильными, не будучи въ состояніи предупредить междоусобій, или сами становились орудіемъ партій и выраженіемъ религіознаго фанатизма. Католическая лига, которая нѣкоторое время владѣла Франціею, опиралась на народное право, на демократическія начала, чтобы искоренить протестантизмъ и подчинить себѣ королевскую власть. Наконецъ, побѣды Генриха IV-го, доставивъ торжество монархіи, водворили въ государствѣ миръ и порядокъ, повели къ установленію вѣротерпимости, но вмѣстѣ съ тѣмъ положили конецъ развитію свободы.

Послѣ этого, до самой революціи, генеральные штаты собираются только разъ, въ малолѣтство Людовика XIII-го, опять вслѣдствіе раздоровъ между правительствомъ и вельможами. Но это послѣднее собраніе обнаружило только ту противоположность понятій и интересовъ, которая существовала между сословіями. Эта рознь идетъ черезъ всю исторію Франціи. Она выражалась и въ первоначальной борьбѣ городовъ съ феодальными владѣльцами, и въ стремленіяхъ третьяго сословія къ владычеству, и въ реакціяхъ, поддерживаемыхъ дворянствомъ, и наконецъ, въ религіозныхъ распряхъ, гдѣ протестантизмъ находилъ приверженцевъ главнымъ образомъ въ аристократіи и въ высшемъ мѣщанствѣ, тогда какъ демократическая масса оставалась фанатически преданною католицизму. Враждебное настроеніе низшихъ классовъ противъ высшихъ высказывалось постоянно; издавна въ народныхъ собраніяхъ, ораторы третьяго сословія возставали на пороки духовенства и дворянства, противополагая имъ добродѣтели народа. Штаты 1614-го года окончательно доказали, что между сословіями

лежитъ бездна, при которой всякая совокупная дѣятельность становится невозможною. Дворянство хотѣло сохраненія своихъ привилегій, а между тѣмъ, негодовало на тѣ преимущества, которыми пользовались мѣщане. Послѣдніе, напротивъ, стремились къ равенству, къ уничтоженію сословныхъ льготъ, вслѣдствіе которыхъ вся тяжесть государственныхъ повинностей падала на низшіе классы. Съ другой стороны, третье сословіе требовало независимости свѣтской власти отъ церковной и распространенія свѣтскаго суда на духовенство; но здѣсь оно встрѣчало сильнѣйшее противодѣйствіе въ послѣднемъ, которое защищало права папы и настаивало на принятіи всѣхъ правилъ Тридентскаго собора. Сословныя распри дошли до величайшаго ожесточенія. Дворянство жаловалось королю на то, что мѣщанство осмѣлилось назвать его своимъ старшимъ братомъ. «Мы не хотимъ, чтобы дѣти сапожниковъ называли насъ братьями, восклицали его представители; между нами такое же разстояніе, какъ между бариномъ и лакеемъ».

Одна королевская власть стояла выше этихъ стремленій; она одна въ состояніи была объединить общество, какъ она объединила государство. При разрозненности и враждебномъ настроеніи сословій, при льготахъ, которыми пользовались высшія, свободныя учрежденія были невозможны. Они требуютъ внутренняго согласія, котораго не было. Одинъ замѣчательный публицистъ нашего времени высказалъ мысль, что свобода сама собою установила бы подобное согласіе; но на это нѣтъ никакихъ доказательствъ. Предположенія въ исторіи не могутъ быть допущены, если они не подкрѣпляются живыми фактами, а факты ведутъ къ противоположному заключенію. Нельзя ссылаться здѣсь на примѣры отдѣльныхъ провинціяльныхъ штатовъ, гдѣ всѣ три сословія дѣйствовали дружно. Единство, которое установляется въ ограниченной сферѣ, часто бываетъ невозможно на болѣе обширномъ поприщѣ, гдѣ все усложняется, гдѣ интересы становятся значительнѣе и вопросы живѣе. Самыя отношенія сословій и способы совѣщанія, отсюда истекавшіе, разнились въ отдѣльныхъ областяхъ; они были иные въ Лангедокѣ, нежели въ Бретани, и если въ той или другой провинціи проявлялось единодушіе, то въ общемъ представительствѣ постоянно господствовала рознь.

Согласной дѣятельности сословій противорѣчилъ въ особенности характеръ французскаго дворянства, которое всею своею исторіею до-

казало свою политическую неспособность. Оно обладало многими блестящими качествами, но стоять во главѣ государства, служить связью разнороднымъ общественнымъ элементамъ, оно было не въ состояніи. Исторія не дала ему внутренней крѣпости; тотъ характеръ, который наложилъ на него феодальный порядокъ, съ его частными правами, съ его безконечнымъ раздробленіемъ, сохранился въ немъ до конца. Оно всегда дорожило болѣе частнымъ дѣломъ, нежели общимъ, болѣе привилегіями, нежели правами. Оно стояло за изъятіе отъ податей, переставши нести военную повинность, которая служила имъ замѣною. Между тѣмъ, отбывая отъ податныхъ обязанностей, оно тѣмъ самымъ лишало себя возможности требовать контроля надъ расходами. До самыхъ временъ революціи, оно сохраняло феодальныя права, чрезмѣрно стѣснительныя для низшихъ классовъ, и этимъ возбуждало противъ себя ненависть послѣднихъ. Оно не хотѣло и слышать объ уподобленіи себя третьему сословію и своимъ высокомѣріемъ растравляло взаимную вражду. Въ его отношеніяхъ къ низшимъ высказывалось не только презрѣніе, но и зависть. Дворянство постоянно жаловалось на то, что государственныя должности замѣщаются людьми низкаго происхожденія, а между тѣмъ вина лежала въ немъ самомъ. Оно пренебрегало трудомъ и гражданскими дѣлами, тогда какъ третье сословіе, работою, постоянствомъ и просвѣщеніемъ, пролагало себѣ путь къ высшимъ мѣстамъ. Государственные люди Франціи, значительнѣйшіе дѣятели на гражданскомъ поприщѣ, большею частью не принадлежали къ дворянству. При военныхъ его доблестяхъ, у него было замѣчательное отсутствіе политическаго смысла и, можно сказать, даже любви къ отечеству. Въ половинѣ XVII-го вѣка, лучшіе его представители, какъ Тюреннъ и Конде, не задумывались, изъ личныхъ видовъ и честолюбивыхъ цѣлей, вступать въ союзъ съ врагами государства и становиться во главѣ иноземныхъ войскъ противъ собственнаго правительства. Поэтому невозможно сказать съ Токвилемъ, что уничтоженіе дворянства во Франціи нанесло свободѣ такую рану, отъ которой она никогда не излѣчится. Свойства французскаго дворянства представляли, напротивъ, величайшее препятствіе развитію свободныхъ учрежденій. Самый сословный его характеръ слишкомъ выдѣлялъ его изъ народа, а между тѣмъ у него не было никакихъ данныхъ для образованія чисто политической аристократіи, какъ англійская. Высшее дворянство не имѣло внутренней связи, а

низшее отдѣлялось отъ третьяго сословія всею бездною нажитыхъ исторіею сословныхъ предразсудковъ. Притомъ, не всякая аристократія является защитницею свободы и можетъ съ нею ужиться. Для этого требуются политическій духъ и высшія способности, доказанныя и признанныя всѣми. Аристократія должна не только отстаивать свои права, но и давать единство и направленіе общему дѣлу, служить связующимъ элементомъ государственной жизни. Если она не въ состояніи исполнить эту роль, она не уживется съ либерализмомъ. Свобода всегда будетъ относится враждебно къ незаслуженнымъ привилегіямъ. Между народнымъ представительствомъ и аристократіею съ узкими взглядами, съ частными стремленіями, никогда не можетъ установиться согласіе. Если мы видимъ у Французовъ неудержимое стремленіе къ равенству и ненависть ко всякимъ преимуществамъ, то причина этихъ явленій лежитъ не въ случайныхъ качествахъ или недостаткахъ народа, а въ цѣлой исторіи Франціи: она заключается въ томъ, что политическая способность издавна принадлежала здѣсь не дворянству, а третьему сословію, котораго свойства и духъ одни отвѣчали и народному характеру и потребностямъ государства. Дворянство уступало ему не только количествомъ, но и качествомъ.

Однако и третье сословіе, пока оно сохраняло городовой, корпоративный характеръ, вытекшій изъ средневѣковаго быта, оставалось безсильнымъ. Раннія его попытки захватить власть постоянно кончались неудачами, ибо въ средніе вѣка оно являлось только однимъ изъ общественныхъ элементовъ, въ противоположность другимъ, въ то время сильнѣйшимъ. Сдѣлаться господствующимъ оно могло только тогда, когда оно перестало быть отдѣльнымъ сословіемъ и разрослось въ цѣлый народъ, передъ которымъ привилегированные классы явились ничтожнымъ меньшинствомъ, не имѣющимъ никакого внутренняго права на высшее положеніе. Этотъ постепенный ростъ третьяго сословія, рядомъ съ ослабленіемъ дворянства и духовенства, происходитъ подъ сѣнью абсолютной монархіи. Неограниченная власть, уничтожая политическія права, установляя общую для всѣхъ администрацію, самыми своими свойствами и стремленіями содѣйствуетъ уравненію сословій и объединенію интересовъ. Переходъ отъ средневѣковаго быта, основаннаго на борьбѣ и соглашеніи частныхъ силъ, къ государственному порядку новаго времени, гдѣ господствуетъ единство власти и цѣлей, могъ совершиться или объединеніемъ от-

дѣльныхъ элементовъ подъ руководствомъ аристократіи, или водвореніемъ неограниченной власти, подчиняющей себѣ всѣ частныя стремленія. Англійская исторія представляетъ намъ первый путь, хотя и здѣсь была эпоха, когда потребовалось значительное усиленіе королевской власти; во Франціи возможенъ былъ только второй.

Съ начала XVII-го вѣка генеральные штаты здѣсь совершенно прекращаются. Подобныя собранія, не только по господствовавшему въ нихъ духу, но и по самому своему устройству, были невозможны при новомъ порядкѣ вещей. Они не являлись постояннымъ органомъ политической жизни, а созывались, когда встрѣчалась въ нихъ надобность, при внутреннихъ раздорахъ или затрудненіяхъ правительства. Характеръ ихъ былъ преимущественно совѣщательный; тѣ права, которыя имъ приписывались, главнымъ образомъ согласіе на подати, были совершенно неопредѣленны и нарушались постоянно, безъ всякаго прекословія и противодѣйствія со стороны народа. Это было въ сущности учрежденіе средневѣковое, которое лишилось своихъ корней съ водвореніемъ государственнаго порядка. Генеральные штаты играли болѣе или менѣе значительную роль, пока крѣпки были тѣ права, которыя давали имъ силу и заставляли правительство прибѣгать къ ихъ содѣйствію. Но какъ скоро власть получила возможность распоряжаться самовольно имуществомъ гражданъ, сословные чины сдѣлались чистою случайностью. Совѣщательныя собранія съ неопредѣленными правами могли еще созываться по временамъ, пока не успѣлъ установиться прочный государственный порядокъ; съ большимъ развитіемъ политическаго быта, они должны были или прекратиться, или преобразоваться въ постоянное учрежденіе, съ твердыми правами, съ опредѣленнымъ кругомъ дѣятельности, съ законно принадлежащимъ ему мѣстомъ въ общемъ организмѣ. А такъ какъ послѣднее было невозможно, вслѣдствіе состава и духа сословныхъ собраній, то они естественно должны были исчезнуть.

Новое развитіе представительныхъ началъ возникло во Франціи не изъ этихъ устарѣлыхъ учрежденій, а изъ новаго духа, овладѣвшаго французскимъ обществомъ въ XVIII-мъ вѣкѣ. Мы уже говорили объ этомъ духѣ, объ его направленіи, о тѣхъ односторонне либеральныхъ началахъ, которыя, прошедши черезъ нѣсколько революцій въ Англіи и въ Америкѣ, нашли наконецъ полное свое осуществленіе во Франціи. Здѣсь для нихъ была приготовлена воспріимчивая почва. Идеи

свободы и равенства съ жаромъ были усвоены третьимъ сословіемъ, которое находило въ нихъ оправданіе своихъ историческихъ стремленій и самое сильное оружіе противъ высшихъ классовъ. Въ этихъ идеяхъ вполнѣ выражались тѣ начала, которыя третье сословіе издавна въ себѣ носило. Возведеніе ихъ на степень общечеловѣческаго права давало ему окончательное торжество надъ противниками. Это сочетаніе исторически приготовленной почвы съ общимъ ходомъ человѣческой мысли произвело то всемірное потрясеніе, которое называется французскою революціею. Изслѣдуя ея корни, невозможно останавливаться на причинахъ второстепенныхъ, напримѣръ, на теоретическомъ развитіи общества, на слабости королевской власти. Это былъ не произвольный разрывъ съ исторіею, какъ утверждали Боркъ и другіе консервативные писатели, а напротивъ, исполненіе исторической задачи. Вся предъидущая жизнь Франціи вела къ этому торжеству третьяго сословія, которое, наконецъ, въ громадномъ переворотѣ снесло передъ собою всѣ преграды. Едвали самая высокая политическая мудрость могла предупредить это внезапное паденіе стараго зданія. Французская революція была всемогущимъ проявленіемъ идей, приготовленныхъ вѣками, но совершенно несовмѣстныхъ съ существующимъ порядкомъ. Никакія преобразованія не въ состояніи были произвести соглашенія, котораго не было въ умахъ. Безъ сомнѣнія, начала, которыми руководствовалась революція, были односторонни; но это было естественнымъ послѣдствіемъ самаго историческаго развитія человѣчества, которое идетъ къ высшему единству, только проходя черезъ одностороннія опредѣленія. Никакія политическія мѣры не въ силахъ остановить мировыхъ событій, направляемыхъ законами, стоящими выше человѣческой воли. Для этого нужно бы было измѣнить логическую послѣдовательность мысли, избавить человѣка отъ необходимости опыта, дать ему возможность достигнуть полноты, не изслѣдовавши и не испытавши частностей.

Но если подобныя всемірныя событія представляются намъ роковыми, то вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ общечеловѣческій опытъ, они содержатъ въ себѣ уроки для всѣхъ народовъ. Такому всемірному опыту подверглись во Франціи начала свободы, выступившія во всей своей исключительности.

Съ перваго шага, свобода явилась съ этимъ характеромъ, утверждая свое полновластіе, и отрицая всѣ другіе элементы общества.

Когда въ 1789-мъ году, вслѣдствіе финансовыхъ затрудненій, созваны были генеральные штаты, прежде всего возникъ вопросъ: слѣдуетъ ли совѣщаться по сословіямъ, какъ въ прежнія времена, или въ совокупномъ собраніи? Третье сословіе, которое количествомъ депутатовъ равнялось обоимъ остальнымъ, требовало послѣдняго; оно считало себя представителемъ всего народа и отрицало у другихъ право на отдѣльное существованіе. Оно не приступало къ преніямъ, дожидаясь, чтобы остальные выборные явились въ его среду. Послѣдніе наконецъ уступили, ибо между ними было множество людей, которые раздѣляли эти взгляды. Этимъ сословный вопросъ былъ порѣшенъ; привилегированныя сословія были поглощены народомъ. Ночь 4-го августа, въ которую всѣ сословныя права и преимущества были принесены въ жертву на алтарь отечества, была только естественнымъ послѣдствіемъ этого перваго шага. Скоро собраніе покончило и съ королевскою властью. Видя чрезмѣрныя его притязанія, король рѣшился распустить только что созванные чины и даровать конституцію отъ своего имени. Депутаты отвѣчали, что они собраны по волѣ народа и не обязаны повиноваться монарху. Король долженъ былъ уступить; выборные остались представителями верховной власти въ государствѣ. Наконецъ, дошла очередь и до церкви. Собраніе, въ силу верховнаго своего права, издало постановленіе о гражданскомъ устройствѣ духовенства, которымъ уставы католической церкви измѣнялись во всѣхъ частяхъ. Духовенство рѣшилось не повиноваться. Тогда противъ него стали приниматься принудительныя мѣры, которыя привели къ паденію религіи.

Конституція, выработанная Учредительнымъ Собраніемъ, носила на себѣ печать своего происхожденія. Во главѣ ея стояло Объявленіе о правахъ человѣка и гражданина, гдѣ излагалась философская теорія XVIII-го вѣка, но которое не имѣло смысла, какъ законодательный памятникъ, ибо здѣсь законъ подчинялся личному праву. Всѣ сословныя различія и привилегіи были отмѣнены. Верховная власть, лежащая въ народѣ, вручалась представительству, сосредоточенному въ единомъ собраніи. Рядомъ съ нимъ сохранялся призракъ королевской власти, но въ полномъ безсиліи. Королю давалось только отлагательное вето; министрамъ воспрещался входъ въ представительное собраніе; исполнительная власть лишалась всякихъ орудій и средствъ, ибо всѣ мѣстныя учрежденія основывались на выборномъ началѣ. Однимъ

словомъ, конституція была республиканская по духу, съ сохраненіемъ одной лишь тѣни монархическаго начала. И эта тѣнь скоро должна была исчезнуть.

Старый порядокъ, которымъ Франція жила въ теченіи многихъ вѣковъ, не могъ погибнуть безъ сопротивленія. Между нимъ и новыми началами естественно вспыхнула борьба, которая кончилась эмиграціею дворянства, уничтоженіемъ религіи, казнью короля. Республиканскій Конвентъ составилъ новую конституцію, въ которой демократическія начала были проведены во всей ихъ чистотѣ. Согласно ученію Руссо, законы должны были утверждаться самимъ народомъ, въ мѣстныхъ собраніяхъ. Участіе въ законодательной власти и въ выборѣ представителей было объявлено неотъемлемымъ правомъ каждаго гражданина. Верховная власть присвоена исключительно народу; всякое лице, на нее посягающее, должно быть, по словамъ конституціи, немедленно предано смерти свободными людьми. Наконецъ, возстаніе противъ притѣсненія было объявлено священнѣйшимъ правомъ и необходимѣйшею обязанностью, какъ всего народа, такъ и каждой его части.

Но и этой конституціи не суждено было жить. Въ средѣ самого народнаго представительства возгорѣлась борьба между защитниками свободы и приверженцами диктатуры. Обстоятельства требовали сосредоточенной власти, ибо внутренніе и внѣшніе враги грозили гибелью Франціи и новымъ ея учрежденіямъ. Диктатура была необходима, и она возникла, страшная, кровавая. Горсть людей, исполненныхъ демократическаго фанатизма, опираясь на парижскую чернь, послали на плаху и короля, и товарищей въ народномъ представительствѣ и тысячи гражданъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ, они съ изумительною энергіею подавили внутреннія возстанія и дали отпоръ внѣшнимъ врагамъ. Эти люди выступали во имя свободы и водворяли самый страшный деспотизмъ, который когда либо являлся въ исторіи. Ежедневно обагряясь кровью, они въ тоже время, въ искреннемъ увлеченіи, изображали идиллія того счастья, которое они готовы были даровать человѣчеству. И въ этомъ была своя логика: человѣкъ неизбѣжно впадаетъ въ противорѣчіе съ собою, когда онъ хочетъ послѣдовательно провести одностороннія начала.

Но реакція наступаетъ непремѣнно. Основы человѣческихъ обществъ не могутъ быть потрясаемы безнаказанно, и чѣмъ сильнѣе

натягивается пружина въ одну сторону, тѣмъ быстрѣе происходитъ поворотъ въ другую. Совершивъ свое дѣло, избавивъ Францію отъ опасности, террористы пали среди всеобщаго негодованія. Новое положеніе вещей вызвало и новую конституцію (1795-го года), основанную уже на менѣе демократическихъ началахъ. Къ объявленію правъ было присоединено исчисленіе обязанностей, гдѣ на первомъ мѣстѣ стояло уваженіе къ закону. Вмѣсто всеобщаго права голоса, введенъ былъ цензъ, состоявшій въ платежѣ какой-либо прямой подати, личной или поземельной. Вмѣсто общей законодательной власти, за народными собраніями осталось только право утверждать или отвергать перемѣны конституціи. Выборы установлены въ двухъ степеняхъ; раздѣленіе властей объявлено необходимою гарантіею права. Поэтому, законодательное сословіе было составлено изъ двухъ собраній, ежегодно обновлявшихся по третямъ. Наконецъ, исполнительная власть была вручена пяти директорамъ.

Но болѣе умѣренныя начала не въ силахъ были дать бо́льшую прочность учрежденіямъ. Конституція 1795-го года страдала отсутствіемъ сильной власти, а между тѣмъ Франція, растерзанная смутами, была не въ состояніи выносить политическую свободу, которая служила только поводомъ и средствомъ для борьбы партій, ненавидѣвшихъ другъ друга и всегда готовыхъ прибѣгнуть къ насилію, чтобы одолѣть противниковъ. Стихіи, взволнованныя революціею, не успѣли еще улечься послѣ бури; поэтому, дѣятельность свободныхъ учрежденій представляла безпрерывную смѣну слабости и насилія. Правленіе директоріи характеризуется правительственными переворотами, которыми устранялась то одна партія, то другая. Для водворенія прочнаго порядка, для успокоенія общества, нужна была власть единая, независимая, стоящая выше партій, и она явилась наконецъ въ лицѣ Наполеона.

Учрежденія, дарованныя Франціи Наполеономъ, сохраняли однѣ только формы представительства; настоящей свободы здѣсь не было. Права народа состояли единственно въ составленіи списковъ довѣренныхъ лицъ (listes de confiance), изъ которыхъ Сенатомъ назначались члены Законодательнаго Сословія и Трибуната, а съ 1802-го года и самаго Сената. Приготовленіе законовъ ввѣрялось Государственному Совѣту, изъ котораго правительство отряжало коммиссаровъ для защиты проектовъ передъ Трибунатомъ. Здѣсь происходили пре-

нія; но члены Трибуната могли только критиковать предложенный законъ, а не имѣли голоса въ рѣшеніи. Послѣднее предоставлялось Законодательному Сословію, которое, въ свою очередь, не имѣло права сужденія, но молча выслушивало противоположные доводы членовъ Государственнаго Совѣта и Трибуната, и за тѣмъ дѣлало свое заключеніе. Наконецъ, надъ всѣмъ возвышался Сенатъ, хранитель конституціи. Онъ состоялъ изъ пожизненныхъ членовъ, которые выбирались имъ самимъ изъ числа кандидатовъ, предлагаемыхъ первоначально законодательными учрежденіями и первымъ консуломъ, а съ 1802-го года только послѣднимъ, при чемъ первому консулу предоставлено было право назначать, сверхъ того, сенаторовъ и по собственному усмотрѣнію. Это было сложное устройство, придуманное Сіесомъ для усиленія правительственной власти и для ослабленія народныхъ началъ, потерявшихъ довѣріе общества. Оно послужило орудіемъ деспотизму. Правительство пользовалось списками довѣренныхъ лицъ для выбора людей, но не допускало противорѣчія. Въ 1807-мъ году, Наполеонъ уничтожилъ даже Трибунатъ, который мѣшалъ ему своею гласною оппозиціею.

Конечно, съ пробужденіемъ въ обществѣ болѣе независимыхъ стремленій, духъ свободы могъ проникнуть и въ эти тѣла; но это пробужденіе было немыслимо при владычествѣ Наполеона. Онъ былъ главнымъ, или лучше сказать, единственнымъ довѣреннымъ лицемъ Франціи. Обуздавши революцію, установивши внутренній порядокъ, создавши новый гражданскій бытъ, давши государству такую силу и такое внѣшнее значеніе, какихъ оно никогда не имѣло прежде, онъ сталъ на высоту, передъ которою должно было умолкнуть всякое прекословіе. То раболѣпство, въ которомъ обвиняютъ государственныя сословія временъ Наполеона, было естественнымъ послѣдствіемъ того безграничнаго довѣрія, той полной преданности, которыми онъ пользовался. Передъ всеобъемлющими геніями народы преклоняются безмолвно, и лишь тогда пробуждается въ нихъ снова самостоятельность сужденія, когда роковыя событія обличаютъ слабыя стороны кумира. Пока Наполеонъ былъ на вершинѣ могущества, никто не въ состояніи былъ его воздержать. Самая безмѣрность его притязаній вытекала изъ его положенія. Какъ наслѣдникъ революціи, онъ носилъ въ себѣ задачу, обнимавшую весь міръ. Онъ долженъ былъ довести ее до конца и могъ остановиться только передъ невозможностью ее исполнить.

Паденіе его было торжествомъ стараго порядка, но вмѣстѣ съ тѣмъ, оно было и пробужденіемъ свободы. Ослѣпленной славою Франціи открылись глаза; неудача генія показала необходимость задержекъ, и когда съ иностранными войсками возвратились Бурбоны, общій голосъ требовалъ конституціоннаго порядка, сочетанія законной монархіи съ свободою. Этотъ голосъ былъ такъ силенъ, что даже Наполеонъ, при своемъ кратковременномъ возвращеніи съ острова Эльбы, принятый единодушнымъ движеніемъ народа, счелъ нужнымъ въ Дополнительномъ Актѣ даровать Франціи настоящее представительство.

Но Дополнительный Актъ былъ унесенъ окончательнымъ паденіемъ императора. Основаніе конституціонной свободы Франціи положила Хартія 1814-го года. Реставрація не была простымъ возстановленіемъ прежняго порядка, какъ возвращеніе Карла II-го въ Англію. Революція и Наполеонъ оставили по себѣ иные слѣды, нежели Долгій Парламентъ и Кромвель. Весь составъ общества былъ измѣненъ; прежнія сословія и корпораціи исчезли, такъ что возрожденіе ихъ было невозможно. Новое конституціонное зданіе надобно было воздвигать на основаніи гражданскаго равенства. За отсутствіемъ историческихъ данныхъ, необходимо было прибѣгнуть къ теоретическимъ началамъ, ибо другаго фундамента не было. Однако, при здравомъ пониманіи условій представительнаго порядка и существенныхъ потребностей народа, съ этимъ можно было устроиться, развивая мало по малу тѣ учрежденія, которыя явились, какъ сдѣлка между старымъ бытомъ и новымъ. Хартія 1814-го года положила начало конституціонной жизни, которая, продолжаясь болѣе сорока лѣтъ, упрочила внутреннее благосостояніе и приготовила внѣшнее величіе Франціи. Въ теченіи этого времени, Хартія выдержала ожесточенную борьбу партій, революцію, смѣну династіи, не подвергаясь существеннымъ перемѣнамъ. При большей гибкости, при большей податливости правительства требованіямъ свободы, она могла бы держаться и долѣе. Къ несчастью, вмѣсто дальнѣйшаго развитія, она остановилась на первоначальной точкѣ отправленія.

Главный недостатокъ ея состоялъ въ томъ, что она давала народному представительству слишкомъ тѣсныя основы. При цензѣ въ 300 франковъ прямыхъ податей, голосъ на выборахъ получали не болѣе 70,000 человѣкъ. Политическое право сосредоточивалось такимъ образомъ въ высшемъ классѣ, который состоялъ отчасти изъ крупныхъ

землевладѣльцевъ, остатковъ стараго дворянства, но главнымъ образомъ изъ высшихъ разрядовъ прежняго мѣщанства. На первыхъ порахъ, при возрожденіи политической свободы, этого было достаточно. Передовая фаланга крупныхъ собственниковъ могла успѣшно отстаивать народныя права противъ напора реакціи. Но эти узкія основы представительства противорѣчили, какъ исторіи Франціи, такъ и демократическому ея духу. Въ теченіи многихъ вѣковъ, третье сословіе постепенно разросталось въ цѣлый народъ. Въ первую революцію, оно выступило, какъ демократическая масса, которая окончательно низложила своихъ противниковъ. Оно же служило опорою и имперіи. Теперь, это третье сословіе, въ противорѣчіе съ своимъ прошедшимъ, съуживалось въ мѣщанскую аристократію. Значительная часть народа, принимавшая живое участіе въ политическихъ дѣлахъ, исключалась изъ представительства и не находила себѣ законнаго органа.

Однако эти недостатки могли обнаружиться только въ послѣдствіи. Во времена реставраціи, высшее мѣщанство играло въ палатахъ роль оппозиціи. Оно вело борьбу съ обломками прежнихъ привилегированныхъ сословій. Въ лучшихъ его людяхъ народъ видѣлъ своихъ защитниковъ, своихъ передовыхъ бойцовъ. Неудовольствіе массы обращалось на эмигрантовъ, которые возвратились въ отечество съ отжившими понятіями, съ неумѣстными притязаніями, и заняли значительное мѣсто въ новыхъ учрежденіяхъ. Верхняя палата, гдѣ старая аристократія смѣшивалась съ новою, наполеоновскою, отличалась еще умѣренностью. Она далеко не пользовалась такимъ вѣсомъ и значеніемъ, какъ палата перовъ въ Англіи; самый наслѣдственный ея характеръ не имѣлъ времени упрочиться, такъ что она болѣе походила на собраніе, составленное по назначенію короля. Но при всемъ томъ, она при Бурбонахъ играла почтенную роль и не разъ служила умѣряющимъ органомъ, воздерживая крайнія стремленія аристократической партіи. Главное зерно послѣдней было въ нижней палатѣ, гдѣ вліяніе крупной поземельной собственности подкрѣплялось дѣйствіемъ на выборы духовенства и правительства. Въ первые годы, при естественномъ поворотѣ общественнаго мнѣнія въ пользу законной монархіи, крайніе легитимисты имѣли здѣсь даже такой перевѣсъ, что реакціонное движеніе могло принять опасные размѣры. Либеральное мѣщанство должно было этому противодѣйствовать. Борьба закипѣла, какъ только открылось для нея поприще въ свободныхъ учреж-

деніяхъ. Другъ противъ друга стояли обѣ партіи, на которыя раздѣлялось общество со времени революціи: съ одной стороны либералы, защитники народныхъ правъ, съ другой легитимисты, которые поднимали знамя законной монархіи, аристократіи и церкви. И тѣ и другіе умѣрили однако свои прежнія притязанія: одни не стояли за демократическія начала, другіе не требовали возстановленія разрушеннаго порядка. Обѣ партіи имѣли общую почву: конституціонную монархію и Хартію 1814-го года. Поэтому битва могла происходить на парламентскомъ поприщѣ, съ парламентскимъ оружіемъ. Рѣшеніе зависѣло главнымъ образомъ отъ королевской власти, которая своимъ вѣсомъ могла доставить побѣду той или другой сторонѣ.

Лудовикъ XVIII хотѣлъ держаться середины между противоположными лагерями; любимымъ его министромъ былъ представитель средней политики, Деказъ. Казалось, самое благоразуміе требовало, чтобы правительство заняло такое положеніе. Король не могъ стать на сторону либераловъ, оттолкнувши отъ себя своихъ старыхъ приверженцевъ, съ которыми онъ былъ связанъ всѣми преданіями своего дома, воспоминаніемъ заслугъ и страданій, понесенныхъ за его дѣло. Но предаться имъ совершенно, удовлетворить ихъ требованіямъ значило возбудить противъ себя народъ, приготовить себѣ такое же быстрое паденіе, какъ въ 1815-мъ году, при возвращеніи Наполеона съ острова Эльбы. Оставалось, слѣдовательно, умѣрять стремленія обѣихъ сторонъ, держа между ними вѣсы.

Но въ конституціонномъ правленіи, такая средняя политика, изъятая отъ духа партій, имѣющая въ виду одно общее благо, рѣдко возможна и никогда на долго. Правительство, стоящее между двумя партіями, не удовлетворяетъ ни той, ни другой. Оно не въ состояніи пріобрѣсти большинство въ палатѣ, а потому находится въ безпрерывномъ колебаніи. Примиряющее направленіе Лудовика XVIII-го могло еще держаться, пока борьба происходила въ границахъ умѣренности. Но крайности либерализма заставили наконецъ короля перейти на сторону его противниковъ. Особенно убійство герцога Беррійскаго, совершенное демократическимъ фанатикомъ, произвело рѣшительный поворотъ и въ правительствѣ и въ общественномъ мнѣніи. Умѣренное министерство было распущено; правленіе перешло въ руки рьяныхъ легитимистовъ, которые располагали большинствомъ въ палатѣ. Это было первое парламентское министерство во Франціи.

Во главѣ владычествующей партіи стоялъ человѣкъ съ весьма замѣчательными способностями, Виллель. Подъ его предводительствомъ, легитимисты имѣли всѣ условія для прочнаго успѣха. Но они погубили себя своею собственною необузданностью. При всемъ своемъ практическомъ смыслѣ, Виллель принужденъ былъ постоянно уступать тѣмъ общественнымъ силамъ, которыя доставляли ему поддержку: духовенству и старому дворянству. Историческіе элементы, сломленные революціею, еще разъ воскресли и получили власть; еще разъ они оказались совершенно неспособными руководить народомъ и править государствомъ. Въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ управленія, министерство Виллеля успѣло возбудить противъ себя сильнѣйшую реакцію въ общественномъ мнѣніи. Вмѣсто умѣреннаго образа дѣйствія, который одинъ могъ примирить народъ съ господствомъ обломковъ стараго порядка, оно усвоило себѣ самыя фанатическія стремленія аристократической и клерикальной партіи. Суровые законы о книгопечатаніи, о святотатствѣ, милліардъ вознагражденія эмигрантамъ за имущества, конфискованныя революціею, проектъ закона о возстановленіи права первородства, внѣшняя политика, которая дѣлала Францію орудіемъ Священнаго Союза, таковы были плоды новаго направленія. Духовенство старалось наложить свою руку на народное просвѣщеніе, на весь гражданскій бытъ, даже на частную жизнь; дворянство воспользовалось своимъ преобладаніемъ, чтобы вознаградить себя за прежнія потери. Каковы бы ни были юридическія основанія для уплаты милліарда эмигрантамъ, эта мѣра была въ высшей степени неполитична. Не корыстными расчетами могла аристократія возвратить утраченное свое значеніе. Она пріобрѣла деньги, но лишилась нравственнаго вліянія на народъ. Въ обществѣ произошелъ поворотъ въ противоположную сторону, и министерство скоро наткнулось на неожиданныя препятствія.

Первое сопротивленіе оно встрѣтило въ верхней палатѣ, которая явилась здѣсь умѣряющимъ элементомъ въ государствѣ. Проекты министерства подвергались въ ней существеннымъ перемѣнамъ или даже отвергались совершенно. Съ другой стороны, большинство представительнаго собранія стало тоже замѣтно уменьшаться. Тогда министерство рѣшилось разомъ сломить обѣ оппозиціи, созданіемъ новыхъ перовъ и распущеніемъ нижней палаты. Оно надѣялось, что выборы дадутъ ему значительное большинство, ибо правительство дѣй-

ствовало на нихъ всею силою своей громадной администраціи, и сверхъ того, могло расчитывать на поддержку крупной поземельной собственности и духовенства. Но результатъ не оправдалъ ожиданій: возбужденное общественное мнѣніе, которое, при господствѣ свободныхъ учрежденій, скажется, не смотря ни на какія козни, дало рѣшительный перевѣсъ либераламъ. Виллель долженъ былъ подать въ отставку; его замѣнило болѣе умѣренное министерство Мартиньяка.

Послѣднее однако еще менѣе могло держаться, нежели его предшественники, ибо оно лишено было всякой опоры. Стараясь занять середину между партіями, оно возбуждало противъ себя и ту и другую, а между тѣмъ не находило поддержки и въ королѣ. Вмѣсто Лудовика XVIII-го, на престолѣ сидѣлъ Карлъ X, душою преданный всѣмъ крайностямъ реакціи. Онъ согласился на министерство Мартиньяка, единственно съ цѣлью доказать несостоятельность умѣренной политики. При первой неудачѣ, оно было отставлено; во главѣ правленія сталъ герцогъ Полиньякъ, который, заслуженно или не заслуженно, считался представителемъ абсолютизма и во всякомъ случаѣ вполнѣ раздѣлялъ виды короля. Палата была распущена; но при новыхъ выборахъ, на сторонѣ оппозиціи оказалось огромное большинство. Первое дѣйствіе собранія, адресъ 221 депутата, въ которомъ смѣло высказывалась правда, побудилъ короля снова прибѣгнуть къ распущенію; но и это послужило еще къ большему усиленію оппозиціи. Благоразумное и умѣренное правительство, видя эти повторенныя выраженія общественнаго мнѣнія, убѣдилось бы въ необходимости уступки; Карлъ X рѣшился, напротивъ, на самыя крутыя мѣры. Толкуя 14-ую статью конституціи, въ которой было сказано, что король издаетъ указы, необходимые для исполненія законовъ и для безопасности государства, онъ счелъ себя въ правѣ пріостанавливать и измѣнять самые законы. Указами 25-го іюля 1830-го года, только что выбранная палата была снова распущена; свобода печати пріостановлена и введена цензура; наконецъ, изданъ новый избирательный законъ, съ цѣлью отдать выборы совершенно въ руки правительства. Эти мѣры не могли быть оправданы ни закономъ, ни еще менѣе политикою. Король не имѣлъ силы, на которую бы онъ могъ опираться. И монархія и тѣ старыя партіи, съ которыми она вступила въ союзъ, были разъ на всегда подорваны революціею и потеряли корень въ странѣ. Онѣ могли держаться лишь благоразуміемъ, примиря-

ясь съ тѣми силами и началами, которыя были выдвинуты впередъ переворотомъ. Вмѣсто того, онѣ выступили на бой съ новымъ порядкомъ вещей, вооруженныя своими старыми притязаніями. Отвѣтомъ на вызовъ была Іюльская революція; черезъ три дня, престолъ Карла X-го не существовалъ.

Этимъ новымъ переворотомъ навсегда были покончены счеты съ старымъ порядкомъ и его обломками. Легитимисты остались безсильною оппозиціею, которая доселѣ еще продолжаетъ свое дряхлое существованіе. Либеральная партія торжествовала и овладѣла правленіемъ. Въ Лудовикѣ-Филиппѣ она нашла сроднаго ей короля, съ которымъ она могла дѣйствовать заодно. Теперь ей открывалась возможность осуществить свой идеалъ государственнаго устройства: сочетаніе свободы и порядка въ конституціонномъ правленіи. Для этого не нужно было производить значительныхъ перемѣнъ въ существующихъ учрежденіяхъ; достаточно было упрочить и развивать начала, положенныя Хартіею 1814-го года. Новая конституція не явилась плодомъ теоріи; она примкнула къ установленному порядку. Цензъ былъ пониженъ, но весьма не много: съ 300 франковъ прямыхъ податей на 200. Вмѣсто 70,000 избирателей, явилось ихъ 200,000. Въ 1832-мъ году уничтожена была и наслѣдственность верхней палаты, несовмѣстная съ духомъ демократіи; она замѣнилась пожизненнымъ назначеніемъ перовъ королевскою властью. Наконецъ, новая династія вступила на престолъ какъ бы по законному праву; съ устраненіемъ Бурбоновъ, она оставалась единственною наслѣдницею.

Всѣ эти событія во многомъ напоминаютъ англійскую революцію 1688-го года. Однако между этими двумя переворотами была громадная разница, которая вытекала изъ всей предыдущей исторіи обѣихъ странъ и объясняетъ различіе послѣдующей. Яковъ II былъ сверженъ союзомъ аристократіи съ духовенствомъ, которыя призвали къ себѣ на помощь чужестраннаго правителя; появленіе Вильгельма III-го съ войскомъ рѣшило побѣду. Карлъ X, напротивъ, палъ передъ чисто демократическимъ движеніемъ, направленнымъ не столько противъ монархіи, сколько противъ ея союзниковъ — дворянства и духовенства. Здѣсь опять, съ новою силою, выступила та стихія, которая, въ теченіи всей французской исторіи, постоянно стремилась къ преобладанію и рѣшала судьбы народа.

Разница въ результатахъ обоихъ переворотовъ оказалась на са-

мыхъ первыхъ порахъ. Въ Англіи, новое правительство должно было бороться главнымъ образомъ съ приверженцами стараго порядка, опираясь на либеральную партію. Во Франціи, напротивъ, старые элементы до такой степени потеряли всякіе корни, что могли считаться безвредными. Опасность грозила съ другой стороны, со стороны союзниковъ. За либеральною оппозиціею временъ реставраціи стояла народная масса, въ которой демократическія стремленія, наслѣдованныя отъ первой революціи, возбуждены были тайными обществами двадцатыхъ годовъ и пріобрѣли новую силу вслѣдствіе побѣды іюльскихъ дней. Эта масса, которая своимъ возстаніемъ низвергла Бурбоновъ, требовала участія въ политической жизни и болѣе широкихъ основъ для представительства. Либеральная партія раздѣлилась; меньшинство поддерживало демократическія требованія, но большинство поставило себѣ задачею противодѣйствіе революціи.

Нельзя сказать, что эта послѣдняя цѣль была неразумна. Послѣ переворота, сокрушившаго власть, нужно было прежде всего, воздержать анархическія стремленія и упрочить порядокъ въ потрясенномъ обществѣ. Либеральное мѣщанство съумѣло это сдѣлать; прежняя оппозиція подняла знамя охранительныхъ началъ и успѣла водворить, какъ внутренній, такъ и внѣшній миръ. Но остановиться на этомъ не было возможности. Конституціонное зданіе стояло на слишкомъ тѣсномъ фундаментѣ. Представительство тогда только прочно, когда оно служитъ вѣрнымъ отраженіемъ общества, и заключаетъ въ себѣ всю совокупность политическихъ силъ земли. При такихъ лишь условіяхъ, оно можетъ расчитывать на поддержку народа. А именно этого и не было во Франціи. Высшее мѣщанство отдѣлилось отъ народной массы и заняло исключительное мѣсто въ представительствѣ. Оно даже поставило себѣ главною задачею противодѣйствіе демократіи. Но этимъ самымъ оно отрывалось отъ своего корня и становилось одинокимъ во главѣ государства. Вожди тогдашняго большинства, стараясь объяснить постигшую ихъ въ послѣдствіи неудачу, упрекаютъ себя въ томъ, что пренебрегли союзомъ старой аристократіи, который, по ихъ мнѣнію, одинъ могъ дать надлежащую крѣпость охранительнымъ началамъ. Въ этомъ сожалѣніи высказывается болѣе теоретическое требованіе, нежели политическая мысль. Подобный союзъ во Франціи всегда былъ и будетъ безсильнымъ. Французское мѣщанство всею своею исторіею связано не съ аристократіею, а съ наро-

домъ, съ которымъ вмѣстѣ оно образовало третье сословіе, съ которымъ вмѣстѣ произвело революцію, поддерживало Наполеона и боролось въ рядахъ оппозиціи во времена реставраціи. Въ союзѣ среднихъ классовъ съ низшими лежитъ вся общественная сила Франціи, точно также, какъ англійское общество держится союзомъ среднихъ классовъ съ аристократіею. Разрушеніе этой вѣковой связи было единственною причиною паденія іюльской монархіи. Идеи, разлитыя въ народѣ, воспитанныя исторіею и революціею, не дозволяли давать свободѣ такія узкія основы. Еслибы Франція своевременно имѣла свой билль о реформѣ, еслибы въ особенности упорство короля, котораго вліяніе на правленіе было преобладающее, не устраняло всякую мысль о расширеніи избирательнаго права, можетъ быть, конституція 1830-го года доселѣ существовала бы во Франціи. Но политическая жизнь массъ, исключенныхъ изъ представительства, искала себѣ исхода внѣ его. Парламентская борьба замѣнилась внѣшнимъ волненіемъ, гораздо болѣе опаснымъ. Казалось, все шло своимъ чередомъ: конституціонный порядокъ не былъ нарушенъ; король и палаты жили въ согласіи; министерство располагало всегда преданнымъ ему большинствомъ. А между тѣмъ, все это зданіе рушилось внезапно, при крикахъ о парламентской реформѣ. Іюльская монархія пала быстрѣе и позорнѣе, нежели Бурбоны, такъ неожиданно, что многіе доселѣ считаютъ февральскую революцію необъяснимою случайностью, сюрпризомъ. Этотъ сюрпризъ былъ приготовленъ всею исторіею Франціи.

Февральскою революціею Франція высказала, что она демократія. Враги демократическихъ идей видятъ въ этомъ недостатокъ народнаго духа; утверждаютъ, что страсть къ равенству препятствуетъ во Франціи развитію свободы, что общество предпочитаетъ всеобщее рабство сохраненію независимыхъ силъ и аристократическихъ положеній, которыя одни въ состояніи дать отпоръ притязаніямъ власти. Безпристрастный наблюдатель не можетъ подтвердить этого приговора. Если демократія не составляетъ идеала человѣческаго развитія, то она можетъ занимать въ немъ весьма почетное мѣсто, особенно если она умѣетъ сочетаться съ другими элементами жизни. Идея равенства, сама по себѣ, не заключаетъ въ себѣ ничего предосудительнаго и не противорѣчитъ идеѣ свободы. Напротивъ, оба начала естественнымъ образомъ восполняютъ другъ друга, ибо люди равны именно въ ка-

чествѣ свободныхъ существъ. Возможность соглашенія доказывается демократическими республиками, въ которыхъ свобода и равенство существуютъ рядомъ и вмѣстѣ составляютъ основу общественнаго быта. Достаточно сослаться на Сѣверную Америку. Во всякомъ случаѣ, политика должна сообразоваться съ понятіями, установившимися вѣками. Господство того или другаго начала въ народной жизни опредѣляется не теоретическими соображеніями, а самою исторіею. Если во Франціи весь ходъ событій, характеръ составныхъ элементовъ общества, способность среднихъ и низшихъ классовъ и политическая неспособность высшихъ привели къ господству демократіи, то съ этимъ надобно мириться, а не ратовать противъ порядка вещей, приготовленнаго всею прошедшею жизнью народа. Если французская демократія труднѣе уживается съ свободою, нежели американская, то и въ этомъ можно видѣть не бѣдность, а скорѣе богатство народнаго духа. Политическая свобода вся держится согласіемъ общественныхъ элементовъ; но чѣмъ эти элементы разнообразнѣе, тѣмъ соглашеніе ихъ труднѣе. Въ Америкѣ, оно установляется легко; здѣсь нѣтъ ничего, кромѣ демократіи. Въ основаніе всего общественнаго быта полагается личное право, изъ котораго истекаютъ и свобода и равенство. Во Франціи, личное начало должно сочетаться съ государственнымъ единствомъ, съ сильною властью, съ широкимъ развитіемъ общественныхъ интересовъ, съ требованіями первенствующаго положенія въ политическомъ мірѣ, задача несравненно труднѣйшая, но которая самыми своими размѣрами указываетъ на высшее развитіе жизни. До сихъ поръ, исторія не представляла примѣра демократіи, установившейся въ обширномъ, единичномъ государствѣ; но нѣтъ причины сомнѣваться въ возможности достиженія этой цѣли. Отказавшись отъ нея, уподобившись Соединеннымъ Штатамъ, какъ требуютъ нѣкоторые публицисты, которые ставятъ американскій бытъ идеаломъ человѣческаго общежитія, Франція, можетъ быть, легче пришла бы къ соглашенію равенства и свободы. Но этимъ она отреклась бы отъ всякой самостоятельности и превратила бы свой государственный бытъ въ простое подражаніе чужестраннымъ формамъ. У каждаго народа есть свои особенности, которыя вытекаютъ изъ его исторіи и опредѣляютъ дальнѣйшее его развитіе.

Трудность задачи показываетъ однако, что она не могла быть исполнена разомъ. Февральскою революціею открылась демократіи широкое

поприще, но она явилась на немъ не приготовленною къ власти, не окрѣпшею долговременнымъ политическимъ искусомъ. Правда, уроки прошедшаго не прошли для нея даромъ; она отреклась отъ односторонняго развитія личнаго права, отъ разрушительныхъ стремленій, которыми характеризовалась первая революція. На этотъ разъ, республика водворилась во имя мира и порядка. Но въ самыхъ нѣдрахъ демократіи образовались новыя противорѣчія, которыя обнаружились немедленно, какъ только она сдѣлалась причастницею верховной власти. Промышленный бытъ новаго времени развилъ антагонизмъ между классами владѣющими и неимущими, между капиталистами и работниками. Привыкшіе во всемъ обращаться съ своими требованіями къ государству, а съ другой стороны, подъ вѣяніемъ революціонныхъ идей, которыя прельщали умы обѣщаніемъ внезапныхъ улучшеній всего быта, низшіе классы искали лѣкарства отъ своихъ недуговъ не въ свободѣ, а въ перестройкѣ общества дѣйствіемъ государственной власти. Это было заблужденіе, ибо государство не въ силахъ разрѣшать промышленные вопросы, въ которыхъ главная роль принадлежитъ свободной дѣятельности лицъ. Ошибка проистекала отчасти отъ преувеличеннаго понятія о задачахъ правительства, отчасти отъ незрѣлости демократической массы, наконецъ, отъ того разрыва между богатымъ мѣщанствомъ и народомъ, который такъ ярко обозначился во времена іюльской монархіи. Исключительность среднихъ классовъ обрѣла возмездіе во враждѣ низшихъ. Если первые не могли держаться, оторвавшись отъ демократіи, то и послѣдняя, въ свою очередь, отдѣлившись отъ мѣщанства, не въ силахъ было создать новый порядокъ вещей. На этой взаимной враждѣ пала республика, а вмѣстѣ съ нею и парламентская свобода. Собственники, испуганные соціализмомъ, искали опоры въ сильномъ правительствѣ, которое могло бы сдержать демократію. Съ своей стороны, пролетаріи, встрѣтивъ въ представительномъ собраніи отпоръ своимъ стремленіямъ, потеряли вѣру въ свободныя учрежденія. Разладъ обоихъ элементовъ, изъ которыхъ состоитъ демократическое общество, вызывалъ необходимость власти, народной по своей основѣ и происхожденію, но способной воздержать противоположные элементы и установить въ государственной жизни необходимое единство. Эта демократическая власть, которая одна могла организовать и упрочить демократію, дана была предшествующею исторіею въ наполеоновской династіи. Поэтому всѣ партіи

примкнули къ ней, можно сказать, въ неудержимомъ влеченіи, какъ въ то время выразился Тьеръ. Наслѣдникъ Наполеона, не имѣвшій дотолѣ ни средствъ, ни партіи, ни опоры въ народѣ, выбранъ былъ президентомъ республики, огромнымъ большинствомъ голосовъ, въ то время, какъ власть находилась въ рукахъ его противниковъ. Это было самобытное выраженіе общественнаго мнѣнія, которое все унесло передъ собою.

Когда въ президенты республики выбирается кандидатъ въ императоры, это значитъ, что народъ хочетъ имперіи. Переворотъ 2-го декабря 1851-го года былъ только исполненіемъ этого требованія. Вторая имперія возстановила преданія первой. Повидимому, она держится тѣхъ же началъ и почти тѣхъ же учрежденій. Однако между ними огромная разница, хотя онѣ отдѣляются пространствомъ менѣе сорока лѣтъ. И теперь, политическая свобода отодвинулась на задній планъ; новый императоръ, какъ первый, является главнымъ довѣреннымъ лицемъ народа. Но представительныя начала не устранены совершенно, какъ прежде; напротивъ, они сохранились въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Всеобщее право голоса лежитъ въ основаніи и общинныхъ, и областныхъ и политическихъ выборовъ. Правда, Законодательное Сословіе не имѣетъ инициативы законовъ; передъ нимъ не стоятъ отвѣтственные министры; оно не можетъ дѣлать запросовъ о внѣшнихъ и внутреннихъ дѣлахъ. Но голосъ оно имѣетъ, и общественное мнѣніе можетъ высказываться въ немъ свободно. Правительство, разумѣется, старается направлять выборы въ свою пользу; оно выставляетъ своихъ кандидатовъ, которыхъ поддерживаетъ всею силою могучей администраціи. Но эту дѣятельность нельзя не признать законною, пока здѣсь не употребляются ни насиліе, ни обманъ. А что выборы, въ общемъ итогѣ, производятся честно, это доказывается повѣркою ихъ въ Законодательномъ Сословіи. Оппозиція можетъ предъявлять здѣсь всевозможныя возраженія, а между тѣмъ весьма рѣдко встрѣчаются вопіющія дѣла. О томъ же свидѣтельствуютъ и оппозиціонные выборы, которые съ каждымъ годомъ становятся многочисленнѣе. Если правительство до сихъ поръ имѣетъ за себя огромное большинство въ собраніи, то оно обязано этимъ главнымъ образомъ тому довѣрію, которымъ оно пользуется въ народѣ. Еслибы общественное мнѣніе дѣйствительно стало противъ него, оно немедленно лишилось бы опоры представительства. Но Франція доселѣ поддерживала импе-

ратора, довольная внутреннимъ миромъ, возрастающимъ благоденствіемъ и внѣшнею славою, доставленнымъ ей новою властью.

Поэтому нельзя признать основательными требованія парламентскаго правленія и отвѣтственности министровъ, которыя раздаются со стороны либеральной оппозиціи. Весь смыслъ парламентскаго правленія состоитъ въ соглашеніи правительства съ народомъ. Министерство берется изъ большинства палаты, потому что оно въ этомъ случаѣ можетъ расчитывать на ея опору. Но если правительство имѣетъ уже большинство на своей сторонѣ, если вожделѣнное согласіе существуетъ, то требованіе парламентскаго правленія неумѣстно. Палатѣ все равно, кто защищаетъ законы и мѣры правительства, сами ли министры, или другія лица, если только она остается довольною ихъ объясненіями. Потребовать министровъ къ отвѣту или желать ихъ смѣны она можетъ лишь тогда, когда министерство перестаетъ пользоваться ея довѣріемъ. Пока оппозиція не пріобрѣла перевѣса, это вопросъ преждевременный. Правительство, которое располагаетъ большинствомъ въ представительномъ собраніи, есть всегда правительство парламентское.

Гораздо болѣе значенія имѣетъ другой вопросъ, возбужденный оппозиціею, вопросъ о свободѣ печати. Это самая слабая сторона настоящаго порядка вещей во Франціи. Всѣ другіе виды и гарантіи свободы—въ промышленной области, въ администраціи, въ судѣ, получили или получаютъ при нынѣшнемъ правительствѣ такое развитіе, какого никогда не имѣли прежде. Но свобода печати кажется опасною; постояннымъ подстрекательствомъ она можетъ возбудить общественное волненіе, съ которымъ правительство не въ силахъ будетъ справиться. Нѣтъ сомнѣнія, что свобода печати составляетъ самое могущественное орудіе политической мысли; нельзя отрицать, что она можетъ дать перевѣсъ оппозиціи и поставить правительству значительныя затрудненія. Но все это составляетъ только естественное послѣдствіе политической свободы. Въ представительныхъ государствахъ, при нормальномъ положеніи дѣлъ, свобода печати является необходимымъ правомъ народа. Въ ней выражается независимость общественнаго мнѣнія; она истекаетъ изъ предоставленнаго обществу права участвовать въ рѣшеніи политическихъ вопросовъ. Ставить печать подъ административный контроль тамъ, гдѣ государство не управляется самодержавною властью, можно только

въ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ, во имя грозящей обществу опасности. Но правительство, которое въ теченіи пятнадцати лѣтъ не успѣло водворить твердаго порядка и постоянно принуждено ссылаться на исключительныя обстоятельства, не говоритъ за себя. Оно этимъ оскорбляетъ и народное чувство. Указывая на неспособность народа къ свободнымъ учрежденіямъ, оно унижаетъ его передъ сосѣдями, равными съ нимъ по образованію. Франція, которая считаетъ себя передовою страною въ Европѣ, не можетъ долго вытерпѣть подобной опеки; она естественно должна стремиться къ самоуправленію.

Однако и этотъ вопросъ нельзя назвать существеннымъ. Франція единственно потому не пользуется широкою свободою печати, что большинство представительства этого не хочетъ. Какъ скоро общество потребуетъ этой новой льготы, такъ она безъ сомнѣнія будетъ дарована. Императорское правительство, на пути либерализма, не только дѣлаетъ уступки общественному мнѣнію, но и предупреждаетъ его, какъ оно не разъ доказывало дарованіемъ Законодательному Сословію новыхъ правъ, и относительно адреса и относительно бюджета. Призванное къ возстановленію начала власти, павшаго при разгулѣ революціоннаго своеволія, она старается воспитать демократію къ свободѣ умѣренной, законной, постепенно расширяя права и замѣняя необузданную оппозицію правильнымъ развитіемъ конституціонной жизни. Можетъ быть, въ своемъ стремленіи поддержать власть, оно заходитъ иногда слишкомъ далеко; но отъ его гибкости, отъ чуткаго его вниманія къ движеніямъ общественной мысли, менѣе всего можно ожидать упорнаго сопротивленія ясно выраженнымъ желаніямъ народа. Духъ свободы во Франціи, ча время угасшій послѣ революціоннаго броженія, начинаетъ пробуждаться въ послѣдніе годы. Можно навѣрное сказать, что это движеніе будетъ рости и скоро сдѣлается господствующимъ, ибо въ представительныхъ учрежденіяхъ открыто ему широкое поприще.

Скорѣе можно сомнѣваться въ прочности самой императорской власти. Она держится не собственною силою, не историческими началами, а добровольнымъ признаніемъ народа, вызваннымъ временными потребностями. Она вышла изъ демократическаго выбора; въ самой конституціи признается отвѣтственность императора передъ народомъ, и хотя это начало остается неприложимымъ, однако имъ несомнѣнно утверждается верховная власть народа и зависимость отъ нея монар-

ха. До сихъ поръ, довѣріе Франціи не покидало избраннаго ею правительства; но что будетъ когда духъ свободы, проникши въ массы, воспрянетъ во всей своей демократической силѣ? Совмѣстна ли наслѣдственная власть со всеобщимъ правомъ голоса, которое, почувствовавъ свою мочь, может, на основаніи конституціи, возбудить вопросъ объ отвѣтственности самого императора? Нынѣ оно является покорнымъ слугою правительства; завтра оно можетъ сдѣлаться владыкою, особенно когда сойдетъ со сцены лице, которое сдерживаетъ его нравственнымъ своимъ вліяніемъ. Первая революція и послѣдовавшія за нею перемѣны искоренили во Франціи всѣ династическія привязанности. Демократическая сила одна осталась на полѣ битвы. Она можетъ охотно подчиниться отдѣльному лицу, облеченному ея довѣріемъ; но установленіе постоянной, независимой отъ нея власти всегда будетъ ей противно. Настоящее императорское правительство имѣетъ серьозныхъ враговъ двоякаго рода: орлеанистовъ и республиканцевъ. Кромѣ развѣ необыкновенныхъ случайностей, невозможно ожидать возстановленія Орлеанскаго дома, ибо онъ ничего не можетъ дать Франціи, чего бы не дала ей императорская династія. Гораздо опаснѣе другая партія, которая въ демократическомъ обществѣ всегда найдетъ значительный отголосокъ. Нынѣ, вслѣдствіе недавнихъ потрясеній и неустройства демократіи, республиканское правленіе невозможно. Но какъ ручаться за то, что въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ, различные общественные элементы, изъ которыхъ составляется демократія, средніе и низшіе классы, капиталисты и работники, не придутъ къ такому политическому соглашенію во имя свободы, которое дастъ имъ возможность обойтись безъ господствующей надъ ними власти.

Паденіе іюльской монархіи и парламентскаго правленія во Франціи не доказываетъ слѣдовательно ничего противъ представительныхъ учрежденій вообще. Конституціонное зданіе рушилось, потому что стояло на слишкомъ тѣсныхъ основахъ и не служило вѣрнымъ выраженіемъ общества. Свобода не могла утвердиться и на иномъ, болѣе широкомъ основаніи, потому что новые элементы, внезапно призванные къ участію въ правленіи, не были къ тому приготовлены и оказались несостоятельными. Внутренній разладъ, который послѣдовалъ за переворотомъ, указалъ на необходимость власти, сдерживающей разрозненныя стремленія, способной возстановить утраченное един-

ство. Но самая эта власть не могла обойтись безъ поддержки народнаго представительства. Она сохранила подлѣ себя учрежденія, основанныя на самомъ широкомъ выборномъ правѣ, давая общественному мнѣнію возможность высказываться въ нихъ, предъявлять свои желанія, поддерживать власть въ ея полезныхъ и славныхъ предпріятіяхъ, а въ случаѣ нужды и контролировать ея дѣйствія, когда она уклоняется отъ настоящаго пути. Современный порядокъ вещей во Франціи скорѣе можетъ служить доводомъ въ пользу представительныхъ учрежденій, ибо они являются необходимою принадлежностью государства, даже при самыхъ неблагопріятныхъ имъ обстоятельствахъ. Однако съ другой стороны, эти событія указываютъ и на тѣ условія, на которыхъ зиждется политическая свобода. Конституціонный порядокъ держится не буквою закона, а силою и согласіемъ тѣхъ общественныхъ элементовъ, которые служатъ ему опорою. Въ представительныхъ учрежденіяхъ выражается только то, что̀ есть въ самомъ обществѣ.

ГЛАВА 4.

РАЗВИТІЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬНЫХЪ НАЧАЛЪ ВЪ ГЕРМАНІИ.

Различіе въ политической судьбѣ европейскихъ государствъ въ значительной степени зависѣло отъ роли, которую играла въ нихъ феодальная аристократія, главное зерно и опора средневѣковаго представительства. Мы видѣли, что въ Англіи она образовала плотную политическую корпорацію, которая отстаивала права народа противъ королей. Во Франціи, напротивъ, получивъ значеніе болѣе мѣстное, нежели общее, она сперва разложила монархію на множество отдѣльныхъ владѣній, затѣмъ, уступая силѣ центральной власти, она мало по малу исчезала съ политическаго поприща и покорялась абсолютизму. Въ Германіи, она также усѣлась въ областяхъ; но здѣсь мѣстныя силы пріобрѣли рѣшительный перевѣсъ надъ общими. Торжество аристократіи повело къ окончательному раздробленію страны, которая превратилась въ союзъ самостоятельныхъ государствъ.

Въ феодальный періодъ, такого результата еще нельзя было предвидѣть. Въ то время Германія казалась несравненно болѣе объединенною, нежели Франція. Вмѣсто слабыхъ Капетинговъ, которые едва могли совладать съ отдѣльными рыцарями, сидѣвшими въ своихъ замкахъ у самыхъ воротъ столицы, здѣсь во главѣ феодальнаго общества стояли могучіе императоры, съ высокими дарованіями, съ желѣзною волею, которыхъ замыслы простирались на всемірное владычество. Понятія объ императорской власти, наслѣдованныя отъ Римлянъ и преобразованныя подъ вліяніемъ христіанскихъ началъ и средневѣковыхъ воззрѣній, приписывали имъ главенство надъ всѣми монархами земли. Власть ихъ считалась данною Богомъ для водворенія мира и охраненія правосудія во всемъ человѣчествѣ. Но самая ширина этихъ замысловъ, самый теоретическій характеръ этихъ понятій, лишали императоровъ твердой почвы и приводили ихъ въ столкновеніе съ другими силами, столь же могучими въ средніе вѣка. Прежде всего, эти всеобъемлющія стремленія встрѣтили противодѣйствіе въ папахъ, которые, съ своей стороны, объявляли притязаніе на всемірное владычество во имя начала духовнаго. Исполинская борьба этихъ двухъ властей составляетъ главное средоточіе и существенный интересъ средневѣковой исторіи. Она кончилась паденіемъ обѣихъ. Плоды побѣды стяжала аристократія князей, которыхъ положеніе среди враждующихъ силъ было наиболѣе выгодное. Обѣ стороны искали ихъ помощи. Въ вассалахъ и вольныхъ городахъ папы находили самыхъ дѣятельныхъ союзниковъ; сила императоровъ не разъ сокрушалась объ эти ополченія, которыя опирались на духовное могущество, всевластное надъ умами средневѣковыхъ людей. Съ другой стороны, при феодальномъ устройствѣ, основанномъ на договорныхъ отношеніяхъ, императоры принуждены были заискивать расположеніе ленниковъ, уступками покупать ихъ поддержку. Способнѣйшій и могущественнѣйшій изъ Гогенштауфеновъ, Фридрихъ II, даровалъ владѣтельнымъ князьямъ, духовнымъ и свѣтскимъ, самыя обширныя права. Паденіе Гогенштауфеновъ, послѣдней изъ великихъ императорскихъ династій, довершило раздробленіе Германіи. Съ этихъ поръ, власть императоровъ перестаетъ быть опасною; мечты о всемірномъ владычествѣ исчезаютъ; императоръ заботится единственно о своей домашней силѣ, о расширеніи своихъ владѣній. Но это стремленіе не могло имѣть такихъ результатовъ, какъ политика французскихъ королей, ибо импе-

раторская корона сдѣлалась выборною и переходила отъ одного дома къ другому.

Выборное начало, такъ же какъ наслѣдственное, входило въ тотъ обычный способъ, которымъ опредѣлялась преемственность власти у германскихъ вождей. Сынъ обыкновенно наслѣдовалъ отцу; но согласіе народа, или по крайней мѣрѣ знатнѣйшихъ людей, всегда считалось необходимымъ. Съ теченіемъ времени, во Франціи, въ Англіи, вездѣ, гдѣ успѣла утвердиться одна династія, наслѣдственное начало взяло верхъ надъ выборнымъ и дало силу монархіи. Въ Германіи, напротивъ, одна династія смѣнялась другою въ попыткахъ на осуществленіе невозможныхъ замысловъ. Папы низлагали императоровъ и взывали къ выборному началу, съ цѣлью воздвигнуть соперниковъ своимъ врагамъ. Вассалы, съ своей стороны, старались упрочить право избранія, которое доставляло имъ значительныя выгоды. Все это привело къ тому, что монархія окончательно сдѣлалась избирательною.

Выборъ былъ предоставленъ значительнѣйшимъ князьямъ, духовнымъ и свѣтскимъ, которые вслѣдствіе этого образовали высшую аристократію въ государствѣ. Курфюрсты естественно пользовались своимъ положеніемъ для пріобрѣтенія новыхъ преимуществъ. Окончательно ихъ права были утверждены Золотою Буллою Карла IV-го, въ 1356-мъ году. Здѣсь опредѣлена была, какъ избирательная, такъ и поземельная ихъ власть, утверждена нераздѣльность территорій, введено въ нихъ начало единонаслѣдія, установлены ежегодныя собранія курфюрстовъ для рѣшенія государственныхъ дѣлъ вмѣстѣ съ императоромъ, стѣснено вредное для феодальныхъ владѣльцевъ право городовъ принимать новыхъ гражданъ, наконецъ, запрещены частные союзы, которые нерѣдко грозили опасностью князьямъ.

Однако это послѣднее постановленіе осталось мертвою буквою. Право вступать въ частные союзы было естественною принадлежностью свободныхъ людей, которые оружіемъ отстаивали свои интересы. Средневѣковой бытъ открывалъ широкое поприще всякаго рода сдѣлкамъ и соединеніямъ. Если курфюрсты находили гарантіи въ своемъ избирательномъ правѣ, то другіе владѣльцы искали ихъ въ частныхъ союзахъ, заключаемыхъ для взаимной защиты. Примѣръ подавали города, которыхъ все устройство основывалось на договорномъ началѣ. На сѣверѣ Ганза, на западѣ союзъ рейнскихъ городовъ достигли вы-

сокой степени могущества. Подобные союзы заключались и феодальными владѣльцами, которые, соединяясь, пріобрѣтали силу. Съ ними надобно было считаться; ихъ нужно было призывать на совѣтъ; иначе нельзя было получить отъ нихъ ни помощи, ни денегъ. Такимъ образомъ, къ палатѣ курфюрстовъ, съ которыми совѣщались императоры, присоединились палаты князей и городовъ. Всѣ онѣ въ совокупности обрязовали государственные чины, которые пріобрѣли право участія въ рѣшеніи законодательныхъ вопросовъ и другихъ важнѣйшихъ дѣлъ; безъ ихъ согласія не могли взиматься и подати. Только мелкое рыцарство, непосредственно подчиненное имперіи, не вошло въ ихъ составъ; зато оно, не имѣя голоса, избавляло себя и отъ общественныхъ тяжестей.

Имперскіе чины не составляли впрочемъ настоящаго представительнаго собранія, ибо здѣсь вовсе не было представительства. Каждый владѣлецъ являлся и подавалъ голосъ своимъ лицемъ. Самыя городовыя власти, уполномоченныя отъ городовъ, представляли не народъ, даже не сословіе, а владѣльческія корпораціи съ полувотчинными, полудержавными правами. Всѣ чины носили на себѣ этотъ смѣшанный характеръ, отчасти аристократическій, отчасти владѣльческій. Однако это не былъ еще союзъ правительствъ, хотя все развитіе учрежденій клонилось къ такому исходу. До XVI-го вѣка, территоріяльныя права князей не имѣли еще значенія государственной власти. Ихъ поземельное господство (Landeshoheit) являлось смѣсью разнообразныхъ правъ, владѣльческихъ, ленныхъ, должностныхъ. Территоріяльныя отношенія были самыя запутанныя. Германія представляла въ это время сочетаніе болѣе 1500 владѣній различнаго объема и свойства, принадлежавшихъ лицамъ духовнымъ и свѣтскимъ, курфюрстамъ, князьямъ, графамъ, свободнымъ господамъ, рыцарству, городамъ. Однако отдѣльныя территоріи мало по малу стремились образовать изъ себя каждая нѣчто цѣльное и единое.

Этому стремленію наиболѣе содѣйствовало установленіе сословнаго представительства въ областяхъ. Здѣсь повторилось тоже явленіе, которое повело къ образованію имперскихъ чиновъ. Сначала города, а за ними и рыцарство, заключали союзы для взаимной помощи, для охраненія мира, для обезпеченія правъ. Эти сословные союзы, въ свою очередь, вступали въ договорныя отношенія между собою, соединялись для общей защиты. Наконецъ, къ нимъ волею или

неволею примыкали князья, которые нуждались въ ихъ помощи и пособія. Такъ, мало по малу, образовались повсюду сословныя собранія изъ духовенства, рыцарства и городовъ. Тамъ, гдѣ сохранились вольныя общины крестьянъ, именно въ горахъ Тироля и Виртемберга и на сѣверозападномъ прибрежьи Германіи, тамъ и онѣ пользовались правами представительства. Но это было рѣдкое исключеніе. Вообще, крестьянство находилось въ зависимомъ, большею частью крѣпостномъ состояніи; представителями его были землевладѣльцы, рыцари, которые отъ своего лица изъявляли согласіе на взиманіе податей съ подчиненныхъ. На сеймахъ являлись только привилегированныя сословія, достаточно сильныя для занятія независимаго положенія въ обществѣ.

Эти сословныя собранія пользовались обширными правами. Поземельный владѣлецъ, князь или господинъ, не считался полновластнымъ государемъ земли. Онъ имѣлъ только извѣстныя, опредѣленныя права, которыя ограничивались вольностями сословій. Онъ не могъ взимать податей, сверхъ установленныхъ обычаемъ; еслиже являлась потребность въ деньгахъ, надобно было испрашивать согласіе вассаловъ и городовъ. Это ставило владѣльца въ зависимое положеніе, ибо, съ развитіемъ общественной жизни, правительственныя нужды постоянно росли. Оказывая пособіе господину, сословія всякій разъ напоминали ему, что это не болѣе, какъ добровольный даръ, на который князь не имѣетъ никакого права. Нерѣдко они не только сами собирали подати, но и устанавливали для своихъ пособій отдѣльныя кассы, къ которымъ приставляли своихъ расходчиковъ. Казна дѣлилась такимъ образомъ на княжескую и сословную. Нерѣдко чины призывались и къ законодательству, особенно для принятія полицейскихъ мѣръ и для установленія земскаго мира. Отъ ихъ содѣйствія зависѣло главнымъ образомъ пресѣченіе тѣхъ безпрерывныхъ усобицъ, которыми страдало тогдашнее общество. Но и всякое другое общественное дѣло обыкновенно требовало ихъ совѣта и помощи. Въ грамотахъ, которыя давались сословіямъ, князья обязывались не вести войны, не заключать мира, не отчуждать земель безъ ихъ согласія. Нераздѣльность территоріи и порядокъ престолонаслѣдія ставились подъ ихъ гарантію. Они принимали самое дѣятельное участіе въ опекахъ надъ князьями, и не разъ спасали права законнаго господина отъ покушеній родственниковъ. Самые совѣтники князей и члены

судовъ нерѣдко ставились въ зависимость отъ сословнаго представительства, которое черезъ это получало непосредственное вліяніе на все управленіе. И эти обширныя права охранялись постоянною возможностью взяться за оружіе, отказать притѣснителю въ повиновеніи. Какъ свободные люди, чины могли всегда собираться безъ призыва и разрѣшенія князя. Какъ скоро чье либо право было нарушено, немедленно составлялся вооруженный союзъ, и господину угрожала опасность войны. Таковъ, между прочимъ, былъ Львиный союзъ баварскаго рыцарства. Послѣ долгой борьбы, въ которую вовлечены были и посторонніе владѣльцы и наконецъ, самъ императоръ, онъ заставилъ герцога Альбрехта Мудраго отказаться отъ незаконной подати. Въ Брауншвейгъ-Люнебургѣ, въ 1392-мъ году, чины заключили съ княземъ мирный договоръ (Friedesate), по которому они получили право, въ случаѣ нарушенія сословныхъ привилегій, призывать его къ суду восьми рыцарей и восьми городовыхъ ратмановъ, ими избранныхъ. Однимъ словомъ, сословное представительство германскихъ территорій въ XIV-мъ и XV-мъ столѣтіяхъ не только заботливо охраняло свои привилегіи, но считая себя представителемъ всей земли, берегло ея интересы, вмѣшивалось во всѣ дѣла управленія и всегда было готово съ оружіемъ въ рукахъ воздерживать притязанія князей.

Эти права были, можно сказать, даже обширнѣе тѣхъ, которыми пользовался англійскій парламентъ. Повидимому, въ Германіи, сила сословій была еще значительнѣе, представительный порядокъ утверждался на еще болѣе крѣпкихъ основахъ. А между тѣмъ, изъ этого не только не выработалось прочнаго конституціоннаго устройства, но историческія права сословій, тамъ гдѣ они не пали окончательно передъ княжескою властью, сохранились, только какъ обломки отжившей старины, изъ которыхъ не могло выдти ничего плодотворнаго, и которыя скорѣе служили помѣхою развитію свободы.

И въ Англіи и въ Германіи, средневѣковыя права сословій поддерживались главнымъ образомъ вооруженною силою дворянства. И здѣсь и тамъ, этотъ анархическій бытъ долженъ былъ уступить государственному порядку, представителемъ котораго явилось единодержавіе. Въ Англіи, войны Бѣлой и Алой Розы показали несостоятельность общественнаго устройства, основаннаго на силѣ. Въ Германіи, господству оружія положенъ былъ конецъ установленіемъ общаго

земскаго мира въ 1495-мъ году. Эта потребность чувствовалась давно. Въ теченіи XIV-го и XV-го столѣтій, не смотря на всѣ принимаемыя правительствомъ мѣры, рыцарство неистово предавалось грабежамъ. Никогда не было такой безурядицы, какъ въ эту пору. Потребности жизни увеличились; съ развитіемъ богатства усилились и соблазны, а между тѣмъ многіе рыцари обѣднѣли. Поэтому они старались поправить свое состояніе, живя на счетъ ближняго, занимаясь военнымъ ремесломъ. Въ качествѣ ландскнехтовъ, они бродили по землѣ, нанимаясь то къ одному князю, то къ другому, и грабя крестьянъ и торговцевъ. Дворяне тѣмъ легче могли предаваться разбоямъ, что до конца XV-го вѣка, они сохранили за собою право частныхъ войнъ. Это давало имъ средство мужественно отстаивать свои права, но вмѣстѣ съ тѣмъ отдавало въ ихъ руки беззащитное населеніе. Одно связывалось съ другимъ. Установленіе земскаго мира общимъ рѣшеніемъ имперскихъ чиновъ было признакомъ водворяющагося государственнаго порядка. Это было огромное облегченіе для низшихъ классовъ; но рыцарство лишалось тѣхъ способовъ защиты, которыми оно пользовалось до тѣхъ поръ. Отнынѣ надобно было отстаивать свою свободу не вооруженною рукою, а гражданскимъ путемъ, въ соединеніи съ другими классами. Сословныя вольности должны были замѣниться правами народа. Англійская аристократія умѣла приноровиться къ новому порядку вещей: преклонившись передъ деспотизмомъ Тюдоровъ, она почерпнула свѣжія силы изъ народнаго духа, обновилась притоками изъ нижнихъ слоевъ и, снова ставши во главѣ народнаго движенія, сдѣлалась оплотомъ свободы. Германское дворянство не было способно на такую роль. Между нимъ и англійскою аристократіею было весьма существенное различіе. Послѣдняя не имѣла никакихъ гражданскихъ привилегій; она, наровнѣ со всѣми, несла общественныя тяжести; ея значеніе было чисто политическое. Напротивъ, германское дворянство, какъ французское, осталось сословіемъ, которое дорожило не столько государственнымъ своимъ положеніемъ, сколько частными правами и преимуществами. Какъ высшее дворянство разложило имперію, преслѣдуя свои частныя цѣли, такъ низшее разорвало союзъ чиновъ, имѣя въ виду сословныя выгоды.

Отношенія нѣмецкаго дворянства, какъ къ крестьянству, такъ и къ городамъ, указываютъ на полную разрозненность общественныхъ интересовъ. Англійская аристократія могла опираться на свободу,

ибо не имѣла подвластныхъ; ея крестьяне еще въ средніе вѣка вышли изъ крѣпостной зависимости. Германское рыцарство не только сохранило, но въ XV-мъ столѣтіи усилило свою власть надъ крестьянами, пользуясь ею не для защиты подчиненныхъ, а для собственной корысти. Лютеръ жаловался на перемѣну дворянскаго духа: вмѣсто прежнихъ доблестей, явилось стремленіе къ стяжанію, неразборчивое на средства, заглушающее сознаніе обязанностей. Понятно, какъ это должно было отразиться на подвластныхъ. Возстаніе крестьянъ въ 1524-мъ году, внезапно охватившее почти всю Германію, обнаружило ту бездну, которая лежала между обоими сословіями. Общимъ лозунгомъ крестьянъ былъ возгласъ: «отъ рыцарства и господъ не здоровится крестьянину». Дворянство подняло крикъ: «противъ крестьянъ!» Въ союзѣ съ князьями, оно успѣло подавить страшное возстаніе. Положеніе крестьянъ сдѣлалось хуже, но и положеніе дворянства не улучшилось: оно сохранило свои права, но потеряло политическую силу, которая перешла въ руки князей, посредниковъ между разрозненными сословіями. Когда, наконецъ, настала пора отмѣнить крѣпостное право, оно было уничтожено сверху, государственною властью. Въ половинѣ XVIII-го вѣка, оно замѣнилось поземельною зависимостью, которой остатки исчезли уже на нашихъ глазахъ.

Не менѣе натянуты были отношенія дворянства къ горожанамъ. Оно старалось свалить на послѣднихъ бо̀льшую часть государственныхъ тяжестей, изъемля себя отъ всякихъ обязанностей. Свобода отъ податей имѣла значеніе въ то время, когда рыцарство несло военную службу; но феодальныя ополченія давно замѣнились постояннымъ войскомъ, а изъятіе отъ податей осталось, какъ несправедливая льгота, какъ привилегія, умножавшая бремя другихъ, а потому имъ ненавистная. Бѣднѣющее дворянство старалось поддержать свое состояніе и сохраненіемъ другихъ преимуществъ, занятіемъ выгодныхъ должностей въ духовныхъ капитулахъ, при дворѣ. При этомъ, оно держало себя особнякомъ, не допуская въ свою среду людей незнатныхъ. Своею гордостью оно отталкивало отъ себя среднее сословіе, а между тѣмъ далеко не могло сравняться съ нимъ въ гражданскихъ способностяхъ, въ образованіи и трудолюбіи. Только въ войскѣ, дворянство сохранило свое прежнее значеніе, и здѣсь заслуги его неоспоримы. Австрія и Пруссія въ значительной степени одолжены ему своимъ могуществомъ. Оно отличалось и другими качествами, свойственными

высшему сословію: вѣрностью королю, преданіямъ и чести. Но эти достоинства, имѣющія значеніе въ самодержавіи, не могли служить опорою представительному порядку, въ которомъ требуются не привязанность къ историческимъ привилегіямъ, а политическій смыслъ и союзъ сословій. Не столь блистательное, какъ французское дворянство, нѣмецкое имѣло въ сущности тотъ же духъ, тоже направленіе. Но французское дворянство было безсильно противъ союза среднихъ классовъ съ низшими, а потому пало, увлекши съ собою династію, къ которой питало вѣковую преданность. Нѣмецкое дворянство было несравненно крѣпче; оно держалось и долгимъ сохраненіемъ крѣпостнаго права, и аристократическимъ составомъ войска, и всѣмъ строемъ жизни, связью съ тѣми безчисленными мелкими владѣльцами, которыми испещрена была Германія. Территоріяльное устройство имперіи придавало особенную силу аристократическому элементу, но эта сила не послужила въ пользу свободы; напротивъ, до сихъ поръ она является главною помѣхою утвержденію конституціоннаго порядка въ германскихъ государствахъ.

Съ своей стороны, города были столь же мало способны поддержать свои старинныя вольности. Потерявши право войны, принявши въ себя княжескіе гарнизоны, они такъ же, какъ рыцарство, лишились возможности отстаивать свои привилегіи вооруженною рукою. Гражданское же ихъ развитіе приняло самый мелочной характеръ. Этому содѣйствовало и раздробленіе имперіи, которое естественно съуживало взгляды и интересы, заключая ихъ въ слишкомъ тѣсный кругъ, и корпоративное устройство городовъ, которые, замкнувшись внутри себя, отдѣлившись отъ другихъ элементовъ, сами распались на мелкія, исключительныя корпораціи, вообще съ весьма аристократическимъ характеромъ. Каждая дробь стояла только за свои собственныя привилегіи, мало заботясь объ общемъ дѣлѣ. Между тѣмъ, собранія чиновъ не открывали горожанамъ болѣе широкаго поприща. Ихъ доля вліянія была слишкомъ незначительна въ сравненіи съ привилегированными сословіями. Прежніе союзы, основанные на потребности общими силами отстаивать свои права, рушились вслѣдствіе измѣнившихся обстоятельствъ. Съ водвореніемъ государственнаго порядка, главная общественная задача состояла уже не въ защитѣ сословныхъ привилегій, а въ томъ, чтобы совокупными силами нести общія тяжести и изъ этого выработать новый порядокъ вещей. Но здѣсь ин-

тересы сословій были совершенно противоположны, ибо высшія старались сохранить свои старинныя льготы, взваливая все бремя на низшія. Среднее сословіе, которое, какъ и вездѣ, по самой своей природѣ, по своимъ интересамъ, живѣе всѣхъ чувствовало потребность порядка и государственнаго устройства, естественнымъ образомъ потеряло довѣріе къ сословному представительству, въ которомъ воплощались отжившія средневѣковыя начала. Оно обратило свои взоры на княжескую власть, которая являлась ему представительницею новыхъ государственныхъ идей. Въ Германіи, какъ во Франціи, князья нашли въ немъ самыхъ вѣрныхъ слухъ, самыхъ ревностныхъ исполнителей своихъ замысловъ. Если дворянство служило государю въ рядахъ войска, то изъ средняго сословія образовалось чиновничество, дѣятельное, честное, просвѣщенное, привязанное къ законному порядку, но отнюдь не склонное содѣйствовать развитію политической свободы и конституціонныхъ учрежденій. Изъ его среды выходили юристы, которые, вооруженные началами римскаго права, всѣми силами старались подкопать значеніе представительныхъ собраній.

Водвореніе римскаго права въ европейскихъ государствахъ было однимъ изъ самыхъ могучихъ орудій абсолютизма. Одна Англія не поддалась этому вліянію, чему нерѣдко приписываютъ сохраненіе въ ней свободныхъ учрежденій. Но въ Англіи, обстоятельства благопріятствовали развитію чисто народнаго права: судъ сосредоточивался здѣсь въ немногихъ королевскихъ судилищахъ, которые, вслѣдствіе этого, могли установить однообразную юриспруденцію и сдѣлаться высшими органами права. Напротивъ, въ Германіи, какъ во Франціи, при дробности территорій, при безчисленномъ множествѣ мѣстныхъ обычаевъ, при повсемѣстномъ существованіи вотчинныхъ судовъ, не было возможности выработать какія либо твердыя начала изъ этого хаоса. Общія нормы могло дать только римское право, ясное, отчетливое, одно изъ лучшихъ наслѣдій классическаго міра. Жизненная необходимость заставила къ нему обратиться. Но римскому праву, съ его государственными понятіями, совершенно чужды были средневѣковыя начала, благопріятствовавшія развитію свободы въ ущербъ общему порядку и цѣльности общественнаго тѣла. Съ государственною идеею верховной власти, единой, полноправной, представляющей господство цѣлаго надъ частями, не клеились державныя привилегіи отдѣльныхъ сословій и договорныя отношенія между князьями и подданными. Съ

XVI-го вѣка, идея верховной власти, которая прежде, по преданію, сосредоточивалась на одномъ императорѣ, вѣрнѣе и успѣшнѣе стала прилагаться къ отдѣльнымъ князьямъ. Они сдѣлались настоящими правителями своихъ областей. Юристы отправлялись отъ предположенія, что вся полнота власти покоится въ нихъ, сословіямъ же принадлежатъ только тѣ отдѣльныя права, которыя именно означены въ ихъ грамотахъ. Но даже и эти привилегіи, въ силу юридическихъ толкованій, съуживались болѣе и болѣе, какъ несовмѣстныя съ верховными правами князя. Если сословія имѣли за себя историческія начала, то князья опирались на новую теорію государства, и послѣдняя должна была получить перевѣсъ, ибо историческія начала отражали на себѣ отжившій порядокъ, теорія же была выраженіемъ потребностей новаго времени.

Этотъ поворотъ въ отношеніяхъ и духѣ сословій начинается съ XVI-го вѣка. Реформація еще болѣе содѣйствовала утвержденію княжеской власти. Мы видѣли, что въ Англіи, протестантскія начала были исходною точкою либеральнаго движенія; они возбудили новую жизнь въ представительныхъ учрежденіяхъ, поникшихъ предъ монархіею. Совсѣмъ другое произошло въ Германіи, колыбели протестантизма. Здѣсь реформація далеко не достигла такого повсемѣстнаго признанія, какъ въ Англіи. Германія раздѣлилась на два враждебные лагеря. На сторонѣ католицизма былъ самъ императоръ и съ нимъ нѣкоторые изъ могущественнѣйшихъ чиновъ имперіи; большая часть южной Германіи держалась старой религіи. Съ помощью католическаго союза, императоръ пытался даже возстановить ослабѣвшую свою власть. Князья сѣверной Германіи, которая приняла протестантизмъ, должны были вооруженною рукою, съ иностранною помощью, отстаивать свободу совѣсти. Раздробленіе имперіи и усиленіе членовъ на счетъ цѣлаго явились здѣсь спасеніемъ духовной свободы народа. Но протестантизмъ могъ отстоять свое существованіе, только подчинивъ себя вполнѣ княжеской власти, которая одна вышла торжествующею изъ междоусобій. Вестфальскій миръ далъ нѣмецкимъ князьямъ почти полную самостоятельность, какъ относительно внутренняго управленія, такъ и относительно внѣшнихъ союзовъ. Тридцатилѣтняя война, истощивши силы народа въ страшной борьбѣ за права совѣсти, преклонила его къ ногамъ власти, которая, давши отпоръ врагамъ, удовлетворяла насущной потребности мира и порядка.

съ Вестфальскаго мира, сословныя представительства, которыя держались еще въ теченіи XVI-го вѣка, быстро упадаютъ, особенно въ большихъ государствахъ. Въ Австріи, уже съ Фердинанда II-го собранія чиновъ обращаются въ призракъ и ограничиваются исполненіемъ предписаній власти. Остатки ихъ въ отдѣльныхъ провинціяхъ сохранились до нашего времени, но съ весьма небольшимъ кругомъ дѣятельности. Только Венгрія удержала свою старинную конституцію. Въ Пруссіи, великій курфюрстъ, основатель могущества юнаго государства, перестал̂ъ созывать земскіе чины и самовластно подвергалъ наказанію всякаго, кто осмѣливался возвысить голосъ противъ правительства. Послѣднее собраніе было въ 1653-мъ году. Въ Баваріи, уже съ начала XVI-го вѣка, сословное представительство начинаетъ меркнуть предъ княжескою властью. Въ тридцатилѣтнюю войну, князья рѣдко его созывали и не разъ налагали подати по своему усмотрѣнію. Въ послѣдній разъ чины собирались въ 1669-мъ году. Съ тѣхъ поръ они замѣнились постояннымъ комитетомъ, который первоначально былъ выбранъ сословіями, но въ послѣдствіи, восполняя себя лицами угодными князьямъ, служилъ послѣднимъ покорнымъ орудіемъ ихъ цѣлей. Долѣе сохранились сословныя собранія въ среднихъ и мелкихъ германскихъ государствахъ. Это было послѣднее убѣжище старинной свободы. Здѣсь дѣятельность чиновъ вращалась въ болѣе ограниченной сферѣ; требованія государства были не столь значительны, а потому было менѣе поводовъ къ разногласію и болѣе возможности оставаться при прежнемъ порядкѣ. Вообще, свободныя учрежденія легче водворяются и упрочиваются въ мелкихъ государствахъ, нежели въ большихъ: интересы здѣсь менѣе обширны и ближе къ каждому; частыя соприкосновенія установляютъ болѣе тѣсную связь между общественными элементами; наконецъ, внѣшняя политика и историческая роль государства не требуютъ сильной и сосредоточенной власти. При всемъ томъ, остатки сословнаго представительства въ мелкихъ германскихъ государствахъ не говорятъ въ пользу этого учрежденія. Нерѣдко эти окаменѣлые слѣды исчезнувшей жизни служили только средствомъ обогащенія для привилегированныхъ лицъ. Такъ въ Ганноверѣ, вся конституція была ничто иное, какъ орудіе въ рукахъ рыцарства, которое извлекало изъ нея свои частныя выгоды. Въ Саксоніи, неуклюжій составъ собранія, которое раздѣлялось на семь палатъ, порождалъ безчисленныя затрудненія и проволочки

въ законодательствѣ, не препятствуя между тѣмъ безумной расточительности и деспотическимъ мѣрамъ саксонскихъ королей и ихъ недостойныхъ министровъ. Виртембергъ былъ болѣе счастливъ; здѣсь дворянскаго представительства вовсе не было, вслѣдствіе того, что все рыцарство было непосредственно подчинено имперіи. Поэтому не было здѣсь и сословной розни. Но духовенство и горожане столь же мало заботились объ общемъ благѣ и о своихъ правахъ, какъ и дворянство. И здѣсь, сословное представительство большею частью замѣнялось постояннымъ комитетомъ, который образовалъ нѣчто въ родѣ плебейской аристократіи, имѣвшей въ виду преимущественно собственныя свои выгоды.

Преобразованія, которыми ознаменовался въ Германіи XVIII-й вѣкъ, исходили не изъ сословныхъ собраній, а отъ княжеской власти. Они совершались именно тамъ, гдѣ монархія была неограниченнѣе. Энергическіе государи, поддержанные бюрократіею, каковы были въ Пруссіи Фридрихъ Великій, въ Австріи Марія Терезія и Іосифъ II, вносили новую жизнь и движеніе въ застоявшіяся воды нѣмецкаго быта. Поэтому крупныя государства, управляемыя самодержавно, представляли примѣръ несравненно бóльшаго благоустройства, нежели мелкія княжества, въ которыхъ гнѣздились отжившіе порядки и частные интересы. Однако никто не отваживался приступить къ кореннымъ перемѣнамъ общественнаго устройства. Іосифъ II, который слишкомъ круто принялся за дѣло, встрѣтилъ сопротивленіе, передъ которымъ онъ долженъ былъ отступить. Фридрихъ Великій весьма осторожно касался сословныхъ правъ и отношеній. Если въ XVIII-мъ вѣкѣ суровыя формы крѣпостнаго права были уничтожены, то поземельная зависимость осталась во всей силѣ. Какъ же скоро слабѣла рука монарха, такъ все само собою возращалось въ старинную колею. Въ концѣ XVIII-го столѣтія, Германія представляла картину значительнаго умственннаго развитія, но весьма слабой политической жизни. Нельзя было жаловаться на самовластіе, на притѣсненія, развѣ только въ нѣкоторыхъ ничтожныхъ областяхъ, гдѣ князья старались болѣе о пріобрѣтеніи доходовъ, нежели о благѣ подданныхъ; однако и здѣсь, имперскій судъ не разъ пресѣкалъ слишкомъ значительныя злоупотребленія власти. Вообще же, все двигалось въ правильномъ порядкѣ; честность, любовь къ законности, уваженіе къ историческимъ правамъ составляли отличительныя черты управленія. Дворян-

ство сохраняло свое положеніе, свои привилегіи, и вѣрно служило престолу; среднее сословіе отличалось трудолюбіемъ и выставляло изъ своей среды честныхъ чиновниковъ и замѣчательныхъ писателей; князья, подъ вліяніемъ просвѣщеннаго духа XVIII-го столѣтія, старались объ улучшеніи быта подданныхъ и отличались большею частью гуманностью, мягкостью, желаніемъ добра. А между тѣмъ, за этимъ законнымъ порядкомъ, за этимъ умѣреннымъ ходомъ, скрывалось совершенно несостоятельное положеніе дѣлъ. Историческое устройство, отжившее свой вѣкъ, сохраняемое заботливо, служило неодолимою преградою всякому живому развитію. Средніе вѣка оставили по себѣ тысячи самостоятельныхъ владѣній и корпорацій, которыя, воздерживая и задерживая другъ друга, не давали простора самовластію, но вмѣстѣ съ тѣмъ мѣшали общему движенію. Имперія, составленная болѣе нежели изъ трехъ сотъ крупныхъ и мелкихъ территорій, не считая полуторы тысячи имѣній имперскаго рыцарства, сохранившихъ полную самостоятельность внутренняго управленія, представляла неповоротливое тѣло, въ которомъ, за безчисленными переговорами, соглашеніями и протоколами почти невозможно было общее дѣйствіе, и тѣмъ менѣе быстрое рѣшеніе. Не только въ малыхъ, но и въ большихъ государствахъ, узкость корпоративной жизни и интересовъ налагала на весь общественный бытъ печать мелочности и безсилія. Привилегіи высшихъ сословій, дворянства и духовенства, и ихъ обезпеченное положеніе порождали лѣнь, апатію, расточительность, стремленіе пользоваться удобствами жизни, не неся ея тяжестей, которыя труднымъ бременемъ ложились на низшіе классы. Бюрократія, при всей своей честности, при уваженіи къ закону, отличалась медленностью и формализмомъ. Живаго духа нигдѣ не было, и онъ не могъ зародиться внутри Германіи, окостенѣвшей въ старинныхъ формахъ. Нуженъ былъ сильный толчекъ извнѣ, нужно было самовластіе деспота или вѣяніе свободы, чтобы возродить дряхлое тѣло, снять съ него нависшія на немъ оковы и разрушить въ немъ созданія отжившаго порядка, которыя, потерявъ всякое разумное право на существованіе, служили только препятствіемъ новому развитію. Этотъ толчекъ пришелъ изъ Франціи.

Французская революція, на первыхъ порахъ, встрѣтила значительное сочувствіе въ Германіи. Появленіе республиканскихъ войскъ возбудило восторгъ въ прирейнскихъ областяхъ. Насилія республики и

владычество Наполеона скоро произвели національную реакцію, но вмѣстѣ съ тѣмъ обнаружилась вся несостоятельность стараго порядка вещей. Неуклюжая Германская Имперія, съ своими средневѣковыми учрежденіями, съ сотнями мелкихъ владѣльцевъ, не могла оказать ни малѣйшаго сопротивленія свѣжимъ силамъ, вызваннымъ къ жизни революціею. Великія восточныя державы, въ особенности Австрія, могли еще кое какъ вести съ Франціей борьбу; мелкія государства должны были сдѣлаться жертвою или орудіемъ побѣдителя. Германія вся измѣнилась подъ гнетомъ Наполеона. Старая Имперія рушилась; въ 1806-мъ году, Францъ II сложилъ съ себя императорскій вѣнецъ. Пали и всѣ духовныя государства, а съ ними и множество свѣтскихъ, которыя вошли въ составъ болѣе крупныхъ земель. Изъ прежнихъ самостоятельныхъ территорій осталась десятая часть, что̀ было громаднымъ успѣхомъ политической жизни. Второстепенныя владѣнія образовали Рейнскій Союзъ, который призналъ надъ собою покровительство французскаго императора. Какъ ни прискорбно подобное явленіе для народной гордости, нельзя не признать его естественнымъ послѣдствіемъ внутренняго разслабленія Германіи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, великимъ для нея благодѣяніемъ. Государства Рейнскаго Союза устроились и обновились подъ вліяніемъ Франціи, а тѣмъ самымъ приготовлена была почва для новаго, лучшаго порядка. Послѣ паденія Наполеона, здѣсь впервые развились конституціонныя учрежденія; отсюда либеральныя идеи распространялись по Германіи.

Преобразованія исходили отъ самодержавной власти правителей. Сдѣлавшись независимыми отъ Имперіи, мелкіе нѣмецкіе государи истолковали свое державное право въ смыслѣ полновластія и во внутреннемъ управленіи; поэтому они большею частью отмѣнили всѣ остатки сословнаго представительства. И это было огромнымъ шагомъ впередъ, ибо старые чины не охраняли свободы, а только упрочивали отжившія формы и устарѣвшія привилегіи. Князья, развязавъ себѣ руки, имѣя возможность дѣйствовать на просторѣ, стали измѣнять весь общественный порядокъ на основаніи новыхъ началъ, заимствованныхъ отъ Франціи. Нужно было слить въ одно цѣлое отдѣльные клочки, изъ которыхъ слагались территоріи; нужно было медіатизированныхъ князей и прежнее имперское рыцарство ввести въ составъ государства и подчинить ихъ общественной власти. Сословныя привилегіи, крѣпостныя отношенія, замкнутое цеховое уст-

ройство сглаживались болѣе и болѣе. Вводилось новое устройство судовъ, преобразовывалось управленіе, установлялась болѣе разумная финансовая система. Во всемъ этомъ, образцомъ служила Франція, съ ея началами гражданскаго равенства, съ ея превосходными кодексами, съ ея изумительно дѣятельною и правильною администраціею. Преобразованія совершались нерѣдко насильственно, съ нарушеніемъ пріобрѣтенныхъ правъ. Но Германія и прежде и послѣ постоянно страдала излишнимъ уваженіемъ къ историческимъ правамъ, которыя, сохраняясь среди новыхъ условій, служили только преградою общественному развитію. Въ этомъ отношеніи, дѣятельность абсолютизма являлась спасительнымъ средствомъ, которое одно могло устранить вѣками накопившееся зло и приготовить лучшій порядокъ вещей.

Перемѣны не ограничивались государствами Рейнскаго Союза и областями, присоединенными къ Франціи. Великія нѣмецкія державы, чтобы выдержать борьбу съ Наполеономъ, должны были допустить въ себя новыя начала, вызвать къ жизни свѣжія силы, дремавшія подъ гнетомъ стародавней рутины. Менѣе всего къ либеральнымъ преобразованіямъ способна была Австрія, по самому своему составу, какъ сборное государство, связанное строгимъ абсолютизмомъ и окружающею престолъ аристократіею. Однако и Австрія, послѣ многократныхъ пораженій, должна была приступить къ реформамъ и оживить новымъ духомъ закоснѣвшее правительство. Управленіе графа Стадіона возбудило въ ней ту энергію, съ которою она выдержала борьбу 1809-го года. Побѣжденная, она вышла изъ нея съ честью и сохранила не только самостоятельное положеніе, но и возможность рѣшительнаго вліянія на судьбы Европы въ послѣдующіе годы.

Гораздо глубже было паденіе Пруссіи, которая, покоясь на преданіяхъ и воспоминаніяхъ Фридриха Великаго, осталась неподвижною среди всеобщихъ перемѣнъ, а потому не въ состояніи была выдержать перваго напора обновленной Франціи. Доведенная до послѣдней степени униженія, Пруссія должна была вызвать всѣ силы народа и произвести всеобщее обновленіе государства, чтобы снова подняться на прежнюю высоту. И она совершила это съ величайшею для себя честью. Возрожденіе Пруссіи послѣ 1806-го года показываетъ, что̀ можетъ сдѣлать просвѣщенное самодержавіе, когда оно окружаетъ себя лучшими людьми и направляетъ всю силу сосредоточенной власти на возбужденіе народнаго духа. Освобожденіе крестьянъ,

преобразованіе городовъ, уравненіе сословій, новое устройство арміи, основаніе университета, центра новаго умственнаго движенія, все это совершилось въ теченіи немногихъ лѣтъ, подъ вліяніемъ правительства, въ которомъ соединялись люди, какъ Штейнъ, Гарденбергъ, Вильгельмъ Гумбольдтъ, Финке, Шарнгорстъ, Гнейзенау и множество другихъ энергическихъ и просвѣщенныхъ дѣятелей. Душею всего движенія былъ Штейнъ, который силою характера, патріотическимъ духомъ и либеральными стремленіями былъ какъ будто созданъ для того, чтобы внести новую жизнь въ одряхлѣвшее тѣло и направить возбужденныя силы народа къ единой задачѣ.

Этой великой эпохѣ преобразованій Пруссія одолжена тѣмъ безпримѣрнымъ одушевленіемъ, которымъ сопровождалась война 1813-го года. Когда русскія войска, послѣ пораженія Наполеона, вступили въ Германію, Пруссія первая къ нимъ примкнула и подала примѣръ возстанія противъ ненавистнаго ига. Усиліями союзниковъ, Франція была окончательно побѣждена и введена въ прежніе предѣлы. Германія могла устроиться самостоятельно, сообразно съ своими внутренними потребностями.

Либеральные историки и публицисты Германіи жестоко обвиняютъ германскія правительства, собранныя на Вѣнскомъ конгрессѣ, за то, что они, вмѣсто прежней, дряхлой имперіи, создали не менѣе слабый и безсвязный союзъ, не соотвѣтствующій національнымъ стремленіямъ Нѣмцевъ. Этотъ упрекъ потому несправедливъ, что инаго практическаго рѣшенія въ то время не могло быть. Державныя правительства естественно стремятся къ политической самостоятельности, и если они принуждены соединяться для общаго дѣла, союзъ ихъ всегда бываетъ самый слабый. Болѣе тѣсная связь можетъ водвориться лишь въ силу общихъ стремленій народа, побѣждающихъ разрозненность правительственныхъ властей. Для этого необходимы прежде всего представительныя учрежденія. Если Германіи суждено когда либо соединиться въ союзное государство, то это возможно единственно при общегерманскомъ представительномъ собраніи. Но въ десятыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, о такомъ представительствѣ нельзя было и думать. Свобода едва зарождалась, пуская корни въ мелкихъ государствахъ, и совершенно отсутствуя въ крупныхъ. Общее представительство лишено было всякой основы, пока не упроченъ былъ конституціонный порядокъ въ отдѣльныхъ территоріяхъ, а это требо-

вало времени. Импровизировать конституціонное устройство невозможно. Въ Германіи, къ этому обстоятельству присоединялось и другое: соперничество двухъ первенствующихъ державъ, изъ которыхъ ни одна не могла допустить другую до преобладанія въ союзѣ. Этимъ пользовались мелкія государства для сохраненія своей самостоятельности. Но самая эта безсвязность союза, самая эта независимость отдѣльныхъ князей болѣе всего содѣйствовали развитію политической свободы. Представительныя учрежденія водворялись именно въ мелкихъ государствахъ, которыя были приготовлены къ тому французскимъ владычествомъ, и въ которыхъ правительства принуждены были искать поддержки народныхъ силъ, чтобы дать отпоръ первенствующимъ державамъ. Будь Германія единымъ тѣломъ, или по крайней мѣрѣ союзнымъ государствомъ съ сильною центральною властью, политическая свобода, какъ прежде религіозная, была бы совершенно изъ нея изгнана. Но, съ помощью разрозненности, свобода могла водвориться въ меньшихъ государствахъ, не смотря на то, что и здѣсь она испытывала на себѣ тяжелое давленіе со стороны могучихъ сосѣдей. Мелкія и среднія территоріи сдѣлались разсадниками конституціонныхъ идей въ Германіи.

Умѣренная политическая свобода лежала впрочемъ въ духѣ времени. Паденіе Наполеона произошло не только во имя законнаго порядка, который постоянно нарушался всесильнымъ властителемъ, но и во имя народной свободы. Эта цѣль была указана въ прокламаціи соединенныхъ монарховъ изъ Калиша. Призывая народъ свой къ возстанію, прусскій король обѣщалъ ему представительныя учрежденія. Сочетаніе законной монархіи съ свободою казалось идеаломъ государственнаго устройства, и когда начались пренія о возстановленіи Германскаго Союза, 13-я статья Союзнаго Акта прямо постановила, что во всѣхъ государствахъ Германіи должны быть собранія земскихъ чиновъ (Landstände).

Но соглашеніе началъ, которое въ идеѣ представляется чрезвычайно легкимъ, на дѣлѣ оказывается нерѣдко весьма затруднительнымъ. Германія заключала въ себѣ мало серьозныхъ элементовъ для народнаго представительства. Не смотря на то, что по ней прошла рука Наполеона, не смотря на всѣ преобразованія, вызванныя борьбою съ Франціею, средневѣковой порядокъ, съ своей разрозненностью, съ своими привилегіями, проглядывалъ въ ней на каждомъ шагу, и эти

элементы усилились вслѣдствіе реакціи, которая послѣдовала за войнами освобожденія и за возстановленіемъ законныхъ правительствъ. Обветшалыя учрежденія, исключительный сословный духъ, завѣщанные прежнимъ временемъ, получили искусственное подкрѣпленіе отъ новыхъ историческихъ теорій и отъ политики, обращавшей свои взоры назадъ. При такомъ состояніи общества, политическая свобода ни въ какомъ классѣ не могла найти нужной поддержки.

Менѣе всего можно было расчитывать на дворянство. Оно составляло могучую корпорацію, отдѣленную отъ народа и духомъ и правами. Главнымъ зерномъ ея была высшая аристократія, образовавшаяся преимущественно изъ медіатизированныхъ князей, которые, переставши быть державными владѣльцами, сохранили, на основаніи Союзнаго Акта, многія частныя права, какъ то: привилегированную подсудность, вотчинный судъ и полицію, и другія. Къ нимъ примыкало и остальное старое дворянство. Оно составило плотную массу, которая, за немногими исключеніями, заботилась единственно о сохраненіи своихъ привилегій. Идеаломъ его былъ прежній историческій, сословный бытъ. Оно ненавидѣло бюрократію съ ея либеральными реформами, которыя казались ему порожденіемъ революціоннаго духа. Изъ вражды къ чиновникамъ, оно являлось иногда приверженцемъ конституціонныхъ учрежденій; но эти мнимыя стремленія къ свободѣ имѣли единственною цѣлью обратить конституцію въ свою пользу, захватить лучшій кусокъ власти и этимъ удержать свое колеблющееся положеніе. Либерализмъ нѣмецкаго дворянства вовсе не походилъ на свободный духъ англійской аристократіи. Онъ имѣлъ въ виду не общія цѣли, не поддержаніе народныхъ правъ, а исключительно сословныя выгоды. Поэтому дворянство становилось самою сильною опорою реакціи, какъ скоро правительство ему поддавалось и поддерживало его притязанія. Мѣстное преобладаніе и вѣсъ при дворѣ, вотъ въ сущности все, что̀ скрывалось за конституціонными требованіями, и какъ скоро эти желанія удовлетворялись, между дворянствомъ и бюрократіею установлялся самый нѣжный союзъ во имя общихъ выгодъ и въ ущербъ народной свободѣ. За нѣмецкимъ дворянствомъ нельзя не признать нѣкоторыхъ существенныхъ заслугъ. Крѣпкое своимъ единодушіемъ, оно не разъ поддерживало власть, обуреваемую революціонными страстями. Но если реакція противъ крайностей свободы находила въ немъ сильную поддержку, то въ правильномъ конститу-

ціонномъ порядкѣ, оно всегда было и остается самою существенною помѣхою развитію либеральныхъ учрежденій.

Съ своей стороны, средніе классы далеко не были приготовлены къ политической свободѣ. Они являлись и разрозненными и безсильными. Либеральная школа для нихъ еще не начиналась; они были даже довольно равнодушны къ политическимъ правамъ. Мелкія матеріяльныя заботы, сосредоточенныя въ тѣсномъ кругѣ, по прежнему поглощали ихъ вниманіе, съуживая ихъ взгляды и требованія. Высшія ихъ дарованія проявлялись въ теоретической области, въ наукѣ, въ искусствѣ. Самое сильное умственное движеніе въ Германіи принадлежитъ этой эпохѣ. Научные вопросы разработывались безпрепятственно и плодотворно среди общаго политическаго гнета, доказательство односторонности того мнѣнія, которое ставитъ умственное развитіе обществъ въ зависимость отъ политической свободы. Однимъ словомъ, средніе классы оставались тѣмъ, чѣмъ были въ XVIII-мъ вѣкѣ. Новыя преобразованія уничтожили прежнія преграды и открыли передъ ними болѣе широкое поприще; новыя либеральныя идеи оставили на нихъ свои слѣды; но нужно было долгое время, прежде нежели могли созрѣть эти сѣмена. Однако умственное движеніе способствовало развитію либерализма, ибо рано или поздно, оно должно было изъ чисто созерцательной области проникнуть въ дѣйствительную жизнь. Къ тому же вели успѣхи матеріяльнаго благосостоянія и промышленности; они рождали потребность въ обезпеченіи правъ и интересовъ. Послѣ войнъ за свободу, средніе классы замѣтно росли и умственно и матеріяльно; они дѣлались болѣе и болѣе доступны тѣмъ свободнымъ идеямъ, которыя, исходя изъ Франціи, распространялись по материку. Перевороты тридцатыхъ годовъ нашли въ нихъ уже готовую почву и значительно подвинули развитіе конституціонной жизни въ Германіи. Но эти событія относятся къ позднѣйшему времени. Въ десятыхъ же и двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, представительныя учрежденія встрѣчали въ среднихъ классахъ или равнодушіе, или безсиліе, или неспособность.

Что̀ касается до массы народа, то она оставалась совершенно чуждою политической жизни. Устремленная на чисто матеріяльные интересы, она мало заботилась объ остальномъ. Одна только была сторона, которая готовила здѣсь почву для будущихъ революцій, именно тяжести, лежавшія на земледѣльцахъ. Въ нѣкоторыхъ государствахъ

напримѣръ въ Австріи, крестьяне находились еще въ обязательныхъ отношеніяхъ къ помѣщикамъ; въ другихъ, они страдали подъ бременемъ феодальныхъ повинностей и вотчиннаго суда. Все это установляло между ними и дворянствомъ напряженныя отношенія.

При такихъ элементахъ, реакціонной власти не мудрено было положить предѣлъ развитію свободы. Если на первыхъ порахъ, можно было помышлять о гармоническомъ соглашеніи противоположныхъ началъ, то эта мечта скоро исчезла. Противодѣйствіе революціоннымъ идеямъ было въ то время главною задачею европейскихъ монарховъ, а либерализмъ и революція нерѣдко подавали другъ другу руку. Успокоенныя на время, либеральныя стремленія народовъ пробудились съ новою силою. Во Франціи, оппозиція вела упорную и блестящую борьбу съ представителями стараго порядка. Въ Испаніи, въ Неаполѣ, въ Піемонтѣ произошли возстанія, которыхъ лозунгомъ было конституціонное правленіе. Эти движенія отразились и въ Германіи, особенно въ кругу университетской молодежи. Убійство Коцебу было самымъ яркимъ выраженіемъ тѣхъ идей, которыя въ ней бродили. Испуганныя грозящею опасностью, германскія правительства сочли нужнымъ прибѣгнуть къ мѣрамъ строгости. Въ Карлсбадѣ собралась конференція для общихъ рѣшеній; за нею послѣдовали постановленія Союза противъ свободы печати. Журналы были отданы въ руки цензуры; университеты были поставлены подъ ближайшій надзоръ правительственныхъ властей. Тогда было установлено и толкованіе 13-й статьи Союзнаго Акта, устранявшее конституціонныя формы новаго времени. Сдѣлано было различіе между учрежденіями представительными и сословными; только послѣднія были объявлены совмѣстными съ общими началами Союза. Эта система, заимствованная изъ средневѣковыхъ понятій о сословныхъ правахъ, не отвѣчала ни теоріи, ни практикѣ конституціонныхъ учрежденій; но она вела къ подавленію свободы. Опираясь на эти начала, нѣмецкіе государи старались по возможности ограничить права собраній, а нѣкоторые даже совершенно перестали считать себя связанными своими прежними обѣщаніями и 13-ю статьею Союзнаго Акта. Конституціонная жизнь притихла въ Германіи, пока ее не пробудила снова французская революція.

Во главѣ реакціоннаго движенія естественно стояла Австрія, которая, подчиняясь требованіямъ внутренней политики, должна была

стремиться къ сохраненію неприкосновенности монархическаго начала. Она управлялась, въ теченіи сорокалѣтняго періода, однимъ изъ самыхъ умныхъ, тонкихъ и ловкихъ практическихъ людей того времени, человѣкомъ, который всѣ свои силы и способности обращалъ на подавленіе революціонныхъ движеній въ Европѣ и на возбужденіе реакціонныхъ мѣръ. У себя дома, австрійское правительство заботилось прежде всего о сохраненіи существующаго порядка и о поддержаніи власти. Оно старалось уничтожить всякую политическую самодѣятельность въ народѣ и заглушить въ немъ всѣ гражданскія стремленія, направляя его къ наслажденію матеріяльною жизнью. Нѣтъ сомнѣнія, что окончательно эта политика не могла имѣть успѣха; она слишкомъ противорѣчила всему развитію новаго времени, которое ведетъ къ расширенію образованія и къ удовлетворенію требованій свободы и права. Съ точки зрѣнія безусловныхъ началъ, ее нельзя оправдать. Притомъ, Меттернихъ доводилъ свое направленіе до крайности, обращая охраненіе въ застой. Особенно въ послѣдніе годы, когда дряхлѣющій министръ потерялъ прежнія способности и энергію, обдуманная система превратилась въ рутину, которая не могла противостоять первому натиску революціи. При всемъ томъ, у этой политики нельзя отнять временнаго значенія. Она болѣе всего содѣйствовала утвержденію порядка, водворившагося на развалинахъ Наполеоновскаго владычества; она положила предѣлъ тѣмъ безпрерывнымъ и внезапнымъ измѣненіямъ европейской карты и внутренняго устройства государствъ, которыми ознаменовались конецъ XVIII-го и начало XIX-го столѣтій. Послѣ невиданныхъ въ мірѣ потрясеній, нужно было укрѣпить правительства, дать отдохнуть и усѣсться народамъ; надобно было противъ революцій воздвигнуть оплотъ, съ которымъ по крайней мѣрѣ приходилось считаться. Охранительная политика соотвѣтствовала и духу времени и положенію дѣлъ въ Германіи. Наконецъ, она въ теченіи полувѣка дала Австріи первенствующее положеніе въ Европѣ. И когда эта система наконецъ пала передъ новымъ движеніемъ, то Австрія отъ этого ничего не выиграла. Совершающіеся въ ней перевороты показываютъ, какъ для нея трудно основаться на иныхъ началахъ.

При такомъ направленіи правительства, исполненіе 13-й статьи Союзнаго Акта должно было ограничиваться наименьшими размѣрами. Австрія довольствовалась возстановленіемъ областныхъ сеймовъ для

обсужденія мѣстныхъ дѣлъ, не давая этимъ собраніямъ политическаго характера. Съ этимъ реакціонная политика могла долго существовать, ибо мѣстныя учрежденія, сдержанныя въ извѣстныхъ границахъ, не представляютъ преграды верховной власти. Только въ Венгріи, политическая жизнь не могла быть искоренена. Находясь въ личномъ соединеніи съ Австріею, Венгрія сохраняла свою историческую, вѣками упроченную конституцію. Здѣсь владычествовала могучая аристократія, которая постоянно давала отпоръ стремленіямъ самовластія, а между тѣмъ, своимъ охранительнымъ духомъ, своею преданностью историческимъ началамъ, являлась опорою престола, а не поддержкою революціи. При такихъ условіяхъ могло существовать всегда трудное соединеніе конституціоннаго государства съ самодержавнымъ. Возможность такого сочетанія лежитъ главнымъ образомъ въ духѣ того народонаселенія, которое пользуется представительными правами. Правда, и въ Венгріи, австрійское самодержавіе нерѣдко старалось распространить свои начала на конституціонную область и подкопать значеніе свободныхъ учрежденій. Но съ одной стороны, это вмѣшательство власти, эти самовольныя распоряженія нерѣдко служили къ пользѣ самихъ подданныхъ. Венгерская конституція была основана на чисто аристократическомъ началѣ, на крѣпостномъ правѣ, на устраненіи среднихъ классовъ отъ политической жизни, на униженіи подвластныхъ народностей. Только сильная внѣшняя власть, какъ австрійская, могла препятствовать излишнему развитію этихъ началъ; она болѣе всего содѣйствовала облегченію судьбы низшихъ классовъ. Лучшимъ тому свидѣтельствомъ служатъ законы о крестьянахъ, изданные Маріею Терезіею и Іосифомъ II-мъ. Съ другой стороны, когда австрійскіе императоры, нарушая права страны, хотѣли мало по малу подчинить ее полному своему владычеству, они встрѣчали въ историческихъ правахъ и въ могуществѣ аристократіи такое сопротивленіе, котораго они не въ силахъ были одолѣть. Такъ случилось при Іосифѣ II-мъ; тоже повторилось и въ настоящее время. Политика Меттерниха требовала возможно рѣдкаго собиранія сеймовъ. Чтобы избавиться отъ ихъ содѣйствія, установлены были новые налоги одностороннимъ актомъ королевской власти. Но тутъ послѣдовалъ отказъ въ податяхъ, передъ которымъ австрійское правительство должно было отступить. Надобно было прибѣгнуть къ неоднократному созванію чиновъ. Споры были безконечные; но пока они вращались на почвѣ ста-

ринной венгерской конституціи, они не представляли опасности для монархіи. Иной характеръ приняла оппозиція въ сороковыхъ годахъ. Прежнія аристократическія стремленія замѣнились новыми либеральными идеями, которыя вели къ низверженію существующаго устройства и къ установленію конституціоннаго порядка въ современномъ духѣ. Это движеніе привело къ событіямъ 1848-го года.

Менѣе препятствій конституціонному устройству представляла Пруссія. Здѣсь не было такого пестраго состава земель; нельзя было опасаться за цѣлость монархіи. Лучшіе ея государственные люди, Штейнъ, Гумбольдтъ, желали введенія представительства, которымъ должны были завершиться преобразованія 1807-го года. Самъ король всенародно обѣщалъ созваніе чиновъ. Но все это осталось однимъ предположеніемъ; конституціонное развитіе Пруссіи началось тридцатью годами позднѣе. При безпристрастномъ обсужденіи дѣла, эту остановку нельзя не признать благотворною. Невозможно приписывать ее однимъ крайностямъ реакціи или побѣдѣ бюрократической рутины, какъ обыкновенно дѣлаютъ либеральные писатели. Сила вещей и здравый смыслъ короля восторжествовали здѣсь надъ разнообразными вліяніями, которыя со всѣхъ сторонъ напирали на монарха. Въ дѣйствительности, Пруссія въ то время, не смотря на высокое образованіе народа, не была готова къ политической жизни; представительныя учрежденія, которыя она могла получить, не послужили бы ей въ пользу. Конституція несомнѣнно имѣла бы чисто дворянскій характеръ. Это лежало въ духѣ времени; этого требовалъ и главный виновникъ конституціоннаго движенія, Штейнъ, который самъ вызывалъ прошенія дворянства о созваніи чиновъ. Выдаваясь изъ современниковъ своими государственными способностями, Штейнъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ насквозь проникнутъ духомъ рыцарства, котораго онъ былъ самымъ блестящимъ представителемъ. Не смотря на свои высокія дарованія, онъ, какъ Нѣмецъ, нерѣдко являлся мечтателемъ и терялъ подъ собою практическую почву. Его безуспѣшныя старанія и неприложимые планы при образованіи Германскаго Союза, его отреченія отъ прежней дѣятельности, его попытки возстановить отжившія учрежденія, его рѣзкія и одностороннія выходки противъ новаго либерализма, все это свидѣтельствуетъ объ его способности увлекаться въ разныя стороны. Для установленія въ Пруссіи дворянской конституціи, нужна была прежде всего увѣренность въ конституціонномъ

направленіи прусскаго дворянства, въ его желаніи дѣйствовать на политическомъ поприщѣ не для собственной пользы, а для общаго блага. Но именно этого и не было. Немногіе его члены были искренно преданы свободѣ и готовы пожертвовать сословными привилегіями для конституціонныхъ правъ. Но эти люди вовсе не хотѣли конституціи Штейна; они требовали чисто либеральнаго представительства. Съ другой стороны, огромная масса дворянства, скорбя объ утраченныхъ правахъ надъ крестьянами, всею силою души ненавидѣла Штейна и его преобразованія, считая его исчадіемъ революціи. Его объявляли разрушителемъ собственности и сравнивали его даже съ Катилиною. Депутаты дворянства, собранные въ 1811-мъ году, въ эпоху самаго глубокаго униженія Пруссіи, не только не дали правительству ожидаемой поддержки, но разразились яростными жалобами на тѣ либеральныя мѣры, которыя подняли Пруссію на новую высоту и вдохнули въ народъ свѣжія силы. Прусское дворянство желало единственно упроченія многочисленныхъ, сохранившихся за нимъ привилегій, вотчиннаго суда и полиціи, изъятія отъ податей, преобладающаго вліянія на мѣстныя дѣла. Оно стояло болѣе за возстановленіе средневѣковыхъ провинціяльныхъ сеймовъ, нежели за представительство въ новой формѣ, и постоянно являлось отъявленнымъ врагомъ всякаго либеральнаго преобразованія. Самъ Штейнъ, изливая свою злобу на бранденбургскихъ рыцарей, называлъ ихъ «лукавыми, бездушными, деревянными, полуобразованными людьми, созданными быть капралами или торгашами, самодовольными недоучками, которые стремятся лишь къ выгодамъ, а не хотятъ нести тяжестей».

Между тѣмъ, дворянство одно составляло плотную, организованную партію, которая знала, чего хочетъ, и могла воспользоваться конституціею для достиженія своихъ цѣлей. Средніе же классы, здѣсь, какъ и во всей Германіи, представляли безсвязную массу, чуждую политическихъ стремленій, обращенную на матеріяльныя заботы или на теоретическіе вопросы. Изъ нихъ трудно было составить серьозный элементъ народнаго представительства. Затрудненія увеличивались вслѣдствіе разбросанности и разнохарактерности прусскихъ областей. При такомъ составѣ государства, естественно уменьшалась возможность внутренней связи общества, необходимой въ представительномъ устройствѣ; а между тѣмъ, значеніе Пруссіи, какъ великой европейской

державы, требовало высшей способности отъ собранія, призваннаго рѣшать судьбы отечества.

При такихъ условіяхъ, не мудрено, что какъ въ правительствѣ, такъ и въ обществѣ, не было двухъ людей, которые были бы согласны между собою на счетъ практическаго способа введенія представительства. Наслѣдный принцъ, который предсѣдательствовалъ въ конституціонной коммиссіи и считался самымъ ревностнымъ приверженцемъ свободныхъ учрежденій, говорилъ, что онъ не слыхалъ объ этомъ вопросѣ двухъ однородныхъ мнѣній. Лучшіе люди, какъ Гнейзенау, Нибуръ, относились къ конституціи или равнодушно или враждебно. Самъ Штейнъ остановился наконецъ на учрежденіи однихъ провинціяльныхъ собраній, отлагая общее представительство до болѣе благопріятной поры. На этомъ и порѣшили. Конституція была отсрочена на неопредѣленное время, и это было лучшее, что могло случиться для Пруссіи, ибо составъ и характеръ вновь установленныхъ провинціяльныхъ сеймовъ представляли слишкомъ мало надежды на удовлетворительное устройство общаго представительства.

Областнымъ собраніямъ предоставленъ былъ совѣщательный голосъ при обсужденіи, какъ законовъ, относившихся къ провинціи, такъ и общихъ законовъ, установлявшихъ перемѣны въ правахъ личныхъ, собственности и въ податяхъ, также на сколько они касались области; кромѣ того, имъ дано было право прошенія и жалобы на счетъ мѣстныхъ нуждъ и пользъ. Собранія были составлены большею частью изъ четырехъ сословій, изъ высшаго дворянства, изъ владѣльцевъ рыцарскихъ имѣній, изъ горожанъ и крестьянъ. Обыкновенно всѣ они засѣдали вмѣстѣ, но могли совѣщаться и порознь, по всѣмъ дѣламъ, касавшимся сословныхъ правъ и интересовъ. Перевѣсъ получили два первыя сословія, которыхъ члены составили половину, а въ нѣкоторыхъ областяхъ даже болѣе половины собранія; только въ прирейнскихъ провинціяхъ они остались нѣсколько въ меньшинствѣ. Эти сословныя собранія, съ преобладающимъ дворянскимъ характеромъ, безъ всякаго значенія для мѣстнаго хозяйства и съ ничтожными политическими правами, должны были остаться безплодными, по самой неопредѣленности своего положенія. Единственная польза, которую они принесли, состояла въ томъ, что въ нихъ нѣсколько выдѣлались люди и установилась привычка къ общественнымъ дѣламъ, и когда, въ позднѣйшее время, въ Пруссіи пробудился политическій духъ, на

нихъ раздались голоса, напоминавшіе о неисполненныхъ обѣщаніяхъ. Но прямаго практическаго значенія они не имѣли. Если Пруссія въ двадцатыхъ годахъ сдѣлала значительные успѣхи въ матеріяльномъ и умственномъ развитіи, то иниціатива улучшеній исходила не отъ провинціяльныхъ собраній, а отъ господствовавшей бюрократіи, которая удовлетворяла всѣмъ существеннымъ требованіямъ общества, не приготовленнаго еще къ политической жизни.

Французская революція 1830-го года и здѣсь дала сильный толчекъ общественному мнѣнію. Съ этихъ поръ въ Пруссіи, какъ и во всей Германіи, образуется либеральное мѣщанство. Образованное и зажиточное, оно отъ умственныхъ и матеріяльныхъ трудовъ обращается наконецъ къ государственнымъ вопросамъ. Въ немъ возникаютъ политическія требованія и стремленія. Для конституціонной жизни готовится новый, сильный элементъ. Общество громче и громче проситъ представительныхъ учрежденій. Но правительство долго не хотѣло уступать. Фридрихъ Вильгельмъ IV, который въ 1840-мъ году наслѣдовалъ отцу, проникнутый романтическимъ духомъ, въ союзѣ съ дворянскою партіею, мечталъ болѣе объ устройствѣ подобномъ средневѣковымъ чинамъ, нежели о представительствѣ, основанномъ на началахъ новаго времени. Плодомъ его думъ былъ Патентъ 3-го февраля 1847-го года, на основаніи котораго созванъ былъ Соединенный Ландтагъ или общее собраніе всѣхъ провинціяльныхъ сеймовъ. Новому учрежденію предоставленъ былъ совѣщательный голосъ по законодательнымъ вопросамъ; оно получило право прошенія; его согласіе требовалось для установленія новыхъ податей, для возвышенія существующихъ и для заключенія займовъ. Въ этомъ собраніи страннаго состава и устройства, которое по закону не было даже періодическимъ, впервые проявилась новая политическая жизнь; но она пробудилась лишь для того, чтобы требовать расширенія правъ и перемѣны учрежденій, не удовлетворявшихъ либеральнымъ стремленіямъ общества. Король не отвѣчалъ рѣшительнымъ отказомъ, но указалъ на возможность улучшеній въ Патентѣ 3-го февраля. Еслибы Пруссія пошла этимъ путемъ, ей предстояла долгая борьба за каждое отдѣльное политическое право; но событія скоро унесли все это искусственное зданіе, похожее на новѣйшія подражанія готическому стилю. Опять толчекъ пришелъ изъ Франціи. Движеніе 1848-го года разомъ выдвинуло Пруссію на новую дорогу.

Таково было внутреннее состоянiе великихъ германскихъ державъ съ 1815-го до 1848-го года; таковы причины, остановившiя въ нихъ развитiе конституцiонныхъ началъ. Въ среднихъ и мелкихъ государствахъ, напротивъ, почти вездѣ установились представительныя учрежденiя, однако съ весьма разнообразнымъ характеромъ. Общая ихъ черта состоитъ въ борьбѣ стараго, сословнаго устройства съ новымъ, представительнымъ. Подъ влiянiемъ господствовавшей въ то время реакцiи, первое получило рѣшительный перевѣсъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ изсякла и конституцiонная жизнь, которая пробудилась снова лишь подъ вѣянiемъ духа, исходившаго изъ Францiи.

Эта борьба стараго порядка съ новымъ проявилась впрочемъ въ разныхъ формахъ и привела къ различнымъ результатамъ въ отдѣльныхъ странахъ. Нѣкоторыя государства остались, среди новой жизни, при учрежденiяхъ, носившихъ чисто средневѣковой характеръ. Такова была Саксонiя. Старый король, Фридрихъ Августъ, исполненный патрiархальной доброты и чувства законности, умѣлъ противостоять всѣмъ искушенiямъ союза съ Наполеономъ, постоянно отрекаясь отъ неограниченной власти, и объявляя неизмѣнное намѣренiе удержать вѣками установившiяся учрежденiя. Но послѣднiя были такого рода, что сохраненiе ихъ приносило государству болѣе вреда, нежели пользы. Сеймъ раздѣлялся на семь палатъ, которыхъ безконечныя взаимныя сношенiя и переговоры останавливали почти каждое дѣло. Народъ говорилъ, что ландтагъ играетъ въ палатки. Правительство предлагало частныя улучшенiя; оно хотѣло соединить нѣкоторыя палаты и допустить въ собранiе недворянскихъ собственниковъ. Но привилегированныя сословiя не согласились уступить свое преобладающее положенiе и противились всякимъ перемѣнамъ. Эти отношенiя измѣнились въ двадцатыхъ годахъ. Либеральное движенiе отозвалось и въ этомъ средневѣковомъ собранiи. Оно, въ свою очередь, просило правительство о перемѣнахъ въ либеральномъ смыслѣ; но на этотъ разъ предложенiе было отклонено самимъ королемъ, привязаннымъ къ старому порядку. На этомъ дѣло остановилось. До 1830-го года продолжалось патрiархальное правленiе, почти неограниченное, бюрократическое, неподвижное, но мягкое и законное. Въ палатахъ проявлялись самые слабые признаки жизни; но въ обществѣ либеральное направленiе росло, и въ 1830-мъ году приняло наконецъ революцiонный характеръ. Произошло движенiе, которое повело къ

преобразованію существующаго устройства. Конституція 1831-го года носила на себѣ черты новаго времени, хотя и она въ значительной степени сохраняла прежній, сословный характеръ. Сеймъ составленъ былъ изъ двухъ палатъ: въ верхней засѣдали принцы крови, нѣкоторыя духовныя лица, члены высшаго дворянства, пожизненные депутаты отъ рыцарства, десять назначенныхъ королемъ владѣльцевъ рыцарскихъ имѣній, депутатъ университета и головы нѣкоторыхъ городовъ; въ нижней палатѣ соединялись выборные отъ владѣльцевъ рыцарскихъ имѣній, отъ городовъ, отъ крестьянъ, наконецъ, отъ фабрикантовъ и торговцевъ. Такой составъ представительства, узаконявшій разрозненность интересовъ, находилъ себѣ противодѣйствіе въ либеральномъ и просвѣщенномъ духѣ бюрократіи, которая въ это время стояла во главѣ управленія. Пользуясь обстоятельствами, министерство Линденау провело множество полезныхъ законовъ. Но Линденау долженъ былъ выдти въ отставку, уступая преобладанію аристократическаго элемента, и тогда законодательство снова остановилось, пока революція 1848-го года не снесла всего зданія, по крайней мѣрѣ на время.

Еще болѣе неподвижнымъ является другое государство, которое сохранилось доселѣ, какъ живой остатокъ средневѣковаго порядка, именно Мекленбургъ. Здѣсь рыцарство умѣло отстоять свои старинныя права противъ стремленія князей къ неограниченной власти, а потому здѣсь удержалось такое устройство, которое кажется совершенно несовмѣстнымъ съ какими бы то ни было государственными понятіями. Первый поразительный фактъ, который объясняется только исторически, состоитъ въ томъ, что два державныя государства, Мекленбургъ-Шверинъ и Мекленбургъ-Стрелицъ, имѣютъ одинъ общій сеймъ. Проистекающія отсюда неудобства, при совершенно различныхъ законодательствахъ, уменьшаются лишь тѣмъ, что каждый князь можетъ сзывать свои чины на отдѣльные конвокаціонные сеймы. Но послѣдніе имѣютъ подчиненное значеніе; во главѣ сословныхъ учрежденій стоитъ общій ландтагъ, представляющій корпорацію рыцарства и земства (Ritterschaft und Landschaft). Подъ именемъ земства разумѣются города, которые пользуются разнообразными правами. Эта общая корпорація, въ свою очередь, распадается на корпорацію рыцарства и на корпорацію земства, а послѣдпія опять подраздѣляются на корпораціи отдѣльныхъ областей. Этотъ странный составъ,

весь основанный на частныхъ, корпоративныхъ привилегіяхъ, сопровождается столь же странными правами, истекающими изъ тѣхъ же началъ. Сейму нѣтъ дѣла до управленія княжескими доменами, которые въ Мекленбургъ-Шверинѣ составляютъ сорокъ два процента, а въ Мекленбургъ Стрелицѣ три четверти всей территоріи. Этимъ имуществомъ государи управляютъ самовластно. Вѣдомство сеймовъ не простирается и на общія государственныя потребности. Войско, полиція, юстиція, принадлежатъ къ числу предметовъ безразличныхъ (gleichgültig), относительно которыхъ сеймъ можетъ имѣть только совѣщательный голосъ. Согласіе сословій необходимо единственно въ тѣхъ дѣлахъ, которыя касаются ихъ привилегій. Поэтому оно требуется для взиманія податей, исключая тѣхъ, которыя разъ навсегда установлены договоромъ. Но рыцарство, на основаніи старинныхъ своихъ правъ, пользуется значительными льготами; главная тяжесть падаетъ на города. При такомъ устройствѣ, для характеристики котораго можно прибавить, что сословія сносятся съ правительствомъ не иначе, какъ письменно, черезъ посредство правительственныхъ коммиссаровъ, не имѣющихъ входа въ собраніе, не мудрено, что Мекленбургъ является обѣтованною страною рыцарства и крупныхъ землевладѣльцевъ. Развитіе городовъ задерживается всѣмъ окружающимъ порядкомъ; но болѣе всѣхъ обдѣлены крестьяне, которые, получивши личную свободу, лишились земли и находятся въ полной зависимости отъ землевладѣльцевъ. Однако этотъ полуфеодальный бытъ, утвержденный вѣками, такъ проченъ, что когда революція 1848-го года внезапно его разрушила, рыцарству, въ соединеніи съ правительствомъ, не трудно было въ скорое время возстановить обычную старину.

Другое государство сѣверной Германіи, Ганноверъ, во времена Наполеона испытало на себѣ, какъ выгоды, такъ и бѣдствія французскаго владычества. Но первыя исчезли съ возвращеніемъ законной династіи, сидѣвшей на англійскомъ престолѣ. Реакція унесла всѣ преобразованія и цѣликомъ возстановила старый порядокъ. Въ этомъ попятномъ движеніи, правительство явилось еще болѣе умѣреннымъ, нежели чины. Главнымъ дѣятелемъ въ управленіи былъ умный и просвѣщенный Ребергъ, который, возстановляя старое, имѣлъ въ виду сдѣлать и необходимыя улучшенія. Прежде всего, государственное единство требовало установленія общаго представительства, рядомъ

съ прежде существовавшими областными сеймами. Съ этою цѣлью, въ 1814-мъ году, созванъ былъ временный общій ландтагъ, составленный изъ депутатовъ отъ всѣхъ сословій, соединенныхъ въ одну палату. Дворянство, которое изстари преобладало въ Ганноверѣ, имѣло здѣсь перевѣсъ: изъ 85 голосовъ, ему принадлежали 43, тогда какъ духовенство имѣло 10, горожане 29, а крестьяне 3. При такомъ составѣ собранія, всѣ самыя умѣренно либеральныя предложенія правительства встрѣтили въ немъ упорный отказъ. Отвергнуты были проекты законовъ о гласности, о раздѣленіи юстиціи и администраціи, о единствѣ мѣръ и вѣсовъ, объ отмѣнѣ вотчинныхъ судовъ, о распространеніи податей на привилегированныя сословія. Вслѣдствіе этого, правительство принуждено было провести послѣднюю мѣру, хотя и въ смягченномъ видѣ, королевскими указами, безъ согласія чиновъ. Однако здѣсь, также какъ и въ Саксоніи, роли скоро перемѣнились. Перевѣсъ дворянства въ палатѣ былъ не довольно значителенъ, чтобы упрочить за нимъ постоянное большинство. Либеральный духъ, повѣявшій въ Европѣ, проникъ и въ ганноверскій сеймъ; но это повело только къ болѣе сильной реакціи. Въ собраніи образовалась тѣсная дворянская партія, которая хотѣла пріобрѣсти перевѣсъ посредствомъ выдѣленія дворянства изъ остальныхъ сословій и образованія верхней палаты исключительно изъ его членовъ. Эта партія вступила въ союзъ съ правительствомъ, которое было испугано либеральнымъ движеніемъ. Первымъ плодомъ коалиціи было паденіе Реберга. Затѣмъ, актомъ королевской власти издана была новая конституція, 1819-го года, въ смыслѣ дворянскихъ притязаній. Чины пытались возражать: они представляли, что обособленіе дворянства поведетъ къ распрямъ между палатами и къ невозможности совокупнаго дѣйствія. Но правительство распустило сеймъ, и конституція перешла въ законъ. Желаніе дворянства было исполнено: верхняя палата состояла главнымъ образомъ изъ его членовъ и представителей. Нижняя же, вслѣдствіе равнодушія народа къ конституціи, отъ которой не предвидѣлось пользы, вся наполнилась чиновниками, преданными правительству. Не смотря на то, либеральная роль была на ея сторонѣ: въ спорахъ объ изъятіяхъ отъ податей, о выкупѣ крестьянскихъ тяжестей, она стояла за либеральныя мѣры. Но всякое улучшеніе встрѣчало неодолимую преграду въ верхней палатѣ. Вслѣдствіе этого, законодательство пришло къ полному застою

Только въ 1829-мъ году можно было склонить дворянство къ нѣкоторымъ уступкамъ по крестьянскому вопросу. Движеніе 30-го года и здѣсь ускорило ходъ событій. Законъ о выкупѣ освободилъ крестьянскія земли отъ лежавшихъ на нихъ тяжестей; приступлено было и къ измѣненію конституціи. Основный законъ 1833-го года, изданный королевскимъ указомъ, но принятый въ послѣдствіи палатами, хотя и сохранялъ существенныя черты прежняго устройства, однако уступалъ въ нѣкоторыхъ частностяхъ требованіямъ либерализма. Но дворянская партія не была довольна и этимъ; она желала главнымъ образомъ усиленія провинціяльныхъ сеймовъ, на которыхъ она имѣла неоспоримое преобладаніе. Безсильная противъ совокупной воли правительства и народа, она искала союзника въ наслѣдномъ принцѣ, герцогѣ Кумберландскомъ, который, вступивъ на престолъ въ 1837-мъ году, немедленно объявилъ конституцію отмѣненною. Это нарушеніе закона вызвало отовсюду громкіе, хотя безполезные, протесты. Особенно сильное впечатлѣніе произвелъ протестъ семи знаменитыхъ гёттингенскихъ профессоровъ, которые должны были, вслѣдствіе того, оставить университетъ. Либеральная партія рѣшилась не участвовать въ новыхъ выборахъ, считая ихъ незаконными. Но ея удаленіе только облегчило дѣло правительству, которое, дѣйствуя всѣми средствами на остальныхъ избирателей, получило покорную палату и могло на свободѣ проводить свои цѣли. Король принужденъ былъ однако сдѣлать нѣкоторыя уступки дворянству, которое его поддерживало: по настоянію верхней палаты, сеймъ сохранилъ право согласія на законы и контроль надъ управленіемъ земскою казною. Но королю уступлено было отдѣленіе королевской кассы отъ земской, вмѣстѣ съ полнымъ правомъ распоряжаться доменами; исчезли также постановленія о свободѣ печати и объ отвѣтственности министровъ. Однако и этотъ новый основный законъ былъ столь же недолговѣченъ, какъ предъидущіе. И здѣсь, движеніе 1848-го года насильно вызвало новые порядки.

Не менѣе бѣдственна была участь представительныхъ учрежденій въ другой знаменитой въ лѣтописяхъ нѣмецкой конституціонной жизни странѣ, въ Кургессенѣ. Курфюрстъ Вильгельмъ I, возвратившись на престолъ въ 1813-мъ году, послѣ семилѣтняго изгнанія, въ теченіи котораго его владѣнія составляли часть Вестфальскаго королевства, принялся за возстановленіе прежняго порядка, въ томъ са-

номъ видѣ, въ какомъ онъ его оставилъ. Онъ не хотѣлъ признавать ни французскаго владычества, ни правъ, изъ него проистекшихъ, развѣ когда это было выгодно для казны. Однако и онъ счелъ нужнымъ созвать чины государства, пріобщивъ даже къ прежнимъ сословіямъ крестьянское, за что получилъ хвалу нѣмецкихъ либераловъ. Но въ собраніи онъ встрѣтилъ противодѣйствіе двоякаго рода. Главное стремленіе курфюрста клонилось къ обогащенію казны. Этому противорѣчили, съ одной стороны, стараніе привилегированныхъ сословій не подчиняться общимъ тяжестямъ, съ другой — воззрѣніе чиновъ на княжескіе домены и капиталы, какъ на имущество государственное, а не частное. Объ эти вопросы разбились всѣ попытки соглашенія на счетъ конституціи. Правительство, въ предложенномъ имъ проектѣ, явилось гораздо болѣе либеральнымъ, нежели дворянство, которое стояло за возстановленіе старинныхъ своихъ правъ; но на счетъ государственныхъ имуществъ и казны, не было возможности придти къ общему рѣшенію. Вслѣдствіе этого, въ 1816-мъ году, чины были распущены и уже не созывались болѣе до 1830-го года. Курфюрстъ и его преемникъ правили самовластно. Тѣмъ сильнѣе была реакція въ 1830-мъ году. Либеральное движеніе заставило курфюрста, по совѣщаніи съ чинами, издать конституцію, въ которой сословное начало перемѣшивалось съ представительнымъ. Въ единой палатѣ соединялись принцы крови, члены высшаго дворянства, представители рыцарства, университета, городовъ и селъ. Финансовые вопросы были порѣшены согласно съ желаніемъ представительства. Еслибы эта конституція была искренно введена въ дѣйствіе, она могла бы удовлетворить существеннымъ требованіямъ страны; но на дѣлѣ вышло не то. Курфюрстъ Вильгельмъ II, увлекаемый страстью къ графинѣ Рейхенбахъ, которая должна была выѣхать изъ Касселя, гонимая народными демонстраціями, удалился отъ дѣлъ и взялъ себѣ въ соправители своего сына, Фридриха Вильгельма; послѣдній же поставилъ во главѣ министерства знаменитаго Гассенпфлуга. Смѣлый, способный, тонкій юристъ, Гассенпфлугъ поставилъ себѣ задачею упорное противодѣйствіе либерализму и возможно большее стѣсненіе конституціонной свободы. Того же направленія держался и преемникъ его, Шефферъ, когда Гассенпфлугъ, надоѣвшій курфюрсту, былъ удаленъ отъ дѣлъ. Отсюда безпрерывныя столкновенія съ палатою и неоднократныя обвиненія министровъ въ нарушеніи конституціи, обвиненія, которыя

впрочемъ оставались безъ послѣдствій, ибо не были подкрѣпляемы достаточными юридическими доказательствами. Правительство, при всякомъ удобномъ случаѣ, дѣйствовало самовластно; развитіе законодательства сдѣлалось невозможнымъ при враждебныхъ его отношеніяхъ къ палатѣ. Только въ 1842-мъ году, министерство успѣло пріобрѣсти большинство; но вскорѣ и здѣсь, событія 48-го года вызвали сначала болѣе либеральное направленіе, а потомъ повлекли за собою новыя, большія бѣдствія.

Гораздо успѣшнѣе было конституціонное развитіе въ южно-германскихъ государствахъ, хотя и здѣсь оно было остановлено реакціею двадцатыхъ годовъ. Во времена Рейнскаго Союза, французскія учрежденія вводились въ этихъ странахъ самими правителями, а потому, при паденіи Наполеона, не было повода возвращаться къ отжившему порядку. Почва для либеральныхъ учрежденій была здѣсь лучше подготовлена, нежели гдѣ-либо. Правительственный и бюрократическій либерализмъ явился преградою реакціоннымъ стремленіямъ привилегированныхъ сословій. Въ этомъ отношеніи замѣчателенъ конституціонный споръ въ Виртембергѣ.

Королевство Виртембергское составилось изъ старыхъ земель и нѣсколькихъ новыхъ областей. Первыя, съ давнихъ временъ, имѣли конституцію, которая была самовольно отмѣнена королемъ, при образованіи Рейнскаго Союза. Король Фридрихъ, подъ французскимъ владычествомъ, правилъ самовластно, угнетая въ особенности прежнее имперское рыцарство. Но послѣ паденія Наполеона, онъ былъ однимъ изъ первыхъ нѣмецкихъ государей, вступившихъ на конституціонный путь. По возвращеніи изъ Вѣны въ 1815-мъ году, онъ немедленно созвалъ чины и предложилъ имъ проектъ конституціи. Но здѣсь онъ встрѣтилъ неожиданную оппозицію: чины требовали не новыхъ правъ, а возстановленія старыхъ. Напрасно король пытался придти къ соглашенію; напрасно призванный для посредничества, либеральный и даровитый, хотя нѣсколько мечтательный Вангенгеймъ представлялъ всю невозможность возвращенія къ отжившему устройству, основанному на средневѣковыхъ началахъ, къ учрежденіямъ, въ которыя не входили ни рыцарство, ни вновь присоединенныя области. Чины стояли на своемъ; въ особенности оппозиціоннымъ духомъ отличалось дворянство, вождемъ котораго былъ графъ Вальдекъ, производившій рьяную политическую агитацію во всѣхъ окрестныхъ стра-

нахъ. Можно было ожидать, что дѣло пойдетъ на ладъ при вступленіи на престолъ короля Вильгельма, одного изъ наиболѣе популярныхъ людей въ Германіи, самаго замѣчательнаго, по уму и характеру, нѣмецкаго государя въ XIX-мъ вѣкѣ; но и эта надежда не оправдалась. Король предложилъ самый либеральный проектъ конституціи, какого только можно было желать; чины его отвергли, къ ужасу и отчаянію всѣхъ свободномыслящихъ людей въ Германіи. Тогда король распустилъ сеймъ и началъ править самовластно. Въ два самые плодотворные годы своего царствованія, онъ издалъ множество полезныхъ законовъ, устроилъ финансы и управленіе. Однако, вѣрный своему слову, онъ ждалъ только болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ для введенія представительнаго устройства, которое являлось самою надежною опорою мелкихъ нѣмецкихъ государей противъ честолюбія крупныхъ. Какъ скоро Австрія подняла знамя реакціи, и собралась въ Карлсбадѣ конференція, угрожавшая свободѣ, король Вильгельмъ снова созвалъ чины и предложилъ имъ проектъ конституціи, на этотъ разъ даже менѣе либеральный, нежели прежній. Но оппозиціи уже не было. Оказалось, что стойкость за старинныя права была пустымъ требованіемъ, лишеннымъ настоящей почвы. Аристократическіе вожди прежняго собранія легко помирились съ правительствомъ на личныхъ выгодахъ. Конституція 1819-го года была принята почти безъ преній и немедленно вошла въ силу.

Новыя учрежденія были въ значительной степени проникнуты сословными началами. Нижняя палата состояла изъ депутатовъ отъ рыцарства, духовенства, университета, городовъ и округовъ; въ верхней засѣдали высшее дворянство—такъ называемые господа (Standesherrn), и члены, назначенные королемъ. Но число послѣднихъ не могло превышать одной трети остальныхъ, такъ что палата получила замкнутый аристократическій характеръ. Въ этомъ состоялъ главный недостатокъ конституціи. Духъ и направленіе высшаго дворянства явились существеннымъ препятствіемъ правильному развитію учрежденій. Самые благодѣтельные законы находили неодолимую преграду въ верхней палатѣ, которая упорно стояла за дворянскія привилегіи. Правительство не рѣшалось даже предлагать мѣры, касающіяся сословныхъ правъ, будучи заранѣе увѣрено, что онѣ будутъ отвергнуты.

Впрочемъ, эти недостатки оказались только въ послѣдствіи. На первыхъ порахъ, верхняя палата обнаружила полное равнодушіе къ

общимъ дѣламъ, такъ что она вовсе даже и не собиралась въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ. А такъ какъ конституція, предвидя этотъ случай, считала достаточнымъ согласіе на законы одной нижней палаты, то дѣла могли идти своимъ чередомъ. Къ несчастію, въ народѣ было такое же равнодушіе къ свободнымъ учрежденіямъ, какъ и въ верхнихъ слояхъ. Нижняя палата наполнялась большею частью клевретами правительства. Послѣ удаленія Листа, который пытался произвести демократическую агитацію, въ собраніи почти уснула политическая жизнь. Вступленіе въ палату было удобнымъ способомъ сдѣлать карьеру; постоянный комитетъ чиновъ превратился въ доходную синекуру. Правительство, съ своей стороны, довольное своимъ преобладаніемъ, повинуясь отчасти реакціонному духу времени, и не желая затрогивать страстей, само воздерживалось отъ энергической инициативы. Этотъ всеобщій застой продолжался до 1830-го года, когда, вслѣдствіе французской революціи, волненіе распространилось и въ массахъ. Правительство сочло нужнымъ дать отпоръ этому движенію, и здѣсь оно нашло надежнаго союзника въ аристократіи. Всѣ либеральныя предложенія нижней палаты упорно отвергались верхнею. Нельзя отрицать заслуги, которую дворянство оказало въ этомъ случаѣ власти и порядку; но вмѣстѣ съ увлеченіями, устранялись и самыя разумныя требованія. Верхняя палата отстояла и привилегированную подсудность высшаго дворянства, и значительную часть поземельныхъ тяжестей, и ненавистное земледѣльцу дворянское право охоты. Она стала въ чисто враждебное отношеніе къ народному представительству, не щадя вмѣстѣ съ тѣмъ и правительства, какъ скоро въ немъ показывались малѣйшіе признаки либерализма. Реакція торжествовала вполнѣ, и политическая жизнь на время заглохла. Нужно было новое, болѣе глубокое движеніе 1848-го года, чтобы возбудить ее опять. Тогда верхняя палата разомъ все уступила; законы, которымъ она упорно противилась, были приняты, даже съ излишнею примѣсью либеральныхъ и демократическихъ началъ.

Въ такое же враждебное отношеніе къ народному представительству стала верхняя палата и въ Баваріи; но здѣсь она приняла это положеніе съ самаго перваго шага. Баварская конституція 1818-го года, такъ же какъ Виртембергская, установила верхнюю палату съ аристократическимъ характеромъ, нижнюю, составленную изъ сословныхъ элементовъ. Первая начала свою дѣятельность съ подачи королю адреса,

въ которомъ заявила, что ея призваніе — служить оплотомъ противъ демократическихъ стремленій народнаго представительства. Это естественно возбудило бурю, тѣмъ болѣе, что въ нижней палатѣ въ это время господствовалъ, весьма впрочемъ умѣренный, либеральный духъ, который обратилъ на нее вниманіе всей Германіи. Но противодѣйствіе верхней палаты сдѣлало всякія либеральныя мѣры невозможными. Такимъ образомъ, постановленіе нижней палаты о введеніи публичности и гласности судопроизводства и суда присяжныхъ было единогласно отвергнуто верхнею. Часть дворянства смотрѣла даже на статью конституціи, которою установлялось превращеніе неопредѣленныхъ крестьянскихъ повинностей въ опредѣленныя, съ правомъ выкупа послѣднихъ, какъ на зловредное порожденіе бюрократіи. Либерализмъ нижней палаты встрѣтилъ отпоръ и со стороны правительства, которое считало болѣе удобнымъ имѣть собраніе вполнѣ покорное. Съ этою цѣлью, оно стало обработывать выборы въ свою пользу и разными способами удалять людей оппозиціонныхъ. Въ Баваріи не трудно было это сдѣлать. Слѣдующія собранія дали вполнѣ правительственное большинство, но вмѣстѣ съ тѣмъ, политическая жизнь исчезала болѣе и болѣе. Даже движеніе 1830-го года произвело едва замѣтное волненіе, которое вскорѣ уступило мѣсто сильнѣйшей реакціи. Конституціонный порядокъ не только не содѣйствовалъ развитію законодательства, а напротивъ, служилъ ему помѣхою. Проекты, представляемые правительствомъ, постоянно искажались верхнею палатою въ реакціонномъ смыслѣ. Полнаго цвѣта реакція достигла въ десятилѣтнее министерство Абеля (1837—1847). Однако въ сороковыхъ годахъ явились и первые признаки оппозиціи. На этотъ разъ, она болѣе всего выражалась въ верхней палатѣ, отчасти по финансовымъ вопросамъ, отчасти въ отпоръ ультрамонтанизму, который сдѣлался господствующимъ въ Баваріи. Министерство Абеля наконецъ пало, но не передъ сопротивленіемъ палатъ, а передъ танцовщицею, не поладившею съ іезуитами. Вскорѣ однако движеніе 1848-го года унесло и танцовщицу и самого короля, увлеченнаго ею. Верхняя палата сдѣлала всевозможныя либеральныя уступки; нижняя была преобразована на основаніи новыхъ представительныхъ началъ, съ устраненіемъ сословнаго элемента.

Почти такой же оборотъ, какъ въ Баваріи, приняло конституціонное движеніе и въ Баденѣ. Нигдѣ либеральныя начала не нашли такого громкаго отголоска и такихъ энергическихъ защитниковъ, какъ

въ этомъ юго-западномъ уголкѣ Германіи, гдѣ сильнѣе всего чувствовалось вліяніе Франціи. Нижняя палата имѣла здѣсь чисто демократическій характеръ: она состояла единственно изъ представителей городовъ и сельскихъ округовъ. И въ верхней, не смотря на аристократическій ея составъ, были нѣкоторые либеральные элементы, особенно представительство университетовъ; но здѣсь отдѣльные голоса были безсильны противъ общаго направленія. Между обоими собраніями скоро открылась рознь. Нижняя палата хотѣла провести либеральныя начала по всѣмъ отраслямъ государственнаго управленія; верхняя, напротивъ, смотрѣла на все, что касалось дворянскихъ привилегій, напримѣръ на выкупъ поземельныхъ тяжестей, какъ на разрушительныя, якобинскія стремленія, которыя она характеризовала самымъ оскорбительнымъ образомъ для депутатовъ. Правительство сначала держалось средняго пути; но вскорѣ, увлеченное реакціею, и съ нетерпѣніемъ вынося финансовый контроль представительства, оно обратило всѣ старанія на подавленіе либерализма. Палата 1822 года, не смотря не свое весьма умѣренное направленіе, была закрыта съ шумомъ за то, что не хотѣла возвысить военныхъ издержекъ на 50,000 гульденовъ. Съ помощью сильнаго давленія на выборы, правительство успѣло получить палату, гдѣ либеральная партія была въ значительномъ меньшинствѣ. И это меньшинство все болѣе и болѣе таяло, пока движеніе 1830-го года не придало ему новой силы. Пробудившееся въ то время стремленіе къ свободѣ отозвалось во всѣхъ слояхъ общества. Главный боецъ либерализма, профессоръ Роттекъ, былъ разомъ выбранъ въ пяти округахъ и сдѣлался самымъ популярнымъ человѣкомъ въ Германіи. Подъ вліяніемъ этого движенія, множество либеральныхъ мѣръ, прежде встрѣчавшихъ неодолимое сопротивленіе, перешли въ законъ, и хотя здѣсь, какъ и вездѣ, вскорѣ наступила реакція, однако оппозиція продолжала мужественно отстаивать свои начала. Послѣ временнаго ослабленія, она успѣла даже пріобрѣсти большинство въ нижней палатѣ; реакціонное министерство Блиттерсдорфа должно было выдти въ отставку. Въ сороковыхъ годахъ, Баденъ былъ единственнымъ нѣмецкимъ государствомъ, гдѣ политическая жизнь не изсякла. Нижняя палата была здѣсь главнымъ органомъ либеральныхъ идей, центромъ, откуда онѣ распространялись по Германіи. Однако и здѣсь 1848-й годъ произвелъ всеобщій переворотъ.

Такимъ образомъ, конституціонная жизнь Германіи съ 1815-го года постоянно колебалась между либеральными порывами и реакціею. Правительства и въ особенности дворянство рѣшительно стояли на сторонѣ послѣдней; средніе же классы не имѣли ни достаточно силы, ни довольно внутренней связи, чтобы противостоять давленію. Послѣ тщетныхъ попытокъ поддержать либеральныя начала, они погружались въ равнодушіе, отдавая себя въ руки правительствъ. Только внѣшнія событія пробуждали ихъ отъ бездѣйствія и временно придавали имъ новую бодрость. Однако, съ каждымъ новымъ движеніемъ, ихъ силы росли, а старые элементы все болѣе и болѣе теряли подъ собою почву. Послѣдній толчекъ, произведенный февральскою революціею, поколебалъ всю Германію и грозилъ окончательно сокрушить существующій порядокъ.

Прежде всего, пробудились повсюду національныя стремленія. Форма Германскаго Союза, установленная въ 1815-мъ году, не отвѣчала потребностямъ народа. Особенно тяготились ею въ мелкихъ государствахъ, гдѣ узкія рамки, стѣсняя жизнь, естественно возбуждали желаніе болѣе широкаго поприща и болѣе возвышенныхъ цѣлей. Здѣсь, противодѣйствовать этимъ стремленіямъ могло только искренне либеральное направленіе правительствъ; свобода одна могла вознаградить общество за мелочность интересовъ. Но второстепенные князья не съумѣли противостоять вліянію могучихъ сосѣдей, тѣмъ болѣе что реакціонное направленіе давало имъ возможность властвовать неограниченно. Самый Союзъ, какъ онъ ни былъ слабъ, обратился противъ свободы. Союзное Собраніе, безсильное для удовлетворенія общихъ нуждъ народа, вмѣшивалось во внутреннія дѣла государствъ, единственно для искорененія либеральныхъ началъ. Своими постановленіями противъ свободы печати, противъ представительнаго устройства и т. п., оно навлекло на себя ненависть среднихъ классовъ. Поэтому, какъ скоро либерализмъ поднялся снова вслѣдствіе движенія 1848-го года, прежде всего пробудилась мысль упрочить свободу, внеся ее въ самое союзное устройство. Это стремленіе было тѣмъ сильнѣе, что обще-германское представительство отвѣчало вмѣстѣ съ тѣмъ и національнымъ требованіямъ Нѣмцевъ. Но эта попытка могла имѣть только революціонный характеръ. Она не была подготовлена жизнью; это было зданіе, лишенное фундамента. Франкфуртскій Парламентъ не имѣлъ ни силъ, ни средствъ приводить въ дѣйствіе свои

постановленія. Мѣстныя собранія, которыя одни могли дать надлежащую поддержку общему представительству, сами стояли еще на слишкомъ шаткой почвѣ и скоро поддались вліянію реакціи. Въ великихъ державахъ, отъ которыхъ окончательно все зависѣло, конституціонная жизнь едва начиналась. Правительства, уступившія внезапному движенію, старались противодѣйствовать ему всѣми силами, какъ скоро успѣли нѣсколько утвердиться. Первая отреклась отъ Франкфуртскаго Парламента Австрія, которую обширные интересы земель, не принадлежащихъ къ Германскому Союзу, ставили въ совершенно особенное положеніе. За тѣмъ прусскій король отказался отъ предложенной ему императорской короны. Пруссія пыталась установить болѣе тѣсный союзъ, но и эта попытка разбилась о сопротивленіе мелкихъ государствъ, въ особенности южныхъ, которыя опирались на Австрію съ цѣлью отстоять свою самостоятельность. При такихъ разнородныхъ стремленіяхъ, единственный исходъ состоялъ въ возстановленіи прежняго устройства. Конечно, оно не удовлетворяло всѣмъ потребностямъ; сами правительства чувствовали его недостатки и неоднократно, наперерывъ другъ передъ другомъ, заявляли о необходимости народнаго представительства въ союзѣ; но на дѣлѣ, эта мысль не могла осуществиться, ибо препятствія были слишкомъ велики. Болѣе тѣсному единенію Германіи противилось и соперничество двухъ великихъ державъ, изъ которыхъ ни одна не хотѣла и не могла допустить другую до преобладанія, и соотвѣтствующая этому раздвоенію противоположность великонѣмецкой и малонѣмецкой партій, изъ которыхъ первая требовала союза, со включеніемъ Австріи, вторая же видѣла спасеніе единственно въ главенствѣ Пруссіи, и различіе въ характерѣ и направленіи сѣверной и южной Германіи, и желаніе мелкихъ государствъ сохранить свою независимость, и наконецъ, слабость и шаткость конституціоннаго порядка въ отдѣльныхъ странахъ. Согласить мирнымъ путемъ столь противорѣчащія начала и стихіи не было возможности. Надобно было жить съ старымъ устройствомъ, или объявить союзъ разрушеннымъ, какъ сдѣлала въ настоящее время Пруссія. Послѣдняя война нѣсколько упростила задачу; побѣжденная Австрія исключена изъ Союза. Но пока она не разрушилась окончательно, она всегда будетъ противодѣйствовать полному объединенію Германіи подъ предводительствомъ Пруссіи. Южныя государства составили особую группу, и хотя они не заключаютъ въ себѣ условій для

самостоятельнаго существованія, однако сліянію ихъ съ Сѣвернымъ Союзомъ мѣшаетъ та глубокая ненависть, которую умѣла возбудить къ себѣ Пруссія. Къ этому присоединяются внѣшнія опасности. Единство Германіи находитъ сильнѣйшую поддержку въ національномъ чувствѣ Нѣмцевъ, которые, сознавая себя великимъ народомъ, хотятъ быть и могучимъ государствомъ; но объединеніе столь разнородныхъ элементовъ представляетъ слишкомъ значительныя трудности.

Неудача общегерманскаго дѣла отразилась и на отдѣльныхъ государствахъ. Разногласіе по общему вопросу во многихъ странахъ поставило правительства и палаты во враждебное отношеніе другъ къ другу. Первыя старались удержать свою независимость, тогда какъ послѣднія требовали подчиненія германскому сейму. Таково, между прочимъ, было положеніе дѣлъ въ Саксоніи. Тамъ движеніе 1848-го года привело къ совершенному измѣненію конституціи: вмѣсто прежняго сословнаго состава, нижняя палата была основана на всеобщемъ правѣ голоса, и даже верхняя сдѣлалось выборною отъ землевладѣльцевъ. Но между правительствомъ и палатами немедленно возгорѣлся споръ на счетъ признанія выработаннаго Франкфуртскимъ Парламентомъ уложенія, и когда правительство распустило палаты, демократическая партія произвела возстаніе, которое было подавлено прусскими войсками. Новая конституція была отмѣнена, и возстановлено прежнее устройство.

Въ другихъ государствахъ, возвращеніе къ старому совершилось и безъ подобнаго повода. Движеніе 1848-го года было такъ сильно, что оно проникло даже въ Мекленбургъ, гдѣ старая конституція, съ согласія чиновъ, была замѣнена новою въ смыслѣ представительныхъ началъ. Но какъ скоро повѣялъ духъ реакціи, рыцарство заявило, что права его нарушены, и на основаніи средневѣковаго права, потребовало третейскаго суда съ великимъ герцогомъ. Правительство охотно на это согласилось, ибо само желало возстановленія стараго порядка. При обоюдномъ желаніи сторонъ, великому герцогу не трудно было проиграть процессъ. Третейскіе судьи, назначенные королями прусскимъ и ганноверскимъ, рѣшили, что прежняя конституція должна быть возстановлена; это и было сдѣлано. Такимъ образомъ, основный законъ государства, признанный правительствомъ и народомъ, былъ отмѣненъ вслѣдствіе тяжбы между княземъ и рыцар-

ствомъ, явленіе, едва понятное при государственныхъ началахъ новаго времени.

Такой же процессъ между правительствомъ и дворянствомъ, съ такою же податливостью со стороны перваго, произошелъ и въ Ганноверѣ; но здѣсь онъ разыгрывался не передъ третейскимъ судомъ, а передъ возстановленнымъ Союзнымъ Собраніемъ. И въ Ганноверѣ, движеніе 1848-го года привело къ измѣненію конституціи. Въ основаніи народнаго представительства положено было весьма широкое избирательное право; верхняя палата была составлена изъ выборныхъ отъ крупныхъ землевладѣльцевъ, отъ промышленности, отъ церкви, отъ школъ и судебнаго сословія. Либеральное министерство Стюве издало множество законовъ, которые произвели полное преобразованіе государственнаго устройства. Но какъ скоро реакціонное направленіе въ Германіи получило перевѣсъ, рыцарство и здѣсь ухватилось за свои старинныя привилегіи. Поводомъ послужилъ законъ о преобразованіи провинціяльныхъ сеймовъ. Рыцарство видѣло въ немъ нарушеніе своихъ правъ и подало жалобу въ Союзное Собраніе. Такъ какъ новый король, Георгъ V, и установленное имъ министерство Шеле не только не отвергли этого прошенія, а признали его законнымъ, то Союзное Собраніе постановило, что права дворянства должны быть возстановлены въ прежней силѣ. Тогда король самовольнымъ актомъ отмѣнилъ конституцію и издалъ новую, въ духѣ уложенія 1840-го года. Такимъ же незаконнымъ путемъ были изданы и другіе указы, имѣвшіе цѣлью остановить всякое противодѣйствіе новымъ мѣрамъ. Однако въ нижней палатѣ проявилась оппозиція; но союзъ дворянства съ бюрократіею успѣлъ ее одолѣть. Энергическій министръ, графъ Воррисъ, желѣзною рукою стянувши бразды правленія, дѣйствуя въ особенности на крестьянъ, съумѣлъ, послѣ упорной борьбы, пріобрѣсти покорное правительству большинство. Въ 1862-мъ году, размолвка его съ королемъ на счетъ религіознаго вопроса принудила его подать въ отставку, послѣ чего правительство приняло нѣсколько болѣе конституціонное направленіе. Но черезъ два года, графъ Воррисъ опять вошелъ въ силу; реакція снова торжествовала, пока наконецъ послѣдняя война не привела къ уничтоженію Ганноверскаго королевства.

Но нигдѣ реакція, послѣдовавшая за движеніемъ 1848-го года, не водворилась такимъ насильственнымъ образомъ, какъ въ несчастномъ

Кургессенѣ. И здѣсь, первоначально торжествовалъ либерализмъ. Избирательный законъ былъ измѣненъ, съ согласія курфюрста и чиновъ. Министерство Эбергартъ-Випперманъ принялось за либеральныя преобразованія, а во внѣшней политикѣ примкнуло къ общему германскому движенію. Но тутъ оно встрѣтилось съ непріязнью курфюрста. Внезапно былъ призванъ въ министерство давно извѣстный Гассенпфлугъ, котораго одно имя достаточно показывало, куда повернуло дѣло. Съ палатою немедленно произошелъ разрывъ. Министерство потребовало, чтобы собраніе разрѣшило ему продолжать взиманіе податей, прежде нежели былъ разсмотрѣнъ бюджетъ; палата въ этомъ отказала и была распущена. Новые выборы, при всеобщемъ раздраженіи, дали демократическое большинство. Министерство снова предъявило свое требованіе, даже вовсе не представивъ бюджета; палата снова отказала и снова была распущена. Тогда правительство самовластно предписало взысканіе налоговъ; но присутственныя мѣста не повиновались незаконному повелѣнію. Вслѣдствіе этого, объявлено было военное положеніе; но и оно оказалось недѣйствительнымъ. Самое войско было привязано къ законному порядку, которому оно присягало. Тогда правительство обратилось къ Союзному Собранію, жалуясь на отказъ въ податяхъ. Австрійскіе и баварскіе штыки положили конецъ сопротивленію. Конституція была отмѣнена, и пожалована новая. Однако оппозиція беззаконнымъ дѣйствіямъ не прекратилась. Народъ съ необыкновенною твердостью стоялъ за упраздненную конституцію, требуя возстановленія нарушеннаго права. Послѣ десятилѣтней, упорной борьбы усилія его увѣнчались успѣхомъ. Конституція 1831-го года была возстановлена по предписанію Союзнаго Собранія, за исключеніемъ нѣкоторыхъ статей, объявленныхъ противными союзному устройству. Это рѣшеніе не помѣшало впрочемъ дальнѣйшимъ спорамъ и беззаконіямъ. Между правительствомъ и палатами продолжалась ожесточенная борьба до самаго поглощенія Кургессена Пруссіею.

Въ южныхъ государствахъ, гдѣ конституціонная жизнь была болѣе развита, а реакціонные элементы были менѣе сильны, движеніе 1848-го года не произвело такихъ глубокихъ перемѣнъ, но зато вызвало меньшую реакцію. Въ Баваріи, подъ вліяніемъ новаго либеральнаго направленія, былъ измѣненъ составъ нижней палаты: сословное начало уступило мѣсто представительному устройству. Въ это время

прошли и либеральные законы о выкупѣ поземельныхъ тяжестей, объ организаціи судовъ и другіе, и хотя съ министерствомъ фонъ-деръ-Пфордтена наступила реакція, однако она дѣйствовала законнымъ путемъ. Баварское правительство не прибѣгало къ самовластнымъ актамъ, къ насильственнымъ нарушеніямъ конституціи. Все ограничивалось парламентскою борьбою между министерствомъ и оппозиціею, борьбою, которая привела наконецъ къ отставкѣ фонъ-деръ-Пфордтена. Сильнѣе было движеніе въ Виртембергѣ. Здѣсь была попытка совершенно измѣнить государственное устройство; съ этою цѣлью созвано было даже учредительное собраніе. Но послѣ тщетныхъ усилій придти къ соглашенію, оно было распущено, и конституція 1819-го года возстановлена во всей своей силѣ. Въ одномъ Баденѣ произошло не только броженіе, но и вооруженное возстаніе въ пользу германской конституціи. Однако оно было скоро подавлено прусскими войсками, и прежній законный порядокъ остался ненарушимъ. Въ южныхъ государствахъ, плодомъ движенія 1848-го года было только усиленіе либеральныхъ началъ, которыя перешли въ законодательство и отразились на болѣе оживленной политической жизни.

Но главнымъ результатомъ событій 1848-го года было распространеніе представительныхъ учрежденій на великія германскія державы. Въ Австріи, паденіе системы Меттерниха было подготовлено венгерскимъ движеніемъ, которое принимало болѣе и болѣе демократическій оборотъ. Вѣсть о революціи въ Парижѣ немедленно вызвала либеральныя заявленія въ австрійскихъ областяхъ, и когда, наконецъ, въ самой Вѣнѣ начались манифестаціи, правительство почувствовало себя неспособнымъ остановить всеобщее теченіе. Въ сущности, оно потеряло голову при этомъ внезапномъ поворотѣ дѣлъ. Меттернихъ долженъ былъ выѣхать изъ Австріи, и новое правительство сдѣлало всевозможныя уступки либерализму. Испугавшись студенческихъ демонстрацій, оно дало оружіе народу и созвало представительное собраніе. Но уступки, вызванныя страхомъ, не могли установить прочнаго порядка вещей. Безсиліе правительства только разнуздывало страсти и давало просторъ революціоннымъ стремленіямъ. Всѣ народности, входящія въ составъ имперіи, разомъ предъявили свои требованія, такъ что представительное собраніе являло подобіе вавилонскаго столпотворенія. При этомъ, дѣло, разумѣется, не могло идти. Единственнымъ серьознымъ результатомъ дѣятельности сейма было

разрѣшеніе крестьянскаго вопроса, предписанное настоятельною необходимостью. Съ своей стороны, нѣмецкая партія, предводимая вѣнскими студентами, оказалась совершенно несостоятельною. Смуты слѣдовали за смутами; императоръ тайно бѣжалъ изъ Вѣны; военный министръ былъ звѣрски умерщвленъ разъяренною толпою. Наконецъ, сила оружія положила конецъ революціи; Вѣна была взята княземъ Виндишгрецомъ. Австрійское правительство торжествовало и въ Италіи и въ собственныхъ земляхъ. Оставалось одно венгерское возстаніе, съ которымъ бороться было труднѣе.

Въ Венгріи, сеймъ 1848-го года произвелъ коренное измѣненіе старинной конституціи: владычество дворянства было уничтожено; народное представительство устроено на чисто демократическихъ основахъ. Вмѣсто прежней придворной канцеляріи, которая изъ Вѣны управляла Венгріею, установлено было отдѣльное венгерское министерство, отвѣтственное передъ палатами. Венгрія превратилась въ чисто конституціонное государство, связанное съ Австріею единственно лицемъ императора. Это было уже и прежде, но тогда сеймъ далеко не обладалъ такими правами, а правительственная власть, сосредоточенная въ придворной канцеляріи, имѣла гораздо болѣе силы и независимости. Новые законы грозили распаденіемъ Австрійской имперіи, но правительство, находясь въ полномъ безсиліи, уступало требованіямъ всякаго рода. Законы 1848-го года были утверждены императоромъ. Сопротивленіе притязаніямъ Венгерцевъ вышло не изъ Вѣны, а изъ Кроаціи, которая также имѣла свои національныя стремленія, считала свои права нарушенными, и хотѣла сдѣлаться независимою отъ Венгріи. Вспыхнула междоусобная война, въ которой австрійское правительство стало на сторону Хорватовъ. Венгерцы боролись съ необыкновенною энергіею; послѣ многократныхъ побѣдъ, сеймъ объявилъ австрійскую династію низложенною. Но вмѣшательство Россіи и здѣсь положило конецъ возстанію.

Пока венгерскія дѣла находились въ сомнительномъ положеніи, австрійское правительство считало нужнымъ разыгрывать конституціонную роль. Въ Кремсирѣ собранъ былъ сеймъ, который занимался составленіемъ конституціи. Но какъ скоро венгерская война приняла благопріятный для Австріи оборотъ, собраніе было распущено, и правительство самовластно издало конституцію для всей имперіи. Однако не на долго. По усмиреніи Венгріи, исчезли послѣдніе признаки

свободы. Дарованная конституція была отмѣнена, не вступивъ даже въ силу. Водворился абсолютизмъ, болѣе безграничный, нежели при Меттернихѣ, ибо Венгрія лишилась своихъ политическихъ правъ. Но способы дѣйствія были теперь иные. Вмѣсто прежняго застоя, вмѣсто чрезмѣрнаго уваженія къ историческимъ правамъ и началамъ, произошла всеобщая ломка. Она была вызвана недавними событіями. При первомъ появленіи свободы, Австрія готова была распасться, вслѣдствіе стремленія врозь народностей, входящихъ въ ея составъ. Необходимо было противодѣйствовать этому злу. Казалось, лучшимъ для этого средствомъ было возможно большее объединеніе государства. Подавленіе революціи представляло и самый удобный поводъ къ уничтоженію мѣстныхъ особенностей. Поэтому правительство воспользовалось возстановленіемъ своей безграничной власти для произведенія насильственной централизаціи.

Нельзя не признать искусства и энергіи, съ которыми оно дѣйствовало. Значительныя матеріяльныя улучшенія, особенно сѣти желѣзныхъ дорогъ, которыми покрылось государство, преобразованія въ народномъ просвѣщеніи, совершенныя графомъ Туномъ, финансовыя мѣры геніальнаго Брука, все это клонилось къ обновленію имперіи и должно было поднять ее на новую высоту. А между тѣмъ, все это осталось безплоднымъ, ибо не было живой силы, на которую правительство могло опереться въ своихъ централизаціонныхъ стремленіяхъ. Одно войско не въ состояніи было служить связью государству; ибо какъ внутреннее развитіе Австріи, такъ и внѣшнія ея отношенія требовали содѣйствія общественныхъ силъ. Аристократія тянула врозь, вслѣдъ за различными народностями. Правительство пробовало опереться на духовенство и заключило съ римскимъ дворомъ конкордатъ, предоставлявшій католической церкви огромныя преимущества; но эта мѣра, противная требованіямъ и государства и свободы, возбудила крайнее неудовольствіе въ обществѣ, привязанномъ къ порядку новаго времени. Для утвержденія централизаціи нужна была преобладающая народность; но нѣмецкое населеніе, которымъ искони держалась Австрійская имперія, черпало изъ Германіи либеральный духъ и требовало свободы.

Такимъ образомъ, внутри государства правительство не находило опоры, а между тѣмъ оно окружено было громадными внѣшними затрудненіями По своему положенію, Австрія со всѣхъ сторонъ прихо-

дитъ въ столкновеніе съ интересами сосѣднихъ державъ. Въ Германіи, она является соперницею Пруссіи, на Востокѣ Россіи, въ Италіи Франціи. Отсюда необходимость постояннаго напряженія силъ, которое мѣшаетъ спокойному внутреннему устройству и требуетъ живаго содѣйствія гражданъ. Поэтому, для Австріи охранительная политика въ европейскихъ дѣлахъ точно также необходима, какъ и внутри государства. Но съ 1848-го года поднялись всѣ европейскіе вопросы, постоянно вызывая австрійское правительство на новыя усилія. Съ Пруссіею оно справилось при помощи Россіи, заставивъ ее отказаться отъ всѣхъ попытокъ на предводительство въ Германіи. Затѣмъ возникъ восточный вопросъ. Здѣсь Австрія естественно явилась союзницею западныхъ державъ, и хотя она избѣжала войны, однако занятіе Дунайскихъ княжествъ потребовало значительныхъ издержекъ. Наконецъ, произошло столкновеніе съ Италіею, за которую вступилась Франція. Австрійское войско было разбито; правительство должно было заключить невыгодный миръ, а съ этимъ вмѣстѣ рушилась и вся его система. Первая внѣшняя неудача обличила несостоятельность внутренняго порядка. Нужно было обратиться къ народнымъ силамъ, искать въ нихъ опоры.

Но здѣсь возникли новыя затрудненія. Изъ народностей, входящихъ въ составъ Австрійской имперіи, каждая имѣетъ свои стремленія и свою программу, противоположную другимъ. Итальянцы хотѣли полнаго отдѣленія отъ Австріи и присоединенія къ Итальянскому королевству; Венгры требовали возстановленія своей конституціи, отмѣненной въ 1849-мъ году; Славяне стремились къ федеративному устройству, а Нѣмцы искали объединенія государства посредствомъ представительныхъ учрежденій. Устраняя требованія Итальянцевъ, австрійское правительство должно было выбирать между венгерскимъ дуализмомъ, славянскимъ федерализмомъ и нѣмецкимъ централизмомъ. На первыхъ порахъ, естественно побѣдилъ послѣдній; нѣмецкое правительство не могло обойти этой попытки установить единство имперіи. Дипломомъ 20-го октября 1860-го года, возвѣщено было вступленіе Австріи въ ряды конституціонныхъ государствъ. По своей неопредѣленности, этотъ указъ возбуждалъ разнообразныя надежды, а потому былъ встрѣченъ сочувствіемъ съ разныхъ сторонъ. Но Патентъ 26-го февраля 1861-го года, которымъ окончательно опредѣлилось новое государственное устройство, провозгласилъ торжество нѣмец-

кой партіи. Для всей имперіи учрежденъ былъ центральный сеймъ, на который возложено обсужденіе общихъ дѣлъ. Сюда отнесены: военное устройство, общіе финансы, кредитъ, торговыя дѣла, общіе пути сообщенія. Законы же, касавшіеся мѣстныхъ нуждъ, предоставлены областнымъ сеймамъ, установленнымъ въ отдѣльныхъ провинціяхъ. Однако, такъ какъ земли, не принадлежащія къ венгерской коронѣ, находятся между собою въ ближайшей связи, то для дѣлъ, общихъ этимъ областямъ, учреждено отдѣленіе имперскаго собранія, подъ именемъ Тѣснаго Сейма, который долженъ былъ состоять единственно изъ представителей отъ этихъ земель. Это была уступка требованіямъ дуализма.

На основаніи февральскаго Патента, повсюду, кромѣ Венеціи, созваны были областные сеймы, которые должны были изъ своей среды послать представителей въ общее собраніе. Но здѣсь правительство встрѣтило сильнѣйшее противодѣйствіе со стороны Венгерцевъ. Они считали права свои нарушенными включеніемъ ихъ въ составъ Австрійской имперіи, тогда какъ Венгрія искони состояла въ личномъ соединеніи съ Австріею. Венгерцы непоколебимо стали на точку зрѣнія историческаго права. Они требовали возстановленія, не только прежней своей конституціи, но и нововведеній 1848-го года, законно утвержденныхъ императоромъ. Всѣ послѣдующія событія они считали нарушеніемъ права, а потому не только не соглашались послать представителей въ имперское собраніе, но объявили незаконными подати, самовольно взимаемыя австрійскимъ правительствомъ. Послѣднее должно было распустить венгерскій сеймъ, взимать налоги силою и ввести въ Венгріи военное положеніе.

Точно также и Кроація отказалась отъ выбора представителей въ общее собраніе; Трансильванія же склонилась къ этому уже въ 1864-мъ году. Такимъ образомъ, имперскій сеймъ состоялъ единственно изъ представителей нѣмецкихъ и нѣкоторыхъ славянскихъ земель. Но между тѣми и другими кипѣла ожесточенная борьба. Всѣ усилія Чеховъ и Поляковъ клонились къ ослабленію февральской конституціи и къ расширенію правъ областныхъ сеймовъ. Этому противилось нѣмецкое большинство, въ которомъ министерство находило поддержку. Наконецъ, дѣло дошло до разрыва. Когда правительство представило на обсужденіе собранія общій бюджетъ имперіи, выборные славянскихъ земель отказались участвовать въ преніяхъ, объявивъ

сеймъ не компетентнымъ, за отсутствіемъ представителей многихъ областей. Надобно было обсуждать бюджетъ единственно съ Нѣмцами. Въ послѣдствіи, Чехи совершенно вышли изъ собранія; Поляки же остались въ немъ, съ цѣлью проводить свои виды въ польскомъ вопросѣ.

Нѣкоторое время казалось, что и при такихъ невыгодныхъ условіяхъ, дѣло можетъ пойти на ладъ. Благопріятныя обстоятельства подняли кредитъ имперіи, польскій вопросъ возвысилъ европейское значеніе Австріи, которую въ особенности Франція старалась склонить на свою сторону. Друзья свободы съ торжествомъ указывали на благотворное дѣйствіе представительныхъ учрежденій. Однако возбужденныя надежды рушились быстро. Между правительствомъ и собраніемъ произошелъ разрывъ. Не смотря на то, что министерство Шмерлинга было единственною надеждою нѣмецкой партіи, послѣдняя не хотѣла долѣе его поддерживать и начала противъ него мелочную оппозицію. Съ другой стороны, внутреннее состояніе Австріи нисколько не улучшилось отъ введенія конституціоннаго порядка. Финансы остались въ прежнемъ положеніи; кредитъ снова упалъ. Единственнымъ результатомъ либеральныхъ учрежденій было значительное возвышеніе податей, на которое не рѣшалось самодержавное правительство. Но это не избавило Австрію отъ новыхъ, разорительныхъ займовъ. Наконецъ, и во внѣшней политикѣ вскорѣ обнаружилась несостоятельность новаго правительства. Австрія позволила Пруссіи втянуть себя въ шлезвигъ-гольштейнскую экспедицію, и вышла изъ нея обманутою. Оказалось, что она дѣйствовала въ пользу врага. Гаштейнская конвенція обличила полное внутреннее безсиліе. Съ этимъ вмѣстѣ кончила свое существованіе и кратковременная февральская конституція. Нѣмецкая централизаціонная система не въ состояніи была установить прочный порядокъ. Надобно было обратиться къ другимъ попыткамъ и прежде всего умиротворить Венгрію. На этомъ Австрію застигла послѣдняя война, которая сокрушила ея могущество, но не разрѣшила внутреннихъ противорѣчій. Въ прежнее время, при господствѣ самодержавія, Австрія, послѣ пораженій, могла снова подниматься на бо́льшую высоту. Но развитіе свободы ведетъ имперію къ распаденію. Только сильное правительство въ состояніи сдерживать противоборствующія стремленія народностей; напротивъ, неудачи, ослабляя центральную власть, даютъ новую пищу сепаратизму.

Конституціонный порядокъ можетъ произвести здѣсь только хаосъ и междоусобія. Исхода не предвидится никакого.

Не столь неблагопріятны были обстоятельства въ Пруссіи; однако и здѣсь, конституціонный порядокъ, послѣ семнадцатилѣтнихъ испытаній, не успѣлъ утвердиться прочнымъ образомъ. Движеніе 1848-го года застигло прусское правительство точно также въ расплохъ, какъ и австрійское. Немедленно созванъ былъ Соединенный Ландтагъ, который, подъ вліяніемъ демократическихъ идей, выработалъ избирательный законъ, основанный на всеобщемъ правѣ голоса. Изъ этихъ выборовъ вышло Національное Собраніе, которому предложенъ былъ составленный правительствомъ проектъ конституціи. Но въ представительствѣ господствовала крайняя демократія, которая, считая себя учредительною властью въ государствѣ, хотѣла навязать правительству свой собственный проектъ. Собраніе дѣйствовало революціоннымъ путемъ: оно давало предписанія министрамъ даже по дѣламъ управленія; оно искало опоры въ народной массѣ и возбудило въ столицѣ волненіе, которое сдѣлалось опаснымъ. Правительство рѣшилось перенести засѣданія въ Бранденбургъ. Но большинство собранія не только не хотѣло повиноваться этому рѣшенію, но собравшись самовольно, отказало правительству въ податяхъ. Надобно было прибѣгнуть къ военной силѣ; Берлинъ былъ объявленъ въ осадномъ положеніи. Король собственною властью издалъ конституцію и избирательный законъ, не столь демократическій, какъ прежній, однако на весьма широкихъ основахъ. Въ началѣ 1849-го года созваны были новыя палаты, которыя приняли дарованную конституцію, подъ условіемъ пересмотра, и такимъ образомъ дали ей юридическое освященіе. Казалось, законный порядокъ отнынѣ могъ водвориться въ государствѣ; однако на дѣлѣ вышло иначе. Между правительствомъ и нижнею палатою снова произошли столкновенія, главнымъ образомъ по вопросу о принятіи имперской короны, которую король отклонилъ. Когда, вслѣдъ за тѣмъ, собраніе объявило незаконнымъ осадное положеніе въ Берлинѣ, оно было распущено, и правительство снова, помимо всякаго права, издало избирательный законъ, уже совершенно въ другомъ смыслѣ, нежели прежніе. Избиратели раздѣлены были на три разряда, по количеству платимыхъ податей; каждый разрядъ долженъ былъ выбирать одинакое съ другими количество выборщиковъ, которые уже всѣ вмѣстѣ выбирали представителей. Перевѣсъ давался такимъ образомъ

среднимъ классамъ, а не низшимъ. Такъ какъ демократическая партія, протестуя противъ самовольнаго акта, отказалась отъ выборовъ, и вообще въ Германіи въ это время повѣялъ духъ реакціи, то правительство на этотъ разъ могло получить большинство ему преданное. Конституція была подвергнута пересмотру, и наконецъ, 31-го января 1850 года, вступила въ законную силу на основаніи всеобщаго соглашенія.

Главными опорами этого реакціоннаго движенія были войско, бюрократія и дворянство. Послѣднее въ правахъ уравнялось почти съ остальными сословіями, но не слилось съ ними на дѣлѣ. Образуя крѣпкую партію, съ теоретическою программою, оно сомкнулось около престола и засѣло особенно въ верхней палатѣ [1]). Союзъ дворянства съ бюрократіею характеризуетъ министерство Мантейфеля, которое всѣми силами старалось упрочить побѣду реакціи. Съ этою цѣлью, законодательству сообщенъ былъ попятный ходъ, остановлено приложеніе либеральнаго общиннаго закона, возстановлены не только окружныя земскія собранія съ огромнымъ перевѣсомъ дворянства, но въ нѣкоторыхъ областяхъ даже и вотчинная полиція, отмѣненная въ 1848-мъ году. Къ этому присоединялось самое обширное и стѣснительное развитіе полицейскихъ мѣръ. Все это однако не привело къ желаннымъ результатамъ. Въ успокоенномъ народонаселеніи съ новою силою пробудилось стремленіе къ свободѣ, которое наконецъ восторжествовало, когда, вслѣдствіе болѣзни Фридриха-Вильгельма IV-го, регентство принялъ нынѣшній король. Немедленно было составлено умѣренно-либеральное министерство, которое, опираясь на большинство палаты представителей, возбудило самыя горячія надежды не только въ Пруссіи, но и въ цѣлой Германіи. Взоры всѣхъ устремились на новое прусское правительство.

Это счастливое согласіе между монархомъ и народомъ было однако не болѣе, какъ мимолетнымъ явленіемъ. Вскорѣ возникъ вопросъ, который раздѣлилъ ихъ глубже, нежели когда-либо. Король былъ убѣж-

---

[1]) Она состоитъ: 1) изъ принцевъ королевскаго дома, назначаемыхъ королемъ; 2) изъ наслѣдственныхъ членовъ высшей аристократіи и другихъ лицъ, назначенныхъ королемъ; 3) изъ пожизненныхъ членовъ, назначаемыхъ королемъ по представленію нѣкоторыхъ духовныхъ учрежденій, графовъ, владѣльцевъ рыцарскихъ имѣній, родовъ, отличающихся значительною поземельною собственностью, союзовъ стараго, упроченнаго землевладѣнія, наконецъ, университетовъ и нѣкоторыхъ городовъ.

денъ въ необходимости преобразованія войска. На это нужно было согласіе палатъ, безъ котораго существующіе законы не могутъ быть измѣняемы. Само правительство это признавало, ибо не разъ представляло палатамъ проекты военной реорганизаціи. На это требовались, сверхъ того, и новые расходы, которые также не могли быть произведены безъ согласія народнаго представительства. Но послѣднее стояло за старое устройство, освященное славною войною за независимость. Во время итальянской кампаніи 1859-го года, побуждаемая смутнымъ состояніемъ Европы, и желая оказать довѣріе министерству, палата согласилась дать правительству временный кредитъ на увеличеніе военныхъ издержекъ; но далѣе она не хотѣла идти. Предложенный ей законъ о преобразованіи войска былъ встрѣченъ сильною оппозиціею, такъ что правительство принуждено было взять его назадъ.

Конституціонныя начала не только англійскаго, но всякаго, даже и нѣмецкаго государства, очевидно требовали, чтобы правительство, какъ бы ни были справедливы его воззрѣнія, уступило, если оно не надѣялось, посредствомъ новыхъ выборовъ, склонить большинство на свою сторону. Никакой конституціонный государь не можетъ имѣть притязанія на самовластное измѣненіе законовъ. Но прусское правительство, привыкшее въ предъидущіе годы дѣйствовать помимо права, не остановилось за подобными препятствіями. Оно рѣшилось не только отстоять военную реорганизацію, но и править вовсе безъ бюджета, ибо палата не соглашалась болѣе на возвышеніе военныхъ издержекъ. Прусская конституція отчасти подаетъ къ этому поводъ, тѣмъ, что разрѣшаетъ взиманіе податей на старомъ основаніи, до утвержденія новаго бюджета. Однако съ другой стороны, сообразно съ конституціонными началами, она требуетъ установленія государственной росписи ежегодно и не допускаетъ самовольнаго ея продолженія на новый срокъ. Правительство представляло даже проектъ закона, разрѣшающаго продолженіе старой росписи на нѣсколько мѣсяцевъ, въ случаѣ, если новая не будетъ утверждена во время. Этотъ проектъ единственно потому не получилъ законной силы, что палаты, признавая принципъ, не могли согласиться на счетъ срока. Но никому не приходила въ голову возможность безсрочнаго продолженія росписи. Честь этого изобрѣтенія принадлежитъ графу Бисмарку. Защитники его ссылаются на государственную необходимость и утверждаютъ, что въ этомъ отноше-

нія конституція представляетъ пробѣлъ; но для всякаго безпристрастнаго судьи управленіе безъ бюджета, утвержденнаго палатами, не можетъ являться иначе, какъ нарушеніемъ основнаго закона государства.

Со вступленіемъ въ министерство графа Бисмарка, который замѣнилъ прежнихъ умѣренныхъ либераловъ, отношенія правительства къ нижней палатѣ пріобрѣли самый странный характеръ. Вмѣсто старанія придти къ соглашенію, которое составляетъ нравственную обязанность всякаго конституціоннаго правительства, министерство приняло надменный и вызывающій тонъ; оно какъ бы намѣренно позволяло себѣ рѣзкія выходки и легкомысленное дразненіе, не совмѣстное ни съ достоинствомъ власти, ни съ тѣмъ уваженіемъ, которое должно быть оказано народному представительству, какъ законному выраженію мнѣнія земли. Самая особа короля была вовлечена въ мелкія ссоры. При такомъ способѣ дѣйствія, очевидно нельзя было ожидать ничего, кромѣ бóльшаго и бóльшаго раздраженія. Правительство распускало палату за палатою, но выборы всякій разъ присылали ему болѣе непріязненное большинство. Въ настоящее время обнаружились тѣ тайные замыслы, которые скрывались за этою, съ перваго взгляда дикою политикою. Графъ Бисмаркъ затѣвалъ войну съ Австріею, имѣя въ виду объединеніе Германіи подъ предводительствомъ Пруссіи. Понятно, что онъ стоялъ за значительное усиленіе войска, хотя не могъ привести нужныхъ доводовъ въ пользу этой мѣры. Но непостижимо, какимъ образомъ глумленіе надъ представительствомъ земли, поруганіе конституціи, развращеніе судей противозаконными приговорами, внушенными сверху, и тому подобныя дѣйствія могли служить средствомъ къ достиженію этой цѣли. Популярность Пруссіи и ея правительства могли только выиграть отъ иной внутренней политики.

Естественнымъ посредникомъ при подобныхъ столкновеніяхъ правительства съ народомъ должна быть верхняя палата. Но прусская палата господъ далека отъ мудрости англійской аристократіи, которая можетъ умѣрять движеніе, потому что стоитъ во главѣ его. Своимъ составомъ, она представляетъ не высшую политическую способность, а обломки отжившаго сословнаго порядка. Изъ нихъ образовалась партія съ исключительнымъ направленіемъ, не идущая съ народомъ, а обращенная противъ него. Поэтому верхняя палата не въ состояніи занять подобающее ей мѣсто посредника и примирителя въ

распряхъ. Она не имѣетъ корней въ народной жизни и должна пасть при первомъ толчкѣ.

Съ другой стороны, средніе классы, главные представители конституціонныхъ началъ и либеральныхъ идей, не обладаютъ достаточною силою, чтобы доставить торжество своимъ убѣжденіямъ. Съ конституціонной точки зрѣнія, состояніе Пруссіи передъ последнею войною во многомъ напоминало положеніе Франціи въ 1830-мъ году. Но въ послѣдней, за средними классами, которые препирались за свободу въ палатахъ, стоялъ цѣлый народъ, воспитанный въ преданіяхъ революціи; тамъ войско имѣло чисто демократическій характеръ. Противъ нихъ, старое дворянство и королевская власть, потерявшія свои историческіе корни, оказались вполнѣ несостоятельными. Въ Пруссіи, напротивъ, дворянскіе элементы до сихъ поръ составляютъ значительную общественную силу, которая господствуетъ и въ войскѣ. Низшіе классы политически не развиты, а средніе не имѣютъ ни довольно внутренней связи, ни практическаго смысла, ни въ особенности энергіи. Графу Бисмарку хорошо извѣстно, что при добродушномъ и нѣсколько мечтательномъ характерѣ Нѣмцевъ, дерзость бываетъ нерѣдко лучшимъ средствомъ для достиженія цѣли. Расчитывая на полное ничтожество всѣхъ своихъ соперниковъ, онъ выступилъ во имя силы, полагая въ ней главное значеніе Пруссіи, и не заботясь ни о правѣ, ни о нравственности, ни о свободѣ.

Расчетъ увѣнчался полнымъ успѣхомъ. Сначала былъ ограбленъ слабѣйшій сосѣдъ, подъ предлогомъ защиты правъ Шлезвигъ-Гольштейна, но въ сущности для того, чтобы конфисковать эти самыя права въ свою пользу, безъ малѣйшей тѣни справедливости. Затѣмъ, возбуждена была междоусобная война, въ которой прусское оружіе одержало блестящія побѣды надъ согражданами, не умѣвшими защищаться. Австрія, позорно обманутая, была еще позорнѣе побита; южныя государства оказались совершенно неспособными сопротивляться даже слабому отряду прусскихъ войскъ. Тогда прусское правительство окончательно сбросило съ себя личину. Король, который упорно стоялъ за монархическое начало, явился революціонеромъ и снялъ вѣнцы съ главы своихъ собратій и родственниковъ. Право силы восторжествовало.

Для Германіи подобный исходъ не безполезенъ. Она нуждалась въ силѣ, которая могла бы сдѣлаться для нея средоточіемъ. Самая Европа

должна выиграть отъ возрастанія державы, которая, находясь въ центрѣ материка, можетъ служить лучшею задержкою честолюбивымъ замысламъ Франціи. Но для объединенія Германіи недостаточно одной физической силы. Чтобы связать то разнообразіе элементовъ, которое, проявляя всю глубину германскаго духа, составляетъ лучшее его достояніе, необходима прежде всего сила нравственная, нужно уваженіе къ закону, умѣніе ладить съ свободою. Прусское правительство доселѣ поступало совершенно наперекоръ этимъ началамъ. Вмѣсто того, чтобы искать опоры въ Германіи, графъ Бисмаркъ заключилъ союзъ съ иноземцами противъ соотечественниковъ, и если слабѣющій императоръ Французовъ попался въ собственныя сѣти, если онъ немедленно долженъ былъ отступиться отъ неосторожно предъявленныхъ требованій, то кто можетъ поручиться за завтрашній день? Пруссіи предстоитъ еще жестокая борьба съ внутренними и съ внѣшними врагами. Такое положеніе требуетъ тѣснѣйшаго соединенія всѣхъ силъ земли; по доселѣ графъ Бисмаркъ показывалъ только умѣніе ссориться, а не ладить. Среди внутреннихъ распрей, которыя онъ разжигалъ всѣми способами, онъ оттолкнулъ отъ себя либерализмъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ нанесъ окончательный ударъ своей собственной партіи, которую онъ принесъ въ жертву революціонной внѣшней политикѣ. Чтобы гдѣ нибудь найти опору, онъ принужденъ былъ вызвать на сцену демократію, и дать ей полнѣйшее преобладаніе въ сѣверо-германскомъ парламентѣ. Къ демократіи любятъ обращаться правительства, которыя предпочитаютъ временную покорность прочности учрежденій; но часто она обманываетъ ихъ расчеты. Можно предвидѣть, что она одна выйдетъ побѣдительницею изъ всѣхъ этихъ переворотовъ. Франція и Германія помирятся, развѣ когда торжествующіе демократы подадутъ другъ другу руку черезъ Рейнъ.

Пруссія разыграла въ Германіи туже роль, какую Піемонтъ исполнилъ въ Италіи; но по своему характеру, эти два государства представляютъ два противоположные полюса. Италіи недостаетъ физической силы; при необыкновенныхъ природныхъ дарованіяхъ, Итальянцы положительно плохо дерутся. Итальянское единство совершилось подъ вѣяніемъ идеи, но съ помощью чужаго оружія. Пруссаки до сихъ поръ доказали только, что они умѣютъ драться. На сколько они способны къ чему либо другому, покажетъ исторія.

Развитіе конституціонныхъ началъ въ Германіи опять приводитъ

насъ къ тому заключенію, что политическая свобода тогда только имѣетъ прочность и приноситъ желанные плоды, когда она зиждется на согласіи общественныхъ элементовъ, участвующихъ въ народномъ представительствѣ. Въ Англіи, конституціонный порядокъ непоколибимъ, вслѣдствіе союза городскихъ состояній съ аристократіею; во Франціи, напротивъ, разрывъ между средними и низшими классами, составляющими главныя политическія силы земли, привелъ къ паденію парламентское правленіе; въ Германіи наконецъ, свободныя учрежденія доселѣ не могли упрочиться, потому что двѣ существующія въ ней общественныя стихіи, которыя имѣютъ политическое значеніе, средніе классы и высшіе, тянутъ врозь, одни на сторону свободы, другіе на сторону реакціи.

ГЛАВА V.

ЗЕМСКІЕ СОБОРЫ ВЪ РОССІИ

Ходъ русской исторіи представляетъ весьма замѣчательную параллель съ исторіею Запада. И здѣсь и тамъ, общественное развитіе начинается съ появленія германской дружины, подчиняющей себѣ туземцевъ. И здѣсь и тамъ, за первымъ, дружиннымъ періодомъ слѣдуетъ эпоха развитія вотчиннаго начала, когда общество дробится на множество отдѣльныхъ союзовъ, основанныхъ на правѣ собственности. Въ Россіи, какъ на Западѣ, рядомъ съ вотчиннымъ устройствомъ возникаютъ вольныя общины, съ державными или полудержавными правами. И вотчины и вольныя общины, почти одновременно на Востокѣ и на Западѣ, уступаютъ мѣсто единодержавію, замѣняющему средневѣковыя дробныя силы и соединяющему землю въ единое государство. Наконецъ, для довершенія сходства, Россія, какъ западные народы, проходитъ черезъ періодъ земскихъ соборовъ, за которымъ слѣдуетъ полное владычество самодержавія.

Это сродное, параллельное теченіе жизни, которое не повторяется ни у какихъ другихъ народовъ древняго и новаго міра, доказываетъ яснѣе дня, что Россія — страна европейская, которая не вырабаты-

ваетъ невѣдомыхъ міру началъ, а развивается, какъ и другія, подъ вліяніемъ силъ, владычествующихъ въ новомъ человѣчествѣ. Отсюда понятно, что сближеніе съ Европою при Петрѣ Великомъ было для нея жизненною необходимостью. Этимъ закрѣплялось и утверждалось то, къ чему она была предназначена всѣмъ предъидущимъ ходомъ своей исторіи.

Но если у каждаго европейскаго народа, при общихъ жизненныхъ основахъ, есть свои особенности, то тѣмъ болѣе имѣетъ ихъ Россія, которая долго стояла поодаль, почти не принимая участія въ общемъ развитіи. Достаточно взглянуть на ея географическое положеніе, на громадныя пространства, по которымъ разсѣяно скудное населеніе, и всякій пойметъ, что здѣсь жизнь должна была имѣть иной характеръ, нежели на Западѣ, гдѣ въ тѣсномъ кругу сталкивались и переплетались разнообразные элементы, выроставшіе изъ почвы или завѣщанные исторіею. Частыя столкновенія ведутъ къ борьбѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ укрѣпляютъ отдѣльныя стихіи и пріучаютъ ихъ къ совокупной дѣятельности. Въ пустынѣ, напротивъ, все расплывается въ ширь, человѣкъ теряется въ пространствѣ. Не смотря на однообразіе общественныхъ элементовъ, между ними исчезаетъ живая связь; нужна внѣшняя власть, господствующая надъ всѣми, чтобы привести ихъ къ прочному единству. Поэтому въ Россіи, мы замѣчаемъ бо́льшую слабость, но вмѣстѣ и бо́льшую податливость общественныхъ стихій, менѣе внутренней борьбы, но болѣе подчиненія, нежели на Западѣ. Здѣсь должно было развиться не столько начало права, истекающее изъ крѣпости самородныхъ союзовъ и изъ требованій человѣческой личности, сколько начало власти, которое одно могло сплотить необъятныя пространства и разбросанное народонаселеніе въ единое государственное тѣло. То общественное устройство, которое на Западѣ установилось само собою, дѣятельностью общества, вслѣдствіе взаимныхъ отношеній разнообразныхъ его элементовъ, въ Россіи получило бытіе отъ государства; монархія сдѣлалась исходною точкою и вожатаемъ всего историческаго развитія народной жизни. Народъ помогалъ ей всѣми силами въ устроеніи отечества, но не столько собственною инициативою, сколько подчиняясь мановенію сверху, и неся на себѣ громадныя тяжести для общаго блага. Это историческое значеніе самодержавной власти дало ей такую мощь, какой она не имѣла ни въ одной европейской странѣ, и передъ которою должны были исчезнуть вся-

кія представительныя учрежденія. Уже въ XVI-мъ вѣкѣ, иностранцы, посѣщавшіе Россію, замѣчали, что русскій царь — самый неограниченный монархъ въ Европѣ, и такимъ онъ остался доселѣ.

Развитіе самодержавія относится впрочемъ къ позднѣйшему, государственному періоду русской исторіи, который, какъ и на Западѣ, начинается съ половины XV-го столѣтія; но уже въ удѣльную эпоху, когда Россія дробилась на мелкія княжества, когда вольные слуги переѣзжали отъ одного господина къ другому, и общины говорили съ князьями, какъ съ равными, сложились условія будущаго порядка.

У насъ, какъ на Западѣ, во главѣ общества стоялъ князь съ дружиною. Но западные дружинники были гораздо могущественнѣе русскихъ. Они усѣлись на мѣстахъ, сдѣлались центрами мелкихъ, владѣльческихъ союзовъ, вступили въ прочныя, потомственныя отношешенія къ господину. Дружинная связь превратилась въ феодальную, которая, примыкая къ собственности, преимущественно поземельной, имѣла несравненно болѣе крѣпости, нежели личная, договорная служба. Въ феодализмѣ установился постоянный порядокъ служебныхъ и имущественныхъ отношеній; здѣсь господствовали неизмѣнныя, выработанныя жизнью правила и переходящія отъ одного поколѣнія къ другому права и обязанности. Вслѣдствіе этого, не только отдѣльное лице, сосредоточиваясь въ созданныхъ имъ союзахъ, пріобрѣло болѣе силы, но и связь между лицами стала прочнѣе. Феодальные владѣльцы, сидя въ своихъ наслѣдственныхъ замкахъ, окруженные вассалами, нерѣдко были въ состояніи лично сопротивляться королямъ; соединяясь, они пріобрѣтали еще большее могущество. Во имя общихъ интересовъ, они совокупными силами отстаивали свои права и не допускали произвольнаго расширенія королевской власти. Элементъ права долженъ былъ получить здѣсь необыкновенную крѣпость; изъ не го выработались и представительныя учрежденія.

Совсѣмъ другое произошло въ Россіи. И здѣсь, первоначально были тѣже элементы, какъ на Западѣ. Членъ дружины былъ не прирожденнымъ подданнымъ государства, а вольнымъ человѣкомъ, который не имѣлъ надъ собою инаго господина, кромѣ свободно признаннаго имъ самимъ. Признаніе совершалось въ силу свободнаго договора; дружинникъ вступалъ въ служебныя отношенія къ князю. Но между тѣмъ какъ на Западѣ, эти личныя, добровольныя отношенія скоро сдѣлались наслѣдственными и укрѣпились поземельною собствен-

ностью, въ Россіи они до самаго XV-го столѣтія сохранили свой временный, случайный характеръ. Бояре и слуги не усѣлись на мѣстахъ, какъ феодальные владѣльцы, не пріобрѣли мѣстной власти, а остались кочевыми наемниками. Этому содѣйствовали, какъ пустынная природа страны, такъ и отсутствіе тѣхъ жизненныхъ средствъ, которыя, накопляясь историческимъ просвѣщеніемъ, вызываютъ людей на прочную осѣдлость. Служилые люди не могли даже собрать вокругъ себя подвластное населеніе, ибо крестьяне, такъ же какъ господа, переходили съ мѣста на мѣсто по обширному пространству, укрываясь отъ всякаго преслѣдованія. Отсюда то явленіе, что до XV-го вѣка бояре и слуги переѣзжаютъ отъ одного князя къ другому, не обязываясь постоянною службою, и сохраняя за собою права и названіе вольныхъ людей. «А боярамъ и слугамъ вольнымъ воля»: таково постановленіе всѣхъ княжескихъ договорныхъ грамотъ въ удѣльный періодъ.

Но понятно, что эта кочевая жизнь не могла содѣйствовать образованію крѣпкихъ союзовъ, сдѣлаться источникомъ прочныхъ юридическихъ отношеній. Личная воля, безграничная, не знающая надъ собою власти, — таково было единственное право служилыхъ людей. Кто былъ недоволенъ княземъ, тотъ отъѣзжалъ къ другому. Поэтому мы въ Россіи не видимъ ни корпоративной связи между слугами, ни дружной ихъ дѣятельности въ отпоръ притязаніямъ князей, ни крѣпкихъ, коренящихся въ бытѣ сословныхъ правъ, которыя могли бы служить оплотомъ противъ произвола. Поэтому здѣсь жизнь не могла выработать и сословнаго представительства. Оно установилось позднѣе, дѣйствіемъ сверху, вслѣдствіе потребностей государства, а не явилось плодомъ внутренняго развитія общества. При безграничномъ господствѣ личной свободы, общественные элементы были слишкомъ слабы и безсвязны; крѣпость и прочность сообщила имъ государственная власть, возникшая изъ княжескаго вотчиннаго права. Тогда какъ бояре и слуги предпочитали личную независимость прочнымъ отношеніямъ къ землѣ, князья, напротивъ, пріобрѣли осѣдлость, изъ вождей дружины превратились въ вотчинниковъ. Вслѣдствіе этого, они сдѣлались центрами общества, собирателями и устроителями земли. Только осѣдлая жизнь и возникающія изъ нея отношенія въ силахъ создать прочный общественный бытъ.

Съ другой стороны, и вольныя общины имѣли въ Россіи гораздо менѣе внутренней крѣпости, нежели на Западѣ. Элементы общинной

жизни естественно существовали во всѣхъ русскихъ городахъ, такъ же какъ и въ западныхъ; но, за исключеніемъ Новгорода и Пскова, нигдѣ эти смутные зачатки самоуправленія не могли выработать изъ себя прочной организаціи. На Югѣ и на Сѣверо-востокѣ, мы видимъ случайныя сходки гражданъ; общины иногда призываютъ или выгоняютъ князей; но эти явленія, естественныя при господствовавшей безурядицѣ, при отсутствіи государственной власти, не успѣли утвердиться, не перешли въ постоянныя учрежденія. А это въ общественной жизни главное дѣло. Тотъ элементъ получаетъ въ ней силу и значеніе, который умѣетъ упрочиться, пріобрѣсти постоянныя права, сдѣлаться органомъ власти. Изъ русскихъ общинъ, только Новгородъ и Псковъ выработали прочную общинную организацію; и это служитъ доказательствомъ, что начала права и политической свободы не были чужды русскому обществу, что они искони лежали въ немъ, какъ и во всѣхъ другихъ европейскихъ народахъ. Но при внутренней слабости и безсвязности общественныхъ элементовъ, эти начала могли произвести одинокія явленія, но не были способны занять мѣсто въ общемъ государственномъ организмѣ. Новгородъ и Псковъ стояли уединенно среди русской земли; ихъ жизнь, ихъ внутреннія движенія не находили отголоска за предѣлами ихъ областей. Тогда какъ на Западѣ, который весь былъ усѣянъ вольными общинами, города заключаютъ союзы между собою, завоевываютъ себѣ права, вступаютъ въ составъ земскихъ чиновъ, гдѣ играютъ видную роль, отношенія Новгорода къ великимъ князьямъ представляютъ одинокую борьбу державной общины съ болѣе и болѣе усиливающеюся монархическою властью. Эта борьба не могла кончиться въ пользу первой, ибо вольная община была неспособна не только объединить землю, но даже создать какой либо общій государственный элементъ. На это нужно было крѣпкое, сильное внутреннею жизнью городское сословіе, чего у насъ никогда не было. Отсюда то поразительное явленіе, что жизнь Новгорода и Пскова, со всею шириною развивающейся въ нихъ политической свободы, прошла въ русской исторіи совершенно безслѣдно, не оставивъ по себѣ ни преданій, ни общественныхъ силъ, ни какихъ либо учрежденій въ государствѣ. Податливая природа русскаго человѣка легко забываетъ прошедшее, приноравливаясь къ настоящему, и уступая дѣятельности сверху.

Еще менѣе могло выработаться прочное общественное устройство

изъ сельскихъ общинъ. На Западѣ, и онѣ получили политическое значеніе въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ слабѣе были вотчинные элементы Представители ихъ засѣдали иногда въ сословныхъ собраніяхъ, либо въ отдѣльной палатѣ, либо вмѣстѣ съ городами; въ иныхъ странахъ, напримѣръ въ нѣкоторыхъ швейцарскихъ кантонахъ, въ Фрисландіи, на сельскихъ общинахъ строился весь политическій бытъ. Въ Россіи же, не смотря на то, что крестьяне, при бродячемъ состояніи общества, сохранили въ средніе вѣка бо́льшую свободу, нежели вообще на Западѣ, они не были въ состояніи ни добыть себѣ общественныхъ правъ, ни устроить себѣ прочный порядокъ. Кромѣ низкой степени образованія, этому препятствовала самая личная свобода, которая, такъ же, какъ у дружинниковъ, дозволяла имъ кочевать съ мѣста на мѣсто, но мѣшала твердой организаціи. Поэтому, въ средневѣковой или удѣльный періодъ, присутствіе крестьянскаго сословія едва замѣтно въ исторіи. Права общинъ, ихъ участіе въ мѣстномъ судѣ и управленіи, установляются позднѣе, подъ вліяніемъ государственной власти; но съ этимъ вмѣстѣ, крестьяне теряютъ личную свободу и становятся крѣпостными. Объ этомъ будетъ рѣчь ниже.

При такой безсвязности общественныхъ элементовъ, проистекавшей и отъ природныхъ условій страны и отъ недостатка накопленнаго исторіею просвѣщенія, при господствѣ личной независимости, при слабости корпоративнаго начала, соединяющаго отдѣльныя лица въ самородные, прочные союзы, естественно не могло выработаться сословное представительство, которое предполагаетъ именно внутреннюю связь и дружную дѣятельность различныхъ общественныхъ стихій. Для соединенія разсѣянныхъ, разобщенныхъ силъ нужна была власть, стоящая надъ ними, отъ нихъ независимая; она явилась въ лицѣ московскихъ государей. Ея установленію значительно содѣйствовало татарское владычество, которое, подчиняя народъ внѣшнему игу, пріучило его къ покорности. Нѣтъ сомнѣнія, что съ одной стороны, оно отразилось невыгодно на народномъ характерѣ, оставивъ по себѣ рабскія понятія и привычки. Едва ли безъ татарскаго ига государственное подданство могло развиться въ формѣ холопства. На Западѣ, подданническія отношенія строились по типу Римской имперіи, въ которой, при всей неограниченности власти монарха, господствовали понятія, основанныя на государственныхъ началахъ. Въ Россіи, образцомъ служила восточная деспотія. Элементъ права, и безъ того

слабо развитый, долженъ былъ совершенно исчезнуть изъ политической области, уступая мѣсто безграничному началу власти. Самое существенное право западныхъ сословій, то, которое явилось главною пружиною развитія представительныхъ учрежденій, согласіе на взиманіе податей, не могло выработаться въ землѣ, привыкшей платить дань по приказанію татарскаго хана. Если въ Россіи существовали зачатки политической свободы, то владычество Татаръ должно было ихъ заглушить. Но съ другой стороны, это самое владычество болѣе всего способствовало установленію единой, сильной, центральной власти, безъ которой русское общество не могло обойтись, которая сдѣлала Россію тѣмъ, чѣмъ она есть. Какъ сложилось бы русское государство безъ покоренія Россіи Татарами, мы не знаемъ; но очевидно, что это внѣшнее событіе помогло естественному ходу исторіи, усиливая перевѣсъ того элемента, который, по самому строю жизни, долженъ былъ стать во главѣ общества.

Государственная власть имѣла въ Россіи иныя задачи, нежели на Западѣ. Тамъ она вступила въ борьбу съ крѣпко организованными, самородными силами; подчиняя ихъ себѣ, она принуждена была входить съ ними въ сдѣлки, удѣлять имъ извѣстное участіе въ общихъ дѣлахъ. Начала свободы, завѣщанныя средними вѣками, уступая единодержавію, не заглохли совершенно. Въ нѣкоторыхъ странахъ, они сохранялись непрерывно, въ другихъ послужили источникомъ позднѣйшаго возрожденія. Въ Россіи, государству предстояло прежде всего укрѣпить и устроить самый общественный бытъ, который, при господствѣ личной независимости, при кочевомъ состояніи населенія, представлялъ массу разрозненныхъ, бродячихъ элементовъ, лишенныхъ внутренней связи и организаціи. Здѣсь все общественное зданіе должно было воздвигаться рукою власти; недостатокъ самодѣятельности въ народѣ долженъ былъ восполниться избыткомъ дѣятельности правительства.

Первымъ дѣломъ государственной власти было укрѣпленіе сословій. Прежде всего, эта участь постигла служилыхъ людей. Право отъѣзда было уничтожено; вольные бояре и слуги сдѣлались холопами государя, которые должны были служить ему въ теченіи всей своей жизни. Съ этою цѣлью, имъ раздавались помѣстья; они получили не только постоянныя обязанности, но и поземельную осѣдлость. Такимъ образомъ, значеніе дворянства, какъ сословія, несущаго службу съ своихъ

земель, то самое значеніе, которое въ феодальномъ мірѣ выработалось само собою, изъ жизни, въ Россіи было установлено государствомъ. Но по этому самому, подчиненіе дворянства государственной власти было здѣсь несравненно сильнѣе, нежели на Западѣ. Затѣмъ дошла очередь и до низшихъ сословій. Тяглые люди, городовые и сельскіе обыватели, а наконецъ и помѣщичьи крестьяне, были прикрѣплены къ мѣстамъ; каждый, сообразно съ своимъ назначеніемъ, долженъ былъ нести службу. Это было общее тягло, наложенное на всѣ сословія во имя государственной пользы; всѣ одинаково сдѣлались крѣпкими государству. Но понятно, что это общее крѣпостное состояніе сословій не могло содѣйствовать развитію началъ права, хотя оно было необходимо для прочной организаціи общинъ и управленія, для обезпеченія правильнаго исполненія обязанностей, финансовыхъ и служебныхъ, однимъ словомъ, для того, чтобы хаотическое общество могло получить крѣпкій строй. Въ основаніе всего государственнаго быта легло начало обязанности, подчиненія, въ гораздо болѣе обширныхъ размѣрахъ, нежели въ какой-либо другой европейской странѣ. Поэтому въ Россіи не могло быть рѣчи о представительствѣ, облеченномъ политическими правами. Крѣпостные люди не имѣютъ правъ относительно господина; они пользуются только льготами, которыя всегда могутъ быть у нихъ отняты.

Однако, съ другой стороны, юная власть, при такой громадной задачѣ, какъ устройство обширнаго государства, не могла обойтись безъ содѣйствія общественныхъ силъ. Это требованіе было тѣмъ существеннѣе, чѣмъ менѣе государство, едва начинавшее устроиваться, могло располагать собственными средствами, чѣмъ менѣе правительство имѣло достовѣрныхъ свѣдѣній о состояніи, потребностяхъ и силахъ народа, чѣмъ менѣе наконецъ оно могло расчитывать на точное и вѣрное исполненіе своихъ предначертаній. На одно высшее боярство, которое заняло въ обществѣ первое мѣсто, нельзя было положиться. Оно болѣе всѣхъ другихъ сословій имѣло свои личные виды, болѣе всѣхъ скорбѣло объ утраченной независимости и тайными кознями и явными крамолами старалось обратить государственныя силы въ свою пользу. Малолѣтство Ивана Грознаго служитъ тому разительнымъ доказательствомъ. Поэтому московскіе государи старались опереться на содѣйствіе всей земли.

Прежде всего нужно было дать мѣстнымъ союзамъ прочное и пра-

вильное устройство, сообразное съ новыми потребностями. Отсюда тѣ обширныя выборныя права, которыя даруются общинамъ и областямъ, особенно въ царствованіе Ивана Грознаго. Возникающее государство, не имѣя еще собственныхъ средствъ, организуетъ общины, даетъ имъ права, но вмѣстѣ съ тѣмъ возлагаетъ на нихъ обязанности, финансовыя и полицейскія. Скоро однако это устройство земскаго быта оказалось недостаточнымъ для удовлетворенія государственныхъ нуждъ. Уже въ концѣ XVI-го столѣтія, но особенно послѣ смутнаго времени, почувствовалась необходимость областнаго управленія, болѣе крѣпкаго и болѣе связаннаго съ центромъ. Съ развитіемъ государства расширяется дѣятельность правительства; оно повсюду устанавливаетъ свои органы. И судъ и мѣстное управленіе отъ земскихъ людей переходятъ къ воеводамъ. Въ XVII-мъ вѣкѣ, выборное начало почти совершенно заслоняется приказнымъ, оставаясь только въ низшемъ управленіи.

Новое государство нуждалось и къ центральныхъ учрежденіяхъ. И здѣсь, московскіе цари обращаются къ содѣйствію сословій, призывая ихъ на общія совѣщанія по важнымъ вопросамъ. Россія, какъ и западные народы, при устроеніи государства, прошла черезъ періодъ земскихъ собраній. Если въ средніе вѣка, при безсвязности общественныхъ элементовъ, сословное представительство не могло выработаться изъ жизни, то оно явилось по призыву правительства, когда государственная власть, объединивъ землю, стала требовать содѣйствія общественныхъ силъ. Наиболѣе аналогіи представляетъ здѣсь исторія Франціи: какъ Филиппъ Красивый собираетъ генеральные штаты, ища въ нихъ опоры противъ папской власти, такъ Иванъ IV-й, два съ половиною вѣка спустя, созываетъ земскій соборъ для рѣшенія дѣла о войнѣ или мирѣ съ Польшею. Но очевидно, что при русскомъ общественномъ строѣ, при громадномъ развитіи самодержавной власти, при крѣпостномъ состояніи населенія, земскіе соборы должны были имѣть несравненно меньшее значеніе, нежели подобныя собранія на Западѣ. Если мы сравнимъ ихъ даже съ французскими генеральными штатами, которые изъ западно-европейскихъ учрежденій имѣли наименьшую силу, то они покажутся намъ крайне скудными и безцвѣтными. За исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда земля, по пресѣченіи династіи Рюрика, призывалась къ выбору новыхъ государей, на земскихъ соборахъ нѣтъ и помину о политическихъ правахъ. Еще менѣе допу-

скается ихъ вмѣшательство въ государственное управленіе, на что западные чины постоянно заявляли притязаніе. Характеръ земскихъ соборовъ остается чисто совѣщательнымъ. Они созываются правительствомъ, когда оно нуждается въ совѣтѣ по извѣстному дѣлу. Мы не видимъ на нихъ ни инструкцій, данныхъ представителямъ отъ избирателей, ни того обширнаго изложенія общественныхъ нуждъ, ни той законодательной дѣятельности, которою отличаются даже французскіе генеральные штаты. Мы не встрѣчаемъ слѣдовъ общихъ преній; часто нѣтъ даже никакого постановленія, а подаются только отдѣльныя мнѣнія различныхъ чиновъ по заданнымъ правительствомъ вопросамъ. Такая бѣдность содержанія лучше всего свидѣтельствуетъ о томъ, что земскіе соборы никогда не могли сдѣлаться существеннымъ элементомъ государственной жизни.

Первое созваніе выборныхъ отъ всего государства встрѣчается въ царствованіе Ивана Грознаго. Прежде того, объ этомъ нѣтъ и помину, ни для законодательства, ни для обсужденія какихъ либо дѣлъ. Оба Судебника изданы были безъ всякаго участія земли. Но Иванъ IV-й, по достиженіи совершеннолѣтія, желая раздѣлаться съ правленіемъ бояръ, счелъ нужнымъ обратиться къ народу, и съ этою цѣлью велѣлъ собрать въ Москву «своего государства изъ городовъ всякаго чину». Однако это первое собраніе не имѣло даже совѣщательнаго характера; выборные вызваны были единственно для того, чтобъ выслушать рѣчь царя. Та цѣль, которая нынѣ легко достигается печатью, въ то время требовала личнаго присутствія выборныхъ людей, которые могли разсказать другимъ то, что̀ они сами слышали.

Иной характеръ имѣлъ соборъ 1566-го года, созванный по случаю войны съ Польшею. Польскій король предлагалъ миръ, уступая Москвѣ города и земли, занятые русскими войсками, въ томъ числѣ Полоцкъ и Юрьевъ. Согласиться ли на эти выгодныя предложенія, или, продолжая трудную борьбу, всѣми силами добиваться Ливоніи, которую король принялъ въ свое подданство, не смотря на притязанія Россіи? таковъ былъ вопросъ, который предстояло рѣшить. Иванъ Грозный не полагался на совѣтъ бояръ, считая ихъ своими злѣйшими врагами. Онъ велѣлъ созвать соборъ изъ всякихъ чиновъ людей. Изъ грамоты [1]) не видать, чтобы это были выборные люди отъ всей

[1]) Собр. Госуд. Грам. и Договоровъ т I. № 192.

земли. Тутъ находились духовныя власти, Боярская Дума, затѣмъ дворяне первой статьи, дворяне и дѣти боярскія второй статьи, и тѣ и другіе по всей вѣроятности только московскіе, ибо изъ иногородныхъ упоминаются только помѣщики торопецкіе, три человѣка, да помѣщики луцкіе, шесть человѣкъ. Изъ городовыхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ многіе обыкновенно находились на службѣ въ Москвѣ; можно полагать, что торопецкіе и луцкіе помѣщики были призваны, потому что дѣло шло о пограничныхъ съ ними областяхъ. Далѣе слѣдуютъ московскіе же чиновники—дьяки и приказные люди, гости, составлявшіе высшій разрядъ купечества, сорокъ человѣкъ московскихъ же торговыхъ людей, да двадцать одинъ человѣкъ торговыхъ людей Смольнянъ. Почему изъ иногороднаго купечества призваны были только Смольняне, трудно сказать; можетъ быть потому, что они случайно находились въ Москвѣ. Во всякомъ случаѣ, о представительствѣ всѣхъ сословій и всей земли здѣсь не можетъ быть рѣчи.

Всѣ эти чины подаютъ свои мнѣнія отдѣльно, поговоря между собою; общихъ совѣщаній и общаго постановленія нѣтъ. Въ отвѣтахъ на заданный вопросъ слышится тотъ духъ, который можно ожидать въ царствованіе грознаго царя. Едвали самыя мнѣнія не были внушены извѣстнымъ желаніемъ правительства; объ этомъ свидѣтельствуетъ ихъ однообразіе. Духовенство отвѣчало что его совѣтъ: стоять за ливонскіе города, а какъ стоять, «въ томъ его государская воля, какъ его Государя Богъ вразумитъ, а наша должная за него Государя Бога молить, о томъ совѣтовать намъ непригоже.» Бояре, окольничьи и приказные люди говорили: «вѣдаетъ Богъ да Государь нашъ, какъ ему Государю Богъ извѣститъ», прибавляя при этомъ, что, какъ имъ кажется, слѣдуетъ воевать съ королемъ. Особое мнѣніе на счетъ условій, которыя можно предложить Польшѣ, подалъ печатникъ Висковатый. Остальные чины высказались въ томъ же смыслѣ. Дворяне первой статьи сказали: «вѣдаетъ Богъ да Государь, какъ ему Государю годно, такъ и намъ, холопамъ его. А намъ холопамъ его кажется, что за то за все пригоже Государю стояти, а наша должная, холопей его, за него Государя и за его Государеву правду служить ему Государю своему до своей смерти». Торопецкіе и луцкіе помѣщики прибавили, что Полоцку нельзя стоять безъ земель, которыя отойдутъ отъ него по межѣ, предложенной Поляками. Остальныя сословія вкратцѣ высказали тоже, полагая все на волю Государя, и изъявляя готовность

умереть по его повелѣнію. Рѣшено было продолжать войну. Однако, не смотря на эту видимую поддержку земскихъ чиновъ, военныя дѣйствія шли вяло. Начались новые переговоры, при которыхъ царь совѣщался уже съ одними боярами; наконецъ, въ 1570-мъ году, заключено было перемиріе на основаніяхъ, отвергнутыхъ соборомъ 1566-го года. Таковы были результаты единственнаго собранія, созваннаго въ XVI-мъ столѣтіи для совѣщанія о государственныхъ дѣлахъ.

Широкое поле открылось самодѣятельности русскаго общества съ пресѣченіемъ династіи Рюрика. Законнаго наслѣдника престола не было, надобно было призвать землю къ выбору государя. Не только политическое право, но самая государственная власть находилась въ рукахъ народа. Однако ему не приходило на мысль считать себя верховною властью Выборные люди созывались, какъ будто единственно для того, чтобы угадать назначеннаго Богомъ царя. Даже стремленія ограничить царскую волю и обезпечить права гражданъ были совершенно чужды огромному большинству тогдашняго общества. Подобныя попытки исходили изъ малочисленнаго круга бояръ, которые, помня и прежнюю свободу и царствованіе Грознаго, хотѣли оградить себя отъ произвола ограниченіемъ царской власти. Съ ихъ стороны, эти желанія были тѣмъ естественнѣе, что съ пресѣченіемъ законной династіи, новый царь, кто бы онъ ни былъ, долженъ былъ видѣть въ нихъ соперниковъ, искателей престола. Поэтому бояре не разъ старались, при выборѣ царя, ограничить его извѣстными условіями. Но эти стремленія не находили отголоска въ землѣ, которая справедливо предпочитала самодержавіе господству олигархіи. Въ выборныхъ отъ другихъ сословій цари всегда находили опору противъ аристократическихъ притязаній боярства.

Есть извѣстіе, что эта противоположность воззрѣній проявилась уже при выборѣ Годунова. Послѣ смерти Θедора Ивановича, осталась на царствѣ вдова его Ирина, сестра Бориса; но она отреклась отъ престола и постриглась въ монахини. Тогда патріархъ съ духовенствомъ, съ боярами и съ московскими гражданами просили ее благословить брата на царство. Но и Годуновъ отказался. Послѣ долгихъ совѣщаній съ патріархомъ, рѣшено было дождаться выборныхъ отъ земли, которые должны были съѣхаться въ Москву для собора. Подобный соборъ встрѣчается уже при вступленіи на престолъ Θедора Ивановича: именитые люди изъ областей прибыли въ Москву для этого торжест-

ва. Теперь земскимъ людямъ предстояло рѣшить вопросъ о престолонаслѣдіи.

Избраніе всею землею отнюдь не считалось непремѣннымъ условіемъ законнаго вступленія на царство; доказательствомъ служитъ то, что патріархъ съ духовенствомъ и съ московскими чинами уже прежде обращались къ Годунову съ просьбою принять царскій вѣнецъ. Но Годуновъ требовалъ созванія выборныхъ, желая утвердить престолъ свой на болѣе крѣпкихъ основахъ. Есть извѣстіе, что онъ сдѣлалъ это потому, что бояре хотѣли взять съ него запись, ограничивающую его права, а Годуновъ надѣялся, что земскіе люди выберутъ его безъ записи. Для привлеченія ихъ на его сторону употреблены были всякаго рода козни и даже подкупъ. Надежды его оправдались. На соборъ съѣхались выборные отъ служилыхъ людей и городовъ, послѣдніе впрочемъ въ незначательномъ числѣ—33 человѣка. Крестьянъ не было вовсе, доказательство, что сельское населеніе имѣло очень мало значенія въ Московскомъ государствѣ. Патріархъ, который съ самаго начала стоялъ за Годунова, предложилъ вопросъ: кому быть на царствѣ? и тутъ же прибавилъ, что у него и у всего духовенства, и у бояръ, и у всякихъ чиновъ людей, и у всѣхъ православныхъ христіанъ, которые были въ Москвѣ, одна мысль и совѣтъ, чтобы не искать другаго государя, кромѣ Бориса Ѳедоровича. Земскіе люди отвѣчали, что у нихъ таже мысль. Рѣшено было опять просить Годунова, который, послѣ новаго, притворнаго отказа, наконецъ принялъ вѣнецъ.

Чтó не удалось боярамъ при Годуновѣ, того они достигли при Шуйскомъ. Выборъ всею землею не упрочилъ престола Годунова. Династія его пала, главнымъ образомъ вслѣдствіе боярскихъ козней. Орудіе русскихъ вельможъ и Поляковъ, Лжедимитрій, послѣ кратковременнаго царствованія, также былъ свергнутъ съ престола. Боярская партія торжествовала; глава ея, Шуйскій, принялъ царскій вѣнецъ. На этотъ разъ не сочли нужнымъ сзывать соборъ изъ выборныхъ отъ всей земли. Крикъ народа, собраннаго на площади, былъ единственнымъ юридическимъ титуломъ, на который опирался новый царь. Въ сущности, онъ былъ возведенъ на престолъ своими приверженцами, хотя въ окружной грамотѣ, возвѣщавшей о его воцареніи, сказано было, что его избирали всѣмъ Московскимъ государствомъ и били ему челомъ весь освященный соборъ, и бояре, и всякихъ чиновъ

люди. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Шуйскій далъ на себя запись и цѣловалъ крестъ на томъ, чтобы ему *всякаго человѣка*, не осудя истиннымъ судомъ съ своими боярами, не предать смерти, и не отбирать имѣній у братьи, женъ и дѣтей, не повинныхъ въ преступленіи. Тоже обѣщаніе повторяется особо относительно гостей и торговыхъ людей. Наконецъ, царь обязывается не слушать ложныхъ доводовъ, а сыскивать всякими сысками накрѣпко и ставить съ очей на очи, чтобы православное христіанство безвинно не гибло, а кто на кого солжетъ, того казнить по винѣ.

Эти условія, обезпечивающія праведный судъ для людей всѣхъ состояній, невольно напоминаютъ знаменитую статью Великой Хартіи, которая требуетъ, чтобы ни одинъ свободный человѣкъ не былъ взятъ и наказанъ иначе, какъ по суду равныхъ или по закону земли. И бояре, какъ великіе бароны, хотѣли правосудія для всѣхъ; но судъ они предоставили исключительно себѣ, а земля имъ не довѣряла. За Великую Хартію Англичане бились много вѣковъ; запись Шуйскаго не возбудила ни малѣйшаго сочувствія. Немедленно по его воцареніи начались новыя смуты; земля не хотѣла признавать царя, воздвигнутаго боярами. Наконецъ, послѣ четырехлѣтнихъ, безпрерывныхъ междоусобій, Шуйскій былъ низложенъ такъ же, какъ онъ былъ возведенъ на престолъ. Шайка крамольниковъ, Захаръ Ляпуновъ съ товарищами, приступили къ нему съ просьбою объ отреченіи, и такъ какъ онъ не соглашался, то они собрали народъ на площадь, и здѣсь бояре и всякихъ чиновъ люди приговорили бить челомъ царю Василію Ивановичу, чтобы онъ оставилъ царство, потому что кровь многая льется и въ народѣ говорятъ, что онъ несчастливъ На этотъ разъ, Шуйскій долженъ былъ согласиться. Въ окружной грамотѣ, извѣщавшей объ этомъ событіи, оно выставлялось, какъ происшедшее по челобитью всей земли, всякихъ чиновъ людей, всего Московскаго государства.

Послѣ отреченія и насильственнаго постриженія Шуйскаго, правленіе приняла Боярская Дума. Между тѣмъ, подъ Москвою стояли Жолкѣвскій съ Поляками и Тушинскій самозванецъ. Боярская Дума рѣшила признать царемъ Владислава и вступила въ переговоры съ Жолкѣвскимъ. Заключенный между ними договоръ содержитъ въ себѣ весьма значительныя ограниченія царской власти; еслибы онъ былъ приведенъ въ исполненіе, русское государство приняло бы совершенно иной видъ. Важнѣйшія условія касаются законодательства, суда и

податей. Владиславъ обязывался творить судъ по Судебнику, а если нужно что либо пополнить, то дѣлать это съ думою бояръ и всей земли, чтобы все было праведно. Относительно суда, было постановлено, чтобы не сыскавши вины и не осудивши судомъ всѣми боярами, никого не казнить, не посылать въ заточеніе и не отнимать ни у кого чести и собственности. Наконецъ, Владиславъ обязывался не вводить новыхъ налоговъ, сверхъ обычныхъ, не поговоря съ боярами. Такимъ образомъ, если судъ и установленіе новыхъ податей были предоставлены Боярской Думѣ, то къ законодательству призывалась вся земля.

Но земля вовсе не хотѣла польскаго царя; она поднялась противъ Поляковъ и выгнала ихъ изъ Россіи. Снова верховная власть, и въ первый разъ настоящимъ образомъ, находилась въ рукахъ народа. Въ Москву былъ созванъ соборъ изъ всѣхъ чиновъ Московскаго государства. На немъ были выборные не только отъ служилыхъ и посадскихъ людей, какъ обыкновенно, но въ первый разъ и отъ уѣздныхъ, то есть отъ крестьянъ. Однако и теперь народъ не считалъ избраніе царя актомъ своей воли, но видѣлъ въ этомъ изволеніе Бога, наставившаго людей на эту мысль. «Тебя убо, превеликій Государь, говорили посланные отъ собора Михаилу Θедоровичу, не по человѣческому единомышленію, ниже по человѣческому уродью предъизбра, но по праведному суду Божію сіе царское избраніе на тебѣ, великомъ Государѣ, возложи....... на се наставляющу народъ единогласіе имѣти, о немъ же Богъ во умъ положити имъ....... Не мы сей подвигъ сотворихомъ, но Пречистая Богородица съ великими чудотворцы возлюби тебе и святую волю Сына своего и Бога нашего, изволи исполнити на тебѣ, Государѣ нашемъ».

При такихъ понятіяхъ о царскомъ достоинствѣ, трудно было ожидать условій и ограниченій власти, тѣмъ болѣе, что земля, истерзанная междоусобіями, жаждала успокоенія. Однако есть извѣстіе, что и съ Михаила Θедоровича взята была боярами такая же запись, какъ съ Шуйскаго. Псковскій лѣтописецъ, разсыпаясь горькими жалобами на бояръ, утверждаетъ, что они привели царя къ присягѣ, чтобы никого изъ нихъ не казнить, но въ случаѣ вины, посылать въ заточеніе. Котошихинъ говоритъ, что Михаилъ Θедоровичъ ничего не могъ дѣлать безъ совѣта бояръ, и что только съ Алексѣя Михайловича не взяли записи, потому что считали его кроткимъ. Но эти болѣе или менѣе достовѣрныя извѣстія не измѣняютъ существа дѣла. Если да-

же, при выборѣ Михаила Ѳедоровича, боярами была взята съ него запись, подобная прежнимъ, то въ русской государственной жизни она не имѣла никакого значенія. Никто на нее никогда не ссылался; никто не стоялъ за утвержденныя ею права. Напротивъ, понятія о безграничности царской воли высказываются постоянно на земскихъ соборахъ того времени. О политическихъ правахъ въ царствованіе Михаила Ѳедоровича нѣтъ и рѣчи; это начало, которое въ древней Россіи, при ея общественномъ строѣ, не могло пустить корней.

Но если царская власть не была ограничена юридически, то она не могла обойтись безъ усиленнаго содѣйствія всей земли. Михаилъ Ѳедоровичъ только подъ этимъ условіемъ соглашался принять вѣнецъ. Дѣйствительно, положеніе государства было ужасное. И внѣшніе и внутренніе враги грабили и разоряли землю. Не было ни порядка, ни безопасности. Средства были истощены, люди отстали отъ мирныхъ занятій, привыкли къ крамоламъ, измѣнамъ и мятежамъ. Новое правительство, лишенное силъ, могло держаться только продолженіемъ того дружнаго дѣйствія земскихъ людей, которое избавило государство отъ Поляковъ и дало ему царя. Поэтому Михаилъ Ѳедоровичъ беспрерывно созываетъ соборы для совѣщанія о дѣлахъ и для сбора денегъ. Въ его царствованіе насчитываютъ ихъ до двѣнадцати; вѣроятно ихъ было и болѣе. О многихъ сохранились только скудныя свѣдѣнія; другіе же оставили по себѣ акты, которые даютъ намъ возможность ближе познакомиться съ ихъ составомъ и дѣятельностью. Остановимся на послѣднихъ.

Изъ грамотъ видно, что въ царствованіе Михаила Ѳедоровича соборы имѣютъ уже не чисто совѣщательный характеръ. Это не простая подача мнѣній отъ разныхъ чиновъ, какъ бывало прежде и послѣ. Обыкновенно, какъ дѣлалось и въ Боярской Думѣ, составляется соборный приговоръ царемъ съ боярами и всякихъ чиновъ людьми, и этотъ приговоръ нерѣдко разсылается для исполненія по областямъ. Такое расширеніе права было естественнымъ послѣдствіемъ смутнаго времени, которое вызвало самодѣятельность земства. Примѣромъ могъ служить въ особенности избирательный соборъ 1613-го года, который нѣкоторое время правилъ государствомъ. Но съ другой стороны, понятіе о представительствѣ всей земли было до такой степени шатко, или, лучше сказать, до такой степени отсутствовало, что соборы обыкновенно составлялись вовсе не изъ выборныхъ отъ всего государства,

а единственно изъ московскихъ чиновъ. Правда, здѣсь бывали и иногородные служилые люди, дворяне и дѣти боярскія, которые находились на службѣ въ Москвѣ и считались какъ бы представителями своихъ сословій; но изъ горожанъ, призывались единственно московскіе торговые люди, а отъ крестьянъ не бывало никого. Здѣсь мы видимъ то явленіе, которое встрѣчалось и прежде и повторяется въ послѣдствіи: городъ Москва замѣняетъ собою государство, точно такъ же, какъ крикъ народа, собраннаго на площади, выдается за голосъ всей земли. Въ подобныхъ явленіяхъ нельзя не видѣть совершеннаго недостатка понятій о правильной общественной организаціи. При такихъ условіяхъ, прочный представительный порядокъ невозможенъ. Не это самое ведетъ къ паденію неустроенныхъ учрежденій; государственный бытъ требуетъ прежде всего правильныхъ органовъ.

Примѣръ такого собранія всякихъ чиновъ людей, живущихъ въ Москвѣ, представляетъ соборъ 1618-го года, созванный по случаю нашествія Владислава. 8-го сентября получается вѣсть о приближеніи королевича; 9-го сзывается соборъ изъ духовенства, думныхъ и всякихъ чиновъ людей. Царь говоритъ имъ, чтобъ они стояли крѣпко и бились противъ недруга; они отвѣчаютъ, что дали обѣтъ сидѣть и биться до смерти. Тутъ же составляется общій приговоръ, кому сидѣть въ осадѣ и кого послать по городамъ.

Трудно сказать, имѣлъ ли тотъ же характеръ соборъ 1621-го года, созванный по случаю начала новой войны съ Польшею. Въ актѣ сказано, что были тутъ духовныя власти, бояре и думные люди, служилые люди московскіе, дворяне и дѣти боярскія изъ городовъ, выборные и приказные люди, гости и торговые люди, Донскіе атаманы и казаки, и всякихъ чиновъ люди всего Московскаго государства; но обычная въ подобныхъ актахъ неопредѣленность выраженій не позволяетъ дѣлать какія либо заключенія. Можетъ быть, на этотъ разъ сочли нужнымъ созвать людей со всего государства. Царь и патріархъ Филаретъ говорили о неправдахъ польскаго короля, и сказали, что если король не учинитъ управы, то они, Великіе Государи, пошлютъ на него свою рать. Въ отвѣтъ на эти рѣчи, всѣхъ чиновъ люди бьютъ челомъ, чтобы Великіе Государи стояли крѣпко противъ искони вѣчнаго врага, а они, духовныя власти, будутъ молиться за успѣхъ оружія, а свѣтскіе чины рады биться, не щадя головъ. При этомъ, дворяне и дѣти боярскія просятъ, чтобы ихъ разобрали по городамъ,

кому можно служить, чтобы не было избылыхъ, а гости и торговые люди заявляютъ, что они рады давать деньги, какъ кому можно, смотря по прожиткамъ. Государь указалъ, посовѣтовавъ съ отцомъ и поговоря съ боярами, послать съ собора грамоты въ города и объявить, что они, Государи, на соборѣ приговорили стоять противъ литовскаго короля, и чтобы всѣ люди были готовы на службу.

На этотъ разъ, дѣло кончилось миромъ; война съ Польшею началась гораздо позднѣе, въ 1632-мъ году, безъ соборнаго приговора. Однако, въ ея продолженіе, земскіе чины созывались неоднократно. Въ 1633-мъ году былъ соборъ для сбора денегъ на жалованье ратнымъ людямъ. Акты его до насъ не дошли, но мы имѣемъ объ немъ свѣдѣніе изъ постановленій собора слѣдующаго, 1634-го года, созваннаго по тому же поводу. 28-го января, Государь указалъ быть при себѣ на соборѣ духовнымъ властямъ, боярамъ и думнымъ людямъ, служилымъ, торговымъ и всякихъ чиновъ людямъ Московскаго государства, и былъ соборъ въ столовой избѣ 29-го января. Кромѣ духовенства и Боярской Думы, были здѣсь стольники, дворяне и приказные люди, гости и торговые люди гостинной, суконной и черныхъ сотенъ, то есть Москвичи. О городовыхъ дворянахъ и дѣтяхъ боярскихъ не упоминается, да и не зачѣмъ имъ было быть на соборѣ, ибо они давали государству не подать, а службу [1]). Собраннымъ чинамъ сказана была при Государѣ весьма любопытная рѣчь. Въ ней говорится, что на соборѣ 1633-года, по приговору властей, и бояръ, и думныхъ и всякихъ чиновъ людей, съ соборнаго уложенія, велѣно было имать пятую деньгу съ промысловъ и животовъ. Но плательщики давали пятую деньгу неправдою, утаивая свое имущество, въ меньшемъ количествѣ, нежели сборы прежнихъ годовъ, которые сбирались во времена разоренія Московскаго государства, когда люди были гораздо скуднѣе противъ настоящаго. А Государева денежная казна, которая была собрана въ прошлыхъ годахъ *его Государскимъ разсмотрѣніемъ, а не съ земли никакими поборами*, и та казна раздана ратнымъ людямъ, и впредь безъ *прибыльной казны* нельзя быть. «И вамъ бы властямъ и всему освященному собору, боярамъ и околь-

---

[1]) Въ актѣ сказано, между прочимъ: «и вамъ бы властямъ. . и боярамъ и окольничьимъ и думнымъ людямъ и стольникамъ и дворянамъ, *которые на Москвѣ*... (Собр. Госуд. Гр. и Дог. т. 3 й стр. 346).

ничьимъ, и думнымъ людямъ, и стольникамъ, и дворянамъ, которые на Москвѣ, и воеводамъ, которые по городамъ, и всякимъ приказнымъ людямъ на жалованье ратнымъ людямъ дать денегъ. А гостямъ бы и всякимъ тяглымъ людямъ съ своихъ животовъ и съ промысловъ дать пятую деньгу вправду. И то *ваше прямое даяніе* пріятно будетъ самому Содѣтелю Богу. А Государь Царь и Великій Князь Михаилъ Өедоровичъ то ваше *вспоможенье* учинитъ памятно и впередъ учнетъ жаловать своимъ Государскимъ жалованьемъ во всякихъ мѣрахъ». Собранные чины отвѣчали, что они денегъ дадутъ, смотря по своимъ пожиткамъ, что кто въ состояніи заплатить.

Изъ этого акта можно, по видимому, вывести заключеніе, что въ то время въ Московскомъ государствѣ чрезвычайныя подати взимались не иначе, какъ съ согласія самихъ плательщиковъ. На дѣлѣ такъ и было, ибо, если трудно было собрать подати, наложенныя соборнымъ опредѣленіемъ, то еще менѣе представлялось возможности сбирать ихъ безъ воззванія къ патріотическимъ чувствамъ и къ доб-ровольному согласію земскихъ людей. Но юридическаго начала опять здѣсь не было; объ этомъ свидѣтельствуютъ всѣ другіе памятники того времени, и прежде всего акты собора 1642 го года, созваннаго по случаю взятія Азова Это самое подробное изложеніе соборныхъ дѣяній, которое до насъ дошло.

Азовъ былъ взятъ Донскими казаками, которые, отбивши разъ осаду турецкаго войска, не могли долѣе держаться собственными силами и просили царя принять городъ въ свое подданство. Вопросъ былъ затруднительный, ибо принятіе Азова отъ казаковъ вовлекало Россію въ долголѣтнюю войну съ Турціею; на это требовались деньги и люди. Поэтому, 3-го января 1542-го года, царь указалъ быть собору, а на соборѣ быть духовнымъ властямъ, думнымъ людямъ, стольникамъ, стряпчимъ, дворянамъ и дьякамъ (московскимъ), головамъ и сотникамъ стрѣлецкимъ, дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ изъ городовъ, гостямъ, гостинной и суконной сотни и черныхъ сотенъ торговымъ людямъ. А они бы выбрали изъ всякихъ чиновъ добрыхъ и умныхъ людей, съ кѣмъ бы можно о томъ дѣлѣ поговорить. Здѣсь опять мы видимъ однихъ московскихъ жителей, ибо все дѣло происходитъ и рѣшается въ первыхъ числахъ января. Изъ росписанія торговыхъ людей ясно, что всѣ они Москвичи; относительно же городовыхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ прямо сказано: «которые на Москвѣ». Любопытно, что первона-

чально на соборъ сзываются вовсе не выборные люди, а вѣроятно или назначенные правительствомъ, или кто попалъ; ибо собраннымъ въ столовой избѣ печатникъ говоритъ рѣчь, объявляя имъ о предметѣ совѣщаній и приказываетъ выбрать людей: изъ большихъ статей человѣкъ по 20, по 15, по 10 и по 7, а изъ малочисленныхъ чиновъ человѣкъ по 6, по 5, по 4, по 3, и по 2, и тѣмъ людямъ принести имена. Затѣмъ уже, по окончаніи выборовъ, когда роспись выборнымъ людямъ прислана изъ Разряда въ Посольскій приказъ, составляется изъ нихъ новый соборъ, опять въ столовой избѣ, въ присутствіи бояръ и думныхъ людей. По изложеніи дѣла, выборнымъ приказывается подать свою мысль на письмѣ, чтобы государю про то про все было извѣстно. Докладная записка раздается чинамъ порознь и посылается также къ Крутицкому митрополиту, для совѣщанія съ духовенствомъ, котораго на второмъ собраніи вовсе не было. Чины представляютъ свои письменныя мнѣнія тоже порознь, въ разные сроки; общихъ преній и соборнаго приговора здѣсь нѣтъ. Собраніе опять носитъ чисто совѣщательный характеръ.

Любопытно здѣсь распредѣленіе чиновъ для составленія мнѣній; въ немъ не видно никакой опредѣленности. Отвѣты подаются отчасти по сословіямъ, отчасти по чинамъ, отчасти по совершенно пре извольной группировкѣ. Такъ напримѣръ, городовые дворяне и дѣти боярскія разбиваются на нѣсколько группъ, изъ которыхъ каждая подаетъ свое мнѣніе отдѣльно.

Въ соборномъ актѣ прежде всего идетъ рѣчь духовенства. Оно говоритъ, что его дѣло молиться Богу, «а на то ратное дѣло разсмотрѣніе твоего Царскаго Величества и твоихъ бояръ и думныхъ людей, а намъ то все дѣло не за обычай. А будетъ твое Царское Величество изволитъ рать строить, и мы ратнымъ людямъ въ подможеніе ради помогать, елико сила можетъ». Такимъ образомъ, духовенство отказалось отъ изложенія своей мысли по предложенному вопросу, чего мы прежде не видимъ. Рѣчи бояръ и думныхъ людей вовсе нѣтъ; вѣроятно они мнѣнія не подавали, высказавши его въ Боярской Думѣ. Затѣмъ идутъ стольники. «Разорвать ли за Азовъ, говорятъ они, въ томъ его Государская воля, а наша мысль: велѣть въ Азовѣ быть тѣмъ же Донцамъ, а имъ въ прибавку послать изъ вольныхъ охочихъ людей. А сколько людей послать и чѣмъ ихъ пожаловать, и сколько послать казны и запасовъ, и откуда взять, и въ томъ во всемъ его из

Государская воля, велитъ то Государь учинить по своему Государскому разсмотрѣнію, а мы на службу готовы, гдѣ намъ государь укажетъ быть». Не смотря на эту видимую готовность, сущность отвѣта заключалась въ томъ, что они въ Азовѣ не желали служить, ибо совѣтовали послать на помощь казакамъ вольныхъ охотниковъ. Почти тоже сказали и московскіе дворяне. Въ краткой своей рѣчи, они все полагаютъ на волю государя, «какъ ему Государю о томъ Богъ извѣститъ». Но двое изъ нихъ, Никита Беклемишевъ и Тимоѳей Желябужскій, подали отдѣльное, болѣе обстоятельное мнѣніе, въ которомъ впрочемъ просвѣчиваетъ тоже желаніе оградить свои интересы и какъ можно менѣе участвовать въ общемъ дѣлѣ. Относительно принятія Азова и разрыва съ Турками они, какъ и прочіе, говорятъ, что, «то въ его Государской волѣ», но замѣчаютъ при этомъ, что приступъ къ Азову отбитъ изволеніемъ Бога и молитвами святыхъ, и совѣтуютъ даже не посылать казны Крымскому хану, который разоряетъ государство. Для защиты Азова они такъ же, какъ другіе, совѣтуютъ, въ помощь казакамъ, набрать вольныхъ охотниковъ, но прибавляютъ: «опричь крѣпостныхъ и кабальныхъ людей». Они распространяются подробно и на-счетъ сбора денегъ и даточныхъ людей, въ случаѣ войны. Деньги сбирать выборнымъ людямъ со всякихъ чиновъ, которые не служатъ службы или которые у корыстовныхъ дѣлъ, *сколько Государь укажетъ*; даточныхъ людей брать съ большихъ помѣстій, съ монастырей и съ пожалованныхъ людей, и вообще у кого земли много, а у безпомѣстныхъ и малопомѣстныхъ не брать даточныхъ людей или за даточныхъ людей деньги. При этомъ, мелкіе московскіе дворяне замѣчаютъ, что московскіе люди отягощены противъ городовыхъ. А если, сверхъ того, нужны будутъ деньги, то брать ихъ со всѣхъ чиновъ людей, хотя бы по гривнѣ съ двора, *а сверхъ того, что Государь укажетъ*.

Гораздо короче выразились головы и сотники московскихъ стрѣльцовъ: «разрывать ли съ Турецкимъ царемъ и принимать ли Азовъ, въ томъ воленъ Государь, какъ изволитъ, а смѣту ратнымъ людямъ и казнѣ, то Государь вѣдаетъ, какъ изволитъ, а мы служить ради, и готовы, гдѣ укажетъ». Точно тоже написали Владимірцы, дворяне и дѣти боярскія, прибавивъ къ этому только, что бѣдность ихъ города вѣдома Государю и его Государевымъ боярамъ. Наконецъ, совершенно такой же отвѣтъ дали дворяне и дѣти боярскія Нижняго Новгоро-

да, Муромцы и Лушане. Но другіе объяснились гораздо обстоятельнѣе. Общее мнѣніе подали дворяне и дѣти боярскія городовъ Суздаля, Юрьева, Переяславля, Бѣлой, Костромы, Смоленска, Галича, Арзамаса, Великаго Новгорода и проч. Они прямо высказали мысль, что Азовъ надобно держать и съ Турецкимъ султаномъ разорвать, потому что иначе можно навлечь на себя гнѣвъ Божій; ибо взятіе Азова совершилось по изволенію Божію. Въ помощь казакамъ, надобно послать ратныхъ людей и собрать запасы съ украинскихъ городовъ и съ монастырей, а противъ Турокъ велѣть строить рать и сбирать людей, какъ бывало прежде. Съ перваго взгляда, можно подумать, что въ этихъ смѣлыхъ совѣтахъ выражается порывъ патріотическаго чувства, готовность стоять за честь и пользу отечества. Но когда рѣчь заходитъ о томъ, съ кого и какъ брать деньги на войну, дѣло принимаетъ иной оттѣнокъ. Прежде всего, указывается на бояръ и ближнихъ людей, которые нынѣ пожалованы многими помѣстьями и вотчинами. Точно также дьяки и подъячіе нажились и разбогатѣли неправеднымъ мздоимствомъ, построили себѣ дома, палаты каменныя, такія, что неудобь-сказаемыя, какихъ прежде не бывало и у великородныхъ людей. Затѣмъ указывается на духовенство и монастыри: надобно велѣть описать ихъ вотчины съ большимъ допросомъ, и кто изъ нихъ утаитъ крестьянъ, велѣть указъ учинить по уложенію и обратить крестьянъ въ казну. Доходитъ очередь и до неслужащихъ дворянъ: «которые наша братія отяжелѣли и обогатѣли большимъ богатствомъ», и съ тѣхъ слѣдуетъ взять денегъ и людей. Но при этомъ, дворяне и дѣти боярскія просятъ, чтобы ратныхъ людей прибирать, сколько Государь изволитъ, «окромѣ нашихъ, холопей твоихъ, крѣпостныхъ и старинныхъ людишекъ и крестьянишекъ». Затѣмъ, обращаясь къ себѣ, они продолжаютъ: «А мы холопи твои, ради за домъ Пречистыя Богородицы и Московскихъ Чудотворцевъ и за православную Христіанскую вѣру и за тебя благочестиваго Государя и за твою великую къ намъ, холопамъ твоимъ, милость, работать головами своими и всею душою; а бѣдныхъ, Государь, насъ холопей своихъ, и разоренныхъ и безпомощныхъ и безпомѣстныхъ и пустопомѣстныхъ и малопомѣстныхъ, вели, Государь, взыскать своею Государскою милостью, помѣстнымъ и денежнымъ жалованьемъ, какъ тебѣ, Милостивому Государю, Богъ повѣститъ, чтобъ было чѣмъ твоя Государская служба служить». Съ этою цѣлью, совѣтуется сдѣлать

точную роспись крестьянамъ у всякихъ чиновъ людей, опредѣлить со скольких крестьянъ каждый долженъ служить службу, а съ лишнихъ брать деньги. «А будетъ тебѣ, Государю, казна нужна будетъ вскорѣ, сверхъ твоей Государевой казны, и того сбора вели, Государь, взять Патріархову казну и Митрополитовъ, и у Архіепископовъ и епископовъ и въ монастыряхъ лежачую домовую казну для такой скорой твоей Государевой службы. А съ своихъ Государевыхъ гостей и со всякихъ торговыхъ людей, которые торгуютъ большими торгами и со всякихъ черныхъ своихъ Государевыхъ людей вели, Государь, съ ихъ торговъ и промысловъ взять денегъ въ свою Государеву казну, сколько тебѣ, Государю, Богъ извѣститъ, по ихъ торгамъ и промысламъ и прожиткамъ, и тутъ объявится той казны передъ тобою, Государемъ, много».

Такова была рѣчь дворянъ и дѣтей боярскихъ разныхъ городовъ, рѣчь, въ которой наивнымъ образомъ соединялись жалобы на бѣдность и просьбы о прибавкѣ жалованья съ щедростью на чужія деньги. Почти одинаково было мнѣніе дворянъ и дѣтей боярскихъ другихъ городовъ, Коломны, Рязани, Тулы, Каширы, Ярославля и проч. Но гости и торговые люди, которымъ приходилось не получать жалованье, а платить, завели рѣчь совсѣмъ въ другомъ тонѣ. На счетъ Азова, они положились на волю государя: «въ томъ твоя Государева воля, какъ тебѣ Государю о томъ Богъ извѣститъ. А о ратныхъ людѣхъ стройствѣ и о запасѣхъ, и о томъ, какъ тебѣ Государю Богъ извѣститъ; *а то дѣло служилыхъ людей*, за которыми твое Государево жалованье, вотчины многія и помѣстья есть: а мы, холопи твои, гостишка и гостинныя и суконныя сотни торговые людишка городовые, и питаемся на городѣхъ и отъ своихъ промыслишковъ, а помѣстій и вотчинъ за нами нѣтъ никакихъ, и службы твои Государевы служимъ на Москвѣ и въ иныхъ городѣхъ по вся годы безпрестани, и отъ тѣхъ твоихъ Государевыхъ службъ и отъ пятинныя деньги, что мы, холопи твои, давали тебѣ, Государю, на Смоленскую службу, ратнымъ и всякимъ служилымъ людямъ на подмогу, многіе люди оскудѣли и обнищали до конца....... а торжишка, Государь, у насъ, холопей твоихъ, стали гораздо худы, потому что всякіе наши торжишка на Москвѣ и во всѣхъ городѣхъ отняли многіе иноземцы,.... а въ городѣхъ всякіе люди обнищали и оскудѣли до конца отъ твоихъ Государевыхъ воеводъ. И мы, холопи твои и сироты, милости у тебя

Государя просимъ, чтобъ тебѣ, Государю, пожаловать своей Государевой отчины, въ нашу бѣдность возрить....... а что ты, Государь, укажешь для своей Государевой службы и для ратныхъ людей, положить на всю свою Государеву землю, и на всякихъ чиновъ людей, и о томъ о всемъ, какъ тебѣ Государю Богъ извѣститъ». Тоже сказали тяглые люди черныхъ сотенъ и слободъ.

Не смотря на то, что почти всѣ чины высказались въ пользу принятія Азова отъ казаковъ, рѣшеніе царя, какъ извѣстно, было иное. И точно, трудно было начинать тяжелую войну, при всеобщемъ, очевидномъ нежеланіи нести ея тяжестей. Въ Азовскомъ соборѣ, послѣднемъ въ царствованіе Михаила Θеодоровича, нельзя не видѣть упадка соборнаго устройства. По своей чисто совѣщательной формѣ, по разрозненности поданныхъ мнѣній, онъ напоминаетъ времена предшествовавшія междуцарствію; по отсутствію всякой политической мысли, по наивно высказывающимся эгоистическимъ стремленіямъ сословій, онъ не дѣлаетъ чести тогдашнему обществу. Грустно смотрѣть на этотъ послѣдній памятникъ нашего древняго земства. Смутное время вызвало усиленную дѣятельность соборовъ; для устроенія государства, для отпора врагамъ требовалось живое содѣйствіе гражданъ. Но какъ скоро опасность миновалась, ослабѣла и общественная самодѣятельность. Земля снова улеглась у ногъ самодержавнаго государя.

Упадокъ соборовъ еще болѣе проявляется въ царствованіе Алексѣя Михайловича. Тогда какъ при Михаилѣ Θедоровичѣ насчитываютъ ихъ до двѣнадцати, въ продолжительное и обильное событіями царствованіе Алексѣя Михайловича ихъ было, сколько можно судить по скуднымъ свѣдѣніямъ, всего 4; фактъ весьма знаменательный, по справедливому замѣчанію г. Соловьева [1]). Первый соборъ былъ созванъ въ 1648-мъ году, по случаю составленія Уложенія. Здѣсь были не одни московскіе чины, но выборные отъ всей земли, отъ служилыхъ людей и городовъ, ибо цѣль собора состояла не въ рѣшеніи того или другаго вопроса, а въ утвержденіи новаго законодательнаго памятника, «чтобъ то все уложеніе впредь было прочно и неподвижно». Поэтому, здѣсь нѣтъ ни законодательной дѣятельности собранія, ни обсужденія предлагаемыхъ законовъ. Составленное коммиссіею Уло-

---

[1]) Шлецеръ и антиисторическое направленіе. Русскій Вѣстникъ. т. 8 стр. 448.

женіе читается выборнымъ, и они прикладываютъ къ нему свои руки [1]). Однако, при этомъ случаѣ, земскіе люди били челомъ о своихъ нуждахъ; городовые обыватели жаловались на то, что у нихъ много тяглыхъ земель перешло въ частныя руки, и многіе тяглецы вышли изъ городовъ, вслѣдствіе чего остальнымъ платить подати стало тяжело. По ихъ челобитью, велѣно было отобрать въ казну частные дворы и земли въ городахъ и возвратить въ тягло вышедшихъ изъ него посадскихъ людей. Послѣдніе были такимъ образомъ окончательно прикрѣплены къ мѣстамъ.

Въ 1650-мъ году былъ другой соборъ, по случаю Псковскаго бунта. На немъ были бояре и думные люди, городовые дворяне и дѣти боярскія, да московскіе торговые люди; но какое состоялось здѣсь рѣшеніе, объ этомъ не сохранилось свѣдѣній [2]).

Наконецъ, два собора были созваны въ 1653-мъ году, по случаю дѣлъ малороссійскихъ. Объ одномъ едва есть скудныя извѣстія, другой же, котораго акты до насъ дошли, былъ вмѣстѣ и послѣднимъ соборомъ всѣхъ чиновъ русской земли. Сравнивая неопредѣленныя выраженія грамоты съ прежними подобными, можно думать, что и онъ былъ составленъ изъ Москвичей и находившихся въ Москвѣ служилыхъ людей изъ городовъ. Послѣ пространнаго изложенія неправдъ польскаго короля, собранію предложенъ былъ вопросъ: принять ли Хмѣльницкаго въ подданство и начать ли войну съ Польшею? Мнѣнія духовенства въ актѣ вовсе нѣтъ. Бояре и думные люди приговорили вести войну съ Польшею и принять Хмѣльницкаго въ подданство. Тоже сказали и другіе чины, которые допрашивались порознь. Краткость свѣдѣній о дѣйствіяхъ собора не должна насъ удивлять, когда мы примемъ въ соображеніе, что онъ былъ созванъ единственно для формы. Дѣло было рѣшено уже въ мартѣ; въ сентябрѣ къ Хмѣльницкому отправлены были посланники съ извѣщеніемъ, что царь принимаетъ его въ свое подданство, а соборъ былъ созванъ 1-го октября. Очевидно, что учрежденіе было въ полномъ упадкѣ. Земскіе соборы прекратились въ Россіи въ половинѣ XVII-го вѣка, одновременно съ прекращеніемъ сословнаго представительства во многихъ государствахъ европейскаго материка. Во Франціи, послѣднее собра-

[1]) Собр Госуд. грамотъ и договоровъ Часть 3 № 129.
[2]) См. Соловьевъ. Исторія Россіи, т. X. стр. 198.

ніе генеральныхъ штатовъ было въ 1614-мъ году, въ Пруссіи въ 1653-мъ, въ Баваріи въ 1669 мъ. Въ Даніи, въ 1660-мъ году, по просьбѣ самихъ чиновъ, ограниченная монархія превратилась въ неограниченную. Общее явленіе указываетъ на общность причины и на одинакій ходъ жизни. Но въ Россіи, гдѣ самодержавная власть была сильнѣе, нежели въ другихъ государствахъ, а представительные элементы, напротивъ, были слишкомъ слабы и никогда не имѣли даже настоящихъ правъ, паденіе совѣщательныхъ собраній совершилось всего легче. Земскіе соборы исчезли, не вслѣдствіе сословной розни или опасеній монарховъ, а просто вслѣдствіе внутренняго ничтожества. Кратковременная роль ихъ была кончена; они не могли болѣе дать правительству ни помощи, ни совѣта.

Собранія выборныхъ отъ отдѣльныхъ сословій встрѣчаются впрочемъ и позднѣе, но уже съ другимъ характеромъ. При Θеодорѣ Алексѣевичѣ, они сзываются по вопросамъ, касающимся того или другаго сословія. Такимъ образомъ, выборные отъ служилыхъ людей, весьма вѣроятно отъ полковъ, стоявшихъ въ Москвѣ, были призваны къ совѣщанію по вопросу о преобразованіи войска. Послѣдствіемъ было уничтоженіе мѣстничества, по челобитью выборныхъ людей и по приговору собора, составленнаго изъ духовныхъ властей и думныхъ людей. Въ это же время совершались въ Московскомъ государствѣ и финансовыя преобразованія. Въ податяхъ оказалась значительная недоимка, и правительство рѣшилось уровнять службы и оклады. Съ этою цѣлью, велѣно было выбрать въ городахъ по два человѣка, и выслать ихъ въ Москву для доставленія правительству свѣдѣній, могутъ ли они или не могутъ платить подати, а если нѣтъ, то почему не могутъ. На основаніи ихъ показаній, налоги были понижены, и составлено новое распредѣленіе службъ и податей.

Послѣ смерти Θеодора Алексѣевича встрѣчается и послѣдній примѣръ участія народа въ выборѣ царя. Но образцомъ служилъ здѣсь не соборъ, избравшій Михаила Θеодоровича, а провозглашеніе Шуйскаго его клевретами. Патріархъ вышелъ къ народу, собранному на площади, и спросилъ: кому быть преемникомъ престола? Большинство стоявшихъ тутъ людей отвѣчало, что быть царемъ Петру. На этомъ основаніи, Петръ былъ объявленъ царемъ. Но избраніе, если его можно такъ назвать, было дѣломъ партіи, а не выраженіемъ народнаго голоса, а потому было непрочно.

И послѣ Петра Великаго сзываются выборные отъ дворянства и купечества для сочиненія уложенія. Такія законодательныя коммиссіи составлялись при Петрѣ II-мъ, при Аннѣ Ивановнѣ, при Елисаветѣ Петровнѣ; наконецъ, послѣдняя была знаменитая коммиссія, созванная Екатериною. Извѣстно, что ни одна изъ нихъ не привела къ какимъ либо результатамъ. Екатерина говорила, что она отъ выборныхъ людей слышала много полезныхъ указаній; но въ законодательствѣ, дѣятельность всѣхъ этихъ коммиссій осталась совершенно безплодною, и это весьма понятно, ибо собраніе выборныхъ можетъ обсуждать готовые проекты, но менѣе всего способно само составить обширное законодательство. При низкомъ уровнѣ политическаго развитія въ Россіи того времени, это было даже совершенно немыслимо. Потому эти выборныя учрежденія имѣютъ несравненно меньшее значеніе въ нашей государственной жизни, нежели соборы XVII-го вѣка.

И тѣ и другіе указываютъ на чрезмѣрную слабость представительнаго начала въ русскомъ государствѣ, слабость, которая вполнѣ объясняется исторически, устройствомъ нашего общественнаго быта. При крѣпостномъ состояніи всѣхъ сословій, о представительствѣ не могло быть рѣчи. Царь совѣщался съ подданными, какъ помѣщикъ съ своими крѣпостными; но государственнаго учрежденія изъ этого не могло образоваться. Политическая свобода основывается на свободѣ личной, а послѣдняя исчезла въ Россіи съ возникновеніемъ Московскаго государства. До второй половины XVIII-го столѣтія, Россія знала либо избытокъ личной независимости безъ государственнаго порядка, либо государственный порядокъ, подавляющій свободу. Только съ раскрѣпленіемъ высшихъ сословій начинается заря новой жизни. Жалованныя Грамоты дворянству внесли въ русское государство начала свободы и права. За ними послѣдовала Жалованная Грамота городамъ. Однако эти новые элементы не могли развиться, пока огромное большинство народонаселенія оставалось крѣпостнымъ. Только въ настоящее время, съ освобожденіемъ крестьянъ, Россія совершенно стала на новую почву. Теперь она устроиваетъ свой гражданскій бытъ на началахъ всеобщей свободы и права. Это та почва на которой стоятъ всѣ европейскіе народы; она только можетъ дать настоящіе элементы для представительныхъ учрежденій. Но политическая свобода не прямо вытекаетъ изъ свободы личной. Менѣе всего она доступна народу, только что выходящему изъ подчиненія, едва начинающему ста-

новиться на собственныя ноги. Политическая свобода требуетъ общественныхъ условій, которыя вырабатываются медленно, труднымъ жизненнымъ путемъ, и безъ которыхъ введеніе представительнаго устройства можетъ породить только смуту,

Какія это условія? Разсмотрѣнію этого вопроса будетъ посвящена слѣдующая книга.

КНИГА IV.

УСЛОВІЯ

НАРОДНАГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА.

ГЛАВА I.

ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО.

Условія необходимыя для представительнаго порядка заключаются въ характерѣ и состояніи того общества, въ которомъ онъ водворяется. Исторія убѣждаетъ насъ, что политическая свобода тогда только прочна, когда она опирается на общественныя силы. Эта мысль давно сознается публицистами, которые не ограничиваются изслѣдованіемъ общихъ началъ конституціонной жизни, а глубже вникаютъ въ вопросъ. Особенно быстрое паденіе многочисленныхъ конституцій, порожденныхъ французскою революціею, доказало до очевидности несостоятельность чисто теоретическихъ построеній. Отсюда возникла историческая школа. Въ настоящее время, это убѣжденіе сдѣлалось господствующимъ. Отношеніе государства къ обществу составляетъ одинъ изъ самыхъ живыхъ вопросовъ современной политической литературы, и хотя наука далеко еще не дошла до удовлетворительныхъ результатовъ, однако основная точка зрѣнія установилась непоколебимо. Въ настоящее время, при обсужденіи задачъ и дѣятельности народнаго представительства, менѣе, нежели когда либо, возможно ограничиваться чисто политическими соображеніями. Тотъ, кто довольствуется доводами въ пользу необходимости контроля, отвѣтственности министровъ, и т. п., показываетъ только, что онъ не понимаетъ духа и потребностей своего времени. Теперь, прежде всего, нужно изслѣдовать общественныя условія представительнаго порядка. Изъ этого только можетъ оказаться, до какой степени онъ приложимъ къ данной средѣ.

Эта сторона государственной жизни такъ еще мало разработана, что самое понятіе объ обществѣ не установилось въ наукѣ. Каждый писатель даетъ свое опредѣленіе, далеко не сходное съ другими. Не вдаваясь въ подробности, можно однако всѣ эти понятія свести къ одному знаменателю. Подъ именемъ общества разумѣется вообще совокупность частныхъ силъ и элементовъ, входящихъ въ составъ народа. Тотъ же самый народъ, который, будучи устроенъ въ единое, цѣльное тѣло, образуетъ государство, съ другой стороны, какъ состоящій изъ разнообразныхъ элементовъ, является обществомъ. Отношеніе государства къ обществу представляетъ, слѣдовательно, отношеніе единства къ множеству. Это двѣ формы быта, которыя существуютъ вмѣстѣ и имѣютъ непосредственное вліяніе другъ на друга. Строеніе цѣлаго находится въ прямой зависимости отъ тѣхъ частныхъ силъ, которыя въ немъ движутся и дѣйствуютъ.

Эта связь проявляется особенно ярко въ представительномъ порядкѣ, когда свобода становится участницею государственной власти. Политическая дѣятельность гражданъ, какъ членовъ цѣлаго, опредѣляется понятіями, привычками, нравами, которые они пріобрѣтаютъ въ частной жизни, какъ члены общества. Въ народномъ представительствѣ, государство и общество проникаютъ другъ друга; общественныя силы призываются къ политической дѣятельности; многообразіе вводится въ единство. Поэтому, здѣсь первый вопросъ состоитъ въ томъ, до какой степени эти двѣ противоположныя формы въ состояніи идти согласно, или въ какой мѣрѣ общество способно удовлетворять требованіямъ государства? Это тотъ вопросъ, около котораго вращается вся конституціонная жизнь. Мы встрѣчали его на каждомъ шагу; здѣсь мы должны привести его къ общему итогу.

Образуя единое цѣлое, государство прежде всего нуждается въ единствѣ власти и направленія. Это аксіома всякой политической жизни. Но этому противорѣчитъ многообразіе общественныхъ силъ, призываемыхъ къ политической дѣятельности. Оно вводитъ въ государство раздѣленіе власти и различіе направленій. Необходимо, слѣдовательно, знать, существуетъ ли возможность привести разнообразныя общественныя стихіи къ единству дѣятельности, или согласить общественное многообразіе съ единствомъ государственной цѣли. Разрѣшеніе этой задачи зависитъ отъ состава общества и отъ свойства его элементовъ.

Общество слагается изъ разныхъ народностей, изъ различныхъ со-

стояній и классовъ, въ немъ борятся противоположныя партіи. Каждая изъ этихъ группъ имѣетъ свой духъ, свое направленіе, нерѣдко враждебное другимъ. Интересы ихъ сталкиваются безпрерывно; однѣ стремятся къ преобладанію, другія не хотятъ признавать превосходства. Всѣ эти противоположности не всегда могутъ быть соглашены и направлены къ общему благу, а потому и представительное устройство не вездѣ приложимо. Еслибы въ выборномъ собраніи всегда могло образоваться большинство, дѣйствующее сообразно съ истинною пользою государства, то представительное правленіе было бы единственнымъ, существующимъ на землѣ. Исторія показываетъ однако, что желанное согласіе далеко не составляетъ общаго явленія, напротивъ, политическая свобода нерѣдко ведетъ къ смутамъ и раздорамъ, ибо различные интересы и направленія, не сдержанные господствующею надъ ними властью, проявляются во всей своей исключительности. Потому такъ часто народъ, усталый отъ борьбы, слагаетъ всѣ свои права въ руки одного властителя. Потребность самодержавія основана именно на раздѣльности общественныхъ стихій. Если необходимое для государства единство не можетъ установиться согласіемъ гражданъ, тогда остается прибѣгнуть къ власти, сосредоточенной въ одномъ лицѣ. Можно постановить общимъ политическимъ правиломъ, что чѣмъ менѣе единства въ обществѣ, тѣмъ сосредоточеннѣе должна быть власть. Отношеніе здѣсь обратно пропорціональное; одно восполняетъ другое. Наоборотъ, чѣмъ болѣе крѣпнетъ общественное единство, тѣмъ легче власть можетъ быть раздѣлена. На этомъ законѣ основывается возможность или невозможность политической свободы.[1]).

Кромѣ единства направленія, государственная жизнь имѣетъ и другую сторону, которая ставитъ ее въ ближайшее отношеніе къ обществу. Цѣль государства есть общее благо, удовлетвореніе народныхъ потребностей. Для этого необходима дѣятельность, которая можетъ быть двоякаго рода: правительственная и общественная. Нужды могутъ удовлетворяться, либо частною предпріимчивостью, собственною ини-

---

[1]) Эта мысль была высказана, если не ошибаюсь, въ первый разъ, въ запискѣ, читанной г. Ипполитомъ Пасси въ парижской Академіи нравственныхъ и политическихъ наукъ; но сочиненіе, которое должно было развить это начало, къ сожалѣнію досслѣ не издано. Давно раздѣляя эти убѣжденія, не могу не отдать здѣсь должной чести почтенному автору.

ціативою граждань, либо дѣйствіемъ власти. И здѣсь опять отношеніе обратно-пропорціональное: недостатокъ дѣятельности одного рода восполняется избыткомъ другой. Чѣмъ менѣе инпціативы у граждань, тѣмъ болѣе приходится дѣлать государству; ибо общественныя потребности должны быть удовлетворены, если народъ не хочетъ оставаться на низшей степени развитія и силы. Наоборотъ, государственная власть можетъ значительно ограничить свое вѣдомство тамъ, гдѣ частная предпріимчивость и энергія общества достаточны для покрытія нуждъ.

Это обратное отношеніе государственной дѣятельности и общественной имѣетъ значительное вліяніе и на развитіе политической свободы. Представительныя учрежденія призываютъ общество къ самодѣятельности, притомъ въ высшей, политической области. Это предполагаетъ въ гражданахъ и личную энергію и умѣніе вести общественныя дѣла. Самоуправленіе не можетъ водвориться въ высшей сферѣ, когда нѣтъ самодѣятельности въ низшей. Народъ, не одаренный духомъ инициативы и привыкшій во всякомъ общественномъ дѣлѣ полагаться на правительство, неспособенъ къ политической свободѣ. Онъ естественно стремится къ абсолютизму.

Однако изъ этой противоположности не слѣдуетъ выводить крайнихъ послѣдствій. Приверженцы свободы нерѣдко стараются ввести дѣятельность государства въ самые тѣсные предѣлы. Они возлагаютъ на него только охраненіе права и порядка; остальное, по ихъ мнѣнію, должно быть предоставлено свободной предпріимчивости граждань, особенно частнымъ товариществамъ, которыя совокупными силами восполняютъ недостаточныя средства отдѣльныхъ лицъ. При этомъ указываютъ на примѣръ Англіи, гдѣ значительное количество благотворительныхъ заведеній и школъ находится въ вѣдомствѣ частныхъ людей, и еще болѣе на Сѣверо-Американскіе Штаты, гдѣ почти все совершается частными усиліями. Этимъ объясняютъ прочность представительныхъ учрежденій въ обѣихъ странахъ, тогда какъ во Франціи, привыкшей къ правительственной опекѣ, свобода не можетъ пустить корней.

Это воззрѣніе въ настоящее время въ большомъ ходу, и въ обществѣ и у писателей. Оно распространилось особенно во Франціи, гдѣ оно коренится въ неудовольствіи на существующій порядокъ вещей; здѣсь слишкомъ сильно чувствуется избытокъ правительственной опе-

ки. Но это отрицательное направленіе, въ свою очередь, является крайностью; оно представляетъ возвращеніе къ такимъ понятіямъ о государствѣ, которыя давно оставлены наукою и никогда не имѣли силы въ практикѣ. Государство не есть только внѣшнее учрежденіе для охраненія права и полицейскаго порядка; такъ можно было смотрѣть на него въ XVIII-мъ вѣкѣ, когда личная свобода считалась краеугольнымъ камнемъ всего общественнаго зданія. Государство есть органическій союзъ народа, соединеніе всѣхъ общихъ его интересовъ. Въ немъ воплощаются сознаніе и воля народа, какъ единаго цѣлаго. Это вѣчное соединеніе людей, для всѣхъ цѣлей, которыя могутъ быть достигнуты совокупными ихъ силами. Отдать всѣ общественные интересы въ руки частныхъ, случайныхъ товариществъ, устраняя общій, постоянный союзъ, который одинъ всегда имѣетъ въ виду не частныя, а общія выгоды, это такое ограниченіе дѣятельности государства, которое ничѣмъ не можетъ быть оправдано Свободныя товарищества имѣютъ, безъ сомнѣнія, огромное значеніе въ промышленномъ мірѣ, гдѣ частный интересъ является главною пружиною дѣятельности; но и здѣсь, всякое предпріятіе, имѣющее характеръ общественный, должно находиться подъ надзоромъ государства, призваннаго къ охраненію общей пользы. Тѣ же отрасли управленія, которыя носятъ на себѣ совершенно общественный характеръ, какъ напримѣръ благотворительность, народное просвѣщеніе, не могутъ быть изъяты изъ рукъ государства безъ существеннаго ущерба народнымъ интересамъ. Частныя лица не въ состояніи сдѣлать то, чего можетъ достигнуть правительство. Свободныя усилія гражданъ служатъ послѣднему только подмогою. Какъ скоро учрежденіе пріобрѣтаетъ значительные размѣры, такъ оказываются недостатки частной дѣятельности, перенесенной въ непринадлежащую ей область. Главная движущая пружина всякаго частнаго предпріятія, личный интересъ, исчезаетъ; средства становятся скудными и непостоянными, начинаютъ преобладать частныя или одностороннія цѣли. Въ Англіи, благотворительныя заведенія, содержимыя товариществами, не мѣшаютъ громадному развитію государственной благотворительности; отсутствіе же школъ, управляемыхъ правительствомъ, замѣняется отчасти постоянными учебными корпораціями, и во всякомъ случаѣ, не говоритъ въ пользу хорошаго устройства учебной части въ этой странѣ. Въ Бельгіи, духовенство и, въ противоположность ему, либеральный союзъ основали свои

университеты; это сдѣлано съ цѣлью проводить извѣстное политическое или религіозное направленіе, воспитывая въ немъ юношество. Но ученіе, основанное на духѣ партіи, отнюдь не можетъ считаться образцовымъ. Здѣсь частныя товарищества совершенно недостаточны. Общественныя учрежденія, по самому существу своему, должны находиться или въ вѣдѣніи или подъ надзоромъ государства; это законное его поприще, котораго нельзя у него отнять.

Поэтому, невозможно согласиться съ направленіемъ тѣхъ либеральныхъ писателей, которые утверждаютъ, что граждане все должны дѣлать сами, и въ этомъ полагаютъ главное обезпеченіе свободы. Общественный бытъ, гдѣ каждый все долженъ дѣлать самъ и за всѣмъ самъ смотрѣть, отнюдь не представляется идеальнымъ. Подобная свобода есть отреченіе отъ главныхъ удобствъ общественной жизни и возвращеніе къ первобытному состоянію, когда не было ни раздѣленія труда, ни общихъ средствъ, ни спеціальныхъ учрежденій для удовлетворенія общественныхъ нуждъ. Въ частной жизни, никто самъ себѣ не строитъ дома, но призываетъ для этого плотника или каменьщика, а самъ только наблюдаетъ за ними; никто самъ не шьетъ себѣ обуви, а покупаетъ ее у сапожника, требуя только, чтобы она была сдѣлана по его вкусу. Вся человѣческая дѣятельность основана на раздѣленіи труда, которое сберегаетъ время, улучшаетъ работу и даетъ каждому возможность заниматься своимъ дѣломъ, пользуясь и другими благами жизни. Утверждаютъ, что это начало свойственно только промышленной области, что оно не можетъ быть перенесено на общественную дѣятельность, ибо государство не есть промышленное товарищество или компанія на акціяхъ. Эту мысль развиваетъ въ особенности Гнейстъ въ извѣстномъ своемъ сочиненіи объ англійскихъ учрежденіяхъ. Онъ приходитъ даже къ заключенію, что раздѣленіе труда, возлагая всю общественную дѣятельность на спеціально приготовленное чиновничество, прямо ведетъ къ абсолютизму. Впрочемъ, Гнейстъ противополагаетъ этому промышленному взгляду на государство не частную предпріимчивость, а личное участіе гражданъ въ мѣстномъ управленіи, а потому мы разберемъ его мнѣніе ниже, говоря о послѣднемъ. Но здѣсь нельзя не замѣтить, что доказательствъ въ пользу своего взгляда онъ не представилъ. Абсолютизмъ возникаетъ изъ раздѣленія труда только тогда, когда уничтожается всякій общественный контроль надъ чиновничествомъ, когда граждане

совершенно перестаютъ принимать участіе въ общественныхъ дѣлахъ, ограничиваясь частною жизнью. Но тамъ, гдѣ этотъ контроль существуетъ, гдѣ есть представительныя учрежденія, черезъ которыя общество можетъ предъявлять свои требованія и дѣйствовать на правительство, свобода сохраняетъ надлежащія гарантіи. Нѣтъ сомнѣнія, что представительное устройство требуетъ отъ гражданъ зоркаго вниманія къ общественному дѣлу, готовности стоять за свои права и жертвовать собою для общаго блага, но оно вовсе не ведетъ къ тому, чтобы они все дѣлали сами. Напротивъ, главная его задача состоитъ въ сочетаніи противоположныхъ началъ: раздѣленія труда, которое составляетъ преимущество абсолютизма, съ тѣми гарантіями, которыя требуются свободою. Это—приближеніе къ тому, что можно назвать идеальнымъ устройствомъ общества, гдѣ каждый исполняетъ свое назначеніе въ согласіи съ другими. Въ государствѣ долженъ быть предоставленъ надлежащій просторъ и правительственной дѣятельности и свободѣ гражданъ; оба элемента должны развиваться согласно, не усиливаясь одинъ въ ущербъ другому. Разумное сочетаніе обоихъ началъ составляетъ и удобство жизни и плодъ цивилизаціи.

Однако эта идеальная гармонія есть только цѣль, которую должно имѣть въ виду всякое общество. Въ дѣйствительности, перевѣсъ того или другаго начала опредѣляется мѣстными и народными особенностями. Одинъ народъ, одаренный духомъ инициативы, любитъ прибѣгать къ частной предпріимчивости, другой проявляетъ свои способности преимущественно въ правительственной дѣятельности. У англо-саксонскаго племени, избытокъ личнаго начала и ревнивое отношеніе свободы къ правительству повели къ излишнимъ ограниченіямъ государственной власти, которая поэтому лишилась нѣкоторыхъ существенныхъ своихъ принадлежностей. Каждое расширеніе правительственнаго вѣдомства кажется орудіемъ притѣсненія гражданъ. Вслѣдствіе этого, въ Англіи до сихъ поръ не могутъ рѣшится на введеніе назначаемыхъ правительствомъ прокуроровъ для преслѣдованія преступленій, не смотря на то, что общественное мнѣніе вполнѣ сознаетъ всѣ недостатки настоящаго способа преслѣдованія, посредствомъ частныхъ лицъ или простыхъ полицейскихъ чиновниковъ, при чемъ въ добавокъ, наперекоръ здравому смыслу, государство беретъ на себя всѣ издержки. По той же причинѣ, вліяніе правительства на народное образованіе ограничивается въ Англіи раздачею ссудъ част-

нымъ школамъ. Въ подобныхъ явленіяхъ выражается особенно ревнивый духъ англійской аристократіи, которая издавна смотрѣла на правительство, какъ на соперника, и старалась по возможности стѣснить его, опасаясь ослабленія своего вліянія въ областяхъ. Но съ тѣхъ поръ, какъ средніе классы пріобрѣли перевѣсъ въ государствѣ, въ Англіи водворяется порядокъ вещей, гораздо ближе подходящій къ тому, который господствуетъ на европейскомъ материкѣ. Очевидные недостатки, проистекающіе отъ слабости правительственной власти, плохое состояніе мѣстнаго управленія и въ особенности бѣдственное положеніе низшихъ классовъ постепенно повели къ усиленію государственной дѣятельности и правительственной опеки. Законодательство, въ теченіи болѣе тридцати лѣтъ, движется этимъ путемъ; общественный бытъ значительно отъ этого выигралъ, а между тѣмъ свобода такъ же крѣпка, какъ прежде. Что касается до Америки, то особенно въ послѣднее время, ее нерѣдко выставляютъ образцомъ для европейскихъ народовъ. Здѣсь республиканская форма съ союзнымъ устройствомъ благопріятствуетъ безмѣрному расширенію свободы, а особенности американскаго быта дѣлаютъ этотъ избытокъ безвреднымъ. Но надобно быть Американцемъ, чтобы вжиться въ такой порядокъ вещей, гдѣ каждый долженъ вѣчно стоять на сторожѣ, гдѣ рискъ и одолѣніе опасностей считаются первымъ наслажденіемъ жизни, и гдѣ главная цѣль людей состоитъ въ неудержимомъ стремленіи къ промышленной дѣятельности. Европейскимъ народамъ едва ли этотъ бытъ покажется вожделѣннымъ. У обѣихъ отраслей англо-саксонскаго племени, энергическое развитіе личной предпріимчивости вытекаетъ изъ ихъ характера и исторіи. Оно безъ сомнѣнія содѣйствовало раннему водворенію политической свободы, но не составляетъ необходимаго ея условія. Народы европейскаго материка имѣютъ свои свойства и свое историческое развитіе, которое привело къ значительному, нерѣдко даже одностороннему расширенію правительственной дѣятельности. Отказываться отъ своего прошедшаго и отъ добытыхъ имъ результатовъ нѣтъ никакой нужды. Тамъ, гдѣ государственный элементъ получилъ слишкомъ значительный перевѣсъ надъ общественнымъ, слѣдуетъ восполнить этотъ недостатокъ, вызвавъ къ дѣятельности начало свободы; но это ограниченіе должно совершиться во имя желанной гармоніи различныхъ общественныхъ силъ, а не въ пользу противоположной крайности.

Таковы существенныя начала, опредѣляющія отношенія государства къ обществу. Одно восполняетъ другое въ достиженіи общей цѣли. Какъ въ своемъ строеніи, такъ и въ дѣятельности, они находятся въ обратно-пропорціональномъ отношеніи. Поэтому, между ними нерѣдко возникаетъ борьба, которой высшая цѣль есть однако идеальная гармонія.

Отсюда можно вывести общее заключеніе относительно представительнаго устройства: всѣ тѣ условія, которыя способствуютъ объединенію общества и вызываютъ въ немъ самодѣятельность, ведутъ къ установленію представительнаго порядка; напротивъ, все что разъединяетъ общество, задерживаетъ развитіе политической свободы. Въ слѣдующихъ главахъ, мы разсмотримъ это подробнѣе.

ГЛАВА 2.

ФИЗИЧЕСКІЯ УСЛОВІЯ СТРАНЫ И ИХЪ ВЛІЯНІЕ НА ПРЕДСТАВИТЕЛЬНОЕ УСТРОЙСТВО.

Политическіе писатели издавна замѣчали то вліяніе, которое имѣетъ физическая природа на образы правленія. Глубочайшіе мыслители и древняго и новаго міра указывали на климатъ, на близость моря, на пространство земли, какъ на условія, опредѣляющія въ большей или меньшей степени политическій бытъ народовъ. Въ новѣйшее время, подъ вліяніемъ реальнаго направленія, эти изслѣдованія вдаются даже въ крайность. Физическими условіями стараются объяснить все устройство государствъ, не принимая во вниманіе чисто человѣческихъ началъ, которыя играютъ въ исторіи гораздо важнѣйшую роль.

Политическая наука должна признать значеніе обоихъ элементовъ. Человѣкъ не связанъ безусловно опредѣленіями внѣшней природы. Какъ существо свободное, онъ не только способенъ отъ нихъ отрѣшиться, но и покоряетъ ихъ себѣ. На одной и той же почвѣ, въ разныя времена, народы проходятъ черезъ совершенно различныя общественныя формы. Тѣмъ не менѣе, физическія условія имѣютъ несомнѣнное вліяніе на устройство обществъ. Не налагая на народную

жизнь неизмѣнной печати, не дѣйствуя, какъ непреложный законъ природы, они способствуютъ развитію того или другаго элемента, задерживаютъ или ускоряютъ ходъ, опредѣляютъ черты народнаго характера, и тѣмъ самымъ имѣютъ прямое вліяніе на политическій бытъ. Мы видѣли, что географическое положеніе Англіи въ значительной степени объясняетъ исторію ея учрежденій. Если возможность политической свободы опредѣляется состояніемъ общества, то она состоитъ въ зависимости и отъ природы страны. Мы можемъ приложить здѣсь тотъ законъ, который мы вывели въ предъидущей главѣ: физическія условія, способствующія объединенію общества, и вызывающія въ немъ самодѣятельность, ведутъ къ представительнымъ учрежденіямъ, и наоборотъ, условія противоположнаго свойства служатъ имъ препятствіемъ. Это одинъ изъ факторовъ политической жизни, на который нельзя не обратить вниманія. Если неблагопріятныя физическія условія не представляютъ безусловной преграды улучшеніямъ, то они выясняютъ затрудненія, раскрываютъ разумныя причины существующаго порядка и налагаютъ на общественныхъ дѣятелей обязанность осторожности при перемѣнахъ. Человѣческая мысль встрѣчается здѣсь не съ произведеніями произвола, а съ высшими законами, передъ которыми она останавливается съ благоговѣніемъ.

Одно изъ важнѣйшихъ условій, опредѣляющихъ форму политическаго быта, есть пространство государства. Это —чисто физическое отношеніе, которое зависитъ не только отъ людей, заселяющихъ страну, но и отъ самой ея природы. Островъ естественно предназначается къ образованію въ немъ единаго государства, котораго объемъ опредѣляется величиною земли. Тоже, хотя въ меньшей степени, можно сказать и о полуостровахъ. Обширныя равнины способствуютъ разселенію одного племени и какъ бы приготовлены самою природою для великихъ державъ. Напротивъ, горныя страны разъединяютъ людей и содѣйствуютъ образованію мелкихъ, замкнутыхъ въ себѣ союзовъ. Географическое отношеніе горныхъ частей къ смежнымъ равнинамъ опредѣляетъ возможность самостоятельнаго ихъ существованія или необходимость присоединенія ихъ къ болѣе обширному цѣлому. Всѣ эти данныя имѣютъ несомнѣнное значеніе для политической жизни, ибо образъ правленія находится въ тѣсной связи съ величиною государства. Греки не понимали своихъ республикъ иначе, какъ на

тѣсномъ пространствѣ. Этимъ мелкимъ, свободнымъ союзамъ издавна противополагались громадныя деспотіи Азіи. Монтескьё замѣтилъ, что небольшимъ государствамъ свойственна республиканская форма, среднимъ умѣренная монархія, въ обширныхъ же равнинахъ естественно водворяется деспотизмъ. Тоже доказывалъ и Руссо, утверждая, что чѣмъ шире пространство земли, тѣмъ сосредоточеннѣе должна быть правительственная власть. Если этого положенія нельзя признать безусловнымъ закономъ, опредѣляющимъ на вѣки политическое устройство земли, то несомнѣнно, что въ немъ заключаются весьма существенныя мысли. Широкія пространства раздѣляютъ людей, а потому требуютъ болѣе сосредоточенной власти. Въ большомъ государствѣ, особенно при скудномъ населеніи, сношенія рѣже и затруднительнѣе; люди, разсѣянные въ пустынѣ, менѣе сталкиваются другъ съ другомъ и лишены возможности дѣйствовать сообща; отдѣльныя области имѣютъ мало взаимной связи; разнообразіе условій порождаетъ противоположность интересовъ; нерѣдко сюда привходитъ и различіе народностей, включаемыхъ въ огромное пространство. Все это, разъединяя общество, въ значительной степени затрудняетъ водвореніе политической свободы. Большія государства образуются и долго держатся силою сосредоточенной власти, которая одна въ состояніи охранять ихъ отъ распаденія. Народъ можетъ гордиться своимъ единствомъ, силою и могуществомъ, но онъ долженъ знать, что все это дается ему въ ущербъ свободѣ. Нужны весьма благопріятныя условія и высокое общественное развитіе, чтобы соединить здѣсь необходимую силу власти съ благодѣяніями представительныхъ учрежденій. Во всякомъ случаѣ, это требуетъ долгой и тяжелой внутренней работы. Разомъ это не дается.

Въ мелкихъ государствахъ, всѣ эти препятствія устраняются сами собою. Живя въ сосѣдствѣ, люди знаютъ другъ друга; они могутъ сговариваться, дѣйствовать совокупными силами. У нихъ установляются общіе интересы, близкіе всѣмъ. Знакомство съ дѣломъ, которое у нихъ постоянно на глазахъ, развиваетъ въ нихъ способность къ самоуправленію. Поэтому, свобода находитъ здѣсь самую удобную почву. Напротивъ, абсолютизмъ тѣмъ менѣе умѣстенъ въ малыхъ странахъ, что мелочность интересовъ и близкое отношеніе правительства къ подданнымъ дѣлаютъ его слишкомъ чувствительнымъ для народа. Власть, дѣйствующая издалека, всегда менѣе тяжела, неже-

ли та, которая находится въ сосѣдствѣ. Правительство, представляющее обширные интересы, естественно пользуется бо̀льшимъ уваженіемъ, нежели то, которое вращается въ мелкой сферѣ. Наконецъ, малые народы обыкновенно не имѣютъ тѣхъ великихъ задачъ, тѣхъ всемірно-историческихъ цѣлей, которыя въ большихъ государствахъ нерѣдко сокрушаютъ развитіе свободы.

Однако, съ другой стороны, представительныя учрежденія въ мелкихъ государствахъ имѣютъ и свои невыгоды. Они требуютъ сложнаго устройства, для котораго часто недостаетъ способныхъ людей. Это относится особенно къ конституціонной монархіи, гдѣ сочетаніе разнородныхъ элементовъ и необходимость задержекъ и гарантій влекутъ за собою искусственную организацію властей. Къ этому присоединяется узкость общественныхъ интересовъ, которая невыгодно отзывается на свободныхъ учрежденіяхъ. Столкновенія и борьба партій нерѣдко принимаютъ здѣсь мелочной и щепетильный характеръ. Когда народъ стоитъ на низкой степени развитія, особенно при господствѣ патріархальнаго быта, онъ можетъ быть доволенъ порядкомъ вещей, въ которомъ онъ самъ обдѣлываетъ свои дѣла; но съ расширеніемъ взглядовъ, съ развитіемъ потребностей и образованія, возбужденная самодѣятельность общества не удовлетворяется узкими рамками, въ которыя она поставлена; она ищетъ болѣе широкаго поприща. Поэтому, свободныя государства, заключенныя въ тѣсномъ пространствѣ, если они не принуждены боязливо отстаивать свою самостоятельность противъ могучихъ сосѣдей, естественно стремятся къ расширенію. Этимъ въ значительной мѣрѣ объясняются завоевательныя наклонности древнихъ республикъ. Въ новое время, вмѣсто стремленія къ преобладанію, является желаніе примкнуть къ болѣе обширной народности, войти въ составъ великаго государства, въ которомъ владычествуютъ болѣе возвышенныя цѣли. Отсюда естественная связь между либерализмомъ и началомъ національности, которое въ настоящее время выдвинулось на первый планъ. Это можно замѣтить особенно въ Германіи; но тоже явленіе повторяется и въ другихъ странахъ. Такъ напримѣръ, въ Швейцаріи, развитіе демократической свободы привело къ болѣе тѣсному единенію кантоновъ; новое союзное устройство выводитъ политическую жизнь изъ замкнутости мѣстныхъ интересовъ. Если свобода съ трудомъ водворяется въ обширныхъ державахъ, то въ мелкихъ ей поставлены

предѣлы, изъ которыхъ она стремится выдти. Среднее пространство болѣе всего способствуетъ гармоническому сочетанію общественныхъ элементовъ.

Кромѣ объема земли, существенное значеніе для политическаго устройства имѣетъ и географическое ея положеніе. Безопасность отъ внѣшнихъ враговъ устраняетъ необходимость сосредоточенной власти и тѣмъ самымъ даетъ элементамъ свободы возможность отстоять свою самостоятельность, дать отпоръ стремленіямъ къ произволу. Внутреннія силы общества могутъ сочетаться сообразно съ своею природою и съ своимъ значеніемъ въ цѣломъ, не подвергаясь искусственному объединенію вслѣдствіе внѣшняго напора. Мы видѣли, какъ въ Англіи географическое положеніе острова содѣйствовало развитію свободы. Тому же уединенному положенію можно приписать постоянство конституціонныхъ учрежденій въ Швеціи. Республиканское устройство Швейцаріи нашло себя оплотъ въ окружающихъ горахъ и ускользнуло такимъ образомъ отъ общаго движенія, подчинившаго сосѣднія страны самодержавной власти. Если при такихъ благопріятныхъ условіяхъ, свободный народъ умѣетъ отстоять свою независимость противъ случайнаго нападенія могучаго врага, какъ сдѣлали Швейцарцы и древніе Греки, то свобода почерпаетъ въ побѣдѣ еще большую крѣпость. Но вообще, страна, подверженная вторженіямъ чужестранцевъ, нуждается въ сосредоточенной власти, которая, получая рѣшительный перевѣсъ надъ другими элементами, легко становится неограниченною. Окруженный опасностями, народъ инстинктивно чувствуетъ потребность вождя; онъ видитъ въ немъ знамя и спасителя. Изъ этого слагаются извѣстныя понятія и привязанности, которыя опредѣляютъ и характеръ народа и его историческое развитіе. Ничто такъ не содѣйствовало водворенію самодержавія во Франціи, какъ многолѣтнія войны съ Англіею и вызванныя ими бѣдствія. Тоже самое мы видимъ и въ Испаніи. Хотя съ XVII вѣка, эта страна живетъ особнякомъ, не принимая почти участія въ европейскихъ дѣлахъ, но весь средневѣковой періодъ прошелъ для нея въ упорной борьбѣ съ иновѣрными покорителями, а потому единство власти и религіи сдѣлалось для нея началомъ, которое наложило неизгладимую печать на все ея политическое устройство. Невозможно отрицать и то вліяніе, которое имѣло владычество Татаръ на установленіе единодержавія въ Россіи. Въ новѣйшее вре-

ія, мы видимъ примѣръ другаго рода: свободныя учрежденія послужили Италіи орудіемъ противъ чужеземнаго гнета. Но здѣсь, внѣшняя война была явленіемъ мимолетнымъ, а надежда на чужую помощь устраняла необходимость чрезмѣрнаго напряженія силъ. Между тѣмъ, и здѣсь, внѣшняя опасность скрѣпила единство земли и возвысила монархическое начало, которое является оплотомъ и противъ стремленій къ распаденію и противъ республиканскихъ идей.

Кромѣ физическихъ условій, способствующихъ объединенію общества, на развитіе представительныхъ учрежденій имѣютъ вліяніе и тѣ, которыя вызываютъ самодѣятельность народа. Сюда относится все, что возбуждаетъ въ человѣкѣ энергію, предпріимчивость, что расширяетъ его кругозоръ. Въ этомъ отношеніи, важное значеніе имѣетъ разнообразіе природы, сочетаніе горъ и равнинъ, суши и водъ. Подъ вліяніемъ многостороннихъ впечатлѣній, развиваются различныя стороны человѣческаго духа, которыхъ взаимнодѣйствіе возбуждаетъ народныя силы, производитъ разнообразіе направленій и тѣмъ самымъ возводитъ жизнь на высшую ступень. Ничто, напротивъ, такъ не препятствуетъ развитію духовныхъ силъ человѣка, какъ однообразіе естественныхъ условій, среди которыхъ онъ живетъ. Налагая на жизнь неизмѣнную печать, сковывая ее въ извѣстномъ направленіи, оно устраняетъ побужденія къ дѣятельности и усовершенствованіямъ. Этимъ опредѣляется различіе странъ континентальныхъ и приморскихъ. Близость моря издавна считалась однимъ изъ самыхъ благопріятныхъ условій для человѣческаго развитія. Мореплаваніе возбуждаетъ въ людяхъ энергію и предпріимчивость. Оно, вмѣстѣ съ тѣмъ, приводитъ народъ въ соприкосновеніе съ другими, производитъ обмѣнъ мыслей, раскрываетъ человѣку новые міры. Внѣшнія сношенія одни въ состояніи вывести народъ изъ замкнутости и оцѣпенѣнія, въ которыя онъ погружается, когда живетъ особнякомъ. Если безопасность отъ внѣшнихъ враговъ составляетъ условіе внутренней свободы, то не менѣе важны въ этомъ отношеніи мирныя соприкосновенія съ иностранцами. Географическое обособленіе Англіи находило самое сильное противодѣйствіе въ ея морскомъ положеніи, которое открывало ей всѣ страны свѣта и дѣлало ее постоянною участницею европейской жизни. Историки давно замѣчаютъ, до какой степени благопріятны для развитія были естественныя условія въ Греціи, одаренной необыкновеннымъ протяженіемъ морскихъ бере-

говъ, съ глубоко врѣзывающимися заливами, съ безконечнымъ разнообразіемъ и богатствомъ природы. Чутье этой потребности заставляло и Россію неудержимо стремиться къ морскимъ берегамъ, и когда наконецъ явился въ ней могучій геній, который, понявъ ея призваніе, вдвинулъ ее въ среду европейскихъ народовъ, первымъ инстинктомъ его неутомимо дѣятельной природы была неодолимая страсть къ морю.

Но и въ континентальныхъ странахъ, естественныя условія могутъ быть болѣе или менѣе благопріятны развитію общественной жизни и свободы. Это зависитъ отъ разнообразія почвы, отъ удобства сношеній, наконецъ, отъ самаго промышленнаго быта, который опредѣляется природою и произведеніями земли. Изъ различныхъ отраслей промышленности, торговля болѣе всего способствуетъ развитію предпріимчивости; поэтому такое важное значеніе имѣетъ море, открывающее произведеніямъ всемірный рынокъ. Затѣмъ, напряженной дѣятельности и изобрѣтательности требуетъ промышленность обработывающая. Менѣе же всего содѣйствуетъ общественному развитію земледѣліе, которое придаетъ народной жизни слишкомъ однообразный характеръ, и завися болѣе отъ природы, нежели отъ личной предпріимчивости, обыкновенно слѣдуетъ за успѣхами другихъ отраслей. На тѣсномъ пространствѣ, земледѣльческій народъ можетъ дать свободѣ весьма крѣпкія основы; но обширныя страны, съ преобладающимъ земледѣльческимъ характеромъ, медленнѣе всѣхъ двигаются на пути совершенствованія и свободы. Таково именно положеніе Россіи. Если мы возьмемъ всю совокупность естественныхъ ея условій, мы поймемъ, почему она менѣе всѣхъ другихъ европейскихъ странъ приняла въ себя начала свободы и болѣе всѣхъ нуждалась въ сосредоточенной власти. Громадность государства, скудость народонаселенія, однообразіе условій, земледѣльческій бытъ, трудность сношеній съ Европою и доступность азіятскимъ ордамъ, все это въ высшей степени затрудняло, какъ внутреннее объединеніе народа, такъ и развитіе въ немъ самодѣятельности. Восполнить эти недостатки могла только крѣпкая власть, которая, стоя на вершинѣ, давала единство государству и направляла общественныя силы, возбуждая ихъ къ дѣятельности, нерѣдко даже насильственными мѣрами. Сравнивая Россію съ Сѣверо-Американскими Штатами, можно усмотрѣть между ними нѣкоторыя сходныя черты: и здѣсь и тамъ, огромныя простран-

ства заселяются народомъ, который не потратилъ еще силъ во внутреннихъ бореніяхъ и смѣло глядитъ въ будущее. Но при этомъ внѣшнемъ сходствѣ, какое неизмѣримое различіе въ бытѣ и учрежденіяхъ! Оно объясняется самымъ географическимъ положеніемъ странъ: одну занимаетъ народъ континентальный, который съ трудомъ пробился къ морю, другую—народъ приморскій, который завоевалъ себѣ материкъ.

Но, какъ мы уже сказали, природа не налагаетъ на общественную жизнь неизмѣннаго клейма. Человѣческій духъ отрѣшается отъ естественныхъ условій и покоряетъ себѣ природу. Громадныя пространства уничтожаются новыми изобрѣтеніями. Желѣзныя дороги и телеграфы сближаютъ людей, производятъ самый быстрый обмѣнъ мыслей между отдаленными краями, вводятъ обширныя государства въ тѣже условія, въ какихъ находились малыя. Физическія преграды не въ состояніи остановить идей. Повсюду распространяются общія понятія и нравы, что болѣе всего содѣйствуетъ внутреннему объединенію обществъ. Расширенный кругозоръ, безпрерывныя столкновенія, вызывая новыя силы духа, возбуждаютъ самодѣятельность въ людяхъ. Все это неизбѣжно ведетъ къ развитію свободы, а въ конечномъ результатѣ къ представительнымъ учрежденіямъ. Всѣ новые европейскіе народы, рано или поздно, силою вещей, должны къ этому придти, ибо это естественно вытекаетъ изъ хода жизни, изъ развитія условій, на которыхъ зиждется свобода. Вопросъ состоитъ единственно во времени, въ болѣе или менѣе быстромъ достиженіи цѣли. Это зависитъ уже не отъ физическихъ опредѣленій, а отъ дѣятельности духа, который трудомъ и борьбою ставитъ природу въ служебное къ себѣ отношеніе.

ГЛАВА 3.

НАРОДНОСТЬ И ЕЯ ОТНОШЕНІЕ КЪ ПРЕДСТАВИТЕЛЬНЫМЪ УЧРЕЖДЕНІЯМЪ.

Изъ числа человѣческихъ элементовъ, отъ которыхъ зависитъ развитіе учрежденій, на первомъ мѣстѣ стоитъ народность. Ею опредѣляется составъ государства, который имѣетъ огромное вліяніе на его устройство и дѣятельность. Въ государство могутъ входить нѣсколько народностей, или же оно состоитъ, если не исключительно, то въ весьма значительной мѣрѣ, изъ одной. И то и другое имѣетъ существенное значеніе для представительныхъ учрежденій.

Въ новѣйшее время появилось могучее стремленіе собрать каждую народность въ отдѣльное политическое тѣло. Разсѣянныя части соединяются въ одно цѣлое, сложныя государства распадаются. Многіе стараются возвести это явленіе въ общее начало, признавая за каждою народностью право составить особое государство. Примѣръ Италіи, которой возрожденіе возбудило общее сочувствіе Европы, придалъ особенную силу этимъ идеямъ. Онѣ прилагаются къ Германіи, къ Польшѣ, и развиваются въ цѣлую систему, имѣющую въ виду преобразованіе всей европейской карты. Корень этихъ стремленій лежитъ въ началѣ свободы, изъ котораго выводится право каждаго общества устроивать свой бытъ сообразно съ своими внутренними потребностями и естественными опредѣленіями.

Однако этихъ ученій нельзя не признать односторонними. Если начало свободы не имѣетъ безусловнаго значенія въ устройствѣ внутренняго государственнаго быта, а должно подчиняться высшимъ требованіямъ разума и порядка, то тѣмъ менѣе оно можетъ имѣть притязаніе на исключительное господство въ области международнаго права. Составъ государства опредѣляется, какъ историческимъ его развитіемъ, такъ и отношеніями живущихъ въ немъ рядомъ элементовъ. Во многихъ странахъ, племенныя группы такъ перепутаны между собою,

что невозможно ихъ раздѣлить. Вездѣ, существующія народности возникли изъ смѣшенія племенъ, которое дало имъ ширину и разносторонность развитія. Наконецъ, не всякая физіологическая народность способна къ государственной жизни. Для устройства державнаго тѣла нужны высшее сознаніе и воля, которыя далеко не составляютъ достоянія всякаго общества. Государство призвано къ осуществленію верховныхъ началъ человѣческой жизни; оно, какъ самостоятельное лице, играетъ всемірно-историческую роль, участвуетъ въ рѣшеніи судебъ человѣчества. Занять такое положеніе можно не во имя отвлеченныхъ понятій о свободѣ, а только въ силу высшихъ способностей; а такъ какъ въ международныхъ отношеніяхъ нѣтъ власти, опредѣляющей права, то народъ долженъ свою способность доказать на дѣлѣ. Она раскрывается изъ его исторіи, изъ его умѣнія пользоваться предоставленною ему свободою, изъ энергіи, постоянства и благоразумія, съ которыми онъ преслѣдуетъ свои цѣли. Менѣе всего она доказывается революціонными попытками, которыя, имѣя чисто отрицательную силу, выражаютъ способность къ разрушенію, а не къ созданію. Конечно, національныя стремленія, также какъ и требованія свободы, принуждены иногда пролагать себѣ путь возстаніемъ противъ установленнаго порядка; но не всякая революція можетъ быть нравственно оправдана, а только та, которая служитъ крайнимъ убѣжищемъ нужды. Если возстаніе Грековъ противъ турецкаго ига встрѣтило сочувствіе и поддержку въ европейскихъ державахъ, то невозможно одинаково оправдать отложеніе Юга въ Соединенныхъ Штатахъ, козни ирландскихъ феніевъ, или послѣднее возмущеніе Польши, которое безумнымъ образомъ разрушило всѣ либеральныя уступки правительства и дѣйствовало помощью тайныхъ убійствъ и неслыханнаго террора, распространеннаго подземными властями. Во всякомъ случаѣ, о правѣ народностей на самостоятельное существованіе не можетъ быть рѣчи. Народность имѣетъ только тѣ права, которыя принадлежатъ ей по законамъ государства и по международнымъ трактатамъ. Противоположное воззрѣніе ведетъ къ отрицанію всего существующаго порядка вещей. Народность есть сила, которой въ политикѣ нельзя не признать, которую государственный дѣятель не можетъ упустить изъ виду, но правомъ она облекается только тогда, когда она организуется въ независимое государственное тѣло и признается другими. Право принадлежитъ не народности, а государству.

Первая есть неустроенная стихія, второе образуетъ юридическое лице, въ составъ котораго могутъ входить, не только одна, но и нѣсколько народностей.

Сборное государство, будучи юридически безукоризненнымъ, имѣетъ однако значительныя политическія невыгоды. Ничто такъ не разъединяетъ общества, а потому такъ не мѣшаетъ развитію свободныхъ учрежденій, какъ различіе народностей, входящихъ въ составъ государства. Безъ единства народнаго духа невозможно и единство политическаго направленія, которое, прежде всего, должно выражаться въ общихъ національныхъ стремленіяхъ, составляющихъ основу всей государственной жизни. Гдѣ нѣтъ общей любви къ отечеству и единодушнаго желанія поддержать его цѣльность и его интересы, тамъ тщетны попытки представительнаго устройства. Поэтому необходимо, чтобы въ государствѣ была по крайней мѣрѣ одна народность, значительно преобладающая надъ остальными, отъ которой бы зависѣло общее направленіе представительнаго собранія.

Однако и это начало не слѣдуетъ доводить до крайности. Не всегда существованіе въ государствѣ народныхъ особенностей можетъ считаться зломъ. Государство слагается исторически изъ различныхъ составныхъ частей, которыхъ разнообразіе придаетъ общественной жизни бо́льшую широту, а иногда вноситъ въ нее новыя начала и высшее образованіе. Однородная масса слишкомъ склонна къ односторонности и исключительности. Безъ сосѣдства другихъ элементовъ, она нерѣдко погружается въ апатію; будучи призвана къ участію въ политической жизни, она безъ задержки легко даетъ ходъ всѣмъ своимъ недостаткамъ. Напротивъ, если она обставляется другими, чуждыми ей стихіями, односторонность ея смягчается, недостатки воздерживаются или восполняются чужими качествами, и изъ разнообразія направленій вырабатывается болѣе широкій взглядъ на вещи. Возьмемъ для примѣра народность, находящуюся подъ вліяніемъ исключительнаго вѣроисповѣданія. Присутствіе въ ней другихъ религіозныхъ элементовъ одно въ состояніи развить въ обществѣ вѣротерпимость и освободить гражданскую область изъ подъ церковной опеки; а терпимость вообще составляетъ одно изъ главныхъ качествъ, требуемыхъ свободою: люди должны научиться стоять за свое, уважая вмѣстѣ съ тѣмъ и чужое. Для успѣха представительныхъ учрежденій важно въ особенности то возбужденіе силъ, которое является послѣдствіемъ со-

прикосновенія разнообразныхъ стихій въ общемъ устройствѣ. Если этимъ уменьшается одно изъ условій свободы, общественное единство, то возвышается другое — самодѣятельность общества.

Однако, для того, чтобы это разнообразіе народностей приносило государству пользу, а не вредъ, необходимо, чтобы онѣ жили въ мирѣ, чтобы подчиненныя примыкали къ главной, сохраняя свои особенности, но не стремясь къ самостоятельности, и не становясь во враждебныя отношенія къ цѣлому. Съ своей стороны, преобладающая народность тогда только можетъ расчитывать на дружное содѣйствіе другихъ, когда она не насилуетъ ихъ, не старается всѣми способами поглотить ихъ въ себѣ, а уважаетъ ихъ особенности, ихъ права и даже ихъ предразсудки. Нѣтъ ничего вреднѣе для конституціонной жизни, какъ возбужденіе взаимнаго раздраженія народностей, входящихъ въ составъ государства. Жесткія нареканія, ядовитая полемика, мелочныя подозрѣнія въ недоброжелательствѣ, требованія подчиненія и отказа отъ своихъ особенностей, все это только отталкиваетъ подвластныя племена и готовитъ сѣмена вражды, которыя въ представительномъ устройствѣ могутъ принести самые печальные плоды. Здѣсь начинается истинное зло, которому необходимо противодѣйствовать: враждебное настроеніе части народнаго представительства можетъ принести государству величайшій вредъ. Но лѣкарство лежитъ не въ деспотизмѣ преобладающаго большинства. Это способъ дѣйствія приличный только революціонному собранію, и притомъ не всегда успѣшный, ибо при первомъ разладѣ внутри большинства, побѣжденное меньшинство можетъ воздать ему сторицею за свое пораженіе. Конституціонный порядокъ основанъ прежде всего на общей свободѣ, на обезпеченіи всѣхъ правъ, на взаимныхъ уступкахъ и соглашеніяхъ. Здѣсь подчиненную народность надобно не раздражать, не отталкивать отъ себя неумѣренными требованіями, а привлекать къ себѣ путемъ мира и справедливаго удовлетворенія ея желаній.

Общее представительство, въ которомъ люди сходятся для совокупной дѣятельности, для обсужденія общихъ интересовъ, можетъ скрѣпить и упрочить взаимную связь народностей; но оно не въ силахъ ее создать. Представительство выражаетъ только то, что есть уже въ обществѣ; поэтому надобно, чтобы связь была подготовлена жизнью. Это мирное завоеваніе чужой народности зависитъ не столько отъ здравой политики правительства, сколько отъ нравственной

силы господствующаго народа, отъ притягательной способности высшихъ классовъ и отъ трудолюбія среднихъ. Образованная аристократія, съ блистательнымъ политическимъ положеніемъ, легко притягиваетъ къ себѣ чуждые аристократическіе элементы, которые, стремясь занять въ обществѣ высокое мѣсто, примыкаютъ къ однороднымъ стихіямъ. Общеніе нравовъ и интересовъ служитъ здѣсь связующимъ началомъ. Такъ, австрійская аристократія поглотила въ себѣ чешскую; такъ польская обратила въ Поляковъ дворянство Литовскаго Княжества. Съ другой стороны, трудолюбивое среднее состояніе, выселяясь въ чужіе предѣлы, дѣлаясь въ нихъ осѣдлымъ, создавая себѣ жизненный центръ въ подчиненной области, мало по малу вытѣсняетъ чуждую народность и производитъ смѣшеніе элементовъ, которое вѣрнѣе всего парализуетъ стремленія къ отдѣленію. Образецъ такого завоевательнаго труда представляютъ Нѣмцы во многихъ провинціяхъ, гдѣ они успѣли, если не вполнѣ, то въ значительной степени, замѣнить туземное населеніе своимъ. Но еще болѣе разительный примѣръ нравственной силы преобладающей народности можно видѣть въ Лотарингіи и Эльзасѣ. Вошедши въ составъ Франціи, эти области привязались къ ней сердцемъ и совершенно отреклись отъ прежней національности. Причинъ этого явленія должно искать не въ той или другой политической мѣрѣ, а во всемъ развитіи французской исторіи. Блескъ двора и вѣка Лудовика XIV-го, всемогущее вліяніе французской литературы, которое до половины XVIII-го вѣка было преобладающимъ въ самой Германіи, неудержимый энтузіазмъ революціи, побѣды и величіе Наполеона, новый гражданскій бытъ, несравненно высшій, нежели прежній, все это связало отдѣльныя части Франціи неразрывными связями, умственными и нравственными, не смотря на племенныя различія.

Это мирное дѣйствіе одной народности на другую гораздо важнѣе, нежели правительственныя мѣры, которыя могутъ содѣйствовать общественнымъ силамъ, но никогда не замѣняютъ ихъ вполнѣ. Однако, для подобнаго результата не всегда существуютъ нужныя условія. Иногда препятствіе заключается въ недостаткахъ преобладающей народности, иногда въ историческихъ причинахъ, опредѣляющихъ стремленія подчиненной. Въ такомъ случаѣ, если враждебнаго настроенія нельзя побѣдить мирнымъ путемъ, остается дѣйствовать правительственными средствами. Но здѣсь, самодержавное правитель-

ство гораздо вѣрнѣе достигаетъ цѣли, нежели конституціонное. Оно допускаетъ менѣе свободы въ подчиненныхъ и болѣе произвола въ правителяхъ; оно дѣйствуетъ безъ огласки и не даетъ хода неудовольствію, а это именно то, что требуется для подавленія враждебнаго отпора. Конституціонный порядокъ умѣстенъ при нормальномъ положеніи дѣлъ, для водворенія всеобщей свободы и законности, а не для побѣды надъ внутреннимъ врагомъ. Послѣдняя цѣль всегда лучше достигается сосредоточенною властью.

Менѣе всего можно допустить участіе враждебной народности въ общемъ представительствѣ. Стараться подавить чуждый элементъ въ извѣстной части государства, а вмѣстѣ съ тѣмъ, пріобщить его къ верховной власти, это—вопіющее противорѣчіе, которое идетъ наперекоръ всѣмъ требованіямъ здравой политики. Когда государству предстоитъ подобная задача, лучше отложить введеніе конституціоннаго устройства до тѣхъ поръ, пока не явится возможность возвратиться къ правильному порядку. Или же, если время не терпитъ, лучше не распространять конституціонныхъ правъ на тотъ край, въ которомъ господствуетъ враждебная народность. Это имѣетъ свои невыгоды, ибо, вмѣсто установленія ближайшей связи съ цѣлымъ, область ставится въ еще болѣе исключительное положеніе, какъ бы отрѣзываясь отъ остальнаго. Но это меньшая невыгода, нежели введеніе въ общее представительство враждебнаго элемента, которому участіе въ верховной власти придаетъ только бо́льшую силу.

Для примѣра возьмемъ наши западныя губерніи и представимъ себѣ, что онѣ были бы включены въ представительное собраніе, созванное для всей имперіи. Верхній слой народонаселенія, единственный, въ которомъ существуетъ политическая жизнь, и который въ состояніи дать серьозное представительство, состоитъ тамъ изъ Поляковъ, болѣе или менѣе враждебныхъ Россіи, какъ доказало недавнее возстаніе. Задача состоитъ въ полномъ обрусѣніи этого края посредствомъ возвышенія низшихъ, чисто русскихъ слоевъ. Но эта цѣль становится неисполнимою, какъ скоро польскому элементу предоставляется не только полная свобода дѣйствій, но и участіе въ верховномъ собраніи, гдѣ его представители естественно составятъ замкнутую, единодушную и весьма опасную группу. Если же выборы будутъ устроены такъ, что преобладаніе въ нихъ получатъ низшіе классы, то наименьшее зло будетъ состоять въ совершенной неспособности выбор-

ныхъ къ рѣшенію политическихъ вопросовъ; главное же то, что въ остальномъ государствѣ надобно будетъ устроить представительство по тому же совершенно ненормальному образцу, давши въ немъ перевѣсъ низшимъ классамъ надъ высшими. Отсюда слѣдуетъ, что или введеніе представительнаго порядка совершенно невозможно, или оно невозможно по крайней мѣрѣ для значительной части государства. Если, продолжая приведенный примѣръ, мы представимъ себѣ, что сюда было бы включено и все Царство Польское, то это было бы еще большее осложненіе задачи; тутъ должна исчезнуть уже всякая надежда на сколько нибудь благопріятный исходъ.

Противъ этихъ доводовъ нельзя сослаться на примѣръ Ирландіи, которая, не смотря на враждебныя чувства къ Англіи и на стремленіе къ отдѣленію, господствующее въ части народонаселенія, посылаетъ своихъ представителей въ англійскій парламентъ. Тамъ иные элементы и иная задача. Англійская народность издавна пустила въ Ирландіи самые глубокіе корни. Она является въ ней владычествующею, она располагаетъ громадными матеріяльными средствами и высшимъ образованіемъ; съ нею чисто ирландскій элементъ никогда не въ состояніи совладать. Когда, въ 1800-мъ году, ирландскій парламентъ былъ присоединенъ къ англійскому, въ представительствѣ учавствовали одни только протестанты, то есть собственно Англичане. Въ 1829-мъ году, политическія права получили и католики; но при самомъ враждебномъ ихъ настроеніи къ Англіи, присутствіе ихъ не могло быть вредно въ парламентѣ, стоящемъ на вѣковыхъ основахъ, имѣющемъ свои твердыя преданія и крѣпко организованныя партіи. Наконецъ, въ Ирландіи національныя стремленія господствуютъ преимущественно въ низшихъ классахъ, исключенныхъ изъ представительства. Самая ирландская народность лишена исторической почвы и не можетъ имѣть ни малѣйшаго притязанія на самостоятельное существованіе. Всѣ подобныя попытки являются не болѣе какъ искусственною агитаціею, игрою страстей, которая находитъ поддержку главнымъ образомъ въ печальномъ положеніи низшаго населенія. Противодѣйствовать этому можно не насильственными мѣрами, а хорошимъ управленіемъ, матеріяльными жертвами и распространеніемъ благосостоянія въ народѣ. Это именно дѣлаетъ Англія, и конституціонный порядокъ даетъ для этого всѣ нужныя средства.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что враждебныя отношенія различныхъ

народностей въ государствѣ представляютъ величайшее препятствіе установленію конституціоннаго порядка; но если сліяніе уже приготовлено жизнью, и свободное дѣйствіе общественныхъ силъ служитъ достаточнымъ ручательствомъ за успѣхъ, то общее представительство, соединяя людей, можетъ еще болѣе скрѣпить эту связь. Однако необходимое при этомъ условіе, чтобы преобладающая народность не являлась притязательною, а уважала другія; иначе пламя раздора будетъ раздуваться болѣе и болѣе, и притѣсненные станутъ искать защиты у самодержавной власти. При внутреннемъ разладѣ, этотъ элементъ можетъ играть весьма важную роль. Венгрія пала въ 1849-мъ году, вслѣдствіе того, что притѣсняемые Славяне возстали за права австрійскаго императора.

Всѣ эти затрудненія исчезаютъ тамъ, гдѣ государство представляетъ болѣе или менѣе однородное цѣлое. Здѣсь существенное значеніе имѣетъ одна преобладающая народность, а потому успѣхъ учрежденій зависитъ единственно отъ ея характера и дѣятельности.

Качества, необходимыя въ народѣ для успѣха представительныхъ учрежденій, суть тѣ, которыя требуются для разумнаго и умѣреннаго употребленія свободы. Прежде всего, нужна личная энергія, самодѣятельность гражданъ. Безъ этого основнаго качества, политическая свобода остается мертвою буквою; это духъ, ее оживляющій. Тамъ, гдѣ господствуютъ лѣнь, нерадѣніе, привычка подчиняться чужой волѣ, представительныя учрежденія лишены почвы. Затѣмъ, необходимо сознаніе своихъ правъ и твердое намѣреніе за нихъ стоять. Безъ этого опять, конституціонное зданіе слишкомъ шатко, и свобода легко уступаетъ мѣсто произволу. Раздѣленіе власти въ особенности требуетъ, чтобы каждая сторона знала свое право и крѣпко его держалась. Поэтому, въ конституціонныхъ государствахъ въ высшей степени важно распространеніе въ народѣ юридическаго смысла. Ко всему этому должно присоединяться умѣніе дѣйствовать сообща. Только дружными силами возможно отстоять свободу и придти къ единству направленія. Здѣсь нужны въ гражданахъ многообразныя качества: уступчивость, сговорчивость, терпимость, привычка къ нравственной дисциплинѣ, особенно же преобладаніе общихъ интересовъ надъ частными, ибо первые соединяютъ людей, а вторые влекутъ ихъ врозь. Для общаго дѣла нѣтъ ничего пагубнѣе господства личныхъ, эгоистическихъ цѣлей въ общественныхъ дѣятеляхъ. Наконецъ, и

этого мало; устройство конституціонной монархіи требуетъ отъ народа еще высшихъ свойствъ. Свобода не составляетъ здѣсь единственной основы жизни; она должна согласоваться съ другими началами и учрежденіями. Нужно признаніе высшей воли въ лицѣ монарха и уваженіе къ законному порядку, распредѣляющему права и обязанности. Участвуя въ верховной власти, народъ не долженъ однако считать себя источникомъ всякаго права и закона и ставить весь общественный бытъ въ зависимость отъ своей воли. Отсюда необходимость умѣренности въ цѣляхъ и требованіяхъ. Народное представительство должно держаться въ извѣстныхъ границахъ, искать того, что приложимо. Основнымъ качествомъ является здѣсь практическій смыслъ, который руководится болѣе указаніями опыта, нежели умозрительными началами. Исключительность и нетерпимость одностороннихъ теорій всего вреднѣе тамъ, гдѣ требуются взаимная уступчивость и уваженіе къ чужому праву. Господство юридическаго формализма, который строго держится существующаго, гораздо умѣстнѣе къ конституціонномъ порядкѣ, нежели неопредѣленность нравственныхъ требованій и отвлеченныхъ началъ, открывающая просторъ безконечному разнообразію цѣлей и взглядовъ. Съ умѣренностью въ теоріи должна соединяться и практическая умѣренность, самообладаніе воли, воздерживающей движенія страстей и полагающей сама себѣ предѣлы, при неуклонномъ преслѣдованіи цѣли. Однимъ словомъ, сочетаніе свободы и порядка, составляющее сущность конституціонныхъ учрежденій, требуетъ, чтобы общество носило законъ въ собственномъ сознаніи, не какъ насильственно наложенное правило, и не какъ умозрительное начало, а какъ извѣстный порядокъ жизни, который слѣдуетъ уважать, измѣняя его сообразно съ развивающимися потребностями. Это касается не одной только политической области, но и всѣхъ другихъ, ибо всѣ находятся другъ съ другомъ въ связи. Это должно быть общимъ свойствомъ народнаго духа, которое пріобрѣтается привычками всей жизни и отражается на всѣхъ явленіяхъ. Тамъ, гдѣ общественный бытъ расшатался, сохраненіе конституціоннаго порядка весьма затруднительно.

Таково рѣдкое сочетаніе свойствъ, которое требуется отъ гражданъ для успѣшнаго хода представительныхъ учрежденій. Изъ европейскихъ народовъ, ими въ наибольшей степени обладаютъ Англичане. Англо-саксонское племя, преимущественно передъ другими,

одарено тою личною энергіею, тою способностью къ самодѣятельности и тѣмъ практическимъ смысломъ, которые сдѣлали его властителемъ промышленнаго міра и основателемъ представительнаго порядка въ новое время. Въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ, это личное начало, свергнувъ съ себя всѣ историческіе наросты, является исключительно владычествующимъ; поэтому, республиканское устройство здѣсь болѣе всего отвѣчаетъ свойствамъ народа. Въ Англіи, оно сдерживается уваженіемъ къ существующимъ формамъ и условіямъ жизни, а потому здѣсь отечество конституціонной монархіи. Это уваженіе свободы къ высшему порядку придаетъ всему быту болѣе возвышенный и просвѣщенный характеръ; но такъ какъ оно руководствуется не общими началами, а историческими и условными данными, то и жизнь, и воззрѣнія, и характеръ народа пріобрѣтаютъ черезъ это оттѣнокъ узкости, ограниченности и формализма. Англичанину свойственно опытное знаніе, а вовсе не умозрѣніе, то есть, цѣлая половина умственнаго міра остается для него тайною. Ему понятно то, что даетъ ему собственная практика, и съ положительной и съ отрицательной стороны; но все, что выходитъ за эти предѣлы, составляетъ для него груду свѣдѣній, не озаренныхъ мыслью, способною понимать чужеродныя явленія. Личная свобода юридически пользуется въ Англіи полнымъ просторомъ; но на дѣлѣ она всюду стѣсняется раболѣпнымъ поклоненіемъ принятымъ обычаямъ и формамъ. Лице не является здѣсь въ своемъ человѣческомъ значеніи, а цѣнится по своему общественному положенію, по своей обстановкѣ. Это оборотная сторона тѣхъ высокихъ качествъ, которыя утвердили въ Англіи конституціонный порядокъ, ранѣе нежели у другихъ народовъ. Тѣ самыя черты характера, которыя способствовали крѣпкому объединенію элементовъ собственно англійской жизни, сдѣлали ее исключительною относительно всего остальнаго. Англичане — народъ своеобразный, со всѣми преимуществами и недостатками этого свойства.

Совершенно иной характеръ Французовъ. Личная самодѣятельность далеко не имѣетъ у нихъ того развитія, какъ у сосѣдей. Напротивъ, слишкомъ часто является у нихъ наклонность все возлагать на правительство, всего отъ него требовать и тѣсниться въ его ряды. Они дорожатъ болѣе равенствомъ и политическою властью, нежели свободою. У нихъ нѣтъ и того преимущественно практическаго направленія, которымъ отличаются Англичане. Всякое явленіе они возво-

дятъ къ общимъ началамъ, созидая теоріи, всегда ясныя и опредѣленныя, но часто односторонніи. Однако они не ограничиваются умозрѣніемъ, но стремятся перевести сознанныя ими начала въ практическую жизнь, и здѣсь они дѣйствуютъ съ неудержимою силою. Во имя идеи, они готовы и разрушить старое и разомъ воздвигнуть новое зданіе, и хотя восторженные порывы влекутъ за собою реакцію, колебанія, усталость, однако начало, разъ укоренившееся въ умахъ, постоянно возрождается съ новою силою и движется впередъ по избранному пути. Такова была судьба идей свободы и и равенства, которыя, со времени первой революціи, сдѣлались исходною точкою новой исторіи Франціи и отсюда распространились по Европѣ. Это стремленіе Французовъ руководиться идеями, дѣлаетъ ихъ главными двигателями европейской политики и даетъ внутренней ихъ жизни меньшую устойчивость и послѣдовательность развитія, но большее разнообразіе, большій блескъ и большую глубину, нежели у Англичанъ. Задачи здѣсь шире, цѣли возвышеннѣе, а потому и достиженіе ихъ труднѣе. Однако, нельзя не сказать, что эти свойства народнаго характера дѣлаютъ Французовъ менѣе способными къ правильному пользованію конституціонными учрежденіями, требующими практическихъ сдѣлокъ и уступокъ, нежели къ пламенной оппозиціи, къ революціоннымъ движеніямъ и наконецъ, какъ сочетаніе этихъ противоположныхъ свойствъ, къ республикѣ съ сильною властью, опирающеюся на большинство.

Еще большею наклонностью къ умозрѣнію обладаютъ Нѣмцы. Въ этомъ заключается ихъ сила; въ наукѣ имъ безпорно принадлежитъ первенство. Но практическія ихъ способности далеко не отвѣчаютъ теоретическимъ. Въ частной жизни, у нихъ встрѣчаются самыя почтенныя свойства: трудолюбіе, честность, настойчивость, точность, доброта, но въ нихъ недостаетъ именно того, что требуется для политической свободы. Способность вникать въ мелочи соединяется съ наклонностью вживаться въ нихъ; построеніе теорій влечетъ за собою совершенно искусственныя воззрѣнія на практику; любовь къ слову преобладаетъ надъ стремленіемъ къ дѣлу. У нихъ, люди не стараются сойтись во имя нѣкоторыхъ простыхъ, ясныхъ, опредѣленныхъ началъ, а уходятъ въ разнообразіе сложныхъ и запутанныхъ соображеній. Если къ этому присовокупить медленность рѣшеній, добродушіе характера и уваженіе къ историческимъ началамъ жизни, то понят-

но, что въ такой средѣ, смѣлая власть можетъ себѣ все позволить. Если конституціонныя учрежденія имѣютъ въ Германіи надежду на успѣхъ, то, независимо отъ общаго хода исторіи, этому наиболѣе содѣйствуетъ то обстоятельство, что и власть нерѣдко имѣетъ здѣсь тотъ же характеръ, какъ и народъ, туже непрактичность, туже искусственность воззрѣній, тоже добродушіе, иногда тоже уваженіе къ праву и закону. Но до сихъ поръ, конституціонная жизнь Нѣмцевъ не могла выработать опредѣленныхъ началъ, ни даже пріобрѣсти нѣкоторую прочность и силу. Она представляетъ скорѣе хитросплетенныя отношенія разнообразныхъ элементовъ, съ значительною примѣсью случайности и произвола.

Разбирая характеры различныхъ европейскихъ народовъ, мы не можемъ не обратить вниманія и на нашъ собственный. Вглядываясь въ тѣ черты, которыми опредѣляется способность народа къ политической свободѣ, мы должны придти къ заключенію, что онѣ существуютъ у насъ въ меньшей степени, нежели у кого либо изъ нашихъ сосѣдей. Иначе и быть не можетъ; учрежденія, подъ которыми народъ ростетъ и развивается въ теченіи вѣковъ, всегда соотвѣтствуютъ его характеру, и наоборотъ, самый характеръ народа слагается подъ вліяніемъ учрежденій. Если, въ продолженіе всей нашей исторіи, въ насъ менѣе, нежели у другихъ, проявлялось стремленіе къ политической свободѣ, то очевидно, что мы къ ней менѣе всѣхъ способны. Это фактъ, о которомъ могутъ пожалѣть приверженцы конституціонныхъ учрежденій, но котораго безпристрастный наблюдатель не можетъ оспоривать. Не униженіе себя передъ другими, а разумное самосознаніе должно побуждать насъ не скрывать отъ себя своихъ недостатковъ, а уяснять себѣ, гдѣ лежитъ наша слабость, и гдѣ наша сила.

Едва ли кто сомнѣвается въ томъ, что личная энергія и инниціатива не составляютъ отличительныхъ свойствъ русскихъ людей. Говоря о себѣ, мы вообще признаемъ, что распущенность, нерадѣніе и лѣнь принадлежатъ къ существеннымъ нашимъ недостаткамъ. Они проявляются особенно въ общественной жизни, гдѣ мы охотно все возлагаемъ на власть, отступаясь отъ дѣла, подъ предлогомъ, что правительство не все намъ даетъ. Тѣ великія достоинства русскаго народа, которыя сдѣлали Россію одною изъ первенствующихъ европейскихъ державъ, несокрушимое терпѣніе, безропотное перенесеніе всевозможныхъ лишеній и тяжестей, готовность всѣмъ жертвовать для

царя и отечества — прямо противоположны духу личной свободы. Эти свойства сплотнили Россію въ одно великое цѣлое, но для самоуправленія они менѣе всего пригодны. Уваженіе къ высшему порядку жизни служитъ уздою своеволію, но не пружиною самодѣятельности. Къ тому же, у насъ исторически развилась та форма уваженія, которая прилична болѣе самодержавію, нежели представительному устройству, именно, покорность власти, тогда какъ конституціонный порядокъ требуетъ главнымъ образомъ уваженія къ закону, неразрывно связаннаго съ сознаніемъ своего права и чужаго. Что юридическій смыслъ и чувство законности у насъ почти не существуютъ, объ этомъ излишне распространяться. При крѣпостномъ правѣ и при отсутствіи суда, эти свойства не могли развиться. Впрочемъ, нельзя отрицать, что и въ въ представительномъ устройствѣ, уваженіе къ власти уменьшаетъ возможность раздоровъ между правительствомъ и народомъ. Въ трудныхъ обстоятельствахъ, оно является якоремъ спасенія для общества, которое толпится около власти, осѣнявшей его въ теченіи вѣковъ. На этомъ основаніи, утверждаютъ иногда, что монархія, крѣпкая народною любовью, не должна опасаться представительныхъ учрежденій, ибо она всегда будетъ сильнѣе всякаго собранія. Но безсиліе собранія не служитъ доказательствомъ его пользы, а уваженіе къ общимъ историческимъ началамъ не ручается за дружную дѣятельность въ политической области. Тутъ нужно согласіе не относительно тѣхъ рѣдкихъ случаевъ, когда ставится вопросъ о коренныхъ основахъ народной жизни, а на счетъ ежедневныхъ потребностей государства. Здѣсь происходятъ столкновенія, не столько съ верховною властью, сколько съ администраціею, при чемъ самая неумѣренная и безпутная оппозиція легко можетъ сочетаться съ платоническою любовью къ монархическому началу. Къ сожалѣнію, недостатокъ личной энергіи не ведетъ у насъ къ согласію въ управленіи общими дѣлами. Личное начало у европейскихъ народовъ никогда не исчезаетъ совершенно; это ихъ отличіе отъ Азіятцевъ. Но оно приняло у насъ ту форму, которая болѣе всего вредитъ общественной жизни. Не возбуждая самодѣятельности, оно мѣшаетъ единству общества. Славяне издавна извѣстны были неумѣніемъ жить въ ладу между собою. Едва ли теперь мы сдѣлали въ этомъ отношеніи много успѣховъ. Безконечная рознь, личные вопросы, частные интересы обыкновенно становятся преградою всякому общему предпріятію. Согласіе установ-

ляется иногда отрицательное, когда нужно вести дружную аттаку. Особенно въ высшихъ классахъ, люди соединяются лишь въ безпредѣльной критикѣ, при полномъ отсутствіи умѣнія установить и поддержать разумный порядокъ. Общее дѣло идетъ ладно только тамъ, гдѣ за него случайно возьмется лице, которое приметъ его въ свои руки, побѣдивъ недоброжелательство. Противъ этого печальнаго факта, о которомъ свидѣтельствуетъ огромное большинство нашихъ общественныхъ дѣлъ, можно сослаться развѣ только на мірскую сходку, гдѣ всегда установляется соглашеніе. Но въ ней именно отсутствуетъ свобода, а существуетъ только деспотизмъ массы, подчиненной еще сильнѣйшему деспотизму администраціи. Чѣмъ выше сфера, чѣмъ болѣе свободы, тѣмъ, напротивъ, сильнѣе проявляются и рознь, и личные интересы и равнодушіе большинства къ общему дѣлу. Наконецъ, ко всему этому присоединяется еще свойство, которое мѣшаетъ у насъ развитію правильной, законной свободы. Мы рѣдко умѣемъ держаться въ извѣстныхъ предѣлахъ, и умственно и нравственно. Наша мысль не успѣла выработаться и силою труда войти въ опредѣленныя границы, уяснить себѣ цѣли и средства. Она обыкновенно расплывается, довольствуясь отвлеченными понятіями, подъ которыми можно разумѣть все, что угодно, или не зная мѣры одностороннему развитію извѣстнаго начала. Поэтому, какъ скоро съ насъ снимается внѣшнее ярмо, и предоставляется намъ доля свободы, мы тотчасъ предаемся полному ея разгулу. Объ этомъ свидѣтельствуетъ то общественное броженіе, которое разыгрывалось на нашихъ глазахъ, особенно же явленіе нигилизма, столь распространеннаго въ нашемъ обществѣ, хотя для него нѣтъ ни малѣйшей практической почвы. Это не случайное, не заносное явленіе, какъ иногда утверждаютъ. Въ немъ выражается дурная сторона той широкой русской натуры, которая ничему не знаетъ мѣры и границъ, которая любитъ разгуляться на просторѣ. Конечно, этому значительно содѣйствуетъ низкая степень нашего политическаго образованія; это черта характера, которая со временемъ можетъ сгладиться, но пока она существуетъ, она несомнѣнно служитъ препятствіемъ правильному развитію свободы. Не подвергаясь упреку въ преувеличенномъ патріотизмѣ, можно сказать, что дарованія русскаго народа не подлежатъ спору; безъ нихъ, онъ не могъ бы, среди европейскихъ державъ, играть всемірно-историческую роль. Но доселѣ, его исторія и его свойства доказывали въ немъ спо-

собность создать крѣпкое государственное тѣло, съ единою властью во главѣ, а не умѣніе пользоваться свободою. Государственная жизнь имѣетъ разнообразныя задачи, изъ которыхъ каждая требуетъ особенныхъ качествъ.

Однако, изъ народнаго характера нельзя вывести безусловнаго заключенія о возможности или невозможности представительнаго порядка въ государствѣ. Мы сказали, что если въ учрежденіяхъ отражаются народныя свойства, то наоборотъ, самыя свойства испытываютъ на себѣ вліяніе учрежденій. Новыя потребности и обстоятельства вызываютъ наружу черты, которыя прежде не могли развиться. Народъ, вслѣдствіе постоянной смѣны поколѣній, способенъ къ возрастанію, къ обновленію, и никто не можетъ сказать, когда завершится у него этотъ процессъ. Такимъ образомъ, начало личной самодѣятельности, которое необходимо дремлетъ, пока общество покоится подъ управленіемъ безграничной власти, должно выработаться, когда обстоятельства приводятъ къ необходимости свободы и вызываютъ напряженныя усилія гражданъ. Это начало не является совершенно новымъ свойствомъ, ибо нѣтъ человѣческаго общества, въ которомъ бы не существовала въ нѣкоторой степени личная самодѣятельность; но оно пріобрѣтаетъ бóльшую силу и высшую способность. Только у народа, совершенно обдѣленнаго элементами развитія, можно безусловно отрицать возможность политической свободы. Точно также и сознаніе права, которое стоитъ на низкой степени у народа, привыкшаго руководиться главнымъ образомъ покорностью власти, вырабатывается при болѣе высокомъ общественномъ бытѣ, при болѣе сложныхъ отношеніяхъ, когда государственная и гражданская жизнь и наконецъ, самое промышленное развитіе требуютъ обезпеченія правъ. Историческіе примѣры доказываютъ, что самые повидимому глубокія свойства народа, его вѣковыя привязанности, измѣняются радикально. Какое громадное разстояніе между старою Франціею, фанатически преданною католицизму и монархіи, и новою Франціею, революціонною и вольнодумною! Какая безконечная разница между средневѣковыми Германцами, исполненными грубой силы, и тою педантическою безпомощностью, которая такъ часто проявляется у Нѣмцевъ, особенно въ XVIII вѣкѣ, и даже до настоящаго времени! Развитіе жизни преобразуетъ не только общественный бытъ, не только воззрѣнія, но въ нѣкоторой степени и самый характеръ народа.

Поэтому невозможно утверждать, какъ дѣлаетъ историческая школа, что у каждаго народа, въ основаніи духовнаго его естества, лежатъ извѣстныя начала, которыя опредѣляютъ всю его исторію, развиваясь только путемъ роста, количественнымъ прибавленіемъ, но не измѣняясь въ своемъ существѣ. Такое понятіе о народности противорѣчитъ фактамъ. Народная жизнь не растеніе, которое изъ одного и того же корня постоянно пускаетъ вѣтви одинакаго свойства и строенія. Народу, способному къ развитію, нельзя поставить такихъ границъ, сказать ему: вотъ задача, тебѣ несвойственная, потому что ты прежде ея себѣ не задавалъ. Прошедшее служитъ основою и матеріяломъ для будущаго, но не налагаетъ на него неизмѣннаго клейма. То, что прежде играло второстепенную роль, выдвигается на первый планъ и затмѣваетъ остальное; новая эпоха порождаетъ учрежденія, часто противоположныя и предъидущимъ и послѣдующимъ. Только неподвижныя страны Востока покоятся вѣчно подъ однѣми формами быта; но это младенческое состояніе человѣчества. У другихъ народовъ, постоянство учрежденій служитъ признакомъ крѣпкаго, но односторонняго развитія. Вообще же, въ исторіи господствуетъ измѣнчивость политическихъ формъ, идущая рядомъ съ измѣненіями жизни. Особенно въ новое время, при разнообразіи общественныхъ стихій, при ширинѣ задачъ, при безконечности новыхъ путей и средствъ человѣческаго развитія, жизненныя потребности и отношенія измѣняются постоянно, а это неизбѣжно отражается и на учрежденіяхъ. Мы видѣли, какимъ образомъ у западно-европейскихъ народовъ, за средневѣковою неурядицею, за борьбою общественныхъ стихій, водворилась эпоха самодержавія, которое скрѣпило основы государствъ и утвердило единство власти; затѣмъ, когда общественныя силы окрѣпли подъ вліяніемъ монархическаго начала, наступилъ періодъ либерализма, который, послѣ одностороннихъ попытокъ, поставилъ себѣ задачею сочетаніе власти и порядка съ свободою. Всѣ эти, столь различныя учрежденія обозначаютъ различные фазисы развитія обществъ; одна эпоха требуетъ сосредоточенной власти, другая раздѣленной, и нельзя сказать, что одному народу свойственно одно, другому — другое.

Однако, среди всѣхъ жизненныхъ перемѣнъ, всего устойчивѣе характеръ народа. Онъ переработывается только постепенно, вслѣдствіе долговременнаго жизненнаго процесса. Общество, которое въ теченіи

вѣковъ жило подъ безграничною властью, не въ состояніи сдѣлать внезапный скачокъ къ представительному правленію и разомъ пріобрѣсти для этого всѣ нужныя качества. Если же оно неопытною рукою берется за кормило, оно рискуетъ произвести всеобщее потрясеніе и на долго устранить возможность прочнаго порядка. Это доказала Франція во времена революціи. Поэтому, гораздо лучше, когда народъ сначала испытываетъ свои силы въ подчиненныхъ сферахъ. Частная жизнь, промышленность, администрація, юридическій бытъ открываютъ обширное поле для самодѣятельности гражданъ. Здѣсь изощряется личная энергія и пріобрѣтается опытность въ достиженіи общихъ цѣлей совокупными силами; здѣсь развиваются тѣ качества, которыя необходимы для разумной свободы. Требованіе политическихъ правъ тогда только можетъ быть оправдано, когда граждане доказали на дѣлѣ, что они умѣютъ устроить свои частныя и общественныя дѣла.

ГЛАВА 4.

СОСТАВЪ ОБЩЕСТВА И ЭЛЕМЕНТЫ НАРОДНАГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА.

Различіе народностей составляетъ случайное явленіе въ представительствѣ; во многихъ государствахъ, оно играетъ весьма второстепенную роль. Но есть различіе гораздо важнѣйшее, которое существуетъ вездѣ, и которымъ главнымъ образомъ опредѣляются составъ и свойства представительныхъ собраній; это — различіе общественныхъ классовъ. Общество, призываемое къ политическимъ правамъ, не образуетъ однородной массы, а разбивается на отдѣльныя группы, съ различнымъ характеромъ и направленіемъ. Люди раздѣляются по занятіямъ, по призванію, по общественному положенію, по образованію, а вслѣдствіе того, по воззрѣніямъ и интересамъ. Однородныя группы соединяются въ общихъ цѣляхъ, разнородныя нерѣдко вступаютъ другъ съ другомъ въ борьбу. Отъ взаимнаго отношенія этихъ элементовъ зависятъ направленіе, сила, а потому успѣхъ или неудача

представительныхъ учрежденій. Это основный вопросъ для политической свободы.

Главное начало, опредѣляющее раздѣленіе общества на отдѣльныя группы, есть собственность. Она даетъ человѣку не только матеріяльныя средства, но и вліяніе на людей, а потому силу и власть. Привязывая его къ извѣстнаго рода дѣятельности, она опредѣляетъ его призваніе въ обществѣ. Черезъ нее онъ пріобрѣтаетъ досугъ для образованія и для занятія общественными дѣлами. Наконецъ, она внушаетъ ему любовь къ гражданскому порядку, оберегающему ея неприкосновенность и правильное ея движеніе. Такимъ образомъ, въ области матеріяльныхъ интересовъ, собственность является преобладающимъ элементомъ, въ духовной сферѣ — однимъ изъ главныхъ условій дѣятельности. Вслѣдствіе этого, на ней преимущественно основано распредѣленіе общества на классы и состоянія. Два начала играютъ здѣсь главную роль: съ одной стороны, количество собственности, съ другой, ея виды.

Естественное движеніе промышленности ведетъ къ неравному распредѣленію имущества между людьми. Трудъ и сбереженіе накопляютъ капиталы въ однѣхъ рукахъ; пріобрѣтенное достояніе переходитъ по наслѣдству и становится источникомъ еще бо́льшаго богатства. Вслѣдствіе этого, образуются классы богатыхъ и бѣдныхъ, которые, обладая неравными средствами и различною степенью вліянія на окружающую среду, занимаютъ высшее или низшее положеніе въ обществѣ. Вездѣ, гдѣ человѣкъ вышелъ изъ первобытнаго состоянія, гдѣ развивается промышленность, гдѣ природа покоряется духу, существуетъ эта противоположность. Она необходима, не только въ силу производящихъ ее причинъ, но и вслѣдствіе самаго назначенія человѣка, которому предстоятъ различныя цѣли во внѣшнемъ мірѣ. Бо́льшая часть человѣческаго рода непремѣнно должна быть обращена на физическій трудъ, безъ котораго невозможно покореніе природы; другая, избранная часть посвящаетъ себя умственной работѣ, дѣятельности духа, для которой необходимое условіе заключается въ матеріяльномъ достаткѣ. Первое составляетъ призваніе бѣдныхъ, то есть огромной массы народа, второе назначеніе богатыхъ, имѣющихъ средства для пріобрѣтенія образованія и досугъ для умственнаго труда.

Между высшими и низшими классами, между богатыми и бѣдными, является однако посредствующее звено. Это — люди съ среднимъ состоя-

ніемъ, которые, соединяя собою крайности, служа между ними переходомъ, составляютъ въ обществѣ главный связующій элементъ. Эти переходныя ступени дѣлаютъ незамѣтными границы между классами; при свободѣ промышленности, происходитъ и безпрерывное передвиженіе изъ одного въ другой. Однако, въ существенныхъ чертахъ, различіе остается. Къ высшимъ по размѣру собственности классамъ можно вообще причислить капиталистовъ, живущихъ своими доходами; къ низшимъ относятся работники, занятые физическимъ трудомъ; средніе же образуются изъ промышленниковъ, соединяющихъ трудъ съ нѣкоторымъ капиталомъ.

Это раздѣленіе имѣетъ весьма важное значеніе для государственнаго быта. Имъ опредѣляются и политическая способность и направленіе различныхъ классовъ.

Мы уже не разъ имѣли случай говорить, что политическая способность развивается преимущественно въ высшихъ слояхъ общества, имѣющихъ и досугъ и достатокъ; низшіе же классы, обреченные на физическій трудъ, естественно остаются позади. Съ этимъ должно сообразоваться и участіе въ политической жизни. Въ обществѣ, въ которомъ господствуютъ нормальныя отношенія, низшіе классы рѣдко даже принимаютъ живое участіе въ политикѣ. Пока ихъ ближайшіе интересы обезпечены, они охотно возлагаютъ на другихъ попеченіе о государственныхъ нуждахъ. По природному своему характеру, они имѣютъ болѣе наклонности къ подчиненію, нежели къ владычеству. Поэтому, они составляютъ естественную опору всякаго сильнаго правительства, которое, удовлетворяя насущнымъ ихъ потребностямъ, вмѣстѣ съ тѣмъ высоко держитъ знамя отечества, ибо великіе вопросы, возбуждающіе высшіе инстинкты народа, одни въ состояніи вывести массу изъ равнодушія къ политическимъ дѣламъ. Отсюда близкая связь между деспотизмомъ и демократіею. Правительства, идущія наперекоръ либеральнымъ стремленіямъ высшихъ классовъ, ищутъ поддержки въ массахъ и стараются вызвать ихъ къ политической жизни. Это мы видимъ въ настоящее время въ Пруссіи. Однако, этотъ расчетъ не всегда бываетъ вѣренъ. Временно онъ можетъ дать правительству перевѣсъ; но правильное отношеніе общественныхъ силъ искажается, а это ведетъ къ переворотамъ. Постоянное участіе массы въ политической жизни совмѣстно съ разумнымъ порядкомъ только при весьма благопріятныхъ условіяхъ: при высокомъ образованіи на-

рода, при значительномъ матеріяльномъ благосостояніи и несложномъ общественномъ бытѣ. Такой порядокъ вещей легко склоняется къ республикѣ, особенно тамъ, гдѣ не довольно крѣпки аристократическіе элементы. Тамъ же, гдѣ эти условія не существуютъ, низшіе классы, искусственно призванные къ несвойственной имъ задачѣ, сбиваются съ толку, и вмѣсто того, чтобъ дать опору правительству, могутъ примкнуть къ революціи. Изъ нихъ составляется революціонная армія, безъ которой высшіе и средніе классы также безсильны для произведенія переворотовъ, какъ на войнѣ генералы и офицеры безъ солдатъ. Эта роль принадлежитъ въ особенности городскому пролетаріату. Здѣсь обозначается различіе между городскимъ состояніемъ и сельскимъ, къ чему мы возвратимся далѣе.

Если низшіе классы, по своему характеру, склонны къ подчиненію, то высшіе, напротивъ, по своему первенствующему положенію, непремѣнно стремятся къ власти и правамъ. Это естественное ихъ призваніе. Люди, обезпеченные въ своемъ состояніи, независимые, образованные, пользующіеся высшимъ почетомъ и значеніемъ въ окружающей средѣ, всегда ищутъ преобладающаго вліянія на общественныя дѣла. Но такъ какъ политическія права высшихъ классовъ могутъ быть двоякаго рода: либо привилегированное положеніе въ государствѣ, соединенное съ владычествомъ надъ низшимъ населеніемъ, либо главенство въ свободныхъ учрежденіяхъ, то и требованія ихъ могутъ быть двояки. Высшіе классы всегда хотятъ или привилегій или политической свободы. Поэтому, когда первыя уничтожаются или уменьшаются, неизбѣжно является желаніе послѣдней. Эти требованія не всегда бываютъ законны и согласны съ общественнымъ благомъ. Нерѣдко въ нихъ проявляется своекорыстіе; часто они носятъ на себѣ болѣе печать раздраженія и скорби объ утраченныхъ преимуществахъ, нежели чистаго желанія свободы. Обыкновенно, одно чувство такъ перемѣшивается съ другимъ, что съ трудомъ можно ихъ различить. Но во всякомъ случаѣ, эти стремленія вытекаютъ изъ естественнаго положенія и характера высшихъ классовъ, а потому нельзя на это сѣтовать. Безусловно отвергать ихъ можетъ только бюрократическій произволъ. Дѣло благоразумнаго правительства разобрать, на сколько они законны и совмѣстны съ пользою государства. Ихъ сила и значеніе измѣряются главнымъ образомъ тою поддержкою, которую они встрѣчаютъ въ другихъ классахъ,

особенно въ среднихъ. Это пробный камень всѣхъ требованій политической свободы.

Высшіе классы составляютъ аристократію въ обществѣ; это не масса, а избранный, выдѣляющійся изъ нея элементъ. Средніе, напротивъ, имѣютъ гораздо болѣе демократическій характеръ; это самый народъ, на сколько онъ преданъ не физической, а умственной работѣ. Къ нимъ принадлежитъ всякій, кто успѣлъ пріобрѣсти какое нибудь образованіе и достатокъ; они не только совершенно открыты для массы но переплетаются съ нею и корнемъ и вѣтвями. По существу своему, средніе классы стремятся не столько къ власти, сколько къ свободѣ, необходимой для развитія труда и промышленности. Не имѣя такого независимаго положенія, какъ высшіе, они обладаютъ гораздо большею инпціативою и предпріимчивостью, ибо не только пользуются капиталомъ, но и сами работаютъ. Изъ нихъ же преимущественно исходитъ образованіе народа, которое всегда зависитъ отъ энергіи личнаго труда, посвященнаго умственной дѣятельности. Высшіе классы и здѣсь пользуются нажитымъ уже капиталомъ, вслѣдствіе чего ихъ образованіе всегда болѣе или менѣе носитъ характеръ заимствованія; только въ среднихъ слояхъ, оно становится самороднымъ. Поэтому, степень просвѣщенія народа измѣряется образованіемъ среднихъ классовъ. Наконецъ, будучи главнымъ источникомъ общественной самодѣятельности, средніе классы наиболѣе способствуютъ и объединенію общества. Они, какъ сказано, служатъ связующимъ звеномъ между крайностями богатства и бѣдности. Все это дѣлаетъ ихъ самымъ существеннымъ элементомъ народнаго представительства.

Но характеръ, положеніе и отношенія классовъ опредѣляются не однимъ только количествомъ собственности. Существенное вліяніе имѣютъ здѣсь ея виды, которые вносятъ новые элементы въ государственную жизнь и значительно измѣняютъ отношеніе общественныхъ группъ къ представительному устройству. Распредѣленіе собственности по различнымъ ея видамъ ведетъ къ образованію не классовъ, а состояній. Въ людяхъ развиваются особенныя свойства, особенный духъ, смотря по занятіямъ, которымъ они себя посвящаютъ, и по средѣ, въ которую они поставлены матеріяльною своею основою. Это различіе производитъ еще болѣе глубокое раздѣленіе общества, нежели то, которое проистекаетъ изъ неравнаго распредѣленія богат-

ства. Отдѣльные классы, различаясь количественными признаками, незамѣтно переходятъ одинъ въ другой, а потому все сливается болѣе или менѣе въ одно цѣлое. Напротивъ, состоянія, различаясь качественно, имѣютъ стремленіе разобщиться другъ съ другомъ, замкнуться и образовать изъ себя юридически организованныя корпораціи. Вслѣдствіе этого, состоянія становятся сословіями.

Мы видѣли, что стремленіе сословій къ обособленію было сильно преимущественно въ средніе вѣка, гдѣ оно вытекало изъ всего общественнаго быта; въ новое время, вслѣдствіе развитія общихъ интересовъ и государственнаго порядка, оно сглаживается болѣе и болѣе. Мы говорили и о сословныхъ собраніяхъ; мы видѣли какъ мало они отвѣчаютъ истиннымъ потребностямъ государства и цѣлямъ представительства. Прилагая здѣсь общее правило, что чѣмъ менѣе единства въ обществѣ, тѣмъ сосредоточеннѣе должна быть власть, мы приходимъ къ заключенію, что представительныя учрежденія тѣмъ менѣе возможны, чѣмъ болѣе въ обществѣ господствуетъ сословная рознь.

Причины антагонизма сословій лежатъ прежде всего въ противоположности интересовъ, вытекающей изъ преимуществъ одного передъ другими. Къ числу такихъ преимуществъ принадлежитъ власть землевладѣльцевъ надъ крестьянами, при крѣпостномъ правѣ или обязательныхъ отношеніяхъ. Интересъ одного сословія заключается въ пріобрѣтеніи свободы и собственности, интересъ другаго — въ сохраненіи своихъ правъ и своей земли. Противоположность стремленій должна продолжаться, пока обязательная связь не будетъ разрѣшена и обоюдная собственность не разграничится окончательно. Только при полной свободѣ отношеній, можетъ быть допущено участіе обоихъ сословій въ народномъ представительствѣ. До тѣхъ поръ, дарованіе политическихъ правъ, какъ тому, такъ и другому, представляетъ весьма значительныя трудности. Подвластное сословіе не можетъ быть участникомъ верховной власти; это несовмѣстно съ его зависимымъ состояніемъ и послужитъ ему только орудіемъ для достиженія частныхъ цѣлей. Съ другой стороны, высшее сословіе, по естественной человѣческой наклонности, воспользуется своими правами для сословныхъ выгодъ и для упроченія своего владычества. Какъ скоро ему дается участіе въ верховной власти, всякое преобразованіе въ пользу крестьянъ становится почти невозможнымъ или должно произойти революціоннымъ путемъ. Только самодержавная воля, стоящая надъ

обѣими сторонами, въ состояніи безпристрастно разрѣшить это дѣло. Наконецъ, если оба сословія вмѣстѣ вводятся въ представительство, пока между ними есть спорные вопросы, пока права одного тяготѣютъ надъ другимъ, естественнымъ послѣдствіемъ ихъ соединенія будетъ разгаръ взаимной вражды. Низшее сословіе захочетъ воспользоваться политическою свободою для избавленія себя отъ всякихъ тяжестей, высшее будетъ раздражено неумѣренными притязаніями подчиненныхъ. Во Франціи, въ 1789 году, эти отношенія разрѣшились возстаніемъ. Хотя крѣпостное право давно было отмѣнено, но крестьяне страдали подъ бременемъ многоразличныхъ повинностей, наслѣдованныхъ отъ феодальныхъ временъ. Какъ скоро было созвано представительное собраніе, села поднялись противъ замковъ, и всѣ права дворянства на крестьянскія земли были уничтожены революціоннымъ путемъ. Въ болѣе близкое къ намъ время, въ 1848-мъ году, вражда крестьянъ и господъ вспыхнула на австрійскомъ сеймѣ и была одною изъ главныхъ причинъ, какъ повсемѣстнаго революціоннаго броженія, такъ и неудачи всѣхъ попытокъ упрочить политическую свободу. Крестьяне описывали тѣ истязанія, которымъ они подвергались, и требовали себѣ помѣщичьихъ лѣсовъ и угодій; господа вопіяли противъ нарушенія собственности и прямо говорили о грабежѣ. Немудрено, что правительство нашло въ низшемъ сословіи покорное орудіе реакціи. Только въ Венгріи, дѣла приняли иной оборотъ. Здѣсь самый сеймъ, предпринимая конституціонныя реформы, увидѣлъ необходимость привязать къ себѣ крестьянъ, разрѣшивъ обязательныя ихъ отношенія къ помѣщикамъ со всевозможными для нихъ льготами. Въ конституціонномъ порядкѣ, полное прекращеніе связи составляетъ единственный исходъ, ибо, пока есть спорные вопросы, въ нихъ кроются сѣмена раздора, которыя дѣлаютъ соглашеніе на счетъ общихъ дѣлъ почти невозможнымъ; это подрываетъ самое представительство, лишая его поддержки огромной массы народа.

Другая причина розни заключается въ изъятіи привилегированныхъ сословій отъ тяжестей, лежащихъ на другихъ. Въ этомъ нѣтъ ничего несправедливаго, когда высшія сословія несутъ своего рода обязанности къ государству. Такимъ образомъ, когда служба, преимущественно военная, составляла повинность дворянства, послѣднее справедливо было избавлено отъ податей, падавшихъ на низшіе классы. При извѣстныхъ условіяхъ, это различіе призванія можетъ со-

дѣйствовать утвержденію сословныхъ правъ. Въ средніе вѣка, военная сила дворянства служила главною опорою политическаго представительства; она одна препятствовала развитію неограниченной власти князей, которой предоставленъ былъ полный просторъ, какъ скоро феодальныя ополченія замѣнились постояннымъ войскомъ. Но съ водвореніемъ новаго, государственнаго порядка, когда народныя права нужно было поддерживать уже не силою оружія, а совокупною дѣятельностью сословій въ общемъ представительномъ собраніи, различіе сословныхъ обязанностей сдѣлалось однимъ изъ главныхъ источниковъ разъединенія. Тамъ, гдѣ люди не несутъ общихъ тяжестей, у нихъ нѣтъ совокупнаго, соединяющаго ихъ интереса, а потому дружная дѣятельность становится почти невозможною. Еще хуже, когда изъятіе отъ тяжестей дѣлается чистою привилегіею высшаго сословія, какъ это было при отмѣнѣ служебныхъ повинностей дворянства. Тутъ нѣтъ уже никакого справедливаго основанія для избавленія отъ податей, а между тѣмъ дворянство, какъ показываетъ исторія многихъ европейскихъ государствъ, постоянно и упорно держалось льготъ, утратившихъ прежнее значеніе. Это неизбѣжно должно было возбуждать вражду другихъ. Отягощенныя сословія естественно стремятся къ равномѣрному распредѣленію податей на всѣхъ гражданъ, и чѣмъ болѣе они пріобрѣтаютъ правъ и сознаютъ свою силу, тѣмъ болѣе возбуждаются въ нихъ требованія, основанныя на общемъ началѣ справедливости. Во Франціи, непріязнь къ податнымъ привилегіямъ высшихъ сословій была одною изъ главныхъ причинъ ненависти низшихъ классовъ къ высшимъ и событій первой революціи. При такомъ неравенствѣ правъ, выборное собраніе можетъ представлять только картину раздоровъ, которые усиливаются вслѣдствіе того различія въ воззрѣніяхъ и интересахъ, которое рождается изъ привилегированнаго положенія. Неизбѣжнымъ ихъ результатомъ должно быть паденіе высшаго сословія, которое лишается поддержки народа. По справедливому замѣчанію Гнейста, люди, которые не хотятъ нести общественныхъ тяжестей, не могутъ требовать себѣ и правъ.

Но если привилегіи высшихъ сословій, разъединяя общество, устраняютъ возможность представительства, то наоборотъ, съ ихъ отмѣною облегчается введеніе представительнаго порядка. Однако, уничтоженіе привилегій не всегда можетъ считаться полезнымъ для государства. Мы видѣли, что сословное устройство, и въ особенности воз-

вышенное положеніе дворянства, необходимы при самодержавномъ правленіи. Корпоративная связь служитъ и охраною и уздою личныхъ правъ и стремленій. Сословныя и особенно дворянскія права болѣе или менѣе задерживаютъ бюрократическій произволъ. Если преимущества высшихъ сословій отмѣняются, пока не окрѣпли новыя силы, то и порядокъ и свобода рискуютъ лишиться единственныхъ своихъ гарантій. Существующее, привычное устройство исчезаетъ, не замѣняясь новымъ; сдержанныя прежде стремленія получаютъ полный просторъ, и государство впадаетъ въ состояніе броженія, которое ведетъ или къ общему разслабленію, или къ сильнѣйшему господству произвола.

Во всякомъ случаѣ, уничтоженныя привилегіи не вдругъ могутъ замѣниться политическими правами. Преобразованіе сословныхъ отношеній всегда неизбѣжно сопровождается неопредѣленнымъ, переходнымъ состояніемъ. Здѣсь непремѣнно возбуждается неудовольствіе, и разгарается борьба, которая тѣмъ упорнѣе и опаснѣе, чѣмъ сильнѣе привилегированные классы, и чѣмъ слабѣе другіе элементы. Сословіе, которое теряетъ свои права, не можетъ быть этимъ довольно; оно будетъ стараться или удержать ихъ, или вознаградить себя другимъ. Мы видѣли, что высшіе классы, по своему положенію, всегда стремятся къ власти и правамъ. Если требованіе равенства идетъ отъ народнаго собранія, то привилегилированныя сословія естественно тѣснятся около монархической власти, которая служитъ имъ защитою. Такъ было во Франціи во времена революціи. Но подобный союзъ можетъ быть гибеленъ для монархіи, которая черезъ это становится представительницею не общихъ интересовъ народа, а исключительныхъ выгодъ нѣкоторыхъ классовъ. Когда же привилегіи уничтожаются самимъ монархомъ, во имя общей государственной пользы, то къ стремленію вознаградить себя другими правами, естественно присоединяется желаніе ограничить самодержавную власть. Это очень понятное человѣческое чувство, на которое и пенять невозможно, ибо человѣческіе интересы и страсти примѣшиваются ко всѣмъ политическимъ цѣлямъ. Однако, удовлетвореніе этого требованія здѣсь менѣе умѣстно, нежели когда либо. При господствѣ сословнаго раздраженія, трудно ожидать представительнаго собранія, дѣйствующаго единодушно, въ виду общей пользы. Самое благонамѣренное правительство не найдетъ въ немъ поддержки. Представительныя учреж-

денія тогда только могутъ принести желанные плоды, когда успокоятся страсти, и нарушенные интересы, приноровившись къ новому порядку, снова войдутъ въ правильную колею. Вообще, переходныя времена неблагопріятны водворенію политической свободы, хотя они часто служатъ ей приготовленіемъ. Но измѣненіе сословныхъ отношеній въ особенности устраняетъ всякую возможность прочнаго представительнаго устройства. Твердую почву для конституціоннаго зданія представляетъ только то общество, которое усѣлось на своихъ основахъ, въ которомъ отношенія различныхъ элементовъ установились обычаемъ и жизнью. Но тамъ, гдѣ водворилась неопредѣленность, не въ одной политической области, которая можетъ быть устроена закономъ, а въ ежедневныхъ столкновеніяхъ жизни, ускользающихъ отъ всякихъ опредѣленій, тамъ, гдѣ воззрѣнія и интересы сбились съ обычнаго пути, гдѣ все перепуталось, гдѣ никто не знаетъ своего мѣста гдѣ вліяніе и уваженіе, потерявши прежніе центры, не успѣли пріобрѣсти новыхъ, однимъ словомъ, гдѣ все общественное зданіе подвергается перестройкѣ, политическая свобода не принесетъ ничего, кромѣ смутъ и анархіи. Вводить представительныя учрежденія на авось, полагаясь на благоразуміе общества, находящагося въ состояніи броженія, не окрѣпшаго и не устроеннаго, это — верхъ политическаго легкомыслія. Поучительный примѣръ представляетъ въ этомъ отношеніи французская революція. Если на первыхъ порахъ, она не могла ничего произвести, кромѣ разрушенія, то ея неудача въ значительной степени объясняется тѣмъ, что общество разомъ принялось и за постройку новаго политическаго зданія и за измѣненіе сословныхъ отношеній. Напротивъ, успѣхъ англійскихъ революцій былъ упроченъ тѣмъ, что онѣ вышли изъ общества, давно окрѣпшаго на своихъ основахъ. Политическія отношенія измѣнились, но общественныя остались тѣже.

Такимъ образомъ, уничтоженіе сословныхъ правъ является какъ бы переходомъ отъ самодержавнаго правленія, при которомъ они необходимы, къ представительному, въ которомъ они неумѣстны. Оно не ведетъ непосредственно къ представительнымъ учрежденіямъ; сословныя права не прямо замѣняются политическими. Но этимъ устраняются причины раздоровъ и пролагается путь къ сліянію сословій. Дальнѣйшій шагъ къ этой цѣли составляетъ совокупное участіе сословій въ мѣстныхъ учрежденіяхъ. Это опять не прямо ведетъ къ

общему представительству; но здѣсь открывается поприще, на которомъ различные элементы могутъ соединяться во имя общихъ интересовъ и привыкнуть къ дружной дѣятельности. Поводовъ къ раздорамъ здѣсь менѣе, нежели въ общенародномъ собраніи, ибо здѣсь нѣтъ рѣчи о политическихъ правахъ и о положеніи сословій въ государствѣ. Дѣло ограничивается общими всѣмъ интересами мѣстности. Притомъ, собраніе, дѣйствующее въ подчиненной области, и имѣющее надъ собою высшую власть, менѣе увѣрено въ своей силѣ, а потому менѣе увлекается страстями. Однако и здѣсь могутъ быть многочисленные поводы къ сословной розни. Чѣмъ рѣзче различіе сословій, чѣмъ значительнѣе права высшихъ, тѣмъ скорѣе могутъ возникнуть столкновенія. Съ другой стороны, при отмѣнѣ привилегій, неопредѣленность сословныхъ отношеній и здѣсь можетъ невыгодно отразиться на совѣщаніяхъ, хотя она далеко не такъ опасна, какъ въ политическомъ собраніи. Вообще, устройство мѣстнаго представительства, такъ же какъ и общаго, должно основываться не на произвольномъ сочетаніи элементовъ, а на существующемъ строеніи общества. Это одно можетъ дать ему прочность и силу. Тамъ, гдѣ раздѣленіе народа на сословія составляетъ принадлежность всего государственнаго быта, гдѣ оно лежитъ въ нравахъ и понятіяхъ, установившихся вѣками, оно естественно должно господствовать и въ мѣстномъ управленіи. Тамъ же, гдѣ сословное устройство потеряло свое значеніе, составъ мѣстныхъ учрежденій опредѣляется общегражданскими началами — собственностью и цензомъ. Но быстрый переходъ отъ одного общественнаго порядка къ другому всегда сопряженъ съ большими неудобствами; преждевременное введеніе новыхъ началъ, облегчая, можетъ быть, будущее, затрудняетъ настоящее. Во всякомъ случаѣ, прочныя и правильныя отношенія установляются только временемъ, и если общее представительство созывается, пока мѣстныя учрежденія не успѣли еще дать настоящихъ результатовъ и выяснить отношенія классовъ, то весьма можно опасаться переворота. Живой примѣръ представляетъ опять Франція въ первую революцію. Людовикъ XVI слѣдовалъ именно указанному пути. Онъ вводилъ областныя собранія, сначала ощупью, въ видѣ опыта, потомъ, въ 1787-мъ году, повсемѣстно. Но они не успѣли еще упрочиться, какъ общій голосъ народа заставилъ его созвать генеральные штаты. Вслѣдствіе этого, вся эта попытка осталась безплодною. Она дала только пищу стрем-

леніямъ къ свободѣ, не укрѣпивши ихъ началами, выработанными практическою жизнью.

Съ уничтоженіемъ сословій, не исчезаютъ однако состоянія, въ смыслѣ естественнаго раздѣленія народа по занятіямъ и интересамъ. Оно сохраняетъ свое значеніе не только въ частной, но и въ политической области, ибо дѣятельность людей и интересы, къ которымъ они привязаны, имѣютъ существенное вліяніе на ихъ духъ, на ихъ воззрѣнія и требованія. Народное представительство составляется изъ различныхъ общественныхъ группъ, которыя, юридически не отдѣляясь другъ отъ друга, сохраняютъ каждая свой характеръ, свое положеніе и свое значеніе въ государствѣ. На ихъ поддержкѣ, на ихъ взаимныхъ отношеніяхъ зиждется вся сила представительнаго устройства. Поэтому, самое существенное условіе политической свободы заключается въ количествѣ и качествѣ тѣхъ разнородныхъ группъ, изъ которыхъ слагается общество.

Различіе занятій ведетъ, прежде всего, къ раздѣленію общества на состоянія городское и сельское. Основаніе этого раздѣленія лежитъ въ различныхъ свойствахъ движимой и недвижимой собственности, которая опредѣляетъ духъ и направленіе примыкающихъ къ ней людей. Человѣкъ всегда состоитъ въ зависимости отъ физической природы. На немъ отражается характеръ той среды, въ которой онъ живетъ и дѣйствуетъ. Изъ матеріяльнаго міра онъ извлекаетъ свои впечатлѣнія; на немъ основано его благосостояніе. Давая владѣльцу средства жизни, собственность служитъ опорою его независимости. Поэтому, характеръ собственности естественно рождаетъ въ человѣкѣ извѣстныя воззрѣнія и нравы, которые имѣютъ вліяніе на всю его жизнь. Еще большее значеніе имѣетъ дѣятельность, основанная на имуществѣ. Можно сказать, что все существо человѣка опредѣляется его дѣятельностью, ибо въ ней онъ находитъ свое назначеніе. А дѣятельность зависитъ отъ матеріи, на которую она устремлена. Вслѣдствіе этого, состояніе городское и сельское рѣзко отличаются другъ отъ друга и свойствами, и нравами и понятіями.

Недвижимая собственность, составляющая основу, къ которой примыкаетъ сельская жизнь, не производится трудомъ, а дается самою природою. Человѣкъ не можетъ располагать ею по произволу, переносить ее съ мѣста на мѣсто, измѣнять ея существо, потреблять и уничтожать ее. Она остается вѣчно неподвижною, неизмѣнною, и

этотъ характеръ сообщается всему быту, который зиждется на ней. Въ земледѣліи, человѣческій трудъ подчиняется вѣчному, непреложному порядку природы, съ которымъ необходимо сообразоваться. Однообразныя перемѣны временъ года требуютъ неизмѣнной правильности и въ дѣйствіяхъ человѣка. Случайности, которыя иногда уничтожаютъ всѣ плоды усиленной работы, проистекаютъ отъ неотразимыхъ законовъ, передъ которыми человѣкъ безсиленъ. Предпріимчивости, изобрѣтательности, открывается здѣсь весьма тѣсное поприще. Въ земледѣліи нѣтъ возможности быстро увеличивать свое состояніе; но за то, съ другой стороны, нѣтъ источника богатства болѣе постояннаго и вѣрнаго. Оно доставляетъ предметы первой необходимости для огромной массы людей, а потому менѣе зависитъ отъ спекуляціи, отъ случайностей рынка, менѣе подлежитъ колебаніямъ, нежели другія отрасли промышленности. Доходность здѣсь однообразнѣе, равномѣрнѣе и умѣреннѣе. Если нѣтъ мѣста чрезмѣрному обогащенію, то невозможно и внезапное обѣднѣніе. Состояніе улучшается постепенно, вслѣдствіе неусыпнаго труда и бережливости.

Все это заставляетъ земледѣльца не столько полагаться на собственныя силы, сколько покоряться владычествующему надъ нимъ порядку. Въ немъ развивается болѣе постоянство, нежели предпріимчивость и изобрѣтательность. Онъ жизнь свою долженъ устроить правильно; онъ держится не новизны, а преданій и опыта; онъ любитъ улучшенія постепенныя, которыя не измѣняютъ вдругъ всего быта, а сохраняя связь съ прошедшимъ, идутъ медленнымъ ходомъ. Однимъ словомъ, недвижимая собственность и основанное на ней земледѣліе развиваютъ въ человѣкѣ духъ охранительный. Сельское населеніе тѣмъ въ большей степени носитъ на себѣ эти черты, чѣмъ ближе земледѣліе къ первобытному состоянію, чѣмъ менѣе оно подвержено вліянію науки и капиталовъ. Въ послѣднемъ случаѣ, свойства движимой собственности и образованія нѣсколько смягчаютъ и видоизмѣняютъ ту печать, которую налагаютъ на человѣка неподвижный характеръ земли и неизмѣнность законовъ природы.

Движимая собственность имѣетъ совершенно противоположныя качества и послѣдствія. Она — произведеніе труда и принадлежность человѣческой личности, а не центръ и основа, къ которой примыкаетъ лице. Человѣкъ располагаетъ ею по произволу и можетъ давать ей всевозможные виды. Она становится орудіемъ и средствомъ для

новыхъ предпріятій, гдѣ все зависитъ отъ личнаго труда, отъ энергіи и изворотливости человѣка. Здѣсь рождается духъ спекуляціи; здѣсь рискъ, при которомъ можно или много выиграть, или все потерять. Отсюда быстрое обогащеніе и столь же быстрое обѣднѣніе. Отсюда колебаніе промышленности и состояній, какого нѣтъ въ земледѣліи.

Эти свойства движимой собственности и тѣхъ отраслей промышленности и торговли, которыя на ней основаны, развиваютъ въ владѣльцахъ сознаніе своихъ силъ, духъ предпріимчивости, стремленіе къ нововведеніямъ. Здѣсь—подвижный элементъ общества, здѣсь—источникъ его самодѣятельности. При нормальномъ ходѣ народнаго развитія, здѣсь, скорѣе, нежели въ сельскихъ классахъ, развивается образованіе, которое истекаетъ изъ умственнаго труда и находитъ обильную пищу въ многообразныхъ столкновеніяхъ и утонченностяхъ городской жизни. Поэтому, такъ называемыя либеральныя занятія, юриспруденція, медицина, наука, художество, все что основано на трудѣ и талантѣ, примыкаютъ къ промышленнымъ состояніямъ, опирающимся на движимую собственность. Наконецъ, здѣсь же сильнѣе всего развивается требованіе свободы. Она является душею промышленнаго міра, условіемъ и результатомъ господствующей въ немъ личной энергіи. Чѣмъ болѣе простора предоставляется дѣятельности человѣка, чѣмъ болѣе вызываются его силы, чѣмъ неприкосновеннѣе его права, тѣмъ обильнѣе плоды его предпріимчивости. Отсюда это требованіе простирается и на политическую область. Промышленныя состоянія—главные представители либерализма новаго времени.

Различныя свойства собственности имѣютъ вліяніе и на отношеніе классовъ въ каждомъ разрядѣ. Недвижимая собственность долѣе сохраняется въ однѣхъ рукахъ, переходя по наслѣдству изъ рода въ родъ. Размѣръ ея ограниченнѣе, пріобрѣтеніе труднѣе. Владѣльцы медленно увеличиваютъ свое достояніе, не легко возвышаются по общественной лѣстницѣ и не легко съ нея сходятъ. Поэтому, здѣсь границы между классами гораздо рѣзче, нежели въ другихъ состояніяхъ, отношенія прочнѣе, сильнѣе зависимость низшихъ отъ высшихъ. Крупная собственность въ особенности сообщаетъ владѣющимъ ею классамъ преимущественно аристократическій характеръ. Она даетъ имъ независимое положеніе, переходящее къ потомству, досугъ для занятія общественными дѣлами, преобладающее вліяніе на окружающую среду, а вмѣстѣ съ тѣмъ и привычку къ власти. Все это, въ

соединенія съ охранительнымъ духомъ, составляетъ сущность всякой аристократіи. На крупной поземельной собственности основывается мѣстное могущество аристократическихъ родовъ. Мелкое землевладѣніе, напротивъ, имѣетъ характеръ демократическій, хотя также съ охранительными свойствами. Крестьяне-собственники, занятые земледѣльческими работами, удаленные отъ общественнаго движенія, вообще принимаютъ менѣе всѣхъ участія въ политической жизни. Въ нихъ обыкновенно преобладаютъ любовь къ порядку, покорность власти, привязанность къ преданіямъ, глубокое чувство вѣры. Но все это мало способствуетъ развитію свободы, которая имѣетъ для нихъ цѣну въ непосредственно окружающей средѣ, а не на болѣе широкомъ политическомъ поприщѣ. Они выходятъ изъ своей неподвижности и становятся политическими дѣятелями, только когда вопросъ касается ближайшихъ ихъ интересовъ. Революціи всегда находили въ нихъ опору, когда дѣло шло объ отмѣнѣ обязательныхъ отношеній и поземельныхъ тяжестей, наложенныхъ на нихъ въ пользу высшихъ сословій. Власть, упрочивающая мелкую собственность, всегда можетъ расчитывать на ея поддержку. Но для того, чтобы низшее сельское населеніе сдѣлалось постояннымъ, серьознымъ дѣятелемъ въ государствѣ и существеннымъ элементомъ народнаго представительства, нужно весьма высокое общественное развитіе. Оно возможно только тамъ, гдѣ движимая собственность и соединенное съ нею образованіе изъ городовъ разливаются на села, сообщая земледѣльческому быту новый характеръ.

Движимая собственность, и въ отношеніи къ распредѣленію богатства, имѣетъ свойства совершенно противоположныя недвижимой. Она легко переходитъ изъ рукъ въ руки, дробится въ безчисленныхъ оттѣнкахъ, порождаетъ многостороннюю возможность обогащенія, производитъ колебанія, которыя то повышаютъ, то понижаютъ человѣка на общественной лѣстницѣ. Поэтому, она ведетъ къ сліянію противоположностей, сближая и уравнивая классы. Это объединяющій элементъ общества; она составляетъ матеріяльную основу конституціоннаго либерализма.

Отсюда понятно, какое огромное вліяніе на политическое устройство имѣетъ промышленный характеръ страны. Преобладаніе земледѣльческаго быта совмѣстно съ политическою свободою только на весьма тѣсномъ пространствѣ. Въ небольшихъ государствахъ, при

несложныхъ политическихъ отношеніяхъ, при болѣе или менѣе первобытномъ состояніи общества, въ особенности при однообразіи элементовъ, тамъ, гдѣ отсутствуетъ крупная собственность и развита мелкая, земледѣльческій бытъ можетъ сдѣлаться самымъ прочнымъ основаніемъ демократіи. Примѣры представляютъ нѣкоторые швейцарскіе кантоны и Норвегія. Но въ болѣе обширныхъ странахъ, съ раздѣленіемъ классовъ и съ развитіемъ крупной собственности, непремѣнно является или аристократія или монархія. Первая установляется особенно въ среднихъ государствахъ, гдѣ легче упрочивается внутренняя связь между крупными землевладѣльцами. Здѣсь, преобладаніе земледѣльческаго быта нерѣдко ведетъ къ образованію могущественнаго аристократическаго сословія, въ значительной степени ограничивающаго монархическую власть, если не заслоняющаго ее совершенно. Таково было устройство Польши, Венгріи, Швеціи. Напротивъ, въ обширныхъ странахъ, гдѣ высшее сословіе болѣе разрознено, гдѣ крупная собственность разсѣяна среди мелкой, надъ глубоко раздѣленными классами естественно возвышается чистая монархія. Здѣсь, для водворенія свободныхъ учрежденій, необходимо развитіе другаго элемента, движимой собственности, которая одна въ состояніи связать общество и дать конституціонной жизни надлежащую полноту. Чѣмъ болѣе преобладаетъ здѣсь земледѣльческій бытъ, тѣмъ менѣе возможна политическая свобода.

Развитіе движимой собственности и связаннаго съ нею образованія естественно ведетъ къ представительному устройству. Форма его можетъ быть двоякая: республиканская или монархическая. И та и другая имѣетъ свои общественныя условія.

Въ республикѣ, къ политической жизни призываются всѣ элементы общества, безразлично; поэтому низшіе классы получаютъ здѣсь преобладаніе. Но не говоря о низшей ихъ способности, самые ихъ свойства менѣе всего отвѣчаютъ требованіямъ представительнаго порядка. Сельское состояніе, которое составляетъ здѣсь охранительный элементъ, слишкомъ неподвижно и болѣе склонно къ подчиненію, нежели къ владычеству. Даже при самомъ широкомъ развитіи свободы, оно не играетъ въ политикѣ дѣятельной роли, а постоянно находится подъ вліяніемъ или аристократіи, или среднихъ классовъ. Состояніе же городскихъ работниковъ, наоборотъ, слишкомъ способно увлекаться всякимъ вѣтромъ и образовать революціонную армію,

всегда угрожающую опасностью правильной свободѣ. Нужно, слѣдовательно, чтобы развитіе движимой собственности, съ одной стороны, уменьшило пролетаріатъ, распространяя въ массахъ благосостояніе и образованность, съ другой стороны, побѣдило косность сельскаго населенія, возбуждая въ немъ болѣе широкія воззрѣнія и болѣе дѣятельное участіе къ общественнымъ вопросамъ. Это бываетъ, когда сельское состояніе находится подъ вліяніемъ весьма образованныхъ и политически развитыхъ среднихъ классовъ. Послѣдніе, поэтому, и въ чистой демократіи играютъ главную роль; они являются здѣсь вожатаями общества. Потому республиканская форма, со всѣми своими выгодами и недостатками, можетъ существовать единственно при такомъ распредѣленіи собственности и благосостоянія, которое въ новыхъ государствахъ предполагаетъ весьма высокую цивилизацію.

Въ противоположность республикѣ, конституціонная монархія требуетъ только участія высшихъ и среднихъ классовъ въ политической жизни. Низшіе могутъ болѣе или менѣе примыкать къ послѣднимъ, по мѣрѣ распространенія въ нихъ благосостоянія и образованности, но самостоятельную роль они играютъ только въ революціяхъ. Представителями демократическаго начала являются здѣсь средніе классы, которые составляютъ большинство выборнаго собранія; высшіе же образуютъ верхнюю, аристократическую палату. Изъ равновѣсія и сочетанія обоихъ элементовъ слагается правильный представительный порядокъ. Мы видѣли, что Англія служитъ типомъ конституціонной монархіи, именно потому что въ ней вся политическая жизнь искони основывается на взаимныхъ отношеніяхъ этихъ двухъ классовъ, тогда какъ во Франціи, присутствіе народной массы на политическомъ поприщѣ постоянно подвергаетъ опасности конституціонную свободу.

Но отношеніе классовъ видоизмѣняется здѣсь родомъ и характеромъ собственности. Землевладѣльцы, не только крупные, но и средніе, всегда имѣютъ болѣе или менѣе аристократическое значеніе; напротивъ, движимая собственность, каковъ бы ни былъ ея размѣръ, составляетъ основу промышленнаго быта, свойственнаго среднимъ классамъ. Поэтому, высшее положеніе въ обществѣ обыкновенно занимаетъ сельское состояніе въ совокупности своихъ верхнихъ и среднихъ слоевъ; городское же, даже и при значительномъ богатствѣ, остается на второмъ мѣстѣ. Это ясно изъ повсемѣстнаго устройства

сословій, которое, являясь плодомъ вѣковой исторіи народовъ, выражаетъ собою естественное отношеніе общественныхъ силъ. Землевладѣльческое дворянство, вездѣ въ Европѣ, образовало аристократическое сословіе, между тѣмъ какъ промышленники и горожане причислялись къ среднему или низшему разряду. Тоже самое, вытекающее изъ природы вещей отношеніе классовъ сохраняется и тогда, когда сословія исчезаютъ, превращаясь въ состоянія.

Аристократическій характеръ землевладѣльческаго элемента можетъ проявляться въ различныхъ формахъ. Не всегда изъ него вырабатывается политическая аристократія въ тѣсномъ смыслѣ, то есть наслѣдственное сословіе, обладающее высшими политическими правами. Крупная поземельная собственность служитъ основою аристократіи, но не образуетъ ея непосредственно. Нужно, чтобы къ матеріяльнымъ условіямъ присоединились нравственныя. Необходимо, чтобы крупные землевладѣльцы являлись историческими носителями высшихъ политическихъ началъ народной жизни, вожатаями общества и защитниками его свободы. Крупная поземельная собственность имѣетъ значеніе не сама по себѣ, а по тѣмъ идеямъ, которыя съ нею связаны, по тѣмъ силамъ, которымъ она доставляетъ опору. Голая собственность, безъ исторической жизни, есть трупъ безъ оживляющаго духа. Она рождаетъ притязанія, а не права. Поэтому, политическая аристократія существуетъ не во всѣхъ государствахъ и не можетъ образоваться тамъ, гдѣ для нея нѣтъ нравственныхъ и политическихъ условій. Самое матеріяльное значеніе крупной поземельной собственности не вездѣ одинаково: оно опредѣляется отношеніемъ ея къ остальной недвижимой собственности, отчего зависитъ и отношеніе владѣющихъ классовъ къ другимъ. Могущественная аристократія образуется только тамъ, гдѣ большая часть земли сосредоточена въ рукахъ немногихъ родовъ, которые черезъ это получаютъ преобладаніе въ странѣ. Но такая монополія, дающая владѣльцамъ огромную силу, гораздо легче установляется на небольшомъ пространствѣ, нежели въ обширномъ государствѣ, гдѣ крупная собственность разсѣяна среди мелкой, и разрозненнымъ владѣльцамъ труднѣе образовать корпорацію, одушевленную общимъ духомъ и дѣйствующую заодно. Для созданія политической аристократіи нужно и сохраненіе поземельной собственности въ однихъ и тѣхъ же родахъ. Этому способствуютъ майораты и субституціи, которые препятствуютъ дробленію

земель и обѣднѣнію знатныхъ семействъ. Наоборотъ, политическая аристократія не можетъ возникнуть при законахъ, установляющихъ раздѣлъ имущества между наслѣдниками. Здѣсь собственность дробится, роды бѣднѣютъ, имѣнія переходятъ изъ рукъ въ руки. Здѣсь крупная собственность только случайно отличается отъ средней, а потому все состояніе землевладѣльцевъ образуетъ группу, не имѣющую внутри себя рѣзкаго различія. На этомъ основаніи, введеніе майоратовъ нерѣдко считаютъ наилучшимъ средствомъ для созданія аристократіи. Но такія искусственныя мѣры не приносятъ плода. Майораты могутъ служить опорою сильнаго сословія, когда они вытекаютъ изъ всей исторической жизни народа, изъ всего гражданскаго его быта; случайныя же и одинокія явленія, порожденныя теоріею, выражаютъ опять однѣ претензіи, а не способны создать силу или выработать право.

Въ странахъ, гдѣ изъ высшаго дворянства образовалась политическая аристократія, низшее обратилось въ состояніе среднихъ землевладѣльцевъ. Однако, оно не потеряло отъ этого своего аристократическаго характера. Средніе землевладѣльческіе классы, по самой своей природѣ, тянутъ не къ среднимъ же промышленнымъ, а къ высшимъ, аристократическимъ. И тѣ и другіе имѣютъ одни интересы, одинъ духъ, одни свойства и направленіе. Англійское джентри засѣдаетъ, правда, въ нижней палатѣ, вмѣстѣ съ представителями городовъ, но по своему духу, по своимъ аристократическимъ началамъ и наклонностямъ, оно примыкаетъ гораздо болѣе къ верхней палатѣ и составляетъ главную опору аристократіи въ народномъ представительствѣ. Это звено, связующее промышленные классы съ аристократіею, но всегда склоняющееся на сторону послѣдней. Поэтому въ Англіи, пріобрѣтеніе земли и занятіе положенія въ кругу мѣстныхъ землевладѣльцевъ составляетъ одинъ изъ главныхъ предметовъ честолюбія для промышленныхъ состояній. Это даетъ человѣку нѣсколько аристократическій оттѣнокъ и достается не легко, иногда черезъ нѣсколько поколѣній.

Исторія представляетъ впрочемъ и примѣры розни между крупными и средними землевладѣльцами. Это бываетъ особенно тамъ, гдѣ промышленныя состоянія слишкомъ мало развиты, и преобладаетъ чисто земледѣльческій бытъ. Вражда бываетъ здѣсь послѣдствіемъ неумѣренныхъ притязаній и исключительнаго духа аристократіи. Внутрен-

ніе раздоры составляютъ весьма обыкновенное явленіе въ сословіи, не знающемъ внѣшнихъ задержекъ. Это борьба честолюбій, возникающая при однородности элементовъ. Но какъ скоро есть посторонняя сила, близкіе другъ къ другу интересы естественно соединяются въ дружной дѣятельности.

Связь крупныхъ землевладѣльцевъ съ средними еще болѣе сохраняется въ странахъ, гдѣ дворянство не раздробилось на двѣ половины, и не выдѣлило изъ себя политической аристократіи. Здѣсь, аристократическій духъ, притомъ съ менѣе возвышеннымъ, а болѣе одностороннимъ и исключительнымъ характеромъ, живетъ въ совокупности сословія, онъ удерживается даже въ то время, когда падаютъ сословныя грани и права. Вѣками установившіеся нравы и воззрѣнія не исчезаютъ мгновенно, особенно въ людяхъ, которыхъ главное свойство состоитъ въ охранительномъ образѣ мыслей. Сословіе, которое внезапно отреклось бы отъ своего прошедшаго, представляло бы весьма мало залоговъ для будущаго. Если оно имѣетъ достаточно внутренней крѣпости, оно не только сохраняетъ свой духъ, но открываясь постороннимъ лицамъ, оно и имъ сообщаетъ свой характеръ и свои воззрѣнія. Образовавшееся такимъ способомъ землевладѣльческое состояніе представляетъ аристократическіе элементы общества въ совокупномъ своемъ составѣ, а не въ однихъ высшихъ слояхъ. Его нельзя произвольно разсѣчь на двѣ половины, составить аристократію изъ крупныхъ землевладѣльцевъ и отнести остальныхъ къ среднимъ классамъ. Такія искусственныя сочетанія, не имѣющія корня въ исторіи, и идущія въ разрѣзъ съ дѣйствительностью, являются только плодомъ фантазіи. Аристократія, лишенная исторической почвы, остается безсильною; это не болѣе, какъ пустоцвѣтъ. Низшее же дворянство не потеряетъ вѣками установившагося направленія и не сдѣлается среднимъ состояніемъ. При введеніи политическаго представительства, землевладѣльцы, безъ сомнѣнія, должны занять мѣсто и въ верхней палатѣ и въ нижней. Но въ первой будутъ засѣдать не одни представители крупной собственности, а вообще независимые землевладѣльцы, пріобрѣтающіе политическій вѣсъ и значеніе въ странѣ. Остальная масса, въ лицѣ своихъ выборныхъ, займетъ мѣсто въ нижней палатѣ. Такой существенный элементъ общества не можетъ быть исключенъ изъ народнаго представительства. Но по своему историческому происхожденію и по самому свойству поземельной соб-

ственности, онъ и здѣсь сохранитъ свой болѣе или менѣе аристократическій духъ.

Изъ этого слѣдуетъ, что въ нижней палатѣ, представляющей демократическіе элементы общества, вовсе не желательно преобладаніе землевладѣльческаго класса. Это должно сообщить представительнымъ учрежденіямъ односторонній характеръ. Они будутъ выраженіемъ одной только преобладающей силы. Землевладѣльческая конституція неизбѣжно будетъ дѣйствовать въ пользу одного состоянія, и чѣмъ болѣе послѣднее сохраняетъ сословныя черты, чѣмъ свѣжѣе въ немъ преданія, тѣмъ ярче будетъ выступать этотъ недостатокъ. Аристократическое представительство возможно только въ странѣ, которая издавна управлялась могущественной аристократіею. Здѣсь оно служитъ не органомъ общества, а орудіемъ власти высшаго сословія. Но истинное требованіе конституціоннаго порядка, одно отвѣчающее началамъ общаго блага, состоитъ въ томъ, чтобы представительство выражало собою совокупность общественныхъ элементовъ. Пріобщеніе аристократіи къ верховной власти тогда только безвредно, когда она находитъ задержку и противовѣсіе въ демократіи, представляемой средними классами. Поэтому, тамъ, гдѣ политическая жизнь распространена въ одномъ землевладѣльческомъ состояніи, конституціонный порядокъ невозможенъ; ему недостаетъ существеннаго элемента. Въ такой странѣ, монархическое правительство всегда будетъ играть роль защитника низшихъ классовъ и представителя общихъ интересовъ.

Въ правильномъ конституціонномъ устройствѣ, главное зерно нижней палаты должны составлять промышленныя состоянія. По свойству принадлежащей имъ собственности, по соединенію труда съ капиталомъ, они, по преимуществу, образуютъ средніе классы, которые представляютъ собою демократическое начало въ высшихъ его проявленіяхъ. Не замыкаясь въ себѣ, не находясь подъ вліяніемъ односторонняго направленія, но проникая во всѣ области, смѣшиваясь со всѣми слоями, промышленныя состоянія, по своему разнообразію и подвижности, служатъ общею связью всѣхъ интересовъ и элементовъ общества. Привязанные къ порядку, составляющему необходимую гарантію собственности и условіе промышленнаго труда, они вмѣстѣ съ тѣмъ являются главными представителями свободы, которая лежитъ въ основаніи конституціоннаго зданія. У нихъ, по преимуществу, сосредоточивается и денежное богатство, главная пружина го-

сударственной жизни въ настоящее время. Оно даетъ имъ перевѣсъ надъ другими общественными элементами, тогда какъ въ средніе вѣка, господство военной силы вело къ преобладанію аристократіи. Наконецъ, промышленные люди, безпрерывно вращаясь въ дѣлахъ, наиболѣе способны и къ контролю государственнаго хозяйства, составляющему одну изъ главныхъ задачъ нижней палаты. Правда, у нихъ есть свои темныя стороны. Хозяйственность иногда переходитъ у нихъ въ скаредность; они скупятся на денежныя средства, необходимыя для государства. Промышленная жизнь развиваетъ въ нихъ узкость взглядовъ и мелочность интересовъ. Подвижность и разрозненность элементовъ дѣлаетъ ихъ мало способными смыкаться въ дисциплинированныя партіи. Вообще, у нихъ менѣе политическаго смысла, нежели у аристократіи, привыкшей стоять во главѣ народа. Но все это—недостатки неизбѣжные во всякомъ порядкѣ вещей, гдѣ общество призывается къ участію въ государственномъ управленіи. Какъ высшій слой демократіи, среднія состоянія настоящіе представители общества, тогда какъ аристократія, при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, остается избраннымъ кружкомъ. Если послѣдняя занимаетъ мѣсто въ верхней палатѣ, то первымъ принадлежитъ преобладаніе въ нижней. Это мы и видимъ во всѣхъ европейскихъ государствахъ, гдѣ водворились конституціонныя учрежденія. Нижняя палата, представительница народа, является здѣсь главнымъ центромъ политической жизни. Аристократія умѣряетъ и направляетъ народныя стремленія, силою высшаго сознанія; но инициатива, движеніе и контроль исходятъ изъ демократическаго элемента, воплощеннаго въ среднихъ состояніяхъ. Теоретическія соображенія подтверждаются историческими выводами.

Изъ этого можно сдѣлать общее заключеніе, что возможность введенія представительнаго устройства опредѣляется главнымъ образомъ политическимъ развитіемъ промышленныхъ классовъ. Пока живой интересъ къ государственнымъ вопросамъ и требованіе свободы сосредоточиваются въ верхнихъ слояхъ общества, представительство можетъ породить только олигархію или обманъ; конституціонный же порядокъ, въ настоящемъ смыслѣ слова, не въ силахъ водвориться, ибо не имѣетъ общественной основы. Но въ землѣ, гдѣ исторія не выработала могущественной политической аристократіи, олигархическое правленіе точно также лишено корней, а потому не въ состо-

яніи упрочиться. Здѣсь, аристократическія и дворянскія стремленія и притязанія должны вѣчно оставаться безплодными. Всѣ либеральныя попытки, исходящія изъ одного высшаго сословія, проходятъ безъ слѣда въ народной жизни. Серьозное движеніе начинается только тогда, когда требованія свободы глубже проникаютъ въ общество, и политическая мысль обхватываетъ средніе классы. А эта пора рано или поздно непремѣнно настаетъ для всякаго народа, развивающагося и матеріяльно и умственно. Физическій трудъ и бережливость ведутъ къ приращенію движимой собственности, умственная работа — къ распространенію образованія. И то и другое усиливаетъ значеніе и могущество среднихъ классовъ, порождая въ нихъ вмѣстѣ съ тѣмъ и стремленіе къ политической свободѣ. Представительное устройство является такимъ образомъ естественнымъ послѣдствіемъ самаго хода вещей, физическаго и умственнаго развитія общества. Но таже самая сила вещей препятствуетъ преждевременному его водворенію. Оно невозможно, пока жизнь не приготовила для него нужныхъ условій, пока успѣхи богатства и образованія не развили въ промышленныхъ классахъ живаго участія къ государственнымъ дѣламъ и не сдѣлали ихъ политическою силою.

Кромѣ политическако развитія среднихъ классовъ, важно и отношеніе ихъ къ высшимъ и низшимъ. Отъ этого зависитъ прочность представительнаго порядка, который держится дружною дѣятельностью общественныхъ силъ. Исторія на каждой страницѣ записала этотъ законъ. Въ сельскомъ состояніи можетъ преобладать крупная или мелкая собственность, аристократическій или демократическій элементъ. Въ томъ и другомъ случаѣ, тѣсная связь его съ городскимъ состояніемъ составляетъ необходимое условіе политической свободы. Но эта связь не установляется произвольно; одного желанія здѣсь недостаточно. Она также требуетъ условій, какъ матеріяльныхъ, такъ и нравственныхъ. Нужно, чтобы движимая собственность, распространяясь на земледѣліе, измѣнила первобытный его характеръ и произвела черезъ это смѣшеніе или, по крайней мѣрѣ, сближеніе состояній. Нужно, чтобы общее образованіе, и теоретическое и практическое, установляя между различными классами общеніе мыслей и нравовъ, соединило ихъ въ общихъ политическихъ требованіяхъ и интересахъ. Наконецъ, эта нравственная связь должна быть скрѣплена временемъ и привычкою къ совокупной дѣятельности; иначе

она не имѣетъ достаточной прочности. Такимъ образомъ, только успѣхи матеріяльнаго и умственнаго труда въ состояніи произвести то внутреннее объединеніе общества, которое составляетъ первое условіе народнаго представительства.

ГЛАВА 5.

ОБЩЕСТВЕННОЕ МНѢНІЕ.

Политическая зрѣлость общества, отъ которой зависитъ возможность представительныхъ учрежденій, опредѣляется суммою политическихъ идей, въ немъ разлитыхъ, и способностью его приложить эти идеи къ дѣйствительности. Плодомъ и выраженіемъ созрѣвшей политической мысли является общественное мнѣніе, главный двигатель государственной жизни въ представительномъ порядкѣ.

Всякое правленіе, основанное не на внѣшней силѣ, держится извѣстнымъ настроеніемъ общества. Власть должна находить опору въ мысляхъ и чувствахъ народа. Чувство составляетъ достояніе массы; мысль сосредоточивается въ высшихъ слояхъ, которые поэтому являются представителями общественнаго мнѣнія. И тотъ и другой элементъ равно необходимы въ государствѣ. Великіе инстинкты народа составляютъ основу всей его жизни; но управляетъ и руководитъ ими разумное сознаніе. Въ свободныхъ учрежденіяхъ оно играетъ главную роль.

Однако мысль, возводя темные инстинкты къ сознанію, способна вмѣстѣ съ тѣмъ и отклоняться отъ истинныхъ началъ. Чувство непосредственно и всецѣло относится къ предмету; если оно не въ состояніи понимать отдѣльные вопросы, то существенное въ жизни оно почти всегда постигаетъ вѣрно. Мысль одна можетъ обсуждать подробности, соображать цѣли и средства; но углубляясь въ частности, она дробится на разныя направленія, нерѣдко впадаетъ въ односторонность, подвержена ошибкѣ. Нуженъ долгій процессъ, чтобы возвести ее снова къ тому единству, на которое безсознательное влеченіе часто указываетъ чутьемъ. Мысль отличается отъ чувства и своими не-

пытующими свойствами; она разлагаетъ явленія, расширяетъ кругозоръ и тѣмъ выводитъ жизнь изъ прежней колеи, пробивая ей новыя дороги. Чувство имѣетъ по преимуществу характеръ охранительный, и въ этомъ только направленіи дѣйствуетъ правильно. Мысль заключаетъ въ себѣ, какъ охранительное, такъ и прогрессивное начала; она является главнымъ орудіемъ движенія и борьбы.

Эти свойства мысли отражаются и на общественномъ мнѣніи, которое представляетъ смѣсь истины и лжи, положительныхъ и отрицательныхъ сторонъ. Становясь достояніемъ общества, мысль не пріобрѣтаетъ высшаго достоинства, а напротивъ, скорѣе понижается. Односторонніе взгляды и ошибки не устраняются обсужденіемъ вопросовъ многими умами, ибо эти умы не отличаются высшимъ качествомъ. Хотя общественное мнѣніе господствуетъ въ болѣе или менѣе образованныхъ классахъ, причастныхъ умственной жизни, однако оно все же есть мнѣніе массы и носитъ на себѣ ея печать. Умственный уровень всегда здѣсь ниже, нежели въ избранномъ кругу людей. Общественное мнѣніе есть господство посредственности. Поэтому, глубокіе взгляды и обширныя соображенія, требующія сложнаго умственнаго процесса, всегда найдутъ въ немъ менѣе отголоска, нежели простыя, ясныя, хотя и одностороннія начала; оно усвоиваетъ себѣ только то́, что доступно логикѣ большинства. Здѣсь проявляется и безконечное разнообразіе мнѣній, которыхъ соглашеніе представляетъ слишкомъ значительныя трудности. Привести ихъ къ единству можетъ только господствующее настроеніе, которое обыкновенно зарождается болѣе подъ вліяніямъ общаго чувства, нежели разумнаго сознанія. Владычество массы и въ высшихъ слояхъ нерѣдко ведетъ къ преобладанію чувства надъ разумомъ. Но здѣсь чувство перемѣшивается съ дѣятельностью мысли и призывается къ рѣшенію задачъ, ему не свойственныхъ. То, что вѣчно въ народной жизни, то что лежитъ въ глубинѣ сердца у всѣхъ и каждаго, всегда найдетъ въ неиспорченномъ обществѣ живой отголосокъ. Однако, въ высшихъ классахъ, и эти великіе народные инстинкты затмѣваются иногда другими стремленіями. Свобода, миръ и успѣхи матеріяльнаго благосостоянія предпочитаются требованіямъ народной чести и славы. Еще болѣе это бываетъ при вопросахъ, не затрогивающихъ глубокихъ струнъ народнаго чувства. Здѣсь нерѣдко, ощущенія настоящей минуты преобладаютъ надъ соображеніемъ прошедшаго и будущаго. Об-

щественное мнѣніе бываетъ одностороннe, подвержено увлеченіямъ, непостоянно и измѣнчиво. Все это свойства, неизбѣжно сопровождающія мысль, разлитую въ массахъ. Общественное мнѣніе есть выраженіе самосознанія общества, но по существу своему, это сознаніе не высшее, а среднее.

Представительныя учрежденія находятся въ самой тѣсной связи съ общественнымъ мнѣніемъ. Отъ него они заимствуютъ и силу и жизнь; оно опредѣляетъ ихъ составъ и направленіе. Представительное устройство можетъ держаться только тамъ, гдѣ общественное мнѣніе даетъ ему постоянную опору, гдѣ общество всегда готово стоять за свои права. Въ средніе вѣка, политическая свобода охранялась силою оружія, которое было въ рукахъ военнаго сословія; въ новое время, при общей потребности мира и порядка, она поддерживается силою духовною, силою мысли, составляющей достояніе всѣхъ образованныхъ классовъ. Наоборотъ, когда эта сила созрѣла въ народѣ, представительныя учрежденія становятся необходимостью. Окрѣпшее общественное мнѣніе ищетъ въ нихъ органа и исхода. Поэтому, развитіе представительныхъ учрежденій и могущество общественнаго мнѣнія идутъ рука объ руку.

Въ настоящее время въ Европѣ, общественное мнѣніе болѣе и болѣе становится владыкою политическаго міра. Въ немъ ищутъ опоры даже такія правительства, которыя издавна славились своимъ чисто монархическимъ духомъ; отъ него окончательно зависитъ рѣшеніе политическихъ вопросовъ. Это нравственное могущество истекаетъ изъ новыхъ, болѣе высокихъ требованій жизни; оно является плодомъ большей зрѣлости народовъ. Въ настоящее время, одной правительственной дѣятельности недостаточно для удовлетворенія государственныхъ нуждъ. Высшее развитіе требуетъ бóльшаго напряженія силъ, а это возможно только при самодѣятельности народа. Правительство, имѣющее въ рукахъ одни административныя средства, не въ состояніи тягаться съ тѣмъ, которое призываетъ на помощь всю энергію, лежащую въ нѣдрахъ общества. Съ другой стороны, самыя общественныя силы, съ развитіемъ мысли и свободы, сдѣлались менѣе податливы, нежели прежде. Правительства не всегда могутъ расчитывать на ихъ содѣйствіе; нерѣдко за оказанную помощь требуется вознагражденіе въ расширеніи правъ. Такимъ образомъ, самый ходъ жизни ведетъ къ господству общественнаго мнѣнія, и если оно не всегда яв-

ляется непогрѣшимымъ, то во всякомъ случаѣ, оно служитъ признакомъ высшаго развитія и духовной крѣпости народа. Это сила неосязаемая, неуловимая, не поддающаяся произволу. Разсѣянныя и раздробленныя сужденія соединяются здѣсь въ нѣчто общее и единое, становятся двигателями государственной жизни.

Но самый духовный характеръ этой силы дѣлаетъ ее часто сомнительною и затрудняетъ изслѣдованіе. Что такое общественное мнѣніе? Въ чемъ оно выражается? Какъ уловить общую мысль въ нестройномъ говорѣ толпы, гласящей тысячью устами, гдѣ часто громче всѣхъ раздается голосъ пустыхъ крикуновъ? По какимъ признакамъ можно судить о существованіи общественнаго мнѣнія, объ его силѣ и зрѣлости? Въ представительномъ порядкѣ, все это распознается легче, ибо самыя учрежденія служатъ органомъ общественной мысли и воли. Однако и представительное собраніе, какъ по составу, такъ и по направленію, не всегда соотвѣтствуетъ настоящему направленію общества. Общественное мнѣніе можетъ образоваться помимо его, относясь къ нему даже враждебно, какъ свидѣтельствуютъ живые историческіе примѣры. Или же оно можетъ быть такъ слабо, что не доставляетъ учрежденіямъ надлежащей опоры. Поэтому, и въ представительномъ порядкѣ нельзя обойти этихъ вопросовъ; тѣмъ болѣе, когда рѣчь идетъ о введеніи политической свободы. Здѣсь труднѣе узнать, существуетъ ли для этого достаточно зрѣлое общественное мнѣніе, способное быть дѣятелемъ въ государствѣ. Здѣсь легче впасть въ грубую ошибку, принявши случайное возбужденіе мысли за общее, серьозное требованіе, мнѣніе нѣскольких лицъ за мнѣніе общества. Такимъ образомъ, какова бы ни была задача свободныхъ учрежденій, всегда здѣсь представляется существенный вопросъ: что такое общественное мнѣніе и какъ его распознать?

Вездѣ есть толки о государственныхъ дѣлахъ; вездѣ, между людьми, имѣющими притязаніе на нѣкоторую независимость сужденій, существуетъ и критика правительственныхъ дѣйствій. Но частные разговоры и болѣе или менѣе смѣлое порицаніе не составляютъ еще общественнаго мнѣнія. Частныхъ сужденій можно слышать безчисленное множество и самаго разнороднаго свойства. Даже въ неограниченномъ правленіи, у подножія престола и въ отдаленныхъ углахъ государства, раздаются выраженія неудовольствія на тѣ или другія мѣры и лица. Но этотъ нестройный говоръ не образуетъ общественной

силы. Онъ лишенъ тѣхъ существенныхъ свойствъ, которыя одни могутъ возвести частныя, разсѣянныя мысли на степень политическаго двигателя.

Общественное мнѣніе, какъ политическій элементъ, существуетъ только тамъ, гдѣ сужденія о государственныхъ дѣлахъ не имѣютъ характера случайности, а произносятся на основаніи нѣкоторыхъ общихъ началъ, выработанныхъ сознаніемъ общества и выражающихъ настоящія его потребности. Первый признакъ разумной мысли состоитъ въ томъ, что она не бродитъ на обумъ, не повинуется слѣпымъ стремленіямъ, а руководится извѣстными правилами. Общество должно знать, чѣмъ и почему оно недовольно, и чего именно оно хочетъ. Существо общественнаго мнѣнія, какъ политической силы, состоитъ не въ порицаніи или одобреніи тѣхъ или другихъ лицъ и дѣйствій, а въ томъ общемъ направленіи, на основаніи котораго произносится хвала или порицаніе. Указаніе на частные недостатки и возгласы противъ злоупотребленій ничего не значатъ; важны идеи, которыми направляется общество.

У всякаго народа, на степени темныхъ инстинктовъ или возведенныя въ сознаніе, существуютъ нѣкоторыя идеи, связывающія людей въ единое цѣлое, и подвигающія ихъ на общую дѣятельность. Такова идея отечества. Иногда эти начала, составляющія основу народной жизни, проявляются съ неудержимою силою. Всякій народъ, при внѣшней опасности, воодушевляется патріотизмомъ. Въ эти минуты, по естественному чувству самосохраненія, онъ изъявляетъ готовность жертвовать всѣмъ для защиты отечества. Гордость его возмущается чужими притязаніями, и онъ стремится дать имъ отпоръ. Но патріотизмъ не составляетъ еще общественнаго мнѣнія. Тотъ же народъ, какъ скоро онъ снова погрузился въ свою обыденную жизнь, можетъ оказать полнѣйшее равнодушіе къ общественнымъ дѣламъ. Любовь къ отечеству есть общее чувство, а не политическое направленіе. Безъ нея не можетъ существовать ни одно государство; она подвигаетъ людей на великія дѣла, но она также совмѣстна съ деспотизмомъ, какъ и съ политическою свободою. Что могло быть величавѣе возстанія Россіи противъ Поляковъ подъ знаменами Минина и Пожарскаго? Но едва ли кто станетъ считать этотъ подвигъ за выраженіе созрѣвшей общественной мысли. На соборахъ того времени ея нѣтъ и слѣда; въ дальнѣйшей исторіи исчезаютъ всякіе ея признаки. Все совершается

дѣйствіемъ сверху, а не силою общественнаго сознанія. Поэтому, когда идеи, которыми живетъ общество, ограничиваются патріотизмомъ, въ этомъ невозможно видѣть серьознаго общественнаго мнѣнія. Это скорѣе признакъ младенческаго состоянія политической мысли.

Разумная сила общественнаго мнѣнія выражается въ томъ, что ежедневныя явленія жизни возводятся къ общимъ началамъ и обсуждаются сознательно и отчетливо. Эти начала могутъ быть разнообразны, какъ самыя точки зрѣнія, на которыя становится человѣкъ; они могутъ быть и ошибочны. Но во всякомъ случаѣ, они должны быть ясно сознаваемы и въ своемъ существѣ и въ своихъ послѣдствіяхъ. Въ мало образованныхъ обществахъ являются иногда смутныя представленія, которыя соединяютъ и увлекаютъ людей, именно потому что каждый разумѣетъ подъ ними, что хочетъ, а иногда и вовсе ничего не разумѣетъ. Это опять признакъ младенчества. Общество должно давать себѣ ясный отчетъ какъ въ цѣляхъ, такъ и въ средствахъ; тогда только оно способно быть политическимъ дѣятелемъ. Такого рода общественное мнѣніе является плодомъ, не случайныхъ увлеченій, а постояннаго и серьознаго политическаго интереса, непрерывной дѣятельности мысли и неослабнаго вниманія общества къ ходу государственныхъ дѣлъ. Временное возбужденіе, всегда соединенное со страстью, можетъ произвести минутный взрывъ; одна лишь постоянная мысль становится необходимымъ элементомъ политической жизни. И этотъ серьозный интересъ долженъ быть достояніемъ цѣлыхъ классовъ. Вездѣ есть люди съ развитымъ политическимъ пониманіемъ; но пока они не имѣютъ вліянія на другихъ, пока они не сдѣлались господствующею силою, мнѣніе ихъ нельзя назвать общественнымъ. Еще менѣе слѣдуетъ считать за общественный голосъ тѣ толки, которые слышатся на вершинахъ общества, въ собраніяхъ или гостиныхъ, ошибка, въ которую впадаютъ иногда даже конституціонныя правительства, а тѣмъ болѣе самодержавныя, имѣющія менѣе средствъ узнать истину. Сужденія высшаго общества нерѣдко отзываются исключительными интересами извѣстнаго класса; мѣры, затрогивающія аристократическія привилегіи, всегда возбуждаютъ въ немъ неудовольствіе. Но надобно знать, какъ судитъ объ этомъ масса, безпристрастная въ дѣлѣ; частное чувство должно пройти черезъ провѣрку общей мысли. Общественное мнѣніе не есть мнѣніе аристократическаго кружка; сущность его состоитъ именно въ томъ, что оно разнообраз-

ные элементы общества соединяетъ въ общихъ взглядахъ и требованіяхъ. Однимъ словомъ, общественное мнѣніе тогда только заслуживаетъ это названіе и можетъ стать политическимъ двигателемъ, когда въ немъ выражается мысль опредѣленная, постоянная и общая. Иначе это толки и заявленія, на которыя слѣдуетъ обращать вниманіе, но которые не составляютъ серьознаго элемента политической свободы.

Для того, чтобы общественное мнѣніе пріобрѣло такой характеръ и сдѣлалось политическою силою, необходимы многія условія. Первое заключается въ распространеніи прочнаго образованія въ народѣ. Зрѣлая политическая мысль предполагаетъ способность обобщенія, просвѣщенные взгляды на вещи. Мы видѣли, что государственные вопросы касаются самыхъ высшихъ сторонъ жизни, коренятся въ самыхъ глубокихъ источникахъ человѣческаго духа, а потому требуютъ не только практическихъ свѣдѣній, но и философскаго пониманія. Самое основное начало представительнаго порядка, свобода, подлежитъ безконечно разнообразнымъ воззрѣніямъ, которыя въ необразованномъ обществѣ могутъ произвести полнѣйшій хаосъ. Большая часть практическихъ вопросовъ точно также не можетъ быть разрѣшена безъ помощи образованія. Неосмысленный опытъ порождаетъ только рутину, враждебную всякому улучшенію. Въ настоящее время, необходимость умственнаго образованія для представительнаго порядка сдѣлалась особенно ощутительною. Въ средніе вѣка, когда дѣло шло только о защитѣ извѣстныхъ, обычаемъ установленныхъ правъ, народное представительство могло ограничиваться непосредственнымъ опытомъ. Но въ XIX-мъ столѣтіи, при сложности государственныхъ отношеній, при многостороннемъ развитіи жизни, при взаимной связи всѣхъ вопросовъ, непремѣннымъ условіемъ участія общества въ политическихъ дѣлахъ должно быть значительное образованіе. Въ особенности, это справедливо въ государствахъ, гдѣ представительное устройство является нововведеніемъ. Здѣсь долгій историческій опытъ не можетъ служить руководствомъ, а потому необходимо прибѣгать къ теоріи, составляющей плодъ умственной работы. Въ настоящее время, можно утвердительно сказать, что общество мало образованное къ политической жизни неспособно. Пока просвѣщеніе касается однѣхъ вершинъ, единственный разумный способъ управленія состоитъ въ предоставленіи выбора лицъ правительству, которое, по своему положенію и въ силу собственнаго интереса, притягиваетъ къ себѣ значительнѣйшія

политическія способности страны. Можетъ случиться, что власть не исполнитъ своей задачи и будетъ довольствоваться посредственными людьми, находя въ нихъ болѣе покорныя орудія своей воли; но необразованное общество не въ состояніи исправить этого недостатка. Наоборотъ, чѣмъ болѣе распространяется образованіе, тѣмъ способнѣе становится общество къ участію въ политическихъ дѣлахъ. Успѣхи просвѣщенія, привлекая къ умственнымъ интересамъ большее и большее число людей, рано или поздно неизбѣжно приводятъ къ представительному устройству, ибо общество, которое думаетъ о государственныхъ дѣлахъ, естественно хочетъ принимать въ нихъ участіе.

Изъ этого ясно, что для представительныхъ учрежденій весьма важно развитіе въ обществѣ политической литературы. Она одна можетъ дать прочныя основы политическому образованію народа, и наоборотъ, тамъ, гдѣ мысль уже нѣсколько окрѣпла, она непремѣнно выразится въ литературѣ. Иностранныя книги не въ состояніи удовлетворить этому требованію; онѣ служатъ важнымъ пособіемъ отечественнымъ произведеніямъ, но не могутъ ихъ замѣнить. Послѣднія одни проникаютъ въ нѣдра общества, одни являются выраженіемъ мысли самобытной, способной перейти въ общее сознаніе, наконецъ, одни могутъ разработывать политическіе вопросы въ большемъ или меньшемъ приложеніи въ народной жизни. Поэтому, общественное мнѣніе можетъ выработаться только тамъ, гдѣ существуетъ большая или меньшая свобода печати. Пока этого нѣтъ, политическое образованіе народа остается весьма скуднымъ.

Книжная литература даетъ общественной мысли теоретическія основы и общее направленіе, но она не въ силахъ удовлетворить ежедневнымъ ея потребностямъ. Если общественное мнѣніе состоитъ въ постоянномъ умственномъ участіи народа въ дѣлахъ государства, то для этого необходимы знакомство съ ежедневнымъ ихъ ходомъ и возможность постояннаго ихъ обсужденія. Средствомъ для этого служитъ журнализмъ. Можно сказать, что нѣтъ болѣе могущественнаго орудія для образованія общественнаго мнѣнія. Серьозныя книги вообще не читаются массою; добытые ими результаты нужно размѣнять на мелкую монету, чтобы сдѣлать ихъ доступными огромному большинству людей. Это одна изъ задачъ журнализма. Онъ распространяетъ политическую мысль въ краткой и общепонятной формѣ, посредствомъ безпрерывнаго повторенія, что всего сильнѣе дѣйствуетъ на обыкно-

венные умы. Доставляя публикѣ ежедневную пищу, онъ дѣлаетъ политическіе интересы насущною потребностью общества. Книги выходятъ рѣдко, читаются и часто забываются; журнализмъ поддерживаетъ постоянное участіе къ дѣлу, постоянное напряженіе мысли. Наконецъ, при непрерывномъ теченіи дѣлъ, онъ одинъ можетъ соединить разсѣянныя сужденія въ общее направленіе. Особенность нашего вѣка и отличіе его отъ всѣхъ предыдущихъ историческихъ эпохъ ни въ чемъ не проявляются такъ ярко, какъ въ чрезвычайномъ развитіи журнализма. Имъ массы призываются къ умственной дѣятельности; посредствомъ него мысль проникаетъ всюду, быстро облетая не только цѣлую страну, но и противоположные концы міра. Здѣсь является возможность такого общаго возбужденія и такого совокупнаго дѣйствія общественныхъ силъ, какъ ни при какихъ другихъ условіяхъ. Устройству журнализма въ новое время общественное мнѣніе обязано главнымъ образомъ своимъ возрастающимъ могуществомъ.

Эта демократизація мысли имѣетъ однако и свои невыгодныя стороны. Разливаясь въ массѣ, съ помощью не всегда чистаго орудія, мысль мельчаетъ, пошлѣетъ, перемѣшивается съ страстями, становится средствомъ для личныхъ или корыстныхъ цѣлей. Могучій для дѣйствія, журнализмъ не въ состояніи замѣнить книжной литературы, какъ средство политическаго образованія народа. Это сознаютъ самые безпристрастные мыслители. «Не надобно упускать изъ виду, говоритъ Сисмонди, что настоящее, серьозное обсужденіе вопросовъ, то, которое вноситъ свѣтъ и истину во всѣ мыслящіе умы, происходитъ въ книгахъ. Къ этому писатели готовятся глубокими изслѣдованіями, долгимъ размышленіемъ; съ этимъ они связываютъ свою нравственную отвѣтственность и свою репутацію; оно обращается къ разуму, а не къ страстямъ читателей; оно образуетъ ихъ мнѣніе посредствомъ умственной работы, а не привычки постоянно слышать повтореніе одного и того же. Величайшими шагами, которые сдѣлали Французы къ управленію своими дѣлами, они обязаны изданію *Духа Законовъ* Монтескьё и *Администраціи Финансовъ* Неккера». Совсѣмъ иное вліяніе приписываетъ Сисмонди журнализму, который обращается къ толпѣ: «Чтобы произвести на этихъ читателей нѣкоторое впечатлѣніе книгою, продолжаетъ онъ, нужно по крайней мѣрѣ имѣть извѣстную массу свѣдѣній, извѣстную сумму идей, нѣкоторую долю таланта;

иначе книга падаетъ изъ рукъ читателя или остается у книгопродавца. Но на журналъ подписываются, не зная, что онъ будетъ содержать, читаютъ его на досугѣ, между сномъ и бдѣніемъ, отлагаютъ его безъ мысли, мало ему довѣряя, а между тѣмъ, ежедневное повтореніе однихъ и тѣхъ же положеній, догматовъ или клеветъ оставляетъ въ умахъ болѣе впечатлѣнія, нежели мнѣніе, подверженное строгому изслѣдованію и серьозному изученію. Пускай пробѣгутъ журналы, которые показывались въ эпохи уничтоженія цензуры, въ странахъ, находившихся подъ вліяніемъ революціонныхъ движеній, особенно журналы мало распространенные, и всякій ужаснется невѣжества, предразсудковъ, мстительныхъ страстей, которыя проглядываютъ въ нихъ на каждой строкѣ; станетъ совѣстно за униженіе литературы, производимое этими мнимыми литераторами, и когда подумаешь, что самыя лучшія брошюры не въ состояніи соперничать съ отвратительнѣйшими газетами, придешь къ заключенію, что вліяніе, предоставленное имъ на публику, вліяніе, заглушающее истинные таланты, уничтожило бы всякое движеніе мысли, всякое разумное преніе, а потому и всякую истинную свободу» [1]).

Не мѣнѣе рѣзко судитъ о журнализмѣ Бенжаменъ Констанъ, одинъ изъ самыхъ жаркихъ приверженцевъ свободы печати, самъ постоянно участвовавшій въ журналахъ: «необходимость писать каждый день, говоритъ онъ, кажется мнѣ камнемъ преткновенія для таланта. Спекуляція, которая изъ журнала дѣлаетъ доходную статью, соображаетъ подписку, установляетъ опредѣленный и подробный расчетъ между читателемъ, котораго мнѣніямъ надобно угождать, и писателемъ, расточающимъ лесть, не оставляетъ журналисту ни времени, ни независимости, необходимыхъ для полезныхъ сочиненій. Потребность поражать умы сильными доводами ведетъ къ преувеличенію; желаніе позабавить читателя вовлекаетъ въ клевету. Всѣ эти невыгоды умножаются еще полемическими преніями и личными ссорами, неразлучными съ этимъ ремесломъ. Журналистъ отрекается отъ достоинства литератора, отъ глубины сужденій, отъ свободы мыслей. Обыкновенно, журналъ хуже своего автора и еще чаще, авторъ становится хуже своего журнала» [2]).

---

[1]) Etudes sur les constitutions des peuples libres, p. 352, 356.
[2]) Cours de politique constitutionnelle ed. Laboulaye t. II p. 93.

Можетъ быть, эти сужденія серьозныхъ и либеральныхъ писателей, которые черпали свои наблюденія изъ жизненнаго опыта, отзываются излишнею строгостью, но во всякомъ случаѣ, общественное мнѣніе, воспитанное подъ исключительнымъ вліяніемъ журнализма, стоитъ на низкой степени. Оно заимствуетъ отъ него свойственныя такой лихорадочной дѣятельности шаткость, раздражительность, односторонность, неосновательность. Мы уже говорили, что лучшимъ противодѣйствіемъ такому состоянію умовъ служатъ представительныя учрежденія, которыя возводятъ политическіе вопросы въ болѣе возвышенную область и даютъ общественной мысли направленіе, исходящее изъ государственныхъ вершинъ, а не изъ конторъ литературно-промышленныхъ предпріятій. Журнализмъ, какъ всѣ человѣческія дѣла и учрежденія, имѣетъ свои хорошія и дурныя свойства, но и тѣ и другія въ высшей степени способствуютъ установленію представительнаго порядка, который, съ одной стороны, является плодомъ созрѣвшаго общественнаго мнѣнія, съ другой стороны, вызывается, какъ необходимое противодѣйствіе вредному броженію, охватывающему общество, когда оно не имѣетъ центра, соединяющаго въ себѣ лучшія силы земли.

Однако, литературное образованіе недостаточно для политическаго развитія народа. Оно даетъ мысли слишкомъ теоретическое направленіе. Общество, мало знакомое съ дѣлами на практикѣ, не привыкшее къ постоянному въ нихъ участію, легко увлекается отвлеченными или односторонними началами и доводами. Когда оно внезапно призывается къ представительству, оно не имѣетъ руководящей нити для дѣятельности, оно требуетъ слишкомъ многаго и не знаетъ на чемъ остановиться. Одна практика ограничиваетъ логическое развитіе мысли предѣлами возможнаго и примѣнимаго. Теоретическое направленіе составляло, по справедливому замѣчанію Токвиля, главный недостатокъ умственнаго развитія Франціи до революціи. Поэтому, здѣсь созваніе народнаго представительства прямо повело къ общему государственному перевороту. Учредительное Собраніе хотѣло за все взяться, все исправить, все измѣнить до основанія, но такъ какъ жизнь не идетъ такими быстрыми шагами, какъ логика, то результатомъ было всеобщее разрушеніе. Для возстановленія порядка нужна была практическая рука солдата и деспота.

Предотвратить одностороннее теоретическое направленіе мысли мо-

жно только пріобщеніемъ гражданъ къ управленію общественными дѣлами. Тамъ, гдѣ нѣтъ вѣками установившагося представительства, оно замѣняется мѣстными административными собраніями и участіемъ народа въ судѣ. Этими практическими занятіями граждане пріобрѣтаютъ знакомство съ настоящимъ дѣломъ. Здѣсь вырабатываются практическіе взгляды, которые въ послѣдствіи служатъ нѣкотораго рода руководствомъ и для законодательныхъ работъ. Народные представители, исходя изъ такой школы, не бродятъ уже въ потьмахъ, имъ не нужно ломать себѣ голову, чтобы придумывать разрѣшенія для всякихъ вопросовъ. По крайней мѣрѣ относительно внутреннихъ преобразованій, они знаютъ изъ опыта, чего слѣдуетъ желать, и чего можно достигнуть. Общественное мнѣніе пріобрѣтаетъ практическій складъ, а потому можетъ быть полезнымъ дѣятелемъ въ государствѣ.

Но опытная школа, такъ же какъ теоретическое образованіе, требуетъ времени. Для практическаго знакомства съ извѣстнымъ порядкомъ вещей, для уразумѣнія вытекающихъ изъ него требованій, нужно, чтобы общество въ него вжилось. Учрежденія новыя, которыя не успѣли войти въ жизнь и слиться съ сознаніемъ народа, не въ состояніи исполнить этой задачи. Изъ нихъ не могли еще выработаться крѣпкія начала и твердыя точки зрѣнія. Они сами еще не оправданы опытомъ, а потому слишкомъ шатки. Только упроченный временемъ порядокъ служитъ надежною политическою школою для гражданъ. Поэтому, эпохи коренныхъ преобразованій менѣе всего благопріятны введенію народнаго представительства. Въ обществѣ, не привыкшемъ еще къ новому быту, неизбѣжно господствуютъ шаткость, разномысліе, непрактичность, которыя должны отразиться и на исходящемъ изъ него собраніи. Конечно, со временемъ пріобрѣтется и опытность; но она можетъ быть куплена дорогою цѣною. Политическая свобода можетъ пасть прежде, нежели общество достигнетъ надлежащей зрѣлости. Какъ выраженіе общественныхъ силъ и высшее ихъ средоточіе, народное представительство тогда только прочно, когда оно является вѣнцомъ окрѣпшаго общественнаго зданія, а не основаніемъ новаго.

Таковы условія для образованія общественнаго мнѣнія. Изъ этого ясно, что оно далеко не вездѣ является политическою силою и не всегда способно быть дѣятелемъ въ государствѣ. По какимъ же признакамъ можно судить, что оно достигло надлежащей зрѣлости, что на-

родъ готовъ для представительныхъ учрежденій. Этотъ вопросъ на практикѣ возникаетъ постоянно, но обыкновенно онъ возбуждаетъ только голословныя пререканія, которыми прикрываются иныя цѣли. Незрѣлость общества служитъ врагамъ свободы вѣчнымъ предлогомъ для устраненія либеральныхъ требованій или для ограниченія правъ народнаго представительства. Напротивъ, друзья свободныхъ учрежденій склонны считать всякое общество достаточно для нихъ готовымъ. Всѣ эти толки не ведутъ ни къ чему, пока не будутъ установлены признаки, по которымъ можно судить о степени способности общества къ политической жизни. Этотъ вопросъ представляетъ значительныя трудности; однако есть данныя, по которымъ можно составить себѣ приблизительно вѣрное сужденіе.

Самое требованіе политической свободы отчасти служитъ уже признакомъ зрѣлости общественнаго мнѣнія. Желаніе участвовать въ управленіи государственными дѣлами показываетъ, что политическій интересъ въ обществѣ сильно возбужденъ. Чѣмъ болѣе оно распространено, тѣмъ очевиднѣе, что мысль окрѣпла. Поэтому, когда требованіе высказывается со всѣхъ сторонъ, единодушно и настойчиво, правительству во всякомъ случаѣ выгоднѣе уступить, нежели идти наперекоръ всѣмъ образованнымъ классамъ народа. Но такое единодушное стремленіе къ политической свободѣ составляетъ вообще довольно рѣдкое явленіе. Обыкновенно, требованіе правъ исходитъ сначала отъ незначительнаго меньшинства, отъ тѣхъ, которые умѣютъ говорить или кричать громче другихъ. Иногда и болѣе общее заявленіе бываетъ плодомъ временнаго неудовольствія или возбужденія страстей. Желаніе свободы можетъ быть заносное, мимолетное, навѣянное переворотами, совершающимися въ другихъ государствахъ. Какъ же узнать, отвѣчаетъ ли оно настоящимъ нуждамъ общества и составляетъ ли оно серьозное явленіе въ народной жизни?

Здѣсь возникаютъ всѣ тѣ затрудненія, съ которыми сопряжено распознаніе дѣйствительнаго общественнаго мнѣнія въ извѣстной странѣ. Это одна изъ мудреныхъ задачъ политической жизни. Нѣтъ ничего обманчивѣе подобныхъ соображеній. Даже въ свободныхъ государствахъ, какъ часто ошибаются правительства, расчитывая на результаты будущихъ выборовъ, или пренебрегая силою мнѣнія, которое не получило принадлежащаго ему мѣста въ представительномъ собраніи! Тѣмъ болѣе это возможно въ землѣ, гдѣ общественное мнѣ-

ніе не успѣло сложиться и не имѣетъ средствъ высказаться надлежащимъ образомъ. Сужденія окружающихъ лицъ, толки модныхъ гостинныхъ, случайные разговоры нерѣдко принимаются за мнѣніе общества. Приверженцы извѣстнаго направленія часто воображаютъ, что за ними стоитъ цѣлая масса, когда они почти одиноки. Громкій крикъ кажется нравственною силою, а серьозная и дѣльная мысль остается въ пренебреженіи или вовсе не доходитъ до тѣхъ, кому слѣдуетъ ее знать. При такихъ неизбѣжно возникающихъ трудностяхъ, надобно взять вопросъ нѣсколько глубже; не ограничиваясь одними внѣшними явленіями, надобно разобрать, существуютъ ли условія, необходимыя для образованія настоящаго общественнаго мнѣнія. Это одно можетъ дать вѣрныя указанія на счетъ зрѣлости или незрѣлости общества.

Первымъ признакомъ служитъ политическая литература страны: богата ли она сочиненіями по разнымъ отраслямъ государственной жизни, и если они есть, то въ какой степени они распространены? Этотъ признакъ тѣмъ важнѣе, чѣмъ менѣе граждане могли пріобрѣсти политическое образованіе изъ опыта, чѣмъ менѣе имъ предоставлялось участія въ общественныхъ дѣлахъ. Тамъ, гдѣ самоуправленіе народа является нововведеніемъ, гдѣ изъ этого не успѣли выработаться твердыя начала и опредѣленные взгляды, этотъ недостатокъ по необходимости долженъ быть восполненъ значительнымъ теоретическимъ образованіемъ. Но если при этомъ отсутствуетъ первое условіе образованія, если политическая литература совершенно ничтожна, то положительно можно сказать, что общественное мнѣніе не имѣло даже возможности созрѣть. Причины могутъ быть отчасти внѣшнія: онѣ могутъ лежать въ недостаткѣ свободы, въ подавленіи всякой серьозной литературы строгими законами о печати. Но въ такомъ случаѣ, разумное требованіе должно состоять не въ пріобрѣтеніи политическихъ правъ, а въ расширеніи свободы мысли и слова, которая одна даетъ возможность образоваться общественному мнѣнію и прокладаетъ путь представительному порядку. Конечно, безъ политическихъ гарантій, свобода слова не ограждена отъ произвола и всегда подвержена значительнымъ стѣсненіямъ. Но права пріобрѣтаются постепенно; бóльшая свобода приготовляется меньшею. Домогаться народнаго представительства, когда общественное мнѣніе не успѣло окрѣпнуть, это—требованіе революціонное. Оно можетъ быть

оправдано крайними обстоятельствами, невыносимымъ гнетомъ, но совершенно неумѣстно, когда правительство предоставляетъ обществу достаточную свободу сужденій и дѣйствій. Притомъ, недостатокъ свободы не можетъ служить полнымъ оправданіемъ скуднаго общественнаго развитія. Сила ничтожная можетъ быть подавлена; сила окрѣпшая всегда пробиваетъ себѣ дорогу. Нравственнымъ напоромъ она дѣйствуетъ на правительство, которое не въ состояніи долго противостоять настойчивымъ требованіямъ общества. Франція въ XVIII-мъ вѣкѣ имѣла строгіе цензурные законы; но это не помѣшало явиться творенію Монтескьё. Если же правительство остается непреклоннымъ, то всегда есть другіе пути. Созрѣвшая мысль непремѣнно выскажется тѣмъ или другимъ способомъ. Недозволенное въ государствѣ печатается за границею и проходитъ внутрь при общемъ содѣйствіи умственной контрабандѣ. Заграничныя изданія служатъ также однимъ изъ признаковъ зрѣлости общества, ибо они принадлежатъ къ отечественной литературѣ. Если за границею выходятъ серьозныя сочиненія, то они свидѣтельствуютъ о зрѣлости мысли; если же тамъ печатаются только ничтожные пасквили или произведенія легкомыслія, то они скорѣе служатъ доказательствомъ низкаго общественнаго уровня. Наконецъ, есть отрасли наукъ, тѣсно связанныя съ политикою и не встрѣчающія такихъ препятствій въ цензурѣ. Общественная мысль можетъ выразиться въ основательной литературѣ юридической, экономической, финансовой, исторической. Гдѣ все это въ младенчествѣ, тамъ и общественное мнѣніе очевидно находится въ такомъ же состояніи.

Не столь ясныя указанія даетъ журнализмъ. Зрѣлость мысли выражается не въ ежедневной полемикѣ, а въ обдуманныхъ произведеніяхъ ума. Политическая литература, которая ограничивается однимъ журнализмомъ, представляетъ слишкомъ скудное и поверхностное явленіе. Она служитъ явнымъ доказательствомъ, что общество не готово въ политической жизни, что серьозныя силы въ немъ не окрѣпли. Газетная дѣятельность получаетъ настоящее свое значеніе, только когда твердое основаніе уже положено, и выработанную мысль нужно распространять и развивать въ подробностяхъ. Однако и журнализмъ, какъ одинъ изъ главныхъ органовъ общественнаго мнѣнія, можетъ служить признакомъ его зрѣлости. Достоинство журналовъ измѣряется основательностью и послѣдовательностью тѣхъ полити-

ческихъ идей, которыя они проводятъ, знакомствомъ писателей съ практическими вопросами, возвышеннымъ тономъ полемикъ. Но прежде всего необходимо, чтобы они дѣйствительно были органами выработанныхъ обществомъ идей и направленій, а не личнымъ дѣломъ. Пока политическія сужденія являются не болѣе, какъ плодомъ личнаго соображенія редакторовъ, журнализмъ можетъ, при наилучшихъ условіяхъ, играть несвойственную ему роль политическаго наставника; но это скорѣе признакъ общественнаго малолѣтства. Самый успѣхъ не служитъ доказательствомъ ни достоинства писателя, ни зрѣлости публики. Лаская современныя страсти, талантливый журналистъ можетъ вызвать громкое одобреніе; но рукоплесканія не составляютъ серьознаго общественнаго мнѣнія. Самые вредные и поверхностные журналы иногда пользуются наибольшимъ сочувствіемъ въ мало образованной массѣ, которая не въ состояніи подвергнуть критикѣ то, что ей твердятъ ежедневно. Нужно, чтобы общество само въ себѣ носило крѣпкія начала съ опредѣленнымъ взглядомъ на вещи. Когда журналы становятся не вожатаями, а проводниками политическихъ направленій, выработанныхъ обществомъ, когда около нихъ сосредоточиваются значительныя силы, которыя черезъ нихъ дѣйствуютъ на массы, тогда они точно могутъ считаться органами общественнаго сознанія, и служить признакомъ большей или меньшей его зрѣлости. Но пока журнализмъ представляетъ только поприще, на которомъ борются случайные и личные взгляды и неустановившіяся направленія, или разыгрываются варіаціи на патріотическія темы, онъ можетъ быть полезенъ для возбужденія политическаго интереса, но никакъ не служитъ выраженіемъ созрѣвшей общественной мысли.

Общество можетъ быть образованное, обладающее обширною литературою, но практическія его способности могутъ стоять на низкой степени. При правильномъ ходѣ дѣлъ, когда учрежденія развиваются не революціонными скачками, а путемъ постепенныхъ улучшеній, пора представительнаго устройства настаетъ только тогда, когда общество доказало свою способность участіемъ въ подчиненныхъ сферахъ государственной жизни. Первая общественная потребность состоитъ въ хорошемъ судѣ, безъ котораго невозможны ни огражденіе лицъ и собственности, ни установленіе законнаго порядка, необходимаго условія политической свободы. Общество доставляетъ всѣ нужные для суда элементы, въ лицѣ юристовъ, адвокатовъ, стряпчихъ, судей, при-

сяжныхъ. Оно же дѣйствуетъ на судъ нравственнымъ своимъ вліяніемъ, воздерживая злоупотребленія, и осуждая корыстные и беззаконные поступки. Безъ помощи общества, правительство остается здѣсь безсильнымъ. Поэтому, хорошо организованный судъ можно считать однимъ изъ признаковъ общественной зрѣлости. Онъ доказываетъ, что общество умѣло устроить дѣло, ближайшее къ ежедневнымъ его интересамъ, что въ немъ распространены и нравственная сила и юридическое образованіе, необходимый спутникъ образованія политическаго. Но тамъ, гдѣ судъ не представляетъ никакихъ гарантій, гдѣ существуютъ для него самые скудные элементы, гдѣ корысть составляетъ всеобщее явленіе, тамъ первая забота должна состоять въ исправленіи этихъ недостатковъ; пріобрѣтеніе дальнѣйшихъ правъ необходимо отложить до другаго времени. Силы народа должны прежде всего устремляться на устройство ближайшихъ жизненныхъ сферъ, а не отвлекаться отъ прямой цѣли общею политическою борьбою.

Еще болѣе способность народа къ самоуправленію можетъ выразиться въ мѣстныхъ представительныхъ учрежденіяхъ, которыя имѣютъ значительную аналогію съ центральными и служатъ школою для послѣднихъ. Здѣсь обнаруживается живое участіе гражданъ къ общественнымъ дѣламъ или ихъ равнодушіе, господство личныхъ видовъ или преобладаніе общихъ цѣлей; здѣсь распознаются сила и значеніе каждаго изъ элементовъ, входящихъ въ составъ народа; здѣсь, наконецъ, обозначаются отношенія общества къ правительственной власти и выказывается умѣніе строго держаться въ предѣлахъ закона, твердо и настойчиво отстаивая свои права Поэтому, мѣстныя учрежденія могутъ служить пробнымъ камнемъ практической зрѣлости общества. Если оно хорошо устроило возложенныя на него дѣла, то это въ значительной степени ручается и за его политическую способность. Общество, которое изъ предоставленной ему свободы успѣло выработать прочный и удовлетворительный порядокъ вещей, которое ищетъ только улучшеній, указанныхъ опытомъ и практически приложимыхъ, которое, наконецъ, благоразуміемъ, твердостью и нравственнымъ своимъ вѣсомъ умѣло стать въ надлежащія отношенія къ правительству, можетъ имѣть притязаніе и на высшія права. Ему безопасно можетъ быть ввѣрено и обсужденіе государственныхъ вопросовъ. Но если мѣстное самоуправленіе служитъ только орудіемъ неумѣренныхъ требованій и неблагоразумной вражды къ правительственной власти;

если общество, вмѣсто того, чтобы пользоваться предоставленнымъ ему поприщемъ, находитъ его слишкомъ тѣснымъ и съ перваго шага требуетъ измѣненій, предъявляя неумѣстныя притязанія, или же, при малѣйшемъ препятствіи, впадаетъ въ уныніе, прикрывая свое равнодушіе невозможностью чего либо достигнуть; если у него нѣтъ ни благоразумія, ни настойчивости, ни умѣнія совладать съ дѣломъ, то оно не представляетъ никакого ручательства за успѣшную дѣятельность въ высшей области. Ему необходимо пройти черезъ долгую школу, прежде нежели оно пріобрѣтетъ политическія права.

Въ общественной жизни вырабатываются люди. Количество и качество дѣятелей на разныхъ поприщахъ служитъ также признакомъ зрѣлости общества. Сюда надобно причислить и людей, входящихъ въ составъ правительства, ибо послѣднее черпаетъ свои силы изъ общества. Способные судьи, администраторы, полководцы, государственные люди, свидѣтельствуютъ въ пользу той среды, изъ которой они вышли. Однако они не могутъ служить доказательствомъ окрѣпшаго общественнаго мнѣнія. Если правительство притягиваетъ къ себѣ немногія, лучшія силы страны, особенно если эти люди образуются преимущественно въ правительственныхъ сферахъ, то на долю общества можетъ оставаться слишкомъ мало. Способность общества къ самоуправленію опредѣляется главнымъ образомъ тѣми дѣятелями, которые стоятъ во главѣ его и руководятъ общественнымъ мнѣніемъ. Общество въ правѣ стремиться къ участію въ верховной власти, когда оно оказывается способнѣе правительства завѣдывать общими дѣлами, или по крайней мѣрѣ, когда эта способность такъ значительна, что можетъ доставить власти серьозное подкрѣпленіе. Поэтому, если предъявляется требованіе политическихъ правъ, то надобно прежде всего спросить: гдѣ тѣ государственные люди, юристы, администраторы, экономисты, финансисты, которыхъ общество можетъ выставить изъ среди себя? Если на нихъ можно указать, если во главѣ общественнаго мнѣнія и въ высшихъ общественныхъ должностяхъ стоитъ фаланга способныхъ людей, съ свѣтлымъ и практическимъ взглядомъ на государственные вопросы, то введеніе представительныхъ учрежденій можетъ быть полезно. Наоборотъ, если некого назвать, если требованіе подкрѣпляется только пустою надеждою, что со временемъ явятся люди, то представительное устройство преждевременно. Притязанія безъ способности приносятъ только вредъ.

Наконецъ, надобно знать, въ какихъ слояхъ распространено общественное мнѣніе. Здѣсь опять мы приходимъ къ преобладающему значенію среднихъ классовъ въ конституціонномъ порядкѣ. Они по преимуществу являются представителями того, что называется общественнымъ мнѣніемъ. Аристократія, по своей идеѣ, составляетъ не общество, а избранный его элементъ; нерѣдко, она страдаетъ исключительностью направленія; во всякомъ случаѣ, она носитъ въ себѣ болѣе или менѣе корпоративный духъ, существенно отличающійся отъ того безконечнаго разнообразія свободно выражающихся сужденій, которыхъ совокупность образуетъ общественное мнѣніе. Съ другой стороны, демократія мало причастна мысли; это — сила, слѣдующая за внушеніями вождей. Средніе же классы, по своему объему, разнообразію и подвижности, составляютъ настоящую среду, въ которой вырабатываются и проявляются безчисленные оттѣнки свободной мысли. Изъ нихъ же главнымъ образомъ исходитъ и литература, особенно журнализмъ, объединяющій сужденія. Если въ общественномъ мнѣніи выражается среднее сознаніе общества, то оно по преимуществу принадлежитъ среднимъ классамъ. Собственно говоря, только съ пріобщеніемъ ихъ къ политической жизни можно говорить объ общественномъ мнѣніи. Съ этимъ вмѣстѣ являются и необходимыя условія для представительства. Внѣ этого, политическая свобода можетъ быть основана только на историческомъ могуществѣ аристократіи.

Общественное мнѣніе окрѣпшее, ставшее силою, естественно стремится къ дѣятельности. Не можетъ быть, чтобы люди постоянно думали объ общественныхъ дѣлахъ и не захотѣли бы имѣть на нихъ вліянія. Это противно человѣческой природѣ и свойству серьозной мысли, которая всегда имѣетъ въ виду перейти въ дѣло. Страдательная покорность чужой волѣ означаетъ господство инстинктовъ надъ сознаніемъ. Это свойство обществъ, гдѣ мысль сосредоточена въ небольшомъ количествѣ людей, стоящихъ на верху, гдѣ общественное мнѣніе не успѣло образоваться. Но какъ скоро послѣднее окрѣпло, оно становится независимымъ и не подчиняется болѣе чужому разуму. А такъ какъ разумъ руководитъ дѣятельностью человѣка, то самостоятельная мысль естественно имѣетъ вліяніе и на волю. Общество, которое думаетъ, непремѣнно хочетъ, и стремленіе къ дѣятельности тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе общественное мнѣніе чувствуетъ себя могуществомъ. Внутренній разрывъ между разумомъ и во-

лею—признакъ нравственной слабости. Такое раздвоеніе встрѣчается въ отдѣльныхъ лицахъ, но оно рѣже всего является въ массахъ, ибо здѣсь каждый человѣкъ находитъ поддержку въ другихъ. Соединяя людей, общая мысль тѣмъ самымъ становится силою и подвигаетъ ихъ на дѣло. Въ этомъ состоитъ настоящее ея призваніе. Личная мысль имѣетъ гораздо высшее значеніе для изслѣдованія истины, общая— для дѣйствія. Поэтому, созрѣвшее общественное мнѣніе, даже когда не находитъ законнаго выраженія въ народномъ представительствѣ, само собою становится политическимъ двигателемъ. Всякую правительственную мѣру оно подвергаетъ критикѣ, и на основаніи самостоятельнаго сужденія, оказываетъ ей помощь или противодѣйствіе. Отъ этого нерѣдко зависятъ и сила власти и успѣхъ предпріятія. Но это дѣятельность неправильная, которой нельзя ни предвидѣть, ни уловить. Она оказывается въ затрудненіяхъ, встрѣчаемыхъ правительствомъ на своимъ пути, когда уже, можетъ быть, слишкомъ поздно для возвращенія назадъ. Избѣжать постоянныхъ недоразумѣній, колебаній и непредвидѣнныхъ препятствій можно только введеніемъ представительнаго порядка, который доставляетъ общественному мнѣнію правильный исходъ. Какъ скоро оно стало настоящею силою, необходимо датъ ему мѣсто въ политическомъ организмѣ. Государство представляетъ правильную систему учрежденій, гдѣ всѣ части должны двигаться дружно для достиженія общей цѣли; неустроенная сила всегда производитъ здѣсь разладъ. Она можетъ дѣйствовать въ согласіи съ другими, только когда сама воплотится въ учрежденіе, занимающее свойственное ему мѣсто въ общемъ порядкѣ. Для общественнаго мнѣнія такимъ органомъ служитъ представительное собраніе.

Возможность правильнымъ путемъ дѣйствовать въ государствѣ даетъ общественному мнѣнію болѣе опредѣленности, устойчивости, опытности, но не отнимаетъ у него характера, всегда присущаго мнѣнію массы. Поэтому, всѣ его недостатки неизбѣжно отражаются на ходѣ государственныхъ дѣлъ. Это оказывается и во внѣшнихъ и во внутреннихъ вопросахъ. Менѣе всего общество способно судить объ иностранной политикѣ. Если требованія народной чести почти всегда находятъ въ немъ крѣпкую поддержку, то оно не всегда видитъ то, что нужно для достиженія цѣли, и нерѣдко отказываетъ власти въ необходимыхъ средствахъ, особенно если цѣль отдаленная. Еще чаще оно

грѣшитъ избыткомъ патріотизма. Возбужденное мнѣніе съ трудомъ воздерживается въ предѣлахъ благоразумія, ибо народная гордость говоритъ въ немъ громче, нежели политическіе расчеты. Между тѣмъ, вопросы внѣшней политики, кромѣ національнаго чувства, требуютъ тонкихъ политическихъ соображеній, которыя ускользаютъ отъ публики, потому что не касаются знакомыхъ ей интересовъ. Внутреннія дѣла гораздо ближе пониманію каждаго; поэтому, общественное мнѣніе можетъ судить о нихъ вѣрнѣе. Но зато здѣсь являются другіе недостатки, столь же существенные. Здѣсь рѣдко затрогиваются общія народныя чувства; нужно составить себѣ сужденіе на основаніи практическихъ или теоретическихъ доводовъ, а потому безконечное разнообразіе мнѣній проявляется во всей своей случайности. Перевѣсъ беретъ далеко не всегда лучшее, а нерѣдко то которое заявляетъ о себѣ громче всѣхъ, дѣйствуетъ съ наибольшею дерзостью и умѣетъ навязать себя большинству. Здѣсь разыгрываются всѣ страсти; здѣсь мѣсто для общественныхъ увлеченій, которыя потомъ исчезаютъ, не оставивъ по себѣ и слѣда. Мало того, общественное мнѣніе можетъ быть направлено въ ту или другую сторону чисто искусственнымъ образомъ. Масса слѣдуетъ указаніямъ вождей, а послѣдніе могутъ руководиться личными цѣлями. Особенно журнализмъ, ежедневнымъ повтореніемъ одностороннихъ мыслей, раздражающимъ тономъ статей, ложными извѣстіями и клеветами, можетъ настроить общество совершенно превратно. Всякій независимый голосъ исчезаетъ среди общаго хора. Мы видѣли тому недавній примѣръ въ польскомъ вопросѣ. Общественное мнѣніе Европы было возбуждено въ пользу Поляковъ и смотрѣло на вещи съ явно односторонней точки зрѣнія, вслѣдствіе направленія, даннаго ему журналами, находившимися въ тѣсныхъ связяхъ съ польскою эмиграціею, и издавна получавшими отъ нея пособія. Тѣже средства были употреблены Кавуромъ, чтобы настроить общественное мнѣніе въ пользу Италіи; для этого были истрачены имъ огромныя суммы. Такимъ образомъ, общественное мнѣніе иногда можетъ быть просто дѣломъ денегъ. Но это не должно насъ смущать, ибо однѣ деньги не въ состояніи достигнуть желаннаго результата; нужно еще умѣніе, а деньги въ рукахъ способности представляютъ совокупность матеріальныхъ и умственныхъ силъ общества.

Однако, этотъ характеръ общественнаго мнѣнія, его шаткость, его способность увлекаться, возможность искусственнаго его настроенія,

показываютъ, что оно всегда нуждается въ руководствѣ; иначе оно не въ состояніи исполнить свое политическое призваніе и отвѣчать высшимъ цѣлямъ государства. Оно составляетъ могучую силу, но силу нестройную и безсвязную. Чтобы сдѣлать его правильнымъ дѣятелемъ въ государственной жизни, необходимы для него направленіе и организація.

Обязанность руководить общественнымъ мнѣніемъ лежитъ прежде всего на правительствѣ. Ему принадлежитъ попеченіе объ общемъ благѣ, и къ этой цѣли оно должно направлять всѣ народныя силы. Притомъ, оно лучше, нежели кто либо, можетъ исполнить эту задачу. Стоя во главѣ государства, оно яснѣе видитъ вещи, обнимаетъ ихъ совокупность; оно должно соединять въ себѣ и лучшихъ людей. Его положеніе дѣлаетъ его такимъ образомъ естественнымъ руководителемъ общества. Въ самодержавныхъ государствахъ, вообще признается это призваніе власти; но въ представительныхъ, оно нерѣдко отрицается. Утверждаютъ, что правительство должно выслушивать общественный голосъ и слѣдовать его внушеніямъ, воздерживаясь отъ всякаго на него вліянія; иначе свободное выраженіе мысли уступаетъ напору сверху, искажается искусственно даннымъ ему направленіемъ. Но это возраженіе упускаетъ изъ виду существенныя требованія политической жизни. Страдательное отношеніе къ тому, что происходитъ въ обществѣ, несовмѣстно съ положеніемъ правительства, въ какомъ бы то ни было образѣ правленія. Свобода не измѣняетъ задачъ и обязанностей государственной власти, а дѣлаетъ ее только болѣе внимательною къ заявленіямъ общества. Видя въ общественномъ мнѣніи могучую силу, находя въ немъ союзника или противника, правительство естественно должно стараться склонить его на свою сторону. Безъ этого, оно не въ состояніи дѣйствовать; ему даже трудно держаться. Конечно, лучшее средство привлечь къ себѣ общественное мнѣніе заключается въ управленіи, удовлетворяющемъ потребностямъ народа, и въ способности лицъ, стоящихъ во главѣ администраціи. Общество всегда будетъ относиться враждебно къ правительству, которое подаетъ поводъ къ общему и справедливому неудовольствію. Неспособные же люди, при самыхъ благихъ намѣреніяхъ, не въ состояніи ни пріобрѣсти народнаго довѣрія, ни дать общественной мысли желанное направленіе. Однако, этихъ условій мало. Совершенно удовлетворительное управленіе не существуетъ на землѣ, а дур-

ныя стороны чувствуются въ немъ всегда сильнѣе, нежели хорошія; ибо послѣднія входятъ въ ежедневную жизнь и обращаются въ привычку, тогда какъ первыя служатъ постояннымъ укоромъ власти. Притомъ, критика легче, нежели дѣло. Правительство, въ этомъ отношеніи, всегда обрѣтается въ невыгодѣ. Если общественное мнѣніе будетъ постоянно раздражаться изображеніемъ недостатковъ господствующей системы, а правительство, съ своей стороны, не будетъ оказывать столь же сильнаго противодѣйствія этому настроенію, то противники его скоро получатъ перевѣсъ. На сторонѣ ихъ будетъ, если не большая правда, то бóльшая дѣятельность и бóльшая энергія, а это качества, которыя въ политической жизни нерѣдко доставляютъ побѣду даже меньшинству. Слѣдовательно, правительство, по необходимости, должно вести упорную борьбу съ своими врагами и стараться склонить общество на свою сторону. Въ этомъ отношеніи, оно не можетъ полагаться на своихъ приверженцевъ. Оно само является главою своей партіи, и если оно сидитъ, скрестя руки, то и друзья его впадаютъ въ равнодушіе или остаются безсильными.

Вездѣ, гдѣ въ обществѣ пробудилась мысль, умная власть чувствуетъ потребность дѣйствовать на общественное мнѣніе. Даже самодержавныя правительства, съ самымъ консервативнымъ направленіемъ, прибѣгаютъ къ перу и стараются привлечь къ себѣ писателей съ талантомъ. Когда Меттернихъ хотѣлъ упрочить свою систему, онъ не ограничился государственными мѣрами, но привязалъ къ себѣ Генца, чтобѣ дѣйствовать на умы. При большей свободѣ, эта потребность становится еще ощутительнѣе. Въ настоящее время, главнымъ орудіемъ политической мысли является журнализмъ. Къ нему, по необходимости, должно прибѣгать правительство, которое хочетъ успѣшно бороться съ оппозиціею и направлять общественное мнѣніе. Но само правительство не можетъ вступать въ журнальную полемику. Верховное его положеніе во главѣ государства не дозволяетъ ему вмѣшиваться въ мелкіе, ежедневные споры. Отношенія его къ обществу носятъ на себѣ оффиціальный характеръ, и для этого оно имѣетъ свой оффиціальный органъ. Чтобы дѣйствовать на общество, необходимы другіе пути: нужно пріобрѣсти поддержку органовъ общественныхъ. Конституціонное правительство, которое является представителемъ извѣстной партіи, имѣетъ готовое орудіе въ принадлежащихъ ей журналахъ; власть, независимая отъ парламентскаго большинства, долж-

на имѣть такъ называемые оффиціозные органы, то есть журналы, получающіе отъ него внушенія и поддержку. Нерѣдко пособія даются и частнымъ газетамъ, чтобы пріобрѣсти въ нихъ союзниковъ. Это средства, къ которымъ прибѣгають всѣ правительства въ странахъ, гдѣ печать имѣетъ политическое значеніе. Всѣ стараются тѣмъ или другимъ способомъ привлечь къ себѣ вліятельные журналы. Даже иностранныя державы считаютъ необходимымъ поддерживать такимъ образомъ свои интересы передъ общественнымъ мнѣніемъ Европы. Мы упоминали уже о значительныхъ издержкахъ, которыя дѣлались съ этою цѣлью Кавуромъ.

Положеніе правительственныхъ журналовъ не заключаетъ въ себѣ впрочемъ ничего предосудительнаго. Журналъ, по своему политическому значенію, есть не выраженіе личной мысли, какъ книга, а органъ извѣстнаго направленія. Это сборное предпріятіе, отчасти съ коммерческимъ характеромъ. Тамъ, гдѣ обозначились политическія партіи, каждый журналъ получаетъ поддержку и пособія отъ той, къ которой онъ принадлежитъ, и за которую ратуетъ. Въ томъ же положеніи находятся и оффиціозные журналы относительно правительства. Предосудительно здѣсь можетъ быть, со стороны писателя, только защита мнѣній, противныхъ его убѣжденію, а со стороны правительства, употребленіе неблаговидныхъ мѣръ для распространенія своихъ журналовъ, напримѣръ принудительныя подписки. Но пока не стѣсняется чужое право, противъ этой системы нечего сказать. Если въ ней заключается зло, то это зло неизбѣжное при политической свободѣ и при существованіи журнализма.

Однако направленіе, которое правительство старается дать обществу, не уничтожаетъ свободы общественнаго мнѣнія. Послѣднее остается независимою силою, которая подчиняется или не подчиняется внушеніямъ сверху, смотря по господствующему въ немъ настроенію. Оно само производитъ нравственный напоръ на правительство, оказываетъ ему поддержку или противодѣйствіе. Въ представительномъ порядкѣ, оно окончательно рѣшаетъ политическіе вопросы, проявляя свою волю въ области законодательства и даже управленія. Но для того, чтобы оно было въ состояніи играть эту роль, чтобы оно могло быть правильнымъ дѣятелемъ на политическимъ поприщѣ, оно должно имѣть и собственную, внутреннюю организацію. Неустроенная сила можетъ произвести только броженіе; она не способна давать

направленіе политикѣ. Эту внутреннюю, независимую организацію общественное мнѣніе получаетъ черезъ образованіе партій. Объ нихъ будетъ рѣчь въ слѣдующей главѣ.

ГЛАВА 6.

ПАРТІИ.

Мы уже говорили о необходимости партій въ представительномъ порядкѣ, о выгодахъ и невыгодахъ, проистекающихъ изъ ихъ борьбы. Политическая свобода призываетъ общественныя силы къ участію въ государственныхъ дѣлахъ; поэтому, движеніе происходитъ здѣсь не иначе, какъ взаимнодѣйствіемъ тѣхъ разнообразныхъ направленій, на которыя раздѣляется общество. Здѣсь лежитъ главный источникъ политической жизни въ конституціонныхъ государствахъ.

Партіи естественно возникаютъ на почвѣ общественнаго мнѣнія. Необходимость дисциплины и организація для совокупнаго дѣйствія превращаетъ неустроенную массу свободныхъ и случайныхъ мыслей въ болѣе или менѣе крѣпкія и прочныя силы, способныя быть политическими дѣятелями. При организованныхъ партіяхъ, есть возможность расчитывать, дѣйствовать, направлять разрозненныя стремленія къ общей цѣли. Чѣмъ партіи устойчивѣе, чѣмъ болѣе онѣ срослись съ исторіею народа, чѣмъ болѣе опредѣлилась ихъ программа, тѣмъ правильнѣе течетъ политическая жизнь, основанная на свободѣ. Наоборотъ, тамъ, гдѣ партіи представляютъ только смутное броженіе безконечно разнообразныхъ направленій, тамъ изъ политичиской свободы рождается одинъ хаосъ. Съ другой стороны, только при политической свободѣ могутъ образоваться настоящія партіи, ибо здѣсь только является возможность и необходимость дѣйствовать сообща на политическомъ поприщѣ, достигать извѣстныхъ цѣлей постоянными и совокупными усиліями многихъ. Но одной свободы для этого недостаточно; необходимо, чтобы въ обществѣ существовали нужные для партій элементы, чтобы въ немъ развитъ былъ политическій смыслъ, чтобы опредѣлились направленія, чтобы люди группировались около

нѣкоторыхъ общихъ, сознанныхъ ими началъ, наконецъ, чтобы выработались политическіе нравы, которые приготовляются всякою общественною дѣятельностью, требующею совокупныхъ усилій. Однимъ словомъ, только созрѣвшее общественное мнѣніе рождаетъ настоящія политическія партіи. И при этихъ условіяхъ, онѣ возникаютъ не вдругъ, а слагаются медленно, въ политической борьбѣ. Онѣ должны пройти черезъ многія испытанія, прежде нежели получатъ надлежащую крѣпость и силу. Поэтому, не должно думать, что съ установленіемъ представительнаго порядка, немедленно водворяется парламентское правленіе. Оно невозможно, пока партіи не выработались и не доказали свою способность управлять государствомъ.

Однако, организованныя партіи всегда составляютъ меньшинство общества. Это дѣятельная его часть, та, которая ведетъ борьбу. За нею всегда стоитъ огромное количество людей, не завербованныхъ въ тѣ или другіе ряды, но примыкающихъ къ нимъ, смотря по обстоятельствамъ. Эго толпа зрителей, которая руководится не опредѣленною программою, а потребностями настоящей минуты, современнымъ теченіемъ мысли. Она-то и доставляетъ преобладаніе той или другой партіи, подавая за нее голосъ. Отъ нея проистекаютъ быстрыя перемѣны въ общественномъ мнѣніи, которыя нерѣдко замѣчаются въ свободныхъ странахъ. Эта масса людей, съ болѣе или менѣе безпристрастнымъ характеромъ, составляющая какъ бы общую основу общественнаго мнѣнія, необходима для того, чтобы держать вѣсы между противоположными силами, чтобы обуздывать одностороннія увлеченія и не дать исключительной партіи пустить слишкомъ крѣпкіе корни. Но обыкновенно она играетъ роль болѣе страдательную; она лишена инициативы; движеніе исходитъ не изъ нея. Дѣйствовать на нее можно только посредствомъ организованныхъ партій, которыя, проникая всюду, стараются распространить свои мысли и склонить на свою сторону безпристрастную массу. Партіи суть дѣятельныя орудія политической жизни.

Въ чемъ же состоитъ различіе партій и каковъ характеръ каждой изъ нихъ?

Различіе партій у всякаго народа имѣетъ свои оттѣнки, которые опредѣляются мѣстными и временными условіями. Народности, историческія начала, отношенія мѣстной жизни къ общей, все это можетъ дать элементы для партій. Иногда онѣ возникаютъ случайно, по по-

воду какого-либо политическаго вопроса, составляющаго живой интересъ общества въ данную минуту. Но оставляя въ сторонѣ эти частныя явленія, можно вездѣ замѣтить нѣкоторыя общія черты, вытекающія изъ самыхъ свойствъ человѣческаго общежитія. Общество, какъ всякій организмъ, имѣетъ двѣ стороны: организацію или строеніе частей и жизнь или дѣятельность. Но человѣческое общество, въ отличіе отъ естественныхъ организмовъ, способно не только къ возрастанію, но и къ историческому развитію. Жизнь его состоитъ въ движеніи, которое разлагаетъ данное устройство и готовитъ начала для новаго. Исторія всякаго народа, который не остается на вѣки неподвижнымъ, состоитъ въ постепенныхъ переходахъ изъ одной общественной формы въ другую. Каждая изъ нихъ, въ теченіи извѣстнаго времени, составляетъ основу народной жизни. Общество находитъ въ ней удовлетвореніе существенныхъ своихъ потребностей. Но съ высшимъ развитіемъ, эта форма становится недостаточною. Являются новыя цѣли и требованія; существующее устройство разлагается, наступаетъ время перелома, борьбы, до тѣхъ поръ, пока изъ этого переходнаго состоянія не выработается новый порядокъ вещей.

Изъ этого весьма простаго закона развитія рождаются во всякомъ обществѣ элементы двоякаго рода: охранительные и прогрессивные. Одни держатся существующаго порядка, другіе требуютъ перемѣны, улучшеній. По идеѣ, можно сказать, что и то и другое равно необходимо: идеальная цѣль государственной жизни состоитъ въ томъ, чтобы охранять, улучшая; но цѣль эта достигается борьбою противоположныхъ направленій. Какъ въ мірѣ вещественномъ, движеніе свѣтилъ проистекаетъ изъ взаимнодѣйствія двухъ силъ — центростремительной и центробѣжной, такъ и человѣческое развитіе происходитъ путемъ борьбы охранительнаго элемента съ прогрессивнымъ. Каждый изъ нихъ воплощается въ извѣстной партіи, изъ которыхъ одна держится по преимуществу начала порядка, другая начала свободы, ибо свобода есть главное орудіе прогресса.

Охранительные элементы должны составлять основаніе всякаго общественнаго быта. На одной свободѣ не можетъ держаться никакое общество. Необходимо, чтобы разрозненныя лица и разнообразныя стремленія и интересы связывались въ нѣчто цѣльное и единое; необходимы зиждущія начала, скрѣпляющія общественное зданіе. Сюда

принадлежатъ вѣчныя основы человѣческихъ обществъ: въ политической области власть, законъ, въ гражданской—семейство, право собственности, въ нравственной—религія. Сюда же относятся тѣ историческія силы, которыя выработались вѣковою жизнью народа и легли въ основаніе существующаго порядка вещей. Охранительная партія стоитъ сторожемъ надъ этими элементами, защищая ихъ отъ нападеній, и противясь всякимъ перемѣнамъ, которыми искажается существующее жизненное устройство. Разумный консерватизмъ признаетъ и свободу, но онъ всегда подчиняетъ ее высшимъ требованіямъ порядка. Однако, дѣйствуя въ этомъ направленіи, охранительная партія, по самому существу своему, нерѣдко заходитъ въ немъ слишкомъ далеко. Односторонняя сила не въ состояніи удовлетворить всѣмъ требованіямъ общества. Любовь къ порядку консерваторы часто доводятъ до упорнаго отрицанія всякаго улучшенія. Поэтому Милль называетъ охранительную партію самою глупою изъ всѣхъ Несомнѣнно, что это изреченіе грѣшитъ обыкновенной односторонностью радикальныхъ писателей, которые не понимаютъ ничего, кромѣ себя, и свои собственныя, произвольныя соображенія ставятъ безконечно выше вѣковаго опыта. То упорство, которое Милль считаетъ глупостью, составляетъ основу всякаго общежитія. Каковъ бы ни былъ общественный порядокъ, всегда необходима въ немъ крѣпкая воля многихъ, устремленная на его охраненіе, и дающая отпоръ разрушительнымъ стихіямъ. Въ самомъ движеніи потребны задерживающія силы, которыя сообщаютъ развитію правильность и устойчивость. Противясь нововведеніямъ, охранительная партія предупреждаетъ преобразованія необдуманныя и скороспѣлыя. Однако нельзя отрицать и того, что она не способна улучшать существующій порядокъ, а еще менѣе вводить новыя начала, которыя требуются измѣнившеюся жизнью. Если она иногда совершаетъ преобразованія, то дѣлаетъ это, уступая необходимости, и пользуясь результатами, выработанными другими. Въ этомъ состоитъ отличіе умныхъ консерваторовъ отъ глупыхъ. Первые признаютъ потребность умѣреннаго прогресса, допускаютъ улучшенія, совмѣстныя съ порядкомъ, и преклоняются передъ жизненною необходимостью, вторые упорно держатся рутины и не хотятъ знать ничего другаго.

Настоящимъ двигателемъ общественнаго развитія является партія прогрессивная или либеральная. Она стремится расширить свободу,

устранить всѣ препятствія къ развитію, открыть поприще для всѣхъ общественныхъ силъ. Устарѣвшія учрежденія, обветшалыя права находятъ въ ней неумолимаго противника. Отъ нея исходятъ планы преобразованій; она полагаетъ основы для будущаго. Но она болѣе способна развязывать, нежели созидать. Начала ея по преимуществу отрицательныя. Она даетъ свободу всѣмъ элементамъ и не умѣетъ связать ихъ во едино. Требованія власти и порядка слишкомъ часто находятъ въ ней прямое противодѣйствіе. Обыкновенно у нея даже нѣтъ и чутья необходимости зиждущихъ началъ. Для нея свобода составляетъ исходъ и конецъ всего; она считаетъ ее достаточною для всѣхъ потребностей. Это волшебный жезлъ, по мановенію котораго возникаютъ очарованные міры. Такой дѣтскій взглядъ на политическія отношенія, безъ сомнѣнія, принадлежитъ болѣе говорунамъ, нежели вождямъ партіи. Это программа оппозиціонная, а не правительственная. Государственные люди, принадлежащіе къ либеральному направленію, всегда чувствуютъ потребность въ организованныхъ силахъ, безъ которыхъ невозможно управлять государствомъ; но въ такомъ случаѣ, они неизбѣжно впадаютъ въ противорѣчіе съ собою. Разрѣшая всѣ общественныя связи, они, по необходимости, должны прибѣгать къ единственной остающейся силѣ, къ правительственной власти. Они становятся бюрократами, къ великому прискорбію своихъ приверженцевъ. Отсюда почти всегда внутренній разладъ въ нѣдрахъ либеральной партіи, которая черезъ это дѣлается еще менѣе способною создать прочный порядокъ вещей. На это нужны иныя начала, кромѣ свободы. Здѣсь мѣсто для охранительныхъ элементовъ, которыхъ либерализмъ не въ состояніи замѣнить.

Таковы два главныя направленія, которыя существуютъ въ каждомъ обществѣ, какъ небходимыя силы, управляющія политическимъ движеніемъ. Но къ нимъ примыкаютъ другія партіи, болѣе крайнія, радикальная и реакціонная, которыя также принимаютъ дѣятельное участіе въ политической борьбѣ и нерѣдко рѣшаютъ побѣду той или другой стороны. И онѣ возникаютъ естественно въ средѣ общественнаго мнѣнія, составляя необходимую принадлежность человѣческаго развитія. Вездѣ есть люди, которые проводятъ свои начала до крайнихъ предѣловъ, упуская изъ виду все остальное. Въ этой односторонности лежитъ иногда главная сила, но вмѣстѣ и слабость извѣстнаго направленія.

Радикальная партія составляетъ крайность либерализма, но при этомъ, она принимаетъ своеобразный характеръ. Если либералы, стремясь къ улучшеніямъ, выставляютъ идеальныя требованія и держатся болѣе или менѣе теоретическихъ началъ, то для радикальной партіи, отвлеченная идея, доведенная до крайнихъ послѣдствій, составляетъ основаніе всѣхъ ея политическихъ воззрѣній. Отъ этого она не отступаетъ ни на шагъ. Радикализмъ не признаетъ ни жизни, ни исторіи. Для него нѣтъ ничего внѣ принятаго имъ начала, которое онъ хочетъ провести во всей его послѣдовательности, со всѣми логическими выводами. А такъ какъ это невозможно безъ кореннаго уничтоженія всего существующаго порядка, то радикальная партія неизбѣжно имѣетъ революціонный характеръ. Въ этомъ отношеніи, она существенно отличается отъ партіи либеральной. Послѣдняя хочетъ достигнуть своихъ цѣлей посредствомъ свободнаго развитія общества; радикализмъ готовъ прибѣгнуть къ насилію, безъ котораго онъ не можетъ осуществить своихъ плановъ. Поэтому, отправляясь отъ свободы, онъ нерѣдко становится отъявленнымъ ея противникомъ. Самый суровый изъ всѣхъ деспотизмовъ тотъ, который установляется радикалами. Онъ водворяется во имя идеи, исключительной и нетерпимой; онъ взываетъ къ слѣпымъ страстямъ народныхъ массъ, которыя однѣ могутъ дать ему поддержку въ борьбѣ съ существующимъ порядкомъ; наконецъ, онъ совершенно неразборчивъ на средства, оправдывая ихъ благою цѣлью, какъ часто бываетъ, когда люди прибѣгаютъ къ насилію во имя мысли. Съ другой стороны, эта безпредѣльная преданность односторонней идеѣ и готовность все принести ей въ жертву даютъ радикальной партіи такую энергію, какою никогда не обладаютъ либералы. Радикализмъ, когда пріобрѣтаетъ господство, является всесокрушающею силою, передъ которою падаютъ всѣ преграды.

Во многихъ отношеніяхъ сходна съ радикализмомъ, хотя противоположна ему по идеѣ, партія реакціонная. Она составляетъ естественную принадлежность всякаго общественнаго быта, установившагося на развалинахъ прежняго. Порядокъ, въ которомъ общество долго жило, непремѣнно заключалъ въ себѣ существенныя начала, способныя привязывать къ себѣ людей; къ нему примыкали разнообразные и достойные уваженія интересы. Поэтому, даже когда онъ палъ, онъ не можетъ не оставлять по себѣ слѣдовъ. Эти воспоминанія, связы-

вая людей, даютъ имъ общее направленіе. Но такъ какъ одними воспоминаніями жить нельзя, то реакціонная партія ищетъ въ нихъ того, что существенно и вѣчно въ общественной жизни. Въ этомъ состоитъ ея сила. Она отрицаетъ новый порядокъ во имя высшихъ началъ, передъ которыми должны преклоняться люди. Надъ измѣняющимися событіями она воздвигаетъ идею неизмѣннаго закона Поэтому, охранительные элементы находятъ въ ней самую сильную поддержку противъ стремленій къ разрушенію. Но реакціонная партія всегда понимаетъ вѣчныя идеи одностороннимъ образомъ. Она считаетъ ихъ тождественными съ извѣстнымъ, отжившимъ порядкомъ вещей, смѣшивая такимъ образомъ вѣчное съ временнымъ. Такъ же какъ радикальная партія, она не признаетъ ни опыта, ни требованій жизни; но въ противоположность радикализму, она отвергаетъ свободу и прогрессъ, не допуская своевольнаго отклоненія отъ вѣчнаго идеала. Хотя реакціонное меньшинство нерѣдко опирается на либеральныя начала, чтобы безпрепятственно распространять свои мнѣнія, но по существу своему, оно врагъ свободы и можетъ дѣйствовать только путемъ насилія, низверженіемъ существующаго порядка. Иначе не мыслимо возвращеніе къ старинѣ. Такъ же какъ радикалы, реакціонная партія взываетъ къ слѣпымъ инстинктамъ массъ, ища въ нихъ орудія противъ стремленій къ свободѣ. Наконецъ, противополагая вѣчное временному, она естественно придаетъ своему идеалу значеніе святыни. Поэтому, реакціонныя стремленія прикрываются обыкновенно знаменемъ религіи, что дѣлаетъ ихъ еще болѣе исключительными и нетерпимыми.

Религіозныя партіи вообще нерѣдко перемѣшиваются съ политическими, но это всегда служитъ ко вреду и политикѣ и вѣрѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что религія и церковь, развивая и освящая нравственныя начала человѣческой жизни, имѣютъ огромное вліяніе на политическій бытъ; но это вліяніе должно оставаться чисто нравственнымъ. Дѣйствуя на душу, религія воздерживаетъ своеволіе и внушаетъ человѣку уваженіе къ высшимъ требованіямъ власти и порядка. Поэтому, религія въ обществѣ должна быть почитаема, и церковь должна пользоваться надлежащею защитою государства. Въ этомъ состоитъ существенная задача охранительной партіи, которая проповѣдуетъ уваженіе къ великимъ основамъ общественной жизни. Но втягивать религію въ политику, вмѣшивать ее въ борьбу партій, выставляетъ ее

предметомъ нападковъ и непріязни, значитъ искажать возвышенный ея характеръ, дѣлать ее орудіемъ политическихъ цѣлей, низводить вѣчныя начала въ измѣнчивое движеніе временныхъ потребностей. Это вредитъ и самой политикѣ. Партія, дающая религіозный оттѣнокъ своимъ политическимъ мнѣніямъ, неизбѣжно становится нэтерпимою. Она въ своихъ противникахъ видитъ враговъ святыни, которыхъ надобно искоренять, притомъ не религіозными, а политическими средствами. Она собственныя начала возводитъ на степень вѣчныхъ, священныхъ истинъ, отъ которыхъ нельзя отступить ни на шагъ. Тутъ невозможны сдѣлки и уступки, составляющія необходимое условіе всякой политической дѣятельности. Борьба, вслѣдствіе того, разгорается до изступленія. Религіозныя страсти, введенныя въ политическую область, всегда составляютъ величайшее препятствіе правильному развитію свободы. Въ нихъ заключается одна изъ главныхъ опасностей для представительныхъ учрежденій. Поэтому, прогрессивная партія, которая, отстаивая свободу, старается строго отдѣлить религіозную область отъ гражданской, оказываетъ существенную услугу государству.

Но либерализмъ не всегда ограничивается этими умѣренными требованіями. Ратуя противъ іерархическихъ притязаній, онъ нерѣдко, въ пылу борьбы, касается и догматовъ вѣры, становясь такимъ образомъ во враждебное отношеніе къ самой религіи. Еще чаще это бываетъ съ радикалами, у которыхъ это составляетъ даже обыкновенную черту. Они, такъ же какъ реакціонная партія, склонны вводить религіозные вопросы въ политическую область, но съ отрицательной стороны. Во имя свободы и прогресса, они возстаютъ противъ всѣхъ великихъ учрежденій, на которыхъ покоятся общества, не щадя при этомъ ни человѣческихъ чувствъ, ни тѣхъ существенныхъ началъ, которыя могутъ скрываться за временными искаженіями. Но этимъ радикализмъ самъ себя лишаетъ значительной силы. Взывая къ массамъ, онъ отталкиваетъ ихъ отъ себя своимъ нетерпимымъ невѣріемъ и кидаетъ ихъ въ руки реакціи. Наоборотъ, онъ пріобрѣтаетъ неудержимую силу, когда соединяется съ религіознымъ фанатизмомъ, какъ это нерѣдко бываетъ у притѣсняемыхъ сектъ. Достаточно вспомнить англійскихъ пуританъ.

Такова общая характеристика главныхъ направленій, на которыя обыкновенно раздѣляется общественное мнѣніе. Всѣ они, выражая

собою разнообразные оттѣнки политической мысли, существуютъ въ каждомъ обществѣ, которое сознаетъ свои потребности и думаетъ о своихъ дѣлахъ. Но пока эти идеи вращаются въ небольшихъ кружкахъ, изъ нихъ не образуется серьознаго политическаго элемента. Общественною силою партіи становятся только тогда, когда къ нимъ примыкаютъ цѣлые классы, когда въ нихъ выражаются не только общія начала и требованія, а духъ и направленіе различныхъ общественныхъ элементовъ. Этимъ отношеніемъ къ обществу опредѣляется политическое значеніе партій. Это коренной вопросъ въ представительномъ устройствѣ. Партіи существуютъ и находятъ приверженцевъ во всѣхъ общественныхъ слояхъ, но каждому классу, по самой его природѣ, свойственно извѣстное направленіе, которое обыкновенно является въ немъ преобладающимъ.

Охранительная партія естественно господствуетъ въ аристократіи. Мы видѣли, что крупная поземельная собственность рождаетъ охранительный духъ. Къ этому присоединяются историческія начала, владычествующее положеніе, чувство законности и порядка, составляющія принадлежность высшаго сословія. Всѣ достоинства и недостатки аристократіи суть вмѣстѣ достоинства и недостатки охранительной партіи: съ одной стороны, уваженіе къ высшимъ началамъ жизни и умѣніе ихъ отстаивать, единодушіе, дисциплина, практичность, энергія; съ другой, излишняя неподатливость на новыя требованія, неподвижность, упорная защита самыхъ злоупотребленій господствующей системы, враждебное отношеніе къ наиболѣе полезнымъ требованіямъ. Тамъ, гдѣ нѣтъ крѣпкихъ аристократическихъ элементовъ, охранительная партія лишена самой существенной своей опоры. Даже либерализмъ аристократіи носитъ на себѣ охранительный характеръ. Въ сословіи, сознающемъ свое достоинство и свою независимость, всегда есть приверженцы свободы, но они соединяютъ это начало съ уваженіемъ къ историческимъ формамъ и къ требованіямъ государственной жизни. Либеральная аристократія является естественнымъ вожатаемъ общества, связывая среднія классы съ высшими, и удовлетворяя стремленіямъ всѣхъ. Это положеніе самое для нея выгодное, но она далеко не всегда способна его занять. Аристократія, которая не умѣла удержаться во главѣ общества, приноравливаясь къ измѣняющимся потребностямъ, и обновляясь соками снизу, а осталась, среди всѣхъ перемѣнъ, представительницею отжившаго порядка,

воплощаетъ въ себѣ не охранительныя начала, а реакцію. Это самое неблагопріятное условіе для политической свободы. Когда реакціонная партія сильна, она представляетъ величайшее препятствіе правильному развитію представительныхъ учрежденій; безсильная же аристократія ослабляетъ охранительную партію, которая одна въ состояніи ихъ упрочить. Здѣсь открывается обширное поле и для революцій и для деспотизма.

Охранительная партія не ограничивается впрочемъ высшими кругами; она находитъ поддержку и въ среднихъ классахъ, безъ которыхъ она не въ состояніи была бы держаться. Наиболѣе зажиточная ихъ часть всегда заинтересована въ охраненіи порядка и готова дать отпоръ демократическимъ стремленіямъ массъ. Но здѣсь охранительное направленіе принимаетъ иной оттѣнокъ. Средніе классы вообще мало привязаны къ историческимъ началамъ; у нихъ болѣе преобладаетъ раціонализмъ. Поэтому, охранительная система основывается у нихъ не на вѣковомъ опытѣ, не на историческомъ развитіи, а на раціональномъ ученіи. Главные представители консерватизма среднихъ классовъ суть доктринеры. Таковъ былъ характеръ этой партіи во Франціи при Лудовикѣ-Филиппѣ.

Но охранительные элементы далеко не составляютъ преобладающей силы въ среднихъ классахъ. Послѣдніе, по самому существу своему, болѣе склонны къ движенію и свободѣ. Въ нихъ обыкновенно либерализмъ находитъ главную свою поддержку. Они сродны ему всѣми своими свойствами: потребностью свободы для промышленной дѣятельности, безконечнымъ разнообразіемъ и подвижностью элементовъ, развитіемъ образованія въ безчисленныхъ оттѣнкахъ мысли. Всѣ недостатки среднихъ классовъ отражаются на либеральной партіи: слабость дисциплины, отсутствіе единства и энергіи въ дѣйствіи, оппозиціонное и отрицательное направленіе, мелочность политическихъ взглядовъ, скаредность на средства. Разбиваясь на множество оттѣнковъ, либеральная партія не составляетъ сплошной массы, а потому изъ нея часто трудно составить сильное и прочное правительство. Всего легче это совершается тамъ, гдѣ она искони привыкла подчиняться руководству либеральной аристократіи. Поэтому въ Англіи, она способнѣе къ управленію, нежели гдѣ либо. Однако и здѣсь, съ усиленіемъ среднихъ классовъ послѣ избирательной реформы 1832-го года, произошло общее разстройство партій, которое отразилось пре-

имущественно на либералахъ. Консерваторы сохранили несравненно болѣе дисциплины.

Если среднія партіи, охранительная и либеральная, находятъ поддержку главнымъ образомъ въ высшихъ и среднихъ слояхъ общества, то крайнія всегда ищутъ опоры въ массахъ. Представляя картину безмолвной силы и неутомимаго труда, низшіе классы служатъ заманчивымъ предметомъ для ожиданій всякаго рода. На нихъ, какъ на неизвѣстное данное, возлагаются надежды мечтателей. Но по своей природѣ, они вовсе не склонны принимать живое участіе въ политической жизни, когда не затрогиваются непосредственные ихъ интересы. Только сильно распространенное неудовольствіе или искусственное возбужденіе страстей дѣлаетъ ихъ орудіемъ движенія. Демократы-радикалы постоянно твердятъ о волѣ народной, но эта воля рѣдко ихъ поддерживаетъ. Обыкновенно, ихъ начала являются не болѣе, какъ теоретическимъ требованіемъ, лишеннымъ настоящей почвы. Главное зерно радикализма заключается всегда въ низшихъ слояхъ среднихъ классовъ, которые, не имѣя состоянія, недовольны своимъ положеніемъ, а между тѣмъ достаточно образованы, чтобы стремиться къ перемѣнамъ. Въ странахъ, гдѣ сильно развита городская и фабричная жизнь, къ нимъ примыкаетъ и пролетаріатъ. Это армія, безъ которой радикализмъ всегда остается ничтожнымъ. Поэтому, въ земледѣльческихъ странахъ, онъ составляетъ не болѣе, какъ мимолетное явленіе, играющее на поверхности общества и лишенное существенной силы. Сельскіе классы тогда только поддаются внушеніямъ радикаловъ, когда они поставлены во враждебное отношеніе къ аристократіи или страдаютъ подъ ея гнетомъ; въ такомъ случаѣ партія, которая беретъ въ руки ихъ интересы, находитъ въ нихъ отголосокъ. Но сельское населеніе осѣдлое и не обремененное тяжестями, всегда почти находится подъ вліяніемъ высшихъ элементовъ общества.

Гораздо болѣе воспріимчивую почву находитъ здѣсь реакція, которая дѣйствуетъ на низшіе классы особенно черезъ духовенство. Послѣднее, въ силу религіознаго чувства, одушевляющаго массы, пріобрѣтаетъ надъ ними огромное вліяніе. Черезъ это и оно нерѣдко выступаетъ на политическое поприще и становится дѣятельнымъ участникомъ борьбы. Это относится особенно къ духовенству католическому, которое имѣетъ и организацію, направленную главнымъ обра-

зомъ на практическія цѣли. Католическое духовенство, по самому своему характеру и по преданіямъ римской церкви, сохраняющей память о прежнемъ величіи, составляетъ главную силу реакціонной партіи, которая черезъ него дѣйствуетъ на народъ. Поэтому, господство демократіи ведетъ иногда къ владычеству духовенства, особенно въ странахъ, гдѣ преобладаютъ сельскія состоянія. Кромѣ духовенства, вождями реакціоннаго движенія являются высшіе классы, утратившіе свое прежнее значеніе. Сюда принадлежатъ тѣ аристократіи, которыя сохраняютъ старыя преданія среди измѣнившейся жизни. Это мы видимъ въ Германіи. Тамъ же, гдѣ нѣтъ ни властолюбиваго духовенства, ни аристократіи, стоящей за обветшалыя права, можетъ вовсе не быть реакціонной партіи. Въ Англіи есть консерваторы, но нѣтъ реакціонеровъ.

Такимъ образомъ, въ народной массѣ скрываются противоположныя стремленія: недовольная, она слѣдуетъ за радикалами; довольная своимъ положеніемъ, она можетъ быть возбуждена противъ либеральныхъ стремленій высшихъ классовъ, и тогда становится орудіемъ реакціи. Но какъ то, такъ и другое составляетъ признакъ ненормальнаго состоянія общества. Обыкновенно, низшіе классы не выступаютъ на политическое поприще, какъ самостоятельные дѣятели. Даже въ республикахъ, они болѣе слѣдуютъ за средними классами. Поэтому, крайнія партіи только въ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ пріобрѣтаютъ временный перевѣсъ; нормальное положеніе дѣлъ есть владычество среднихъ, которыя опираются на постоянно дѣятельные элементы въ государствѣ.

Если мы взглянемъ на отношеніе партій между собою и на ту роль, которую онѣ призваны играть въ политической жизни народа, мы увидимъ повтореніе того же закона.

Въ обыкновенномъ порядкѣ вещей, когда развитіе общества идетъ мирно и правильно, владычество среднихъ партій вытекаетъ изъ самой природы общественнаго мнѣнія. По статистическому закону, которымъ управляется вся общественная жизнь, крайности вездѣ являются исключеніемъ; средняя цифра всегда сосредоточиваетъ около себя наибольшее количество силъ и людей. Этотъ законъ распространяется и на мнѣнія. Люди съ средними, умѣренными убѣжденіями составляютъ громадное большинство въ каждомъ обществѣ. Къ нимъ принадлежитъ та масса, которая собственно не входитъ въ составъ

партій, но примыкая въ той или другой, держитъ между ними вѣсы. Такое распредѣленіе мысли имѣетъ основаніе и въ практическихъ потребностяхъ общества. Развитіе человѣчества идетъ не скачками, а постепеннымъ превращеніемъ одной общественной формы въ другую. Здѣсь всегда есть множество переходовъ, которыхъ представителями являются среднія мнѣнія. Крайнія могутъ иногда быть послѣдовательнѣе, логичнѣе, но они не отвѣчаютъ требованіямъ жизни. Во всякой практической дѣятельности, кромѣ логики, существуетъ еще приложеніе, и здѣсь является необходимость умѣренія логическихъ выводовъ. Нужно щадить существующіе интересы и привычки, нужно имѣть въ виду постепенность въ измѣненіи нравовъ и убѣжденій. Тогда только новыя начала могутъ быть введены безъ переворота, потрясающаго все общественное зданіе. Самыя революціи, съ одной стороны, приготовляются медленнымъ процессомъ жизни, съ другой, неизбѣжно влекутъ за собою реакцію, ибо законъ постепенности не нарушается безнаказанно.

Такимъ образомъ, при нормальномъ ходѣ вещей, развитіе происходитъ путемъ борьбы между партіями охранительною и прогрессивною. Какими же условіями опредѣляется владычество той или другой?

Извѣстно, что Маколей изображалъ отношеніе этихъ партій въ исторіи въ видѣ головы и хвоста движущагося животнаго. Прогрессисты постоянно идутъ впередъ, а консерваторы тащатся за ними, вступая на ихъ мѣсто, когда тѣ стоятъ уже на новой почвѣ. Нельзя не сказать, что въ этомъ сравненіи знаменитый историкъ явился чистымъ приверженцемъ партіи, и высказалъ весьма неглубокій взглядъ на существо человѣческаго развитія. Сравненіе могло бы быть справедливо, еслибы вся жизнь общества состояла въ движеніи. Тогда, разумѣется, слѣдовало бы отдать пальму первенства тѣмъ, которые идутъ скорѣе другихъ и ушли дальше всѣхъ. Но существеннѣйшая потребность всякаго общества состоитъ въ порядкѣ, въ организаціи. Самое движеніе имѣетъ цѣлью замѣнить устройство, отжившее свой вѣкъ, другимъ, болѣе соотвѣтствующимъ настоящимъ потребностямъ. А для прочности порядка прежде всего нужны охранительные элементы. Они скрѣпляютъ общественное зданіе и противятся преждевременнымъ перемѣнамъ. Отсюда ясно, что политическое отношеніе обѣихъ партій опредѣляется самою задачею, которая пред-

стоитъ обществу въ данное время. Когда нужно упрочить извѣстный порядокъ, должна владычествовать партія охранительная; напротивъ, когда чувствуется потребность въ перемѣнѣ, перевѣсъ естественно склоняется на сторону партіи прогрессивной. Это опять самый простой законъ человѣческаго развитія. Вслѣдствіе этого, разумные либералы нерѣдко становятся консерваторами, какъ скоро требованія ихъ исполнены и водворился желанный порядокъ вещей. Постоянно стремиться къ новымъ перемѣнамъ — признакъ легкомыслія. Здравые элементы либерализма всегда сомкнутся въ охранительную партію, когда нужно упрочить завоеванныя начала. Дальнѣйшіе движеніе предоставляется позднѣйшему времени.

Это нормальное отношеніе охранительной партіи къ либеральной установляется тѣмъ легче, чѣмъ менѣе онѣ рознятся въ основныхъ своихъ воззрѣніяхъ на общественный бытъ. Когда обѣ партіи, препираясь между собою, расходясь въ частныхъ вопросахъ, стоятъ на общей почвѣ и признаютъ законность существующаго порядка вещей, тогда неизбѣжная между ними борьба происходитъ путемъ убѣжденія и законной дѣятельности, безъ ущерба общественному благу. Въ этихъ преніяхъ состоитъ правильная политическая жизнь народа. Здѣсь разработываются вопросы и выказываются таланты. Но борьба принимаетъ совершенно иной характеръ, когда самая точка отправленія у партій различна, когда оспориваются самыя основы существующаго порядка. Здѣсь нѣтъ уже мѣста для мирныхъ улучшеній, для взаимныхъ уступокъ; правильная борьба превращается въ битву на жизнь и на смерть. При такомъ напряженіи силъ, выступаютъ на сцену крайнія партіи, которыя въ обыкновенномъ порядкѣ жизни играютъ второстепенную роль. Здѣсь является возможность и революцій и реакцій.

Первоначальная причина этихъ исказившихся отношеній чаще всего лежитъ въ упорномъ охраненіи установленнаго порядка, при измѣнившихся потребностяхъ жизни. Прогрессисты, лишенные возможности законнымъ путемъ проводить свои мысли, соединяются съ радикалами вь безусловномъ отрицаніи существующаго. Въ обществѣ развиваются крайнія убѣжденія, которыя ведутъ къ ожесточенной борьбѣ. При такомъ отношеніи партій, самыя уступки часто не въ состояніи произвести замиренія. Когда дѣло зашло слишкомъ далеко, перемѣна системы нерѣдко ускоряетъ только взрывъ. Во всякомъ слу-

чаѣ, она не предупреждаетъ волненій. Но какъ скоро вспыхнула борьба, главнымъ дѣятелемъ является въ ней радикализмъ.

При обыкновенномъ ходѣ вещей, задача радикальной партіи состоитъ въ теоретической разработкѣ вопросовъ и въ указаніи на нужды народа. Отрицательное ея значеніе заключается въ томъ, что она своими крайностями заставляетъ среднія партіи быть осторожнѣе и въ основныхъ вопросахъ держаться другъ друга, положительное — въ томъ, что она раскрываетъ такія стороны жизни, которыя среднія партіи слишкомъ часто упускаютъ изъ виду. Обыкновенно, радикалы поддерживаютъ либеральную партію, которая, для удовлетворенія союзниковъ, принуждена дѣлать имъ уступки и принимать мѣры въ пользу народной массы. Но такъ какъ, при различіи взглядовъ, удовлетвореніе никогда не можетъ быть полное, то недовольные радикалы нерѣдко вступаютъ въ союзъ съ консерваторами для низверженія либеральнаго правительства. Эти коалиціи, основанныя болѣе на чувствѣ ненависти и мести, нежели на здравыхъ политическихъ видахъ, болѣе всего затрудняютъ и запутываютъ ходъ представительныхъ учрежденій. Радикализмъ является здѣсь орудіемъ раздора. Но пока здравые охранительные и либеральные элементы, расходясь въ способѣ дѣйствія, соединяются около общаго знамени, онъ остается безсильнымъ. Владычествующимъ онъ становится только въ эпохи переворотовъ. Ожесточеніе борьбы само собою ведетъ къ господству крайностей. Притомъ, радикализмъ, обладая большею энергіею, нежели либералы, способнѣе къ дѣйствію. Когда дѣло доходитъ до битвы, около него естественно толпятся всѣ враги существующаго порядка, каково бы ни было различіе ихъ убѣжденій. Онъ становится во главѣ соединенныхъ силъ и ведетъ ихъ на рѣшительный бой. Радикализму свобода обязана главными своими побѣдами, одержанными путемъ революцій. Въ этомъ состоитъ его всемірно-историческая роль.

Но могучій для битвы, радикализмъ совершенно неспособенъ къ установленію какого бы то ни было порядка. Онъ слишкомъ далекъ отъ настоящей жизни, а потому можетъ держаться только деспотизмомъ. Какъ скоро борьба рѣшена, а вслѣдствіе того исчезла потребность въ чрезмѣрномъ напряженіи силъ, радикальная партія падаетъ сама собою. Тогда наступаетъ время для реакціи, которая должна возстановлять разрушенный порядокъ.

Въ эпохи внутренняго мира, значеніе реакціонной партіи, такъ же

какъ и радикальной, состоитъ въ томъ, что она указываетъ на стороны жизни, которыя упускаются изъ виду другими. Человѣческое развитіе не всегда идетъ путемъ гармоническаго соглашенія всѣхъ общественныхъ элементовъ. Обыкновенно, въ извѣстный періодъ владычествуетъ одно начало, соотвѣтствующее настоящей задачѣ общества, а другія остаются въ тѣни. Реакціонная партія, представительница отжившаго устройства, указываетъ на начала, потерявшія свое первенство, заслоненныя одностороннимъ развитіемъ, но составляющія вѣчную потребность человѣчества. Значеніе ея возвышается, когда существующій порядокъ разрушенъ насильственнымъ путемъ, во имя крайнихъ требованій, подъ вліяніемъ радикальной партіи. Тогда реакція неизбѣжна, ибо является необходимость, если не всецѣло, то отчасти, возстановить уничтоженное. Однако и реакція, съ своей стороны, обыкновенно впадаетъ въ односторонность, отрицая не только временныя увлеченія, но и существенныя нужды, вызвавшія переворотъ. Одна крайность вызываетъ другую; это общій законъ развитія, вытекающій изъ потребности остановиться наконецъ на серединѣ, которая составляетъ центръ тяжести общества. Разрушительныя стремленія радикализма влекутъ за собою реакцію; упорство и односторонность послѣдней, въ свою очередь, кидаютъ общество въ руки радикаловъ. Какъ качающійся маятникъ, общество только послѣ долгихъ колебаній возвращается къ нормальному состоянію, то есть къ владычеству среднихъ партій.

Но въ человѣческихъ обществахъ, возстановленіе правильнаго порядка рѣдко совершается само собою, естественнымъ ходомъ вещей. Обыкновенно, изъ ожесточенной борьбы и анархіи возникаетъ деспотизмъ, который одинъ въ состояніи сдержать общественныя стихіи, влекущіяся врозь. Мы видимъ здѣсь повтореніе того закона, о которомъ мы говорили въ началѣ этой книги: чѣмъ менѣе единства въ обществѣ, тѣмъ сосредоточеннѣе должна быть власть. Поэтому чѣмъ болѣе расходятся партіи, тѣмъ необходимѣе сдерживающая ихъ власть, независимая отъ общественныхъ вліяній. Этимъ подтверждается и тотъ законъ, который мы вывели изъ исторіи представительныхъ учрежденій, именно, что вся сила ихъ основана на союзѣ классовъ, принимающихъ участіе въ политической жизни. Согласіе или рознь общественныхъ элементовъ выражается въ отношеніяхъ партій, которыя изъ общества черпаютъ свои силы. Представительство прочно,

когда партіи, споря объ отдѣльныхъ вопросахъ, дѣлаютъ другъ другу уступки и подаютъ другъ другу руку для поддержанія существующаго порядка. Напротивъ, чѣмъ глубже раздоры, чѣмъ болѣе среднія убѣжденія замѣняются крайними, тѣмъ болѣе политическая свобода подвергается опасностямъ.

Таковы существо, свойства и назначеніе политическихъ партій въ свободныхъ государствахъ. Намъ остается взглянуть на ихъ способы дѣйствія, на тѣ пути, черезъ которые онѣ проводятъ свои мнѣнія. Средоточіемъ партій и главнымъ поприщемъ ихъ борьбы является представительное собраніе, но значеніе ихъ въ послѣднемъ опредѣляется тою поддержкою, которую даетъ имъ общество; чтобы получить перевѣсъ въ представительствѣ, онѣ должны склонить на свою сторону избирателей. Здѣсь возможенъ двоякій путь: свободная дѣятельность лицъ и вліяніе на мѣстное управленіе, въ корпоративномъ составѣ обществъ. Поэтому, мы должны разсмотрѣть личныя права гражданъ и мѣстное самоуправленіе, какъ условія представительнаго порядка.

ГЛАВА 7.

ЛИЧНЫЯ ПРАВА ГРАЖДАНЪ.

Въ личныхъ правахъ гражданъ проявляется и узаконяется свобода человѣка; поэтому, они имѣютъ существенное значеніе во всякомъ образѣ правленія, основанномъ на свободѣ. Многіе либеральные писатели видятъ въ самыхъ политическихъ правахъ не болѣе, какъ гарантію личныхъ правъ. Въ XVIII-мъ вѣкѣ, когда въ ходу были индивидуальныя теоріи, это воззрѣніе господствовало въ литературѣ и въ обществѣ. Высшимъ его выраженіемъ было знаменитое «Объявленіе о правахъ человѣка и гражданина», поставленное во главѣ французской конституціи 1791-го года. Въ этомъ актѣ, личныя права, вытекающія изъ свободы, приписываются человѣку, какъ прирожденное, неотъемлемое его достояніе. Они объявляются неприкосновенными для самаго закона, который долженъ только ограждать ихъ отъ нарушенія. Единственная граница свободы, говорятъ законодатели,

лежитъ въ свободѣ другихъ, а потому законъ можетъ запрещать только то, что вредитъ другимъ.

Несостоятельность этого ученія, составляющаго крайнее развитіе атомистическаго воззрѣнія на государство, доказана давно. Даже Руссо держался иныхъ началъ, замѣнивъ неприкосновенность личныхъ правъ народнымъ полновластіемъ. Въ настоящее время, только запоздалые демократы ссылаются на «Объявленіе о правахъ человѣка и гражданина», какъ на святыню человѣческой свободы. Нѣтъ сомнѣнія, что въ свое время этотъ актъ имѣлъ огромное значеніе: провозглашая идеальныя требованія свободы, онъ вносилъ новыя начала въ европейскія общества. Но эти начала получили здѣсь характеръ не только односторонній, но и совершено несовмѣстный съ какимъ бы то ни было государственнымъ устройствомъ. Основаніе всего ученія заключается въ томъ, что личныя права прирождены человѣку, что они предшествуютъ обществу, которое установляется единственно для ихъ охраненія, а потому не можетъ ихъ нарушать. Но такое происхожденіе общежитія не оправдывается ни исторіею, ни умозрѣніемъ; основанный на этихъ началахъ общественный порядокъ совершенно немыслимъ. Человѣкъ, по природѣ своей, какъ существо свободное, имѣетъ права; въ этомъ состоитъ истина означеннаго ученія. Но опредѣленіе этихъ правъ и установленіе ихъ границъ зависитъ не отъ личнаго усмотрѣнія каждаго, не отъ неизмѣнныхъ указаній естественнаго закона, а единственно отъ общественной власти, которая одна можетъ предписывать правила обязательныя для всѣхъ. Власть же руководится при этомъ, какъ взаимнымъ отношеніемъ свободы отдѣльныхъ лицъ, такъ и требованіями общественной пользы, которымъ всегда и вездѣ подчиняется личная свобода. Граждане суть члены одного политическаго тѣла, а потому подчиняются послѣднему, какъ части цѣлому. Границы правъ не составляютъ непреложнаго кодекса; онѣ, по существу своему, измѣнчивы и подвижны, смотря по состоянію общества и по требованіямъ государственнаго порядка. Самое «Обявленіе о правахъ человѣка и гражданина» въ нѣкоторомъ отношеніи противорѣчитъ себѣ, ибо предоставляетъ власти такой просторъ, который легко можетъ повести въ величайшему стѣсненію личныхъ правъ. Законъ, гласитъ оно, можетъ запретить только то, что вредитъ другимъ. «На этомъ основаніи, замѣчаетъ Бентамъ, можно запретить все, ибо все можетъ быть вредно».

Въ дѣйствительности, нѣтъ права, которое бы не подлежало значительнымъ ограниченіямъ и даже во многихъ случаяхъ прекращенію по требованіямъ общественной пользы. Если самая жизнь граждан можетъ быть отнята за преступленіе или подвержена неминуемой опасности на войнѣ, предпринятой иногда для весьма незначительныхъ государственныхъ интересовъ; если человѣкъ можетъ быть лишенъ свободы за проступокъ или даже по простому подозрѣнію, или въ видахъ общественной безопасности; если собственность подвергается налогамъ по усмотрѣнію власти, и принудительному отчужденію во имя общественной пользы, то еще скорѣе могутъ быть ограничены такія права, какъ свобода печати или свобода собраній, когда того требуетъ сохраненіе порядка или образъ правленія, установленный закономъ и полезный для народа. Если можетъ быть запрещено то, что вредитъ другимъ, тѣмъ болѣе подлежитъ запрещенію то, что вредитъ цѣлому обществу. Начало общественной пользы никогда и нигдѣ не можетъ быть устранено, какъ бы оно ни было стѣснительно для отдѣльныхъ лицъ; оно всегда составляетъ не только существеннѣйшій элементъ, но и верховную цѣль всякаго общественнаго союза. Но такъ какъ это начало, по природѣ своей, неопредѣленное, то и границы, полагаемыя имъ личной свободѣ, подвижны. Бо́льшая или меньшая мѣра свободы зависитъ единственно отъ усмотрѣнія власти, стоящей во главѣ союза и располагающей силами отдѣльныхъ лицъ для блага цѣлаго, какова бы впрочемъ ни была эта власть, республиканская или монархическая. Представительныя собранія бываютъ иногда болѣе нетерпимы относительно меньшинства, нежели монархъ, и имѣютъ на это полное право, хотя ихъ образъ дѣйствія можетъ быть несогласенъ съ нравственностью или политикою. Человѣкъ, по природѣ своей, долженъ имѣть права, но гражданинъ имѣетъ только тѣ права, которыя предоставлены ему закономъ.

Впрочемъ, въ настоящее время защитники личныхъ правъ не настаиваютъ на ихъ неприкосновенности. Но многіе публицисты утверждаютъ, что въ широкомъ развитіи личныхъ правъ состоитъ главная задача общественнаго устройства; политическія права, по ихъ мнѣнію, служатъ только средствомъ для достиженія этой цѣли. Поэтому, граждане должны стремиться не къ участію въ верховной власти, что порождаетъ только борьбу за мѣста, а къ расширенію личной свободы и частной дѣятельности. Это воззрѣніе находится въ связи съ тѣмъ,

которое старается ограничить по возможности вѣдомство государства, предоставляя удовлетвореніе всѣхъ нуждъ самодѣятельности общества.

Мы уже видѣли всю односторонность этого взгляда и не станемъ къ нему возвращаться. Крѣпость личныхъ правъ безъ сомнѣнія необходима въ порядкѣ вещей, признающемъ начало свободы существеннымъ элементомъ политическаго устройства; но цѣлью законодательства должно быть не безмѣрное расширеніе этихъ правъ, а разумное ихъ сочетаніе съ требованіями государственной жизни. Если недостаточное ихъ развитіе можетъ отучить гражданъ отъ самодѣятельности, препятствовать разработкѣ мыслей и выраженію общественной воли, если оно даетъ правительству чрезмѣрное и незаконное вліяніе на выборы, то съ другой стороны, избытокъ свободы и излишнее стѣсненіе власти могутъ не только помѣшать исполненію общихъ цѣлей, но и повергнуть общество въ анархическое состояніе. Степень свободы, которая должна быть предоставлена гражданамъ, зависитъ отъ свойства самой дѣятельности, отъ устройства власти, отъ народнаго характера, наконецъ, отъ обстоятельствъ, въ которыхъ находится государство Личныя права имѣютъ значеніе или частное, или политическое, смотря по тому, въ какой области вращается дѣятельность гражданъ, въ частной или государственной. Очевидно, что расширеніе первыхъ встрѣчаетъ менѣе препятствій, нежели развитіе вторыхъ. Съ другой стороны, различные образы правленія допускаютъ различную степень свободы: въ республикѣ, она составляетъ основаніе всего государственнаго порядка; въ конституціонной монархіи, она должна согласоваться съ другими политическими началами; въ самодержавіи, она занимаетъ второстепенное мѣсто. Въ самой конституціонной монархіи, личныя права могутъ получить тѣмъ бо́льшую широту, чѣмъ болѣе силы имѣетъ въ ней представительство. Свойства народнаго характера, преобладаніе въ немъ личнаго начала или стремленія къ общественному единству, имѣютъ также существенное вліяніе на развитіе личныхъ правъ. Наконецъ, очевидно, что въ смутныхъ обстоятельствахъ, свобода должна подвергаться стѣсненіямъ, вовсе не нужнымъ въ спокойномъ положеніи дѣлъ. При внутренней или внѣшней опасности, ограниченія свободы являются, какъ временная потребность; но они могутъ получить и болѣе или менѣе постоянный характеръ, смотря по силѣ и количеству внутреннихъ враговъ, съ которыми приходится бороться правитель-

ству. Чѣмъ болѣе въ обществѣ революціонныхъ элементовъ, чѣмъ болѣе людей, стремящихся къ низверженію законнаго порядка, тѣмъ менѣе можно обойтись безъ значительныхъ стѣсненій свободы. Здѣсь господствуетъ общій законъ политической жизни, что власть должна быть тѣмъ сильнѣе и свобода тѣмъ меньше, чѣмъ разрозненнѣе и противоположнѣе другъ другу общественные элементы.

Все это станетъ яснѣе, когда мы разсмотримъ отдѣльныя права гражданъ въ ихъ отношеніи къ государственному порядку вообще и къ представительнымъ учрежденіямъ въ особенности. Здѣсь опредѣлится область, которая должна быть предоставлена самодѣятельности гражданъ, и тѣ необходимыя границы, которымъ она подвергается.

Представительный порядокъ предполагаетъ прежде всего признаніе общей гражданской свободы въ государствѣ. Аристократическая конституція или сословныя собранія совмѣстны и съ крѣпостнымъ правомъ; но народное представительство, въ которомъ, при извѣстныхъ условіяхъ ценза, можетъ участвовать каждый гражданинъ, исключаетъ возможность частной зависимости. Политическія права могутъ принадлежать только свободному лицу. Нельзя возвести политическую свободу на степень общаго начала государственнаго быта, пока она не признается въ гражданской области. Скорѣе представительныя учрежденія уживаются съ рабствомъ совершенно чуждаго населенія, которое въ такомъ случаѣ не входитъ въ составъ гражданъ и считается собственностью владѣльцевъ.

Но личная свобода гражданъ подвергается необходимымъ ограниченіямъ, вслѣдствіе требованій закона и порядка. Гражданинъ можетъ быть арестованъ, заключенъ въ тюрьму. Если это совершается по произволу правительственной власти, то личная свобода ничѣмъ не обезпечена, и граждане находятся совершенно въ рукахъ правительства. Поэтому, здѣсь необходимы гарантіи. Онѣ заключаются главнымъ образомъ въ защитѣ, которую доставляетъ лицамъ независимый судъ. Правительственнымъ властямъ невозможно отказать въ правѣ ареста; этого требуетъ общественное спокойствіе. Въ Англіи, классической странѣ личной свободы, всякій полицейскій чиновникъ можетъ арестовать человѣка по подозрѣнію въ преступленіи; но арестованный незаконно или на недостаточномъ основаніи, имѣетъ право требовать, чтобы его поставили передъ лице судьи, посредствомъ предписанія habeas corpus. Судья разсматриваетъ правильность аре-

ста, и смотря по обстоятельствамъ, освобождаетъ задержаннаго, отпускаетъ его на поруки или возвращаетъ его въ тюрьму. Законъ содѣйствуетъ здѣсь охраненію личной свободы, облегчая случаи отдачи на поруки, и установляя взысканія съ судей за отказъ въ справедливомъ удовлетвореніи арестованнаго лица. Но главная гарантія лежитъ въ независимомъ и безпристрастномъ судѣ; сила закона всегда зависитъ отъ его исполненія. Судъ получаетъ здѣсь политическое значеніе, ибо личная свобода должна быть ограждена не только отъ случайнаго произвола властей, но и отъ политическихъ притѣсненій. Мы видѣли, какъ англійскіе короли пользовались правомъ ареста для преслѣдованія членовъ оппозиціи и для вынужденія всеобщаго повиновенія беззаконнымъ налогамъ. Поэтому, актъ о habeas corpus игралъ такую важную роль въ конституціонной исторіи Англіи. При лучшемъ устройствѣ государства, при большей силѣ общественнаго мнѣнія, свобода отдѣльныхъ лицъ не имѣетъ уже того значенія, какъ прежде. Однако и въ настоящее время, возможно запугать противниковъ преслѣдованіемъ наиболѣе смѣлыхъ изъ нихъ, или подавить общее неудовольствіе посредствомъ произвольныхъ мѣръ, падающихъ на цѣлыя массы. Нынѣшнее французское правительство производило такого рода ссылки въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ. Въ смутныя времена бываетъ даже необходимо пріостановить законы, ограждающіе личную свободу и вручить правительству нѣкоторымъ образомъ произвольную власть. Чрезвычайныя обстоятельства вызываютъ и чрезвычайныя средства. Обыкновенные суды, строго охраняющіе законъ, въ этихъ случаяхъ устраняются и вводятся суды военные, болѣе быстрые, менѣе независимые и дѣйствующіе болѣе по усмотрѣнію. Однако въ представительномъ правленіи, подобныя отклоненія отъ законнаго хода должны совершаться не иначе, какъ съ согласія народнаго представительства, или, въ крайнемъ случаѣ, съ его утвержденія, на основаніи закона, опредѣляющаго тѣ обстоятельства, при которыхъ допускаются изъятія изъ общаго порядка.

Съ личной свободою тѣсно связана неприкосновенность жилища. И здѣсь, требованія порядка должны быть соединены съ огражденіемъ частныхъ лицъ отъ произвола. Полиціи невозможно отказать въ правѣ обыскивать домъ въ случаѣ только что совершеннаго преступленія; иначе могутъ исчезнуть его слѣды. Но обыкновенно, домашній обыскъ производится по предписанію суда и его агентами.

Подъ защиту суда ставится и собственность. Она должна быть ограждена отъ произвольныхъ захватовъ, взысканій, налоговъ и повинностей. Здѣсь дѣло можетъ опять имѣть чисто политическій характеръ; англійская исторія указываетъ на значеніе судебной власти при наложеніи незаконныхъ податей. Въ новое время, когда палаты собираются постоянно, политическая роль судовъ значительно стѣснилась. Они могутъ рѣшать тяжбы между казною и частными лицами, но за исключеніемъ федеральныхъ республикъ, имъ не предоставляется рѣшеніе конституціонныхъ споровъ между органами верховной власти. Однако и теперь, судъ сохраняетъ свое значеніе: если онъ освобождаетъ отъ наказанія неповинующихся беззаконнымъ требованіямъ, то правительственная власть лишается всякихъ средствъ исполнять свои рѣшенія. Въ странахъ, гдѣ отвѣтственность министровъ не получила надлежащаго юридическаго развитія, это единственная гарантія противъ незаконныхъ налоговъ. При независимомъ судѣ, правительство рѣдко рѣшится на подобную мѣру.

Меньшую силу имѣетъ судебная гарантія въ вопросахъ о принудительномъ отчужденіи собственности. Судъ или присяжные могутъ участвовать только въ установленіи справедливаго вознагражденія владѣльцу, но отнюдь не въ рѣшеніи о необходимости отчужденія. Судьею общественной пользы, во имя которой совершается послѣднее, можетъ быть не судебная власть, а правительственная. Въ Англіи, рѣшеніе этихъ вопросовъ предоставляется палатамъ; но это одна изъ тѣхъ гарантій, которыя налагаютъ на парламентъ несвойственныя ему дѣла и отнимаютъ у правительства естественно принадлежащее ему право. Законодательная власть можетъ только опредѣлить случаи, когда допускается принудительное отчужденіе собственности, но приложеніе закона не входитъ въ кругъ ея вѣдомства.

Свобода лица проявляется далѣе въ его дѣятельности, которая можетъ имѣть предметомъ матеріяльный міръ или духовный. Отсюда различные виды свободы — свобода промышленности, свобода совѣсти, свобода мысли, изъ которыхъ каждая требуетъ особенныхъ гарантій.

Свобода промышленности, въ обширномъ смыслѣ слова, составляетъ одно изъ главныхъ условій представительнаго порядка новаго времени. Мы уже говорили о томъ, что разбивая корпоративное устройство и сословную раздѣльность, она болѣе всего содѣйствуетъ сліянію народа въ общую массу гражданства, изъ котораго исходитъ

представительство. Она же умножаетъ силу и значеніе среднихъ классовъ, которые играютъ главную роль въ представительномъ порядкѣ. Наконецъ, она скорѣе всего ведетъ къ образованію общественнаго мнѣнія. Сообщая народонаселенію значительную подвижность, установляя тѣснѣйшую связь между различными мѣстностями и отдѣльными отраслями промышленной дѣятельности, возбуждая въ людяхъ потребность общихъ свѣдѣній и взглядовъ, она производитъ постоянный обмѣнъ мыслей, который непремѣнно переходитъ и на политическую почву, ибо здѣсь общеніе идей не ограничивается свѣтскими разговорами или теоретическими разсужденіями, а касается интересовъ всѣхъ и каждаго; здѣсь безпрерывно затрогивается связь между государственнымъ управленіемъ и частною жизнью. Промышленность требуетъ увѣренности въ прочномъ и законномъ порядкѣ вещей, обезпеченія правъ, устраненія произвола. Невозможно пуститься на рискъ въ значительное предпріятіе, когда оно не ограждено отъ случайныхъ вторженій власти. Промышленность требуетъ и хорошаго управленія государственнымъ хозяйствомъ. Разстройство финансовъ, недостатокъ кредита или неудачныя денежныя операціи ближе всего отзываются на промышленномъ мірѣ. Поэтому, значительное развитіе промышленности естественно возбуждаетъ желаніе политическихъ гарантій. Къ этому ведетъ и самое основное начало промышленной дѣятельности — свобода. Въ торговыхъ предпріятіяхъ и товариществахъ, люди привыкаютъ полагаться на самихъ себя, дѣйствовать заодно, сами практическимъ путемъ устроивать свои дѣла. Эти свойства, перенесенныя на политическое поприще, рождаютъ представительное правленіе. Можно сказать, что въ значительныхъ государствахъ, конституціонный порядокъ можетъ водвориться прочнымъ образомъ только при высокомъ и свободномъ развитіи промышленности. Страна съ скудными средствами и съ общественнымъ бытомъ, стѣсняющимъ свободную дѣятельность гражданъ, можетъ ожидать бо̀льшихъ успѣховъ отъ разумнаго самодержавія, нежели отъ представительнаго устройства.

Однако, если свобода составляетъ основное начало промышленности и непремѣнное условіе успѣшнаго ея развитія, то и здѣсь она не является безграничною. Во многихъ случаяхъ, частная дѣятельность принимаетъ общественный характеръ и тѣмъ вызываетъ вмѣшательство государства. Кромѣ того, и въ частныхъ предпріятіяхъ, свободная дѣятельность одного лица можетъ приносить ущербъ дру-

гому. Общая безопасность и общественныя удобства имѣютъ свои требованія, которымъ должна подчиняться промышленная свобода. Рѣшить эти вопросы можетъ только правительственная власть, которая завѣдываетъ всѣмъ, что касается до общественной пользы. Судъ и здѣсь является несостоятельнымъ. Онъ можетъ только разбирать права, а не судить объ опасности или неудобствѣ. Отсюда естественное вмѣшательство правительственной власти въ частную дѣятельность. Оно совершается посредствомъ установленія правилъ, посредствомъ надзора и разрѣшеній, иногда для пресѣченія, иногда для предупрежденія зла. Это неизбѣжное вмѣшательство не только не уменьшается, а напротивъ, увеличивается съ успѣхами гражданской жизни, ибо чѣмъ ближе сходятся между собою люди, чѣмъ разнообразнѣе и дѣятельнѣе сношенія между ними, тѣмъ чаще столкновенія и тѣмъ болѣе расширяются общественныя требованія. Такимъ образомъ, въ городахъ условія общежитія несравненно разнообразнѣе и стѣснительнѣе, нежели въ селахъ; поэтому и дѣятельность власти гораздо значительнѣе въ первыхъ, нежели въ послѣднихъ. Мы не говоримъ здѣсь о различіи мѣстной власти и центральной; а только о противоположности правительственной дѣятельности и частной. Вмѣшательство власти, какова бы она ни была, вызывается потребностями общежитія; произволъ же въ этомъ случаѣ можетъ быть устраненъ только контролемъ общества надъ дѣятельностью власти. Высшею гарантіею служатъ здѣсь представительныя учрежденія.

Матеріяльная дѣятельность лицъ подчиняется необходимымъ въ общежитіи условіямъ матеріяльнаго порядка и общаго благосостоянія; духовная ихъ дѣятельность ограничивается требованіями порядка нравственнаго. Ни одно общество не можетъ существовать безъ извѣстнаго, господствующаго въ немъ нравственнаго порядка. Народъ долженъ имѣть нѣкоторыя убѣжденія, нѣкоторыя признанныя имъ начала, на основаніи которыхъ онъ дѣйствуетъ. Таковы его понятія объ отечествѣ, о власти, о законѣ, объ общественныхъ интересахъ, о народной чести, о всемірномъ своемъ призваніи. Господство тѣхъ или другихъ понятій въ народѣ опредѣляетъ форму и направленіе государственной жизни. Безъ этого оживляющаго ее общественнаго духа, безъ этого нравственнаго порядка, который проявляется въ политическомъ организмѣ, государство остается внѣшнею формою, бездушнымъ тѣломъ, средствомъ для охраненія мате-

ріяльной безопасности. Самый народъ, лишенный этихъ духовныхъ основъ, перестаетъ существовать, какъ единое цѣлое; онъ остается толпою людей, соединенныхъ только внѣшнимъ образомъ, для которыхъ все равно, подчиняться той или другой власти, лишь бы она исправно содержала полицію. Мало того: даже чисто внѣшнее единство немыслимо безъ внутренняго, по крайней мѣрѣ въ значительной части общества. Для установленія внѣшней покорности нужно соединеніе людей, связанныхъ общими убѣжденіями или интересами, и дѣйствующихъ заодно. Этимъ держится всякая общественная сила.

Однако, говоря о необходимости извѣстнаго нравственнаго порядка въ обществѣ, мы не хотимъ сказать, что каждый гражданинъ непремѣнно долженъ имѣть одинакія съ другими убѣжденія во всемъ, что касается до общественнаго быта. Убѣжденія истекаютъ изъ духовной свободы человѣка; въ нихъ проявляется личность каждаго. Требовать отъ всѣхъ одинакаго образа мыслей можно только съ совершеннымъ уничтоженіемъ свободы, унижая человѣческое достоинство, и съ ущербомъ для нравственнаго состоянія общества. Самое общественное сознаніе нравственнаго порядка, по крайней мѣрѣ въ высшей своей формѣ, является плодомъ свободной мысли, разумнаго убѣжденія, а потому не можетъ не допустить свободы въ своей средѣ. Наконецъ, нравственный порядокъ, на которомъ зиждется общественный бытъ, не составляетъ вѣчной, неизмѣнной нормы, въ которую разъ навсегда заковывается народная жизнь. Въ обществѣ, одаренномъ способностью къ развитію, измѣняются и совершенствуются понятія, нравы и учрежденія. Это поступательное движеніе совершается не иначе, какъ посредствомъ свободы. Сначала немногіе отклоняются отъ принятаго порядка; затѣмъ мысль, зародившаяся, можетъ быть, въ головѣ одного человѣка, постепенно переходитъ въ общее убѣжденіе; наконецъ, она становится владычествующею, вытѣсняя прежнія начала. Свобода есть источникъ всякаго движенія и совершенствованія.

Такимъ образомъ, мы видимъ здѣсь два начала, другъ другу противорѣчащія: если необходимость нравственнаго порядка можетъ стѣснять свободу, то послѣдняя, въ своемъ безпредѣльномъ развитіи, можетъ подорвать основы нравственнаго порядка. Общество, раздѣленное въ убѣжденіяхъ, въ которомъ борются воззрѣнія другъ друга исключаю-

щія, не можетъ жить общею жизнью, не можетъ имѣть внутренняго единства, а безъ этого и внѣшнее его существованіе слишкомъ шатко. Слѣдовательно, необходимо ограничить свободу такъ, чтобы она была совмѣстна съ господствующимъ порядкомъ. Личное начало должно подчиняться общественному; это— необходимое основаніе и условіе всякаго общежитія; на этомъ зиждется весь нравственный міръ человѣка Отдѣльное лице можетъ видѣть истину лучше цѣлаго народа, но оно не имѣетъ права дѣйствовать во имя убѣжденій разрушительныхъ для существующаго устройства. Духовная свобода, такъ же какъ и матеріяльная, имѣетъ свои границы, опредѣляемыя требованіями союза, въ которомъ она вращается. Эти требованія могутъ быть различны, смотря по тому, какія начала признаются обществомъ за необходимыя жизненныя нормы. Сообразно съ этимъ, и границы свободы могутъ быть уже или шире. Вообще, чѣмъ выше общественный бытъ, тѣмъ болѣе онъ допускаетъ въ себѣ свободу; ибо чѣмъ разумнѣе и крѣпче общественное сознаніе, тѣмъ легче оно можетъ противостоять разрушительнымъ вліяніямъ, тѣмъ менѣе оно опасается преній и духовной борьбы. Однако и здѣсь, различіе обстоятельствъ порождаетъ различіе требованій: переходныя эпохи, когда слабѣетъ нравственное единство общества, нуждаются въ большемъ ограниченіи свободы, нежели періоды прочнаго устройства, когда народъ разумнымъ путемъ выработалъ въ себѣ крѣпкія жизненныя основы.

Представительныя учрежденія въ особенности требуютъ прочнаго нравственнаго порядка. Народъ призывается здѣсь къ политической дѣятельности; различные его элементы должны двигаться дружно и сообразно съ общими государственными потребностями. Безъ внутренняго единства, это немыслимо. Поэтому, враждебныя направленія должны быть сдержаны въ должныхъ границахъ. Чѣмъ многочисленнѣе эти непріязненные элементы, а съ другой стороны, чѣмъ моложе, а потому слабѣе существующее представительное устройство, тѣмъ менѣе простора можно предоставить свободѣ гражданъ. Даже при одинакомъ устройствѣ, при одномъ и томъ же образѣ правленія, границы ея могутъ быть уже или шире. Безусловнаго правила здѣсь нѣтъ, ибо надобно согласить два начала существенно подвижныя, и которыхъ отношенія безпрерывно измѣняются.

Духовная свобода проявляется прежде всего въ свободѣ совѣсти. Это — коренное право человѣка, независимое отъ его гражданскихъ от-

ношеній. Вѣра — дѣло внутренняго убѣжденія; религіозный законъ обязателенъ только для добровольно его принимающихъ. Свобода совѣсти — лучшее изъ завоеваній новаго человѣчества. Изъ нея вытекаетъ и свобода вѣроисповѣданія, то есть право поклоняться Богу по обрядамъ своей церкви. Однако и здѣсь есть ограниченія, необходимыя для охраненія нравственнаго порядка въ обществѣ. Если насиліе совѣсти всегда должно считаться злоупотребленіемъ власти, то ограниченія внѣшняго выраженія и въ особенности распространенія вѣры нерѣдко могутъ быть оправданы. Никакое общество не обязано терпѣть внутри себя сектъ, исповѣдующихъ начала разрушительныя для гражданскаго быта, или отвергающихъ существующія власти. Даже Сѣверо-американскіе Штаты, совершенно равнодушные къ дѣламъ вѣры, допускающіе у себя всевозможныя секты, изгнали мормоновъ. Религія, несовмѣстная съ существующими основами общежитія, не можетъ быть терпима въ государствѣ. Ея причастники должны выдти изъ общества, которому не хотятъ подчиняться. Государство имѣетъ несомнѣнное право, не только наказывать гражданскіе проступки, совершенные во имя религіи, но испытывать самый догматъ, изъ котораго вытекаютъ нарушенія закона. Когда преступное дѣйствіе составляетъ прямое послѣдствіе извѣстной причины, послѣдняя должна быть устранена.

Такимъ образомъ, можно признать общимъ правиломъ, что въ государствѣ могутъ быть терпимы только тѣ вѣроисповѣданія, которыя совмѣстны съ существующимъ порядкомъ. Но это начало можетъ получить болѣе или менѣе обширное приложеніе. Это зависитъ отъ значенія религіи въ народной жизни и отъ связи ея съ гражданскимъ бытомъ. Въ теократическихъ государствахъ, вѣра составляетъ главную основу общественнаго порядка; она владычествуетъ и въ гражданской области. Поэтому, только исповѣдующіе господствующую вѣру могутъ быть полноправными гражданами; остальные или совершенно исключаются изъ общества, или занимаютъ въ немъ подчиненное мѣсто. Тоже самое бываетъ въ государствахъ, гдѣ весь нравственный строй общества основанъ на религіи. То, что мы называемъ религіознымъ фанатизмомъ, есть проявленіе исключительнаго господства вѣры въ общественномъ сознаніи. Съ такимъ нравственнымъ строемъ несовмѣстно признаніе другихъ вѣроисповѣданій, особенно враждебныхъ господствующему и одушевленныхъ такимъ же

фанатическимъ духомъ. Люди, которые поставляютъ себѣ задачею низверженіе одной изъ главныхъ основъ общественнаго порядка, не могутъ быть терпимы въ государствѣ. Досолѣ есть европейскія страны, въ которыхъ господствующая вѣра такъ связана съ народнымъ сознаніемъ, что отступленіе отъ нея считается преступленіемъ, а другія вѣроисповѣданія вовсе не терпимы.

Но если у государства нельзя отрицать права не терпѣть внутри себя вѣроисповѣданій, несовмѣстныхъ съ господствующимъ въ немъ нравственнымъ порядкомъ, то съ другой стороны, нетерпимость вообще означаетъ низкую степень общественнаго сознанія. Убѣжденіе, не допускающее инаго мнѣнія, не разумно, а слѣпо. Оно боится не только преній, но и самаго присутствія чужой мысли. Оно должно быть охраняемо внѣшними средствами, потому что не надѣется на внутреннюю свою силу. Нравственный порядокъ, исключающій свободу, всегда составляетъ узкое и одностороннее проявленіе человѣческаго духа. Разумнымъ можетъ быть названъ только тотъ бытъ, который совмѣщаетъ въ себѣ свободу, ибо въ ней заключается нравственное достоинство человѣка и основаніе духовнаго его развитія. Поэтому, терпимость является первымъ признакомъ высшей духовной жизни народа. Она ведетъ и къ освобожденію гражданской области изъ подъ владычества религіи. Гражданскій порядокъ имѣетъ свои собственныя основы, независимыя отъ вѣры; общественный духъ, ихъ поддерживающій—духъ свѣтскій, а не религіозный Любовь къ отечеству, чувство права, привязанность къ законному порядку, уваженіе къ власти могутъ существовать и существуютъ независимо отъ того или другаго вѣроисповѣданія. Религія всегда сохраняетъ огромное значеніе въ обществѣ; она владычествуетъ надъ умами и поддерживаетъ нравственныя начала, необходимыя для общежитія. Но для государства важны общія нравственныя требованія, признаваемыя болѣе или менѣе всѣми вѣроисповѣданіями, а не формулированіе ихъ въ извѣстный догматъ. Установленіе и развитіе гражданскаго порядка — дѣло не догмата, а мысли и свободы. Чѣмъ болѣе этотъ порядокъ находится подъ владычествомъ религіи, тѣмъ болѣе онъ теряетъ свой собственный, ему принадлежащій, человѣческій, измѣнчивый, прогрессивный и свободный характеръ. Наоборотъ, чѣмъ болѣе въ немъ признается начало свободы, тѣмъ болѣе онъ становится независимымъ отъ господства исключительнаго вѣроисповѣ-

данія, тѣмъ болѣе онъ допускаетъ въ средѣ своей свободный выборъ вѣры и свободное установленіе церквей.

Однако, терпимость не заключаетъ въ себѣ полной равноправности, особенно политической. Первая можетъ быть допущена тамъ, гдѣ не допускается послѣдняя. Терпимость требуетъ отъ людей, исповѣдующихъ извѣстную вѣру, только подчиненія господствующему порядку, политическія же права даютъ имъ участіе въ самой власти, а потому предполагаютъ въ нихъ возможность общественной дѣятельности, согласной съ другими элементами и сообразной съ общимъ направленіемъ государства. Тамъ, гдѣ господствуютъ религіозный фанатизмъ и взаимная вражда вѣроисповѣданій, трудно ожидать такого согласія. Это относится въ особенности къ представительному порядку, которымъ общество призывается къ управленію государственными дѣлами. Религіозная вражда служитъ здѣсь неодолимымъ препятствіемъ дружной дѣятельности общественныхъ элементовъ. При такомъ настроеніи, единственный выходъ состоитъ въ исключеніи изъ общаго представительства вѣроисповѣданій, враждебныхъ господствующей церкви. Допущеніе ихъ становится возможнымъ только при успокоеніи страстей, когда религіозные вопросы перестаютъ занимать въ обществѣ первенствующее мѣсто, или когда малочисленность извѣстной секты дѣлаетъ безвреднымъ пріобщеніе ея къ политическимъ правамъ. Такимъ образомъ, католики получили доступъ въ англійскій парламентъ въ такую пору, когда католицизмъ перестаъ быть угрожающею силою для англиканской церкви, и когда различіе вѣроисповѣданій не служило уже преградою совокупной общественной дѣятельности. Однако, нельзя не сказать, что такое исключеніе извѣстной части народа изъ политическихъ правъ всегда составляетъ зло, хотя, можетъ быть, неизбѣжное. Оно заставляетъ исключенныхъ сомкнуться въ политическую партію, враждебную существующему порядку, и дѣйствующую посредствомъ внѣшней агитаціи. Оно противорѣчитъ самой идеѣ народнаго представительства, которое основано на началѣ свободы и должно выражать въ себѣ общество, какъ оно есть, со всѣми его элементами. Вѣроисповѣданіе не составляетъ условія, достижимаго для всѣхъ; оно не можетъ считаться признакомъ политической способности, какъ цензъ. На основаніи религіознаго различія, не только устраняется отъ политической жизни такая часть народа, въ которой, можетъ быть, сильно развитъ политическій интересъ, но лишаются вся-

кихъ гарантій именно тѣ, которые въ нихъ болѣе всего нуждаются. Исключеніе иновѣрцевъ изъ представительства всегда сопровождается и религіозною нетерпимостью; ибо собраніе враговъ менѣе всего бываетъ склонно соблюдать справедливость и оказывать вниманіе къ нуждамъ противниковъ. Чуждыя большинству народа вѣроисповѣданія находятъ обыкновенно болѣе защиты у самодержавной власти, стоящей выше общественныхъ страстей, нежели въ представительствѣ, отражающемъ въ себѣ всѣ эти страсти.

За свободою совѣсти слѣдуетъ свобода мысли, другая святыня человѣческаго духа. Мысль, такъ же какъ совѣсть, свободна по своему существу и не подлежитъ принужденію. Свобода мысли является главнымъ орудіемъ изслѣдованія истины и человѣческаго совершенствованія. Она имѣетъ еще болѣе практическое значеніе, нежели свобода совѣсти, ибо мысль непосредственно переходитъ въ дѣятельность; но по этому самому, она подлежитъ еще большимъ ограниченіямъ во имя господствующаго въ обществѣ нравственнаго порядка. И здѣсь, какъ вездѣ, свобода должна сочетаться съ другими началами, составляющими основы человѣческихъ обществъ. Впрочемъ, эти ограниченія касаются только мысли гласной, которая является орудіемъ общественной дѣятельности. Преслѣдованіе частныхъ мнѣній всегда есть притѣсненіе, которое не можетъ быть оправдано общественною необходимостью.

Дѣятельность мысли можетъ быть обращена или на воспитаніе юношества или на убѣжденіе общества. Отсюда двѣ главныя ея формы: свобода преподаванія и свобода печати. Что касается до изустной рѣчи, то публичное ея проявленіе можетъ быть только въ собраніяхъ, а потому эта форма соединяется съ свободою собраній.

Значеніе воспитанія для политической жизни слишкомъ часто упускается изъ виду. Древніе видѣли въ немъ основу государства; новые публицисты, обращающіе болѣе вниманія на устройство власти, нежели на духъ, которымъ поддерживаются учрежденія, обыкновенно оставляютъ воспитаніе совершенно въ сторонѣ. Между тѣмъ, оно не только готовитъ людей для политическаго поприща, но посредствомъ молодаго поколѣнія имѣетъ существенное вліяніе на самое настроеніе общества. Въ воспитаніи юноша обрѣтаетъ духовныя основы для своего будущаго. Поэтому, оно должно соображаться съ задачами государственной жизни и съ тѣми свойствами, которыя требуются отъ

гражданина. Однако, ни въ какомъ случаѣ оно не должно быть заражено духомъ политическихъ партій. Такое направленіе неизбѣжно является одностороннимъ; оно ищетъ практической цѣли и возбуждаетъ въ юношахъ страсти. Все это совершенно неумѣстно въ воспитаніи, которое должно быть обращено на приготовленіе общей духовной почвы для всякихъ практическихъ цѣлей и направленій. Школа не должна быть поприщемъ политической борьбы и еще менѣе орудіемъ партій. Въ ней юноша готовится быть и человѣкомъ и гражданиномъ; но духъ партіи, взлелѣянный съ раннихъ лѣтъ, отнюдь не признакъ добраго гражданина. Напротивъ, возможность общественнаго единодушія и дружной дѣятельности гражданъ на пользу отечества облегчается воспитаніемъ ихъ въ средѣ, не причастной политическимъ страстямъ, смягчающей рѣзкость противоположныхъ направленій, и вселяющей въ молодыя души уваженіе къ общимъ человѣческимъ и гражданскимъ началамъ, возвышеннымъ надъ борьбою партій. Безпристрастное изложеніе науки служитъ вмѣстѣ съ тѣмъ лучшимъ противодѣйствіемъ стремленіямъ, разрушительнымъ для гражданскаго порядка. Наука требуетъ свободы, ибо сама есть плодъ свободной мысли; но свобода сдерживается здѣсь въ предѣлахъ разума. Учащійся привыкаетъ къ строгости сужденій и къ положительнымъ выводамъ, которые одни въ состояніи побороть легкомысліе отрицательнаго диллеттантизма. Наука раскрываетъ глубокій смыслъ того, что есть; она указываетъ на связь и послѣдовательность явленій, и тѣмъ самымъ заставляетъ уважать порядокъ, созданный вѣками. Одностороннія политическія тенденціи могутъ только исказить ясный ея образъ и внушить недовѣріе къ излагаемымъ ею истинамъ.

Но если таковъ идеалъ воспитанія, то очевидно, что школа должна быть общественнымъ учрежденіемъ. Завѣдываніе ею принадлежитъ обществу, какъ единому цѣлому, то есть государству. Но правительство не можетъ само преподавать; оно не судья въ теоретическихъ вопросахъ. Въ представительномъ устройствѣ, оно въ добавокъ само составляется подъ вліяніемъ партій и неизбѣжно должно сообщить тоже направленіе и воспитанію. Поэтому, народное образованіе должно быть дѣломъ болѣе или менѣе независимой корпораціи или сословія ученыхъ и преподавателей, состоящихъ въ вѣдѣніи государства. Это своего рода магистратура, которой составъ и направле-

ніе особенно важны въ свободныхъ странахъ, гдѣ все общество предается политической борьбѣ. Она одна въ состояніи сохранить въ воспитаніи свойственный ему серьозный и безпристрастный духъ, который лучше всего приготовляетъ людей къ общественной дѣятельности. Частныя корпораціи не въ силахъ исполнить этой задачи. Онѣ всегда имѣютъ характеръ односторонній или случайный; онѣ легко становятся замкнутыми, исключительными, не допускаютъ въ себѣ вѣянія общаго духа и погружаются въ личные интересы. Еще менѣе могутъ частные люди удовлетворить общественной потребности: на это у нихъ обыкновенно не достаетъ средствъ; частныя школы еще болѣе зависятъ отъ случайной воли отдѣльныхъ лицъ и вовсе неспособны хранить въ себѣ постоянный духъ воспитательнаго учрежденія. Что же касается до товариществъ, которыя иногда поддерживаютъ школы, то они или также непрочны или же составляются во имя политической цѣли, въ духѣ извѣстной партіи, какъ это дѣлается въ Бельгіи. Одно государство обладаетъ достаточными средствами для установленія общей системы учрежденій, необходимой въ дѣлѣ народнаго образонія. Оно одно можетъ дать должности преподавателя надлежащую прочность и высоту, и тѣмъ самымъ притянуть къ ней лучшія умственныя силы страны. Наконецъ, оно одно въ состояніи сообщить воспитанію тотъ общій характеръ, который требуется его идеею. Все остальное будетъ болѣе или менѣе скудно, односторонне и отрывочно. Частныя предпріятія могутъ служить пособіемъ общественному воспитанію, но никакъ не въ состояніи его замѣнить.

Однако, этою помощью нельзя и не слѣдуетъ пренебрегать. Государственныя средства могутъ быть недостаточны для удовлетворенія всѣхъ потребностей; задача можетъ быть дурно исполнена правительствомъ; государственная монополія можетъ получить одностороннее направленіе или замкнуться для свѣжихъ силъ. Поэтому, рядомъ съ государственными учрежденіями, необходимо допустить и свободную дѣятельность гражданъ. Но государству всегда принадлежитъ право надзора надъ частными школами. Оно должно наблюдать, чтобы преподаваніе не становилось орудіемъ для постороннихъ цѣлей, и чтобы довѣріе родителей не было употреблено во зло воспитателями. Извѣстно, что частный контроль бываетъ здѣсь совершенно недостаточенъ. Дѣти сами не могутъ смотрѣть за своими интересами, а родители часто не въ состояніи этого сдѣлать. Личная вы-

года, которая въ промышленномъ мірѣ служитъ лучшимъ ручательствомъ въ пользѣ предпріятія, далеко не доставляетъ такой же гарантіи въ области духовной дѣятельности. Поэтому, необходимымъ ея восполненіемъ является здѣсь надзоръ государства, какъ хранителя духовныхъ интересовъ народа, и если этотъ контроль не всегда достигаетъ цѣли и даже не вездѣ бываетъ возможенъ, то право надзора остается неопровержимымъ.

Свобода преподаванія касается преимущественно низшихъ школъ, въ которыхъ частныя усилія скорѣе всего могутъ достигнуть цѣли. Высшія требуютъ постоянныхъ средствъ и болѣе или менѣе значительнаго соединенія людей. Поэтому тѣ, которыя не состоятъ въ вѣдомствѣ государства, содержатся обыкновенно частными корпораціями или духовенствомъ, гораздо рѣже товариществами.

Мы упомянули уже о недостаткахъ, присущихъ всякой частной корпораціи. Чѣмъ болѣе она въ состояніи содержать себя на собственныя средства, тѣмъ менѣе она нуждается въ успѣшномъ удовлетвореніи общественныхъ потребностей. Частная корпорація можетъ съ теченіемъ времени совершенно уклониться отъ цѣли, которая имѣлась въ виду учредителями, и обратиться въ способъ обогащенія наличныхъ членовъ или дирекціи. Поэтому, контроль государства здѣсь вдвойнѣ необходимъ. Постоянное учрежденіе перестаетъ быть проявленіемъ свободной дѣятельности гражданъ; оно становится органомъ общественныхъ цѣлей. Не оно принадлежитъ лицамъ, а лица ему служатъ. Здѣсь опредѣляющее начало не свобода преподаванія, а общественная польза. Начало свободы приложимо къ лицамъ, а не къ учрежденіямъ.

По тѣмъ же причинамъ нельзя ссылаться на свободу преподаванія и относительно школъ, учреждаемыхъ духовенствомъ. Церковь есть вѣчный союзъ людей; это—учрежденіе, имѣющее свои цѣли, свои средства, свою іерархію. Духовенство—ея органъ, служитель, котораго дѣятельность опредѣляется не гражданскою свободою, а церковными законами. Но преподаваніе свѣтскихъ наукъ отнюдь не составляетъ непосредственной цѣли церкви. Наука точно такъ же независима отъ вѣры, какъ гражданское право отъ каноническаго и свѣтская власть отъ церковной. Когда духовенство заводитъ свѣтскія школы, оно распространяетъ церковную дѣятельность и на гражданскую область. Это можетъ иногда быть полезно: религіозный ха-

рактеръ первоначальнаго обученія можетъ имѣть благодѣтельное вліяніе на народъ; при недостаткѣ государственныхъ средствъ, школы, учреждаемыя духовенствомъ, могутъ служить значительнымъ пособіемъ образованію. Но съ другой стороны, очевидно, что властолюбивое духовенство можетъ обратить свои школы въ орудія мірскаго вліянія. Оно можетъ стать во враждебное отношеніе къ свѣтскимъ училищамъ и являться здѣсь тѣмъ болѣе опаснымъ соперникомъ, что оно владычествуетъ надъ совѣстью гражданъ, тогда какъ ученое сословіе не можетъ употреблять нравственнаго принужденія. Поэтому, свобода преподаванія имѣетъ здѣсь свои необходимыя границы. Судьею той степени вліянія, которое должно быть предоставлено духовенству на школы, можетъ быть, разумѣется, не оно само, а единственно государство, которое, какъ союзъ, облеченный верховною властью, одно можетъ сдерживать другіе союзы въ нужныхъ предѣлахъ. Отъ государства зависитъ признать вліяніе церкви на гражданскую область полезнымъ или вреднымъ, допустить его или положить ему границы. Вопросъ этотъ разрѣшается не свободою преподаванія, которая неприложима къ такому учрежденію, какъ церковь, а началами общественной пользы и отношеніемъ церкви къ государству.

Всѣ разсмотрѣнныя нами доселѣ личныя права гражданъ имѣли характеръ преимущественно частный. Теперь мы вступаемъ въ другую область, гдѣ личныя права становятся орудіемъ политической дѣятельности. Сюда принадлежитъ прежде всего свобода печати.

Мы не станемъ распространяться о выгодахъ свободы печати вообще. Это—тема, которая, начиная съ Мильтона, служила обильнымъ источникомъ краснорѣчія для великихъ писателей и ораторовъ. Мы считаемъ ее истиною, вполнѣ доказанною; ей человѣческая мысль обязана главными своими успѣхами. Но свобода печати, какъ всѣ личныя права, должна имѣть свои предѣлы. Еслибы она ограничивалась изслѣдованіемъ истины и всегда оставалась въ области теоріи, то противъ нея не нужно было бы принимать никакихъ мѣръ. Но мысль служитъ самымъ могущественнымъ орудіемъ дѣйствія, источникомъ всякаго общественнаго движенія. Она не только развиваетъ умъ, но и возбуждаетъ страсти. Отъ нея исходили, какъ полезныя преобразованія, такъ и государственные перевороты. Поэтому, публичныя ея проявленія подлежатъ ограниченіямъ во имя общественныхъ началъ.

Эти ограниченія могутъ быть двоякаго рода: предупрежденіе вреднаго дѣйствія, посредствомъ предварительной цензуры и пресѣченіе его, посредствомъ наказанія. Въ первомъ случаѣ, свобода печати юридически не существуетъ; она находится въ полной зависимости отъ правительства. Втораго рода ограниченія необходимы всегда и вездѣ; но съ ними должны соединяться гарантіи противъ произвола.

Предварительная цензура установляется тамъ, гдѣ правительство не допускаетъ критики своихъ дѣйствій. Свобода печати несовмѣстна съ порядкомъ вещей, который основанъ не на свободномъ сознаніи общества, не на добровольномъ его содѣйствіи государственнымъ цѣлямъ, а на силѣ власти и на безусловномъ подчиненіи гражданъ. Такой бытъ составляетъ естественную принадлежность низшихъ ступеней общественной жизни, когда безотчетные инстинкты преобладаютъ въ народѣ надъ разумомъ. Свободная мысль, внося критику въ этотъ міръ, является въ немъ элементомъ разлагающимъ. Она ослабляетъ и силу власти и готовность къ повиновенію, на которомъ держится все общественное зданіе. Поэтому, она ставится подъ контроль правительства, которое допускаетъ только то, что считаетъ безвреднымъ. Не всякій общественный порядокъ способенъ выносить неизбѣжное при свободѣ раздвоеніе общественнаго сознанія и сопровождающую его борьбу, а потому свобода печати не есть безусловное требованіе, приложимое всегда и вездѣ.

Однако, съ другой стороны, правительственная опека надъ мыслью представляетъ самую сильную преграду умственному развитію народа, а потому и успѣхамъ гражданственности. Мысль требуетъ свободы, которая одна даетъ ей и силу и жизнь. Никто не станетъ трудиться, когда дѣятельность вполнѣ зависитъ отъ чужаго произвола. Только весьма благопріятныя обстоятельства, постоянная снисходительность цензуры или удобство печатанія за границею могутъ, при недостаткѣ свободы, облегчить успѣхи ученой и политической литературы народа. Но рано или поздно, мысль пробивается сквозь всѣ препятствія. Для всякаго народа, одареннаго способностью къ развитію, наступаетъ пора, когда умственная дѣятельность становится необходимою общественною потребностью. Тогда опека надъ мыслью перестаетъ быть возможною; она обращается въ чистую формальность, которая не достигаетъ цѣли. Раздвоеніе общественнаго сознанія вкрадывается незамѣтно, не смотря ни на какія цензурныя запрещенія,

критика ростетъ и распространяется, общественная мысль ищетъ себѣ выраженія. Само правительство чувствуетъ наконецъ потребность предоставить бо̀льшій просторъ духовной дѣятельности гражданъ, ибо высшее развитіе государства невозможно безъ живаго содѣйствія умственныхъ силъ народа. На этой точкѣ, свобода печати становится необходимостью.

Прежде всего, она установляется для книгъ. Законодательства, не допускающія полной свободы печати, нерѣдко освобождаютъ книги отъ предварительной цензуры, оставляя ее для журналовъ, или по крайней мѣрѣ, подвергая послѣдніе значительнымъ ограниченіямъ. На ряду съ журналами ставятся и брошюры, которыя, не имѣя постоянныхъ подписчиковъ, но появляясь въ маломъ объемѣ и въ значительномъ количествѣ, отчасти замѣняютъ собою газеты. Основаніе этого различія лежитъ въ самыхъ свойствахъ этихъ двухъ главныхъ видовъ печати. Въ настоящее время, либеральные публицисты отвергаютъ иногда политическое значеніе этого раздѣленія, ссылаясь на то, что книги и журналы одинаково служатъ выраженіемъ свободной мысли, а потому должны подлежать одинакимъ правиламъ. Но это возраженіе слишкомъ поверхностно. Существенное различіе коренится въ томъ, что мысль можетъ имѣть характеръ или теоретическій, или практическій. Хотя между тѣмъ и другимъ существуютъ незамѣтные переходы, однако одно изъ этихъ свойствъ обыкновенно является преобладающимъ. Книга служитъ выраженіемъ мысли, журналъ орудіемъ дѣятельности; книга старается убѣдить читателя, журналъ направляетъ его въ извѣстную сторону, ежедневно повторяя ему одно и тоже, и нерѣдко взывая къ его страстямъ; въ книгѣ высказывается личное мнѣніе писателя, журналъ является органомъ партіи, средоточіемъ извѣстной группы людей, которые дѣйствуютъ безпрерывно. Поэтому, книжная литература никогда не можетъ быть такъ опасна для правительства, какъ журнальная. Полагая основы умственному развитію общества, книга не является политическою силою въ государствѣ. Вліяніе ея на умы, хотя нерѣдко болѣе прочно, зато медленно и спокойно. Наконецъ, возможныя злоупотребленія мысли здѣсь легче могутъ быть устранены. На этихъ основаніяхъ, самодержавныя правительства, которыя въ умственномъ развитіи народа видятъ необходимое условіе успѣховъ гражданской жизни, освобождаютъ книги отъ предварительной цензуры.

Гораздо болѣе затрудненій представляетъ свобода журналовъ. Она прямо ведетъ къ образованію независимаго общественнаго мнѣнія, какъ самостоятельной политической силы, которая непремѣнно стремится перейти въ дѣло. Журнализмъ возбуждаетъ въ обществѣ и постоянное броженіе, которому необходимъ исходъ. Поэтому, полная свобода журналовъ умѣстна только въ представительномъ порядкѣ. Самодержавное правительство можетъ допустить ее лишь въ весьма ограниченныхъ размѣрахъ.

Недавно изобрѣтенное средство для совмѣщенія свободы журналовъ отъ предварительной цензуры съ правительственнымъ контролемъ, состоитъ въ системѣ административныхъ взысканій. Независимо отъ судебнаго преслѣдованія, правительство предоставляетъ себѣ право давать предостереженія журналамъ, которые держатся враждебнаго ему направленія или позволяютъ себѣ неумѣстныя выходки, а въ случаѣ повторенія, пріостанавливать на время или даже совершенно прекращать виновную газету. Здѣсь печати несомнѣнно предоставляется болѣе свободы, нежели при цензурѣ. Въ послѣдней системѣ, произволъ дѣйствуетъ тайно и касается самыхъ мелочныхъ подробностей, тогда какъ административныя взысканія налагаются гласно и только въ болѣе или менѣе важныхъ случаяхъ. Но съ другой стороны, положеніе журналовъ становиться тѣмъ затруднительнѣе, что они вовсе не ограждены отъ произвола, ибо административныя взысканія налагаются по усмотрѣнію правительственныхъ лицъ. Такого рода пресѣченіе злоупотребленій противорѣчитъ основному правилу всякаго законнаго порядка, что гражданинъ не можетъ быть наказанъ иначе, какъ по суду. На самое правительство падаютъ здѣсь постоянныя нареканія въ произволѣ; оно становится въ мелочныя, придирчивыя отношенія къ печати, а потому и къ общественному мнѣнію, что несогласно съ достоинствомъ его положенія. Поэтому, подобный порядокъ вещей нельзя считать вполнѣ нормальнымъ. Тѣмъ не менѣе, въ самодержавномъ правленіи, онъ можетъ быть необходимъ. Журнализмъ имѣетъ характеръ не частный, а политическій. Частное право во всякомъ благоустроенномъ обществѣ, безъ сомнѣнія, должно быть ограждено отъ произвола; но политическое право всегда подчиняется усмотрѣнію власти, тамъ, гдѣ свобода сама не сдѣлалась участницею верховной власти. Какъ скоро преступленія печати наказываются независимымъ судомъ, такъ самая печать становится вполнѣ независимою

отъ правительства. Но существованіе въ государствѣ независимой политической силы несовмѣстно съ самодержавіемъ; это противорѣчитъ его идеѣ, сосредоточенію всей государственной власти въ рукахъ одного лица. Самодержавіе можетъ допускать въ обществѣ значительную долю свободы, но оно всегда должно сохранять надъ нею верховное право. При уничтоженіи цензуры, единственное его орудіе противъ печати состоитъ въ системѣ административныхъ взысканій. Конечно, его слѣдуетъ употреблять съ крайнею осмотрительностью; всякая произвольная власть требуетъ осторожности, особенно при гласности дѣйствія и при общественномъ значеніи печати. Но отказаться отъ этого права значитъ отречься отъ самого себя. Полная свобода печати, подъ гарантіею суда, возможна только въ представительномъ порядкѣ. Но въ послѣднемъ она необходима. Какъ скоро общественное мнѣніе признается независимою силою, а политическая свобода однимъ изъ верховныхъ началъ государственной жизни, такъ они должны быть изъяты отъ правительственнаго произвола. Иначе, представительныя учрежденія превращаются въ ложь. Поэтому здѣсь, система административныхъ взысканій можетъ быть только временною потребностью диктатуры, а никакъ не постояннымъ закономъ.

Однако и въ представительномъ устройствѣ, свобода печати можетъ получить бо̀льшій или меньшій просторъ, смотря по обстоятельствамъ, въ которыхъ находится государство. Чѣмъ прочнѣе существующій порядокъ, чѣмъ менѣе онъ имѣетъ внутреннихъ враговъ, тѣмъ менѣе опасности угрожаетъ ему со стороны печати, и тѣмъ болѣе можетъ быть предоставлено ей свободы. Таково положеніе Англіи. Тамъ существуютъ строгіе законы о печати, но въ послѣдніе тридцать лѣтъ, они вовсе не прилагаются. Правительство не преслѣдуетъ самыхъ дерзкихъ нападеній на власть и на конституцію, потому что эти выходки составляютъ не болѣе, какъ случайныя выраженія личныхъ мнѣній, на которыя никто не обращаетъ вниманія. Лучшею защитою служитъ имъ собственная безвредность. Совсѣмъ иное положеніе страны, не окрѣпшей въ свободѣ или раздираемой партіями, которыя ищутъ ниспроверженія существующаго порядка. Свобода печати служитъ здѣсь орудіемъ враждебныхъ элементовъ; она умножаетъ ихъ силу и дѣятельность; она возбуждаетъ общественныя страсти. Выходки и нареканія, которыя въ другой странѣ исчезаютъ среди всеобщаго равнодушія, здѣсь, падая на воспріимчивую

почву, перестают быть безвредными. Поэтому здѣсь, границы свободы должны быть тѣснѣе и законное преслѣдованіе строже.

Постановленія, опредѣляющія свободу печати, касаются различныхъ ея сторонъ. Прежде всего, здѣсь является разность условій для учрежденія журналовъ. Необходимость правительственнаго разрѣшенія несовмѣстна съ свободою печати; послѣдняя, въ представительномъ порядкѣ, составляетъ право гражданина, которое не должно подлежать произволу. Но для журналовъ могутъ требоваться значительные залоги; на нихъ могутъ налагаться высокія пошлины. И то и другое ведетъ къ тому, что одни богатые люди въ состояніи основать журналъ. Черезъ это журнализмъ сосредоточивается въ рукахъ немногихъ; онъ получаетъ менѣе демократическій характеръ; но вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивается сила отдѣльныхъ органовъ, которые пользуются нѣкотораго рода монополіею. Послѣднее обстоятельство побуждаетъ многихъ либераловъ требовать устраненія условій, затрудняющихъ размноженіе газетъ. По ихъ мнѣнію, полная свобода, раздробляя силу журнализма, дѣлаетъ его безвреднымъ. Съ этимъ мнѣніемъ нельзя согласиться. Размноженіе силъ отнюдь не служитъ признакомъ ихъ ослабленія. Въ демократическихъ журналахъ, дѣйствующихъ подъ вліяніемъ одной партіи, можетъ господствовать общее направленіе, гораздо болѣе опасное по своимъ результатамъ, нежели пропаганда немногихъ органовъ, недоступныхъ массѣ. Притомъ, журнализмъ имѣетъ весьма полезную сторону, которая исчезаетъ при раздробленіи силъ. Журналы болѣе всего содѣйствуютъ собиранію въ отдѣльныя группы главныхъ направленій общественнаго мнѣнія, а это именно то, что требуется въ представительномъ устройствѣ. Первое условіе правильной дѣятельности учрежденій состоитъ здѣсь въ образованіи постояннаго и крѣпкаго большинства, но это тѣмъ затруднительнѣе, чѣмъ болѣе мнѣнія дробятся. Особенно въ среднихъ классахъ, болѣе всего доступныхъ вліянію журнализма, только съ образованіемъ большихъ журналовъ могутъ установиться значительныя партіи. Журналъ исполняетъ свое настоящее назначеніе, именно когда онъ является органомъ политическаго направленія, имѣющаго вѣсъ въ странѣ. Значительная партія не затруднится въ прінсканіи денегъ; скудость средствъ обличаетъ недостатокъ силъ, а въ такомъ случаѣ особенный органъ безполезенъ. Пока журналы остаются личными предпріятіями, ихъ раздробленіе можетъ имѣть свои выгоды, но какъ скоро они ста-

новятся политическими органами, ихъ сосредоточеніе и возвышеніе условій ихъ существованія несравненно полезнѣе для общественнаго дѣла.

Другая сторона свободы печати состоитъ въ большей или меньшей строгости законодательныхъ постановленій. Что считается преступленіемъ или проступкомъ, и каковы размѣры взысканій? вотъ существенные вопросы, которые должны быть разрѣшены закономъ. Ими опредѣляется степень свободы, предоставленной печати. Однако, каковы бы ни были постановленія, законъ всегда остается здѣсь недостаточнымъ. Въ духовной дѣятельности нельзя провести рѣзкихъ границъ, раздѣляющихъ дозволенное отъ недозволеннаго. Упругость и изворотливость мысли не допускаютъ втѣсненія ея въ опредѣленныя рамки. Невозможно сказать, гдѣ кончается умѣренное обсужденіе вопросовъ, и гдѣ начинаются злобные нападки; все зависитъ окончательно отъ личной оцѣнки судей, а потому главная гарантія свободы печати лежитъ въ независимомъ судѣ.

Относительно суда, существенный вопросъ состоитъ въ томъ, слѣдуетъ ли рѣшеніе дѣлъ о печати предоставлять короннымъ судьямъ или присяжнымъ? ибо таковы двѣ главныя формы суда въ новыхъ представительныхъ государствахъ. Очевидно, что присяжные, взятые изъ народа, даютъ свободѣ бо̀льшую гарантію, нежели коронные судьи. Послѣдніе, хотя независимы и безсмѣнны, но опредѣляются и повышаются правительствомъ, а вслѣдствіе этого, находятся болѣе или менѣе подъ его вліяніемъ. Поэтому, преверженцы свободы печати обыкновенно стоятъ за присяжныхъ. Это мнѣніе подкрѣпляется и другими доводами Говорятъ, что въ преступленіяхъ печати дѣло идетъ не столько о фактѣ, сколько о намѣреніи лица и о результатѣ его дѣйствій; намѣреніе же можетъ быть опредѣлено только совѣстью, а степень вреда обвиняемой книги или статьи измѣряется впечатлѣніемъ, которое она производитъ на публику. Въ обоихъ случаяхъ, настоящіе судьи дѣла—присяжные, которые съ одной стороны, произносятъ приговоръ по внушенію совѣсти, а съ другой стороны, являются представителями публики.

Эти доказательства несомнѣнно имѣютъ значительную силу; однако они недостаточны. Судъ прежде всего долженъ быть беспристрастенъ, а такими рѣдко бываютъ присяжные въ политическихъ дѣлахъ. Они исходятъ изъ среды, одержимой политическими страстями, и от-

ражають на себѣ ея влеченія. Журналистъ, какъ бы онъ ни былъ виновенъ, не будетъ осужденъ въ мѣстности, гдѣ господствуетъ его партія. Самый составъ присяжныхъ можетъ случайно образоваться изъ людей съ извѣстными политическими убѣжденіями. Наконецъ, даже предполагая въ нихъ полное безпристрастіе, присяжные, безъ разбора взятые изъ общества, не въ состояніи судить о потребностяхъ власти. Зло, проистекающее изъ преступленій печати неосязательно; сила власти и твердость порядка, которые колеблются обвиненными статьями, понятія весьма относительныя, которыхъ оцѣнка доступна не всякому. Иногда суду предаются преступленія противъ иностранныхъ державъ, къ которымъ присяжные обыкновенно остаются совершенно равнодушными. Коронные судьи, призванные къ охраненію закона и порядка, несравненно лучше могутъ оцѣнить тѣ высшія потребности государства, съ которыми свобода печати приходитъ въ столкновеніе, а потому они способнѣе опредѣлить преступность извѣстнаго дѣйствія. Конечно, тамъ гдѣ судьи являются покорными слугами правительства, граждане не найдутъ въ нихъ надлежащей защиты; но если, при юридической независимости, судебное сословіе обладаетъ самостоятельнымъ и безпристрастнымъ духомъ, то большей гарантіи нельзя желать. Оно стоитъ посрединѣ между правительственнымъ элементомъ и общественнымъ, а потому лучше всего можетъ разрѣшать ихъ столкновенія.

Независимымъ судомъ ограждается и свобода собраній. Они могутъ быть частныя или публичныя. Одни послѣднія подлежатъ надзору или разрѣшенію правительства. Первыя, какъ и вся частная жизнь гражданъ, должны оставаться неприкосновенными. Только чрезвычайныя обстоятельства могутъ оправдывать здѣсь вмѣшательство власти. Что касается до публичныхъ собраній, то они могутъ служить еще сильнѣйшимъ орудіемъ политической дѣятельности, нежели печать. Журналы читаются не всѣми и каждымъ особо; въ нихъ далеко нѣтъ такой возбуждающей силы, какъ въ живой рѣчи, произнесенной въ многолюдномъ сборищѣ, которое воодушевляется словомъ оратора. Одинокій голосъ писателя не имѣетъ и того значенія, какъ заявленіе цѣлаго сонма. Въ собраніяхъ постановляются рѣшенія для совокупнаго дѣйствія; отсюда главнымъ образомъ исходитъ политическая агитація. Поэтому, свобода собраній можетъ быть допущена только тамъ, гдѣ господствуетъ политическая свобода, то есть въ

представительномъ порядкѣ. Но здѣсь она составляетъ необходимое условіе политической жизни. Только этимъ способомъ партіи могутъ настоящимъ образомъ организоваться и дѣйствовать на гражданъ. Особенно необходима свобода собраній при выборахъ, ибо тутъ только избиратели могутъ ближе познакомиться съ кандидатами и установить свое мнѣніе. Безъ этого, выборы производятся слѣпо. Однако и въ представительныхъ государствахъ, свобода собраній подвергается значительнымъ ограниченіямъ, ибо она легче всего можетъ подать поводъ къ нарушенію общественнаго порядка. Надзоръ правительства здѣсь всегда необходимъ; должно быть признано и право полиціи немедленно распускать всякое собраніе, въ которомъ совершается что либо противозаконное. Собранія на воздухѣ, какъ болѣе опасныя для порядка по своей многочисленности, нерѣдко подвергаются предварительному разрѣшенію правительства. Только весьма крѣпкій общественный бытъ можетъ вынести такое орудіе волненія. Здѣсь, какъ и въ печати, границы свободы могутъ быть уже или шире, смотря по состоянію общества. Но требованіе дозволенія для всякаго нѣсколько многочисленнаго собранія, какъ это установлено во Франціи, противорѣчитъ существу политической свободы. Въ представительномъ порядкѣ, это опять можетъ быть оправдано, только какъ временная мѣра, а не какъ постоянный законъ.

Еще сильнѣйшимъ политическимъ орудіемъ служатъ товарищества. Исторія показываетъ весь вредъ, который можетъ отъ нихъ произойти. Частныя сборища иногда терроризируютъ и общество и правительство, становясь высшею политическою силою въ государствѣ и двигателями мятежей. Не говоря о роли клубовъ въ революціонныя эпохи, даже въ мирныя времена, при самомъ широкомъ развитіи свободы, они представляютъ значительную опасность, и вообще для порядка и въ особенности для представительныхъ учрежденій. Политическая свобода требуетъ организованныхъ партій, безъ которыхъ невозможна совокупная дѣятельность; но средоточіемъ ихъ должно быть представительное собраніе. Во главѣ партій должны стоять признанные вожди большинства и меньшинства. Товарищества же образуютъ организованную силу, существующую помимо собранія, дѣйствующую неправильно, имѣющую своихъ особенныхъ вождей, которымъ партіи принуждены дѣлать уступки, чтобы получить ихъ поддержку. Товарищества могутъ иногда быть полезны для разработки отдѣльныхъ

вопросовъ или для распространенія мысли, не получившей еще должнаго вѣса въ представительствѣ. Такова была въ Англіи лига для отмѣны хлѣбныхъ законовъ. Но когда они съ экономическаго поприща переходятъ на политическое, они слишкомъ легко становятся орудіемъ не только волненій, но и возстаній.

Лучшимъ подтвержденіемъ этихъ мыслей могутъ служить слова Вашингтона въ его прощальномъ адресѣ согражданамъ. «Всякое противодѣйствіе исполненію законовъ, говоритъ онъ, всякое общество, имѣющее цѣлью затруднить или задержать дѣятельность установленнаго правительства, противорѣчатъ положенному нами началу. Такія общества служатъ средствомъ для организаціи факцій, придавая имъ чрезмѣрную и искусственную силу; на мѣсто воли народа, выраженной его представителями, они ставятъ волю партіи, слабаго, но лукаваго меньшинства. Люди честолюбивые, ловкіе, безъ правилъ, люди, которые въ послѣдствіи сами готовы уничтожить орудія, служившія имъ для достиженія неправеднаго владычества, могутъ воспользоваться этими обществами, чтобы похитить народную власть и овладѣть браздами правленія».

На этихъ основаніяхъ, всѣ законодательства въ свободныхъ государствахъ подвергаютъ политическія товарищества значительнымъ ограниченіямъ, въ видахъ охраненія общественнаго порядка и огражденія свободы отъ неправильной дѣятельности частныхъ скопищъ.

Наконецъ, намъ остается сказать нѣсколько словъ о правѣ прошенія, которое служитъ средствомъ для заявленія нуждъ, но можетъ быть обращено и въ орудіе политической дѣятельности. Право подавать верховной власти прошенія о своихъ нуждахъ и пользахъ дается гражданамъ, какъ въ самодержавныхъ государствахъ, такъ и въ представительныхъ. Но только въ послѣднихъ, оно можетъ имѣть собственно политическій характеръ; въ первыхъ же, подданнымъ не возбраняется прибѣгать къ верховной власти, но это право, по самому существу государственнаго устройства, касается только частныхъ и мѣстныхъ интересовъ. Общіе государственные вопросы изъемлются изъ вѣдѣнія лицъ и обществъ, ибо образъ правленія не допускаетъ здѣсь политической инціативы гражданъ. Потому, въ самодержавныхъ государствахъ, политическія прошенія всегда имѣютъ характеръ революціонный. Какъ всѣ неправильныя дѣйствія, они могутъ иногда быть оправданы чрезвычайными обстоятельствами, но во всякомъ

случаѣ не входятъ въ область законныхъ правъ. Въ представительныхъ государствахъ, напротивъ, вмѣстѣ съ политическою свободою, допускаются и прошенія съ политическимъ содержаніемъ. Они могутъ подаваться, какъ отъ частныхъ лицъ, такъ и отъ корпорацій или выборныхъ властей, напримѣръ, отъ общинныхъ совѣтовъ. Но только первыя входятъ въ кругъ правильной дѣятельности политической свободы. Выборныя собранія и власти имѣютъ свое опредѣленное вѣдомство; они вращаются въ чисто административной сферѣ. Выступленіе ихъ на политическое поприще извращаетъ настоящій ихъ характеръ, дѣлаетъ ихъ орудіями партій и затрудняетъ сношенія съ ними правительственной власти. Актъ политической свободы превращается въ дѣятельность оффиціальную, освященную постановленіями законныхъ органовъ управленія. Этихъ неудобствъ не имѣютъ прошенія частныхъ лицъ, которыя остаются такимъ же частнымъ политическимъ дѣйствіемъ, какъ и всякое другое заявленіе мнѣній. Однако и здѣсь могутъ быть столкновенія съ требованіями порядка. Когда подписка производится въ громадныхъ размѣрахъ и подача прошенія сопровождается демонстраціами, это право можетъ обратиться въ средство вынудить уступки посредствомъ внѣшняго напора на правительство или даже на представительное собраніе. Нерѣдко меньшинство взываетъ такимъ образомъ къ массамъ, чтобы страхомъ вырвать у большинства согласіе на извѣстныя мѣры. Это опять политическая дѣятельность неправильная, происходящая помимо представительства, или даже враждебная послѣднему. Однако тамъ, гдѣ господствуетъ политическая свобода, этихъ злоупотребленій невозможно устранить, не уничтожая самаго права. Это—орудіе законное, а иногда и полезное, ибо нерѣдко одни только значительныя заявленія общественнаго мнѣнія въ состояніи склонить искусственное большинство къ своевременнымъ реформамъ. Но часто эти громадныя демонстраціи сами бываютъ произведеніемъ искусственной агитаціи, о чемъ свидѣтельствуютъ прошенія хартистовъ въ Англіи. Нерѣдко также подобныя прошенія являются только предлогомъ для смутъ; исторія революцій представляетъ этому не одинъ примѣръ. Поэтому, законодательства стараются сдѣлать ихъ безвредными, постановляя нѣкоторыя условія, и запрещая подачу прошеній самими лицами, а еще болѣе толпою. Во всякомъ случаѣ, право прошенія ограничивается доведеніемъ просьбы до свѣдѣнія надлежащей власти, отъ которой зави-

сить дать ему или нѣтъ дальнѣйшее движеніе. Въ этомъ состоитъ существо права. Никогда и нигдѣ просители не допускаются къ защитѣ своихъ мнѣній. Поэтому, когда предлагается расширить право прошенія отдѣльныхъ обществъ или административныхъ собраній до законодательной иниціативы, обязательной для верховной власти, съ правомъ просителей участвовать въ самыхъ законодательныхъ преніяхъ, то въ этомъ можно видѣть только смѣшеніе политическихъ понятій. Въ самодержавныхъ государствахъ, ходъ прошеній, подаваемыхъ верховной власти, разумѣется, вполнѣ зависитъ отъ усмотрѣнія послѣдней; въ представительномъ устройствѣ, принятіе и разсмотрѣніе прошеній принадлежитъ къ существеннымъ правамъ законодательныхъ палатъ; однако, по исполнительнымъ дѣламъ, палаты не могутъ сами постановлять рѣшеній, а только передаютъ министрамъ просьбы, которыя онѣ считаютъ достойными вниманія, подкрѣпляя ихъ своимъ авторитетомъ.

Таковы личныя права гражданъ и тѣ ограниченія, которымъ они, въ большей или меньшей степени, подвергаются въ различныхъ государствахъ. Изъ всего сказаннаго ясно, что здѣсь главною гарантіею свободы служитъ независимый судъ. Народное представительство можетъ только обсуждать законы и преслѣдовать ихъ нарушеніе въ лицѣ министровъ; самое же приложеніе законовъ къ жизни прежде всего зависитъ отъ суда. А такъ какъ установленныя закономъ гарантіи имѣютъ силу только при хорошемъ исполненіи, то очевидно, что представительный порядокъ немыслимъ безъ независимаго и безпристрастнаго суда. Тамъ, гдѣ судъ не даетъ гражданамъ надлежащей защиты, на представительное собраніе возлагается неисполнимая задача. Всѣ обиженные обращаются къ нему, и оно принуждено вмѣшиваться во всѣ дѣла. Его образъ дѣйствія неизбѣжно становится революціоннымъ. Оно перестаетъ быть однимъ изъ органовъ верховной власти, а стремится захватить все управленіе въ свои руки. Этимъ искажается весь смыслъ представительнаго устройства, которое даетъ каждому органу свое назначеніе, восполняя и воздерживая ихъ другъ другомъ. Народное представительство не въ состояніи отвѣчать всѣмъ требованіямъ общества. Оно составляетъ высшую гарантію законнаго порядка, но эта гарантія предполагаетъ, что порядокъ уже существуетъ въ государствѣ, что онъ имѣетъ свои органы и свои пути. Прибѣжище къ представительству есть крайній случай;

вмѣшательство его умѣстно только въ высшей политической области. Въ обыкновенномъ же ходѣ жизни, въ приложеніяхъ закона, необходимо, чтобы и граждане и правительство находили надлежащее обезпеченіе взаимныхъ требованій и справедливое разрѣшеніе возникающихъ между ними столкновеній. Это можетъ дать имъ только судъ, главный хранитель права и закона. Поэтому, хорошее устройство суда сославляетъ предварительное условіе представительнаго порядка. Тамъ же, гдѣ судебныя учрежденія едва вырабатываются, гдѣ слишкомъ мало для нихъ элементовъ, гдѣ нѣтъ ни юристовъ, ни юриспруденціи, невозможно надѣяться на успѣхъ представительныхъ учрежденій. Это—требованіе преждевременное. Твердость правъ гражданскихъ должна предшествовать правамъ политическимъ. Если же общество будетъ искать высшихъ гарантій, не имѣя низшихъ, то результатомъ можетъ быть только всеобщій хаосъ.

Съ другой стороны, при наилучшемъ устройствѣ суда, безмѣрное расширеніе его вѣдомства можетъ обратиться во вредъ государству. Если правительственная власть, при всякомъ столкновеніи съ гражданами, должна подчиняться судебному рѣшенію, то независимость ея исчезаетъ. Администрація становится подчиненнымъ органомъ суда, который пріобрѣтаетъ верховное надъ нею право. Это несовмѣстно съ характеромъ и назначеніемъ, какъ той, такъ и другой отрасли государственной власти. Судья неспособенъ быть администраторомъ и не долженъ имъ быть; административные вопросы не подлежатъ его вѣдѣнію. Но такъ какъ администрація въ своей дѣятельности безпрерывно приходитъ въ столкновеніе съ гражданами, и эти вопросы нужно разрѣшать судомъ, то съ этою цѣлью устроиваются судилища особеннаго рода, такъ называемая административная юстиція. Правительство находитъ здѣсь гарантіи правильнаго рѣшенія, которыхъ нѣтъ въ обыкновенномъ судѣ; зато граждане гораздо менѣе обезпечены отъ произвола, ибо административная юстиція, по существу своему, всегда находится болѣе или менѣе подъ вліяніемъ правительства. Здѣсь опять нужно искать высшаго обезпеченія, состоящаго въ контролѣ палатъ надъ самимъ правительствомъ.

Такимъ образомъ, одна гарантія восполняетъ другую. Въ государствѣ нѣтъ ни одного начала, ни одного учрежденія, которое могло бы замѣнить всѣ остальныя и отвѣчать всѣмъ потребностямъ общественной жизни. Всѣ учрежденія тѣсно связаны другъ съ другомъ. Госу-

дарственная цѣль должна состоять въ томъ, чтобы каждое стояло на своемъ мѣстѣ, исполняя свое назначеніе, и чтобы всѣ въ совокупности шли согласно, имѣя въ виду общее благо. Это необходимо особенно въ представительномъ порядкѣ, который, раздѣляя власть и значительно усложняя отношенія, требуетъ, чтобы всѣ отдѣльные органы управленія получили надлежащее развитіе, безъ чего цѣлый организмъ не можетъ дѣйствовать правильно.

ГЛАВА 8.

МѢСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНІЕ.

Мы говорили уже о томъ, что [мѣстное самоуправленіе служитъ школою для самодѣятельности народа и лучшимъ практическимъ приготовленіемъ къ представительному порядку.] Многіе публицисты идутъ гораздо далѣе: они видятъ въ мѣстномъ самоуправленіи не только непремѣнное условіе, но и основаніе народнаго представительства. Утверждаютъ, что общая свобода должна вытекать изъ мѣстной, какъ изъ естественнаго корня, что представительныя учрежденія, имѣющія опору лишь въ атомистически раздробленномъ обществѣ и въ неорганизованномъ общественномъ мнѣніи, всегда остаются шаткими, и что одна корпоративная связь, образующая крѣпкіе союзы изъ самостоятельныхъ общинъ и областей, въ состояніи дать имъ прочность и силу. Защитники этихъ теорій считаютъ централизацію главнымъ врагомъ политической свободы. По ихъ мнѣнію, она дѣлаетъ народъ неспособнымъ къ правильной конституціонной жизни и порождаетъ лишь деспотизмъ и революціи. Въ подкрѣпленіе этихъ мыслей, ссылаются на примѣръ Франціи, гдѣ свобода не можетъ упрочиться, будто бы вслѣдствіе излишней централизаціи, тогда какъ въ Англіи, напротивъ, сила парламента покоится на прочной основѣ мѣстнаго самоуправленія. Нѣкоторые указываютъ при этомъ и на особенный характеръ англійскихъ областныхъ учрежденій: мѣстное самоуправленіе состоитъ здѣсь въ безвозмездномъ отправленіи должностей высшими классами, которые, исполняя общественныя обя-

занности, тѣмъ самымъ пріобрѣтаютъ политическія права. Это устройство выдается за образцовое и выставляется въ примѣръ другимъ государствамъ. Гнейстъ, пустившій въ ходъ эту мысль, видитъ въ подобныхъ учрежденіяхъ единственную возможность дать прочныя основы народному представительству.

Разсматривая этотъ вопросъ, надобно прежде всего устранить указаніе на Англію. Англійское областное устройство составляетъ особенность этой страны; оно связано со всею ея жизнью, оно вытекло изъ мѣстныхъ обстоятельствъ, но отнюдь не способно служить нормою и образцомъ для другихъ. Главное зерно самоуправленія заключается здѣсь въ учрежденіи мировыхъ судей, соединяющихъ съ себѣ судебную власть съ административною. Они назначаются не по выбору, а отъ правительства, по представленію лорда-лейтенанта. Однако, это не даетъ центральной власти вліянія на мѣстное управленіе, ибо мировыми судьями назначаются независимые, мѣстные землевладѣльцы въ неопредѣленномъ количествѣ; всякій джентльменъ, занимающій извѣстное положеніе въ обществѣ, легко можетъ поступить въ ихъ число. Нужно только пріобрѣсти рекомендацію лорда-лейтенанта; отъ правительства же никогда не бываетъ отказа.

Очевидно, что такое устройство носитъ на себѣ чисто аристократическій характеръ. Выборное начало устранено совершенно, съ цѣлью сдѣлать высшіе классы вполнѣ независимыми отъ низшихъ. Назначеніе судей правительствомъ, съ своей стороны, не ставитъ ихъ въ подчиненное отношеніе къ центральной власти, а служитъ только огражденіемъ мѣстной администраціи отъ наплыва недостойныхъ элементовъ и отъ вліянія демократическихъ началъ. Главное же лице, отъ котораго зависитъ весь составъ управленія, и которое охраняетъ его чистоту и самостоятельность, есть лордъ-лейтенантъ, обыкновенно перъ, назначаемый въ эту должность пожизненно. Безъ этого аристократическаго главы, все учрежденіе потеряетъ свой характеръ; оно неизбѣжно станетъ въ зависимость или отъ правительства или отъ избирателей. Но по этому самому, подобное устройство немыслимо тамъ, гдѣ нѣтъ наслѣдственной аристократіи, занимающей высшее положеніе въ государствѣ, и способной стоять во главѣ мѣстнаго управленія, имѣя въ виду не свои, а общіе интересы.

Учрежденіе англійскихъ мировыхъ судей нельзя назвать образцовымъ и въ практическомъ отношеніи. Высшіе классы охотно управля-

ютъ общественными дѣлами, отказываясь отъ всякаго вознагражденія, когда это не стоитъ имъ большаго труда, или когда они занимаютъ должности особенно почетныя. Но вездѣ, гдѣ есть значительная работа, нужна спеціальность знаній и занятій, необходимо и вознагражденіе. Поэтому въ Англіи, должность столичныхъ мировыхъ судей соединена съ жалованьемъ. Въ областяхъ же, легко исправлять эту должность даромъ. Мировыхъ судей множество; никто изъ нихъ не имѣетъ опредѣленныхъ обязанностей; всякій дѣлаетъ что хочетъ, и отлучается, когда ему угодно. Главныя занятія состоятъ въ еженедѣльныхъ съѣздахъ для мелкихъ дѣлъ и большихъ съѣздахъ четыре раза въ годъ. При незначительности разстояній, при удобствѣ сообщеній, это не составляетъ большаго труда, тѣмъ болѣе, что нѣтъ непремѣнной обязанности присутствовать на съѣздахъ. Иногда и отдѣльные судьи наказываютъ мелкіе проступки; но въ такомъ случаѣ, приглашается первый, кто попадется, кто окажется свободнымъ. Постоянной необходимости засѣдать въ судѣ и здѣсь нѣтъ.

Такое устройство, при такихъ легкихъ обязанностяхъ, далеко не обезпечиваетъ правильнаго рѣшенія дѣлъ. Можно себѣ представить, каково было бы положеніе суда, и въ какую зависимость были бы поставлены низшіе классы отъ высшихъ, еслибы, напримѣръ у насъ, первый встрѣчный помѣщикъ могъ быть судьею всякаго мелкаго проступка, совершеннаго крестьяниномъ. Въ Англіи, особенно въ прежнее время, интересы землевладѣльцевъ охранялись съ неумолимою строгостью и часто съ неограниченнымъ произволомъ. Помѣщикъ сидѣлъ у себя въ покояхъ; собственный его лѣсничій или сторожъ приводилъ къ нему провинившихся, и здѣсь онъ расправлялся съ ними по усмотрѣнію. Конечно, осужденному всегда открыта возможность жаловаться; но это требуетъ издержекъ, и притомъ жалоба подается съѣзду тѣхъ же землевладѣльцевъ, которыхъ интересы солидарны. Въ настоящее время, нравы смягчили суровость и произволъ наказаній; мировые судьи имѣютъ и болѣе образованія, нежели прежде. Однако, далеко нельзя утверждать, что всякій человѣкъ, имѣющій нѣкоторое положеніе въ обществѣ, свѣдущъ въ законахъ и способенъ быть хорошимъ судьею. Въ случаѣ одиночнаго суда, безъ всякой публичности, для обвиненнаго нѣтъ никакой гарантіи. На рѣшенія мелкихъ съѣздовъ слышатся также сильныя жалобы. Даже и на четвертныхъ съѣздахъ, гдѣ больше людей и болѣе гласности, случают-

ся иногда самыя странные промахи. [1]. Какъ и естественно въ ихъ положеніи, мировые судьи вообще руководятся болѣе практическими взглядами и полицейскими соображеніями, нежели требованіями права. Главныя обязанности лежатъ на председателѣ, который заправляетъ ходомъ дѣлъ, и даетъ наставленія присяжнымъ. Все это требуетъ значительнаго умѣнія и знанія законовъ. Не спеціалисту трудно за это взяться, тѣмъ болѣе, что здѣсь рѣшаются весьма значительныя дѣла: мировые съѣзды могутъ подвергать преступниковъ даже ссылкѣ на острова Южнаго океана. Между тѣмъ, председателемъ съѣзда обыкновенно выбирается одинъ изъ самыхъ богатыхъ землевладѣльцевъ графства, который часто вовсе къ этому не готовился и не имѣетъ ни свѣдѣній, ни способностей, нужныхъ для судьи. Понятно, какъ при этомъ идутъ дѣла, особенно въ первые годы, пока председатель не успѣлъ пріобрѣсти достаточной опытности. Зло смягчается отчасти хорошимъ устройствомъ адвокатуры. Адвокаты, знакомые съ практикою, пріѣзжаютъ на засѣданія изъ столицы, что опять весьма легко при удобствѣ сообщеній. Но главная работа лежитъ на секретаряхъ. Это обыкновенное послѣдствіе безвозмезднаго управленія высшихъ классовъ, не имѣющихъ спеціальнаго приготовленія, и не желающихъ обременять себя лишнимъ трудомъ. Дѣла попадаютъ въ руки дѣльцевъ, болѣе дѣятельныхъ, посвящающихъ себя исключительно своему занятію и получающихъ за это вознагражденіе. Владычество высшихъ классовъ слишкомъ часто обращается въ господство секретарей. Въ Англіи, условія для аристократическаго управленія благопріятнѣе, нежели гдѣ либо, но и здѣсь, секретари мировыхъ судей имѣютъ огромное вліяніе на дѣла. Особенно областной секретарь, clerk of the peace, назначаемый лордомъ-лейтенатомъ, бываетъ чуть ли не настоящимъ правителемъ графства.

При всѣхъ своихъ недостаткахъ, учрежденіе мировыхъ судей, одушевленное просвѣщеннымъ духомъ англійской аристократіи, приноситъ свою пользу. Оно тѣсно связано со всѣмъ устройствомъ Англіи, гдѣ аристократія составляетъ настоящее правительство. Тоже самое

[1]) Говорю это на основаніи личнаго опыта; я имѣлъ случай видѣть вблизи дѣятельность англійскихъ мировыхъ судей, отдаю полную справедливость ихъ образованности и въ особенности ихъ радушію и гостепріимству, но не могу скрыть недостатковъ, присущихъ самому учрежденію.

сословіе, которое господствуетъ въ центрѣ, владычествуетъ и на мѣстахъ. Къ высшей аристократіи примыкаетъ весь землевладѣльческій классъ, связанный съ нею нравами, понятіями, интересами и даже родствомъ. Поэтому, мѣстное самоуправленіе Англіи нельзя, въ собственномъ смыслѣ, назвать независимостью мѣстной жизни отъ центра. Это скорѣе независимость господствующаго сословія, какъ отъ правительственной бюрократіи, такъ и отъ демократическаго выборнаго начала. Когда Гнейстъ выдаетъ это устройство за типъ всякаго самоуправленія, то въ этомъ взглядѣ можно видѣть только односторонность, въ которую естественно впадаютъ самые почтенные ученые, занимаясь любимымъ предметомъ. Перенесеніе этихъ началъ на другія государства совершенно немыслимо. Одна безвозмездность должностей, безъ окружающей обстановки, безъ историческихъ и практическихъ условій, дѣлающихъ ее безвредною, породитъ только небрежное отправленіе дѣлъ, дастъ силу низшимъ чиновникамъ и устранитъ людей способныхъ, которымъ средства не позволяютъ посвящать себя общественнымъ дѣламъ, бросая свои собственныя. Чѣмъ бѣднѣе страна, чѣмъ менѣе высшіе классы обладаютъ избыткомъ богатства, тѣмъ это послѣднее обстоятельство будетъ дѣйствовать сильнѣе. Владѣльцы майоратовъ, каковы англійскіе помѣщики, имѣютъ возможность безвозмездно работать для общества; но при раздѣлѣ имѣній, это вовсе не такъ легко, ибо каждый долженъ прежде всего трудиться для себя. Можно согласиться только съ тѣмъ, что въ странахъ, гдѣ существуетъ богатая и просвѣщенная аристократія, безвозмездное отправленіе общественныхъ должностей несомнѣнно даетъ ей сильное вліяніе въ областяхъ. Въ этомъ отношеніи, Гнейстъ справедливо указываетъ на отличіе англійской аристократіи отъ континентальной. Первая никогда не уклонялась отъ своихъ общественныхъ обязанностей, не отбывала отъ податей и даромъ исправляла должности. При этихъ только условіяхъ, она могла остаться во главѣ народа. Однако и здѣсь, Гнейстъ идетъ слишкомъ далеко, когда онъ утверждаетъ, что самыя политическія права вытекаютъ изъ обязанностей. Исполненіе обязанностей служитъ орудіемъ вліянія, а не источникомъ права. Права свои англійская аристократія пріобрѣла инымъ путемъ. Это доказываетъ исторія.

Въ самой Англіи, это устройство областнаго управленія уступаетъ мѣсто иному порядку, съ тѣхъ поръ какъ владычество аристократіи

замѣняется преобладаніемъ среднихъ классовъ. Въ мѣстное самоуправленіе вводятся, съ одной стороны, выборное начало, съ другой стороны, контроль центральной власти. Эти преобразованія были вызваны практическими потребностями и особенно плохимъ состояніемъ мѣстной администраціи подъ управленіемъ мировыхъ судей. Въ этомъ отношеніи, можно сослаться на парламентскія слѣдствія, которыя побудили къ реформамъ, напримѣръ, на доклады коммиссій о мѣстной полиціи, о благотворительности. Извѣстно, въ какомъ положеніи находилась послѣдняя до преобразованія 1833 года. Новое направленіе англійскаго законодательства идетъ не къ развитію, а къ стѣсненію учрежденія мировыхъ судей, которое сами англійскіе юристы далеко не считаютъ образцовымъ. Гнейстъ видитъ въ этомъ упадокъ Англіи, разложеніе крѣпкаго ея устройства; онъ приходитъ даже къ тому заключенію, что королева должна освободиться изъ подъ вліянія парламентскаго большинства, зараженнаго континентальными понятіями, и посредствомъ личнаго: «я хочу» возстановить прежній порядокъ. Но это – самъ себѣ противорѣчающій выводъ изъ односторонней теоріи; господство личной воли никогда не служитъ залогомъ силы парламентскихъ учрежденій. Въ дѣйствительности, самостоятельность мѣстнаго управленія въ рукахъ высшаго сословія не составляетъ необходимаго условія политической свободы. Могущество англійскаго парламента основано не на немъ. Оно вытекло изъ вооруженной силы бароновъ въ средніе вѣка, изъ двухъ революцій, которыми началась новая исторія, наконецъ, изъ послѣдовавшаго за тѣмъ водворенія иностранной династіи, не имѣвшей корня въ странѣ. Особенная организація областнаго управленія вовсе не имѣла того преобладающаго политическаго значенія, какое ему приписываетъ Гнейстъ. Еслибы на немъ основывалась сила представительства, то вопросъ о мѣстномъ самоуправленіи былъ бы однимъ изъ важнѣйшихъ предметовъ спора между короною и палатами, въ то время какъ они препирались за власть. Но на это нѣтъ ни малѣйшаго указанія, между тѣмъ какъ вопросы о взиманіи податей, о правѣ ареста, о постоянной арміи, стоятъ на первомъ планѣ. Мѣстное управленіе находилось подъ значительнымъ вліяніемъ короля, когда монархическое начало было преобладающимъ. Оно досталось въ руки аристократіи, когда послѣдняя, одолѣвъ королевскую власть, стала во главѣ управленія. Въ новѣйшее время, оно естественно измѣняется,

по мѣрѣ того, какъ другіе элементы пріобрѣтаютъ большее политическое значеніе. Преобладаніе среднихъ классовъ точно также проявилось сначала въ высшей области; оно установилось посредствомъ парламентской реформы, и затѣмъ уже перешло въ мѣстное управленіе.

Эти перемѣны обозначаютъ то основное политическое правило, что мѣстное управленіе должно согласоваться съ центральнымъ. Государство требуетъ единства дѣйствія, не только во внѣшнихъ сношеніяхъ, но прежде всего, въ ходѣ внутреннихъ дѣлъ. Самое внѣшнее единство зависитъ отъ внутренняго; на послѣднемъ основана вся сила государства. Внутреннее же единство состоитъ не только въ установленіи общей политической связи и въ подчиненіи всѣхъ частей общему закону и единой власти, а главнымъ образомъ, въ общеніи всѣхъ интересовъ. Это одно образуетъ изъ государства цѣльное тѣло, организмъ народной жизни. Чисто политическое единство даетъ только форму, которая можетъ совокуплять въ себѣ самыя разнородныя части; согласіе же частей съ цѣлымъ установляется управленіемъ общими внутренними интересами, то есть, единствомъ административнымъ. И въ этой области необходимо начало свободы. Администрація не должна быть искусственнымъ механизмомъ, насильственно наложеннымъ на страну, и подводящимъ все подъ одинъ уровень. Отдѣльныя мѣстности имѣютъ свои особенныя нужды, которыя лучше всего удовлетворяются мѣстнымъ самоуправленіемъ. Но съ другой стороны, мѣстные интересы находятся въ тѣсной связи съ общими. Область или община не составляетъ оторванной части государственнаго тѣла; это живой членъ, находящійся во взаимнодѣйствіи съ другими. Поэтому, самоуправленіе не можетъ быть исключительнымъ началомъ мѣстныхъ учрежденій; оно должно согласоваться съ дѣятельностью центральныхъ органовъ и во многихъ отношеніяхъ подчиняться послѣднимъ, такъ какъ части подчиняются цѣлому. Это одно можетъ сообщить государственной жизни надлежащую гармонію и единство.

Отъ этого согласія зависитъ и сила власти, которая должна имѣть возможность безпрепятственно дѣйствовать по всему государству. Изъ центра идутъ только предписанія; самое же исполненіе происходитъ на мѣстахъ. Полное развитіе мѣстнаго самоуправленія, съ уничтоженіемъ всякой централизаціи, ведетъ къ тому, что правительство лишается средствъ дѣйствовать въ областяхъ. Если оно и со-

храняетъ нѣкоторые органы, то они не могутъ служить ему опорою, когда они завѣдываютъ ничтожнымъ количествомъ дѣлъ и лишены влiянiя на остальныя. Но правительство, которое безсильно въ административной сферѣ, является таковымъ же и въ политической, ибо политика и администрацiя тѣсно связаны между собою. Администрацiя доставляетъ политикѣ необходимыя для нея средства. Это двѣ области, которыя безпрерывно переходятъ другъ въ друга; ихъ нѣтъ возможности разграничить точнымъ образомъ, ибо общественная жизнь, какъ и всякая другая, состоитъ въ безпрерывномъ взаимнодѣйствiи всѣхъ органовъ и отправленiй. Администрацiя содержитъ въ себѣ ту сторону государственной дѣятельности, которая ближе всего касается народа, которая приходитъ съ нимъ въ непосредственное соприкосновенiе. Поэтому, въ ней болѣе всего выражается постоянная сила власти; она доставляетъ наиболѣе прочное влiянiе. Кто хозяинъ въ государствѣ, тотъ необходимо долженъ быть хозяиномъ и въ администрацiи.

Отсюда очевидно, что устройство мѣстной администрацiи зависитъ прежде всего отъ образа правленiя. Въ республикѣ, свобода составляетъ основное начало государственной жизни; поэтому здѣсь, мѣстное самоуправленiе можетъ достигнуть самыхъ широкихъ размѣровъ. Однако, полное развитiе этого начала и тутъ ведетъ къ федерацiи. Въ областяхъ образуются отдѣльныя группы силъ, которыя, опираясь на свободу, естественно стремятся къ большей или меньшей политической самостоятельности. Федеративная республика — настоящая почва мѣстнаго самоуправленiя; здѣсь оно безвредно, ибо согласуется съ верховнымъ началомъ государственной жизни. Но единичная республика едва ли можетъ допустить его въ слишкомъ значительной степени. Крайнее развитiе свободы, присущее демократiи, неизбѣжно ведетъ къ разложенiю государственнаго организма. Чтобы противодѣйствовать этому, нужна сильная власть; но она немыслима безъ централизацiи.

Въ аристократическомъ государствѣ, мѣстное самоуправленiе состоитъ въ господствѣ высшихъ классовъ, которые своимъ корпоративнымъ духомъ сохраняютъ надлежащее единство въ управленiи. Мы видѣли это на примѣрѣ Англiи. Сила правительства заключается здѣсь въ поддержкѣ, которую доставляютъ ему люди, связанные съ нимъ общими стремленiями и интересами. Напротивъ, господство

монархическаго начала неизбѣжно ведетъ къ владычеству бюрократіи, которая составляетъ настоящее орудіе монархической власти въ административной области. Народное правительство опирается на массу, аристократическое на своихъ сочленовъ; монархическое должно создать себѣ особые органы, вполнѣ ему подчиненные, черезъ которыхъ оно можетъ дѣйствовать на подданныхъ. Отрѣшенность бюрократіи отъ народной жизни составляетъ присущій ей недостатокъ; но это—неизбѣжное послѣдствіе монархическаго начала, создающаго власть, независимую отъ народа. Невозможно отвергать бюрократію, не обрекая монархіи на полное безсиліе. Притомъ, эта отрѣшенность имѣетъ и свои выгоды. Она ставитъ управленіе общественными дѣлами выше всякихъ частныхъ интересовъ; она дѣлаетъ его независимымъ отъ духа сословій, партій, или отъ деспотизма какого бы то ни было большинства. Въ монархической странѣ, бюрократія является настоящимъ связующимъ элементомъ государственной жизни. Общественное зданіе держится не одними только неопредѣленными стремленіями и чувствами, разлитыми въ народѣ, а прежде всего, организованными силами, которыя однѣ въ состояніи дать ему надлежащую крѣпость и единство. Въ аристократическихъ государствахъ, такимъ связующимъ элементомъ является высшее сословіе, которое, нося въ себѣ корпоративный духъ, и господствуя какъ въ центрѣ, такъ и въ областяхъ, составляетъ дѣйствительную силу, объединяющую землю. Въ монархіи, гдѣ нѣтъ владычествующей аристократіи, эту роль можетъ исполнить одна бюрократія, которая подчиняетъ всѣ части центру и центральную волю разноситъ по всѣмъ концамъ земли.

Господство бюрократіи не исключаетъ однакоже извѣстной степени мѣстнаго самоуправленія. Свобода всегда составляетъ существенный элементъ государственной жизни и скорѣе всего она можетъ проявляться въ мѣстной администраціи, которая близко касается всѣхъ. Даже неограниченная монархія допускаютъ ту долю самоуправленія, которая совмѣстна съ силою власти и съ потребностями порядка. Мѣстная свобода имѣетъ здѣсь тѣмъ большее значеніе что въ ней заключается необходимое противодѣйствіе безмѣрному владычеству бюрократіи, которое всегда ведетъ къ злоупотребленіямъ. При отсутствіи народнаго представительства, единственною сдержкою можетъ служить выборное начало, предоставляющее гражданамъ уча-

стіе въ мѣстныхъ дѣлахъ. Только этимъ путемъ достигается въ чистой монархіи соглашеніе свободы съ порядкомъ, составляющее цѣль всякаго общества.

Еще большее развитіе можетъ получить мѣстное самоуправленіе въ конституціонной монархіи, гдѣ самая верховная власть основана на идеѣ соглашенія различныхъ общественныхъ элементовъ. Если мѣстныя учрежденія должны сообразоваться съ существомъ верховной власти, то здѣсь, устройство ихъ должно быть основано на сочетаніи выборнаго начала съ бюрократическимъ. Первое вытекаетъ изъ свободы, второе необходимо и въ представительномъ государствѣ, чтобы дать надлежащую силу правительственной власти. Однако, это правило приложимо не вездѣ: тамъ, гдѣ въ конституціонной монархіи преобладаетъ аристократическій элементъ, онъ долженъ господствовать и въ мѣстномъ управленіи; это мы именно и видимъ въ Англіи. Въ странахъ же, гдѣ исторія не создала политической аристократіи, гдѣ конституціонный порядокъ основанъ на владычествѣ среднихъ классовъ, естественно водворяется означенное сочетаніе выборнаго элемента съ правительственнымъ. Послѣдній тѣмъ необходимѣе, что средніе классы неспособны быть связующею силою въ государствѣ. Они слишкомъ многочисленны и не обладаютъ тѣмъ крѣпкимъ корпоративнымъ духомъ, который составляетъ принадлежность аристократіи. Если они соединяютъ собою противоположныя крайности общественнаго быта, то это значеніе достается имъ именно вслѣдствіе ихъ подвижности, разнообразія, вслѣдствіе отсутствія въ нихъ всякой внутренней организаціи. Демократическій ихъ характеръ ведетъ къ тому, что самоуправленіе основывается у нихъ на выборномъ началѣ; но, водворяясь въ мѣстныхъ учрежденіяхъ, оно создаетъ самостоятельные центры, не связанные между собою. Центральное представительство не въ состояніи соединить ихъ въ одно органическое цѣлое: вѣдомство его ограничивается законодательствомъ, а потому слишкомъ отвлеченно; оно не управляетъ дѣлами и не имѣетъ непосредственнаго вліянія на мѣстные органы. Только правительственная власть, которой преимущественно принадлежитъ практическая дѣятельность въ государствѣ, способна дать общественному организму надлежащее единство; но для этого, она должна имѣть въ областяхъ свои органы и значительную степень вліянія на дѣла. Въ большомъ государствѣ, преобладаніе среднихъ классовъ и разви-

тіе выборнаго начала непремѣнно сопровождаются соотвѣтсвующимъ развитіемъ бюрократіи.

Изъ этого ясно, что въ конституціонной монархіи, основанной на господствѣ среднихъ классовъ, должна существовать бо́льшая или меньшая степень централизаціи въ управленіи. По примѣру Токвиля, централизацію нерѣдко раздѣляютъ на административную и политическую, признавая только послѣднюю, и отвергая первую. Но если все сказанное доселѣ справедливо, то административная централизація всегда имѣетъ и политическое значеніе. Она́ одна даетъ правительству надлежащую силу и обезпечиваетъ исполненіе, какъ законовъ, такъ и общихъ мѣръ, принимаемыхъ верховною властью. Это относится особенно къ представительному порядку. Здѣсь всякое постановленіе законодательныхъ собраній является результатомъ борьбы и торжества одной партіи надъ другою. Между тѣмъ, побѣжденное въ палатахъ меньшинство можетъ быть владычествующимъ во многихъ мѣстностямъ. Очевидно, что оно весьма неохотно будетъ прилагать законы, которымъ оно противилось всѣми средствами. Представительное собраніе безсильно противъ такого недостатка доброй воли, ибо оно принудительной власти не имѣетъ и не контролируетъ мѣстнаго управленія. Поэтому, необходимо вооружить достаточною силою правительственную власть, которая одна можетъ вынуждать исполненіе законовъ и отвѣчаетъ за это передъ палатами. Соединенная съ отвѣтственностью министровъ, централизація даетъ народному представительству вліяніе на внутреннія дѣла, тогда какъ развитіе мѣстной автономіи, напротивъ, ведетъ къ образованію въ областяхъ отдѣльныхъ оппозиціонныхъ центровъ, которые могутъ дѣйствовать совершенно наперекоръ общему духу законодательства и управленія. Въ крайнихъ случаяхъ, это можетъ повести даже къ отторженію областей или къ междоусобіямъ.

Поучительный примѣръ вреда, приносимаго излишнею децентрализаціею, представляетъ Франція во времена первой революціи. Подъ вліяніемъ либеральныхъ идей XVIII-го вѣка, мѣстное управленіе получило здѣсь полную самостоятельность; но послѣдствіемъ было безсиліе центральной власти противъ враждебнаго настроенія провинцій. Лишенное законныхъ орудій, правительство принуждено было прибѣгать къ революціоннымъ мѣрамъ, чтобы возстановить свое значеніе и вынудить исполненіе своихъ предписаній. Этому въ значитель-

ной степени слѣдуетъ приписать ужасы терроризма. Если позднѣйшія революціи во Франціи не производили такихъ глубокихъ и продолжительныхъ потрясеній, если онѣ обходились относительно легко, то Франція болѣе всего обязана этимъ централизаціи, которая не давала смутамъ распространяться въ областяхъ и поддерживала общественное зданіе при паденіи верховной власти. Чѣмъ обширнѣе государство, чѣмъ новѣе въ немъ политическій порядокъ, чѣмъ болѣе потребности сдерживать отдѣльныя части, тѣмъ сильнѣе должна быть правительственная власть, и потому тѣмъ болѣе должна быть развита централизація. Она одна въ состояніи противодѣйствовать и внутренней розни и сепаратизму, которымъ мѣстное самоуправленіе даетъ полный просторъ.

Противъ этого возражаютъ, что вручая правительству громадную силу, централизація убиваетъ свободу. Всемогущая администрація можетъ употребить во зло свое преобладаніе. Правительству легко воспользоваться имъ для низверженія законнаго порядка, или же, сохраняя призракъ представительства, оно можетъ дѣйствіемъ на выборы всегда получить покорное себѣ большинство. Наконецъ, отучая народъ отъ самодѣятельности, побуждая его во всемъ полагаться на власть, централизація тѣмъ самымъ подрываетъ корень свободы. Лишенныя самостоятельной жизни, провинціи слѣдуютъ рабски велѣніямъ столицы, куда притягиваются всѣ живые соки земли, тогда какъ на концахъ все коснѣетъ въ мелкихъ интересахъ и въ общей апатіи.

Что касается до возможныхъ злоупотребленій централизаціи, то въ конституціонной монархіи, лучшею сдержкою служитъ представительное собраніе, передъ которымъ министры отвѣтствуютъ за свое управленіе. Сильное и беззастѣнчивое правительство можетъ, конечно, устранить эту гарантію, низвергнувъ законный порядокъ; но это дѣлается не посредствомъ централизаціи, а съ помощью военной силы. Въ такомъ случаѣ, хранителемъ народной свободы могутъ быть не мѣстныя собранія, имѣющія ограниченный кругъ дѣйствія, а общій духъ народа, который, вселяясь и въ войско, дѣлаетъ невозможнымъ ниспроверженіе закона. Духъ свободы несомнѣнно питается и укрѣпляется, между прочимъ, развитіемъ мѣстнаго самоуправленія; но это далеко не первое и не важнѣйшее условіе. Исторія показываетъ неоднократные примѣры правительствъ, которыя падали при сильнѣй-

шей централизація, когда общество было противъ нихъ. Тамъ, гдѣ свободныя учрежденія находятъ опору въ общихъ интересахъ и дружной дѣятельности классовъ, принимающихъ участіе въ политической жизни, централизація не въ состояніи подавить стремленій и требованій общества. Поэтому, она не можетъ имѣть и безусловнаго вліянія на выборы. Безъ сомнѣнія, правительство, владѣющее такимъ орудіемъ, имѣетъ значительное преимущество передъ противниками. Но это — законное превосходство всякаго существующаго порядка, который держится крѣпкими корнями, тогда какъ новое направленіе должно съ трудомъ пробивать себѣ дорогу. Въ этомъ состоитъ лучшій залогъ прочности учрежденій. Еслибы власть имѣла равные шансы съ оппозиціею, она была бы слишкомъ измѣнчива; ее было бы легко поколебать. Самая польза государства требуетъ, чтобы она уступала единственно въ томъ случаѣ, когда, не смотря на свои преимущества и усилія, она оказывается несостоятельною передъ общественнымъ голосомъ. Во Франціи, при Бурбонахъ, мѣстное самоуправленіе вовсе не существовало; все было въ рукахъ правительства. А между тѣмъ, выборы не разъ бывали оппозиціонные, и если Карлъ X палъ, то виною было собственное его невниманіе къ общественному голосу, превозмогавшему давленіе централизованной администраціи. Исторія Франціи показываетъ, наконецъ, что централизація не уничтожаетъ въ народѣ и стремленія къ свободѣ. Съ 1815 до 1851 года, либеральное движеніе составляло главную пружину политической жизни Франціи. Передъ нимъ пали двѣ династіи, и если въ настоящее время наступила реакція, то вина лежитъ единственно въ избыткѣ свободы, наступившемъ послѣ февральской революціи.

Такимъ образомъ, вникая въ смыслъ историческихъ фактовъ, невозможно утверждать, что централизація губитъ политическую свободу. Напротивъ, во многихъ отношеніяхъ, она способствуетъ ея развитію. Конституціонный порядокъ держится не самостоятельностью мѣстнаго управленія, а общимъ духомъ, господствующимъ въ народѣ. Мѣстная жизнь вращается въ слишкомъ тѣсномъ кругѣ, въ слишкомъ мелочныхъ интересахъ. Создавая особые, мелкіе центры, она становится препятствіемъ объединенію мыслей и цѣлей, необходимому для представительнаго устройства. Централизація исправляетъ этотъ недостатокъ, указывая людямъ на общіе интересы, во имя которыхъ она дѣйствуетъ. Она выводитъ ихъ изъ тѣсной сферы и за-

ставляетъ самую свободу искать себѣ гарантій въ общихъ учрежденіяхъ и въ совокупной дѣятельности гражданъ. Мѣстное самоуправленіе даетъ просторъ свободѣ частной, но для политической нужно болѣе широкое основаніе. Общественное мнѣніе, на которомъ зиждется представительный порядокъ, образуется не изъ мѣстныхъ воззрѣній и интересовъ. Партіи, которыя играютъ здѣсь главную роль, имѣютъ также значеніе общее, а не мѣстное. Онѣ ведутъ борьбу на основаніи общей программы, одинаково повсюду. Поэтому, для политической жизни весьма важно существованіе центра, гдѣ мысли перерабатываются и объединяются, гдѣ сосредоточиваются главныя силы партій и происходитъ политическая борьба. Такое значеніе имѣетъ столица, которая создается централизаціею. Владычество столицы надъ общественнымъ мнѣніемъ служитъ самымъ могучимъ рычагомъ политической свободы, ибо оно сообщаетъ разсѣяннымъ мыслямъ силу и единство [1]). Это опять справедливо особенно тамъ, гдѣ владычествуютъ средніе классы, которые безъ подобнаго умственнаго центра остаются безсильными и безсвязными. Въ аристократической странѣ, значеніе столицы никогда не можетъ быть такъ велико, ибо аристократія всегда опирается на провинціи, гдѣ лежатъ ея помѣстья; отсюда распространяется ея вліяніе, которое оспориваетъ первенство у столицы. Но въ государствахъ, гдѣ господствуетъ равенство, гдѣ сословныя и корпоративныя связи исчезаютъ передъ личнымъ началомъ, и гдѣ, вслѣдствіе того, общество болѣе дробно, умственное владычество столицы является естественнымъ результатомъ такого порядка вещей, и если оно имѣетъ свои невыгоды, то съ другой стороны, въ этомъ заключаются неоспоримыя преимущества. Такую же роль играетъ столица въ странѣ мало образованной: немногія просвѣщенныя силы стекаются къ центру, откуда онѣ дѣйствуютъ на остальныя части. Можно положительно сказать, что Франція своимъ конституціоннымъ развитіемъ въ значительной степени обязана преобладанію Парижа и вообще, централизаціи; въ Германіи, напротивъ, разъединеніе страны влечетъ за собою шаткость свободы. Если вся сила представительныхъ учрежденій основана на общественномъ единствѣ, то, очевидно, необходимымъ условіемъ ихъ будетъ не раздро-

---

[1]) Много хорошихъ замѣчаній по этому вопросу содержитъ въ себѣ книга Дюпонъ-Вита: La liberté politique considerée dans ses rapports avec l'administration locale.

бленіе общества на отдѣльные центры, а подчиненіе всѣхъ частей общему средоточію.

Возраженія противъ централизаціи вообще грѣшатъ своею крайностью. Еслибы они ограничивались критикою излишней правительственной опеки, еслибы требовалась умѣренная доля мѣстнаго самоуправленія, дающая свободѣ надлежащій просторъ, то съ этимъ легко было бы согласиться, ибо свобода такъ же существенна въ конституціонной монархіи, какъ и сила власти. Государство должно искать гармоніи различныхъ общественныхъ элементовъ, а не чрезмѣрнаго перевѣса одного изъ нихъ. Но когда на централизацію сваливаютъ вину и промаховъ правительствъ и безсилія либерализма, когда современные французскіе либералы, горюя надъ павшимъ зданіемъ, ищутъ для него болѣе крѣпкихъ основъ въ мѣстной свободѣ, то въ этомъ можно видѣть только одностороннее увлеченіе. Недостатокъ общественнаго духа хотятъ замѣнить формальными правами, и требуютъ перестройки зданія, искажая естественное отношеніе частей. Мѣстная свобода можетъ быть основаніемъ общей только при союзномъ устройствѣ, гдѣ цѣлое слагается изъ частей, и гдѣ главныя средоточія политической жизни находятся въ областяхъ. Но въ единичномъ государствѣ, части служатъ только органами цѣлаго; политическая жизнь сосредоточивается здѣсь въ центрѣ, откуда она воздѣйствуетъ на области.

Къ тому же сводится и мнѣніе Гнейста, что основаніемъ представительнаго порядка должна быть корпоративная связь отдѣльныхъ мѣстностей. Въ единичномъ государствѣ, корпоративная связь общинъ и областей не имѣетъ политическаго значенія. Въ представительныхъ учрежденіяхъ дѣйствуютъ не корпораціи, а партіи и разлитое повсюду общественное мнѣніе. Усиливая части, корпораціи ослабляютъ цѣлое, что прямо противорѣчитъ цѣли представительства. Если Гнейстъ, въ подтвержденіе своего мнѣнія, ссылается на Англію, то этотъ примѣръ скорѣе можетъ привести къ противоположному заключенію. Корпоративное устройство предполагаетъ прежде всего привычку къ совокупной дѣятельности, къ управленію общими интересами; но въ англійскихъ графствахъ, общественныя дѣла находятся въ рукахъ землевладѣльцевъ, назначаемыхъ правительствомъ, а потому, политическіе избиратели связаны только подчиненіемъ общему управленію, а отнюдь не привычкою къ совокупной дѣятельности. Они соби-

раются единственно для выборовъ въ парламентъ, и не для чего другаго. Мѣстное самоуправленіе служитъ здѣсь только средствомъ для пріобрѣтенія высшими классами преобладающаго вліянія въ областяхъ, и въ этомъ отношеніи значеніе его несомнѣнно. Люди, безкорыстно и успѣшно завѣдывающіе мѣстными дѣлами, всегда пользуются довѣріемъ общества, которое охотно слушаетъ ихъ голосъ и слѣдуетъ ихъ руководству. Но въ такомъ случаѣ, это вовсе не основаніе представительства, а орудіе дѣятельности. Здѣсь нужно говорить не о мѣстной свободѣ, не о корпоративныхъ основахъ, а о способѣ пріобрѣтать вліяніе на избирателей.

При такой постановкѣ вопроса, можно спросить: не заслуживаетъ ли этотъ путь предпочтенія передъ другими, свободными способами дѣятельности, посредствомъ печати, собраній и товариществъ, и не доставляетъ ли онъ лучшимъ силамъ общества гораздо болѣе прочное владычество надъ умами? Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, нельзя не сказать, что вліяніе, пріобрѣтаемое хорошимъ управленіемъ мѣстными дѣлами, гораздо основательнѣе и прочнѣе того, которое достигается посредствомъ журналовъ и рѣчей. Въ занятіи общественнымъ дѣломъ выказывается весь характеръ человѣка, его практическій смыслъ, его способность дѣйствовать, и притомъ въ области доступной пониманію всѣхъ, тогда какъ писатель и ораторъ могутъ нерѣдко увлекать людей талантомъ къ блистательнымъ парадоксамъ, или угождая ихъ страстямъ. Еслибы въ представительномъ устройствѣ главная цѣль заключалась въ выборѣ достойныхъ людей, то мѣстное самоуправленіе несомнѣнно было бы для этого лучшимъ путемъ. Но въ политическихъ выборахъ, существенное состоитъ въ направленіи. Самый достойный человѣкъ будетъ отвергнутъ, если онъ принадлежитъ къ иной партіи, нежели та, которая господствуетъ среди избирателей. Дѣятельность, доставляющая политическое вліяніе— вовсе не управленіе мѣстными интересами, а участіе въ дѣлахъ государственныхъ. Въ представительномъ собраніи соединяются главныя силы партій; отсюда онѣ дѣйствуютъ на общество посредствомъ журналовъ, собраній и товариществъ. Какъ политическое орудіе, свободные способы дѣйствія имѣютъ несомнѣнное преимущество передъ мѣстнымъ самоуправленіемъ. Послѣднее, по самому существу своему, должно быть изъято отъ политической борьбы. Оно имѣетъ значеніе чисто административное и должно идти въ согласіи съ цѣлымъ. По-

этому, политическіе выборы должны происходить не изъ среды мѣстныхъ собраній, а совершенно помимо ихъ. Съ одной стороны, этого требуетъ самая польза мѣстной администраціи, которая искажается, когда въ нее вводится борьба политическихъ партій; съ другой стороны, это необходимо и для политическихъ выборовъ, которые черезъ это освобождаются изъ подъ вліянія мелкихъ мѣстныхъ интересовъ и получаютъ болѣе общій характеръ. Мѣстное управленіе должно быть нейтральною почвою, на которой проявляется соперничество только въ дѣятельности на общую пользу. Чѣмъ менѣе здѣсь господствуетъ духъ партій, тѣмъ лучше, тогда какъ въ центральномъ представительствѣ, партіи составляютъ основаніе всей политической жизни. Поэтому, мѣстное самоуправленіе можетъ быть только орудіемъ косвеннаго вліянія. Преобладающаго значенія въ представительномъ порядкѣ ему нельзя приписать. Главною движущею силою является здѣсь свободная дѣятельность мысли, а отнюдь не корпоративная связь общинъ и областей.

Однако и это правило не вездѣ имѣетъ одинакое приложеніе. Характеръ различныхъ классовъ, участвующихъ въ политической жизни, опять даетъ большее или меньшее значеніе тому или другому способу дѣятельности. Сельское населеніе мало читаетъ журналы и рѣдко участвуетъ въ политическихъ собраніяхъ. Оно скорѣе подчиняется руководству людей, которые стоятъ во главѣ мѣстнаго управленія. Городскіе жители, напротивъ, несравненно доступнѣе вліянію свободы слова. Поэтому, мѣстное самоуправленіе является преимущественно поприщемъ для аристократіи и развивается тамъ, гдѣ владычествуетъ послѣдняя. Для крупныхъ землевладѣльцевъ, это — главное средство сохранить свое вліяніе въ областяхъ. Напротивъ, съ преобладаніемъ среднихъ классовъ, мѣстное самоуправленіе теряетъ свое существенное значеніе и открывается обширное поле для другихъ путей. Корпоративная организація замѣняется соединеніемъ свободныхъ силъ.

ГЛАВА 9.

ПРИЧИНЫ, УСКОРЯЮЩІЯ И ЗАДЕРЖИВАЮЩІЯ ВВЕДЕНІЕ НАРОДНАГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА.

Въ предъидущихъ главахъ мы разсматривали общія условія народнаго представительства и указывали, какимъ образомъ они вырабатываются изъ естественнаго развитія народной жизни. Но исторія не всегда идетъ правильнымъ ходомъ. Воля человѣческая, примѣшиваясь къ событіямъ, даетъ имъ то или другое направленіе. Она не въ силахъ измѣнить историческіе законы, создать несуществующія условія, передѣлать общество по своему; жизнь всегда могущественнѣе отдѣльнаго лица, котораго всѣ усилія остаются безплодными, когда они идутъ наперекоръ дѣйствительности. Но старанія и ошибки людей могутъ видоизмѣнять естественный ходъ вещей, ускорять или задерживать явленія. Это элементъ второстепенный; но его нельзя упускать изъ виду при обсужденіи политическихъ вопросовъ. Кромѣ того, государство развивается и подъ вліяніемъ внѣшнихъ отношеній, при взаимнодѣйствіи съ другими. Общія историческія событія отражаются на внутреннемъ ходѣ народной жизни и нерѣдко вызываютъ явленія, которыя сами собою произошли бы или позднѣе, или въ иномъ видѣ. Это опять элементъ, который мы должны принять въ соображеніе, говоря объ условіяхъ представительнаго порядка.

Къ числу внѣшнихъ событій, которыя ускоряютъ водвореніе политической свободы, а нерѣдко и внезапно ее вызываютъ, принадлежатъ революціи, происходящія въ другихъ государствахъ. Исторія XIX-го столѣтія изобилуетъ примѣрами неудержимаго распространенія революціоннаго пламени изъ одной страны въ другую. Въ одномъ мѣстѣ вспыхнетъ искра, и повсюду видно уже зарево пожара. Нѣтъ сомнѣнія, что первое для этого условіе состоитъ въ накопленіи горючихъ матеріяловъ. Революція распространяется только тамъ, гдѣ для нея приготовлена почва, и не касается странъ, гдѣ согласіе

правительства и народа устраняетъ поводы къ внезапному взрыву. Въ 1848-мъ году, когда почти вся западная Европа была потрясена до основанія, Англія и Бельгія остались спокойными зрителями общаго крушенія. Еслибы для возбужденія революцій достаточно было заразительной силы человѣческихъ страстей, то малая Бельгія, съ юными учрежденіями, стоящая подъ бокомъ у великой, до глубины взволнованной страны, не могла бы избѣгнуть той же участи. Однако, она осталась непоколебимою. Слѣдовательно, и для приходящихъ извнѣ революцій необходимы внутреннія условія. Но несомнѣнно и то, что безъ внѣшняго толчка, внутреннія событія могли бы принять иной ходъ, болѣе правильный и мирный. Сила сообщающейся страсти увлекаетъ людей далеко за предѣлы того, что нужно, и заставляетъ ихъ предъявлять требованія, неосуществимыя при настоящихъ условіяхъ. Съ своей стороны, правительства, видя паденіе престоловъ и неудержимый разгаръ свободы, нерѣдко теряютъ голову и готовы все уступить. Когда же движеніе успокоилось, происходитъ реакція, которая возстановляетъ порванную нить исторіи, но часто также путемъ насилія или обмана, расточая не скоро исчезающія сѣмена неудовольствія.

При такихъ обстоятельствахъ, только твердость, благоразуміе и честность правительства могутъ спасти государство отъ глубокихъ потрясеній и отъ долгой внутренней борьбы. Если власть, при первомъ напорѣ, показываетъ малодушіе и отдаетъ себя въ руки революціи, смуты неизбѣжны. Ничѣмъ не сдержанныя страсти производятъ всеобщее броженіе, которое въ послѣдствіи приходится подавлять силою. Слабость правительства особенно непростительна, когда революціонное движеніе не имѣетъ корней въ народѣ. Общій потокъ революціи вызываетъ иногда чисто поверхностныя волненія, съ которыми легко справиться на первыхъ шагахъ. Здѣсь нужно имѣть вѣрное чутье народныхъ потребностей. Но если, какъ большею частью бываетъ, движеніе коренится въ глубоко распространенномъ неудовольствіи, въ насильно сдержанныхъ стремленіяхъ, которымъ внезапно открывается дорога, то необходимы уступки; этимъ только можно предотвратить потрясеніе. Нерѣдко приходится дѣлать ихъ даже болѣе, нежели нужно, чтобы успокоить взволнованное общество. Однако, отказываясь отъ прежней системы, вступая на новый путь, правительство, во всякомъ случаѣ, должно остаться

во главѣ движенія; иначе оно съ нимъ не справится. А для этого необходимо, чтобы оно подкрѣпило себя свѣжими силами, призвавши къ себѣ на помощь лучшихъ представителей либерализма. Съ старыми орудіями ничего нельзя сдѣлать; они привыкли къ иной системѣ и не пользуются общественнымъ довѣріемъ. Въ потрясенномъ государствѣ, одно только соединеніе всѣхъ здоровыхъ элементовъ въ состояніи упрочить порядокъ. Но это соединеніе тогда только принесетъ свои плоды, когда правительство относится честно къ принятому имъ направленію. Въ революціяхъ, послѣ слабости власти, всего гибельнѣе лицемѣрное ея поклоненіе либеральнымъ началамъ, при скрытой къ нимъ враждѣ. Это дѣлаетъ безплодными всѣ усилія честныхъ людей, примыкающихъ къ правительству, и готовыхъ помочь ему въ возстановленіи порядка. Коварная политика иногда вѣнчается успѣхомъ: свободныя учрежденія падаютъ, потому что не въ силахъ упрочиться при общественномъ броженіи и тайныхъ или явныхъ козняхъ правительства, но въ обществѣ вселяется недовѣріе и даже презрѣніе къ власти, которое въ послѣдствіи трудно искоренить. Честная попытка идти новымъ путемъ, даже при недостаточныхъ условіяхъ, благотворнѣе дѣйствуетъ на народъ, нежели лукавое безсиліе, которое дожидается своего часа, чтобы низвергнуть признанные имъ законы.

Другаго рода событія, которыя, такъ же какъ революціи, ускоряютъ иногда введеніе представительнаго порядка, суть несчастныя войны. Всякое пораженіе, въ которомъ болѣе или менѣе виновно правительство, возбуждаетъ неудовольствіе въ народѣ Неудачи раскрываютъ несостоятельность господствующей системы и заставляютъ желать исправленія недостатковъ. Нерѣдко само правительство, сознавая свои ошибки, ищетъ новыхъ путей, вводитъ новыя учрежденія. Однако, все это не ведетъ къ перемѣнѣ образа правленія, пока въ обществѣ не зародилось требованіе политической свободы. И здѣсь, внѣшнее событіе даетъ только бóльшую силу внутреннему движенію. Тамъ, гдѣ либеральныя стремленія пустили уже болѣе или менѣе глубокіе корни, несчастная война можетъ доставить имъ неожиданный успѣхъ. Она ослабляетъ правительство и усиливаетъ раздраженіе общества. Въ такомъ случаѣ, успокоить неудовольствіе и возстановить союзъ между правительствомъ и подданными можетъ только призваніе выборныхъ людей къ совѣту. Одно полное довѣріе

власти къ народу заставляетъ забыть ея неудачи. И въ этомъ случаѣ, необходимо для правительства обновленіе свѣжими силами, ибо прежніе люди слишкомъ легко подвергаются нареканіямъ, которымъ представительное собраніе даетъ полную волю. Порядокъ, оказавшійся несостоятельнымъ, неспособенъ выдержать напора свободы; онъ долженъ быть совершенно устраненъ и замѣненъ новыми элементами.

Такимъ образомъ, внѣшнія событія способствуютъ только раскрытію внутренняго разлада и приводятъ его къ болѣе быстрому исходу. Но введеніе представительства можетъ ускориться или замедлиться и отъ чисто внутреннихъ условій, съ одной стороны вслѣдствіе ошибокъ правительства, съ другой, вслѣдствіе ошибокъ либераловъ.

Ошибки правительства, вызывающія въ обществѣ желаніе политической свободы, бываютъ противоположнаго свойства: чрезмѣрное проявленіе силы или излишняя слабость. Правительство деспотическое, подавляющее свободу, заглушающее голосъ правды, произвольное и притѣснительное, непремѣнно возбуждаетъ противъ себя неудовольствіе. Народъ, привыкшій безмолвно преклоняться передъ властью, можетъ долго выносить подобный порядокъ вещей; но если въ немъ есть какія либо умственныя силы, онѣ становятся во враждебное отношеніе къ системѣ, которая не только останавливаетъ духовное развитіе народа, но окончательно ослабляетъ самое правительство, ибо государство не можетъ обойтись безъ содѣйствія просвѣщенной части общества, а просвѣщеніе требуетъ свободы. Чѣмъ сильнѣе гнетъ, тѣмъ живѣе чувствуется потребность инаго порядка, и лучшимъ лѣкарствомъ представляется устройство, которое даетъ самому обществу участіе въ верховной власти, ограждая такимъ образомъ свободу отъ произвола. При такомъ настроеніи умовъ, нуженъ какой либо поводъ, внѣшнее событіе или минута слабости правительства, чтобы вспыхнуло накопившееся неудовольствіе. Такъ приготовлялись многія революціи. Предупредить ихъ можно только удовлетвореніемъ справедливыхъ требованій свободы; своевременныя преобразованія устраняютъ перевороты.

Но на этомъ пути, правительству грозитъ другая, противоположная опасность: если оно совершаетъ реформы, уступая напору общественнаго мнѣнія, оно можетъ упустить власть изъ своихъ рукъ и зайти далеко за предѣлы того, что нужно. Этой опасности тѣмъ труднѣе из-

бѣжать, чѣмъ сильнѣе реакція противъ предшествующаго гнета, и чѣмъ возбужденнѣе общество.

Сила власти, составляющая первую потребность всякаго порядка, заключается не въ однихъ физическихъ средствахъ дѣйствія, а прежде всего, въ нравственномъ вліяніи правительства на общество; безъ этого, самая физическая сила быстро обращается въ ничто. Народъ долженъ чувствовать, что имъ предводительствуетъ воля, которая, оставляя просторъ свободѣ, умѣетъ внушить къ себѣ не только страхъ, но и уваженіе. Какъ скоро исчезаетъ эта увѣренность, власть падаетъ нравственно; она теряетъ свое значеніе въ умахъ, и тогда близко и матеріяльное ея паденіе. Поэтому, послѣ невыносимаго гнета, слабость и постоянныя уступки скорѣе всего ведутъ къ революціямъ. Если правительство допускаетъ неповиновеніе; если оно само отступается отъ своихъ требованій и рѣшеній; если оно дозволяетъ подчиненнымъ оказывать неуваженіе начальникамъ; если оно равнодушно смотритъ на агитацію, имѣющую цѣлью вынудить у него тѣ или другія мѣры, или еще хуже, если оно колеблется туда и сюда, то запрещая демонстраціи, то оставляя ихъ безнаказанными, подавляя слабыхъ и потакая сильнымъ,— оно скоро сдѣлается игрушкою общественныхъ страстей. Власть, обличающая отсутствіе твердаго образа мыслей и крѣпкой воли для проведенія своихъ цѣлей, не въ состояніи управлять государствомъ. Сильные и ловкіе люди, дѣйствующіе то наглостью, то лестью, легко пріобрѣтутъ надъ нею перевѣсъ, и сдѣлаются общественною силою, съ которою трудно справиться. Самые друзья правительства должны отъ него отступиться, если оно не умѣетъ само за себя стоять и не даетъ имъ надлежащей поддержки. Вокругъ него образуется пустыня, и оно будетъ поставлено въ невозможность довѣриться кому бы то ни было. Послѣдствіемъ такого положенія дѣлъ можетъ быть только нравственная анархія, неизбѣжно влекущая за собою полное общественное разстройство.

Исторія въ живыхъ краскахъ изобразила типъ такой добродушной, но слабой власти въ лицѣ Лудовика XVI-го. Во Франціи не было государя съ болѣе либеральными стремленіями и большею любовью къ общему благу. Но желанія свободы и нравственной чистоты недостаточно для управленія въ трудныя времена. Либерализмъ Лудовика XVI-го и нелюбовь его ко всякимъ сильнымъ мѣрамъ имѣли послѣдствіемъ страдательное отношеніе правительства

ко всѣмъ стремленіямъ общества. Власть колебалась во всѣ стороны, уступая то тому, то другому направленію, часто противъ собственныхъ убѣжденій. Экономическія преобразованія Тюрго возбудили ропотъ въ привилегированныхъ сословіяхъ, и Лудовикъ XVI отпустилъ знаменитаго министра съ словами: «г. Тюрго и я, мы одни любимъ народъ». Подъ вліяніемъ Неккера, учреждены были въ нѣкоторыхъ провинціяхъ земскія собранія; но областной начальникъ отказался исполнить указъ, и вмѣсто его отрѣшенія, король принялъ отставку Неккера. Тотъ же образъ дѣйствія, продолжаясь среди революціонныхъ смутъ, послѣдовательно довелъ несчастнаго государя до плахи. Конечно, французская революція вытекла не изъ одной слабости правительства; на это нужны были другія условія. Но въ этихъ событіяхъ, послѣдствія нравственнаго безсилія власти запечатлѣлись въ огромныхъ размѣрахъ и въ типическихъ чертахъ, которыя могутъ служить политическимъ урокомъ для всѣхъ временъ.

Еще хуже, когда съ слабостью соединяется произволъ. Правительство, чувствующее себя безсильнымъ, нерѣдко пытается возстановить свое значеніе самовластными дѣйствіями. Кто не умѣетъ править, кидается въ реакцію. Этому поползновенію тѣмъ легче поддаться, чѣмъ болѣе произволъ вкоренился въ нравахъ. Но это не только не помогаетъ злу, а еще болѣе способствуетъ его развитію. Отдѣльный актъ власти не можетъ возстановить ея силы; на это, прежде всего, нуженъ послѣдовательный образъ дѣйствія, необходима увѣренность общества, что имъ управляетъ постоянная воля. Между тѣмъ, произволъ уничтожаетъ единственную нравственную опору слабаго правительства, которое уваженіемъ къ закону можетъ прикрывать свою недостаточность. Первое требованіе либерализма состоитъ въ установленіи законнаго порядка, безъ котораго свобода превращается въ своеволіе. Это одно изъ главныхъ побужденій, почему народы добиваются представительства. Власть, доставляющая гражданамъ это благо, удовлетворяетъ одной изъ существеннѣйшихъ потребностей общества, и тѣмъ самымъ устраняетъ желаніе перемѣнъ. Напротивъ, произвольныя дѣйствія даютъ новую пищу этимъ стремленіямъ и отнимаютъ оружіе у защитниковъ правительства. Въ рукахъ силы, произволъ ведетъ иногда къ цѣли; слабыхъ онъ влечетъ къ погибели.

Таковы ошибочные способы дѣйствія, которые, подрывая нрав-

ственную силу власти, ускоряютъ водвореніе политической свободы. Къ этому могутъ присоединяться и матеріяльныя затрудненія. Исторія показываетъ, что одною изъ главныхъ причинъ, которыя заставляли монарховъ прибѣгать къ народному представительству, было разстройство финансовъ. Такъ было во Франціи въ первую революцію и въ Австріи послѣ итальянской компаніи Конечно, одного этого обстоятельства недостаточно для измѣненія государственнаго устройства. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія, австрійскія финансы были еще въ худшемъ состояніи, нежели въ послѣдствіи, а между тѣмъ, въ то время не слышалось даже и желанія свободы. Но когда умы къ этому приготовлены, разстройство финансовъ доставляетъ самую обильную пищу требованіямъ либерализма. Оно затрогиваетъ всѣ интересы, оно чувствуется всѣми; недовольные указываютъ на него, какъ на признакъ явнаго неумѣнія правительства совладать съ дѣломъ. Общественный контроль многимъ кажется единственнымъ спасеніемъ отъ этого зла, ибо общество не можетъ быть уличено въ неспособности, пока оно не испробовало своихъ силъ. Въ такомъ положеніи, единственный разумный способъ дѣйствія для правительства состоитъ въ крайней бережливости и полной гласности. При раздражительности общественнаго мнѣнія, излишнія издержки, даже самыя незначительныя, возбуждаютъ неудовольствіе и даютъ пищу злоязычію. Особенно осторожно должно быть правительство въ расточеніи наградъ. Гласность же и дозволеніе печатно обсуждать состояніе финансовъ нѣкоторымъ образомъ замѣняютъ контроль выборныхъ людей. Здѣсь, съ одной стороны, оказывается, на сколько общество способно судить о финансахъ, съ другой стороны, возбуждается довѣріе къ власти. Само правительство получаетъ возможность воспользоваться общественными силами для улучшенія государственнаго хозяйства.

Такимъ образомъ, ошибки правительствъ могутъ ускорить водвореніе политической свободы. Однако, скороспѣлое представительство далеко не всегда оказывается полезнымъ. Всякое учрежденіе хорошо, когда оно является въ свое время. Еслиже оно вызывается искусственнымъ образомъ, когда общество къ нему недостаточно приготовлено, оно большею частью разрѣшается неудачами. Введеніе представительнаго устройства требуетъ, прежде всего, сильной власти, которая умѣла бы, на первыхъ порахъ, соединить вокругъ себя и направлять еще не окрѣпшія общественныя стихіи. Предоставленное себѣ,

неопытное общество будетъ дѣлать промахъ за промахомъ, пока горькій, но поздній опытъ не наведетъ его на истинный путь. Если же въ этомъ шатаніи, оно находитъ не поддержку, а помѣху въ безсильной власти, то смуты и потрясенія неизбѣжны. Неспособное правительство передъ безсвязнымъ собраніемъ — самая печальная картина, какую можетъ представлять государственная жизнь. Вмѣсто врачеванія, это лѣкарство приноситъ только большее зло. Анархія усиливается, довѣріе къ свободѣ исчезаетъ, и настоящая пора представительныхъ учрежденій отдаляется только несвоевременнымъ ихъ появленіемъ.

Какъ ошибки правительствъ ускоряютъ введеніе политической свободы, такъ ошибки либераловъ замедляютъ ея развитіе. Главные недостатки, которые обыкновенно вредятъ либеральной партіи, суть нетерпѣніе и крайности. Для свободы нѣтъ ничего гибельнѣе преждевременныхъ попытокъ къ ея водворенію. Онѣ уничтожаютъ въ безплодной борьбѣ лучшія силы либерализма, кидаютъ правительство въ руки реакціи и пугаютъ общество, которое всегда опасается потрясеній. Даже временный успѣхъ, обличая несостоятельность учрежденій, для которыхъ не созрѣло еще общество, уничтожаетъ силу поддерживающей ихъ партіи и даетъ оружіе ея врагамъ. Либерализмъ умѣренный и осторожный, старающійся не только заслужить довѣріе общества, но и поладить съ правительствомъ, вѣрнѣе достигаетъ цѣли. Дѣйствовать явнымъ напоромъ или даже насиліемъ можетъ только партія, увѣренная въ успѣхѣ, чувствующая за собою громадное большинство. Иначе, даже слабое правительство, вынужденное прибѣгнуть къ крутымъ мѣрамъ, придетъ къ сознанію своей силы и легко справится съ врагами. Только въ крайнихъ обстоятельствахъ, когда дѣло дошло до битвы и должно рѣшиться разомъ, терпѣніе и осторожность бываютъ неумѣстны; обыкновенно же они составляютъ основу здравой политики.

Точно также и крайности получаютъ значеніе только въ минуты напряженной борьбы. Въ мирное время, напротивъ, для свободы опаснѣе всего односторонніе ея приверженцы. Они наиболѣе содѣйствуютъ торжеству реакціи. Умѣренная часть общества, всегда составляющая огромное его большинство, отвращается отъ началъ, которыя представляются ему въ преувеличенномъ видѣ и съ революціоннымъ характеромъ. Крайности либерализма оказываютъ обществу только ту отрицательную услугу, что они заставляютъ разумныхъ

людей тѣснѣе сближаться съ правительствомъ и приводятъ самую власть къ необходимости дѣйствовать послѣдовательно, требовать къ себѣ уваженія и призывать къ себѣ лучшія охранительныя силы страны. Но нерѣдко эта вынужденная реакція отуманиваетъ взоры правительства. Послѣдовательность становится односторонностью; существенныя требованія свободы отрицаются вмѣстѣ съ ея крайностями, и правильное развитіе учрежденій уступаетъ мѣсто колебаніямъ въ ту и другую сторону, смѣнамъ анархіи и деспотизма.

Нѣтъ сомнѣнія, что указывать на ошибки гораздо легче, нежели отъ нихъ воздерживаться. Въ человѣческой дѣятельности, страсти слишкомъ часто берутъ верхъ надъ голосомъ разсудка. Но правильныя понятія болѣе всего способствуютъ умѣренію страстей, которыя, напротивъ, разгараются сильнѣе, когда онѣ поддерживаются односторонними доводами разума. Поэтому, истинными друзьями свободы должны считаться не тѣ, которые возводятъ ее въ верховное и исключительное начало человѣческой жизни, которые не хотятъ знать ни требованій государственнаго порядка, ни историческихъ условій, ни законовъ общественнаго развитія. Эти рьяные ея ревнители скорѣе всего способны подорвать самое существованіе своего кумира. Гораздо лучше служатъ свободѣ умѣренные ея поклонники, которые понимаютъ необходимость связать ее со всѣми другими элементами жизни и знаютъ, что прочное ея торжество зависитъ не отъ личной воли человѣка, не отъ свѣта, неожиданно озаряющаго умы, а отъ медленнаго процесса народнаго духа, котораго самъ геній не въ силахъ измѣнить.

ГЛАВА 10.

СПОСОБЫ ПРОИСХОЖДЕНІЯ КОНСТИТУЦІЙ.

Способъ происхожденія конституціи опредѣляется отчасти всѣмъ ходомъ народной жизни, отчасти тѣми событіями, которыя ведутъ къ установленію представительнаго порядка. Первоначальная точка отправленія имѣетъ значительное вліяніе на дальнѣйшую судьбу учреж-

деній. Она обозначаетъ уже силу и значеніе каждаго изъ элементовъ, входящихъ въ составъ верховной власти; она опредѣляетъ отношеніе конституціи къ народной жизни, ея прочность и примѣнимость. Поэтому, при разборѣ условій народнаго представительства, невозможно обойти этого вопроса. Но ему не слѣдуетъ придавать слишкомъ большаго значенія, какъ дѣлаютъ нѣкоторые публицисты. Внимательное изученіе исторіи убѣждаетъ насъ, что здѣсь нѣтъ безусловнаго правила, и что основные законы, самые различные по происхожденію, могутъ, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, пріобрѣсти прочность и отвѣчать существеннымъ потребностямъ народа.

Конституціи бываютъ или историческія, развивающіяся постепенно изъ самаго хода жизни, или издаваемыя вновь, въ видѣ цѣльныхъ уложеній. Писатели, принадлежащіе къ исторической школѣ, признаютъ только первыя, отвергая послѣднія, какъ произведенія отвлеченныхъ идей, неприложимыхъ въ дѣйствительности, и ведущихъ единственно къ разрушенію. Еще въ концѣ прошедшаго столѣтія, эту тему развивалъ де Местръ въ сочиненіяхъ, направленныхъ противъ французской революціи. Въ противоположность многочисленнымъ революціоннымъ конституціямъ, которыя появлялись, какъ блестящіе метеоры, и падали такъ же быстро, какъ воздвигались, онъ указывалъ на конституцію англійскую, возникшую и развивавшуюся постепенно, изъ элементовъ, искони лежавшихъ въ народной жизни. Онъ утверждалъ, что у каждаго народа есть такого рода жизненныя основы, первоначально вложенныя въ него Провидѣніемъ и независимыя отъ воли людей. Изъ нихъ вытекаетъ общественное устройство, которое является такимъ образомъ плодомъ исторіи, а не теоретическихъ соображеній, не искусственнаго распредѣленія правъ и обязанностей. Тѣже мысли высказывалъ и Боркъ въ «Размышленіяхъ о французской революціи». Англичане, говорилъ онъ, никогда не думали сами сочинять себѣ конституцію; они всегда считали свои права и учрежденія наслѣдственнымъ достояніемъ, которое получено ими отъ предковъ и должно быть передано потомкамъ. Эта историческая связь законовъ и учрежденій одна въ состояніи воздержать необузданность свободы и дать государственному устройству прочныя основы. Со времени этихъ писателей, развилось цѣлое направленіе, ратующее противъ конституцій подражательныхъ и писанныхъ. На конституціонную манію нашего времени смотрятъ, какъ на плодъ замѣшательства мы-

слей, произведеннаго французскою революціею. Утверждаютъ, что государственное устройство должно развиваться изъ жизни само собою, органическимъ путемъ, измѣняясь мало по малу, по указаніямъ опыта, а не втѣсняться въ букву закона, составляющаго постоянный предметъ препирательства между правительствомъ и народомъ. Де Местръ говорилъ, что все писанное ничего не значитъ, и смѣялся надъ людьми, признающими только тѣ конституціи, которыя можно положить въ карманъ. Доселѣ, у консервативныхъ писателей, кодификація считается признакомъ революціонныхъ идей.

Въ основаніи этого воззрѣнія лежатъ безспорно весьма серьозныя мысли; тѣмъ не менѣе оно одностороние и вдается въ крайность. Исторически выработавшаяся конституція имѣетъ несомнѣнныя преимущества передъ сочиненною вновь. Учрежденія, существующія и развивающіяся въ теченіи многихъ вѣковъ, обладаютъ такою прочностью, какой не могутъ имѣть новыя. Они срослись съ понятіями и бытомъ народа, а потому трудно ихъ поколебать. Время дѣлаетъ ихъ независимыми отъ случайности личныхъ воззрѣній и воли; они становятся постоянною основою жизни, отъ которой отклониться невозможно. Вѣковое ихъ существованіе ручается и за практическую ихъ примѣнимость; это не плодъ теоріи, а созданіе опыта. Историческія конституціи могутъ имѣть свои недостатки: онѣ могутъ отвѣчать потребностямъ уже отжившимъ; въ нихъ иногда преобладаютъ элементы, потерявшіе свое значеніе. Но если учрежденія не коснѣли въ однажды установившейся формѣ, а развивались сообразно съ духомъ времени, съ ходомъ жизни, если каждый вновь прибывающій или возрастающій элементъ находилъ въ нихъ должное мѣсто, соотвѣтствующее общественному его значенію, то старина служитъ только освященіемъ праву, которое получаетъ отъ нея бóльшую крѣпость и силу.

Все это возможно однако въ томъ предположеніи, что народная жизнь постоянно шла однообразнымъ путемъ и всегда требовала однородныхъ учрежденій. Но мы видѣли, что это отнюдь не общій законъ. Исторія народовъ проходитъ черезъ различныя, нерѣдко даже противоположныя другъ другу формы и начала, а съ этимъ вмѣстѣ измѣняется и государственное устройство. Вмѣсто постепеннаго совершенствованія быта, являются болѣе или менѣе крутые повороты и переломы, которые сопровождаются борьбою, нерѣдко даже потрясе-

ніями. Новыя учрежденія упрочиваются медленно, послѣ долгихъ колебаній. Все это составляетъ неизбѣжное зло, присущее человѣческому развитію. Вездѣ, гдѣ есть участіе мысли и воли, происходитъ борьба различныхъ направленій. Высшее развитіе обществъ ведетъ къ смягченію противоположностей и къ употребленію одного оружія духовнаго, мысли и слова, по крайней мѣрѣ для разрѣшенія внутреннихъ вопросовъ; но всегда новый порядокъ водворяется съ трудомъ. Самыя историческія учрежденія возникаютъ и развиваются не путемъ органическаго роста, какъ мечтаютъ иногда приверженцы исторической школы, а точно также борьбою разнообразныхъ стихій, входящихъ въ ихъ составъ. Здѣсь распри даже продолжительнѣе и упорнѣе, нежели при систематическомъ введеніи новыхъ конституцій, ибо споры возникаютъ по каждому отдѣльному вопросу. Представительный порядокъ труднымъ и медленнымъ процессомъ вырабатывается изъ неопредѣленнаго состоянія права. Англія считается образцомъ чисто историческаго хода жизни; но и тамъ, самые коренные конституціонные вопросы рѣшались оружіемъ; прочность учрежденій основана на битвахъ, которыя за нихъ давались. Англійская конституція куплена кровью, какъ не разъ было замѣчено историками. Въ настоящее время, борьба лежитъ уже позади; съ теченіемъ вѣковъ, установилось нормальное отношеніе существующихъ стихій; но говоря объ историческомъ значеніи англійской конституціи, въ противоположность новѣйшимъ, болѣе шаткимъ, не слѣдуетъ забывать тѣхъ колебаній, которымъ она подвергалась, и тѣхъ усилій, которыхъ она стоила.

Новыя конституціи не могутъ имѣть притязанія ни на такую прочность, ни на такое историческое сродство съ народною жизнью. Онѣ менѣе крѣпки, именно потому, что новы; онѣ подаютъ поводы къ распрямъ, именно потому что вопросы о значеніи, правахъ и отношеніяхъ различныхъ элементовъ власти еще не рѣшены окончательно практикою. Но изъ этого не слѣдуетъ, что онѣ должны быть отвергаемы; иначе, новымъ потребностямъ невозможно проявиться, и государство осуждено цѣпенѣть въ однажды установившихся формахъ. Если измѣнилась жизнь, должны измѣниться и учрежденія. Притомъ, начала, вводимыя представительнымъ устройствомъ, не предполагаютъ въ обществѣ новыхъ стихій, вовсе не существовавшихъ прежде; они только даннымъ элементамъ даютъ иное мѣсто и зна-

ченіе въ цѣломъ, сообразно съ степенью ихъ развитія. Вездѣ, во всякомъ обществѣ, признаются начала права и свободы, которыя служатъ основаніемъ представительнаго порядка. Безъ нихъ не строится ни одно государство; нѣтъ народа, столь обдѣленнаго природою, что человѣческая личность не считалась бы въ немъ заслуживающею уваженія. Вездѣ гражданамъ предоставляется и нѣкоторая доля общественной власти, участіе въ судѣ или въ мѣстномъ управленіи. Они получаютъ право рѣшать судьбу и распоряжаться интересами другихъ, право политическое, составляющее существо политической свободы. Представительный порядокъ переноситъ это участіе и на верховную власть. Это—шагъ огромный, который нельзя совершить иначе, какъ съ крайнею осторожностью, особенно если въ предъидущей исторіи господствовали другія начала; надобно знать, имѣютъ ли въ себѣ либеральные элементы достаточно крѣпости и внутренней связи, чтобы изъ низшей области перейти въ высшую, чтобы войти въ составъ верховной власти, не нарушая единства государственной жизни. Но если они дѣйствительно выросли и окрѣпли, если они получили силу и значеніе, какихъ прежде не имѣли, перемѣна становится неизбѣжною. Здѣсь надобно соображаться не съ историческими началами, не съ отвлеченными понятіями о свойствахъ извѣстной народности, а съ дѣйствительными, существующими въ данное время условіями и потребностями. История не опредѣляетъ заранѣе степени развитія, которую можетъ получить въ позднѣйшую эпоху тотъ или другой жизненный элементъ, а потому нововведеніе можетъ сдѣлаться необходимымъ, не смотря на то, что прежде не было ничего подобнаго. При этомъ, разумѣется, надобно помириться съ недостатками, присущими всякому нововведенію и не требовать отъ новыхъ учрежденій качествъ, могущихъ принадлежать только старымъ.

Если, при измѣнившихся условіяхъ жизни, введеніе конституціоннаго порядка становится необходимостью, то въ благоустроенномъ государствѣ, къ этому нельзя иначе приступить, какъ посредствомъ систематическаго законодательства. Обычай здѣсь не мыслимъ, ибо онъ установляется временемъ, а это — дѣло новое. Притомъ, самое происхожденіе обычая относится къ болѣе или менѣе первобытнымъ эпохамъ исторіи, когда законы и учрежденія развиваются путемъ безсознательнымъ и практическимъ. Учрежденія, которыя ведутъ свое на-

чало отъ среднихъ вѣковъ, какъ англійскія, могутъ содержать въ себѣ многое, установленное обычаемъ; но въ этомъ не заключается никакого преимущества; писанный законъ вполнѣ замѣняетъ эти постановленія. Письменная форма ни въ какомъ случаѣ не можетъ считаться предосудительною; она только содѣйствуетъ точности, ясности и общепонятности права. Точно также неумѣстно въ благоустроенномъ государствѣ опредѣленіе однихъ коренныхъ началъ представительнаго порядка, съ предоставленіемъ подробностей дальнѣйшему движенію жизни, какъ совѣтуютъ нѣкоторые консервативные публицисты. Это опять способъ, свойственный среднимъ вѣкамъ и немногосложнымъ, существовавшимъ тогда отношеніямъ и потребностямъ. Въ новое время, при развитіи государственнаго организма, при многосторонности общественнаго быта, взаимныя права и обязанности властей касаются стольких интересовъ и отношеній, что неопредѣленность ихъ должна на каждомъ шагу порождать вопросы и затрудненія. Во всякомъ случаѣ, неизбѣжны распри. Двѣ власти, поставленныя другъ подлѣ друга, безъ опредѣленія взаимныхъ правъ и обязанностей, непремѣнно должны вступить въ борьбу. Въ средневѣковомъ бытѣ, когда междоусобія были явленіемъ ежедневнымъ, эти споры обыкновенно рѣшались оружіемъ, если обезсиленный король не дѣлалъ вынужденной уступки. Многіе прецеденты англійскаго конституціоннаго права, которые служатъ примѣромъ и руководствомъ для новыхъ случаевъ, ведутъ свое начало отъ такихъ принудительныхъ отношеній. Таковы весьма важные прецеденты обвиненія министровъ. Въ правильномъ государственномъ порядкѣ, эти способы рѣшенія конституціонныхъ вопросовъ должны быть по возможности устраняемы; а между тѣмъ инаго законнаго исхода нѣтъ, ибо надъ спорящими властями нѣтъ высшаго судьи, котораго приговоры были бы для всѣхъ обязательны. Неопредѣленность отношеній должна слѣдовательно вести къ безпрерывнымъ и безвыходнымъ столкновеніямъ, къ постояннымъ спорамъ и къ безплодной борьбѣ. Избѣжать этого можно только посредствомъ возможно полнаго и точнаго опредѣленія взаимныхъ правъ и обязанностей конституціонныхъ властей. Систематическое законодательство не уничтожаетъ всѣхъ поводовъ къ распрямъ; такихъ законовъ нѣтъ и быть не можетъ. Но оно устраняетъ многія недоразумѣнія и разомъ выясняетъ положеніе сторонъ, тогда какъ при иномъ способѣ, на это нужны долгій опытъ и многовѣковая борьба.

Какъ скоро новое политическое устройство вводится посредствомъ систематическаго законодательства, невозможно обойтись безъ теоріи и безъ подражанія учрежденіямъ другихъ государствъ. Конечно, въ этомъ заключается опасность: могутъ сочиняться теоретическія и подражательныя конституціи, неприложимыя къ даннымъ условіямъ быта, а потому лишенныя всякихъ залоговъ прочности и успѣха. Самыя начала, отъ которыхъ отправляется законодатель, могутъ быть односторонни или даже ложны; наконецъ, общество, которому, изъ подражанія другимъ, даруются конституціонныя права, можетъ быть совершенно къ нимъ неприготовлено. Но все это ошибки, которыхъ возможно избѣгать; во всякомъ дѣлѣ надобно поступать разсудительно. Здравая теорія, основанная на указаніяхъ всемірнаго опыта, не собьетъ законодателя съ толку. Она отвергаетъ одностороннія начала и не считаетъ возможнымъ приложеніе извѣстныхъ учрежденій ко всякому мѣсту и времени. Напротивъ, она требуетъ, чтобы люди соображались съ дѣйствительными условіями жизни, и воздерживаетъ ихъ отъ легкомысленныхъ увлеченій. Если же введеніе представительнаго устройства оказывается практитески необходимымъ, то теорія служитъ здѣсь самымъ надежнымъ путеводителемъ. Она одна даетъ возможность возвести практическую потребность къ сознательнымъ началамъ и указываетъ на средства къ исполненію задачи. Безъ нея, законодатель движется ощупью, руководимый слѣпымъ инстинктомъ, который менѣе всего умѣстенъ въ опредѣленіи правъ и обязанностей. Теорія ничто иное, какъ приложеніе человѣческой мысли къ существующимъ отношеніямъ жизни. Она возводитъ жизненныя явленія къ общимъ началамъ и добытыя начала снова повѣряетъ результатами разнообразнаго опыта народовъ.

Иностранныя учрежденія служатъ однимъ изъ существенныхъ элементовъ такой практической повѣрки; это чужой опытъ, который даетъ драгоцѣнныя указанія. При всемъ различіи характеровъ, исторіи и общественнаго быта народовъ, сходныя учрежденія всегда имѣютъ болѣе или менѣе одинакія свойства. Коренныя начала политической жизни у всѣхъ одни и тѣже, ибо природа человѣка и общества вездѣ одна; различіе состоитъ только въ большемъ или меньшемъ преобладаніи того или другаго элемента. Когда политическая свобода, соединяясь съ монархическимъ началомъ, входитъ въ составъ верховной власти, то изъ этого сочетанія непремѣнно вытекаютъ извѣстныя по-

слѣдствія, которыя разнятся въ частностяхъ, но въ существѣ остаются тождественными. Свойства и дѣятельность представительныхъ собраній, отношенія ихъ къ правительству, если не всегда и вездѣ одинаковы, то вездѣ, рано или поздно, пріобрѣтаютъ общія черты, лежащія въ самой ихъ природѣ. Чѣмъ многообразнѣе данныя, выработанныя практикою, тѣмъ, разумѣется, вѣрнѣе будутъ выводы, и чѣмъ юнѣе народъ въ политической жизни, чѣмъ менѣе онъ можетъ руководствоваться собственнымъ опытомъ, тѣмъ нужнѣе для него опытъ другихъ.

Внимательное изученіе чужихъ учрежденій полезно въ особенности тамъ, гдѣ самыя условія общественнаго быта принимаютъ болѣе или менѣе одинакій характеръ. У европейскихъ народовъ, вслѣдствіе удобства сношеній и общенія жизни, происходитъ быстрый обмѣнъ идей, установляются однородные нравы. Въ матеріяльной сферѣ, вездѣ водворяется свобода труда, въ области духа, вездѣ пробиваетъ себѣ путь свобода мысли, организуется журнализмъ, общественное мнѣніе становится силою. Все это имѣетъ огромное вліяніе на политическое устройство. Такимъ образомъ, при одинакой степени развитія, при общихъ условіяхъ быта, опытъ одного народа имѣетъ несомнѣнное значеніе для другихъ, не смотря на различие ихъ характера и исторіи. Здѣсь также одностороннe безусловное отрицаніе чужаго, какъ и стремленіе къ неразборчивому подражанію. И то и другое служитъ признакомъ легкомыслія. Здѣсь, какъ и вездѣ, нужно приложеніе человѣческаго разума, сравнивающаго и различающаго. Изслѣдуя чужія учрежденія, необходимо разобрать, что въ нихъ существенно, что вытекаетъ изъ самой природы даннаго политическаго устройства, и что является произведеніемъ временныхъ или мѣстныхъ обстоятельствъ. Изъ этого уже можно вывести заключеніе о томъ, что̀ приложимо и что̀ неприложимо къ другому общественному быту.

Изъ всего этого слѣдуетъ, что безусловно отрицать новыя конституціи, во имя историческихъ началъ, невозможно. Новыя учрежденія не имѣютъ такой крѣпости, какъ старыя; они подвержены бо̀льшимъ колебаніямъ и опасностямъ, но тѣмъ не менѣе, они могутъ отвѣчать истиннымъ нуждамъ народа и заключать въ себѣ всѣ залоги прочности. При введеніи конституціоннаго порядка, существенный вопросъ состоитъ не столько въ историческихъ данныхъ, сколько въ настоящихъ условіяхъ жизни; надобно спросить, существуютъ ли для этого

необходимые элементы, и есть ли дѣйствительная потребность въ перемѣнѣ. Основательность возраженій противъ сочиненныхъ конституцій заключается въ томъ, что однихъ либеральныхъ стремленій недостаточно для разрѣшенія этой задачи. Здѣсь нужно обратиться къ фактической сторонѣ дѣла, къ разбору тѣхъ общественныхъ элементовъ, на которыхъ основывается представительный порядокъ. Исторія, безъ сомнѣнія, служитъ весьма важнымъ указаніемъ, ибо въ ней проявляются и свойства народа и отношеніе въ немъ различныхъ общественныхъ силъ. Однако, это мѣрило не безусловное, ибо народъ, развиваясь, пріобрѣтаетъ новыя качества, и отношеніе силъ въ немъ измѣняется. Поэтому, опредѣлить отношеніе конституціоннаго порядка къ общественнымъ условіямъ можно только на основаніи болѣе широкихъ соображеній, извлеченныхъ изъ историческаго опыта различныхъ временъ и народовъ, и приложенныхъ къ данному случаю.

Новыя конституціи водворяются также различными путями. Онѣ могутъ быть либо дарованныя законною властью, либо происшедшія изъ революціи. Середину между тѣми и другими занимаютъ конституціи, установленныя соглашеніемъ народныхъ представителей съ монархомъ. Это различіе происхожденія имѣетъ также весьма существенное вліяніе на развитіе конституціоннаго порядка, хотя и ему нельзя придавать безусловнаго значенія.

Мы имѣли уже не разъ случай говорить, что революція никогда не можетъ быть правомъ, и что единственный законный способъ введенія новой конституціи въ самодержавномъ государствѣ состоитъ въ установленіи ея существующею верховною властью, то есть законнымъ монархомъ. Но здѣсь дѣло идетъ о политическихъ свойствахъ различныхъ конституцій и о вліяніи способа ихъ происхожденія на дальнѣйшую ихъ судьбу. Въ этомъ отношеніи, исторія показываетъ, что и революціонныя учрежденія могутъ, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, упрочиться и служить къ пользѣ народа. Поэтому, нельзя отвергать ихъ безусловно, какъ дѣлаютъ иногда писатели консервативной школы. Недостатокъ законнаго источника можетъ восполниться въ послѣдствіи. Революціонное правительство, которое, опираясь на народную волю, успѣетъ установить законный порядокъ и освящается признаніемъ другихъ, становится единственною законною властью въ государствѣ. Въ политической области, фактъ и право связаны неразрывно; прочное обладаніе властью влечетъ за собою и

право, ибо государство составляетъ постоянный организмъ, въ которомъ власть прекратиться не можетъ и должна быть вооружена законною силою. Поэтому, революціонныя учрежденія, успѣвшія утвердиться, существенно не отличаются отъ конституцій, пожалованныхъ законною властью. Однако и тѣ и другія имѣютъ различныя свойства, которыя проявляются съ большей или меньшею рѣзкостью, смотря по обстоятельствамъ. Исторія новыхъ европейскихъ государствъ представляетъ въ этомъ отношеніи неисчерпаемый источникъ для наблюденій всякаго рода.

Дарованныя конституціи имѣютъ многія, несомнѣнныя преимущества передъ революціонными. Онѣ сохраняютъ непрерывность законнаго порядка въ государствѣ, а это въ высшей степени важно для утвержденія въ народѣ уваженія къ законности, необходимаго особенно въ представительномъ устройствѣ. Кромѣ того, перемѣна образа правленія не разрушаетъ здѣсь союза любви между монархомъ и подданными. Ограниченіе собственной власти является актомъ довѣрія къ народу, самоотверженіемъ во имя общественнаго блага. Этимъ естественно вызывается довѣріе съ другой стороны; монархъ и народное представительство могутъ дѣйствовать дружно, исполняя такимъ образомъ настоящую цѣль конституціонныхъ учрежденій.

Этихъ выгодъ не имѣютъ конституціи, изданныя монархомъ съ нарушеніемъ законнаго порядка, безъ согласія существующаго уже представительства, какъ это было сдѣлано, напримѣръ, въ Пруссіи въ 1849-мъ году. Такой односторонній и произвольный актъ правительственной власти можетъ быть иногда оправданъ крайними обстоятельствами, но и въ этомъ случаѣ, онъ остается не болѣе, какъ несчастною необходимостью, которой вредныя послѣдствія не скоро изглаживаются. Послѣдующее утвержденіе конституціи народнымъ представительствомъ даетъ ей юридическое освященіе, но не снимаетъ съ нея печати первоначальнаго произвола и нарушенія закона. Однако и здѣсь, дарованная конституція не теряетъ другаго, также весьма важнаго преимущества: она сохраняетъ преемственную силу власти въ лицѣ законнаго монарха. Историческая власть, которая вѣками срослась съ народною жизнью, имѣетъ гораздо болѣе глубокіе корни, а потому гораздо болѣе внутренней крѣпости, нежели правительство новое, происшедшее изъ революціи. Послѣднее можетъ быть сильно великими свойствами властителя, но недостатокъ исторической преем

ственности всегда составляетъ его слабую сторону, а потому оно падаетъ несравненно легче, нежели другое. Старинная власть можетъ временно ослабѣть, но при благопріятныхъ обстоятельствахъ, она поднимается со всею силою своего историческаго значенія.

Все это предполагаетъ однако, что историческая власть умѣетъ приноравливаться къ новымъ потребностямъ, что она не связалась неразрывно съ отжившимъ порядкомъ, ненавистнымъ народу, и не является послѣднему скорѣе врагомъ, нежели представителемъ вѣчныхъ его интересовъ. Эта наклонность правительства возвращаться къ прежнему быту и неумѣніе вжиться въ иной составляютъ главный недостатокъ новыхъ учрежденій, вводимыхъ старинною властью. Монархъ, привыкшій къ безпрекословному повиновенію, не легко примиряется съ препятствіями, которыя онъ встрѣчаетъ въ волѣ другихъ. Критика кажется неблагодарностью и недовѣріемъ; затрудненія вызываютъ желаніе устранить ихъ по прежнему обычаю, актомъ произвола. Въ особенности, оппозиція противъ любимой мысли нерѣдко возбуждаетъ сильнѣйшее поползновеніе отдѣлаться отъ непріятнаго представительства и возстановить вѣками существовавшій порядокъ. Власть, которая, въ теченіи столѣтій, смотрѣла на гражданъ, какъ на подданныхъ, съ трудомъ признаетъ въ юномъ представительствѣ силу независимую и равноправную. Сознаніе исторической своей роли побуждаетъ ее видѣть въ новыхъ учрежденіяхъ нѣчто второстепенное и подчиненное, которое должно уступать верховной волѣ государя. Къ этому присоединяются обыкновенно религіозныя понятія о значеніи монархіи и наконецъ, стремленіе считать добровольно дарованныя права льготою верховной власти, которая, при измѣнившихся обстоятельствахъ, можетъ отнять то, что дала. При такихъ взглядахъ на вещи, неизбѣжны частыя столкновенія съ представительствомъ. Вмѣсто дружной дѣятельности водворяется взаимное раздраженіе, тѣмъ болѣе, что съ своей стороны, представительное собраніе, не успѣвшее пріобрѣсти политическую опытность, обыкновенно не умѣетъ ни воздерживаться, ни сохранять надлежащій тактъ, а потому часто подаетъ поводъ къ справедливымъ нареканіямъ.

Затрудненія, возникающія изъ пожалованной конституціи, становятся еще чувствительнѣе, когда дарованіе правъ было болѣе или менѣе вынуждено давленіемъ общественнаго мнѣнія или даже возста-

ніемъ, что близко подходитъ къ революціонному законодательству. Власть, принужденная къ уступкѣ, рѣдко мирится чистосердечно съ новымъ порядкомъ вещей и становится безъ задней мысли на конституціонную почву. Она поступаетъ осторожно, когда видитъ въ представительномъ собраніи дѣйствительную силу, съ которою надобно считаться; но въ ея глазахъ, это сила враждебная, революціонная. Всѣ старанія клонятся въ тому, чтобы отъ нея избавиться. Съ этою цѣлью употребляются тайныя козни, пока нельзя дѣйствовать явнымъ насиліемъ. Для конституціи нѣтъ ничего опаснѣе скрытой вражды монарха, который не только самъ обладаетъ значительными средствами, но подъ видомъ права, можетъ призвать чужестранную помощь противъ своихъ подданныхъ. Въ этомъ заключалась главная причина паденія многихъ конституцій на Пиренейскомъ полуостровѣ и въ Италіи. Народное представительство становится здѣсь въ самое затруднительное положеніе: конституція требуетъ уваженія къ главѣ государства; она можетъ двигаться только взаимнымъ довѣріемъ властей, а между тѣмъ, собраніе не можетъ не видѣть въ королѣ тайнаго врага, котораго надобно остерегаться, и котораго необходимо связывать, чтобы не дать хода его замысламъ. Къ неизбѣжной борьбѣ партій присоединяется двусмысленная борьба съ королевскою властью, двойное затрудненіе, которое не по силамъ молодымъ учрежденіямъ. Оно приводитъ либо къ ужасамъ революціи, либо къ паденію конституціоннаго порядка.

Дарованныя конституціи исходятъ иногда и отъ власти, возстановленной послѣ революціи. Такъ поступилъ Лудовикъ XVIII, возвратясь во Францію въ 1814-мъ году. Подобныя учрежденія являются какъ бы связью между старымъ порядкомъ и новымъ. Права народа признаются, но они какъ будто истекаютъ единственно изъ воли законнаго короля, возстановленнаго съ прежнею, безграничною властью; пріобрѣтенія же революціи считаются несуществующими.

Однако, въ такихъ обстоятельствахъ, дарованіе конституціи законнымъ королемъ менѣе умѣстно, нежели когда либо. Этимъ дѣйствительно возстановляется порванная нить преданія и законной преемственности власти, но возстановляется съ насиліемъ народной исторіи. Революція можетъ быть несчастіемъ, зломъ, но во всякомъ случаѣ, это жизненный фактъ, котораго нельзя изгладить, какъ скоро переворотъ успѣлъ упрочиться и пустить корни въ учрежденіяхъ. Съ нимъ

связываются воспоминанія, интересы, вѣрованія значительной части народа, которая становится непримиримымъ врагомъ правительства, не признающаго совершившихся событій. Въ революціи проявляется народная воля, какъ самостоятельная сила, которая сама добываетъ себѣ права и входитъ въ составъ верховной власти. Ея нельзя устранить безъ новаго насилія; ея пріобрѣтенія невозможно превратить въ добровольную милость монарха, ибо это пустая комедія, которая противорѣчитъ дѣлу. Поэтому, остается признать совершившійся фактъ, вступивши съ нимъ въ соглашеніе. Это одно можетъ разсѣять недовѣріе и недоразумѣнія, примирить старое съ новымъ и возстановить историческую нить, не уничтожая промежуточныхъ явленій. Здравая политика, въ такихъ случаяхъ, требуетъ конституціи договорной, а не дарованной. При обоюдномъ благоразуміи, можно конечно довольствоваться и послѣднею, но положеніе всегда останется натянутымъ, и поводовъ къ недоразумѣніямъ будетъ гораздо болѣе.

Революціонныя конституціи имѣютъ ту выгоду, что здѣсь представительное начало, по самому своему происхожденію, является самостоятельною силою, которой источникъ лежитъ не въ чужой волѣ, а въ ней самой; поэтому, независимое положеніе и права представительства не подлежатъ спору. Но эта крѣпость права можетъ установиться только, если революціонный порядокъ успѣетъ упрочиться, а это весьма не легко. Революція всегда есть нарушеніе основныхъ законовъ государства, которое колеблетъ въ народѣ уваженіе къ закону. Новый порядокъ, вытекшій изъ насилія, можетъ быть и уничтоженъ насиліемъ. Это совершается тѣмъ легче, что враждебныя ему стремленія сохраняются въ народѣ, ибо революція, нарушая привязанности, вѣрованія и интересы, связанные съ старымъ устройствомъ, непремѣнно имѣетъ многочисленныхъ и опасныхъ противниковъ. Первымъ ея врагомъ, средоточіемъ всѣхъ козней, является самая власть, противъ которой произошло возстаніе. Ей труднѣе всего примириться съ побѣдою своеволія. Обыкновенно, революція не прямо идетъ къ низверженію существующаго правительства, а довольствуется сначала либеральными уступками. Но при самомъ искреннемъ желаніи власти вступить на новый путь, у нея всегда есть приверженцы, которые дѣйствуютъ въ противномъ смыслѣ и на нее, и отъ ея имени. Отсюда естественное, неизбѣжное недовѣріе народа къ правительству — зло, которымъ почти всегда страдаютъ революціонныя

конституціи. Представительное собраніе, имѣя силу въ рукахъ, хочетъ предупредить возвращеніе стараго порядка или возобновленіе прежнихъ злоупотребленій; главною его задачею становится отнятіе оружія у непріятеля. Вслѣдствіе этого, правительственная власть стѣсняется такъ, что едва можетъ двигаться, а изъ этого, какъ естественное послѣдствіе, проистекаетъ анархическое состояніе общества. Все это находитъ себѣ оправданіе въ ученіи о власти народа, которое непремѣнно является во всякой революціи, какъ законное основаніе возмущенія.

Въ послѣдовательномъ своемъ развитіи, это ученіе ведетъ къ республиканской формѣ, и столкновенія съ монархическимъ началомъ естественно влекутъ за собою этотъ результатъ. Ослабѣвшая монархія совершенно устраняется, и тогда возникаютъ всѣ громадныя затрудненія молодой республики, которой приходится бороться и съ приверженцами прежняго порядка, и съ общественной анархіею, и съ внутренними раздорами партій, и съ повсюду возбужденными честолюбіями, и наконецъ, съ неопытностью людей и незрѣлостью учрежденій. Съ такою задачею справиться слишкомъ трудно; потребность порядка приводитъ или къ реакціи или къ диктатурѣ. Въ обоихъ случаяхъ, свобода значительно стѣсняется, если не уничтожается совершенно. Такой поворотъ не есть признакъ народнаго легкомыслія; это неизбѣжный законъ, результатъ естественнаго хода вещей. Но диктатура, возникшая изъ нѣдръ революціи, служитъ вмѣстѣ съ тѣмъ и средствомъ упрочить перемѣну. Революціи, которыя не умѣли выставить изъ себя власти, способной сдерживать анархическія стремленія и возстановить порядокъ, остаются безплодными, тогда какъ пріобрѣтенія, закрѣпленныя диктатурою, становятся достояніемъ народа, даже при послѣдующихъ реакціяхъ.

Однако, диктатура всегда имѣетъ характеръ временный. Реакція въ пользу законной свободы непремѣнно явится въ странѣ, которая во имя свободы совершила революцію. Послѣ смятеній, обыкновенно господствуетъ усталость, общество требуетъ порядка и готово всѣмъ ему жертвовать; но желаніе свободы пробудится рано или поздно. Этимъ, при благоразумныхъ уступкахъ, можетъ воспользоваться старая власть, обѣщающая сочетаніе свободы съ закономъ. Реставрація также часто слѣдуетъ за диктатурою, какъ послѣдняя за революціями. Но и она рѣдко бываетъ долговѣчна. Возстановленная власть никог-

да почти не избѣгаетъ реакціи. Какъ бы она ни приноравливалась къ новому порядку, она всегда смотритъ на промежуточное время смутъ, какъ на произведеніе беззаконныхъ и буйныхъ силъ; она стремится связать порванную нить исторіи, изгладивъ всѣ слѣды переворота. Чѣмъ прочнѣе она чувствуетъ себя на престолѣ, тѣмъ необузданнѣе она предается попятному ходу, и часъ полнѣйшаго ея торжества нерѣдко бываетъ часомъ ея паденія. Революціонному порядку гораздо легче ужиться съ новою династіею, нежели съ старою. Первая не имѣетъ связывающихъ ее преданій, которыя даютъ ей направленіе, несоотвѣтствующее новому духу; у нея нѣтъ и приверженцевъ, настойчиво побуждающихъ ее къ реакціи. Однако и она имѣетъ свои невыгоды: на нее ополчаются и друзья историческаго начала и поборники народнаго права, а между тѣмъ, почва, на которой она стоитъ, слишкомъ ненадежна. Новая династія представляетъ не законное право и не чистое проявленіе воли народной, а благоразумное самоограниченіе народа во имя высшей цѣли. Поэтому, она можетъ держаться только при общемъ благоразуміи и благопріятныхъ обстоятельствахъ. Если она умѣетъ удовлетворять существеннымъ внутреннимъ потребностямъ общества и поддержать внѣшнее значеніе государства, она можетъ расчитывать на успѣхъ; иначе, положеніе ея всегда остается шаткимъ.

Таковъ естественный ходъ внутреннихъ переворотовъ, происходящихъ въ государствахъ. Нарушеніе законнаго порядка всегда влечетъ за собою долгія колебанія въ противоположныя стороны; новыя учрежденія упрочиваются съ большимъ трудомъ.

Меньшія препятствія встрѣчаютъ революціи, направленныя противъ чужеземной власти, когда подчиненное государство отлагается отъ другаго и образуетъ независимое цѣлое. Главная трудность состоитъ здѣсь въ побѣдѣ надъ сильнѣйшимъ врагомъ, при неорганизованныхъ средствахъ и раздорахъ, возникающихъ послѣ всякой неудачи. Однако, внѣшняя опасность скорѣе приводитъ народъ къ единодушію и къ необходимости подчиненія одному вождю. Чужеземная власть рѣдко имѣетъ много приверженцевъ въ странѣ, а потому здѣсь нѣтъ внутреннихъ, разлагающихъ элементовъ, которые составляютъ неизбѣжное зло всякой революціи, направленной противъ собственнаго правительства. При побѣдѣ, можетъ быть опасно честолюбіе счастливаго полководца; однако, замыслы его находятъ менѣе поддержки въ

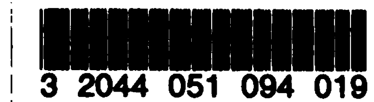
народѣ, когда не представляется необходимости совладать съ внутреннею анархіею. Притомъ, граждане охотно стоятъ за права, вырванныя изъ рукъ чужеземцевъ. Поэтому, въ государствахъ, образующихся вновь, революціонныя конституціи имѣютъ болѣе залоговъ прочности, нежели въ другихъ. Особенно въ небольшомъ государствѣ, окруженномъ врагами, самое его положеніе побуждаетъ гражданъ къ умѣренности и заставляетъ ихъ благоразумно держаться разъ установленнаго порядка. Примѣръ Бельгіи показываетъ, до какой степени успѣшно можетъ быть развитіе чисто революціонныхъ конституцій. Еще благопріятнѣе обстоятельства тамъ, гдѣ страна и прежде уже пользовалась значительною степенью автономіи, такъ что не нужно сочинять совершенно новаго устройства, а достаточно организовать существующія учрежденія. Здѣсь ручательство за успѣхъ еще сильнѣе, ибо есть признанныя всѣми данныя, около которыхъ группируются различныя направленія; самая жизнь указываетъ путь, по которому слѣдуетъ идти. Конечно, и здѣсь неизбѣжны политическія партіи и споры; но они менѣе опасны, нежели тамъ, гдѣ нужно все созидать вновь, а потому представляется полный просторъ безконечному разнообразію мыслей. Примѣры такихъ конституцій, съ историческими основами, представляютъ Нидерланды по отложеніи отъ Испаніи, и Сѣверо-Американскіе Штаты, гдѣ демократія лежала въ учрежденіяхъ, гораздо прежде, нежели она сдѣлалась источникомъ верховной власти.

Такимъ образомъ, исторія не допускаетъ безусловнаго отрицанія революціонныхъ конституцій; но она указываетъ на препятствія и опасности, съ которыми сопряжено упроченіе правъ, пріобрѣтенныхъ политическими переворотами. Примиреніе различныхъ общественныхъ элементовъ, необходимое для правильнаго хода конституціонной жизни, совершается несравненно труднѣе тамъ, гдѣ эти силы вели между собою борьбу на жизнь и на смерть. Сѣмена ненависти и раздора сохраняются долго послѣ междоусобій, и общество не скоро оправляется отъ потрясеній, поколебавшихъ самыя его основы. Осуждаемая съ точки зрѣнія права и закона, революція и въ политическомъ отношеніи всегда остается зломъ. Поэтому, она никогда не можетъ быть знаменемъ добраго гражданина. Цѣлью его всегда должно быть законное развитіе учрежденій, при мирной борьбѣ мыслей, при дружномъ дѣйствіи правительства и народа. Жизнь можетъ иногда

идти другимъ путемъ; неизбѣжная въ ней борьба нерѣдко ведетъ къ потрясеніямъ; произволъ и своеволіе искажаютъ правильный ходъ исторіи. Но отклоненіе отъ истинныхъ началъ никогда не проходитъ даромъ и всегда влечетъ за собою безчисленныя бѣдствія.

КОНЕЦЪ

ОГЛАВЛЕНІЕ.

3 2044 051 094 019

